

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ
ПОБЕДОНОСЦЕВ
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Том II

*воспоминания
мемуары*

МИНСК
ХАРВЕСТ
2003

УДК 947
ББК 63.3(2)
П 41

Серия основана в 2000 году

П 41 **К. П. Победоносцев** и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. II.— Мн.: Харвест, 2003.— 672 с. (Воспоминания).

ISBN 985-13-1178-2.

Во втором томе представлена переписка обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева за 1884—1894 гг. Кроме того, в Приложении опубликованы письма Александра III в бытность его цесаревичем к Победоносцеву, относящиеся ко времени преподавательской деятельности последнего в царской семье.

УДК 947
ББК 63.3(2)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.10.02.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать

высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 35,28.

Тираж 3000 экз. Заказ 4211.

ISBN 985-13-1178-2

© Харвест, 2003

364

Прошу Вас очень, любезный Константин Петрович, составить для меня ответ Москве. Обыкновенно их пишет Танеев, когда нет ничего особенного, но на этот раз надо ответить хорошо, и поэтому обращаюсь к Вам.

26 февр. 1884 г.

Ваш А.

365

20 марта 1884 г.

Любезный Константин Петрович.

Прошу Вас очень составить проект манифеста ко дню совершеннолетия наследника. При этом прилагаю манифесты 1834 г. и 1859 г.

А.

366

26 марта 1884 г.

Посылаю Вам в дополнение манифест на день мой присяги, хотя он был составлен в совершенно исключительных обстоятельствах.

А.

367

Для курьеза посылаю Вам письмо, полученное мною от Пашкова. Даже жаль его, до чего он спятил.

17 июня 1884 г.

Из Петергофа.

А.

368

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, пошлите это письмо к князю В. П. Мецжерскому.

20 июля 1884 г.

Петергоф.

А.

369

В воскресенье, 12 августа, в Ропше я желаю собрать совещание по университетскому уставу, так что тогда и простимся с Вами.

Насчет помещения в Ливадии я согласен и переговорил об этом с гр. Воронцовым. О часе совещания в Ропше получите от гр. Толстого.

8 августа 1884 г.

А.

370

Телеграф в Смоленске Принята с аппарата
Из Новогеоргиевска № 80. 31 августа 1884 г.

Телеграмма № 139.

Подана 31-го 1 ч. 50 м. пополун.

Сердечно благодарю за поздравление; посетил женское духовное училище в Вильне, очень понравилось.

Александр.

371

Телеграф в Ялте.

Телеграмма.

№ 573. Слов 27. Подано в Петергофе сентября 24-го 1884 г. 8 ч. 20 м. по п.н. Получено в Ялте сентября 24-го 1884 г. 9 ч. 45 м. по п.н.

Ливадия.

Константину Петровичу Победоносцеву.

Очень благодарю за интересное письмо и фотографии. Наслаждаемся великолепной, почти летней погодой.

Радуюсь, что довольны Вашим пребыванием в милой Ливадии.

Александр.

372

Любезный Константин Петрович, дайте знать, пожалуйста, князю В. П. Мещерскому, что я могу принять его в понедельник в 12 ч. здесь, в Гатчине.

20 октября 1884 г.

А.

373

Телеграф в Риге.

Принята с аппарата II № 22/70
со ст. Пбг. 29/X 1884 г.

Телеграмма № 823.

Подана 29-го 12 ч. 5 м. по п. н.

Радуюсь освящению собора в Риге и что почтенный старец митрополит Платон мог присутствовать при этом торжестве.

Александр.

374

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, пошлите эти 300 р. кн. В. П. Мещерскому на елку для бедных детей, которую он устраивает. Простите за докучливость.

20 декабря 1884 г.

А.

375

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

Сейчас только попалась мне записка по делу, назначенному сегодня к слушанию в 1-м общем собрании сената, об увеличении штатов жандармской команды.

Дело это весьма поучительно. Оно подтверждает еще раз мою мысль о том, как важен вообще для правительства состав сенаторов в 1-м д-те сената.

Обратите внимание на это дело, которое, полагаю впрочем, уже известно вам.

Душевно уважающий и преданный

27 января 1884 г.

К. Победоносцев.

376

Искренно благодарю Вас за поздравление и сожалею, что не увижу Вас завтра. Когда поправитесь, приезжайте ко мне повидаться в Гатчину.

А.

Примите, Ваше императорское величество, мое сердечное поздравление с наступающей годовщиной Вашего рождения. Дай Боже Вам здоровья и радости на многие годы.

Сокрушаюсь, что не могу видеть Вас в этот день и лично поздравить. Я пролежал шесть дней в постели с бронхитом, недавно еще встал, и доктор не выпускает меня на воздух.

25/26 февраля 1884 г.

Константин Победоносцев.

377

Празднуя сегодня день своего рождения в первый раз по совершившемся в прошлом году свящ. коронации, я вспоминаю с умилением и с благодарностью Богу тот день, когда в стенах Кремля собрались, в лице первых людей своих, все сословия империи, в едином чувстве любви к отечеству и веры в неразрывный союз с самод. царскою властью. Радуюсь новому свидетельству этого чувства, представленному мне сегодня через Вас от всех сословий первопрестольной столицы и прошу Вас передать ей сердечный привет мой.

Глубоко веруя в искренность и горячность этого чувства, свойственного каждому русскому без различия сословий, я молю Бога, да поможет всем, совокупно с двор-твом, издревле и прежде всех призванным нести службу государству, — соединить дружные усилия на дело сего служения, в духе бескорыстной верности долгу каждого звания перед престолом и отечеством.

378

Очень Вам благодарен за составление проекта манифеста. Я выбрал последнюю редакцию.

А.

Имею честь представить Вашему императорскому величеству проект манифеста на день присяги государя наследника цесаревича.

Молебное пение на этот день, по особому чину, уже отпечатано и будет на днях мною представлено Вашему величеству.

С.-Петербург.

19 апреля 1884 г.

Константин Победоносцев.

379

Любезный сын наш и наследник российского престола цесаревич Николай Александрович в нынешний день, по милости Божьей, достиг возраста совершенных лет, основными законами установленного.

Ныне же, по совершении благодарственного Господу Богу молебствия, его императорское высочество, во исполнение закона, принес в присутствии нашем установленную присягу на верное служение нам и отечеству.

Благодаря Всевышнего за великую его милость и благоговя перед промыслом его о судьбах царя и царства, — возвещаем о сем радостном событии всем верным нашим подданным, уповаем, что вся Россия соединится с нами в общей усердной молитве, да утвердит Господь юную душу первенца и наследника нашего в обетах великого служения, волей Божьей ему предназначенного, да водворит в сердце его и разум — правду свою и мудрость, и да осенит его благодать Божья, просвещающая и укрепляющая на всякую добродетель.

380

Пон. 19 сентября 1884 г.

Благоговя перед промыслом Всевышнего о судьбах царя и царства, возвещаем о сем радостном событии всем верным нашим подданным. Не сомневаемся, что все единодушно соединятся с нами в общей усердной молитве, да утвердит Господь юную душу первенца и наследника нашего в святых обетах великого служения, волею Божьей ему предназначенного; да водворит в сердце его и разум — правду свою и

мудрость, и да осенит его благодать Божья, просвещающая и укрепляющая на всякое благое намерение и правое дело.

Уповаю на милость Божию, верим, что услышана будет всеобщая усердная молитва.

381

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

В сегодняшнем номере «Гражданина» на стр. 4 и 5 благоволите обратить внимание на выписку из газеты «Днепр».

Странно:

1. Неужели князь Долгорукий — по правде, странный человек — произносит при объездах бестактные речи?

2. Неужели местная цензура одобряет к напечатанию статьи газеты «Днепр», вроде приведенной?

Душевно уважающий и преданный

29 апр. 1884 г.

К. Победоносцев.

382

Я очень хорошо помню все это и просьбу тогда же передал жене, но она наверно забыла. Посылаю при этом 500 р., которые прошу переслать ей.

А.

С месяцю тому назад я имел честь лично представить Вашему императорскому величеству всеподданнейшее письмо несчастной 17-летней девочки Ольги Ушаковой, которая с десятилетнего возраста лежит без ног и не может поправиться.

Она дочь классной дамы в Смольном институте и, быв лично известна принцу Петру Ольденбургскому, пользовалась его благодеяниями, так как мать ее, получая всего 30 р. в месяц, других средств не имеет. Принц давал ей от себя средства для летнего лечения и поместил ее в детскую больницу, откуда наконец в прошлом году ее выписали, так как хронических больных там держат лишь до известного возраста. Теперь она находится в институте у матери, которая едва в состоянии и себя прокармливать.

С наступлением лета необходимо вывезть ее на чистый воздух, но средств для этого нет. Девочка такая хорошая и такая жалкая, что нельзя не принять в ней участие. Не имея иного способа, она обратилась с письмом на имя государыни о пособии. Я докладывал о сем Вашему величеству, что пособие руб. в 400—500 было бы великим благодеянием для бедной, и Вы изволили изъявить согласие.

10 мая 1884.
Петербург.

Константин Победоносцев.

383

По делу о венчании великого князя Сергея Александровича 3 июня в заговенье, поутру, препятствий не встречается. Если разрешается в подобных случаях венчанье частным лицам, то нет повода с церковной точки зрения находить затруднения при венчании великого князя.

Но нелегко удовлетворить желание великого князя Николая Николаевича. Дворянка Николаева, без сомнения, понуждает его, и он усиленно хлопочет об этом деле.

Третьего дня, в среду, его высочество был у митрополита и оттуда заезжал ко мне за тем же делом. Он настоятельно просит, чтоб дело устроилось к 28-му мая, так как в тот день исполнится 16 лет его дочери. Совестно было рассуждать об этом с великим князем; но я объяснил его высочеству, что в этом деле невозможно упоминать ни его имя, ни — тем более, имя Вашего величества. Я посоветовал, чтоб дворянка Николаева написала и прислала от своего имени просьбу на имя митрополита, и великий князь уехал с надеждой, что дело вскоре устроится.

Но сегодня я был у митрополита и нашел его в смущении, с просьбой дворянки Николаевой, где в нескольких строках изложено, что она *не может* бывать в приходских церквях и потому просит разрешить ей домовую церковь.

Что мне делать, говорит митрополит. Дело это лежит у меня два месяца; великий князь не перестает просить. Я думал выйти из затруднительного положения, представив дело на разрешение синода, со ссылкой на высочайшее соизволение, объявленное мне великим князем. Теперь, по этой просьбе дворянки Николаевой, я сдам дело в консисторию, а консис-

тория по закону должна будет отказать ей. Закон (49 ст. устава духовн. консисторий) говорит: «Устройство церквей в домах для лиц, *приобретших право на особенное уважение* и не могущих посещать приходские храмы *по преклонным летам и болезненному состоянию*, разрешается епархиальными архиереями». Всем известно, кто такова дворянка Николаева, и что об нас скажут, если мы в таком месте разрешим устройство престола и домашней церкви.

Трудно возражать архиерею на такое рассуждение, на законе основанное. Признаюсь, что когда последует отказ, мне будет невозможно взять на свою совесть уговаривать или убеждать митрополита, а великий князь несомненно станет обращаться ко мне: эта женщина не даст покоя.

14 мая 1884 г.

Константин Победоносцев.

384

Имею честь представить Вашему императорскому величеству правила о церковноприходских школах, подготовленные по тщательном соображении предмета и по совещании со сведущими людьми.

Если Вашему величеству благоугодно будет утвердить оные, не благоволите ли означить это на верху текста надписью: «согласен», или «утверждается».

По введении этих правил в действие остается возбудить и одушевить, по возможности, духовенство к ревностному участию в этом важном деле. При скудности их содержания необходимо иметь возможности к вознаграждению законоучителей; но средства для этого крайне ограничены, и я не оставляю, при первой возможности, ходатайствовать о назначении хотя некоторого дополнительного пособия из государственного казначейства.

Но теперь для нравственного возбуждения местных деятелей весьма важно для них будет сознание, что на скромное это дело, совершаемое в самых отдаленных углах, обращено особое внимание Вашего величества. Посему я считал бы великою помощью этому делу, если б Вашему величеству благоугодно было на всеподданнейшей записке моей выразить в

нескольких словах надежду, что православное приходское духовенство в важном лежащем на нем деле законоучительства окажется достойным своего высокого призвания.

12 июня 1884 г. Петербург. *Константин Победоносцев.*

385

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

Из Москвы доходит до меня слух, будто кн. Долгоруков задумал, ради празднования столетия дворянской грамоты, собрать в Москве на какой-то собор со всей России представителей дворянства. Пишут, будто он уже вошел об этом с каким-то представлением. Не знаю, как Вы на это смотрите, многоуважаемый граф, но я крайне опасаюсь осуществления этой мысли, весьма приятной для тщеславия кн. Долгорукова, но весьма неблагонадежной. Вам известно, что в числе предводителей есть люди и крайне бесхарактерные, и шатающиеся в мыслях, и прямо сбитые с толку. Бог знает, какие вопросы поднимутся на подобном совещании, и во всяком случае много будет речей и шуму, собственно не имеющего цели. Явятся подставные ораторы, поднимется болтовня в газетах на все лады. Ваше дело рассудить, что может из сего выйти, но я представляю свои недоумения на Ваше благоусмотрение.

Искренно желаю, чтоб эти строки застали Вас в должном здоровьи и весь дом Ваш.

Душевно уважающий и преданный

11 июля 1884 г.
Петербург.

К. Победоносцев.

386

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

В последний раз, при разговоре нашем о 1 д-те сената, Вы спрашивали меня о сенаторах, которые могли быть туда назначены.

По мнению моему, из 1-го д-та *необходимо* взять прежде всего *Сабурова*. Его присутствие в особенности вредно. Он человек слабого ума, но сильного о себе воображения, подвер-

жен либеральным галлюцинациям, граничащим иногда с умственным расстройством.

Таково мое об нем мнение.

Затем следовало бы взять оттуда или *Мордвинова*, или *Абазу*, но преимущественно первого. Оба они происхождения: Мордвинов — таможенного, Абаза — врачебного, и оба путаются в политических вопросах под либеральным облаком. Но Мордвинов хитрее и дальновиднее Абазы.

Думаю, что не столь важен Арцимович, как Сабуров и эти два.

Что касается до сенаторов, коими можно было бы пополнить состав д-та, то я приведу следующие имена.

Ник. Петр. *Семенов*. Он не очень больших способностей, но много работал и имеет здравые понятия об отношениях властей, что заявил между прочим недавно статьей в редакцию «Вестника» о судебных учреждениях. Он присутствует теперь в общ. собрании, но думаю, что не отказался бы пойти в 1-й д-т.

М. Ф. *Гольтгоер*, человек благоразумный и спокойный.

Лерхе — бывший долгое время новгородским губернатором.

Тизенгаузен — Николай — заседает в угол. касс. д-те. В 50-х годах был из числа передовых, но в 70-х обратился к совершенно противоположному направлению.

Наконец, — или правильнее, впереди всех я поставил бы Ф. М. *Дмитриева*, коего близко знаю и уверен, что он, имея большой ум, знание и опытность в делах местного управления, и значительный помещик, будет благоразумнейшим и полезнейшим из сенаторов — именно в 1-м д-те.

Душевно уважающий и преданный

23 нояб. 1884г.

К. Победоносцев.

Могу назвать еще Коробьина, коего Вы знаете.

387

По прочтении возвратите мне.

27 ноября.

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

Не знаю, дошло ли до Вас известие о великом скандале в Казани с губернатором Андреевским, но сегодня и в госуд.

совете, и в обществе я только и слышу, что рассказы об этом, повторяемые с изумлением и негодованием. Почитаю не лишним сообщить Вам об этом. Андреевский давно мне был известен, как пьяница и безобразный циник, — но такого бесчинства трудно было ожидать. А как в настоящем случае — объектом безобразия была дама всем известная и жена генерал-адъютанта начальника округа, то без сомнения и она молчать не будет. Бедная Казань — вытерпевшая сначала Гейнца, потом Черкасова и, наконец, Андреевского.

По всей вероятности, последняя история дошла уже до Вас, но я, вернувшись из госуд. совета, все-таки спешу сообщить свое впечатление.

Душевно уважающий и преданный

27 ноября 1884 г.

К. Победоносцев.

388

Я согласен на предполаг. распределение этой суммы.

А.

По смете духовного управления назначается ежегодно сумма 2000 рублей на известное *Вашему величеству* употребление. Сумма эта испрошена была в прежнее время, по ходатайству великого князя Константина Николаевича, на ежегодное вспоможение французу, бывшему аббату Мишо, не имевшему никакой для России заслуги, кроме того разве, что отрекся от папы, оставаясь католиком. В 1880 году стало известно, что он имеет достаточно средств, живя в Швейцарии, и в следующем году выдачи ему прекращены. Сумме этой дается с тех пор другое, более разумное употребление, с разрешения Вашего величества.

На нынешний год позволяю себе представить на одобрение Вашего величества следующие о сей сумме предположения:

1. Года три тому назад выехал на Кавказ из Урмии (в персидских владениях) айсорский (несторианский) епископ Гавриил. Он был и здесь в Петербурге, ходатайствуя, чтоб приняли его — епископом же — в русскую церковь со всем айсорским народом. Язык его — халдейский, которого никто здесь не по-

нимает, кроме привезенного им с собой переводчика, да и он человек совсем простой, без малейшего образования. Просьба его, конечно, не могла быть исполнена, хотя ему очень желательно было остаться в России в качестве епископа, причем он объяснял, что опасно ему вернуться на родину. В Тифлисе и здесь архиереи содержали его на свой счет. Наконец, он решился вернуться домой и стал просить пособия на дорогу. Кн. Дондуков усердно настаивал на необходимости помочь ему, потому, тем более, что айсоры в множестве приходят в Тифлис на работы и что нам нужно поддерживать расположение айсорского народа и духовенства в Персии. Я решился выдать ему в пособие — меньше того, что просил кн. Дондуков, — 700 руб. и прошу дозволения отнесть их на эту сумму.

2. Из остальных денег я предполагал бы дать 500 руб. одному бедному, но усердному и способному преподавателю Ярославской семинарии Корсунскому на издание написанной им полезной педагогической книги и 800 руб. разделить между г. Крыжановским, очень способным человеком, почти безвозмездно и очень полезно трудящимся у меня по остзейскому и польскому делу, и г. Шемякиным, тоже работающим, за ничтожное вознаграждение, по устройству школ.

7 декабря 1884 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

389

Многоуважаемый Вас. Алекс.

Не стану входить с Вами в пререкание о правильности Ваших действий и о несправедливом будто бы порицании их правительством и прибавлю, без сомнения, всем правосл. русским народом. Об этом предмете я уже лично беседовал с Вами и вижу, что Вас невозможно вывести из пагубного Вашего ослепления.

Ограничусь здесь ответом на частные ваши вопросы, требующие ответа.

Мера правительства относительно деятельности общества, к коему Вы принадлежали, признанной крайне вредною и возмутительною, состоялась безвозвратно. Хотя я лично не сомневался никогда в настоятельной необходимости и полной

справедливости этой меры и не отрекся бы взять ее на личную свою ответственность перед Богом и перед людьми, — но в настоящем случае Вы напрасно приписываете ее одному мне исключительно: она принята единогласно по совещании многих министров и по соображениям не только церковного, но и политического свойства.

Последствием закрытия общества, признанного крайне вредным, — было отобрание всех изданных им книг и брошюр; ибо хотя некоторые из них в отдельности и могли быть пропущены цензурою, не подозревавшею особенной цели, к коей издания были направлены, — но все они, взятые в совокупности, представляли орудие хитро обдуманной и вредной пропаганды. Письмо мое к бар. Корфу, на которое Вы ссылаетесь, писано было летом 1880 года, когда я не подозревал еще тайной цели, с которой действовало общество в распространении сих изданий, и потому мог дать о некоторых книжках отзыв о их безвредности, — подобно тому, как могла ошибаться в подобных случаях и цензура.

Что касается Вашего требования о вознаграждении за отобранные книги, ценность коих по Вашему исчислению простирается до 21 т. руб. то я не могу признать его основательным в самом существе его. Вознаграждение возможно и справедливо там, где имущество отбирается незаконно или без законного основания. В настоящем случае книги отобраны распоряжением правительства, потому что они служили орудием для незаконных целей и для вреда, наносимого народу, служили обществу, которое признано вредным и уничтожено. Стало быть, здесь нет ни малейшего основания к вознаграждению. Впрочем, ныне производится тщательная разборка отобранных книг, и те из них, кои окажутся, независимо от деятельности уничтоженного общества, безвредными (напр., выписки из сочинений преосв. Тихона и т. п.), — могут быть возвращены книгопродавцу Гроте.

С совершенным почтением и проч.

Январь 1885.

Высочайше повелено приостановиться исполнением.

К. Победоносцев.

Константин Петрович.

Препровождая при этом проект воззвания к пожертвованиям на сооружение храма во имя Воскресения Христова, имею честь покорнейше просить представить таковой благоусмотрению святейшего правительствующего синода и испросить пастырского благословения на распространение этого воззвания в народе, при участии православного духовенства.

Я желал бы, если Ваше высокопревосходительство признаете это возможным, чтобы сборы производились по приходам местными церковнослужителями и затем через посредство епархиального начальства направлялись для хранения в хозяйственный комитет святейшего правительствующего синода, впредь до моего востребования на необходимые сооружения.

По получении благословения святейшего правительствующего синода я сделаю распоряжение, чтобы отпечатанные экземпляры воззвания были высланы прямо к епархиальным архиереям в достаточном количестве. Ваше высокопревосходительство, конечно, не откажется со своей стороны сообщить им об оказании содействия к распространению воззвания.

Считаю долгом довести до сведения Вашего, что высочайшее соизволение последовало на распространение воззвания, равно как и на повсеместные сборы на построение храма Воскресения Христова.

Пребываю к Вам навсегда доброжелательным.

12 декабря 1884 г.

В. А.

По воле государя императора, с благословения святейшего правительствующего синода и согласно всенародному желанию, в Петербурге будет построен храм Воскресения Христова, для вечного поминовения в Бозе почившего царя-благодетеля русского народа, государя императора Александра II.

Место, опозоренное страшным преступлением, да будет освящено молитвами всей России.

Подобно женам мироносицам, принесшим на гроб Христов драгоценное миро и ароматы, повергнем и мы наши дары на жертвенник святого храма сего.

Первые жертвы уже принесены помазанником Божиим, благочестивейшим государем императором Александром Александровичем и всею царственною семьею. Мы уверены, что за вождем своим последует вся земля русская и принесет свои посильные дары и сокровища. Когда же храм сей, изволением Божиим, будет окончен, верные сыны престола, отечества и церкви поставят в нем местночтимые святые иконы, зажгут пред ними неугасимые лампы на вечные времена.

Да не угасают эти светильники. Да останутся они последующим векам заветом народной любви и благодарности монарху-освободителю. Да просвещают они и отгоняют всякую тьму от земли русской. Скорбящие и обремененные! У плиты, обогрелой царскою кровью, найдете вы утешение в скорбях и силы на борьбу с ними.

392

Посылаю Вам, многоуважаемый Константин Петрович, для прочтения записку генерала Гурко. Возбужденные в ней вопросы будут рассматриваться в особом совещании у его величества, на которое, по всей вероятности, Вы будете приглашены.

По прочтении потрудитесь возвратить мне эту записку.

15 февраля 1884 г.

Д. Толстой.

393

Министр
Внутренних Дел.

Милостивый государь Константин Петрович.

Варшавский генерал-губернатор представил его императорскому величеству всеподданнейшую записку о положении высочайше вверенного ему края. Записка эта сообщена была мною для прочтения вашему высокопревосходительству.

Государю императору благоугодно, чтобы возбужденные в означенной записке вопросы рассмотрены были в присутствии его величества, в особом совещании, при участии Вашего высокопревосходительства, 8-го марта в четверг, в 11 часов, в Гатчине.

О сей высочайшей воле сообщая Вам, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

29 февраля 1884 года.

Граф Д. Толстой.
№ 129.

394

Возвращаю Вам, многоуважаемый Константин Петрович, письмо Аксакова. Я прочел его его величеству, и государь вполне верит искренности и правдивости Аксакова.

Искренно преданный

20 октября 1884 г.

Д. Толстой.

395

Милостивый государь Константин Петрович.

Не мог я раньше доставить Вашему высокопревосходительству проект постановления об «Отечеств. Записках» и «Новостях», потому что находился он у г. Плеве, который только сейчас доставил его мне. Не угодно ли Вам будет сделать в нем какие-либо изменения? Всякое Ваше указание будет принято с величайшей благодарностью. Но соблаговолите возвратить мне означенный проект, если возможно, завтра до 2 часов утра, ибо надо его переписать и заблаговременно отправить к графу Д. А. Толстому.

Прилагаю при сем письмо ко мне киевского цензора Рафальского и выдержку из его прежнего письма о книге г. Петрова.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

11-го апреля 1884 г.

Е. Феоктистов.

396

Посылаю тебе книгу; в непродолжительном времени доставлю и записки.

Ты, без сомнения, читал статью Каткова, обвиняющего гос. канцелярию, т. е. меня, в тайном сопротивлении полезным мероприятиям правительства.

Конечно, г. Катков не мог слышать моих разговоров и внушений моим подчиненным, не мог сравнить массы лежащей на них работы со средствами, нам уделенными, конечно, он не в состоянии знать таких фактов, как, напр., что по недостатку канцелярских средств я отдал свое собственное жалованье на усиление канцелярской суммы для ускорения переписки по рассматриваемым ныне делам, следовательно, в том числе и университетского дела.

Как бы то ни было, факт тот, что единственный покровительствуемый правительством журнал взводит на государств. канцелярию обвинения почти что в государственной измене. Не знаю, в какой мере такое журнальное белое популярничанье входит в виды правительства, быть может, желающего упразднить госуд. совет и заменить его редакцией «Московских Ведомостей», но я не предполагаю переносить покровительствуемую правительством брань и, при первом повторении подобных статей, не стану подражать Набокову, утирающемуся, когда ему плюют в лицо, и попрошу назначить в гос. секретари кого-нибудь по выбору Каткова.

Мне передают, что м-во нар. просв. довольно редакциею и просит лишь весьма незначительных изменений.

Жму твою руку

8 мая 1884 г.

А. Половцов.

397

Назначение Сарджента очень неприятно, но что делать. К счастью, можно предвидеть, что он не останется здесь более года, — потому что новый президент раздаст дипломатические посты своим партизанам. Впрочем, мы будем настороже и, надеюсь, сумеем справиться с Сарджентом.

Искренно преданный

16 марта 1884 г.

Н. Гирс.

398

Слава Богу. Везде есть хорошие люди, хотя их и немного. К добрым людям принадлежит, вероятно, и Сумароков.

Я должен объяснить, что программа городских училищ пересматривается. Теперь Забелин занимается упрощением многосложной машины, нагроможденной в киргизских степях.

Забелина Вы знаете; я на него не очень-то надеюсь. Он человек благонамеренный, но сумасбродный. Не понимаю, почему им пленился Черняев. Вероятно, его пленили славянофильские тенденции Забелина.

Удивляюсь, как он, будучи сам из духовных семинаристов, не заботится о том, чтоб в наших складах находились духовно-нравственные книги. Я ему о сем напишу, не называя источника.

Из всего видно, что во всех пунктах России большинство нравственно, т. е. в политическом смысле, здорово. Петербург — вот зараза; суды — вот другая. Не справимся мы с нашим делом, если судебная часть не изменится.

Душевно преданный

2 января 1884 г.

И. Делянов.

399

Распоряжение о неслужении панихид в известных случаях мною сделано. Желательно знать, когда именно служили панихиду по Тургеневе в Саратове. Вероятно, число означено в бумаге преосвященного. Очень жалею, что прилагаемое при сем распоряжение м-ва не было еще тогда известно саратовскому учебному начальству. Узнав число, я мог бы справиться по этому предмету через попечителя.

Дозволяю себе напомнить Вам о редакции статей относительно ректора и деканов. Сегодня кончил рассмотрение всех статей за исключением тех, коих рассмотрение было отложено.

Душевно преданный

5 января 1884 г.

И. Делянов.

400

Я отправил записку о ректоре и деканах к графу Д. А. прося его прочесть оную и назначить время, когда бы о ней потолковать совокупно с Вами и Т. И. Филипповым. Как трудно стало усиливать власть в самодержавной России! Что-то будет, когда настоящий или будущий министр юстиции явится в государственном совете с проектом изменения судебных уставов? Нет мук ада, которых не сочтут его достойным.

Душевно преданный

6 января 1881 г.

И. Делянов.

401

Лебединцев просил меня о субсидии, но я его просьбу отклонил. После того он просил о субсидии гр. Толстого, и граф хотел было дать ему оставшиеся у него свободными 12 т. руб., но я через посредство Феокистова убедил графа Д. А. дать эту сумму Авсеенко для издания «Спб. Вед.», ее первые 3 м-ца (октябрь, ноябрь и декабрь 1883 г.). Граф на это согласился. На днях я слышал от Г. П. Галагана, что он упросил графа Д. А. и в особенности Н. Х. Бунге, дать субсидию Лебединцеву, говоря, что он, Галаган, признает «Киевскую Старину» весьма полезным журналом. Что касается меня, то я совершенно согласен с Вами. На генерала Феофана¹ не возложу своих надежд.

Душевно преданный

И. Делянов.

402

Нельзя ли от почтенного С. А. Рачинского узнать — из какой учит. семинарии вышли оказавшиеся испорченными семинаристы.

Все, что Вы говорите о М. Н. Нолле, совершенно справедливо. Она вправе отказать: но мы, со своей стороны, конечно, по чувству деликатности, не могли сами отклонить сделанное ей предложение.

¹ Феофан Лебединцев.

Душевно радуюсь, что Вам и Е. А. лучше. Она должна беречься. Простуда ужасно действует: вся болезнь, которая свела жену Чистовича в могилу, произошла от сильной простуды, которую она получила, глядя на погребение Тургенева.

Душевно преданный

11 января 1884 г.

И. Делянов.

403

Сегодня был у меня киевский цензор Рафальский. Он знает более или менее все литературные киевские шашни, а потому и удивляется, что дана субсидия Лебединцеву.

Рафальский говорит, что в «Киевской Старине» постоянно сотрудничают Драгоманов (под названием Толмачева), Житецкий, Волков, Горленко и т. п. господа.

Душевно преданный

16 января 1884 г.

И. Делянов.

Достается же от «Московских Ведомостей» нашей юстиции. При свидании сообщу Вам интересный разговор.

404

Вчера на балу у Нечаева-Мальцова министр юстиции мне сказал, что он в высшей степени озабочен положением конца безобразным решением судов и дал решительное приказание директору департамента как можно скорее окончить изготовленное по этому предмету представление в государственный совет. Д. Н. ужасно расстроен получаемыми ежедневно телеграммами об оправданиях, противных законам божеским и человеческим. Я ему на это мог только отвечать, что он в этом отношении может рассчитывать на поддержку всех благомыслящих людей.

Считаю долгом сообщить Вам о возбужденной во мне радостной надежде.

Душевно преданный

12 февраля 1884 г.

И. Делянов.

405

Ив. Д. Десянов. Он рад. Но в гос. сов. не приехал, а прислал Волхонского, который подал голос за элеваторы.

Да благоденствует Россия и начертят наши имена. Кто бы ни внушил государю поступить так, как он решил, по делу элеваторов, — все равно. Слава Богу, что так решил.

Душевно преданный

18 марта 1884 г.

И. Десянов.

406

Не смущайтесь, глубокоуважаемый Константин Петрович. Все, что Вам сообщено об Аничкове, неверно. Сообщения эти сделаны частью добрым, но несколько сумбурным Шемякиным (в сумбурности его удостоверился В. К. Саблер из доставленных ему бумаг по ревизии Вытегорской учительской семинарии, которая состояла в управлении Шемякина), а частью, может быть, и другими par *jalousie de métier*.

Я знаю Аничкова с 14-летнего возраста учеником 3-й гимназии, когда я был попечителем. На него мне указал впервые преосвященный Гермоген, бывший в то время законоучителем гимназии, и даже в последнее время, будучи архиереем, говорил мне, что он с удовольствием бывает на экзаменах, где присутствует окр. инспектор Аничков, потому что он, по твердому знанию закона Божия и славянского текста, очень ему облегчает труд экзамена. Затем я знал Аничкова студентом, директором новгор. гимназии и окр. инспектором. Почтенный и один из лучших наших законоучителей протоиерей Соколов, которому, в возмездие за его превосходное преподавание и нравственное влияние, по моему ходатайству, зачтено 15 лет епархиальной службы в учебную, еще недавно говорил мне, что он жалеет об оставлении Аничковым новгор. гимназии. Не станет же он сожалеть о выбытии человека неверующего, равнодушного к вере.

Я часто думаю о предстоящем, но всегда утешаю себя тем, что, в случае моего добровольного выбытия, я сам посоветую государю не полагаться единственно на меня при избрании мне преемника, а переговорить с доверенными людьми, и

только тогда решиться на выбор, когда канонический процесс (говоря по-папски) над имеющимся в виду лицом даст об нем полное и несомненное понятие.

Пост министра нар. просвещения для будущности России слишком важен, и ответственность министра перед Богом слишком громадна для того, чтоб можно было заместить эту вакансию без всестороннего рассмотрения. Если же я, по какому-либо случаю, буду в опале или умру, то, конечно, и Вы, и другие, радеющие о благе России и близкие к государю люди, не оставите его без доброго совета и всяческого содействия к приисканию потребного человека. Все эти рассуждения меня успокаивают и, надеюсь, могут успокоить и Вас. Дай Бог только, чтоб около государя было побольше людей, которые не искали бы своих си и помнили бы слова апостола Павла — подвижайся добрым подвигом веры, емлися за вечную жизнь, в нуже и зван был еси.

Душевно преданный

7 мая 1884 г.

И. Делянов.

Виноват, записался.

Не поехал на обед, потому что племянник мой гр. Нирод при последнем издыхании.

407

Милостивый государь Константин Петрович.

Полагая, что Вам будет любопытно просмотреть резолюцию комитета министров по делу о мерах против беспорядков в высших учебных заведениях, считаю долгом препроводить экземпляр оной к Вашему высокопревосходительству.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам, милостивый государь, отличное мое уважение и искреннейшую преданность.

11 февраля 1884 г.

А. Куломзин.

Резолюция эта хотя и напечатана, ибо по ее размерам нельзя было этого избежать, но при особой обстановке: в ограниченном количестве экземпляров и корректуру держали не в типографии, а в канцелярии комитета министров.

№ 23.

Совершенно секретно.

Проект резолюции

по вопросу о мерах к устранению беспорядков в высших учебных заведениях.

Приступив, во исполнение высочайшего Вашего императорского величества повеления, к рассмотрению настоящего дела в присутствии их императорских высочеств великих князей Владимира Александровича, Алексея Александровича и Николая Николаевича Старшего, комитет выслушал сделанный статс-секретарем Островским подробный обзор как причин, вызвавших возбуждение вопроса о мерах к устранению беспорядков в высших учебных заведениях, так и тех соображений, которые привели учрежденное Вашим величеством совещание к заключению, ныне переданному на обсуждение комитета министров.

Непрерывно следовавшие друг за другом осенью 1882 года беспорядки в университетах: казанском, с.-петербургском и харьковском, отразившиеся сходкою в с.-петербургском лесном институте, указали на необходимость рассмотрения вопроса о том, какие общие меры могли бы быть приняты к устранению на будущее время подобных прискорбных явлений в стенах высших учебных заведений. Вследствие сего Вашему императорскому величеству благоугодно было, по всеподданнейшему докладу министра государственных имуществ, высочайше повелеть, чтобы означенный вопрос был рассмотрен в особом совещании из министров: внутренних дел, народного просвещения, путей сообщения, военного и государственных имуществ, управляющего морским министерством и обер-прокурора святейшего синода. В первом же заседании этого совещания (20 ноября 1882 г.), когда первоначально заявленная мысль об обязательном привлечении участников в помянутых беспорядках к отбыванию воинской повинности встретила решительный отпор со стороны генерал-адъютантов Ванновского и Шестакова, предложено было подвергать, по крайней мере отдаче в дисциплинарные батальоны, тех из воспитанников высших учебных заведений, которые за свое дерзкое поведение и грубое неповиновение начальству не только

заслуживают исключения, но и требуют особых мер для их исправления. Разработка этого предположения была возложена совещанием на особую комиссию под председательством товарища министра народного просвещения из представителей министров: внутренних дел, народного просвещения, военного и государственных имуществ.

Из заявленных членом комиссии от военного министерства данных выяснилось, что отдача в дисциплинарные батальоны есть исправительное наказание, соединенное с лишением некоторых прав и преимуществ; что оно налагается по военному суду исключительно за преступные деяния по службе военной и что самое содержание в упомянутых батальонах уподобляется содержанию в тюрьме, даже с более строгой дисциплиною, чем тюремная. Ввиду сего комиссия нашла это наказание, особенно для лиц привилегированных сословий, слишком строгим, так как лица эти, за непривычкую их к занятиям ремесленным, должны были бы производить в батальонах самые тяжкие и грязные работы и подвергались бы за малейшие во время пребывания в ротах проступки суровым наказаниям; лица же непривилегированных сословий, к коим принадлежит немалая часть учащихся, могли бы подлежать с отдачею в батальоны наказаниям телесным. Остановившаяся засим на вопросе о том, на какие именно категории учащейся молодежи могла бы быть распространена отдача в дисциплинарные роты, комиссия признала, что лица, вызывающие своим поведением принятие таких мер, которыми не располагают сами учебные заведения, могут быть подведены под четыре категории: 1) те учащиеся, которые дерзость свою доводят до поднятия руки на своих начальников и наставников; 2) зачинщики, подстрекатели, вожаки всякого рода беспорядков, совершаемых массою учащихся; 3) те учащиеся, которые были уличены в участии в делах политического свойства, и 4) масса более или менее пассивно участвующих в беспорядках. Из этих 4 разрядов комиссия признала, что отдача в дисциплинарные батальоны и роты могла бы быть применена лишь к лицам первой категории; между тем число таких преступников весьма незначительно: за все время 14-летнего управления министерством народного просвещения действительным тайным советником графом Толстым в высших учебных заведениях не было ни одного случая поднятия уча-

щимся руки против начальства, в средних же заведениях таких случаев было 2; с 1880 же года в высших учебных заведениях было 2 таких случая, а в средних — 6.

Признавая, таким образом, предположенное обращение в исправительные роты виновных в беспорядках учащихся в высших учебных заведениях не достигающим цели, комиссия указала на крайний вред, проистекающий от обычно принимаемых в подобных случаях мер. Виновных в беспорядках приходится удалять из заведения на год, на два, на три и высылать их на родину под надзор полиции. Между тем такое удаление виновных из заведения, временно прекращая беспорядки, вызывает, по заключению комиссии, новые для государства опасности в будущем, нередко весьма близком. Удаленные из учебных заведений молодые люди, по сделанному в комиссии заявлению директора департамента полиции, тайного советника Плеве, «представляют собой главный контингент, из которого крамола вербует своих деятелей. Многочисленные исключения, как последствия беспорядков в высших учебных заведениях, представляют как бы рекрутский набор, производимый крамолой в рядах учащейся молодежи. В бездействии, в нужде и лишениях, исключенные из учебных заведений молодые люди, жизнь которых оказывается разбитою в самом начале, ожесточаются против всего общественного и государственного строя и из них те, которые только склонялись прежде к учениям крамолы, теперь вполне проникаются ими, причем подвергшиеся административной ссылке уже в местах оной начинают оказывать вредное влияние на местное население, а по возвращении из ссылки, если успевают проникнуть снова в высшие учебные заведения, становятся деятельными агентами тайных обществ и в их духе действуют среди своих товарищей, растлевая их умственно и подстрекая их ко всякого рода беспорядкам, которые входят в расчеты революционной партии, в двояком отношении; во-первых, как легчайший и удобнейший способ вербовать своих агентов и, во-вторых, как средство до известной меры дискредитировать правительственную власть. Судебно-полицейская статистика свидетельствует, что беспорядки в высших учебных заведениях, происходившие в 1861 г., подготовили каракозовцев, беспорядки в 1869 г. и последующих годах — тех лиц, кото-

рые судились по так называемому процессу 193-х, и даже беспорядки 1880 г. не остались в этом отношении бесследными, так как два лица, из коих одно было убийцею генерала Стрельникова, а другое не успело принять в этом преступлении участия, по независящим от него причинам, были исключены из с.-петербургского университета, вслед за февральскими в нем беспорядками».

В целях соглашения представителем военного министерства было предложено установить общим правилом, что всякий окончивший курс в средних и высших учебных заведениях обязан отбыть воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося без жеребья. Но такая мера была признана несправедливою, имеющею характер гонения на просвещение и могущею породить крайнее неудовольствие и раздражение против правительства.

Останавливаясь на заключении о том, что с целью удержания учащейся молодежи от беспорядков наиболее целесообразным является привлечение в ряды войск виновных в таких беспорядках, большинство комиссии приняло во внимание, что мысль эта имела в виду министерством народного просвещения еще в 1879 г. Затем в 1880 г. главным начальником верховной распорядительной комиссии был возбужден довольно близко соприкасающийся с этой мерой вопрос об образовании из лиц, подлежащих вследствие своей политической неблагонадежности надзору полиции, особых военных команд в отдаленных местностях империи; но военное министерство признало неудобным учреждать команды из нижних чинов, заведомо неблагонадежных, так как подобные команды не могут быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о том, что собранные в такие команды лица, оставаясь постоянно в обществе людей одинакового превратного образа мыслей, могут не только взаимно поддерживать, хотя и в тайне, эти убеждения, но и измышлять систематически правила для преступного осуществления их намерений по окончании службы.

Засим большинство комиссии выработало окончательное по сему вопросу заключение, которое внесено было на обсуждение упомянутого выше совещания, в состав коего, по высочайшему Вашего величества повелению, вошел и министр юстиции.

Отказавшись от первоначального предположения отдачи всех виновных в беспорядках в высших учебных заведениях в дисциплинарные батальоны и роты, совещание в заседании 13 марта 1883 г. решило сохранить эту меру лишь для тех случаев, когда проступок, подвергающий ученика исключению, выходит из ряда обыкновенных и требует примерного наказания. Вместе с тем совещание предположило меру эту распространить в исключительных случаях и на воспитанников средних учебных заведений, если они достигли 18-летнего возраста.

Самая отдача в дисциплинарные батальоны должна совершаться не иначе, как по обсуждении проступка и по решению особой комиссии, которая могла бы быть с этой целью учреждена при департаменте полиции из представителей от министерств: юстиции, военного, внутренних дел, народного просвещения и того ведомства, к которому принадлежит подлежащий отдаче в дисциплинарные батальоны.

Порядок содержания означенных молодых людей в этих батальонах, по мнению совещания, должен быть определен на основании имеющихся быть выработанными военным начальством особых правил.

По отношению же к большей части молодых людей, подвергаемых за различные проступки и за участие в беспорядках исключению из высших учебных заведений, совещание, ввиду соглашения с военным министром и управляющим морским министерством, решилось принять предложение генерал-адъютанта Ванновского о том, чтобы таких молодых людей лишать всех приобретенных уже ими льгот по образованию, а равно и льгот по семейному положению, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающий от повинности номер, вновь обращать к вынугию жеребья; причем, в случае поступления на службу, обязывать таких молодых людей прослужить 6 лет.

При этом совещание, не отрицая возможности, чтоб мера эта могла удерживать молодых людей от беспорядков, не скрывало от себя слабых ее сторон, между прочим, и того, что упомянутое взыскание может в силу случайности, а именно жеребья, отразиться с особенною тяжестью на менее виновных и поглагоприятствовать наиболее участвовавшим в беспорядках.

На журнале совещания Вашему императорскому величеству благоугодно было выразить сомнение Вашего величества, чтоб мера эта оказалась достаточною, вследствие чего дело это было вновь обсуждаемо в среде совещания.

Отказавшись ныне от согласительного предложения, совещание в заседании 10 июня 1883 г. пришло к разномыслию, которое передано Вашим величеством на рассмотрение комитета министров.

По выслушании обзора сего председатель комитета обратил суждение оного к рассмотрению выразившегося в среде совещания принципиального различия во взглядах на возможность и пользу обращения некоторого числа исключенных из высших учебных заведений на обязательную военную службу, в видах их исправления и дисциплинирования.

По вопросу сему в комитете министров также выразились разные мнения.

14 особ (их императорские высочества великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович, Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич, генерал-адъютант граф Баранов, статс-секретари: барон Николаи, Сольский и Грот, действительный тайный советник Стояновский, генерал-адъютант Ванновский, действительный тайный советник Фриш, генерал-адъютант Шестаков и тайные советники Бунге и Влангали) признают, что привлечение исключенных из высших учебных заведений воспитанников к обязательному отбыванию воинской повинности, в видах их исправления, коренным образом нарушило бы действующий устав о воинской повинности в самых существенных его основаниях. Устав этот тем, главным образом, и отличается от прежнего рекрутского устава, что в основу его положено начало, в силу коего отбывание воинской повинности в рядах армии считается не только повинностью, но и нравственным долгом, «священною обязанностью» каждого русского подданного. Начало это в строгой последовательности проведено через все законоположение о воинской повинности; особенное же в этом отношении значение имеет заключающееся в уставе постановление о недопущении к жеребью и на службу лиц, лишенных всех прав состояния и всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных, — т. е. опороченных по суду. Суще-

ствующие в уставе о воинской повинности постановления о принудительном привлечении в войска лиц, уклоняющихся от отбывания повинности этой, членовредителей и др. не находятся, по мнению 14 особ, в противоречии с высказанным выше началом, так как привлечение это касается исключительно лиц, нарушающих действиями своими обязательность постановлений устава и справедливость по отношению к другим подданным государства в деле равномерного распределения между ними экономического бремени, сопряженного с отбыванием повинности.

Поэтому издание правила о принудительном обращении в войска известного разряда лиц как меры карательной и исправительной составило бы, по глубокому убеждению 14 особ, оскорбление для каждого военного и не могло бы не отозваться самым тяжелым образом на военном сословии, привыкшем считать военную службу высшею честью. На этом начале чести зиждется весь строй преобразованной, согласно уставу о воинской повинности, армии и вся ее дисциплина. В прежнее время тягость военной повинности лежала на низших сословиях, вследствие чего нравственное начало и не играло в армии той роли, как ныне, когда в рядах ее в качестве нижних чинов участвуют все сословия. В настоящее время немислимо поддерживать дисциплину одной грубой силой без одухотворяющего ее начала чести. Нарушение этого начала было бы мерою крайне опасною, последствия коей ныне нельзя было бы предвидеть в полном их объеме. Во всяком случае можно сказать, что предположенною мерою был бы поколеблен основной принцип столь важного для всего государства учреждения, как его армия.

Обращаясь к вопросу о том, насколько упоминаемая мера могла бы быть признана справедливою по отношению к тем молодым людям, на которых предполагается ее распространить, 14 особ усматривают, что лиц, совершивших во время пребывания в стенах высшего учебного заведения какое-либо общеуголовное преступление или изобличенных в участии в противоправительственном сообществе, предположенная мера не коснется. Лица эти понесут за деяния свои должное и соответственное по строгости своей возмездие. Принудительное же обращение на военную службу молодых людей, ис-

ключенных за участие в беспорядках по легкомыслию и горячности, не может, по мнению 14 особ, считаться мерою справедливою. Призыв в военную службу обставлен, в силу действующего закона, различными условиями, каковы: льготы по семейному положению и образованию, метанье жеребья, телесный осмотр. Лишение отдельных лиц упомянутых льгот не может быть рассматриваемо иначе, как лишение присвоенных им по закону прав, и потому не может не быть признано тяжким уголовным наказанием. Тяжесть этого наказания несомненно будет усугубляться тем, что оно будет наложено не общими судебными учреждениями, действующими по указу Вашего императорского величества, а в силу распоряжения административных властей. Если же принять в соображение, что наказанию этому предполагается подвергнуть молодых людей, уже понесших дисциплинарное взыскание в виде исключения временного или навсегда из высших учебных заведений, то следует прийти к заключению, что применение проектированной меры будет находиться в противоречии с правосудием, не допускающим двойного наказания за одно преступное деяние. Независимо от сего следует, по мнению 14 особ, принять во внимание, что принудительное обращение в войска является не только наказанием для молодых людей, ему подвергаемых, но и для самых семейств, к которым они принадлежат. Исключение из высшего учебного заведения не лишает еще молодого человека прав, приобретенных им полученным средним образованием, а тем менее возможности снискать себе пропитание своим трудом. Отдача же на военную службу может лишить семейство единственного кормильца и таким образом тяжело отразится на экономическом положении целой семьи.

Останавливаясь, наконец, на вопросе о целесообразности рассматриваемой меры, 14 особ считают прежде всего необходимым дать себе строгий отчет в том впечатлении, которое мера эта должна произвести на подвергаемую ей молодежь. Невозможно предположить, чтобы молодые люди, исключенные из учебного заведения, где они намеревались окончить курс наук, не почувствовали особого против правительства озлобления, когда вслед за исключением им будет предстоять еще принудительное обращение в войска и притом на срок

более или менее продолжительный. Наиболее из них виновные и зараженные анархическим духом вскоре найдут себе в новой среде обширное поле деятельности. Менее же виновные, участвовавшие в беспорядках учебного заведения исключительно по легкомыслию и горячности, войдут в армию ожесточенными, доступными всякому тлетворному влиянию. К тому же лица эти неминуемо сделаются мишенью стремлений анархической партии. Партия эта все усилия свои направит к привлечению упоминаемых лиц в свою среду.

Раз сделавшись агентами упомянутой партии, названные молодые люди будут положением своим поставлены в особо благоприятные условия, чтобы оказывать партии важные услуги. В сем последнем отношении возвращаясь мысленно к прошедшим временам, когда, в царствование императора Николая I, ряды армии неоднократно служили исправительною, хотя и тяжелою, школою для увлекавшихся молодых людей, 14 особ не могут не указать на ту существенную разницу, которую представляет состав нынешней армии в сравнении с прежним временем. В то время, при 25-летнем сроке военной службы, молодой человек, отданный в солдаты, попадал в среду людей немолодых, закаленных в военной обстановке и тогдашней суровой дисциплине и глубоко с нею сроднившихся. Никакого влияния на них молодой, хотя бы и развитой, мечтатель не мог иметь. В настоящее время принудительно обращенный в войско юноша встретит в рядах армии своих одноклассников, которые никакой силы убеждений или привычек не могут ему противопоставить. Ему несомненно будет легко приобрести на них нравственное влияние, тем более опасное, что в избрании своих орудий ему будет предстоять широкий выбор. Несмотря на трудность, с которою и теперь сопряжено прохождение военной службы, следует принять, по мнению 14 особ, в особое соображение, что ежедневные, под ближайшим надзором офицеров, упражнения и занятия ни в каком случае не превосходят 6 часов в сутки. Остальное время молодые люди будут проводить в сообществе нижних чинов, при весьма недостаточном надзоре унтер-офицеров. Если наконец еще возможно некоторое над ними наблюдение в тех частях, которые расположены казарменным способом, то надзор этот совершенно будет номинальный во множестве частей, распо-

ложенных на так называемых широких квартирах. В частях этих присмотр офицеров за нижними чинами ограничивается единственно лишь учениями, производимыми повременно с более или менее продолжительными промежутками времени.

В заключение 14 особ считают долгом заметить, что и без того уже армия несет тяжкую обязанность по отношению к приему в среду свою лиц, не осужденных по суду, но высланных за участие в революционной пропаганде административным порядком. Для отбывания лицами этими воинской повинности установлен в конце 1880 г. особый порядок, в силу коего военные чины офицерского звания исполняют нелегкую обязанность ближайшего за такими лицами наблюдения. Несомненно, что упомянутые лица представляют серьезную для армии опасность, ослабляемую зачислением их в части войск отдаленных округов. С присоединением же к этой категории лиц еще нового разряда молодых людей, если не зараженных духом анархии, то во всяком случае сомнительных в отношении их благонадежности, невозможно будет ограничить пребывание их небольшим числом войсковых частей. Дабы избежать скучения такой молодежи в одних и тех же частях, поневоле придется распределять их по разным частям, во внутренних губерниях расположенным. С каждым приливом вновь исключенных из учебных заведений будет все труднее и труднее находить такие части войск, в которых бы не было уже ранее зачислено исключенных. Таким образом, в несколько лет молодежь эта, озлобленная против правительства и открытая пропаганде, проникнет во все части армии, к явной ее опасности.

Отвергая засим, чтобы предполагаемая ныне большинством совещания мера была единственно возможною мерою в видах предупреждения дальнейших беспорядков в высших учебных заведениях, 14 особ того мнения, что в случае дальнейшей разработки вопроса сего могут быть указаны и другие с тою же целью мероприятия. В особенности же 14 особ ожидают благотворных для воспитательных целей последствий от окончательного осуществления предуказанного высочайшею Вашего императорского величества волею удлинения срока службы в войсках для вольноопределяющихся. При этом статс-секретарь Сольский и тайный советник Бунге высказали, что, впол-

не признавая воспитательное значение пребывания в рядах войск молодых людей, недостаточно успевших воспитать свою волю, они не могут лишь согласиться с пользою установления обязательного привлечения таких молодых людей к воинской повинности. Если бы, однако, подвергнуть вопрос этот новой разработке, поставив для юношей, исключаемых из высших учебных заведений, прохождение военной службы при одобрительной аттестации военного начальства условием разрешения им окончить прерванное образование, то статс-секретарь Сольский и тайный советник Бунге вполне надеются, что такой исход, не имея значения меры карательной, казалось, не нарушил бы основ устава воинской повинности, но оказал бы благотворное влияние на молодых людей, ныне вследствие безнадёжности своего положения представляющих столь опасную для государства среду.

Считая на основании всего вышеизложенного проектированную большинством особого совещания меру нарушающую коренное основание устава о воинской повинности, несправедливою по отношению к юношеству, на которое она должна распространиться, не соответствующею предположенной цели исправления заблудших и представляющею крайнюю для армии опасность, 14 особ, повергая такое заключение свое на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение, полагают осуществление измененной меры отклонить.

А председатель и 5 членов комитета (действительный тайный советник граф Толстой, статс-секретари Делянов и Набоков, генерал-адъютант Посьет и статс-секретарь Островский) находят, что по обсуждении настоящего вопроса первостепенное значение должно принадлежать соображению о той тяжкой ответственности, которая лежит на правительстве за судьбу юношества, воспитывающегося в высших учебных заведениях. Опыты последних годов, по мнению председателя и согласных с ним членов, указывают на то, что крамольная партия с особенною настойчивостью стремится к возбуждению в упомянутых заведениях беспорядков. Изобличенные в этих беспорядках юноши принадлежат большею частью к недавно вступившим в заведения; они страдают главным образом, недостатком дисциплины и духа покорности; легкомыслием же своим и горячностью они увлекаются до совершения

таких деяний, которые вынуждают начальство к исключению их из заведения. Затем, будучи возвращены на родину или к родителям, а некоторые, более виновные — подвергнуты административной ссылке, эти молодые люди, среди праздности и нужды, слишком легко поддаются влиянию агитаторов и пополняют собой ряды революционной партии. Таким образом, в каждом из совершенных в последние два десятилетия злодеяний участвовали лица, увлеченные в ряды революционеров из числа исключенных из учебных заведений. Явление это, засвидетельствованное всеми близко знакомыми с политическими процессами последних лет, есть такое зло, оградить от которого возрастающие поколения составляет святой долг правительства. К сей последней цели направлены усилия ведомств, в непосредственном подчинении которых находятся существующие у нас высшие учебные заведения. С тою же целью проектировано министерством народного просвещения известный ряд изменений в действующем университетском уставе. Но разом поднять ослабевшую в последнее время в учебных заведениях дисциплину не представляется возможности. Между тем ежедневно могущие вновь возникнуть в высших учебных заведениях беспорядки вынудят правительство к новому ряду исключений и доставят таким образом новый контингент анархистской партии. В таком положении вещей необходимо, по глубокому убеждению председателя и согласных с ним членов, принятие такой меры, которая устрашающею своей стороной предостерегла бы молодых людей от новых увлечений и остановила бы тех из них, которые были бы склонны внимать внушениям агитаторов. Рассмотрев во всей подробности способы, представляющиеся к достижению предуказанной цели, большинство совещания, образованного на сей предмет по высочайшему Вашего величества повелению, пришло к твердому убеждению в том, что предлагаемая им мера принудительного обращения некоторого числа исключенных из высших учебных заведений в военную службу, будучи справедливым возмездием за злоупотребление дарованными таким лицам преимуществами, вполне соответствует упомянутой цели.

Со своей стороны председатель и согласные с ним члены прежде всего признают проектируемую меру в общем ее принципе справедливою по отношению к юношеству, к которому

предполагается ее применить. Льготы в отбывании воинской повинности, даруемые законом отдельным лицам в силу полученного ими образования, доставляют этим лицам несомненно значительное преимущество перед другими подданными Вашего императорского величества. Ввиду сего и пользование этими льготами должно быть обставлено известными обеспечениями в ограждение от злоупотреблений. На этом основании нельзя не прийти к заключению, что справедливость требует, чтобы лица, пользующиеся льготным своим положением в ущерб своим согражданам, были лишены приобретенных ими льгот. Справедливое значение такой меры, очевидно, не умаляется тем обстоятельством, что молодые люди, будучи исключены из заведения, как бы окажутся понесшими двойное наказание. В сем случае зачисление в военную службу, с точки зрения предполагаемого ее воспитательного влияния, являлось бы лишь естественным дополнением исключения из заведения, дисциплинарный строй которого не допускал дальнейшего пребывания в стенах его юноши, избалованного в неблагоприятных действиях. Нельзя, казалось бы, упускать из виду, что подобные же двухсложные карательные постановления встречаются в уставе о воинской повинности, определяющем за уклонение от отбывания сей повинности посредством обмана или членовредительства, сверх зачисления в военную службу, еще и заключение в военной тюрьме. Подобные же постановления имеются и в других отделах нашего законодательства. Что касим касается вопроса о том, что власть определять молодым людям такое взыскание предполагается предоставить не судебным, а административным учреждениям, то невозможно, по мнению председателя и согласных с ним членов, предавать формальному судоговорению те частные бытовые стороны жизни учебного заведения, справедливая оценка которых доступна лишь лицам, самим вращающимся в этой среде.

Засим председатель и согласные с ним члены не могли не обратить особенного внимания на то, что отрезвляющее и вместе с тем воспитательное влияние военной среды на молодые умы, неоднократно засвидетельствованное лицами, близко стоявшими к делу, — едва ли может подлежать сомнению; на такое значение войсковой среды указываемо было и самим

военным министерством в 1881 г. Усиленные служебные занятия в среде людей, чуждых тлетворного духа анархии, под бдительным надзором и строгой дисциплиной, несомненно должны будут настолько подействовать на упомянутых юношей, чтобы заставить их отрешиться от своих увлечений и прийти к более правильному практическому взгляду на свои обязанности к ближним и государству.

По поводу того влияния, которое привлекаемые таким образом в ряды армии молодые люди могли бы оказать на самую армию, нельзя не заметить, что одно сравнение ничтожного числа таких исключенных с громадным составом всей армии должно было бы вполне успокоить преувеличенные в сем отношении опасения. Если же принять в соображение, что наиболее вредные из молодых людей, а именно, уличенные в революционной пропаганде, и ныне отбывают воинскую повинность в войсках на основании правил 1880 г.; что некоторые удаленные из учебных заведений молодые люди, в силу жеребьевки или в качестве вольноопределяющихся, и в настоящее время поступают в военную службу и, наконец, что из остального населения известная часть неизобличенных агитаторов и вообще людей благонадежных несомненно находится между прочим в рядах армии, — то едва ли можно признать, чтобы присутствие в армии незначительного излишнего числа горячих голов могло причинить ей существенный вред. К тому же из всех категорий увлекающейся молодежи те легкомысленные молодые люди, которые попадают под исключение из высших учебных заведений, едва ли составляют наиболее опасный элемент. Напротив того, в момент исключения это не более как юноши, виновные в совершении проступков по необдуманности и горячности, а иногда и под влиянием ложных понятий о товарищеском долге. На этом основании казалось бы весьма сомнительным считать поступление в войска таких, в сущности вовсе неопороченных молодых людей, в чем-либо наносящим ущерб чести военного сословия. Позднее, конечно, при существующих условиях, не обеспечивающих этих молодых людей от пагубного постороннего влияния, они в большинстве случаев поддаются силе тлетворных учений пропагандистов; но в том и заключается задача правительства, чтобы предохранить их от такого влияния. Наконец, особого внимания заслуживает и то соображение, что в силу угрожаю-

шего характера самой меры последствием ее неминуемо будет настолько значительное уменьшение числа исключаемых, что на деле придется применять проектируемое зачисление в военную службу лишь в единичных случаях.

Таким образом, вопрос сводится, по мнению председателя и согласных с ним членов, к тому, предоставить ли полезное для увлекшейся молодежи пребывание в рядах армии случайности жеребьевки, с устранением от поступивших в ряды войск того воспитательного значения, которое пребывание это приобретает при условии большей, чем ныне, его продолжительности, или же надлежит полностью воспользоваться тем могущественным орудием, которое правительство имеет под рукой на дело спасения юношества. В борьбе с крамоллой, напрягающей в настоящее время все силы государства, успех несомненно зависит от единства действий всех ведомств и всех благомыслящих подданных Вашего императорского величества. Соответственно сему и военное ведомство должно было бы разделить с остальными государственными учреждениями деятельность по мероприятиям, направленным к предупреждению развития в населении превратных понятий.

В борьбе с внутренними своими врагами государство не может пренебречь столь действительным и вполне педагогическим средством по отношению к умам молодым, как военная дисциплина. Если же пользование средством этим обуславливается незначительной уступкой началу, в силу коего не допускается принудительное обращение в войска в видах исправительных, то, казалось бы, по мнению председателя и согласных с ним членов, обстоятельства настоящего времени, угрожающие общей безопасности и спокойствию страны, вполне оправдали бы такую уступку. Уступка эта тем более незначительна, что в силу ее пришлось бы в громадную массу нашей армии допустить вступление ничтожного числа вполне безвредных юношей и тем спасти их на краю гибели.

В возможности такой именно уступки убеждает и то обстоятельство, что принудительное обращение в войска предусмотрено в подлежащих случаях самим уставом о воинской повинности, вследствие чего осуществление сей меры не могло бы быть сочтено непоследовательным даже по отношению к общему строю определяющих воинскую повинность постановлений.

В заключение председатель и согласные с ним члены не могли не высказать того общего соображения, что для устранения испытываемых правительством в настоящем деле неудобств не была положительно удостоверена целесообразность иных каких-либо мер, путем коих можно было бы с вероятностью надеяться достигнуть постепенного перевоспитания той части молодежи, которая на опыте показала недостаток твердости своих убеждений.

На основании измененных соображений председатель и согласные с ним члены полагают допустить обращение некоторого числа учащихся, исключаемых из высших учебных заведений, на обязательную военную службу в видах исправительных и дисциплинарных, с тем, не будет ли Вашему императорскому величеству благоугодно в случае одобрения Вашим величеством настоящего заключения высочайше повелеть приступить в комитете министров к подробной разработке порядка применения означенной меры.

Такое разномыслие свое комитет повергает на высочайшее Вашего величества благоусмотрение.

Поступило 1 февраля.

Слушано 7 февраля.

409

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Душевно сожалею, что Вы хвораете и сегодня в комитете не будете... Ввиду того, что мы отступились уже от согласительной меры, ввиду того, что государь ее не одобрил, ввиду, наконец, взгляда самого государя, совершенно согласного с нашим мнением, изложенным в последнем журнале совещания, едва ли возможно нам вновь возвращаться к компромиссу... Исполним свой долг, а там пусть будет, что Богу угодно...

Благодарю Вас за память обо мне и вино... Посылаю Вам и со своей стороны две бутылки крымского белого вина из казенного Никитского сада... Как оно Вам понравится?

Желаю Вам скорейшего выздоровления и дружески жму Вашу руку.

Сердечно Вам преданный

7 февраля 1884 г.

М. Островский.

410

Вчера вечером я видел И. В. Гурко; старался его успокоить; достиг этого отчасти; убедил по крайней мере поехать сегодня утром и объясниться с гр. Толстым, которого и предупредил. Надеюсь, все кончится благополучно.

Более писать не могу, ибо у меня идут доклады департаментов и страшно болят зубы... Как только узнаю подробности свидания Гурко с гр. Толстым и исход оно, так тотчас же сообщу Вам, дорогой Константин Петрович.

Искренно Вам преданный

10 февраля 1884 г.

М. Островский.

411

Не зная, встретимся ли мы сегодня с Вами на бале у принца и принцессы Ольденбургских, дорогой Константин Петрович, я спешу Вас уведомить, что объяснения И. В. Гурко с гр. Толстым окончились благополучно и Иос. Владимирович взял свою просьбу об отставке назад под условием, что всеподданнейшая записка будет рассмотрена в особом совещании министров.

Искренне Вам преданный

10 февраля 1884 г.

М. Островский.

412

Спасибо, дорогой Константин Петрович, за память и участие. Я был простужен, неделю высидел дома; теперь почти поправился и скоро думаю выйти на воздух. О Вашей болезни я узнал случайно, когда уже был болен, и, не имея возможности Вас посетить, дня три тому назад посылаю осведомляться о Вашем здоровье: мне ответили, что Вам лучше, чему я душевно порадовался, так как искренно люблю Вас... Выздоровливайте, дорогой, скорее... Есть кое о чем поговорить: и об участии исключаемых из высших учебных заведений воспитанников оных, и об элеваторах, и об отчете Гурко, и о многом другом...

Как выеду, постараюсь к Вам захватить, а пока заочно Вас обнимаю.

Сердечно Вам преданный

23 февраля 1884 г.

М. Островский.

413

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Чувствую себя лучше, но все еще сильно кашляю, что не помешало мне, впрочем, быть в Гатчине. Об известном деле разговор был (говорил об этом деле и представлявшийся москов. генерал-губернатор), впечатление мое такое, что *обществу не быть...* Но не уверен, в какой форме будет это решение выражено... Думаю, что Ваше искреннее и определяющее слово не будет излишним.

Если удосужусь, то в начале 9-го часа, на минутку, сегодня заеду.

Сердечно Вам преданный

24 февраля 1884 г.

М. Островский.

414

Товарищ
министра внутренних дел,
заведывающий полицией.

Совершенно секретно.

Милостивый государь Константин Петрович.

В сентябрьском номере издающейся за границей революционной газеты «Общее Дело», в статье «Хроника», помещены между прочим некоторые сведения по поводу построения храма в память в Бозе почившего императора, на месте мученической его кончины.

Некоторые данные заставляют думать, что изложенные сведения сообщены редакции названной газеты из Сергиевского монастыря и что посредником в этом деле был некто Лихарев, находящийся в близких отношениях с архимандритом Игнатием и отцом Пименом. Долгом считая сообщить об изложенном Вашему высокопревосходительству, вместе с тем имею честь препроводить экземпляр помянутой газеты, по-

корнейше прося не отказать возратить таковую по минованиям надобности.

Примите, Ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном почтении и преданности

Вашего покорнейшего слуги

№ 660.

П. Оржевского.

7 ноября 1884 г.

415

По якобштадтскому событию я испрашиваю разрешения государя немедленно командировать отсюда следователя и в помощь ему Мясоедова, которому о нем мною уже объявлено лично.

Душевно преданный

18 января.

Д. Набоков.

416

Многоуважаемый Константин Петрович.

Ввиду близкого совершеннолетия государя наследника цесаревича и назначения его высочеству попечителя я позволил себе как верноподданный, сердечно преданный государю и его августейшей семье, сделать набросок мыслей касательно предстоящего избрания лица, которому вверится почетная и трудная обязанность попечителя при наследнике престола. Записку по этому предмету прилагаю. Не подумайте, однако, многоуважаемый Константин Петрович, чтобы я проводил здесь какую-либо заднюю мысль или личные расчеты. Я слишком далек от всякого даже намека на самого себя.

Чувство, питаемое мною к императору, императрице и наследнику престола, — вот что руководит мною. Я хорошо знаю, что к этому великому делу я не подготовлен: ни мои лета, ни круг моих познаний не дозволяют мне и помышлять о принятии такого назначения, и если бы даже возникло предположение остановить выбор на мне, то я решительно говорю, что поставлен бы был в грустную необходимость категорически отказаться от этой высокой чести; тем более, что я

твердо убежден, что, находясь на настоящем моем посту, я приношу несомненную пользу службою моему государю и отечеству.

Из записки Вы усмотрите, какую трудною и великою задачею считаю я обязанность попечителя и как немного могло бы найтись таких лиц, которые были бы в силах хоть частью оправдать оказываемое попечителю высокое доверие. При такой трудности выбора нельзя не желать от всей души, чтобы выбор этот совершился удачно. Вот причина, которая побудила меня высказаться по этому случаю и поделиться моими мыслями с Вами, так как я знаю, что Вы по своей безграничной преданности престолу и отечеству сочувственно отнесетесь к доброму намерению, истекающему из чистосердечной, непоколебимой приверженности к государю и его августейшему дому и из любви к России.

Ваш душевно уважающий и искренно преданный

Москва.

Князь Вл. Долгоруков.

18 марта 1884 г.

417

Многоуважаемый Константин Петрович.

Вчерашний день я имел честь получить Ваше письмо, в котором Вы выразили желание дать известной моей записке дальнейшее движение. Мне весьма отрадно думать, что она будет служить доказательством того, что, хоть и вдалеке от Вашей северной столицы, я постоянно переносюсь мыслью и заботами ко всему тому, что близко и полезно престолу и отечеству. Сердечно радуюсь, что Вам вверено истинно патриотическое дело, которое, — я твердо убежден, — Вы совершите во всех отношениях с полнейшим успехом.

Примите, Константин Петрович, уверение в моих к Вам неизменных чувствах уважения и преданности.

Москва. 26 марта
1884 г.

Князь Долгоруков.

9 марта 1884 г.
Москва.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Дело Энгельгарда на днях доложено, но в существе не разрешено. По словам Лопатина, оно оказалось далеко не полным, в нем нет сведений о том, были ли по претензиям кредиторов какие-либо постановления судебные или полицейские, какие претензии присуждены, по каким наложены запрещения, наконец, окончено ли долговое дело в самом суде или подлежит продолжению в нем производством. Ввиду этих недостатков палата признала необходимым потребовать от суда подлинные производства, по которым, на основании 26 ст. инструкции 19 марта 1869 г. о закрытии судебных мест прежнего устройства, поступили в качестве депозитов суда те суммы, о выдаче которых заявлено ходатайство. Кроме того, в деле не нашлось никакого удостоверения о назначении Энгельгарда опекуном над имуществом Диодора. Если документ этот действительно не был представлен, — не мешало бы представить его в палату, или теперь, или ко времени присылки из суда требуемых производств.

Скажу Вам по-товарищески: здесь носится слух, будто бы возражение на статью Аксакова в «Руси» от 15 февраля, помещенное в «С.-Петербургских Ведомостях», принадлежит Вашему перу. Разумеется, мы, судейские, признаем это положительно невозможным. Довольно с нас и одного г. Каткова, который так усердно изошуряется в издевательствах над нынешними судами и судьями огульно.

Искренно преданный и почитающий Вас

Шахов.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Не хочу оставить без ответа последние строки Вашего письма. Что статья в «Петерб. Вед.» не принадлежит моему перу в целом своем виде, это уже явствует из неточности помещенных в ней фактических данных о службе И. С. Аксакова. Но

то правда, что я посоветовал редактору «Петербургских Ведомостей» план статьи и основные ее мысли. И то правда, что, независимо от выражений и некоторых преувеличений, я согласен с основными мыслями Каткова в его критике судебных учреждений. Я считаю *настоятельной потребностью* исправление наших судебных порядков, в чем не противоречит мне и Набоков, только, по свойственной ему нерешимости, все только готовит еще свои проекты и не вносит их, а обещает все внести немедленно. Своих мыслей об уставах я не изменил и, когда сидел в комиссии, протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, не свойственных России, и, наконец, с отвращением бежал из Петербурга в Москву, видя, что не урезонишь людей. С тех пор я более и более убеждался в основательности своих опасений, а ныне для меня совершенно ясно, что это чужое платье, на нас одетое, совсем нас стеснило. Скоро правосудие станет достоянием одних лишь богатых людей благодаря великому множеству адвокатов всякого рода и исполнительных чинов, стригущих всякого без милосердия, а что такое новая судебная волокита, это я испытал, сидя в кассах д-те сената, против учреждения коего протестовал всеми силами в комиссии.

Я сидел на этой кухне и видел, какие повара его готовили и как распорядился метрдотель Бутков. Теперь — сколько самих судебных деятелей, приезжая из провинции, описывают мне нестерпимость своего положения и деятельности своей в новых формах. Я вижу хаос и в министерстве, где все уже теряют голову от путаницы отношений. Если ничего не будет сделано, путаница эта дойдет до хаоса. Очевидно, делать что-нибудь нужно. Во всей России из народа поднимается вопль ропота на судебное устройство, и в этом смысле Катков служит выражением всеми ощущаемого недовольства. В таком-то положении, когда нужно бы спокойно обсудить, где причина недостатка и что нужно исправить, раздаются голоса, что ничего трогать не следует, а Аксаков ничего лучше не придумал, как брань на старые суды, как будто уже золотой век настал для нас с новыми и как будто взяточничество только и было возможно в старых судах. Смешно сказать — наденешь новое платье и станешь будто бы иным человеком. Мне дорого правосудие, дорого благо народное — и мнение мое по этому

предмету не вчера составлено. Когда вышли судебные уставы, я писал для «Московских Ведомостей» критику их, в коей содержались те же мысли в существе, за которые теперь ухватились «Моск. Вед.», но в то время редакция не решилась напечатать и выпустила у меня самые существенные мысли. А теперь я только убеждаюсь в том, что тогда не ошибался. Вот, добрейший Александр Николаевич, что я долгом считаю откровенно высказать вам и чего, впрочем, не скрывал ни от кого, за что теперь многие на меня враждуют.

Но истина, в которую я верю, для меня всего дороже.

Душевно преданный

Петербург.

К. Победоносцев.

10 марта 1884 г.

420

Приношу, глубокоуважаемый Константин Петрович, искреннейшую благодарность за сообщение номера газеты с вылившимся из сердца словом о покойном Михаиле Евграфовиче. Трудно было вернее, лучше, теплее, душевнее помянуть истинно честного человека, честного в самом широком значении этого понятия.

Мир его праху. Вечное блаженство его душе, но вечная скорбь утратившим его. Я лично никогда не утешусь в его потере. Он лучше кого-либо знал меня, и я свято верил каждому его слову и дорожил его одобрением. В этом одобрении я не раз черпал силу, без которой и жить, и действовать трудно.

Душевное Вам спасибо за добрый о нем отзыв.

Искренно преданный Вам

2 февраля 1884 г.

М. Каханов.

421

Отклонено.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Я только что осведомился, что сегодня, в пятницу, министр финансов будет докладывать государю о новом заключаемом им займе, причем должна идти речь о тех подарках

банкирам, на которые недавно было обращено внимание в «Московских Ведомостях».

Тупое ли доктринерство руководит г. Бунге в его финансовой политике, или внушения партии, которая имеет своим девизом: «чем хуже, тем лучше», — не знаю, но постоянно оказывается странное противоречие между его словами и действиями.

Вот корректура статьи, которая назначается в «Московские Ведомости». В ней неопровержимо изобличается неверность утверждений министра финансов. Всякий сведущий легко может проверить вычисления, на которых основаны цифры статьи, и убедиться в их совершенной точности.

Не сочтете ли полезным, в предупреждение доклада министра финансов, довести эту статью до сведения е. в. В интересе самом существенном было бы хорошо, если бы решение касательно нового займа было на несколько дней отсрочено и были бы проверены цифры, уличающие нашу финансовую администрацию.

Особенно поразительно раскрытое в конце статьи противоречие между показаниями министерства финансов и государственного контроля.

Совершенно преданный Вам

Пятница.

М. Катков.

422

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Сейчас только известили о вторичном решении кассационного сената по делу Пастухова; и не могу удержаться, чтобы с первую же почтою не возопить перед Вами. Для меня лично, как Вы знаете, оно совершенно постороннее дело; с общей же точки зрения, оно имеет вид ничтожного дела, но оно, поверьте, имеет важное принципиальное значение. Это самый разительный образчик существующего у нас судебного произвола. Неужели такая вопиющая, наглая, на глазах правительства противоправительственная неправда не встретила отпора, который послужил бы для самодержавной судебной корпорации назиданием и отрезвлением?

Приезжал на станцию проводить Вас, но опоздал одной минутой и успел только поклониться отъезжавшему поезду.

Москва.

Душевно преданный Вам

27 мая 1884 г.

М. Катков.

423

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Сейчас видел я о. Израилева, который в восторге от давешней аудиенции. Государь очень внимательно рассматривал камертоны с видимым интересом, а также и государыня. О. Израилев показывал свои звоны, и в результате государь ему выразил желание и надежду, что он займется настройкой колоколов в Петропавловском соборе и в новосоздаемом храме. Хотел бы Вам передать об этом лично, но не смею беспокоить Вас в настоящее время.

На днях зайду узнать о Вашем здоровье и передать Вам отзыв о программе Миропольского. О. Израилев давеча заезжал к Вам поблагодарить Вас, и теперь хочет еще прожить в Петербурге некоторое время, чтоб поблагодарить Вас лично и выяснить результаты нынешней аудиенции.

Дай Вам Бог скорое выздоровление.

Искренно Вам преданный

20 февраля 1884 г.

М. Балакирев.

424

20 февраля 1884 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Поспешаю известить Вас, что сегодня, во 2-м часу пополудни, государь и императрица, с августейшими детьми, изволили смотреть колокола и камертоны священника Израилева, который в присутствии их величеств звонил и играл. Государь был очень заинтересован, предлагал вопросы отцу Израилеву и в заключение благодарил его.

Искренно желаю, чтобы здоровье скорее и вполне восстановилось.

Душевно преданный Вам и глубоко уважающий Вас

А. Васильковский.

— 1885 —

425

7 февраля 1885 г.

Аничков дворец.

Посылаю при этом лампаду, которую мы жертвуем с женой к мощам св. Александра Невского в воспоминание дня коронавания. Пожалуйста, пошлите ее в Александровскую лавру и прикажите повесить ее у раки благоверного князя и чтобы она постоянно горела. — Получили ли в Почаеве нашу лампаду?

А.

426

20 февраля 1885 года.

Аничков дворец.

Успокойтесь; так как я во время поста в театры не езжу, то и отказался на приглашение кн. Волконского.

А.

427

Я давно хотел сказать Вам и все забывал, а именно об орденах, жалуемых духовенству. Мне кажется совершенно неподходящим, чтобы духовные лица, во время богослужения, надевали ордена на ризы, и поэтому сделайте распоряжение, чтобы духовные лица носили пожалованные им ордена только на рясах, а отнюдь не при богослужениях. Исключение сделано только для георгиевских кавалеров и, конечно, то же и для тех, которые получили наперстные кресты на георгиевской ленте за военное время, и то же наперстные кресты в память войны 1854—1855 гг. на андреевской ленте. Конечно, под орденами я разумею и все медали, которые носить только на рясах. Сделайте надлежащее распоряжение по этому.

23 февраля 1885 г.

А.

428

Пожалуйста, пошлите этот пакет по адресу.
23 февраля 1885 г. А.

429

Заезжайте, пожалуйста, в Гатчину не в субботу, а в понедельник в 12 часов. — Переговорим тоже и о проекте памятника Крамского.
18 апреля 1885 г. А.

430

Епископа черногорского я могу принять в понедельник 15 числа в 12 часов. — Тогда же он может представиться и императрице.
М. П. Фредерикс я отвечать ничего не буду, так как Вы ей объясните невозможность ее просьбы.
Понед. 12 апреля 1885 г. А.

431

Как он надоед с этим вопросом. — Что ему ответить, как Вы думаете? Пришлите ко мне обратно доклад и планы.
А.
(По случаю представления кн. Вл. Долгорука о размещении в храме Спасителя в торжеств. дни).
4 июля 1885 года.

432

Пожалуйста, дайте знать Манасеину, чтобы он приехал ко мне в понедельник в Гатчину в 12 ч.
Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя. Слух об отставке Набокова уже распространился, хотя я никому еще не говорил об этом, и меня уже спрашивали, верно ли это.
2 ноября 1885 г. А.

433

Очень благодарю за присылку книг, изданных иеромонахом Никоном. — Пришлю Вам 500 р. на издание троицких листков, а также 1000 р. в помощь братства пресв. Богородицы. Эти 1500 р. получите от Танеева. Поручаю Вам купить портреты наши для рязанской школы, но пришлите нам показать их, а счет за портреты пришлите ко мне.

6 ноября 1885 г.

А.

434

Посылаю Вам на прочтение письмо бедного Набокова в ответ на мое послание.

Манасейна я видел, переговорил с ним и рад, что он принял предложенный ему пост. Дай Бог ему справиться с этой тяжелой должностью, и в особенности, чтобы силы его не изменили бы ему. — Я полагаю на первое время назначить его управляющим мин. юстиции, так как мне кажется, что по чину вряд ли он может быть утвержден прямо министром. — Как Вы полагаете?

Получ. 6 ноября 1885 г.

А.

435

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, пошлите этот пакет кн. В. П. Мещерскому.

8 ноября 1885 г. из Гатчины.

А.

436

Когда увидите кн. В. П. Мещерского, скажите ему, что я получил письмо его и одобряю его взгляд на нашу политику, но чтобы он был осторожен и не слишком увлекался. Писать ему лично о подобных вещах неловко, так как с его рассеянностью и отчасти бестактностью могут произойти неловкости.

9 декабря 1885 г.

А.

437

Пожалуйста, препроводите это письмо от меня кн. В. Мещерскому.

А.

438

О деле черноморских казаков я переговорю с Ванновским и кн. Дондуковым. — Надеюсь, что это можно будет устроить.

1885 г. 29 декабря.

А.

439

Я забыл Вам отдать записку. Очень буду благодарен за переписку.

А.

Не угодно ли будет Вашему величеству прислать мне записку Каткова — я прикажу тотчас переписать ее, без подписи.

5 февраля 1885 г.

Константин Победоносцев.

440

Я протестовал против этого назначения, но Набоков уверяет, что Кони на теперешнем месте несменяем, тогда как обер-прокурором, при первой же неловкости или недобросовестности, может быть удален со своего места.

Со всех сторон слышно, что на днях последует назначение нынешнего председателя гражданского отделения судебной палаты Анатолия Кони в сенат обер-прокурором уголовного кассационного департамента.

Назначение это произвело бы неприятное впечатление, ибо Вам памятно дело Веры Засулич, а в этом деле Кони был председателем и выказал крайнее бессилие. А на должности обер-прокурора кассационного департамента у него в руках будут главные пружины уголовного суда в России.

6 февраля 1885 г.

Константин Победоносцев.

Письмо одобряю.

По возвращении из Москвы я имел честь докладывать Вашему величеству, какую пустоту производит начальство в храме Спасителя в торжественные дни, закрывая для народа около $\frac{2}{3}$ храма. Они ссылаются на то, что нельзя занимать пространство между царским местом и иконостасом, — хотя в обыкновенные дни народ наполняет его беспрепятственно.

В то время Вы изволили высказать, что не находите в том надобности, лишь бы царское место ограждено было. Очевидно, что все это устраивается главным образом для парада; но едва ли сообразно со значением храма превращать его на эти дни в какую-то тронную залу, и в отсутствие государя императора издается и приказ по войскам (коего образец представляю при сем), чтобы никто не проходил мимо царского места.

Мне казалось бы приличным разъяснить это недоумение генерал-губернатору от имени Вашего величества. Проект такого разъяснения имею честь представить — не изволите ли одобрить его? Предполагаю дать этому делу вид общего вопроса, возникшего по недоумению из разных мест, — для того, чтобы кн. Долгоруков не принял письмо за внушения, лично до него относящиеся.

11 февраля 1885 г.

Константин Победоносцев.

Копия.

В некоторых местностях, где существуют соборные храмы с устроенными внутри оных царскими местами, в большем или меньшем расстоянии от солеи и иконостаса, возникает недоумение, следует ли в дни торжественных церемоний и церковных парадов, как-то: в царские праздники, викариальные дни и т. п., допускать народ в пространство между царским местом и солею или надлежит, из уважения к царскому месту, оставлять все это пространство не занятым и закрытым для молящихся в церкви. Вопрос о сем возник потому, что в некоторых храмах и при дальнем расстоянии царского места

от солеи, по распоряжению гражданского или церковного начальства, весьма обширное пространство оставляемо было запертым для народа, который обыкновенно стремится в эти именно дни к участию в торжественном богослужении.

Ввиду возникающих недоумений по этому предмету я почел долгом всеподданнейше представить оные на усмотрение государя императора. Его императорское величество изволит находить, что царское место, там где оно находится, должно быть ограждено и обыкновенно ограждается приличной балюстрадой, дабы при стечении в церкви народа никто не мог переступить на оное с пола. Это ограждение его императорское величество изволит находить достаточным для соблюдения должного к царскому месту уважения. Затем государь император изволит признавать, что в отсутствие его величества нет надобности оставлять запертым для народа все пространство между царским местом и иконостасом и через то лишать возможности участвовать в богослужении многих, кои могли бы поместиться в храме. При происходящих в храме парадных торжествах достаточно, по мнению его величества, оставлять, как делается в Петербурге, в передней части храма соразмерное место для помещения чинов, обязательно присутствующих при богослужении.

Имея в виду, что в Москве есть соборные храмы с царским местом, долгом почитаю сообщить о сем Вашему сиятельству.

443

То же самое я слышал от многих.

Стали присылать мне с разных сторон письма с указанием на то, что на передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство: Иоанн Грозный с убитым сыном.

Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения. Слышно, что Ваше величество намерены посетить выставку на днях, и, конечно, сами увидите эту картину. (Пометка на полях: «завтра»).

Удивительное ныне художество — без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прежние картины того же художника Репина от-

личались этой склонностью и были противны. А эта его картина просто отвратительна. Трудно и понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иоанн Грозный? Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива. Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент и всей своей обстановкой чисто фантастический, а не исторический.

Есть и портрет самого художника на выставке; черты лица его объясняют, что вынуждает его выбирать и рассказывать такие моменты.

Сейчас Д. Ф. Тютчева прислала мне номер газеты «Figaro» со статьей под заглавием «Artemise» (№ 10 февр.); не знаю, известна ли эта статья Вашему величеству: она относится, очевидно, к княг. Юрьевской и стоит внимания, если даже в основании ее сплетня.

15 февраля 1885 г.

Константин Победоносцев.

444

Я был очень рад, что нам удалось принять участие в общем празднике славян, и кажется, что действительно торжество удалось. Возвращаясь из собора, я видел на улицах многих возвращавшихся из церквей с книжками, которые раздавались.

Как счастливо удался нынешний праздник! На целом утре светилась какая-то тень светлая от утра коронации, и при виде всего происходившего на площади, на улицах и в соборе можно было подумать, что все это происходит в Москве. Петербург конечно давно, очень давно не видал ничего подобного. И всего этого не было бы в отсутствие Вашего величества. Так хорошо, что Вы приехали соединиться со всеми в церковном народном торжестве. Вся масса инстинктивно почувствовала, что это значит, и радость была полная. Была минута очень торжественная, когда Вы подъезжали; колокол замолк, и посреди молчания раздалось громогласное ура с площади. Все это слышат в Москве, слышат и в других местах, а в Петербурге это желанная новость, потому что все торжества церковные, происходящие в Вашем присутствии, бывают обыкновенно во дворец. Итак, можно сказать, что Вы многих в это

утро сделали радостными своим появлением. К нынешнему дню приехало 10 депутатов из Галиции, о. Наумович с товарищами, с ними два студента и один простой крестьянин. Все они были свидетелями всего происходившего и Вас видели с императрицей и наследником. Кого же встречал я, у всех на лицах был написан восторг. Не могу удержаться, чтобы не высказать об этом несколько слов Вашему величеству.

6 апреля 1885.
Петербург.

Константин Победоносцев.

445

Апр. 1885 Думбвадзе.

Ввиду сего и настоятельных представлений местного начальства, лишаящегося при безнаказанности подобных поступков всякого средства поддержать дисциплину в учебн. заведениях, представляется необходимым применить в настоящем случае строгую и скорую меру дисциплинарного взыскания в административном порядке. Мера эта необходима в особенности на Кавказе ввиду особенного упорства, проявляющегося в последнее время в грузинской молодежи, упорства, которое при ослаблении распространяется, питаясь безумными фантазиями, и уже представляет немалые затруднения для правительства. Сверх того можно надеяться, что пример строгого взыскания в сем случае предотвратит на будущее время повторение их, ныне, к сожалению, уже нередкое.

В совещании предполагалось... На применение подобной меры заявил согласие свое и военный министр.

Посему казалось бы соответственным и в настоящем случае безотлагательно применить эту меру, т. е. отдать виновного Сильвестра Думбвадзе на исправление в один из дисциплинарных батальонов военного ведомства, по усмотрению главноначальствующего на Кавказе, сроком на один год, с тем чтобы по истечении срока, согласно с его дальнейшим поведением, освобождение его или оставление на дальнейший срок предоставлено было, по сношении с кем следует, усмотрению главноначальствующего.

Меру эту признают необходимою как мин. нар. просв., так и тов. мин. вн. д. И. Н. Дурново, с коими я входил в сношения по сему предмету.

Такое предположение долгом почитаю представить на выс. усмотрение и утверждение Вашего в-ва.

446

Столько есть более заслуживающих помощи, да и тем приходится отказывать, а уж этого господина я не нахожу вовсе подходящим к аренде; — и без того он себя не забывает и перетаскал порядочно денег себе от в. кн.; знаю, потому что приходится мне платить.

А.

Вы изволите иметь достаточное понятие о протоиерее Лебедеве. Великая княгиня с горячностью хлопочет, чтобы дали ему звезду, и, конечно, если не успеет, будет на меня сердиться и обвинять меня, — и это будет мне прискорбно, потому что я пользовался всегда ее добрым расположением и гостеприимством.

Но, признаюсь, мне совесть претит представлять к подписанию Вашего величества рескрипт со свидетельством о заслугах его и достоинствах. Препные данные ему награды были без рескриптов, также и митра, которую великая княгиня непосредственно выпросила ему у покойного государя.

Если бы Вашему величеству угодно было сделать удовольствие великой княгине, то лучше уж выбрать для того аренду хоть небольшую, потому что эта награда непочетная, и о ней не публикуется в газетах.

7 мая 1885.

Константин Победоносцев.

Петербург.

447

Конфиденциально.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Письмо Ваше я получила 14 мая. Благодарю Вас за старание Ваше представить к награде высокочтимого о. протоиерея.

С благоговейным смирением преклоняюсь перед волей моего царя.

Не скрою от Вас, что сердце мое покрылось грустью, что

клевета и интрига могла быть услышана правдолюбивейшим моим государем, и эта клевета лишает его возможности ценить и отличать того труженика, который поистине есть краса церкви, труженика, который пользуется благоговейной преданностью и уважением сотней людей, которые пользуются духовным руководством от протоиерея И.В. Лебедева.

Не нам судить клеветников, доносящих царю неправду, ибо клеветников, по слову Божию, судит Бог.

Не скрою от Вас, что покойный мой родитель, воспитавший Вас, Константин Петрович, имел такое духовное доверие к отцу протоиерею, что поверял ему письма свои, писанные с его политической исповедью всем властителям мира. Все семейные дела и обо всем говаривал с ним и у меня, и специально посещал о. протоиерея и его жилище. Слишком для Вас утомителен перечень многого и многого.

Повторяю, с благоговейным смирением преклоняюсь перед волею царской.

Мирская слава не есть цель жизни нашей, и не для мирской славы плодотворно насаждает ниву Божию безукоризненный служитель престола царя царей.

Побольше бы было у нас на Руси подобных людей, как о. протоиерей, тогда было бы на ком твердо опираться великому царю земному.

Сердечно кланяюсь Вам и добрейшей Екатерине Александровне.

Остаюсь искренно Вас уважающая

Киев, 16 мая 1885 г.

Александра.

При сем прилагаю официальную справку касательно участи моего письма от 29 марта.

Письмо было запечатано моей гербовой печатью и написано «от в. кн. Александры Петровны», но я забыла написать «в собственные руки».

Мне было бы крайне прискорбно, если бы мое конфиденциальное письмо сделалось достоянием канцеляристов.

Многоуважаемый Константин Петрович.

К сожалению, письмо мое от 29 марта не дошло до Вас, несмотря на то, что оно было послано заказным, и квитанция моим секретарем предъявлена киевской почт. конторе.

В этом, по-видимому, затерянном письме я изложила Вам о желании моем наградить духовника моего о. протоиерея В.И. Лебедева ко дню моего ангела, т. е. к 23 апреля.

В этом повторительном письме желаю высказать, что о. протоиерей служит свыше 35 лет, из коих 26 лет при нашем дворе. Начало службы было в лейб-гвардии конном полку в сане диакона, затем в Митавском гусарском полку священником, с полком совершил поход в Крымскую кампанию, и за отличие после похода назначен ко двору нашему. При назначении ко двору нашему, по совету покойного протопресвитера Бажанова, о. протоиерей начал давать мне уроки по закону Божиему, и я имела истинное счастье в продолжении нескольких лет слушать его преподавание и внять его пастырским наставлениям и поныне. Впоследствии о. протоиерей был назначен законоучителем двух моих сыновей.

Преподавание о. протоиерея было всегда настолько замечательно, что в Бозе почивающая императрица Мария Александровна пожелала лично присутствовать на уроке закона Божия в приюте в память цесаревича Николая Александровича.

Незабвенная императрица поразилась и с непритворным восторгом выразила лично о. протоиерею свое монаршее благоволение.

Вообще законоучительство прервалось лишь моей болезнью, где началось мое странствование на морях и на суше. Во время плавания 8-месячного о. протоиерей исправлял все требы для команды парохода.

Что касается священнослужения, умения направлять и формировать певческие хоры, считаю лишним распространяться, ибо Вы лично уже давно знакомы с о. протоиереем.

Последняя награда, полученная отцом моим духовным, была от незабвенного царя-мученика в 1879 году, а именно митра. С тех пор никакой награды не получалось. Ныне я прошу Вас представить на всемилостивейшее воззрение мою

сердечную просьбу о награждении моего духовника о. протоиерея В. И. Лебедева с причислением его к ордену св. Анны 1-й степени — или же к аренде.

Утешьте меня, больную, благоприятным исходом моего ходатайства.

Ко дню моего рождения 21 мая пришлите мне радостную весть. Сердечно кланяюсь Вам и Екатерине Александровне, вспоминаю с утешением о Вашем пребывании в Киеве.

Искренне Вас уважающая

Киев 3-го мая
1885 г.

Александра.

449

Прочел отмеченные Вами места с большим интересом, а в особенности о тружениках сибирских, перед которыми преклоняюсь. Действительно они служат Христу. Никто их не знает, не слышал о них, да и в голову не придет, через что они проходят. Я говорю о Камчатке и Якутске в особенности.

Отчет обер-прокурора свят синода так бывает объемист, что потребовалось бы много времени для чтения, хотя по содержанию своему представляет много интересного. В нынешнем году по некоторым статьям (например, по расколу и миссионерству) сделана довольно точная группировка фактов.

На случай, если бы Вашему величеству угодно было заглянуть в прилагаемые тетради, положены закладки в тех местах, которые могут представить наиболее интереса.

Именно:

В статье III — отмечено описание архиерейских поездок по дальним сибирским епархиям и глухим местностям.

В статье V — описание казанских миссионерских школ и их деятельности, во многих отношениях замечательной, и еще: описание миссионерских поездок в Камчатке.

В статье VI - общая картина раскола в нынешнем его состоянии.

В статье VII - числа и факты, указывающие на крайнюю нужду в церквах и на дальнее пространство приходов по некоторым епархиям.

Константин Победоносцев

(Надпись карандашом: На это надо обратить внимание московских и петербургских жертвователей. Тут действительно с пользой можно жертвовать).

20 мая 1885 г.

Петербург.

450

Не пишите ничего, дорогой Константин Петрович: пока нет надобности. Подробнее переговорю при свидании и с этой целью заеду к Вам сегодня утром около 10^{1/4} часов.

Искренно преданный

31 мая.

М. Островский.

451

Письмо это не отправлено, ибо я узнал, что государь возвратил обе просьбы без действия.

31 мая.

Позволяю себе обременять внимание Вашего императорского величества по делу, которое прямо до меня не относится. Но предмет его так важен, что не могу оставаться равнодушным к нему, и забота о благе государственном побуждает меня к слову.

Сегодня случайно дошло до меня известие об остром прекращении, возникшем между генер. Гурко и военным министром, — дело это уже известно Вашему величеству и ждет Вашего решения.

Мне представляется, что нет серьезных мотивов этому прекращению, дошедшему до того, что оба просят уволить их. Все известные мне мотивы суть мотивы личного самолюбия и возникающих отсюда недоразумений. Гурко почитает себя оскорбленным выражениями письма, полученного им от Ванновского. Ванновский полагает, что эти выражения относятся не к лицу Гурко, но к деятельности подчиненного ему окружного управления. Оба крайне взволнованы и раздражены: оба склонны теперь вспоминать прежние мелкие неудовольствия и придавать им вид серьезных оскорблений; так, например, военный министр припоминает в числе прочего, что Гурко,

когда по случаю смерти сестры необходимо было ему уехать, просил разрешения не через него, а через Рихтера и т. п. Раздражение, во всяком случае, плохой советчик.

Очень прискормно и тяжело видеть, что мотивы личного самолюбия овладевают людьми государственными до такой степени и заставляют их забывать о главном, о существенном, о долге службы государственной в такое трудное и смутное время. Но, к несчастью, это явление ежедневное, и приходится считаться с этими мотивами, чтобы не потерять людей, которых заменить некем.

В настоящем случае обидно даже думать, что из-за таких мотивов двое разом отказываются от деятельности, в самую горячую пору. Одна мысль о том, что теперь опростается место варшавского генерал-губернатора, приводит в крайнее смущение. Но каковы бы ни были достоинства и недостатки ген. Гурко, у него есть имя и характер, коих в настоящее время заменить некем. Всякое иное имя будет почти неизвестное, неопределенное. Едва лишь установилась в Царстве Польском русская власть с именем и направлением, как она будет поколеблена, и откроется широкое поле той политической игре, на которую так способны и так рассчитывают поляки. Для русского дела и для русской власти в этом крае увольнение Гурко будет теперь нравственным ударом. Мне представляется настоятельным делом — стараться всячески, во что бы то ни стало, затушить и прекратить это острое пререкание. И, без сомнения, оно не устоит перед высочайшей волей, твердо заявленной. Нынешнее время — время борьбы на всех пунктах, особенно в этом крае. Его можно уподобить вполне военному времени, и нужно спросить, вправе ли генералы, ввиду неприятеля, оставлять пост, на который поставлены.

Смею обратить внимание Вашего величества на умный рассказ о кн. Бисмарке, который я нашел сегодня в немецкой газете. Ему приписывается такая речь: «Если бы довелось мне быть третейским судьей в распре между Россией и Англией по афганскому делу, я истребовал бы всевозможные документы с обеих сторон; потом все их сложил бы и запер в негоряемый шкаф. И затем, если бы через год спросили меня: где же Ваше решение, я отвечал бы: «J'étudie». А затем, еще через год, на подобный вопрос я опять ответил бы спокойно: «J'étudie».

И мне приходит на мысль, нельзя ли употребить подобный прием в этом неприятном деле? Нельзя ли по крайней мере покрыть его в ближайшие дни спокойным молчанием в надежде, что первоначальное раздражение несколько утихнет и успокоится?

А между тем нельзя ли было бы со стороны подействовать на противников, хотя оба они без сомнения упрямы? Относительно ген. Гурко можно возложить некоторую надежду на Островского, который близок с ним и имеет на него влияние. Кстати же, я слышал от Островского, что у него была мысль съездить в Варшаву осмотреть открывающуюся там сельскохозяйственную выставку.

Вот, всемилостивейший государь, те мысли, которые я хотел вкратце изложить перед Вами, побуждаемый заботой об устройении этого острого затруднения в наше время, и без того богатое затруднениями всякого рода, для водворения порядка и власти в нашем отечестве.

Петербург. 30 мая
1885 года.

Константин Победоносцев.

452

Чрезвычайно больно и грустно читать его письмо. — Авось даст Бог и нам, и им светлый день когда-нибудь.

Совестно утруждать Ваше императорское величество посреди многих забот и занятий еще новым чтением, но почитаю нелишним представить Вам полученное мною вчера письмо священника Наумовича: в нем выражается поистине отчаянный вопль русского населения в Галиции о безысходном положении их в борьбе с польским правительством, которому передала их Австрия. Наумович, недавно перешедший окончательно из униатства и порвавший все связи с Римом, человек почтенный и служит действительно лучшим представителем лучшей части русского населения в Галиции.

В прошлую пятницу Ваше величество отсутствовали из Гатчины. Послезавтра надеюсь попросить разрешения Вам представиться.

Петербург. 23 октября
1885 г.

Константин Победоносцев.

453

Очень благодарен за присылку этих карикатур, которые действительно курьезны.

А.

Не угодно ли будет Вашему величеству взглянуть на прилагаемые при сем (25 листов) исторические карикатуры из собрания Ровинского. Некоторые из листов так редки, что имеются всего в 2 экземплярах.

Гатчина. 24 октября
1885 г.

Константин Победоносцев.

461

Опыт достаточно доказал несоответствие нынешних суд. учреждений и судебных порядков с потребностями народа и с условиями его быта, равно как и с общим строем госуд. учреждений в России. Эти недостатки должны быть исправлены с удержанием по возможности того, что составляет существенное улучшение в новом суд. учреждении сравнительно с прежним. Очевидно, что все эти исправления не могут быть совершены разом и вдруг, но должны быть совершаемы постепенно, по плану, заранее обдуманному.

1. Необходимо ввести судебные установления в общий строй госуд. учреждений, от коего ныне представляются они как бы отрезанными, в виде самостоятельной и независимой власти. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной. Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в Россия аномалией странной и ничем не оправдываемой, ибо в нашей истории не могло образоваться доньше особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести. При недостатке людей твердых и успешших пройти правильную школу опыта, приходится при замещении судебных должностей довольствоваться деятелями юными и малоопытными и представлять им деятельность в среде губернского и уездного быта, которая, как известно, у нас еще не

способна сама воспитывать и направлять общественных деятелей. Очевидно, что прививать к таким должностным лицам сознание внешней независимости от властей и права несменяемости — не дело здоровой политики и служит не столько к нравственному укреплению судебного сословия, сколько к его *деморализации*, что мы и видим на самом деле. Под покровом несменяемости развиваются и украваются всякие беспорядки, происходящие от неспособности, лени, равнодушия, формализма, — беспорядки, тяжело отзывающиеся на массе лиц, ищущих правосудия; а между тем устранение или исправление этих беспорядков встречается с затруднениями непреодолимыми, ибо негодного судью нельзя сменить или заменить, как прежде можно было поступить с негодным секретарем или делопроизводителем; и во всяком случае исправление этих беспорядков, соединенное с формальным обвинением и преследованием несменяемого чиновника, сопряжено с такой медленностью формального производства, что теряет всякое практическое значение.

2. Необходимо, и как можно скорей, пресечь деморализацию, которую распространяет в обществе публичность всех судебных заседаний, возведенная в абсолютный догмат поборниками отвлеченных начал судебной реформы. По действующему закону всякое заседание (кроме некоторых дел, по роду своему прямо указанных в законе) должно быть публичным, и даже председателю не дано право закрывать оное по особым соображениям, с каким бы соблазном ни было сопряжено публичное производство по предмету и содержанию. При слабости нашей общественной среды губернской и уездной, при отсутствии в ней серьезных умственных интересов, при господстве в ней привычек к праздности, ищущей развлечения и сильных ощущений, — публичное заседание по уголовному делу превращается в спектакль, недостойный правосудия; женщины, девицы и даже дети присутствуют в нервном волнении при самых возмутительных и соблазнительных сценах; судьи, обвинители и защитники делаются участниками всеобщего внимания. Действительно, публичность в этом безграничном смысле и виде не только не представляет никаких существенных гарантий беспристрастности в решении, но напротив еще оскорбляет оные, представляя из суда арену для волнующихся

и борющихся партий. Необходимо дать председателю безусловное право устранять публичность по некоторым делам и умножить разряды дел, по закону производимых в закрытом заседании.

3. Необходимо принять решительную меру к обузданию и ограничению адвокатского произвола, поставив поверенных в строгую дисциплину перед судом. Вольность этой профессии дошла до того, что адвокаты, эксплуатируя своих клиентов в видах личной наживы, в то же время терроризируют на суде и судей, и обвинителей, и свидетелей, возбуждая публику искусственными приемами, действующими на нервы. К этой профессии, в коей легко приобрести и популярность, и деньги, стремятся наиболее способные и решительные люди, так что суд, который по большей части состоит из людей слабейшего характера, — не в силах противиться натиску адвокатского красноречия, прибегающего к софизмам и театральным приемам для достижения своей цели. Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка. И меры эти должны быть на первое время крутые и решительные, дабы можно было разом остановить развитие этого опасного элемента в государстве.

4. В делах гражданских судебные уставы ввели строгое начало личной явки сторон, совсем несообразное в безусловном своем значении с условиями нашего быта, с огромными пространствами, с затруднением сообщения, с дороговизной судебной проволочки. Предполагается, что каждый должен явиться на суд сам или прислать поверенного. Отсюда громадное развитие профессии поверенных и ходатаев, громадное увеличение судебных издержек и вместо упрощения усложнение производства. Необходимо ослабить это начало, допустив свободу письменных сообщений между судом и тяжущимися.

5. Необходимо усилить значение канцелярии в составе суда. Совершенное уничтожение канцелярии как центра умственной и подготовительной работы было великой ошибкой судебных уставов. Через это уничтожалась вся школа умственного и письменного труда, приготавливавшая опытных деятелей для судебного поприща, и пресекалось сословие дельцов, постоянным трудом в одном звании приобретающих в нем опытность

и авторитет. Предполагалось, что судьи сами заменят работу канцелярии; но эта работа оказалась не по силам судьям. При этом члены суда, едва попав на свое место в той или отдаленной местности, спешат хлопотать о переводе в другую, ближайшую, или при недостатке деятелей перезываются в другую местность по приглашению начальства; т. е. не успев привыкнуть к одной работе, переходят на другую, не оставляя за собой на прежнем месте ни следов опыта, ни преданий. Хранителем того или другого служила всегда постоянная канцелярия, но ныне канцелярия существует лишь для механического труда. Итак, ни в суде, ни в канцелярии не накапливается тот запас навыка, опыта и искусства, без коего немыслима твердая постановка судебной практики.

6. Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и как ложное в существе своем и в условиях послужило и служит к гибельной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия. Это учреждение и там, где оно действует с некоторым успехом, предполагает непременно крепкую дисциплину над присяжными со стороны судьи, опытного и искусного в своем деле. Такие судьи у нас по необходимости редки, и потому присяжные, случайно набираемые большей частью не из крепких, а из слабых и зависимых людей в обществе, предоставлены случайному воздействию на них всяких сторонних влияний со стороны адвоката, со стороны публики, со стороны господствующего в настоящую минуту предрассудка, со стороны лица наиболее главного в среде их самих, наконец — со стороны подкупа и уговора, — чему были уже к сожалению неоднократные примеры. От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но можно достигнуть постепенно, изъемя один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных.

7. Устав уголовного судопроизводства требует пересмотра с целью упрощения многих форм, крайне усложняющих ход процесса и затрудняющих отправление правосудия.

8. Установление порядка кассационного судопроизводства отдельно и независимо от рассмотрения дел по существу ока-

залось нововведением, не пригодным для России, и возбуждает постоянные жалобы населения. Будучи сосредоточено в кассационных департаментах сената, оно загромодило их массой дел, ни по содержанию, ни по количеству несоразмерных с силами производителей. Не касаясь существа дела и решения, но устремляясь единственно к соображению формальностей и общих начал, не сведенных в одно целое самим законодательством, это производство, не полагая окончательного решения делу, служит только к дальнейшему его продолжению и влечет за собой возбуждение нового производства о том же в другом суде, иногда на другом конце России, с постановлением нового решения, которое в свою очередь может быть снова кассировано с повторением той же самой процедуры. Умножая судебные издержки, давая непрерывно новую пищу ходатаям и адвокатам, продолжая безгранично взаимное возбуждение тяжущихся, кассационное производство с его тяжелыми и непонятными для народа формами служит лишь к напрасной и обманчивой растрате сил и для судей, и для тяжущихся и ложится на тех и на других тяжким бременем.

9. Уничтожение ревизионного порядка в производстве дел, сопряженных с интересом казны и разных ведомств, послужило к важному ущербу интереса государственного и казенного. Отвлеченное начало уравнивания сторон на суде, коего хотели достигнуть устранением существовавших для казны привилегий, послужило в применении своем и в связи с формами нового суда не к уравниванию сторон, но к оставлению казенного и общественного интереса в беззащитности перед интересами частных лиц, к отягощению государственных и казенных учреждений множеством забот, им не свойственных, к умножению казенных расходов и к размножению переписки, принуждая каждое и центральное, и местное управление высылать в каждом деле на суд защитника своих интересов (что физически невозможно) или оставлять дело на произвол случайностей и односторонних ходатайств стороны наличной. Необходимо изменить существующий порядок и по сему предмету, предоставля казенным ведомствам и казенному интересу достаточное ограждение в самых формах производства.

10. Распределение подсудности между органами суда требует самого тщательного пересмотра, — и в том числе прежде

всего подсудность у судей мировых. Приблизив их к населению для суда и расправы в простейших делах земского быта, закон создал для сих судей ложное положение. Он расширил их подсудность до чрезвычайности и в то же время подчинил их всем ложным формам судебного производства, с которыми трудно справляться и судам коллегиальным, и поставил их относительно соблюдения этих форм под управу кассационного суда в Петербурге. И этих-то судей, долженствующих судить и действовать в самых глухих углах пространной России, закон поставляет не из юристов и техников судебного дела, но из местных обывателей, нередко вовсе незнакомых с письменной частью, создает им положение непрочное, подвергая их назначение всем случайностям выбора, через три года повторяющегося (чему во всем свете нет примера), побуждая таким образом судью к угождению и заискиванию перед избирателями в случайной игре местных интересов и выборных партий. Очевидно, что от такого судьи нельзя ожидать ни независимости, ни твердости, ни знания и опыта, необходимых для судебного дела. Такой судья становится игролищем местных партий, но в то же время закон объявляет его несменяемым судьей, так что в случае беспорядков и даже злоупотреблений (обыкновенных явлений в таком положении дела) невозможно устранить его и избавить от него население немедленно. Между тем, около мирового судьи, столь неправильно поставленного и подверженного периодической смене по случайным причинам, развелась весьма вредная судебная практика в виде — более, чем он сам — прочных и нередко популярных письмоводителей и множества частных ходатаев, находящихся себе легкую поживу около такого суда. Эти-то письмоводители и в особенности эти ходатаи составляют язву, разъедающую быт сельского населения, вместе с кабатчиками и волостными писарями. Смущая народ, они возбуждают искусственно и облыжно бедных людей к разорительным тяжбам и становятся в глазах народа единственными близкими и ошутительными представителями силы, через которую можно достигнуть управы и устроить дела свои и интересы. Очевидно, что дальнейшее продолжение такого состояния крайне губительно и для общественного порядка, и для правосудия и что изменение его, т. е. полная реорганизация мировых судов,

составляет самую настоятельную потребность. Но в соответствии с мировым судом и само по себе устройство судов коллегийных тоже требует пересмотра относительно подсудности, состава суда и порядка производства. Здесь важность вопросов судебного устройства усиливается еще важными соображениями финансового свойства. Уже и ныне содержание новых судебных учреждений, еще не повсюду введенных, отзывается весьма тяжело на смете госуд. расходов; но при действии и распространении сих учреждений расходы эти угрожают умножением в возрастающей прогрессии. Повсюду, где учреждаются новые суды, количество дел сильно увеличивается не только в соответствии с развитием быта и промышленности, но и потому, что состоящие в связи с судом поверенные и ходатаи способствуют к возбуждению дел в нижних инстанциях и жалоб местам высшим. С таким наплывом дел при сложности форм судопроизводства и при недостатке и неполноте следствий очевидно несоразмерен наличный состав судебной коллегии, особливо при неизбежной пестроте сего состава, в коем наряду с искусными деятелями, к сожалению, немало, по необходимости, людей слабых, малоспособных, неприготовленных к делу и часто сменяющихся. Это несоответствие усиливается с каждым годом, и потому судебное ведомство вынуждается, так сказать, роковой необходимостью требовать периодически усиления штатов и прибавления денежных кредитов, но и затем, при пополнении должностей, принуждено бывает довольствоваться слабосильными за неимением опытных и сильных. Очевидно, что при распространении на всю Россию, с включением и малонаселенных местностей, сети судебных учреждений суд в новой сложной организации окажется не под силу скудным средствам народа и гос. казны, на которую при множестве других настоятельных потребностей ляжет невыносимым бременем.

11. При издании суд. уставов наше законодательство задолось мыслью поставить суд на страже гарантии гражданской свободы и прав гражданских. Мысль эта, в существе своем истинная, всегда была в виду законодательства в России и служила ему целью. Существовавшие, со времен учреждения о губерниях, учреждения представляли по основной задаче своей существенные гарантии для этих прав и вместе с тем содер-

жали в себе существенные обеспечения — первойшей в государстве потребности — порядка и безопасности. К сожалению, новые судебные учреждения, устремив все внимание на гарантии первого рода и соответствующие им формальности, оставили без внимания последние и самые существенные потребности; т. е. расширив и заключив строгие формы атрибуции судебной власти, стеснили несоответственно свободу действия власти исполнительной. Отсюда произошли следствия не полезные, а вредные, ибо, со стеснением исполнительной власти, долженствующей действовать быстро и на месте к устранению зла и к обеспечению безопасности, остались не обеспеченными вовсе те самые существенные для народа интересы порядка, коих суд предполагался хранителем, но коих он охранять не в силах. Ясно, что суд с тяжелыми формами своего производства может действовать лишь медленными и размерными шагами, посредством приговора и где нужно уголовной кары. Но и приговоры, и кара теряют нередко свое значение ввиду зла, уже совершившегося и распространившегося, когда нет власти, которая могла бы немедленно действовать к предупреждению и пресечению зла, к восстановлению порядка, к задержанию лихого человека, к устранению соблазна и т. п., или, что еще хуже, когда эта власть принуждена ввиду совершающегося зла молчать или бездействовать в ожидании, пока судебный механизм совершит все свое медленное движение.

Итак, необходимо, исправив вышеуказанный недостаток, предоставить и власти исполнительной принадлежащую ей, в круге ее, свободу действий. Этого требует настоятельно польза народная, ибо весь быт народный страдает от отсутствия безопасности и требует ограждения от лихих людей, ныне во множестве гуляющих всюду под покровом гарантий, которые предоставляют им формы судебного производства.

455

Эти письма недурно было бы показать графу Толстому. Действительно, эта встреча была слишком торжественна и неполитична.

А.

Может быть, не без интереса будут для Вашего величества прилагаемые выписки из писем экзарха Грузии преосвященного Павла.

4 ноября 1885 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

456

11 октября прибыл в Тифлис армянский католикос Макарий. Встреча ему оказана почти царская. По пути от вокзала железной дороги, где встретили его городской голова и вице-губернатор, он ехал в открытой коляске четвериком, предшествуемый взводом жандармов и сопровождаемый конвоем главноначальствующего. По требованию городского управления и городской полиции, дома всех — и православных — жителей улиц, по которым проезжал католикос, должны были украситься флагами; так называемый Орбелиановский переулок католикос прошел крестным ходом под балдахин, который несли армяне-генералы (чем это не коронация католикоса, наш государь император только в коронацию шел под балдахин). 12-го был прием у главноначальствующего, к которому приказано было явиться всем высшим чинам, гражданским и военным, для представления католикосу (вообразите, нашлись у главноначальствующего умницы, которые и мне прислали билетик). Тут прочитаны грамоты и рескрипты высочайшие и возложен на католикоса Александровский орден и передан алмазный крест на клобук (тут случился забавный эпизод: католикос грамоты и рескрипты передал находящемуся в свите архиепископу, а когда последний протянул было руку за алмазным крестом, католикос, строго взглянув на него, креста ему не дал, а положил в карман, боясь, вероятно, подмены алмаза стеклами, что со стороны армян весьма возможно). Затем были представлены католикосу все присутствовавшие чины военные и гражданские. 13-го отдал ему визит главноначальствующий и были с визитом разные чины. 14-го католикос, знакомый со мной еще с Кишинева, был с визитом у меня и получил ответный визит от меня. Встретились дружелюбно.

Нужно сказать, католикос Макарий говорит и действует, как верноподданный русского царя, и своей пастве внушает

верноподданнические чувства. За это он заслуживает полного уважения. Но все-таки думаю, что встреча, ему оказанная, и политически неблагоприятна, и для православной церкви обидна. Не знаю, кто и когда составил этот церемониал встречи католика: прежние ли главноначальствующие, главнокомандующие и наместники, или князь Дондуков; но подобные встречи католиков армянских составляют прежде всего грубую политическую ошибку. При великом князе Михаиле Николаевиче Кеворку была оказана торжественная встреча только церковная, но аудиенция у великого князя была самая обыденная, в кабинете. Так мне говорил комендант тифлисский, генерал Эристов. Вред настоящей встречи тот, что армяне подняли нос, а православные, особенно грузины, — в негодовании. Хорошо еще то, что католикос Макарий не популярен среди интеллигентных армян, грозящих убить (отравить) его: при его непопулярности подъем армянской гордыни и армянских тенденций не особенно велик. Но если бы на месте Макария был революционер Мельхиседек, то подобная, почти царская, встреча католика на 100% подняла бы сепаратистский дух армян. Благо разумно ли это? И для чего такое пресмыкательство русской власти в крае перед инородцем, который — живое знамя сепаратизма довольно сильного, живущего на окраине племени, племени, устремляющего свои виды не в Петербург, а в Лондон? Православные от встречи в негодовании. Ни один русский человек, у которого не выдохся русский патриотизм, не может переварить этого нелепого события: все говорят о нем с раздражением. А грузины раздражены еще больше: они вздыхают о своем католикосе, думая, что и ему при вступлении на свою кафедру была бы оказана такая же почать. Жалкие, они забывают, что их католикос был бы иерарх православный; а на Руси ласкают только иноверцев, инородцев, вообще людей, не отличающихся благонадежностью и русским патриотизмом. Но как бы то ни было, они с особым оживлением перенесли ко временам католиков, уничтоженных русской властью. Благо разумно ли политически будить эти воспоминания?

Но меня собственно возмущает не это все: политика не мое дело и не моя область; я не отвечаю за политику здешнего населения. Но вот, что меня возмущает, поведаю Вам. Тиф-

лис, думаю, город русский, а не армянский *de jure*, — хотя, быть может, армян здесь больше. Потому господствующая церковь в Тифлисе есть православная, а высший представитель церкви здесь — экзарх Грузии. Он один имеет право на церковно-торжественное вступление на тифлисскую кафедру. Армянские иерархи только терпимы. Потому в ограде, например, Ванского собора католикосу могут быть оказаны какие угодно почести; но на стогнах¹ русского города крестным ходом, по моему мнению, ни один неправославный иерарх не должен вступать на кафедру свою — неправославную. Мирские почести католикосу, почти царские, — ошибка и неприличие, а церковная встреча его на стогнах города — посягательство на право церкви православной, оскорбление ее прав.

457

Выписка из другого письма от 25 октября:

На встречу католикоса явилась презабавная критика фактов. Недавно назначен сюда новый шиитский шейх-уль-ислам. Один генерал, больше всех участвовавший в его назначении, нашел возможным ожидать, что и ему устроит такую же встречу. Вчера он был у меня, разговорились о чрезвычайной встрече католикоса. Он вдруг говорит мне с негодованием: вообразите, армян всего 700 000 душ у нас, а католикосу какую сделали встречу. Татар же у нас до 2 миллионов — одних шиитов. Сегодня приезжает глава шиитов, я было обратился в канцелярию главноначальствующего с напоминанием, что следовало бы оказать внимание и шейх-уль-исламу подобающей встречей. И что же, вы думаете, ответили мне? Этого-де никогда не бывало, и потому встречи не будет.

Я улыбнулся и сказал: вы совершенно правы. Если быть последовательным, то надлежало шейх-уль-исламу устроить встречу еще более торжественную, потому что татар у нас больше, чем армян. Но если хотите знать мое мнение, то, моему, всех шейх-уль-исламов и муфтиев следовало бы уничтожить. Мой собеседник в изумлении: «Как без муфтиев и пр.?» Да так же, как было прежде без муфтиев и шейх-уль-

¹ Улицах, площадях. (Прим. ред.)

исламои, созданных у нас позднейшей формацией наших государственных мужей. Православная Россия может терпеть магометанство, ламайство и пр., но благоустраивать их религию — не ее долг. По мере продолжения беседы моей собеседник мой убедился, что я прав...

458

Посл. 14 ноября с некоторыми изменениями.

Любезнейший Дмитрий Николаевич.

Сегодня Манасеин передал мне со слов твоих и по твоему поручению, что ты считаешь меня главной причиной нынешнего твоего выхода из министерства, что я действовал против тебя как личный враг, что все дело ведено было интригой против тебя с участием других лиц и что на все это ты имеешь несомненные удостоверения.

Все это глубоко огорчает меня, но не удивляет. Я привык к тому, что на меня лично возлагают ответственность за многое, что случается.

Что бы я ни говорил теперь, знаю, что ты не поверишь в нынешнем тяжелом положении. Тем не менее не могу не высказать тебе следующее:

Никогда я тебя не обманывал и не вел никакой против тебя интриги — интрига ведется тайно; но все, что я думал и говорил о неустройстве судебного учреждения, я говорил открыто и тебе первому. Напрасно ты придавал этим речам личную окраску. Лично, в отношении тебя, не раз я говорил тебе: забудь, что ты министр юстиции, и выслушай меня по-товарищески — надо действовать.

За спиной твоей я никого не возбуждал против тебя лично. Напротив, я выставлял всегда и всем крайнюю трудность положения министра юстиции и невозможность найти человека, который ныне в России удовлетворил бы вполне требования настоящего времени.

Не было интриги — не было участников в ней. Даже в течение октября и до сих пор я не виделся и не имел ни с кем приватных о тебе разговоров.

Манасеин не имел ни малейшего понятия о возможности своего назначения до того дня, как я сказал ему об этом

предположении по поручению государя. Он сам был очень удивлен и вовсе не обрадован.

Манасейна назвал я на вопрос государя императора, на кого можно было бы в этом случае возложить бремя судебного ведомства. Называя его, я знал, что оказываю ему плохую услугу.

Где же здесь интрига и в чем она? Одно, в чем ты мог бы иметь некоторую на меня претензию, что вечером в субботу, когда ты был у меня, я не сказал тебе о Манасейне. Но и в этом я вины своей не чувствую, потому что в тот вечер я *поистине* не мог быть уверен, каково намерение государя. Я видел еще возможность, что он призовет тебя и от тебя потребует исполнения программы по его указаниям. Ничего я *не сделал, чтобы устранить эту возможность*, и еще предполагал ее. Только на следующее утро, в воскресенье, государь прислал мне приказание дать знать Манасейну, чтобы явился в понедельник в Гатчину. Подобные приказания получал я от государя не раз, и вот несчастная причина, почему мне во всех подобных случаях всегда приписывают какое-то тайное и решительное влияние.

Никто решительно не знал и не слышал ни слова от меня обо всем происходившем, следовательно, никто не мог достоверно сообщить тебе противоположных известий. Государя же, с приезда его, я видел на очень короткое время только два раза: 11 и 25 октября.

Верь или не верь мне, — твоя воля, — я знаю, что теперь трудно тебе поверить. Авось-либо поверишь после, когда-нибудь, что я действовал относительно тебя вполне искренно.

Душевно преданный

6 ноября 1885 г.

К. Победоносцев.

Прибавлю еще черту, чтобы показать тебе, что вечером в субботу я еще не был ни в чем уверен. Я поспешил тотчас же передать государю слова твои: «Что ты работаешь с утра до ночи к улучшению судебного ведомства и что тебе было бы больно, если бы все твои усилия не были признаны». Я поспешил сделать это именно в тех видах, чтобы заявить перед государем мысли твои и настроения. Но в эту минуту решение его было уже принято.

459

24 ноября 1885 г.

Первым побуждением к сему послужила высокая патриотическая мысль принца П. Г. Ольденбургского, мысль достойная души благородной, — ввести в судебную службу новых, особо к ней приготовленных деятелей, благородных не по одному лишь сословному званию, но по чувству чести, по долгу присяги, по стремлению к законному порядку, на правде основанному. Осуществлению этой мысли посвятил усопший принц Петр не только значительную часть своего достояния, но и всю заботливость души своей, горячо преданный делу России и истинному ее просвещению.

Бог благословил труды его. Под отеческим его попечением училище правоведения совершило предназначенное ему дело, воспитав и поставив на службу государственную многих полезных деятелей, просвещенных знанием и направленных к добру, обновив новыми силами застарелую практику судебных учреждений.

460

1885 г.

Иеромонах Пимен из Сергиевской пустыни выпросил себе через велик. кн. Влад. Ал. орден.

На докладе государь написал: «Согласен» и прибавил: «Но монахам уж вовсе не след получать кресты, а в особенности иностранные».

461

Управляющий министерством внутренних дел.

Милостивый государь Константин Петрович.

В дополнение к письму от 28 сего марта за № 333 имею честь препроводить при сем Вашему высокопревосходительству в печатных экземплярах список с журнала, высочайше учрежденного, под председательством статс-секретаря Танеева, особого совещания по вопросу об изменении существующих ныне условий приобретения потомственного дворянства,

а также проекты всемилостивейшего рескрипта дворянству по случаю истекающего столетия со дня издания жалованной дворянству грамоты 21 апреля 1785 года и указа правительствующему сенату об обнаружении сего рескрипта.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

№ 345.

Ив. Дурново.

30 марта 1885 г.

462

Управляющий министерством
внутренних дел.

Милостивый государь Константин Петрович.

Государь император, в 28-й день марта сего 1885 года, высочайше повелеть соизволил: образовать, под председательством его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича, особое совещание из следующих лиц: действительного тайного советника Абазы, статс-секретаря Островского, действительного тайного советника Бунге, статс-секретаря Половцова, Вашего высокопревосходительства и меня. Совещанию сему поручить:

1. Подвергнуть новому рассмотрению, в целях дополнения и более подробной разработки, а в случае необходимости и некоторого изменения, заключения особого совещания, состоявшегося под председательством статс-секретаря Танеева, по вопросу об изменении ныне существующих условий приобретения прав потомственного дворянства.

2. Рассмотреть составленный министерством внутренних дел проект всемилостивейшего рескрипта российскому дворянству по случаю истекающего столетия со дня издания жалованной дворянству грамоты 21 апреля 1785 г.

3. Предположения свои вместе с окончательно разработанным проектом рескрипта российскому дворянству, а также с проектом высочайшего указа правительствующему сенату повергнуть на всемилостивейшее его императорского величества благовоззрение.

О таком высочайшем повелении сообщая Вашему высокопревосходительству, имею честь уведомить, что копии журна-

ла особого совещания под председательством статс-секретаря Танеева и проекта высочайшего рескрипта дворянству будет препровождены мною вслед за сим.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

№ 333.

Ив. Дурново.

28 марта 1885 г.

463

Ныне исполнилось сто лет с того дня, как приснопамятная прабабка наша, императрица Екатерина II, жалованной грамотой 1785 года положила основание в ряду сословий Российского государства благородному сословию дворянства, при явшему начало свое от служилых издревле родов, кои, «обращая самую службу в достоинство, приобрели своему потомству нарицание благородное». При сем монархиня всенародно свидетельствовала свою признательность дворянству за услуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержца́м российским в наисмутнейшие времена как в войне, так и посреди мира. Следуя из рода в род завету предков — служить верой и правдой государеву службу, на утверждение государства и во благо отечеству, и полагать благородство в верности и честь свою в правде, благородное российское дворянство от древних времен и донныне служило и служит царям земли русской первой опорой в управлении государством и в обороне от врага внешнего. Имея сей завет перед собой начерченным, дворяне являлись первыми и в ратном бою, и в гражданском правлении, и суде, и в хозяйственном устройстве имений, за службу жалованных, и людей, вверенных власти их и попечению. В недавнее время, когда потребовалось по призыву монарха, незабвенного родителя нашего, приступить к отмене крепостного права, составлявшего особую нераздельную со службой принадлежность дворянства, оно отозвалось на сей призыв с готовностью и, понеся при сем немалые жертвы в достоянии своем, явило пример великодушия, редкий в истории всех стран и народов.

В нынешний знаменательный день, останавливаясь признательной мыслью на истории благородного сословия, нераз-

дельной с историей государства и народа российского, мы твердо уповаем, что потомки славных родов, послуживших государству, явят себя достойными членами сего сословия и верными сынами отечества на той же службе, которую служили их предки. И ныне, как и в прежнее время, потребно для блага государства, чтобы российские дворяне сохраняли первое место, указанное им историей и волей монархов, в предводительстве ратном, в службе государственной, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах местного населения, в распространении примером своим и руководством правил веры и верности, правых начал народного образования, добрых обычаев и доброго хозяйства.

Во внимание к нуждам дворянского поместного землевладения, во многих местах расстроеного оскудением хозяйственных средств и оскудением кредита, мы повелели министру финансов приступить, на указанных нами началах, к учреждению особого дворянского поземельного банка для облегчения дворянству средств к поддержанию хозяйства, дабы тем более привлекались дворяне к постоянному пребыванию в своих имениях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них долгом их звания.

Свидетельство неизменного монаршего благоволения, на пределе наступающего столетия, да послужит россиянам, принадлежащим к благородному сословию, новым возбуждением к верному усердию в служении своем, коего не напрасно ожидало и ныне ожидает от них государство. Отцы и матери да потщатся воспитывать детей своих, будущий род российского дворянства, в духе веры, воспитавшей и утвердившей Россию, в правилах чести, в простых обычаях жизни, в неизменной преданности престолу и истинному благу Русского отечества.

464

21-го апреля 1785 года великая монархиня императрица Екатерина вторая, желая засвидетельствовать перед лицом всей России исторические заслуги ее дворянства на благо и славу государства и престола, а также призвать все дворянство к ближайшему участию в местном управлении, даровала ему дворянскую грамоту.

С тех пор прошло сто лет. Мудрое предвидение и надежды, возложенные великой государыней на российское дворянство, получили отрадное оправдание.

Под скипетром императоров: Павла I, Александра благословенного, Николая первого и Александра второго славная история русского народа на пути своего развития и в укреплении своего могущества была в то же время светлой летописью русского дворянства, из рода в род и по сей день служащего примером непоколебимой преданности престолу и святым заветам веры, чести, долга и любви к народу.

Война и мир, година славы и дни народных испытаний, заботы правительства и нужды народа везде и всегда заставляли дворянство первыми в исполнении долга, первыми в рядах доблестных живых и славных мертвых. Приснопамятный двенадцатый год, славная оборона Севастополя, зимний переход через Балканы красноречиво указали всему миру, что если в русском народе по-прежнему живы Минины, то в русском дворянстве не угасают Пожарские. Когда же в Бозе почивающий родитель наш подъял ниспосланное ему Богом и завещанное ему временем неизмеримо трудное бремя внутренних преобразований, российское дворянство, в утешение его родительского сердца и в облегчение его державных трудов, показало себя на высоте своего благолюбивого призвания. Оно не только с живейшим усердием исполнило все возложенные на него царским желанием работы и задачи, оно не только с благоговейной покорностью и в мудром понимании времени и народных нужд преклонилось перед необходимостью поступиться некоторым, и из дарованных ему прежними государями прав, во имя общего блага, но с беспримерным в истории образованных народов самоотвержением оно пожертвовало значительную часть своего состояния для исполнения воли царя-освободителя и для блага миллионов русского народа.

Памятуя сие, возлюбленный родитель наш с гордостью именовал себя первым русским дворянином и в 1874 году признал за благо поручить российскому дворянству самую важную и священную заботу о народном образовании в духе тех заветов и предания, которых дворянство всегда было и носителем, и представителем.

Когда же Господу Богу угодно было, посреди безутешной печали нашего сыновнего сердца и неизмеримой народной скорби, призвать нас на царство, в нелицемерных изъявлениях к нам преданности российского дворянства во главе всех наших верноподданных мы нашли облегчение и утоление в печали, и в дни священного коронования нашего, в почитании заслуг дворянства, мы признали долгом своим напомнить волостным старшинам, что руководителями народа должны быть те из дворян, которые дадут собой пример неизменно честной службы престолу и отечеству и, живя посреди народа, во всем являются верными преданиям и заветам своих доблестных предков.

Ныне, возобновляя в памяти народной славное прошедшее российского дворянства, мы с особенным удовольствием пользуемся настоящим днем юбилея, чтобы еще раз перед лицом всей России изъявить ему нашу искреннюю признательность и наше царское к нему доверие.

В явном сознании необходимости более чем когда-либо в настоящее время видеть русское дворянство руководителями местной, общественной, народной и государственной жизни и в твердой надежде, что дворяне-землевладельцы найдут на местах службы своих отцов и дедов и в своих родовых имениях в губерниях по праву и по заслугам им принадлежащее руководство, мы признаем за благо: для облегчения условий экономической жизни в их имениях повелеть: министру финансов изготовить проект государственного земельного банка на началах доступного и долгосрочного кредита.

Призывая благословение Божие на дальнейшую ко благу народа деятельность российского дворянства как высокой основы самодержавного престола, мы уверены, что доблестное дворянство в воспоминании о великих подвигах славных своих предков почерпнет новые силы для продолжения в будущем своего беззаветного служения престолу и отечеству.

465

Мнение полтавского дворянина о том, какие ходатайства в пользу дворянства могли бы быть уместны и желательны по поводу столетнего юбилея дворянской грамоты:

1) Ни о каких преимуществах в пользу дворянства как особого народного состояния не должно быть речи, так как все дворянские преимущества должны приобретаться каждым дворянином лично, своим достоинством и заслугами государству. Но дворянству должен быть открыт свободный доступ к таким заслугам как народному классу, обязательно несущему на себе народное тягло.

2) Обязательность эту следует восстановить в полной ее силе как историческое условие дворянского состояния, а замену ее свободой служить или не служить по своему хотению отменить в дворянской грамоте.

3) На основании такой обязательности службы дворянство имеет законный повод просить об освобождении его от так называемой воинской повинности, присущей его званию по существу, а потому лишней, ненужной и по своему принудительному характеру для него несправедливой.

4) Как несущему обязательную служебную повинность дворянину должно быть предоставлено предпочтительное право на занятие служебных мест, при одинаковом образовательном цензе, над всеми другими народными классами. Это должно составлять дворянское юридическое право.

5) Зато каждый дворянин, уклонившийся от службы, как нарушивший свою прямую обязанность, должен быть лишен дворянских прав по участию в выборах и вообще в дворянских делах. А в случае такого же уклонения со стороны сына неслужившего отца он и его семейство лишаются дворянского звания и исключаются из родословных дворянских книг с обязательством причислиться к другому состоянию.

6) Срок для дворян обязательной коронной, т. е. государственной, службы должен быть не менее десятилетнего, а в случае государственной надобности каждый дворянин должен являться на службу по призыву.

7) Дворянство в настоящее время как передовой класс народа может быть поднято на высоту своего призвания только удовлетворительным развитием в духе этого призвания, т. е. умственным образованием и нравственным воспитанием. Умственное его образование не должно иметь профессионального характера, а должно иметь характер общего энциклопедического развития, расширяющего умозрительный горизонт понятий и приготавливающего

людей к осмысленной деятельности на всех поприщах, избираемых себе каждым по своим наклонностям и способностям. В этом смысле среднее образование для дворянского юношества должно бы соответствовать программе, существовавшей у нас некогда в московском университетском благородном пансионе. Это учебное заведение представляло прекрасный сколок с английской университетской коллегии и дало государству много замечательных людей как на службе, так и на литературном поприще. Высший же образовательный ценз приобретает дворянством в университетах и военных академиях, но не безразлично, а по родам службы, соответственно как факультетскому, так и военно-академическому распределению знаний. Вне этого условия высшее образование имеет для службы значение лишь относительное, а не абсолютное. Медицинские факультеты, как и медицинская академия, имеющие чисто профессиональный характер, дают для службы высший образовательный ценз только в кругу своей специальности; для других же служебных отраслей этот ценз никакого значения не имеет. То же самое разумеется о всех высших школах, имеющих целью практическое прикладное образование. Что же касается дворянского воспитания, то оно должно быть совершенно отделено от прочих народных классов и поставлено особняком, а не так, как при теперешних порядках, при которых дворянские дети, смешиваясь с детьми мещан, крестьян, вообще разночинцев и поглощаясь их большинством, усваивают себе нравы, понятия и привычки низшего разряда и не только грубеют, но и нравственно портятся. Для дворян желательны особые как учебные, так и воспитательные заведения, где бы самая жизненная обстановка развивала в детях чувство достоинства того состояния, к которому они принадлежат. Чувство это при хорошей воспитательной дисциплине не обратится в глупую гордость и не поведет к нравственному обособлению от народа, а лишь разбудит и оживит в дворянстве сознание своего высшего призвания. Демократизация дворянства не поднимет уровня народной массы, а лишь понизит его собственный уровень, отчего дворянство едва ли что выиграет, а народ много потеряет в смысле цивилизации, лишась самого лучшего, умственно и нравственно приготовленного на службу отечеству слуги.

8) Возведение в дворянство должно зависеть непосредственно от одной верховной власти, а не от чинов и орденов, зауряд

получаемых. Дворянство должно быть венцом заслуг, оказанных государству, а не следствием полученных за службу отличий. Ценителем же заслуг, дающих право на дворянство, да будет один царь как полнейший представитель народа.

9) Дворянство должно иметь право судить своих членов за нарушение чести и достоинства своего звания и виновных исключать лично из своей среды.

Вот все, о чем, по моему мнению, уместно, позволительно и полезно дворянству представить своему верховному вождю по случаю предстоящего дворянского юбилея.

466

Озабочиваясь скорейшим приведением к концу дела о построении в С.-П-ге храма во имя Воскресения Христова с соблюдением всевозможной при сем экономии для посильного отягощения государственной казны, поручаю вам произвести, через доверенное лицо под надзором вашим и его им. высоч-ва в. к. Вл. Ал. ревизию всех донине произведенных по оному расходов и расчетов, равно как и предпринятых работ, и затем представить мне, совокупно с его высочеством, ваши по сему предмету заключения и соображения о дальнейшем направлении сего предприятия, дабы построение храма могло быть совершено в непродолжительное время.

467

Окт. 1885 г.

Справка. О священнике Смирнове, осмелившемся прислать на высочайшее имя вашего императорского величества телеграмму, епископом Смоленским доставлены следующие сведения: священник Смирнов 23 лет, в 1883 году окончил курс наук в смоленской духовной семинарии. 9-го сентября 1884 г. рукоположен во священники; за время нахождения его на службе в священническом сане аттестовался: «поведения весьма хорошего и к должности способен». К сему преосвященный Нестор присовокупил, что ввиду дерзкого поступка Смирнова, доказывающего его малоумие и самомнение, он, преосвященный, сделал распоряжение о вызове его в архи-

ерейский дом для личного вразумления и научения его должному смирению.

468

Проект памятника императору Александру II (в Москве).

По задаче памятник этот должен выражать смысл царствования в Бозе почившего государя императора.

К этому надо прибавить всеобщее желание, а именно:

Он должен удовлетворять развитое чувство образованного человека и быть понятным народу без объяснений. Эта столь трудная задача разрешается, в пределах возможной человеческой изобретательности, моим проектом потому именно, что я памятника не изобретал, я взял его из действительности. В пользу моего проекта я ничего приводить не буду. Одна серьезность впечатления должна оправдывать ту реальную форму, которую я посмел дать своему проекту. Никаким аллегориям места в нем нет.

Вот в чем заключается моя идея памятника.

На указанной площади я устраиваю прежде всего площадку продолговатой четырехугольной формы высотой от земли приблизительно в 1 арш. (не выше 2), вымощенную гранитными плитами по известному рисунку вроде мозаики. Край площадки обносится перилами. На площадку ведут 4 лестницы. Величина площадки должна быть возможно большей (сколько место позволит). Она служит, так сказать, залом — местом собрания для народа.

В этом зале устраивается площадка меньшая, в форме тоже продолговатого четырехугольника с полукружием к центру залы. Высота ее до двух аршин, по бокам невысокие перила. Три входа ведут на эту вторую площадку: первый от центра зала занимает все полукружие, второй же и третий близ короткой стороны по бокам. На эту последнюю площадку я ставлю тронное место того рисунка и архитектуры (приблизительно), которые обыкновенно устраиваются в Успенском соборе для торжества коронации, а наверху ставлю трон и место для регалий. Прилагаемый легкий план даст понятие об общем расположении.

Фигура государя императора изображена стоящей в молитвенной позе. Обе опущенные руки чуть-чуть протянуты вперед, голова приподнята, и вся фигура, во всем величии самодержавия (порфире и короне), должна выражать краткую молитву: «Ты видишь, Господи, я сделал все, что мог, вот я и народ твой, вверенный мне, стоим здесь перед лицом твоим».

От трона вниз идут 12 ступеней, прерываемых двумя площадками; на верхней два сановника с государственным знаменем и государственным мечом; на нижней два воина с саблями наголо. Со всех же остальных ступеней сошли те сановники, которых государь избирал исполнителями своей высочайшей воли, и остановились перед полукруглой лестницей лицом к предполагаемому народу. Впереди себя, непосредственно перед народом, они имеют митрополита московского Филарета, читающего манифест 19-го февраля и как бы произносящего слова: «Осени себя крестным знаменем, русский народ». Манифест держит перед митрополитом протодиакон, а у левой руки Филарета мальчик в стихаре держит посох. Митрополит стоит на орлике. В ряду сановников некоторые держат акты, имеющие быть прочитанными впоследствии, об отмене клейм и кнута, что есть самого главного в гласном судопроизводстве, а также и даровании земским людям права ведать свои местные нужды. Пока будет совершаться, таким образом, обнародование воли государя, узкие боковые места около тронного места наполняются: справа властителями покоренных народов, начиная с Шамиля, который одним из первых кладет к ногам главнокомандующего свое оружие; за ним следуют ханы Средней Азии. С другой стороны точно так же всходят к церемониймейстеру депутаты народа русского; несут хлеб-соль депутаты — крестьяне польские (наделенные землей), и в конце депутаты болгар с образом. У входов, по которым поднимаются депутаты и покоренные народы, стоят часовые, а по углам спинки тронного места по герольду. Всех фигур предполагается от 25 до 28. Тронное место снаружи украшается орнаментами в русском стиле и гербами губерний из бронзы; а на квадратной спинке тронного места помещена следующая мозаическая картина: изображение в Бозе почившего императора, как он находился в Петропавловском соборе при отда-

нии ему последних почестей народом; когда он весь был усыпан цветами, и поверх всего на первом плане большой венок с надписью: «Царю-мученику».

25 марта 1885 г.

Крамской.

469

Ваше превосходительство.

Прилагаю при сем письменное описание моего проекта памятника, о котором вы изволили сегодня милостиво отозваться и сочувственно встретить мою идею. Вручая Вам судьбу моей мысли, которая, как я уже говорил, не давала мне покою два года, я счастлив и глубоко покоен, что мне удалось вызвать хотя часть того волнения, которое я сам испытываю, когда подумаю и представляю себе эту идею в реализации. Мне бы хотелось, чтобы результатом памятника было крестное знамение у всякого простого русского народа. Слова «Осени себя...» было бы даже уместно вырезать на обратной стороне манифеста, обращенной к народу.

Я обдумал форму памятника даже до деталей и готов отвечать на всякие практические замечания, начиная с влияния стихий и кончая вопросами эстетики. Думаю, что ни одно замечание не застанет меня врасплох, если только самая идея будет встречена благосклонно.

Примите выражение моей глубокой почтительности и, если позволите, уважения.

24 марта 85.

Крамской.

470

Описание памятника императору Александру II (в Москве).

Задачей памятника, как известно, служит выражение смысла всего царствования в Бозе почившего государя императора.

Кроме того, желательно, чтобы этот памятник, удовлетворяя развитое чувство образованного человека, был бы понятен простому русскому народу без объяснений. Эта столь трудная задача разрешается в пределах возможной человеческой изоб-

ретательности, сравнительно легко, если обратиться к действительности и рассмотреть те формы, в которых самодержавная власть проявляется народу. Существует особый ритуал, необыкновенно величественный и красивый, для объявления народу высочайшей воли, для приема послов, депутатий и т. д. Словом, величавая и оригинальная форма существует, и форма в своем роде единственная; впечатление от нее необыкновенно могушественное. Я испытал это лично во время священного коронования. Там же возникла и самая идея памятника. Я надеюсь, что серьезность впечатления оправдывает ту необычную форму, которую я даю своему проекту; никаким аллегориям места в нем не остается; но от этого лишения выигрывает только смысл, который и становится понятным для каждого, без посторонних указаний.

Вот как я сочинил памятник. На указанную площадь я выношу тронный зал, лишая его стен и потолка и оставляя один мозаичный пол, и в нем к одной короткой стене ставлю тронное место вроде того, которое было в Успенском соборе.

В этом тронном зале (предполагается наполненный народом) происходит следующее: на нижних ступенях трона, непосредственно перед зрителем, митрополит Филарет читает манифест 19 февраля. Манифест держит перед ним протодиакон, а возле мальчик с посохом; Филарет творит крестное знамение и произносит знаменательные слова: «Осени себя крестным знаменем, русский народ» (они и вырезаны на стороне обращенной к народу). За митрополитом на нижних же ступенях трона группы тех сановников, которых государь император избирал исполнителями своих предначертаний. Но выше, на первых площадках тронной лестницы, два воина с саблей наголо, еще выше два сановника с государственным знаменем и мечом, и еще выше вставший с трона государь император в торжественной и молитвенной позе, в короне и порфире, с глазами, устремленными несколько кверху, как бы произносит краткую молитву: «Ты видишь, Господи, я сделал все, что мог. Вот я и народ твой, вверенный мне, стоим здесь пред лицом твоим». Это главный акт. Лицевая сторона. По узким боковым местам трона: справа группа: к ногам главнокомандующего Шамиль кладет свою саблю, а за ним последуют и ханы Средней Азии. По другой стороне точно так же к обер-церемони-

мейстеру собираются депутаты народа русского, несут хлеб-соль крестьяне польские и, наконец, болгары с образами. По углам тронного места у спинки стоят два герольда. Таким образом, интерес со всех трех сторон не прерывается, а как бы возрастает. Остается четвертая сторона, самая трудная в этой форме, но мне кажется, что я вышел и из этого затруднения. Сидует сам по себе красив, но этого одного мало. Я ставлю в квадратном основании трона мозаичную картину: внутренность Петропавловского собора, когда народ отдавал последние почести своему державному владыке, когда под цветами почти ничего не видно, и только можно догадываться, что под балдахинном царь опять-таки в короне и порфире, а на первом плане большой венок с надписью «Царю и Мученику». Картина, известная всему народу. Это и надпись, и канонизация.

20 марта 1885 г.

Автор *Крамской*.

471

Посылаю письмо князя Долгорукова о Рогожском кладбище. Если сегодня в начале четвертого часа Вы будете дома, многоуважаемый Константин Петрович, то позвольте приехать к Вам, чтобы переговорить об этом письме. Мне дозволено не далее Вашего выезжать днем, значит это нисколько меня не стеснит.

Душевно преданный

10 ноября 1885 г.

Д. Толстой.

472

Весьма благодарен Вам, многоуважаемый Константин Петрович, за присылку Вашей книжки, на днях я ее прочту и конечно, сохраню в своей библиотеке.

Здоровье мое по-видимому поправляется, но медленно; нервные припадки по ночам еще не прекратились, хотя сделались слабее. Рассчитываю на хорошее действие эмской воды, когда по состоянию здоровья возможно будет начать ее пить. Мы живем здесь семейно, в тихом уединении, сын приехал с нами, а на днях приехала и дочь, с мужем и со своей малень-

кой; вокруг меня полная тишина, что так нужно для моих расстроенных нервов. К сожалению, последние дни стало холодней, настоящей весны еще нет, но думаю, что скоро наступит.

Еще раз очень благодарен Вам.

Искренно преданный

Ливадия.

Д. Толстой.

26 марта 1885 г.

473

Милостивый государь Константин Петрович.

Газеты смутили меня и Грессера известием, будто кассационный департамент постановил, что в бесцензурных газетах объявления могут быть помещены без просмотра их цензурой. Но сегодня в Английском клубе встретил я сенатора Фукса, который принимал участие в рассмотрении этого дела, и он положительно меня уверил, что газеты врут. По его словам, кассационный департамент решил было против нас (т. е. главного управления) в том смысле, что признал ответственным за объявления не *редактора* (как мы настаивали), а *издателя*, и только. Вопрос же о бесцензурности он совершенно оставил в стороне.

Вот что говорит Фукс. В понедельник пошлю достать подлинную резолюцию сената и не замедлю сообщить Вам.

Примите уверение в моем глубоком
уважении и преданности

Суббота 16.

Е. Феоктистов.

474

Милостивый государь Константин Петрович.

Возвращаю Вашему высокопревосходительству письмо Н.К. Гирса.

Авсеенко я позову к себе и поговорю с ним обстоятельно. Так как я с ним в хороших отношениях, то — надеюсь — мои внушения не останутся без следа, но все-таки позвольте мне направить его к Вам. Конечно, Ваше слово будет иметь еще гораздо более весу в его глазах.

Удивительные, однако, у нас делаются дела. Бисмарк следит внимательно за нашей печатью, от него не ускользает даже какая-нибудь статейка «С.-Петербургских Ведомостей», а для русского министра иностранных дел печать эта как будто не существует. Почему же он не хочет пользоваться ею? Я знаю, что, за исключением одного или двух органов, печать эта не стоит ни гроша, но по крайней мере хоть этим немногим органам внушал бы он — даже не то, о чем им следует говорить, а о чем им надо молчать. Авсеенко человек крайне тщеславный; если бы г. Гирс призывал его иногда к себе, то он был бы вполне доволен этой честью и охотно слушался бы его.

В прошлом году получил я подробную и в высшей степени интересную записку из Берлина о немецкой печати. Она содержит много поразительных указаний на то, как дисциплинированы в вопросах иностранной политики даже органы, враждебные германскому правительству. А у нас дадут Авсеенке деньжонок и считают дело конченным, — пусть себе мелет какой ему угодно вздор.

Примите уверение в глубоком

уважении искренне преданного

12 марта 1885 года.

Е. Феоктистова.

475

Милостивый государь Константин Петрович.

Вчера Никита Гиляров-Платонов обратился ко мне с слезным заявлением, что если не будет оказано ему пощады, то он пойдет в тюрьму, а сегодня, как изволите видеть из прилагаемого письма, ходатаем за него является кн. Долгоруков. Прибегаю к Вашему высокопревосходительству за советом, следует ли удовлетворить эту просьбу.

С глубоким уважением и преданностью

Ваш покорнейший слуга

19 апреля 1885 г.

Е. Феоктистов.

476

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Посылаю при этом подлинный журнал особого совещания, покорнейше прося Вас по прочтении возвратить мне его и вместе с тем дать совет по дальнейшей подробной разработке законопроекта об условиях возбуждения отдельными дворянами ходатайств по пожалованию прав потомственного дворянства местным землевладельцам за услуги, оказанные на поприще общественной деятельности.

Исполнением просьбы очень обяжете.

Душевно преданный Вам

5 марта 1885 г.

Дурново.

477

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Не откажите в Вашем добром совете. Если найдете мои соображения несоответственными, очень обяжете, сообщив мне Ваше мнение.

Неизменно душевно преданный Вам

4 мая 1885 г.

Ив. Дурново.

478

Товарищу главноуправляющего
собственной е. и. в. канцелярией

по учреждении императрицы Марии. Отв. 5 марта.

Милостивый государь Константин Петрович.

С предварительного разрешения государыни императрицы я входил с всеподданнейшим докладом о назначении Вашего высокопревосходительства членом высочайше утвержденной комиссии по пересмотру действующих в ведомстве императрицы Марии законоположений. На этом докладе его императорского величества собственной рукой начертано: «Согласен, если он может принять это назначение, несмотря на свои занятия».

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство почтить меня уведомлением, находя-

те ли Вы возможным принять участие в трудах означенной комиссии.

Примите, милостивый государь, уверение в глубочайшем моем почтении и преданности

4 марта 1885 г.

Николай Герард.

479

26 января 1885 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Не думайте, пожалуйста, что мы не обращаем серьезного внимания австрийского правительства на козни и безобразия, происходящие в Галиции. Об этом вели мы речь и в Скерневицах, как я Вам, помнится, говорил по возвращении в Петербург. Сам государь объяснялся по этому предмету, как с Кальноки, так и с самим императором Францем-Иосифом. Толковали мы об этом не раз и с Бисмарком, который приписывает это прискорбное положение немощи венского кабинета. Нет никакого сомнения, что и Лобанов, который присутствовал при моих разговорах с Кальноки, говорит с сим последним в том же духе, как и мы. Если он этого не высказал в конце своей депеши, то это еще не значит, что он оставляет без возражений жалобы австрийского министра на мнимую агитацию, приписываемую вашему славянскому обществу. Впрочем, я не премину указать ему на этот пробел — в ответе моем на его депешу, которая Вас так возмутила.

Искренно преданный

Н. Гирс.

Считаю нелишним прибавить, что Волькенштейн не передавал мне еще жалоб Кальноки, вероятно потому, что он вперед знает, что я ему отвечу.

480

18 апреля 1885 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Не скрою от Вас, что Ваше письмо доставило мне истинное удовольствие не потому, чтобы я придавал веру слухам, о кото-

рых Вы говорите, но потому, что в трудные минуты, которые я переживаю, — весьма для меня отрадно слышать лестный отзыв о моей посильной деятельности от столь компетентного судьи, мнение которого я дорого ценю. От души благодарю Вас за доброе слово и прошу верить искренности чувств глубоко Вас уважающего и преданного

Н. Гирс.

Завтра отправлюсь в Гатчину на известное Вам совещание, дай Бог нам с честью выйти из настоящих затруднений.

481

Спешу Вас уведомить, многоуважаемый Константин Петрович, что государь согласился на пересмотр известного Вам дела и хотел об этом переговорить в четверг с И. Н. Дурново. К сожалению, Ив. Ник-ч сильно заболел, и не знаю, в состоянии ли будет в четверг поехать в Гатчину.

Искренно Вам преданный

18 марта 1885 г.

М. Островский.

482

Написанный Вами проект рескрипта, душевно уважаемый Константин Петрович, на мой взгляд, очень хорош, как и все, впрочем, что Вы пишете... Одно, что можно заметить, это то, что в заключительной своей части он несколько отступает от плана, предначертанного в нашем совещании. Совещание признавало нужным заявить от лица государя, что он имеет в виду не только дать дворянский банк, но и поставить дворянство на подобающее ему место в администрации и изменить правила о приобретении дворянского достоинства. На желание или, вернее, необходимость дать дворянству первое место в управлении и суде у Вас есть косвенные указания. О пересмотре же упомянутых правил вовсе не говорится (что, впрочем, я лично одобряю).

Подумайте немного об этом. Я тоже подумую и при свидании передам Вам свои мысли, а пока возвращаю Вам Ваш труд, оставляя у себя с него копию.

Сердечно Вам преданный

6 апреля 1885 г.

М. Островский.

Сейчас получил Вашу записку, благодарю за участие. Я все еще сильно кашляю и не поехал в собор, где сильно дует, чтобы не простудиться и не схватить, чего Боже сохрани, воспаления. Позволяю себе выезжать, но не иначе, как в карете. Завтра или послезавтра посетую Вас.

М. О.

483

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Мысль кн. Цертелева, конечно, не лишена основания, но привести ее в исполнение по телеграфу совершенно невозможно. Она потребовала бы некоторой разработки и необходимого сношения с другими ведомствами... Итак, приходится от этой мысли отказаться, крайне сожалея, что наше министерство вн. дел не подумало заблаговременно о таком деле, как празднование юбилея дворянской грамоты.

Письмо кн. Цертелева и записку при сем возвращаю.

Искренно Вам преданный

17 апреля 1885 г.

М. Островский.

484

Ваше высокопревосходительство.

Вы, конечно, испытываете на себе силу той истины, что значение гражданина, чем оно больше, тем больше привлекает на него тягостей. В сознании этой истины я без укора совести решаюсь отяготить Вас покорнейшей просьбой прочесть прилагаемую записку. Если Вы найдете ее отвечающей делу, то Ваше гражданское чувство найдет путь для выполнения его; если же содержание записки Вы признаете не стоящим внимания, то — да не укорите Вы меня за неуместность обращения к Вам; это так естественно, в порядке нравственной жизни, когда сам бессилён, обращаться к тому, в ком считается много сил, кто может мысль обратиться в дело.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугой.

Киев. 12 апреля 1885 г.

Кн. П. Цертелев.

Императрица Екатерина Великая установила грамотой 1785 г. государственное положение дворянства, вложила в законодательный акт свой не личные цели отдельного сословия, не регламентацию личных прав дворянства, а устройство государственного органа, необходимого для насущных государственных потребностей.

И русское дворянство выполняло эти государственные требования, насколько указывал их закон, как выполняло задолго до того, во времена князя Пожарского, насколько требовал тогдашний закон; как выполняет и теперь, насколько требует современный закон.

Поэтому, чествуя столетие законодательного акта Екатерины Великой, было бы нелогично и было бы недостойно государственных традиций — обратить чествование в какой-то праздник дворянства для самих себя. А чтобы со днем 21 апреля не соединился такой характер, казалось бы необходимым:

1. В собор вместе с дворянством прибыть не только губернатору, но всем частям государственного управления, *in cogroge*, не исключая и судебного персонала, который часто считает себя вне и выше общего состава государственной администрации.

2. После молебствия, когда губернатор прибывает в зал собрания, для открытия его, вместе с губернатором прибыть начальникам всех ведомств, в полной форме.

3. По открытии губернатором собрания всем начальникам ведомств, подойдя к губернаторскому столу, приветствовать дворянство как старейшее из государственных учреждений.

Дворянство существовало прежде других органов царской и государственной власти; весь вопрос только в том — признается ли оно само государственным учреждением.

Не говоря о том, до какой степени такой скромный церемониал дал бы охранительный государственный тон всему торжеству, он отвечал бы и тем примирительным началам, которые более всего желательны после тревожных периодов реформ; он отвечал бы и единению всех ведомств в одном, государственном начале, единению, которое в ущерб государству совсем забывается.

Впечатление такого скромного, но серьезного торжества, отрезвляющим образом действуя на умы, упразднило бы желания тех, которые, считая дворянство забытым элементом, думают поправить дело путем верноподданнических ходатайств о том или другом. То или другое, решенное в один день, без согласования с целым, исторически сложившимся, всегда будет недостаточно основательно. У России — много дней впереди, и всегда есть время для солидного обсуждения государственных и общественных нужд: а день 21 апреля 1885 года — только один, и, праздную его, лучше упразднить на этот день все частные, хотя и добрые, заявления, нежели дать место заявлениям наскоро и разногласно понимаемых потребностей.

Для выполнения вышеуказанного в трех пунктах еще есть время; стоит только министерству внутренних дел предложить об этом, путем телеграфа, гг. губернаторам.

486

Многоуважаемый Константин Петрович.

И Вы придаете веру газетам. Им не докажешь, что возвышение пошлины на чай в размере 10 к. на фунт даст 7 мил. рублей, тогда как с трюфелей, апельсинов, шерсти и шерстяных материй, если бы пошлину удвоить и даже утроить, то можно было бы получить, быть может, менее, чем прежде, а если и более, то на десятки, много на сотни тысяч. Смешно сказать, предлагают обложить вывоз сырой шерсти, которой за первые 11 месяцев 1884 г. вывезено всего 20 тысяч пудов.

Если бы это не говорилось серьезно, то я бы принял это за злую шутку. Увеличение пошлины на чай 10-ю мет. копейками на фунт ни для кого не будет тяжело, потому что чай потребляется малыми количествами, но большой массой населения. Увеличение пошлины несколько не увеличит пьянства (как пишут: в Англии, где более всего потребляют чай, более всего пьянствуют).

Противники возвышения налога на чай, необходимого при настоящих обстоятельствах, не замечают, что их аргументация переходит в тон присяжного поверенного, который берет под свою защиту угнетенное человечество против жестокосердого правительства. Извините за длинное и откровенное объясне-

ние. Я (кроме госуд. совета, где обязан вступать в прения) нигде не выступаю ни против словесной, ни против печатной хулы или даже осуждения. Это мое правило. Даже печатные опровержения я не всегда делаю по своей воле. Вы вызвали меня на откровенность, потому-то считаю Вас человеком искренним. Да останутся и сетования мои между нами. Я мог бы посетовать на кое-что еще другое, но стерпел и не вижу пользы наскучать другим. Дело свое буду делать по совести, а с другими, которые мне солят, пусть рассудит меня Бог.

Душевно уважающий и преданный

13 января 85 г.

Н. Бунге.

487

Многоуважаемый Константин Петрович.

Извлечение из письма Вашего корреспондента я получил. Печальное положение нашей промышленности и торговли мне более, чем кому-либо, известно. При громадном производстве хлеба в Америке и в Индии наши хлебные цены, зависящие от заграничных, упали донельзя. В Лондоне платили за пшеницу 3 года тому назад 55 шил. за квартал, а теперь только 30¹/₂ шил. С понижением хлебных цен уменьшились до крайнего предела доходы наших помещиков и крестьян. Нет доходов у тех и у других, нет и денег у них для покупок на ярмарках фабричных изделий. Нет у фабрикантов покупателей — приходится сокращать производство, и некоторые фабрики сократили число рабочих дней на ¹/₃ или ¹/₂. При таком положении вещей петербургские фабриканты и многие из московских, в том числе Т. С. Морозов, просили об ограничении ночной работы женщин и детей — в целях сокращения производства, которое вследствие избытка товаров, не находивших покупателей, становилось убыточным.

«Московские Ведомости» высказались очень определенно в пользу этой меры.

Дело обсуждалось в присутствии фабрикантов в совещании из лиц от мин. вн. дел и финансов и составлен закон. По издании закона поступили противоположные заявления, и в целях смягчения состоявшегося постановления, по соглаше-

нию с И. Н. Дурново, решено было считать ночную работу от 10 ч. вечера до 4 утра. Таким образом, фабрикант, располагая 18 часами в сутки, может, кажется, удобно распределить работу и женщин, и детей. Прежде большего и не просили, теперь, по-видимому, и этого мало. Мы походим на больного, которому кажется, что он страдает не от того, что его мучит болезнь, а от того, что ему неловко стелют.

В письме Вашего корреспондента есть однако одна крупная неточность: «Детям отказали по недостаточности возраста и велели учиться, — замечает он, — но ведь тех, которым отказали, нельзя привлекать к учению...»

То, чего не видит и, быть может, не мог видеть Ваш корреспондент и чего не видит огромное большинство людей, принадлежащих к образованным и правящим классам в России, — это процесс экономического разорения и нравственного растрепания, который происходит на наших глазах.

Все требуют денег и денег из государственного казначейства, требуют их и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия, не справляясь с тем, во что обходятся деньги, поступающие в казну. Забывают, что казна может раздавать только то, что она собирает с народа, и что в такое тяжелое для народа время надо беречь каждый рубль.

И войско, и флот, и школы, и суд, и пр. — все это блага большие и необходимые, но если мы берем на все государственные нужды с населения более, чем оно может дать, то понятно, что мы увеличиваем только число просящих милостыню и протягивающих руки. Одновременно с этим и промышленность хочет работать на счет государства, не заботясь о том, кто будет в состоянии покупать ее произведения, и не соображая, что бедняк покупать не будет, хоть бы предприятие работало на счет казны. Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счет казначейства.

В последние пять лет на моих глазах обыкновенные государственные расходы увеличились на 100 мил. рублей ежегодно. Если бы эти 100 мил. ежегодно оставались в руках народа, то понятно, что были бы покупщики на ярмарках.

Но кроме обыкновенных расходов есть еще чрезвычайные и сверхсметные, которые сначала сдерживались (1881—1882 гг.),

но потом приняли снова громадные размеры¹. Вы, быть может, скажете, что чрезвычайные расходы можно бы сократить на 50 мил. рублей, расходуемых на сожжение кредитных билетов, но если бы Вы поверили наши счета, то Вы увидели бы, что мы израсходовали на сокращение кредитных билетов только сумму, назначенную на один 1881 год, а все остальное цело и составляет запас на случай могущей обрушиться на нас войны. — Позвольте просить Вас сохранить эти сведения в тайне.

Я верю Вашей искренности, поверьте и Вы моей: я сочту счастливейшим днем в моей жизни тот день, когда министерство финансов перейдет из моих рук в руки лица, обладающего большей энергией, чем я, для того чтобы идти против течения, уносящего нас в пропасть, лица, которое сумело бы ограничить требования, обращенные со всех сторон к государственному казначейству, и притом нашел бы более широкую поддержку, необходимую не для министра лично, но для блага престола и отечества и для достоинства правительства.

Искренне преданный Вам

Четверг 14 ноября 1885 г.

Н. Бунге.

488

26 ноября 1885.

Смета мин. нар. просвещения будет слушаться в четверг. Сибирский университет предполагается открыть 1-го июля и на содержание его испрашивается 189 т.

В этом случае Делянов напоминает мне Чичикова, который, торгуя мертвыми душами, считал нравственной обязанностью прочитать записки герцогини Лавальер.

Я бы предложил вместо открытия сибирского университета построить ледяной дом на Неве, как при Анне Иоанновне. Прохладное шутовство было бы в этом случае и дешевле, и безвреднее. Я был нынче летом на границах Сибири и наслушался от всякого сколько-нибудь здравомыслящего человека выгражений недоумения об этой выдумке либерального чиновничества, которую я лично считаю опасной политической ошибкой.

¹ Стратегические железные дороги, напр.

Необходимо было бы сегодня, под предлогом разверзающегося на 86 г. дефицита, открытие университета отложить, а между тем — назначить высшее совещание, которое образумило бы Делянова и дало всему этому делу более разумный оборот. Отчего не открыть в построенном здании горную, инженерную, политехническую школу и т. п.?

Все это можно устроить с весьма незначительной оборотливостью, а между тем очень опасаясь, что все покатится по прямолинейным рельсам канцелярской рутины и равнодушия.

До свидания.

489

Искренне уважаемый Константин Петрович.

Душевно благодарю Вас за сообщение и считаю нелишним присовокупить, что вполне подчиняюсь Вашему воззрению и не буду возбуждать никаких ходатайств, ниже разговоров. Надеюсь на днях покончить и со сдачей дел.

Искренне Вам преданный и уважающий Вас.

13/V—85 г.

М. Каханов.

490

Виленский,
ковенский и гродненский
генерал-губернатор
28 января 1885 года
№ 4.
г. Вильна.

Секретно.

Милостивый государь Константин Петрович.

Имею честь препроводить при сем как образцу нелепостей, печатаемых в польских заграничных газетах, перевод статьи из номера «Познанского Дневника».

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности, с коими имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорный слуга

Иван Каханов.

Выписка из № 28 «Дневника Познанского» от 24 января
(5 февраля) 1885 года.
Отдел — Польские земли.

(Из угнетенного края). Из Варшавы в «Газету Народов» пишут следующее:

После назначения известного петроковского губернатора г. Каханова помощником виленского генерал-губернатора и прибытия его в Вильну, г. Каханов, всмотревшись в положение дела, обратил внимание на то, что не только в правительственных учреждениях, но и вообще в целом крае, несмотря на существующие указы, находится много поляков на службе и владельцев земельной собственности (или по праву прямого владения, или по праву аренды, или по праву заставных владельцев, или по праву залогопринимателей), и, находя такое положение вредным и мешающим окончательному обрусению Литвы, Волыни и т. д., недолго думая, написал меморию в правительствующий сенат, в которой, описывая положение вещей и проектируя меры к устранению существующего порядка, вместе с тем подробно формулировал несколько параграфов, на основании которых поляки раз навсегда должны быть удалены из края и лишены права пользования земельной собственностью.

Мемория эта, представленная председательствующему в правительствующем сенате великому князю Михаилу, по прочтении и рассмотрении ее великим князем была признана образцом нелогичности, злости и безрассудства, а издание требуемых г. Кахановым распоряжений признано весьма вредным в экономическом отношении не только для края, но и для целого государства. На этом основании указанная мемория была сдана в архив. Г. Каханов, ожидавший разрешения своего представления с величайшим нетерпением, когда узнал о судьбе, постигшей его меморию, все бумаги, относившиеся к этому делу, в полном составе отослал в Москву к г. Каткову, большому своему приятелю. Катков все это дело напечатал в «Московских Ведомостях», пополнив прибавлением, что сенат оттого отверг представление г. Каханова, что получил от поляков взятку, что члены правительствующего сената изменники России, люди без чести, веры и совести и т. д.

Великий князь Михаил, прочитав это обвинение, оскорбительное не только для целого состава сената, но кроме этого для него как председательствующего в сенате, с этим номером «Московских Ведомостей» сейчас же отправился к государю Александру III, прочитал ему вышеуказанную статью и потребовал: 1) наказать г. Каткова за такой бессовестный и бесчестный поступок и 2) увольнения в отставку себя и всех членов сената, так как они при обвинении их в измене и взяточничестве далее служить не могут.

Государь приказал оставить у него принесенную газету, объявив, что он рассмотрит и строго накажет виновного, тем более, что он сам признает, что правительствующий сенат поступил правильно. В заключение государь приказал великому князю явиться на другой день за получением решения.

Тем временем обо всем происшедшем узнает г. Победоносцев и, не теряя времени, влетает к царю и после продолжительного разговора выходит с радостным лицом. На другой день приезжает к царю великий князь Михаил, но его не допускают, а вручают ему запечатанный конверт. Великий князь, вскрыв конверт, находит в нем отданную им вчера царю газету с собственной царской надписью карандашом: «строгий выговор делу сенату за нерассмотрение мемории и за неслушание ее соответственным порядком».

Затем правительствующий сенат получил приказание рассмотреть меморию и сделать соответственное представление.

Последствием всего этого явился указ, объявленный 12 января 1885 года, относительно приобретения в собственность, отдачи в аренду и приема в залог земельной собственности, расположенной вне городов и местечек 9 западных губерний.

492

Многоуважаемый Константин Петрович.

Очень и очень Вам благодарна за брошюру. Прочла с величайшим интересом, хотя и без удивления. Более или менее мне все было известно. В последнее время они зашли чересчур далеко. Истинно не ведают бо, что творят. Они крепки чистотой своих намерений и, может быть, чистотой жизни, но самомнение и невежество страшное. Я позволила себе кое-где

делать карандашом пометки. Так бы хотелось с вами поговорить об этом деле *in extenso*, именно потому, что так близко знаю многих из них, хотя расходимся в мнениях все больше и больше.

Думаете ли Вы, что строгость и преследование помогут искоренить это зло? Мне представляются слова Гамалиила: «Отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо если сие предприятие от человеков, то оно разрушится».

Жаль, очень жаль, что вы недосыгаемы для разговора.

Извините, что так долго задержала брошюру моего бедного Льва. Я подчас задыхалась, читая ее. Вот еще сумбур, но явно, что во многих душах совершается сильная работа, и более, чем когда-либо, настало время для церкви вступить в равносильную борьбу, а не дремать, *чтобы не связали сильного*.

Дай Бог нам хоть дюжину Митрополовых.

Простите, дорогой Константин Петрович.

Сердечно преданная Вам гр. А. Толстая.

493

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

За бандеролью с надписью хорошо знакомой и симпатичнейшей руки получил я на днях следующие печатные бумаги: доклад господина министра народного просвещения в государственный совет от 4 декабря 1883 года № 15660, об учреждении при попечителе кавказского учебного округа должности третьего окружного инспектора, запрос господину министру н. пр. от государственного секретаря 20 марта 1884 года № 903 и сведения г. министра в ответ на тот запрос от 24 января 1885 года № 1758.

Если паче чаяния ожидается мой отзыв, то я, не обинуясь, выскажу полное сочувствие к мерам заботливости министерства и местного учебного начальства об образовании горцев при помощи их родных языков. Мера эта в применении к инородцам волжского края оправдана опытом. Конечно, и в кавказском учебном округе родные языки учащегося городского юношества сильно помогут удобнейшему и основательнейшему их

образованию. Мне представляется также счастливой та мысль, чтобы изучение горских языков, составление начальных учебников на оных и печатание этих книжек были сосредоточены в лице особого (третьего инспектора), который будет исключительно заведовать горскими школами и образованием горцев, — будет на месте видеть потребности училищ и в то же время проверять свои переводы среди учащегося юношества и населения горских местностей. При главном управлении кавказском всегда было много талантливых и научно образованных людей; найдется, конечно, и теперь способный продолжатель трудов барона Услара. Прежде всего нужно напечатать те книжки, которые уже сделаны Усларом, и их пустить в употребление по соответственным школам и местностям.

Интересуясь изложенными в этих бумагах сведениями и соображениями, я решил завладеть ими, т. е. оставить у себя, но если прикажете, то возвращу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорным слугой

18 мая 1885 г.

Н. Ильминский.

— 1886 —

494

Пожалуйста, перешлите это письмо по назначению.

7 янв. 1886.

А.

495

24 янв. 1886.

Я узнал тоже только в понедельник от Островского, что записка о финансах написана вашим Смирновым, не знал даже, что он занимался прежде финансовыми вопросами. Д. Б. Рихтер, приносящий ко мне всегда массу записок по всем возможным вопросам, принес мне раз в

Гатчине брошюру Смирнова, но я должен сознаться — не зная, кто этот Смирнов, не обратил вовсе внимания и не читал ее. На днях Бунге приносит мне свою записку в ответ Смирнову, но тоже ничего не говорил, кто этот Смирнов, и без всяких комментариев просил оставить ее у меня.

Только после разговора с Островским я обратил внимание на эту брошюру и должен сознаться, что заключения Бунге меня удивили. — По-моему, это бестактно и глупо. У нас всегда так, все принимают за личности и спокойно не могут отнестись ни к какому вопросу.

Впрочем, я не придаю никакой важности всему этому инциденту.

Ваш Александр.

496

Вы получите от Танеева 3000 р. на холмское братство и 1000 р. для женской общины в посаде Лесне.

Янв. 1886.

А.

497

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, передайте кн. В. П. Мещерскому (он просил меня видеть), что я могу его принять на второй неделе поста в Гатчине, а теперь у меня решительно нет свободного времени. Пусть он напишет мне, тогда я и назначу день и час.

22 февр. 1886 г.

А.

498

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, передайте кн. В. П. Мещерскому, чтобы он приехал ко мне в субботу, 8 марта, в 12 ч. Простите, что надоедаю.

Пон. 3 марта.

А.

499

Телеграф

из Ливадии 25/3

Телеграмма № 38.

ПБГ Ливадии Н 38 19, 25, 11, Н.

Принята с аппарата.

Благодарю от души за приветствие с нашей новорожденной. Рады быть снова в Ливадии.

Александр.

500

Телеграф.

из Ливадии .

Телеграмма № 271 13/IV.

ПТБГ Ливадии 271 Н, 31 8, 30, ДН.

Принята с аппарата.

Воистину воскресе. Никогда не забуду эту чудную Страстную неделю, проведенную в Ливадии, и службы в нашей прелестной церкви. Поздравляю искренно с наступившим праздником.

Александр.

501

Пон. 4 мая.

По вашей просьбе, любезный Константин Петрович, я послал через гр. Толстого 5000 р. в пользу погоревших Белого.

На днях оставляем милую и тихую Ливадию и переходим в Севастополь.

Погода нас не побаловала, хотя были и прелестные дни, а со вчерашнего дня наступила чудная летняя теплота, и все в зелени, и цветах, и благоухает. Прелестно. В Москве хочу провести день коронации и быть в Успенском Соборе.

До свидания.

1 мая 1886 г. Ливадия.

А.

502

Телеграф в ст. 32
из Москвы 15/V 1886.
Телеграмма № 26.
№ 12 15/V 4 ч. 16 м. пополудни.

Принята с аппарата
15/V 1886

Сердечно благодарим Вас за теплые пожелания.

Александр

503

Телеграф в Кисловодске
из Александрии 26/VII 1886 г.
Телеграмма № 518.
№ 41 26/VII 8 ч. пополудни.

Принята с аппарата
26/VII 1886

Очень благодарен за Ваши два письма, последнее получил сегодня, прочел с большим интересом. Надеюсь, что довольны лечением и что действительно поправитесь. У нас лето было замечательное теплое и погода отличная, дождей было мало.

До свидания.

Александр.

504

Телеграф в Ги.
из Гатчино 10-го 1886 г.
Телеграмма № 115.
№ 15 10-го 2 ч. 50 м. пополудни.

Принята с аппарата
10 1886

Как Ваше здоровье после вчерашнего? Надеюсь, что совершенно поправились.

Александр.

505

Телеграф в Гл. Ст.
из Петергофа
Телеграмма № 61.
№ 27 3/VI 2 ч. 44: м. пополудни.

Принята с аппарата
13/VI 1886 г.

Очень рад, что Вы поправляетесь, и надеюсь, что кавказские воды восстановят Ваше здоровье. В четверг в 12 ч. могу Вас принять.

Александр.

506

Императорский телеграф в Тифлисе.

Телеграмма № 606.

26 слов.

Подана в Бресте город 1886 г. 5 ч. по п/д.

Получена в Тифлисе 1886 г. 8 ч. по п.д.

Обер-прокурору св. синода.

Искренно благодарю Вас за поздравление и привет. Отпраздновали вместе с войсками сегодняшний день. Здесь в крепости жара сильная, чудная погода.

Александр.

507

Эти дни я все думал, какой ответ дать Полякову насчет покупки акций балканских жел. дорог. Вопрос этот и политический, и финансовый, так что решить его лично я не берусь. Какой дать дальнейший ход этому делу — предоставляю Полякову самому решить, и потом пусть передает мне через Вас его решение.

14 дек. 1886 г.

А.

508

Очень благодарен Вам за составленный рескрипт Рейтерну. Очень сожалею, что он уходит, но ничего не мог сделать и уговорить его остаться. Болезненное его положение действительно ухудшилось, и он, видимо, тяготится им и желает на покой.

Надеюсь, что Бунге на месте председателя будет хорош и оправдает мой выбор, по крайней мере Рейтерн очень надеется, что Бунге будет на месте.

25 дек. 1886 г.

А.

509

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

Почитаю нелишним обратить внимание Ваше на следующее обстоятельство: С недавнего времени во всех бумажных лавках поступила в продажу почтовая бумага с конвертами отворотительного красного цвета. Посылаю вам образец. Посмотрите на свет, водяной знак изображает «красного петуха». Он держит какой-то щит с буквами в анаграмме.

Мне кажется, что это нововведение неспроста, и стоит обратить на него внимание. Нетрудно, кажется, исследовать, какого происхождения эта бумага — иностранного или русской фабрикации, и в последнем случае, чьей.

Мудреного нет, что она появилась первоначально за границей, — всего вероятнее, во Франции; из старых мемуаров видно, что еще в первую революцию появилась красная бумага и вошла в моду.

«Петух» как будто указывает на русское происхождение (красный петух), а с другой стороны, напоминает и Францию (соq galois).

Многие, ради курьеза, покупают такую бумагу, а иные рассылают и красные письма по почте. Разумеется, для большинства это *забава*, но стоит, кажется, обратить на нее внимание.

Душевно уважающий и преданный

15 янв. 1886 г.

К. Победоносцев.

510

Действительно, потеря в своем роде незаменимая. — Человек он был истинно русский, с чистою душою, и хотя и маньяк в некоторых вопросах, но защищающий везде и всегда русские интересы. — Я узнал о смерти Аксакова еще вчера вечером и телеграфировал от себя и императрицы Анне Федоровне.

Какая горькая весть пришла сейчас из Москвы, Ваше императорское величество. Аксаков скончался сегодня в 7 часов вечера, внезапно, от разрыва сердца. Вот еще утрата незаменимая: немного таких честных и чистых людей, с такою горячею любовью к России и ко всему русскому. Кроме того, с ним сходит в могилу целый ряд преданий, унаследованных от прошлых поколений, того же свойства. Место его будет пусто в Москве, и некем заменить его. Новые подрастающие силы — когда-то еще образуются и окрепнут и как-то еще образуются.

Здоровье его сильно потрясено было в последние годы, но никто не ждал такого близкого и внезапного конца.

27 янв. 12 ч. ночи.

Константин Победоносцев.

511

28 янв. 1886 г.

Потрясены глубоко Вашим горем и всеобщую незаменимую утратой, весь язык славянский ее оплакивает, его горячая душа нашла себе успокоение и узрела в свете судеб Божиих — судьбы родной земли, о коих всю жизнь печаловалась, а мы осиротели, да помилует нас и да утешит вас Господь.

512

2 февр. 1886 г.

Представляемый при сем ... составлен по соглашению с гр. Д. А. Толстым, который признает крайне желательным принятие предположенной меры. Присоединение гражданских похорон или проводов к церковной процессии мало-помалу распространилось у нас и заведено не без тайного намерения установить повод к демонстрациям, которые не раз уже и

происходили (как, напр., при погреб. Дост., Тургенева и др.) и причиняли немало затруднений полиции. Между тем ношение венков становится как бы обычным уже делом даже при заурядных похоронах; при малейшем поводе между частн. лицами, чиновниками, между военн. уч. зав., студентами и пр. затевается подписка на венок, причем и бедные люди невольно побуждаются к непосильным расходам из ложного стыда или тщеславия.

Итак, смею думать, что желательно и необходимо по многим причинам прекращение этого обычая; а первой мысли о сем удобнее всего исходить от синода, так как погребение у нас всегда было и остается в ведении церкви.

513

Предполагалось, но по зрелом обсуждении не отправлено.

Не погневайтесь, Ваше императорское величество, за настоящее писание, коим являюсь беспокоить Вас.

В настоящее время даются здесь по субботам, в зале дворянского собрания, и приходят уже к концу исторические концерты Рубинштейна. Они составляют событие в музыкальном мире целой Европы. Прошлой осенью и зимой эти концерты происходили уже в Берлине и в Вене и возбудили всеобщий восторг и удивление И в Берлине, и в Вене все сословия общества, начиная с членов царствующего дома, принимали живое участие в этом деле. В Вене по окончании концертов устроен был Рубинштейну праздник, в коем приняли участие многие из эрцгерцогов и герцогинь Кумберландских.

Несомненно, что в настоящую минуту Антон Рубинштейн есть первая величина и первый авторитет в музыке и после смерти Вагнера не имеет себе равного. В музыкальной технике, в совершенстве исполнения никто, по общему сознанию, не достигал такой полноты и такой силы. Имя его популярно в Европе и в Америке; где он ни появится, около него собираются первые таланты в музыке, в искусстве, в литературе, с сочувствием и с уважением к его таланту.

Приятно думать, что этот художник, в своем роде господствующий, принадлежит России. По рождению своему, по воспитанию, по семейным и общественным связям и отно-

шениям, по привычкам и образу жизни — Антон Рубинштейн русский и остается в России, несмотря на блестящие предложения, которые не раз делались ему за границей.

Кроме того, он человек высокообразованный и благородно-го сердца, в чем все отдают ему справедливость. Во всех больших городах, где давал он свои концерты, немалое сочувствие привлекал он тем, что, несмотря на труд, которого стоит ему продолжительное и энергическое исполнение, он повторяет каждый из своих концертов даром для учеников и учениц консерваторий и музыкальных классов. То же делает он теперь и в Москве, и в Петербурге.

Антон Рубинштейн уже стар, силы его ослабевают. По всей вероятности, и жить ему уже недолго, и настоящие концерты будут едва ли не лебединою для него песнью.

Самого Рубинштейна я выдаю очень редко и случайно, на концерты его не езжу (нет для того времени и сил) и не о нем теперь забочусь.

Но мне кажется, что достойно и праведно было бы и вполне отвечало бы достоинству верховной власти, в смысле покровительства искусству, если бы Ваше императорское величество и государыня императрица удостоили Вашим присутствием один из этих концертов Рубинштейна, показав тем внимание к имени русского художника, знаменитому во всей Европе. Я знаю, что многие, коим дорого русское искусство, будут до глубины души обрадованы таким знаком Вашего внимания.

В следующую субботу весь концерт будет занят исполнением Шопена, которого, как мне кажется, любит слушать государыня императрица, а следующий за тем, и последний субботний вечер 15 февраля, будет посвящен исключительно музыке русских композиторов Глинки, Чайковского и др.

6 февр. 1886 г.

Константин Победоносцев.

514

Очень благодарен за это письмо.

Позволяю себе представить на прочтение Вашему императорскому величеству некоторые (очерченные карандашом) места из письма совершенно частного, которое я получил вчера по оказии от графа А. П. Игнатъева. Думается мне, что это

неофициальное известие о положении дел по Сибири может представить интерес для Вашего величества.

20 февраля 1886 г.

Константин Победоносцев.

515

Получите от Танеева 700 р. Очень желательно хотя самых опасных послать в Париж к Пастеру, который очень интересуется именно укушением бешеного волка, так как еще не имел у себя подобного больного. Брат Владимир был теперь проездом через Париж у Пастера и видел некоторых русских у него.

А.

В ночь с 16 на 17 февраля в городе Белом, Смоленской губ., случилось ужасное происшествие.

В город ворвался бешеный волк и икусал 18 человек, в том числе священника Василия Ершова, когда он шел в церковь к утрени. Ершов — человек со средствами и, обменявшись телеграммами с Пастером, собирается уже ехать в Париж.

Остальные все народ бедный и темный. Толкуют на месте: нельзя ли отправить и их в Париж, но это потребовало бы издержек непосильных, но помощь им во всяком случае нужна. Больница в городе переполнена и могла принять только осьмерых из числа пострадавших. Нужно нанять особое помещение и устроить особый надзор за этими несчастными, при правильном и человеколюбивом уходе была бы еще возможность спасти хотя некоторых.

Я получил об этом известие с места и спешу представить этот случай благоволителю вниманию Вашего императорского величества. Не благоволите ли пожаловать на это доброе дело некоторую сумму (напр., 600—700 р.) — деньги можно отправить к председателю местной земской управы, который заботится о больных. Я попытаюсь еще попросить некоторого пособия у двух-трех богатых людей.

21 февраля 1886 г.

Константин Победоносцев.

516

Занятия мои с его императорским высочеством великим князем цесаревичем начались 11 октября 1885 года и продолжались в течение 2 часов каждую неделю.

Для первого курса избран мною круг общих понятий и сведений, относящихся к так называемой энциклопедии законоведения, с применением к особливому положению слушателя.

Так пройдены и разъяснены по возможности общие понятия о праве и отличительных его свойствах и признаках, о законе и его значении, о системе и разделении прав и властей в государстве, с кратким обозрением общей истории законодательств и кодификаций. Затем пройдена в главных явлениях история русского законодательства с наглядным указанием на главнейшие его памятники, до издания свода законов. После того происходило последовательно обстоятельное обозрение всех томов и частей свода законов, дабы ознакомить великого князя со всеми главными предметами русского законодательства в современном его содержании и составе.

По временам мы останавливались, возвращаясь к прежде пройденным предметам, дабы удостовериться, какое об них понятие осталось в уме у цесаревича.

27 февраля 1886 г.

Константин Победоносцев.

В течение следующего года предполагается еще пройти с его высочеством учение о лицах с их правами и обязанностями и о разных родах имуществ, а затем перейти к предметам государственного права, конечно, к изложению учреждений государственных.

517

Насл. цесарев.

6 мая 1886 г.

Радуясь, что нынешняя годовщина Ваша соединяется с памятью старой и с надеждой на новую славу русского флота. Да хранит Вас Бог и да благословит ощутить сегодня новую любовь к отечеству и новую веру в грядущие судьбы его.

В первый раз в России предполагается положить запрещение на промышленность не только заводскую, но и на отрасль сельской промышленности. Исчисляется *гадательно*, сколько сахара потребно для потребления на рынке, и запрещается заводам производить более, ибо излишек производства облагается штрафом, очень высоким. В связи с заводскою промышленностью должно быть сокращено и возделывание свекловицы. И все это для того, чтобы искусственно поднять цену на сахар, в особое покровительство свеклосахарной промышленности.

Никакая иная промышленность не пользовалась таким покровительством, хотя многие много важнее для государства этой. Не говорим уже о хлебной, но хлопчатобумажною кормятся у нас целые губернии, и в фабричной промышленности был и есть острый кризис от *перепроизводства*, но никто и не думал его ограничивать.

Настоящее предложение основано, по мнению моему, на данных *гадательных*, указывающих на мнимую опасность от *непринятия* предлагаемой меры; напротив того, опасности от *принятия* этой меры представляются мне *действительными*.

Указывают на избыток производства и запасы сахара вычисляют в 2 700 000 пуд. Но странно видеть опасность в этом избытке. Всякое производство ведется разумно с запасом. Всякий завод должен иметь запас, на случай хотя бы неурожая свекловицы в будущем году.

Указывают, что в случае непринятия меры казна не получит ожидаемой суммы акциза. Позволительно усомниться в этом, потому что сахар непременно будет потребляться, следовательно, и производиться. Говорят, что многие заводы закроются или сократят производство. Сомнительно, чтобы закрылись солидные заводы, но закроются *несолидные*, т. е. рассчитывавшие на спекуляцию от повышения цен на товар и на акции. К несчастью, все свеклосахарное дело испорчено у нас акционерною горячкой 60-х годов. Основались акционерные общества с расчетом на большие дивиденды; сами они не сеют свекловицу и ведут дело нехозяйственно; многие из них держатся лишь благодаря покровительству и достигают значи-

тельных дивидендов на свои акции. Если и закроются такие заводы, не беда. Но правительству, издержавшему уже столько миллионов на это покровительство, пора остановиться.

Говорят, что рабочее население потерпит от сокращения производства при падении заводов. Но разве не столько же (а я думаю, гораздо более) потерпит оно, когда сократится производство от искусственного возвышения цен? Притом сократятся и посевы.

Главная же опасность, которую усматриваю в предлагаемой мере, — это поощрение спекуляции, которая ныне уже возбуждена одними слухами о нормировке. Цены и теперь уже поднялись чрезмерно. Лица, успевшие скупить, ввиду нормировки, большое количество сахара, наживут миллионы, ибо станут определять цену по своей воле и станут господами рынка. Спекуляции открывается широкое поле, когда заранее определено, сколько товара может быть допущено на рынок.

Итак, предлагаемая мера в пользу промышленности обратится в сущности лишь в пользу некоторых заводчиков и спекулянтов. Какою же ценою приобретается ими такая выгода? Ценою *налога*, косвенно падающего на народ, т. е. на всех потребителей, налога, который по меньшей мере простирается до 30 миллионов.

519

14 ноября 1886 г.

Я прочел с удовольствием представленный Вами адрес подольского училища для девиц дух. звания с выражением благодарности за дарованное училищу преобразование, мне приятно думать, что оно послужит не только к расширению сведений и к улучшению судьбы воспитанниц по выходе их из заведения, но и к усовершенствованию их в том, что составляет главную цель их воспитания в вере и благочестии, в любви к церкви и отечеству, в чистоте нравов и добрых обычаях; в предстоящей им семейной жизни и деятельности они должны будут передать новому поколению то нравственное добро, которое приняли от воспитавшего их заведения.

Прошу Вас передать училищу сердечные мои пожелания успеха в обновленной его жизни.

520

Многоуважаемый граф Дмитрий Андреевич.

В воскресенье будет общее собрание славянского комитета. Невольно возникает опасение, как бы тут не вздумали произносить речи политического содержания, что крайне нежелательно при нынешних обстоятельствах. Наверное явится Орест Миллер, а от этого оратора можно ожидать самых непредвиденных выходов. Да и на П. П. Дурново нельзя положиться. Душевно уважающий и преданный

20 ноября 1886 г.

К. Победоносцев.

521

Я не могу соглашаться со всеми доводами, приведенными в записке, тем более, что все сведения, которые я имею с самих местностей, вовсе не представляются такими тревожными. Конечно, если искать затруднений во всем, то трудно дело вести.

Военный министр потребовал моего заключения по проекту присоединения Ростовского уезда и таганрогского градоначальства к Области Войска Донского.

Рассмотрев этот проект во всей подробности в связи с предположениями особой комиссии, я пришел к убеждению в неисполнимости этой задачи без крайнего вреда для самых существенных интересов общего государственного управления.

Каков бы ни был результат предстоящего рассмотрения этого дела в государственном совете, я счел долгом совести изъяснить военному министру со всею откровенностью свое мнение и свое крайнее опасение за последствия предполагаемого слияния совершенно разнородных учреждений.

Зная, что Ваше императорское величество изволили обратиться особое внимание на это дело, долгом почитаю представить на благоусмотрение Ваше копию с отзыва моего, данного на запрос военного министра.

20 ноября 1886 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

Копия.

Отношением от 11 минувшего октября за № 1374 Ваше высокопревосходительство изволите требовать моего заключения по вопросу о присоединении Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к Области Войска Донского.

Рассмотрев доставленные при том отношении проект, выработанный высочайше учрежденною для обсуждения означенного вопроса особою комиссией, равно и предположения войскового наказного атамана Войска Донского, я долгом почитаю изложить по сему предмету возникшие у меня при чтении этого проекта важные недоумения.

Комиссии, высочайше утвержденной для обсуждения вопроса о присоединении к Области Войска Донского Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства, предстояла задача величайшей трудности: начертать в краткий срок нынешнего лета проект слияния разнородных учреждений общего управления Ростовского и Таганрогского уездов с особыми учреждениями Области Войска Донского. Задача эта вообще едва ли разрешима при условии сохранения особых донских учреждений, но во всяком случае для разрешения ее требовалось предварительное и самое тщательное изучение тех коренных и существенных отличий, кои существуют по закону в том и другом учреждении. Лишь при таком условии возможно было начертать сколько-нибудь соответствующие практическим потребностям соображения и понадеяться, что при введении их в действие все отправления органов государственной и общественной администрации будут совершаться при предположенном слиянии разнородных областей, в стройном порядке, без смешения и путаницы. Для сего необходимо было привести в явственное для себя сознание: каким порядком и на каком основании устроены и действуют по особому учреждению Области Войска Донского и по особым хозяйственным ее условиям органы государственного, общественного и местного управления. Ни по чему не видно, чтобы комиссия приступала к подобной работе, и в сообщенных мне бумагах не помещено, хотя бы в виде справки, сведений по сему предмету, существенно необходимых для разумного обсуждения та-

ких преобразований, коих задача принадлежит к числу самых сложных и трудных для законодателя. Притом еще оказывается, что сведения о сем нелегко извлечь с надлежащею точностью и из свода законов, ибо помещенные во II и XII томах свода учреждения Войска Донского подверглись со времени издания свода значительным преобразованиям. С 1869 года прекращено помещение соответственных новых узаконений по сему предмету в продолжениях к своду, прекращено на том основании, что все эти учреждения пересматриваются в военном министерстве, от коего ожидается (но еще не последовало) новое издание общего положения. Довольно трудно предположить, что без предварительной работы сего рода, которая должна быть совершена при подготовке дела к внесению в государственный совет, каждый член государственного совета может предпринять для себя затруднительное изыскание и исследование всех постановлений, относящихся к управлению Области Войска Донского.

Работа комиссии ограничилась исключительно механическим совокуплением или переименованием должностей и учреждений для предполагаемого слияния, причем все приурочение сделано к должностям и учреждениям Области Войска Донского, а по некоторым предметам, требовавшим исследования и сношения с центральными ведомствами (как-то: по судебной части, по финансовому управлению, по земскому хозяйству), предоставлено еще подлежащим министрам или вступить в соглашение, или составить проекты особых положений.

Очевидно, что такого механического, или, так сказать, канцелярского, соединения или переименования должностей и учреждений далеко еще недостаточно для полного их слияния. Оно могло бы еще считаться достаточным, когда бы дело шло о совокуплении или разделении отдельных частей, на одинаковых началах управляемых и состоящих под общим учреждением, напр. при отчислении уездов от одной губернии и причислении к другой. Но в настоящем случае дело представляется совсем иначе. Предполагается соединение частей самого разнородного состава и учреждения, притом с разнородностью самою характерною, основанною на коренном историческом, экономическом и политическом различии быта и учреждений. При таких

условиях одно механическое соединение не только не достигает государственных целей, но угрожает последствиями, прямо противоположными сим целям, т. е. расстройством совершавшихся ныне в правильном порядке государственных отправления.

Почитая это дело крайне важным, по беспримерной его новости и по ожидаемым последствиям, я признаю долгом обратить внимание Вашего высокопревосходительства на совсем особливые условия предполагаемого слияния.

Область (по прежнему, вполне верному наименованию, — «Земля») Войска Донского имеет совершенно особое и происхождение, и государственное значение, и форму управления в ряду прочих территориальных частей, входящих в состав Российского государства. Так разумело ее до сих пор и законодательство, именуя донское казачье войско «*особым государственным учреждением*» (см. ук. 2 июля 1871 г. о войсковом капитале).

Во всех прочих областях государства территория, входящая в географические их границы, почитается (за исключением собственности, присвоенной частным лицам и учреждениям) непосредственно государственною принадлежностью, входя в общий состав государственных имуществ. Напротив того здесь, по заселении края в течение веков вольными пришельцами, устройшими военный и хозяйственный быт свой в виде казачества донского, — государственная власть признала их особым военно-хозяйственным сословием и отдала им в совокупное, неприкосновенное и исключительное владение особо для них отграниченную территорию, которая вся составляет *землю казачью* (см. жалов. грамоту императрицы Екатерины II, 1789 года). Притом, по видам политики государственной, строго охраняема была законом и особливая исключительность казаков как сословия, и даже исключительность казачьего владения в Земле Войска Донского, и самое отравление должностей — гражданского даже управления — исключительно казаками. И ныне политика законодательной власти в существе держится тех же начал, — хотя в последнее время допущены частные владения иногородних в Земле Войска Донского, и должности, состоящие в непосредственной связи с центральным государственным управлением (как-то: по судебной, финансовой части и т. п.), занимаются не казаками, —

но все местное управление, не только военное, но и гражданское, не только станичное, но и областное, находится в руках местных уроженцев казаков и состоит в общем ведении военного министерства, по части иррегулярных войск. Один уже беглый взгляд на учреждения донского войска показывает значительные, присвоенные казачеству, особенности *областного* управления. Власть атамана получила особое расширение и особое военно-гражданское значение в *интересах исключительно казачества*; областное хозяйство на особых условиях орудует особливим войсковым капиталом, из коего удовлетворяются, при отдельном контроле, многообразные потребности, отнесенные в других губерниях на счет государственной казны и специальных средств отдельных ведомств; земские учреждения имеют совершенно особое устройство, с сохранением приказа общественного призрения; дворянство подучило отдельное устройство, и сословие торговых казаков образовано совершенно на особых основаниях в связи со служебною повинностью тоже на особых основаниях, лежащею на всех казаках. Благодаря этой обособленности управления, землевладения и цельному — относительно — составу населения Донской области образовался и особый характер, с чертами — достойными, впрочем, всякого уважения — крепкой привязанности к своей земле и с сильным сознанием своего особенного положения и призвания в среде прочего населения. Жители берегов Дона привыкли сознать себя как бы исключительными хозяевами в земле своей.

При такой разнородности учреждений предполагаемое слияние могло бы быть успешно и способствовать правильному течению дел в таком только случае, когда бы особое и исключительное учреждение перерабатывалось в общую форму российских губернских учреждений, но реформа этого рода, т. е. преобразование на общий порядок учреждений донского казачества, не входит в виды правительства. Напротив того, имеется в виду: уездные и городские учреждения, ныне принадлежащие к общему порядку и на нем со времени учреждения о губерниях, т. е. с прошлого почти столетия, возникшие и получившие развитие, — перевести на непривычные формы управления, соображенные с казачьим бытом и ему лишь свойственные. Эта задача представляется мне неразрешимую, а

одно лишь механическое ее разрешение, как предположено комиссией, т. е. посредством приурочения и переименования мест и должностей, не только не принесет пользы, но, по крайнему моему убеждению, принесет вред — и притом не только присоединяемому краю, но и самому казачеству — усиленным разложением казачьего быта и обычая.

Нынешняя, правда, причудливая чересполосность Ростовского и Таганрогского уездов с Землей Войска Донского представляет неудобства, с коими, впрочем, уживалось местное управление. Но едва ли желательно, чтобы с устранением этих неудобств установилась вместо географической чересполосности чересполосность административных отправления и нравственных отношений, — не только неудобная, но, можно сказать, бедственная в смысле государственном.

Два города, из коих *один* есть значительный торговый порт, приобретший важное в торговом мире значение и ставший центром многочисленных сложных торговых операций; *другой* — представляет единственный на юге пример самостоятельного торгового и промышленного развития и стал в короткое время одним из самых крупных торговых рынков; два узла гражданственности — передаются в ведение казачьего управления и военного министерства. Это явление само по себе представляется ненормальным. Возможно ли ожидать от него добрых последствий?

Если б дело шло лишь о замене нынешнего губернатора атаманом с сохранением нынешних учреждений Ростовского и Таганрогского уездов — эта простая замена не возбуждала бы значительных опасений. Но при слиянии учреждений дело представляется в ином виде, и жителям присоединяемых уездов и местным административным и хозяйственным учреждениям придется войти в круг донских областных учреждений, особенного и чуждого устройства. На Дону городов не было, кроме Новочеркаска, состоящего в сущности из 4 станиц: и так города, впервые входящие в состав области, но уже привыкшие к дарованному им порядку городского управления по общему положению, должны будут подчиняться не губернскому по городским делам присутствию в составе, образованном для правильного обеспечения городских интересов, но *канцелярии* атамана. По исполнению воинской повинности,

костей подлежат масса уездного населения, местные присутствия воинской повинности, образованные по общему положению, будут состоять в ведении не губернского присутствия, но *канцелярии атамана*. Слияние местных финансовых учреждений, орудующих денежными делами на основании общего учреждения, с подобными учреждениями Донской области, для коих издано в 1872 году (полн. собр. зак. № 50960) совершенно особое положение, — представит множество затруднений. Слияние по уездам действующих земских учреждений с донским Положением тем менее понятно, что это последнее Положение находится в состоянии *проекта, еще не рассмотренного законодательным порядком*, а в правилах, ныне представленных, предполагается еще вновь пересмотреть этот проект. Нетрудно представить себе, какая путаница отношений произойдет от этой юридической неопределенности в важнейших отправлениях местного хозяйства, возложенных по закону на попечение земства.

Чем более вникаю в предполагаемое переустройство, тем более нахожу оснований опасаться этой неопределенности. Ломка существующих учреждений и отношений повлечет за собою и смену деятелей, и значительные расходы. Но важнее всего то, что при неопределенности отношений всякая неисправность или упущение получают в этой неопределенности отговорку или извинение, так что и виновного не всегда легко найти и привлечь к ответственности.

Наконец, и это, по мнению моему, всего важнее, — есть повод опасаться, что предложенным слиянием возбуждена будет в среде местного населения такая *рознь*, о которой доныне не было и помину. Донские казаки — русские люди, на особом положении состоящие, пользуясь своими привилегиями, жили в добром соседстве с русскими же людьми сопредельных уездов. Но они привыкли, более чем какое-либо иное население, считать себя хозяевами в земле своей. Теперь, когда *Области Войска Донского*, тождественной покуда с *Землею Войска Донского*, придано будет без изменения ее особых учреждений и без перемены названия значение губернии с присоединением к ней обширных уездов, не состоящих из казачьей земли, с населением, не имеющим ничего общего с казачеством, казачье население получает вид *господствующего*, а население присоеди-

няемых уездов — вид *подчиненного*, и сие последнее почтет это конечно умалением прав своих и незаслуженным принижением. И трудно не быть сему последствию, ибо центральной в местном управлении власти трудно будет сохранить за собою то *нейтральное* положение, которое должно быть с государственной точки зрения необходимым условием всякой власти. Сам закон, и ныне нераздельно связывающий атамана с войском, ставит ему в главную обязанность «наблюдать, чтоб не были нарушаемы или ослабляемы дарованные войску привилегии и преимущества» (II т. св. учр. упр. Казаков, ст. 10). Это, несомненно, останется главною его обязанностью и по присоединении новых уездов. Естественно предполагать, что наказный атаман войска ближайшими к себе людьми в управлении будет иметь казаков, и в настоящем проекте не упоминается ни о каком ограничении власти его в назначении казаков на административные и прочие должности в присоединяемых уездах.

Между тем в сем самом проекте самые названия как единиц управления, так и должностей изменяются в звания казачьи (так, исправники переименовываются в окружных начальников, а пристава — в участковых заседателей, земские управы, в распорядительные комитеты). Вышеизложенные соображения тем значительнее, что действие казачьей администрации будет простираться в богатых торговых местностях и в морском порте на предметы, вовсе до сих пор бывшие для нее чуждыми.

Обязываюсь обратить внимание Вашего высокопревосходительства и еще на одно важное неудобство, сопряженное с предполагаемым слиянием. Известно, что в Области Войска Донского евреям воспрещено не только приобретать и содержать недвижимые имущества, но и иметь постоянное жительство. Напротив того, Екатеринославская губерния принадлежала к числу местностей, в коих евреям безусловно дозволялось постоянное жительство, и притом *издавна* разрешение это дано им императрицею Екатериною II сначала в 1709 г., потом подтверждено определительно для Екатеринославской губернии в 1791 году. И так в течение целого столетия селились и распложились в этом краю поколения евреев.

Ныне предполагается необходимым запрещение, существующее для Донской области, распространить на всю присоеди-

няемую местность давнего жительства евреев. Исключение допущено для владельцев или держателей недвижимых имуществ и для записанных в купечество или мещанство. Затем вся остальная масса еврейского населения, конечно весьма значительная, должна быть принудительно выселена, а к этой массе принадлежит, конечно, большинство бедного и бездомного населения. Можно представить себе, сколько затруднений сопряжено будет с этим выселением, причем правительству несомненно придется нести расходы для вспоможения совершенно неимущим. Но вместе с сим Область Войска Донского, в новом ее составе, *получает значительное количество оседлых и приписных евреев, да сверх того* атаман еще ходатайствует (едва ли основательно), чтоб ему предоставлено было новое право, по усмотрению своему, разрешать вообще евреям и *временное пребывание и в других городах* области... Невыгода такого дара, приобретаемого казаками, едва ли не уравновешивает все имеющиеся у них в виду выгоды от присоединения к области двух уездов.

Кроме вышесказанных неудобств, несомненно, что это преобразование соединено будет с новыми и, может быть, бесплодными для государственной казны расходами, коих меру и определить невозможно, и с запутанностью в расчетах. Хотя в проекте указано из формального расчета штатов выведенное сбережение на 18 т. р. но можно опасаться, что это будет только мнимое сбережение. Новое центральное управление очевидно не в состоянии будет удовлетворяться для своих целей войсковым капиталом и потребует дополнений к нему. Атаман и ныне уже заявляет, что при новом управлении необходимо отпустить «*Войску Донскому*» из сумм государственного казначейства 70 000 руб. и из доходов гор. Таганрога 44 т., Ростова 37 т., Нахичевани 14 т. и Азова 350 р., а всего до 166 т. руб. Затем несомненно, что при дальнейшем распределении дел между новыми учреждениями и при усложнении производства потребуются и новые расходы. Несомненны неудобства от топографической чересполосицы в границах Ростовского и Таганрогского уездов с Землей Войска Донского, но эти неудобства не столь настоятельны, чтобы следовало из-за них производить, и притом немедленно, столь несовершенное и соединенное с такою ломкою существующего порядка механическое

слияние разнородных учреждений. Важнее, по мнению моему, неудобства, происходящие от того, что Ростовский уезд, содержащий так много разнохарактерного и разноплеменного, отчасти бродячего населения, во многих отношениях не удовлетворяющего условиям благонадежности, подчинен, относительно государственной охраны, ведению одесского генерал-губернатора, на дальнем расстоянии. Потому, для лучшего в сем отношении обеспечения, возможно было бы подчинить оный, по предметам государственной охраны, ведению вблизи находящейся власти, т. е. наказного атамана Войска Донского, с устройством в сем городе жандармского управления на общем основании.

523

Копия.

Приступая к исполнению возложенного на нее поручения, комиссия под председательством тайного советника Косаговым так определила свою задачу.

Из разума приведенного высочайшего повеления явствует, что сущность возложенного на комиссию поручения сводится к разрешению трех следующих вопросов:

«во-первых, уничтожение чересполосности в воссоединяемых местностях»;

«во-вторых, слияние правительственных учреждений (однородных)»;

«и в-третьих, возможное обобщение земских и сословных порядков на всем пространстве областной территории».

Установление такой программы, вероятно, и побудило комиссию направить ее усилия к достижению возможно полного присоединения, даже *слияния*, как выражается комиссия. При подобном приеме, само собою, внутренняя сторона дела утратила свою важность, а от нее преимущественно зависит, как решить вопрос о *пользе и необходимости* мероприятий, поставленных высочайшею заботливостью непременно условием приведения меры в исполнение.

Знакомясь с предложениями комиссии, я непрестанно нахожу доказательства того, что при заботливости об удобствах администрации (и то сомнительных) не обращено соответственного внимания на благосостояние и пользу администрируемых.

Различные ведомства, за исключением тех, для которых переход Ростова и Таганрога к войску Донскому безразличен (например, министерства народного просвещения и государственных имуществ), вероятно, встретятся при исполнении присоединения в проектируемой комиссией форме с чрезвычайными затруднениями.

Со своей стороны, я нахожу, что окончательные заключения комиссии не представляют наилучшего способа удовлетворить пользе и необходимости, на которую угодно было указать государю в попечении об общем благе подданных. Для *присоединяемых местностей* польза экономического и административного объединения по проекту комиссии будет пересиливаться вредом от потери или ограничения прав.

Если для Области Войска Донского присоединение принесет некоторую материальную пользу, то не иначе как в ущерб другой стороне, а потому, до приступления к исполнению планов комиссии, следует убедиться, нет ли других мер, более отвечающих правильности государственного воззрения на равные по возможности права всех управляемых. Притом нужно ожидать многих препятствий, нежелательных столкновений и долгого несогласия между донским и присоединяемым населением, пока оба привыкнут к новым порядкам. Мне кажется, никак не должно быть опущено также мнение многих авторитетных лиц, что для казачества значительный прилив чуждых элементов окажется пагубным и поведет к быстрой утрате отличающих его военных особенностей.

В 1867 году покойному государю угодно было обратить внимание на мой отчет по должности таганрогского градоначальника. На вопрос его, каким образом могла осуществиться административная неурядица, на которую я в отчете моем горько жаловался, я отвечал его величеству, что существовавшее административное деление дает повод предполагать, будто, учреждая его, заботились о труднейшем способе успешно выполнять назначение всякой власти хранить порядок между управляемыми и заботиться, чтобы ничто не препятствовало правильному развитию их благосостояния. И теперь я остаюсь сторонником тех, кто видит на месте всю несообразность настоящего административного устройства, но вместе с тем я и теперь не вижу причины изменять мнения о способе устраи-

нения вреда, которое неоднократно представлял тогдашним министерству внутренних дел и генерал-губернатору. Мнение мое клонилось к достижению той же цели, которой желательно достигнуть в настоящее время, не без ломки всех порядков и сопровождающих ее невыгод, именно в форме чисто административного объединения под властью войскового наказного атамана.

Сама комиссия в выборе наилучшего способа осуществления предначертанной высочайшею волею меры, сколько мне известно, колебалась между полным органическим и собственно административным слиянием. Если бы в комиссии заседали лица, ближе знакомые с коренным отличием воссоединяемых местностей по характеру населения и по всему строю жизни, то она сознала бы всю трудность осуществления на самом деле (не на бумаге) избранной формы. Мнения представителей местных интересов, как видно из объяснительной записки, оставлены без внимания, например мнение председателя ростовской уездной земской управы, состоящего в то же время уездным предводителем дворянства, который предлагал признать ростовское земство самостоятельную земскую единицею. О мнении его в трудах комиссии (объяснительная записка, стр. 33) значится только, что его «нельзя признать уважительным». Благодаря этим приемам стало возможным, что из двух способов разрешения задачи комиссия отдала предпочтение наименее целесообразному и даже наименее удобоосуществимому.

Внесение в государственный совет этого важного вопроса указывает, что способ исполнения высочайшей воли представлен на обсуждение государственного совета. В числе членов знакомые с местными условиями обязаны подать свой голос для разъяснения дела. Занимавши несколько лет назад должность таганрогского градоначальника, я позволяю себе высказать следующие соображения.

Уже более сорока лет поставлен вопрос о преобразовании управления этим краем. Не касаясь долгой и сложной истории вопроса и обращаясь к нынешнему его положению, должно признать, что никогда не представлялось столь совершенного, как теперь, способа его разрешения благодаря именно предначертаниям высочайшей воли, впервые утвердившей то, что со-

знавалось на месте, — необходимость воссоединения разрозненных частей того края. Действительно, наилучший способ к необходимому усилению правительственной власти есть соединение родственных по климатическим и экономическим условиям, но существенно различных по истории, преданиям, нравам и обычаям земель войска Донского и соседних невойсковых под главным начальством войскового атамана, облеченного по отношению к не казачьей части властью генерал-губернатора. Такому совмещению должности атамана и генерал-губернатора или губернатора были и есть примеры в других казачьих войсках. Подобным разрешением вопроса не только выполнено было бы то, что государь император соизволил признать *полезным и необходимым*, но вместе с тем успешнее и более соответственно выражению высочайшей воли и намерений была бы разрешена задача, над которою трудились сорок лет, и такое разрешение не опрокидывало бы существующего строя управления. Для меня несомненно, что подобная мера будет иметь самые благотворные последствия для дальнейшего развития и преуспевания края и что ее можно легко провести в жизнь, ибо, как справедливо замечает сама комиссия (объяснительная записка, стр. 4), войсковою наказной атаман пользуется в гражданском отношении полномочиями генерал-губернатора и вместе с тем соединяет в себе права и обязанности губернатора. Во всяком случае, если бы и встретилась необходимость в небольших отступлениях в порядке подчинения и вообще с формальной стороны, то, казалось бы, правительству удобнее согласиться на них, чем на предположенное теперь комиссией всестороннее перевершение, происходящее от стремления последовательно уложить все в предвзятую форму. Повторяю, наилучшее разрешение этого вопроса в совершенно новом взгляде, выраженном резолюцией государя императора, доселе не входившем в соображения правительства.

Предоставляя себе, если будет на то высочайшее соизволение, войти в различные подробности вопроса, когда он будет обсуждаться в государственном совете, позволяю себе теперь же представить вниманию Вашего высокопревосходительства в немногих чертах некоторые мои общие взгляды.

В Остзейском крае, в Царстве Польском и на Литве мы неуклонно преследуем цель ввести общие государственные уч-

реждения, и подобная государственная мера встречает сочувствие русских подданных его величества. Между тем новым проектом на коренной русской земле легко решаются отступить от этого мудрого правила и, по моему мнению, без достаточных оснований, тогда как есть лучший способ осуществления предначертаний его величества административным объединением, указанным выше, и соединением Ростова и Таганрога в одно градоначальство под властью генерал-губернатора — наказного атамана, вместо генерал-губернатора Новороссийского края.

Другая обязанность — попечителя азовского судоходства, соединенная со званием нынешнего таганрогского градоначальника и под высшим наблюдением атамана, вместо новороссийского генерал-губернатора, без сомнения поведет к действительному достижению цели, для которой попечительство было основано, ибо никто более казаков не заинтересован в том, что составляет главную задачу этого попечительства, т. е. гирла и Таганрогский залив. При этом, вероятно, понадобится подчинить полицейский надзор в Керченском проливе как единственному входе в Азовское море также власти атамана.

При предлагаемом мною способе объединении власти права охраны представляют еще большую гарантию порядка и тем придадут более силы доводам моим против необходимости радикального изменения существующего.

524

Милостивый государь Петр Семенович.

Ваше в. пр-во в письме ко мне от 2 дек. изволите сообщить мне, что по делу я высказал лишь мнение принципиально противу существа дела, и потому ввиду выс. пов. о сем присоединении Вы поставлены в невозможность включить. На сие почитаю долгом своего звания в дополнение к прежнему письму моему пояснить:

1. Что одновременно с отсылкою означенного письма к Вашему пр-ву копия с моего отзыва представлена была мною его имп. в-ву. Государь император хотя не совсем с доводами моими согласился, но не изволил признать мнение мое по сему делу незаконным или противным воле его величества.

2. Ген. адъютант Шестаков, от коего в пр-во тоже требовали отзыва, подобно мне возражал противу предположенного комиссией способа *слияния* учреждений Таганрог. и Ростов. уездов с Областью В. Донского и также, как известно мне, представлял свое мнение на выс. воззрение, причем государь император не встретил препятствия к обсуждению такового мнения в госуд. совете.

3. Не нахожу в существующем законе объяснения и потому не могу понять, на каком основании один член. госуд. управл. мог бы решительно отрицать как незаконное мнение другого, по долгу звания данное для обсуждения в законодательном порядке. Это предполагало бы некоторую власть одного министра над мнением другого с правом одно принимать, а другое отвергать решительно и исключать из обсуждения. Такого права госуд. учреждения наши не устанавливают.

Итак, если, по мнению Вашего пр-ва, отзыв мой по содержанию своему есть незаконный и не должен подлежать даже никакому обсуждению в госуд. совете, а должен быть вовсе отринут, то не благоугодно ли будет Вам доложить о сем его имп-му величеству, и когда высоч. властью признано будет необходимым изъять из обсуждения все мои доводы и соображения, хотя и в видах госуд. блага представленные, тогда не останется ни для меня, ни для всех прочих мин-ров и членов гос. совета никакого недоумения о пределах власти министра в законодательном порядке.

525

К государю. 11 дек. 1886.

Владеть железными дорогами на Востоке — значит владеть фактически страной. Итак, для нас было бы великою силой, когда бы жел. дороги в Турции, Болгарии, Сербии и пр. могли быть в русских руках.

Жел. дороги в Европ. Турции и Болгарии, построенные турецким правительством, ныне состоят на 50 лет в аренде у компании австрийских капиталистов. Управляют ими люди, присланные из Австрии.

Мне стало известно случайным образом, что есть план перевести эти дороги в английские руки, при участии английско-

го правительства. План этот может быть приведен в исполнение втихомолку, путями коммерческими (так как всякие акции представляют ценность, подлежащую вольной продаже), подобно тому как Англия втихомолку завладела Суэцким каналом.

Это будет зло для России. Напротив, русское прав-во, когда бы решилось действовать подобным же образом, т. е. путем коммерческим, через посредство частных людей, могло бы тоже втихомолку перевести эти дороги в русские руки.

Имея это в виду, я вступил в это дело под видом своего частного комм. интереса и вошел в сношение, конечно, приватное и секретное, с людьми, у коих в руках пружины дела. Как эти дела суть обычные в комм. сфере, то мое участие и не могло возбудить подозрения, тем более, что ныне и подозрения нет на подобные планы русского пр-ва.

Вначале оно было, потом сменилось удивлением, как это русское прав-во отклоняется от всех подобных предприятий ввиду явного политич. интереса, с ними сопряженного, а наконец уже на мысль не приходит, что подобная комбинация возможна.

Для того чтобы устранить всякое подозрение, я выставил вперед посредничество в этом деле голландской биржи. Предположено составить синдикат для ведения всего этого дела, так что оно может получить вид исключительно частного интереса.

Итак, я считаю вполне возможным, не горячась и не спеша, обыкнов. комм. путем приобрести акции жел. дорог турецких и болгарских. А затем, чрез некоторое время, с такою же осторожностью и втихомолку, русское прав-во могло бы перевести эти акции в свои руки.

Но для успеха в этом деле требуется совершенный секрет. Вы спрашиваете, отчего я не могу сделать его известным м-ву ин. дел. Оттого, что мы научены горьким опытом. Во-первых, м-во иностр. дел не может соблюсти секретов в этом деле: оно огласится в канцеляриях, оно войдет в переписку — и тогда все пропало. Во-вторых, м-во наверное станет возражать против этого плана, по своему обычаю.

Во всех под. случаях мы слышали от него один только ответ: «У нас и без того забот много, а это доставит нам

новую. Иностр. правит-ва станут возражать — и что мы им ответим, пойдет переписка — нет, оставьте нас в покое». Министерство во всех под. случаях только мешало устройству на иностранный рынках тех важных для политики комм. операций, которые иностранцы, напротив того, совершают на нашем рынке свободно и беспрепятственно. Наша Донецкая дорога перешла вся в руки немцев, успевших скупить акции, и управляется из Берлина, а мы не могли устроить нигде подобной операции.

Вот почему я не вижу в наст. случае иного способа, как обратиться к личному усмотрению гос. имп-ра. Если его в-во угодно будет признать этот план полезным для России и подлежащим осуществлению, я с радостью стану устраивать это дело для русск. прав-ва и для пользы государственной, если же его в-во изволит признать почему-либо, что предприятие сего рода не входит ныне в виды прав-ва, я вовсе его оставляю и не стану хлопотать об нем.

526

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь Константин Петрович.

Не желая тревожить вас личным свиданием, считаю, однако, своим долгом представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства только что полученное мною письмо моего зятя барона Джемса Гирша. Из отмеченных мною красными чернилами нескольких строк этого письма Вы изволите усмотреть, что вопрос был поставлен мною на чисто личную и просто коммерческую почву и что никому и в мысли не пришло предполагать с моей стороны другую какую-либо цель.

Я воздержусь от всякого ответа по этому вопросу до получения Вашего благосклонного извещения.

Простите великодушно, что позволил себе отнять несколько дорогих минут Вашего времени.

Покорнейше прошу принять уверения в глубочайшем моем уважении и безграничной преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства всепреданнейшим слугою.

7 декабря 1886 г.

Самуил Поляков.

При таких условиях я ничего не имею, чтобы Поляков следил за этим делом и, изучивши, представил свои соображения, но, конечно, это ни к чему правительство не обязывает.

Я имел сегодня объяснение с Поляковым по предмету, о коем Ваше императорское величество изволили писать мне вчера.

Вот что говорит Поляков в объяснение своей мысли. «Заявляя ее, я совсем не имел в виду получить какое-либо решительное согласие его величества на предприятие финансовой операции на счет правительства. Я хорошо понимаю, что это невозможно, да и время для того не пришло, и что решение такого рода предполагает самое тщательное соображение и финансовое, и политическое, при непрременном участии подлежащих министров. Цель моя была гораздо проще. Мне только желательно было знать, одобряет ли его величество *в существе* идею этого рода в интересах России. До сих пор всякий раз, когда подобная идея о приобретении железной дороги на Востоке высказывалась, мы слышали в министерстве один ответ: это невозможно, это не входит в нашу политику. Очевидно, что за этим ответом нечего было и прилагать заботу о деле. Если и теперь его величеству угодно будет отозваться, что дело это во всяком случае для нас неподходящее, я не стану и следить за судьбою той операции, которую имею в виду, ибо, повторяю, что не имею в ней ни малейшего личного интереса.

Но если б его величеству угодно было одобрить эту идею в существе, я *стану следить за делом*. Это ни в чем не связывало бы волю и решение государя императора, равно как и меня не обязывало бы устроить это дело непременно.

Я и теперь не могу поручиться, что оно непременно может устроиться, я считаю только это *вероятным* при известном терпении, искусстве и осторожности. Покуда я, как сказал прежде, успел *затянуть* дело, заявив, где следует, свое в нем участие, затянул только с той целью, чтобы следить за ним в интересах России. Но если при моем наблюдении и участии наступит в этом деле момент действительной, реальной возможности вступить в него, тогда только, и не ранее, предложение мое получит реальное значение, и тогда, конечно, воп-

рос о том, вступать ли в дело, потребует *решения* верховной власти и совещания с министрами».

Спешу доложить Вашему величеству об этом объяснении Полякова. Им, кажется, проясняется совершенно естественно возникшее у Вашего величества недоумение, возможно ли немедленно решить вопрос, требующий важных политических и финансовых соображений.

15 декабря 1886 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

528

15 мая 1886 г.

В Моск. Унив.

...После окончания последнего номера государь один подошел к эстраде, похвалил и поблагодарил Эрмансдерфера и студентов, выразив при этом желание, чтобы они успевали так же прекрасно в науках, как в музыке, расспрашивал об оркестре и сказал: «До свидания, господа». В актовом зале (где стоят профессоры и выстроились по курсам с лишком 600 студентов) государь с императрицей подошел к студентам, остановился и сказал: «Очень рад, господа, что мог посетить университет, благодарю вас, до свидания». Громовое ура было ответом. Сошедши с лестницы в колоннаду (где было выстроено 150 студентов медиков 1 курса и всех курсов филологи), государь с императрицей были остановлены филологами, которые по собственной инициативе успели собрать деньги и купить корзину букетов ландышей, которые и стали бросать к ногам их величеств, а государыня попросила у первого из них дать ей несколько букетов и подавшему дала поцеловать руку, дала цветок, тогда все бросились целовать руки у обоих, ловя цветки, раздаваемые ее величеством. Пришлось попечителю расчистить дорогу. У подъезда хор студентов встретил гимном. Его величество, посадив императрицу, сам обошел коляску и, подойдя к хору, сам продирижировал рукою и сказал: *довольно*. Затем при наступившей тишине, стоя, окруженный студентами, сказал: «Благодарю вас, господа. Счастлив, что имел время быть у вас. Это одна из лучших минут моей жизни». Затем расспрашивал о хоре и дирижерах. Затем, когда государь сел в коляску, раздалось ура, и толпа бросилась провожать коляску. Всех студентов было до 1500.

И потому предоставление сим наставникам с разрешения правительства права совершать на открытом алтаре таинства, права, принадлежащего исключительно законному священству в прав. церкви, не соответствовало бы достоинству правосл. власти, от коей произвольно отделяют себя раскольники, и служило бы к народному соблазну.

Прихожане Рогожск. кладбища не имеют ни повода, ни надобности особливо свидетельствовать о своих вернопопад. чувствах, составляющих драгоцен. свойство всех русских людей, к коим нераздельно принадлежат и просители. Государь император сохранял и сохраняет неизменную уверенность в искренности их преданности, которая основывается не на принадлежности к тому или другому сословию или учреждению и не на особливых льготах и преимуществах — но на свойственном каждому русскому чувстве любви и верности к царю и отечеству.

Просьба раскольников Рогожских в янв. 1886 г.

Вас. Михайлов, Фед. Мусорин, К. Солдатенков, Тим. Морозов, Петр Мельников, Дм. Милованов, Тим. Назаров, Андр. Фомин, Наз. Строкопытов, Серг. Ви...канов, Мих. Тимашев, Григ. Клейменов, Федор Медведев, Алекс. Лотригин, Петр Трегубов, Дм. Баулин, Григ. Богомоллов, Фед. Буланов, Александр Осипов, Ив. Шибаев, Пав. Рябушинский, Орест Морозов, Карп Рахманов, Ив. Демин, Тарас Соловьев, Серг. Мусорин, Захар Зеленев, Дм. Винокуров, Мих. Рахманов, Тимоф. Бутин.

Резол. государя: «Они совершенно *неправы*, и следует им объяснить это категорически».

5 января 1886 г.

«Объявить выборным раскольникам Рогожск. кладб. Михайлову, Мусорину, Солдатенкову, Морозову, Шибаеву и другим, что принесенная ими просьба, как несогласная с выс. Пов. 12 июня 1856 г., остающимся в своей силе, удовлетворена быть не может.

Вместе с тем ваше с-во не оставите разьяснить означенным выборным:

1. Что хотя по закону 1883 г. раскольникам и разрешается творить обществ. молитву и совершать богослужение по их

обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для сего зданиях, но о дозволении устраивать в своих часовнях алтари и ставить престолы ни в самом законе, ни в журналах г. сов., обсуждавшего проект закона, никаких указаний не имеется.

2. Что устройство в Рогожск. часовнях, рядом с запечатанными, других алтарей представляет собою действие самопроизвольное, направленное к уничтожению всякого значения распоряжения о закрытии алтарей, сделанного по выс. воле.

3. Что на устройство это ни выс. властью, ни м-вом вн. дел разрешение даваемо не было.

4. Что закон не признавал и не признает за уставщиками, наставниками и др. людьми, совершающими у раскольников требы, никакого духовного сана или звания, а лица эти считаются в отношении к правам состояния принадлежащими к тем сословиям, в которых состоят. Предл. прибавить: «И потому предоставление всем наставникам, с разрешения правительства, права совершать таинства на открытом алтаре, права, принадлежащего лишь законному священству в правосл. церкви, нарушило бы достоинство православно. иерархии, от коей произвольно отделяют себя раскольники, ставя на место ее свою, самочинную, — и служило бы к народному соблазну».

5. Что объявление в разное время рогожск. раскольникам всемилост. благодарности за выражение верноподд. чувств не может давать повода к к.-либо произвольным выводам относительно будто бы признания за лицами, совершающими обряды по расколу, священнического сана.

Гос. император вполне уверен в верноподд. чувствах прихожан Рогожск. кладбища, равно как и всех русских подданных, преданность коих не может измеряться дарованием желаемых прав и льгот помимо соображений этих последних с интересами общегосударственными.

Вместо сего предлагается:

Прихожане Рогожск. кладбища не имеют ни повода, ни надобности *особливо* свидетельствовать о своих верноподданических чувствах, составляющих драгоценное свойство всех русских людей, к коим нераздельно принадлежат и просители. Государь имп. сохраняя и сохраняет уверенность в искренней их преданности, которая основывается не на принадлеж-

ности к тому или другому сословию или учреждению и не на особых льготах и преимуществах, но на свойственном каждому русскому чувству крепкой любви в отечестве и преданности Богом поставленному царю.

530

Вьтиска

из письма великого князя Константина Николаевича к статс-секретарю Головнину из Ореанды от 11-го апреля 1886 г.

«Сегодня страстная пятница, и в церковь придется ходить три раза: в 11 ч. к царским часам, в $1\frac{1}{2}$ 3-го к вечерне и в $1\frac{1}{2}$ 6-го к заутрени. Признаюсь, что я сперва несколько беспокоился, как у нас будут происходить службы церковные при нашей более чем скромной обстановке. В Петербурге великопостные службы, особенно в придворных церквах, чуть ли не самые торжественные во всем году. Тут поются самые грандиозные сочинения Бортнянского: «Ныне силь», «Вкусите и видите», «Да исправится», «Чертог твой» и проч., которые доступны только для таких музыкальных сил, которые находятся в придворной капелле, да разве еще в хоре митрополита, некоторых больших церквей — как в Исаакиевском соборе, да у нас в Мраморном, но и в Мраморном *cela cloche souvent* и не все гладко выходит. К этой торжественности, к этой музыке я привык с самого раннего детства, без нее я себе и представить не мог великопостной, особенно страстной службы. Поэтому я с большим опасением ожидал, как то у нас это будет происходить в Ореанде. Правда, я уже полюбил наши простые обыкновенные обедни, служимые одним священником и одним причетником. К моему великому удивлению и утешению, то же произошло и теперь, на страстной неделе. По-моему, и преждеосвященная обедня, можно сказать, выиграла от отсутствия торжественности, от своей полной простоты. Всю обедню пел один наш причетник Никифор Макаренко, который и отлично и явственно читает, и отлично поет. Он мещанин какого-то городка Курской губернии и посвятил себя церковному служению по внутренней действительной вере. «Да исправится молитва моя» он поет в алтаре вдвоем со священником, стоя все время на коленях, своим своеобразным напевом, ничего общего не име-

ючим с музыкой Бортнянского, и, разумеется, не по нотам, а эффект выходит превосходный, и в конце концов я нашел, что наша скромная, простая, незатейливая служба гораздо более располагает к молитве, к настроению для говения, чем торжественная с музыкой Бортнянского. Весьма многие здесь разделяют это впечатление. Можно сказать, что наша церковь делается как бы модною, и многие даже из Ялты в нее ездят, несмотря на целых 6 верст горной дороги, и в числе вчерашних причастников было несколько человек из Ялты. Думаю, что мне не нужно говорить тебе, как я был счастлив, говевя в моей, мною самим сооруженной церкви. И молитва, и слезы являются тут легко, сами собой».

531

Будьте уверены, многоуважаемый Константин Петрович, что я всячески буду противодействовать проискам московских раскольников. Опасаюсь только, чтобы они не сунулись потихоньку, так что я не буду знать. Впрочем, я предупрежу государя и покажу ему напечатанную ими записку.

Искренно преданный

4 мая 1886 г.

Д. Толстой.

532

Весьма был обрадован письмом вашим, многоуважаемый Константин Петрович, и тем, что Вы ничего не говорите в нем о Вашем здоровье, из чего заключаю, что оно хорошо, а все-таки жалею, что не посоветовались с Захарьиним.

Мне советы и лечение его приносят очевидную пользу. По временам он присылает ко мне из Москвы своего ассистента, который пока остается доволен моею физикою, и главным ее инструментом — сердцем. В последнее время я очень утомился в Петербурге, но теперь не чувствую усталости.

Курьеры приезжают ко мне каждую неделю, иногда даже два раза в неделю, но занятия неотяготительны, потому что никто не беспокоит и не отрывает от дела. Здесь в неделю сделаешь больше дельного, чем в Петербурге в продолжение нескольких месяцев.

Я успел изучить в подробности весьма сложное дело о восточных судах. Вот уже 15 лет, как оно на очереди и все лежит и не движается, а крестьяне безобразничают, без контроля и присмотра над этим безапелляционным судом.

Занимаюсь также местным управлением, на днях ожидаю Пазухина и буду с ним работать. Государь очень озабочен скорейшим преобразованием местных органов управления и в последний мой доклад много говорил со мною об этом.

Письма князя Дондукова о Кипиани я еще не получил, вероятно, пришлют со следующим курьером. Я знаю Кипиани по бестактному оглашению им в прошлом году частного его разговора с великим князем и по несправедливым обвинениям учебного ведомства.

Искренно желаю, чтобы минеральные воды принесли Вам пользу, и надеюсь, что так и будет.

Душевно преданный

2 июня 1886 г.
Маково.

Д. Толстой.

Потрудитесь напомнить обо мне Вашей супруге.

533

Не нахожу слов, чтобы благодарить Вас, многоуважаемый Константин Петрович, за присланный Вами любопытнейший документ. Тем драгоценнее он для меня, что прислан Вами собственноручно, за что много, премного Вас благодарю.

Искренно преданный

23 декабря 1886 г.

Д. Толстой.

534

13 февр. 1886 г.

Благодарю тебя за присылку катковского выговора, покамест без внесения в послужной список. Чем просто ругаться, он бы лучше сказал, что он считает нужным и полезным сделать, а то смысл его статей для меня по крайней мере непонятен. Порядки госуд. совета осуждаются:

1) За то, что члены критикуют представления министерств,

так разве представления эти надо принимать совсем без критики? Она и теперь не отличается энергией.

2) Обвиняется совет в том, что членов мало. Да откуда же их взять? И какую пользу принесет новый наплыв? Кажется, ты сам мне говорил, обсуждая вопрос о назначении членов, что сила в том, чтобы работала канцелярия.

3) Члены совета не несут ответственности за свои мнения. Да такой порядок существует для совещательных учреждений целого света, гораздо хуже было бы, если бы была установлена ответственность за высказывание мнений.

4) В общем собрании не происходит более серьезного прения. Да почему же? Большой свободы обсуждения никогда не существовало, чем теперь. Едва ли найдется хоть кто-нибудь, кто бы решился обвинять настоящего председателя в малейшем стеснении или чем-либо похожем на недостаток самой утонченной вежливости.

5) Обвинение в том, что подчас журналы пишутся медленно, справедливо. Но, во-первых, эти журналы писать надо с большею обдуманностью, чем журнальные статьи, а, во-вторых, существует необходимость к каждому понедельнику что-либо изготовить, и этим иногда задерживаются обширные журналы. Для устранения этого мною заведены протоколы, издаваемые за каждое заседание.

Я не отвергаю, что для более обстоятельного и разностороннего обсуждения полезно было бы шире пользоваться тем правом, которое предоставлено председателю, приглашать в думу всякого человека, ближе знакомого с делом, от которого можно получить полезные указания, но воображаю, что завопил бы Катков об ослаблении власти, если бы в совете приняли мой взгляд.

В итоге и эта статья и другие на ту же тему имеют одну подкладку, французскую поговорку *ôte-toi de là que je m'y mette*, т.е. какой бы там ни был совет, хотя бы самый безобидный, а все будет лучше, если государь станет слушать не его, а меня, пишущего газетную или какую бы то ни было иную статью. Идеал для г. Каткова и ему подобных такой: на троне государь, а возле трона Катков и больше никого. Все это в порядке вещей, или, правильнее говоря, страстей, но я не назову этого ни самодержавными, ни консервативными по-

рядками. Тут не оберегается существующий порядок с постепенным и разумным его улучшением, тут преследуется личная, направленная к достижению такого или другого блага цель, у Суворина эта цель деньги, у Каткова власть, а может быть — и то, и другое. Только иной раз это делается под соусом либерализма, иной раз... «под личиною усердия к царю».

Все это в порядке человеческих вещей, но не следует разумному и претендующему на твердость правительству поддаваться таким избитым маневрам. Если признать авторитет, значение подобной силы, то декорации могут внезапно измениться, и правительство может оказаться в весьма двусмысленном положении.

Всему этому, что касается государственного совета и государственной канцелярии, весьма легко было бы для меня положить конец, но если Бисмарк не пойдет в Каноссу, то еще вернее, что не пойдет кланяться на Страстной бульвар.

Искренно тебе преданный

Половцов.

535

4 июня 1886 г.

Секретно.

Полугодовое расписание остается без изменения. Условлено, что с осени Перец будет долговременно председательствовать.

Живя на свежем воздухе, нахожу, что на берегах Мойки воняет помоями.

Сейчас вернулся из Петергофа, куда ездил откланиваться и куда был послан набросок указа с таким расчетом, чтобы ты его там видел вчера утром, но, как видно, эта моя комбинация не осуществилась потому, что государь остановился на следующих замечаниях:

1) На первой странице отмеченное красным карандашом место слишком напоминает указ 24 января 1885 г.

2) На второй странице слово *деятельность* представляется государю неуместным, и он полагал бы заменить его чем-либо иным.

Все это его величеству угодно, чтобы было сделано тобою вместе с Манасеиным.

Хотел было приехать и передать тебе все это словесно, но нашел дома такие мемории, что не знаю, когда отойду от стола, поэтому прошу тебя дать прямо от себя дальнейший ход этой бумаге.

Жму твою руку

Половцов.

Продолжающееся с того времени, по милости Божьей, умножение императорского рода служит отечеству нашему в судьбах его надежным залогом к обеспечению законного преемства верховной власти.

Навсегда утверждающие всем членам фамилии нашей принадлежащее каждому достоинство.

536

27 дек. 1886 г.

Конечно, так. Кому может эта дрянь годиться? Если я об этом говорил, то потому, что хотел отворить эту дверь, не видя, чтобы другие открывались, говорил еще и потому, что мое безвыходное положение делается чересчур тягостным.

Если удосужишься, посмотри выставку ученических работ нашего училища. Весело смотреть, какими шагами умеет двигаться богатая русская природа.

537

28 дек. 1886 г.

Никогда не приходило мне в голову обижаться твоими словами. Я верю твердо в доброе, дружеское ко мне чувство, в течение многих лет не имел никогда доказательств противного и не так глуп, чтобы развешивать каждое слово. Повторяю, мне это и в голову не приходило.

Получив в руки одновременно с твоим ответом и письмо твое к моей жене и догадываясь о его содержании, я вскрыл его. Должен я тебе сказать, что размеры благотворительности жены моей и притом истинно христианской благотворительности, вполне сокровенной, доходят до невероятных размеров.

Что касается, в частности, до женщины, о коей ты пишешь, то и для нее было сделано чрезвычайно много, и пове-

дение ее было в отношении благотворивших ей далеко не безупречно. Что же должно служить ей оправданием и основанием новых требований? Твое вмешательство ли? Да ты сам говоришь, что ее не знаешь.

Вообще «родственники и однофамильцы» входят в мои обязанности при обширности нашего министерства раздачи пособий, вследствие того я прошу у тебя извинения, если вовсе не передам твоего письма жене, которая все эти дни удручена преследованиями подобного рода, а получив твое письмо, сочтет обязанностью тебе пространно писать, потому что я знаю ее доброе к тебе расположение. Все это отнимет у вас обоих много времени, и потому я предпочитаю подвергнуться обвинению в неправильности действий.

Дружески жму твою руку и прошу тебя верить отсутствию всякой обидчивости у меня с редкими друзьями и всегдашней готовности на бой с многочисленными врагами.

До свидания.

538

12 дек. 1886 г.

Общество любителей российской словесности на основании своего устава наподобие прочих обществ имеет право устраивать публичные чтения. В этом отношении нельзя лишить его этого права, не распространив этого лишения на других; но, с другой стороны, каждое общество может только устраивать чтения по предметам своей специальности: математическое — о предметах математических, естественноисторическое — о предметах естественноисторических и т. д. Между тем общество любителей российской словесности вздумало коснуться предмета, вовсе не принадлежащего к его специальности, например о религиозных кружках.

Какая же это словесность? Потому я намерен задеть общество с этой стороны и в конце концов постановить, что в случае, когда дело идет о чтении, не касающемся словесности, общество обязано испрашивать разрешения попечителя, а этому предписать, чтоб он в необходимых случаях сносился с кем следует, следовательно, и с духовным начальством, а при

недоумении, как поступить, представлял министерству. Как бы Вы думали?

Душевно преданный

И. Делянов.

539

Очень хорошо об академистах, напишу попечителям.

Сегодня поутру я чувствовал некоторое недомогание, но потом прошло. Грессер сказал сегодня кн. Волконскому, что курсисток, попавшихся 17 ноября, он выслал, но это только тех, которые в противность приказанию не разошлись, а было то этих девок штук до 200. Они только вовремя разошлись. Бекетов, Андриевский и К-ния подали Волконскому толстейшую записку, панегирик женских курсов. В ней невероятные натяжки и фальшь.

Душевно преданный

26 ноября 1886 г.

И. Делянов.

540

Милостивый государь Константин Петрович.

Для меня более нежели отгадно было прочесть Ваш отзыв военному министру. Одно соображение умеряет овладевшее мною чувство — пожалуй, найдутся люди, которые скажут, что мы предварительно согласились.

Соблаговолите принять копию моего ответа П.С. Ванновскому как выказание за выказанное Вами ко мне внимание присылкою Вашего мнения.

Преданный слуга

8 декабря.

Шестаков.

541

Записка для памяти.

Совершенно секретно.

В дополнение к сообщенным сведениям о намерении злоумышленников произвести кражу сумм из Афонских монастырей ныне получены указания, что проживающий в монас-

тыре Руссик под видом иконописца живописец — поляк, носит фамилию Иосифа Заржицкого.

18 ноября 1886 г.

542

Совершенно секретно.

Все усилия партии социалистов направлены теперь к тому, чтобы заручиться средствами, и теперь, наконец, по мнению эмиграции, эти усилия должны увенчаться успехом. Из России в скором времени ожидаются две личности, которые отправятся в Константинополь, а оттуда на Афон, где под видом поступления в монашество водворятся в одном из монастырей и употребят все старания для того, чтобы завладеть громадным, до двух миллиардов достигающим денежным капиталом, накопившимся с давних лет в монастыре Руссике. В этом монастыре готовится подкоп, начатый несколько лет назад, которым имел намерение воспользоваться в 1884 г. известный анархист Колмыков, набравший шайку в Болгарии и с нею отправившийся для освобождения Македонии с целью затем пробраться на Афон, но так как он убит был в стычке с турецким отрядом, то это намерение не осуществилось. План подкопа, бывший у Колмыкова, доставлен кружку анархистов с сообщением, что в монастыре Руссике уже более года проживает анархист-поляк, по профессии живописец, специально занимающийся иконописанием, который пользуется там большим почетом и доверием и, не навлекая на себя никакого подозрения, работает над подкопом и обладает самыми точными сведениями о хранилище, где помещается сказанный капитал. Ожидается только прибытие двух упомянутых лиц из России для того, чтобы приступить к делу похищения.

Лица эти могут быть снабжены болгарскими паспортами и рекомендацией к пребывающему в Константинополе болгарскому экзарху Иосифу, — для устранения препятствий к принятию их в один из Афонских монастырей. Оба воспитывались в семинарии, принадлежат к духовному званию и хорошо знакомы с церковными обрядами.

Конфиденциально.

Ваше высокопревосходительство
высокочтимейший Константин Петрович.

Имею честь почтительнейше донести Вашему высокопревосходительству, что путь мой на Афон был труден и медлен, с долгими остановками в ожидании пароходов, с болезнями от сильных морских волнений, а обратный путь пройден скоро, мирно, безболезненно, при попутном ветре. На Афон я прибыл 21 ноября, 22 и 23 молился в монастыре св. Пантелеймона, 24, 25, 26 и 27 путешествовал на муле по Афонской горе и посетил многие монастыри, скиты и келии (в том числе Иверский, болгарский и все русские), 28 и 29 говел и причастился, ночью с 1 на 2 декабря отплыл с Афона; 6 декабря вернулся в Одессу. В Константинополе был у посла, генерального консула, архимандрита Арсения и экзарха Иосифа.

Больше всего я занялся монастырем св. Пантелеймона. Игумен монастыря, о. архимандрит Макарий, от всей души благодарен Вашему высокопревосходительству за сообщения, сделанные ему предусмотрительно и вовремя, и решил немедленно принять все необходимые меры предосторожности. Он рассуждает так: если задумано покушение на монастырскую казну, оно может быть проведено в исполнение двумя способами: или захватом в плен монастырского эконома или же игумена где-либо вне монастыря, на дороге, и требованием за них огромного выкупа (подобные факты случались на св. горе); или же поджогом части монастыря, чтобы в общем переполохе заняться грабежом. Но подкопа быть не может, так как монастырь и все его здания построены на каменистой почве, на мелких и крупных взаимно переплетающихся каменных глыбах, внутри толстой каменной ограды и на таком тесном пространстве, при густоте и тесноте населения, что всякое необычное действие было бы скоро замечено. Подкоп считается поэтому невозможным; но случаи появления в монастыре подозрительных людей бывали, и такие люди обыкновенно выпроваживались. Поляка-живописца в монастыре нет. В иконной мастерской занимаются только двое: монах, живущий 25 лет в монастыре, и при нем ученик, мальчик лет 17,

грузин. В иконной лавке сидит монах лет 50 от роду. На паспорта вновь прибывающих всегда обращалось самое строгое внимание, а теперь оно усилено. Желающих поступить в число братии держат на испытании от 4 до 6 месяцев и потом уже принимают, назначая на долгие сроки в черные труды, под строгим присмотром и с обязательством ходить ко всем службам церковным.

По заявлению о. Макария, Руссик не имеет не только 2 миллиардов, но и двух миллионов; монастырские суммы хранятся в Московском банке, а в монастыре имеются наличными не более 2000 лир (около 20 т. р. сер.), частью у самого о. Макария, частью у о. эконома Павла. В монастырской кладовой самые ценные и удобные для похищения вещи — церковные сосуды; их немало, но особенно дорогих нет.

Руссик — лучший монастырь на Афоне по своему внутреннему строю и совершенно русский по духу. Монастырь общежительный. В основу его положены безусловное и полное послушание настоятелю, труд и молитва. Богослужения весьма продолжительны. В праздники они длятся от 14 до 18 часов в сутки; постом тоже. Бдение под праздник св. бл. кн. Александра Невского началось в 6 часов вечера и кончилось в 5-м часу утра. Один псалом «Благослови душе моя, Господа» пелся час с четвертью, пелись все стихи и каждый стих с припевом; пелись все полиелейные псалмы, избранные псалмы и 30 раз величания; 3 раза во время бдения читались поучения. Поют просто, но так сердечно и трогательно, что такое пение, полагаю, способно потрясти даже каменные сердца и неописуемою небесною радостью преисполняет души молящихся. Да, нигде не умеют так торжественно и достойно величия Божия славить Господа, как в монастыре св. Пантелеймона. Молятся на всех ектениях, где по уставу положено, «о благочестивейшем государе нашем»... (помяная при этом поименно августейших особ, что в России оставлено), «о св. прав. синоде», «о святой горе сей, о святой обители сей, об отечестве нашем и всяком граде и стране» (султана не поминают). Ваше имя, имя супруги Вашей Екатерины Александровны, Владимира Карловича поминались на всех великих и сугубых ектениях и при великом выходе на литургии. А сколько молебнов за Вас отслужили! В монастыре служится ежедневно, в разных церк-

вах, не менее шести литургий, а в праздники от 12 до 18. Сам отец Макарий служит литургии ежедневно в течение почти 30 лет, исключая лишь случаев, когда бывает болен. Всех церквей в монастыре и его скитах свыше 40, больших и малых (параκληсов).

Сведения о других русских обителях, об отношениях к ним греческих монахов, о способах разрешить и удовлетворить просьбу грузин относительно Иверского монастыря, о необходимости и средствах устроить в Константинополе русскую школу позвольте мне представить уже по возвращении в Петербург.

Вчера вечером, 7 декабря, пр. Никанор передал мне Ваше письмо и другие бумаги, касающиеся моей командировки в Могилев. Новое поручение приемлю с покорностью, с глубокою благодарностью за оказанное мне доверие и с упованием, что Господь не лишит меня своей помощи к благоуспешному исполнению возложенного на меня весьма нелегкого дела. Сегодня же выезжаю из Одессы.

От всей души пожелав Вам крепкого здоровья и мощи духа к твердому и мужественному перенесению житейских скорбей, с безграничным уважением и искреннейшею преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства
почтительнейшим слугою

Одесса.

С. Керский.

8 декабря 1886 г.

При сем прилагается письмо о. Макария. Владыка Одесский Никанор свидетельствует Вам глубочайшее почтение.

Получено мною от его п-ства К. П. Победоносцева семьсот рублей в пособие для поездки на Афон — 5 ноября 1886 г.

Помощник управляющего канцелярией св. синода

Сергей Керский.

544

Военный Министр.
По главному управлению
казачьих войск.
2 декабря 1886 г.
№ 1704.

Милостивый государь Константин Петрович.

Ваше высокопревосходительство в письме ко мне (20 ноября сего года, № 5341) по делу о присоединении к Области Войска Донского Ростовского уезда с Таганрогским градоначальством изволили лишь высказать мнение принципиально противу существа дела, т. е. противу самого присоединения означенных местностей к Донской области, не касаясь правил, проектированных по исполнению этого дела комиссией тайного советника Косоговского.

Ввиду того, что на присоединение названных выше местностей к Донской Области, как уже известно Вашему высокопревосходительству, последовало высочайшее повеление, я, со своей стороны, поставлен в невозможность включить высказанное Вами в письме № 5341 мнение в то представление, которое мною будет внесено по означенному делу в государственный совет.

Уведомляя об этом Ваше высокопревосходительство, имею честь просить принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Петр Ванновский.

545

Милостивый государь Константин Петрович.

Получил сейчас Ваше письмо от 9 декабря и узрел, хотя и поздно, что ответил Вашему высокопревосходительству не то, что хотел. Я резолюцию дал такую: «Так как обер-прокурор мне лично говорил, что при обсуждении сего вопроса не будет в государственном совете, и так как государь император уже высочайше решил вопрос о присоединении, то спросить его высокопревосходительство, желает ли он, чтобы я его отзыв приложил к представлению, или же нет». Несомненно, я ви-

новат, что не прочел письма, мною подписанного, но прошу не ставить мне это в такую вину, будто я хотел уронить достоинство и власть министра. — Не делай другому, чего себе не желаешь.

Заклячая из письма Вашего, что Вам угодно, чтобы отзыв Ваш был приложен к представлению, я так и сделаю.

Мне крайне совестно, что я, не желая того, провинился против Вас, и прошу забыть это.

Пользуюсь случаем уверить Вас в чувствах отличного уважения, с коим имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорным слугою

6 декабря 1886 г.

Петр Ванновский.

546

Милостивый государь Константин Петрович.

Долго живя за границею и опасаясь прогневать государя, желаю сердечно изяснить причины, против желания моего жить в С.-Петербурге задерживающие меня: во-первых, находиться вблизи высочайшего присутствия, во-вторых, посещать по обязанности своей государственный совет и, в-третьих, жить с родными и знакомыми, друзьями. Вследствие постигшего меня почти смертельного апоплексического удара я был лишен языка и с горестию полагал необходимым оставить службу, но мое прежнее сильное здоровье и постоянное лечение неожиданно помогли мне оправиться, но все же, чувствуя себя в необходимости продолжать лечение и ежегодно ездить на германские лечебные воды, желал быть уволенным от должности генерал-губернатора и командующего войсками в Финляндии и остался лишь по особенному желанию и приказанию всегда благодетельствующего мне покойного императора, но суровый климат и жестокие холода постоянно производили на меня дурное влияние; по восшествии на престол ныне царствующего государя, узнав из достоверного источника, что его величеству благоугодно заместить меня графом Гейденом, я считал, что я могу, без высочайшего гнева, подумать о своем здоровье и всеподданнейше просить моего увольнения и позволения отправиться за границу для необходимого лечения и

посещения лечебных вод. Я избрал Баварию, место рождения и молодости моей жены, потому что я избегал Париж, Лондон, Вена и Берлин, где развлечения нам обоим не под пору, ибо жене моей 76-й год, а я по болезни моей должен жить тихо и скромно, вне всяких житейских тревожений. Я отбросил все визиты, никого почти не знаю, и живу совершенно по совету докторов, семейною, одиночною жизнью, устроил себе русскую церковь, приобрел достойного священника, из монахов, выучил четырех здешних певчих отлично петь обеденную, семидесятную и Пасхальную службы и молюся о будущей жизни, которая уже недалеко, ибо я постоянно горячо прошу Бога не пережить моей жены, а так как ей 76-й год, то, вероятно, жизнь ее недолга, и надеюсь, что дни мои сочтены.

Не найдете ли удобный случай представить эти обстоятельства мои на высочайшее воззрение и доложить государю, что я, хотя и вопреки моей воле нахожусь за границею, я *душою и телом русский*, и доказательством медицинского суда, я даже не мог проститься с моим отцом и присутствовать при отпевании его тела, и что я теперь ишу продать мою прекрасную дачу *Аркадия*, близ Варшавы, так как мне и жене моей очень трудно так далеко туда ездить. *На все воля Божия.*

Мюнхен.

8/20 марта 1886 г.

Гр. И. Адлерберг.

547

26 мая 86.

Как Ваше здоровье, душевно уважаемый Константин Петрович? Я мало-помалу поправляюсь, хотя и чувствую себя еще очень слабым. Сегодня я хотел посетить Вас, но поездка в Петергоф до того меня утомила, что я не в силах исполнить своего желания... Вы сообщили мне свой взгляд на предположение о присоединении Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к Области Войска Донского. Со взглядом Вашим я совершенно согласен, но все наши усилия (гр. Толстого, Манасеина и мои) воспрепятствовать осуществлению этого предположения оказались тщетными. Государь, которого всего более смущала крайняя чересполосность приазовской ме-

стности (полицейская цель была тут на заднем плане), решил в принципе вопрос в смысле присоединения. При этом постановлено учредить на месте комиссию из представителей различных министерств для составления проекта представления в государственный совет о порядке и подробностях осуществления этого присоединения. Чтобы иметь какой-нибудь шанс для спасения дела, о котором мы ныне судим при отсутствии всяких данных, я представил его величеству, что при разработке подробностей могут встретиться совершенно непредвиденные, чрезвычайные неудобства, и чтобы он позволил в подобном случае дело еще раз представить на его благоусмотрение для получения окончательных его указаний. Государь на это соизволил.

Завтра надеюсь Вас посетить и сообщить кое-какие подробности, а пока заочно жму Вашу руку, от души желая Вам скорого выздоровления.

Искренно и неизменно Вам преданный

М. Островский.

548

10-го октября 1886.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Мне что-то не верится, что восстание в Сербии в пользу Карагеоргиевича так близко. Я сомневаюсь даже, чтобы он мог иметь какие-либо надежды на успех, потому что сербское прав. приняло все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Впрочем, при настоящих обстоятельствах вещей нельзя ни за что ручаться, и я не премину представить государю присланные Вами бумаги.

Искренно преданный *Н. Гирс.*

549

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Еще в прошлом месяце, не прибегая на этот раз к циркулярам, я приглашал к себе некоторых редакторов и говорил им, чтобы они воздерживались повторять слухи о назначениях. Но

что делать, кажется, их от этой болячки ничем не излечишь. Скольکو, например, писано было о назначении Вышнеградского. Если ввиду этого упорства прибегнуть к строгим мерам, то ведь, пожалуй, зацепишь тех, кого не хотелось бы карать. «Гражданин» Мещерского, более чем какая-либо другая газета усердствует в распространении известий, которые оказываются неосновательными; в «Дневнике» каждого номера можно встретить что-либо подобное. Я уже и недоумеваю, как тут поступить.

Помилуйте, в статье Суворина я не увидел намека на то, что драма Толстого может еще быть допущена на сцену. Напротив, это диатриба против меня, зачем мы дерзнули драму запретить. Или, быть может, автор так переделал свою пьесу, что черное делается белым, но на этот счет мы не имеем никаких сведений. Я воздержался от всяких сношений с графом Толстым и ограничился лишь официальным извещением, что драме его нет места на сцене. Но вот ведь как у нас делаются дела! Князь Мещерский сам говорит, что не читал пьесы, но это не помешало ему вчера сказать о ней несколько сочувственных слов.

Глубоко уважающий и искренно преданный

5 января 1886.

Е. Феоктистов.

550

Милостивый государь Константин Петрович.

С глубочайшею признательностью за благосклонное участие к этому делу, заслуживающему особенного внимания, спешу представить вашему высокопревосходительству совершенно секретную справку для личного Вашего сведения и семьсот рублей на поездку доверенного лица.

Что же касается другого обстоятельства, по особо приложенной записке, то вопрос этот не только не получил еще официального направления, но, вероятно, затянулся надолго. Во всяком случае я буду иметь честь лично доложить Вам об этом при первой возможности.

О получении предлагаемых 700 рублей не оставьте почтить уведомлением

Вашего покорнейшего слугу

5 ноября 1886 года.

П. Оржевского.

551

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Если у Вас найдется часок времени, благоволите прочитать мое представление в государственный совет по вопросу о закрытии дверей заседания *в новой редакции*, изложенной значительно иначе ввиду сделанных Вами замечаний.

Я желал бы как можно скорее внести это представление в госуд. совет, ибо не теряю надежды, что мне удастся уговорить А. Половцова устроить рассмотрение его хотя бы в самом конце засед.

Ваш душ.

30 апреля, 86.

Н. Манасеин.

552

Доверительно.

Поздно вечером 14 мая получена со станции «Волхов» Николаевской железной дороги телеграмма о задержании там двух подозрительных личностей (мужчины и женщины) с 16 пудами динамита; задержание последовало, кажется, в деревне, находящейся около моста через Волхов; предполагается, что означенные личности назвались чужими фамилиями и должны быть из террористической партии. В 4 часа утра, 15 мая, с экстренным поездом едут туда Оржевский, директор д-та полиции Дурново и товарищ прокурора палаты Котляревский.

3 часа ночи

15 мая 86.

553

Путешественники возвратились, тревога оказалась вздором, жандармский унтер-офицер по своей фантазии заменил слово «клад» словом «динамит»; кроме того, два лица, о коих шла речь, задержаны в 100 верстах от железной дороги.

15 мая 1886.

554

Душевно уважаемый Константин Петрович, если возможно для Вас, сделайте мне одолжение — приезжайте в субботу (25 октября, в час пополудни) в заседание соедин. д-та гражданских законов; будет слушаться мое представление об изменении 620—622 и 624 ст.ст. уст. угол. судопр. т. е. об изъятиях из правил о публичном рассмотрении дел. Мне передавали слухи (быть может, впрочем, и неверные), что представление это встретит сильную оппозицию, и для меня представлялась бы весьма желательною и существенно важною Ваша авторитетная поддержка.

Преданный Вам сердечно *Н. Манасеин.*

Ночь на 24 окт. 86.

Не следует ли мне попросить приехать М. Н. Островского?

555

Душевно уважаемый Константин Петрович, я только что был у Никол. Ив. Стояновского (около 6 часов веч.) и вынес при беседе с ним убеждение, что оппозиция действительно будет сильная. Между прочим, он высказал мысль, что лучше было бы слушание моего представления отложить до понедельника или среды (27 или 29 окт.), потому что завтра слушается в соедин. департаментах (трех) дело о подъездных путях и только по разрешении *оного* можно будет начать заседание двух департаментов. До понедельника отложить было бы невречно, но в среду я присутствовать не могу, так как должен ехать с докладом к государю. Затем в субботу, 1 ноября, для меня день был бы также подходящий.

24 октября 86.

Ваш душой *Н. Манасеин.*

Тороплюсь — пишу совсем голодный, до обеда.

556

Душевно уважаемый Константин Петрович, вчера, по возвращении из Гатчины, я поручил составить по моим заметкам кое-какие отрывочные соображения *по сахарному вопросу.*

Только 10 минут тому назад их успели переписать, и я спешу эти «соображения» переслать Вам в том предположении, что, *быть может*, Вы найдете минутку их прочитать *сегодня* и, *быть может*, найдете в них кое-что заслуживающее внимания в подкрепление нашего мнения. Думаю, что его величество непременно будет говорить с Вами (он спрашивал и меня) по означенному вопросу.

Ваш душой

30 окт. 86.

Н. Манасеин.

557

Многоуважаемый Константин Петрович.

Дело действительно весьма важное, и мне на днях пришла мысль о желательности Вашего участия, но для приглашения нужен был повод и Ваше согласие, а между тем я полагаю, что первое заседание будет предварительное, справочное. Притом оказывается, что завтра в соединении трех деп. будет слушаться дело о подъездных путях и едва ли останется время на доклад дела о гласности, которое я поспешил назначить только по желанию Никол. Авксентьевича.

Посылая Вам записку министра, прошу уведомить, не лучше ли перенести доклад на среду, 29 октября, так как в понедельник, 27, Вы, кажется, не свободны.

Душевно преданный

24 октября 1886 г.

Н. Стояновский.

558

Многоуважаемый Константин Петрович.

Я виделся с Н. А. Манасеиным. Дело о гласности будет доложено 27 октября в понедельник, так как мне сказали, что Вы обыкновенно свободны в этот день.

Душевно преданный

24 октября 1886 г.

Н. Стояновский.

559

Многоуважаемый Константин Петрович.

Очень Вам благодарен за присланную записку. Сообщу ее Ивану Давидовичу, в руках которого все ремесленное образование.

Что же касается Вашей заметки о бумажных деньгах, то она меня обрадовала, потому что Вы расходитесь во мнениях с Н. П. Смирновым, который на 51 стр. своей записки говорит: «Кредитный рубль не деньги» и т. д., с чем я согласиться не могу.

Душевно преданный Вам

6 января 86.

Н. Бунге.

560

Министр финансов.

Милостивый государь Константин Петрович.

Имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству, что государь император, как уведомил меня статс-секретарь Островский, изволил одобрить мою мысль о совместном обсуждении с членами меньшинства — Вашим высокопревосходительством, министром внутренних дел и управляющим министерством юстиции — вопроса о способах оказания помощи свеклосахарной промышленности в настоящем тяжёлом ее положении.

Не изволите ли Ваше высокопревосходительство признать возможным завтра, после заседания комитета министров, иметь по этому делу совещание в одном из помещений государственного совета?

Покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

№ 3123.

Н. Бунге.

10 ноября 1886 г.

561

Вчера, искренно уважаемый Константин Петрович, я надеялся видеть Вас в комитете министров и переговорить о Вашей записке по сахарному делу. Она меня очень заинтересовала. Правда, в ней возлагается на казну очень трудная и рискованная операция хранения и продажи сахара за свой счет, на что министерство финансов едва ли согласится. Но, видоизмененная в этой части, комбинация Ваша, по моему мнению, принесла бы сахарному рынку облегчение не меньшее, в сравнении с тем, что предполагалось большинством, и потому могла бы служить хорошею почвою для дальнейших соображений и соглашений.

Но научите меня, что мне делать с Вашей запиской. Дело не в моих руках, а у Николая Христиановича. Могу ли я передать ему записку как Ваше мнение?

По просьбе М.Н. Островского, я сообщил ему изложение той мысли, которую я заявлял в нашем совещании. Ваш проект делает для сахарозаводчиков больше, чем мой, но вовлекает казну в весьма трудную операцию. Может быть, из соединения обоих вышло бы что-либо подходящее.

Душевно Вам преданный

19 ноября 1886.

Д. Сольский.

562

Посылаю ответ Рихтера.

За Боткиным действительно посылали, но, слава Богу, цесаревичу не хуже. Течение болезни нормальное, не нравится мне только температура, которой пора бы дойти до нормы. Боткин советует переехать в Гатчину. Цесаревича я видел сегодня утром: он весел, но бледен и похудел.

Письмо Ваше относительно... Вам, вероятно, об этом скажут слово. Дело слишком серьезное, чтобы о нем молчать.

Душевно преданный

27 сентября.

О. Рихтер.

563

Пол. 9 июня и отвечено.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Пользуясь правом, данным мне Вами, обращаться за советом в минуты сомнения, решаюсь Вам надоедать даже во время лечения, дело не спешное, имеет значение принципиальное, так что волноваться Вам не придется, хотя в конце проекта доклада Вы прямо названы.

Дело в том, что, докладывая государю прошение Граббе и испрашивая соизволения его направить в департамент государственной экономии для рассмотрения его совместно с представлением К. П. Поссьета, я полагал и, признаюсь, остался при своем мнении, что я поступаю правильно; по толкованию А. А. Половцова выходит, что я как бы подвел государя, испросив резолюцию, которую нельзя привести в исполнение, а дело государственной важности осталось не разъясненным.

Согласитесь, дяинька, что оказываются две весьма веские причины желать узнать, кто прав, кто виноват и чем мне руководствоваться в будущем.

Не браните, а подумайте и сообщите Ваше решающее мнение. Прилагаю, кстати, письмо ко мне Граббе, раскрывающее некоторые dessous de cartes; подробности эти доказывают совершенно частный характер этого письма, не знаю, насколько они верны. Там, на Кавказе, Вам, может быть, легче их проверить.

Еще раз усердно прося Вас на меня не сердиться за то, что не даю покоя даже в Кисловодске, крепко-накрепко жму Вашу руку.

Сердечно преданный

2 июня.

О. Рихтер.

564

Конфиденциально.

Милостивый государь Константин Петрович.

Государь император, желая пожаловать к 1 января председателю комитета министров, статс-секретарю Рейтерну, свой портрет, алмазами украшенный, высочайше повелеть мне из-

волил просить Ваше высокопревосходительство заняться составлением рескрипта по случаю сего пожалования и затем проект такового рескрипта препроводить к его величеству на утверждение.

Означенную монаршую волю я предполагал передать вам лично, немедленно по получении мною сегодня вечером высочайшего по этому предмету повеления. Но, не застав Вас дома и узнав, что Вы уехали в Гатчину, спешу письменно исполнить возложенное на меня государем императором поручение при засвидетельствовании Вам, милостивый государь, истинного моего почтения и преданности.

С. Танеев.

Р. S. Могу ли просить Вас известить меня парюю строк о получении сего письма.

18 декабря 1886 г.

10 ¹/₂ час. вечера.

565

Милостивый государь Константин Петрович.

Исполнив любезное поручение Ваше, я позволяю себе обратиться особенно Ваше внимание на помещенное мною обстоятельство о понижении концессионной цены железных дорог. В начале большого труда стоило вызвать предпринимателей, и множество предприятий расходились, не приступив к делу. В возможность доходности наших дорог никто не верил — гарантированные акции Московско-Рязанской дороги стоили около 60 руб. за 100 — я отлично помню это время. После быстрой наживы фон Дервиза, Мекка и Полякова, напротив того, сделался ужасный наплыв. Некоторые высокопоставленные лица воспользовались этим и почти гласно стали раздавать концессии. Я помню заседание комитета (одно из первых после назначения меня начальн. отд.), когда Рейтерн приехал с проектом правил о раздаче концессий не иначе как по конкуренции в запечатанных конвертах. Я помню сенсацию, произведенную этим актом, глухую оппозицию некоторых членов. Последствием было падение концессионной цены с 80 т. р. на 40 т. за версту. Я также недаром упомянул о Чевкине и Татаринове. Полезно напомнить об этих бескорыст-

ных деятелях, подобных которым теперь слишком мало. Кроме того, эти три человека шли в общей неразрывной связи к одной цели. Нельзя приписать Рейтерну то, что делалось сообщая. Что кредит был поднят — тому свидетелями котировки; при вступлении им в управление финансами государственные пятипроцентные бумаги стоили около 65 р. за 100, а в конце почти at par. Кроме того, мало кто знает, что месяца за 4 до его назначения директор кредитн. канцелярии Гагемейстер, во время поездки за границую, выразился, что месяца через четыре Россия сделается несостоятельною, за что чуть было не был уволен от службы. Покойный же Милютин серьезно это предполагал. Вообще мне кажется, что неправды я не сказал, ибо о значении сведения росписей с остатком упоминалось и в рескриптах.

Везде говорится о болезни глаз потому, что еще при временном назначении гр. Палена председатель очень хлопотал, чтобы в указе было говорено о *болезни глаз* (а не головы).

Наконец, позвольте обратить Ваше внимание на то, что необходимо, чтобы Вы (или кому угодно будет поручить) *написали* м-ру двора о доставлении портрета, ибо граф Воронцов предварительно испросит указания государя, какой *цены* угодно его величеству пожаловать портрет.

Крайне было бы желательно, мне кажется, чтобы рескрипт был послан через меня утром 30-го. Он мог бы быть прочтен в заседании комитета. А что председатель новый будет назначен лишь 1-го, это не беда. Прежние председатели все умирали в должности, и новые не назначались раньше дня похорон.

Для переписки рескрипта, само собою разумеется, в распоряжении Вашем состоит канцелярия комитета.

С глубочайшею преданностью и уважением

21 декабря 1886 года.

А. Куломзин.

Управляющий
делами
комитета министров.
23 октября 1886 г.
№ 1951.

Милостивый государь Константин Петрович.

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что сообщенное Вам, в печатном экземпляре, дело о мерах к улучшению положения свеклосахарной промышленности, по высочайшему повелению, назначается к слушанию в заседании комитета 28 сего октября. К сему считаю долгом присовокупить, что его императорскому величеству благоугодно было выразить высочайшую волю о том, чтобы пересмотр означенного дела был произведен в личном присутствии г. г. министров.

Примите уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

А. Куломзин.

Глубоко тронутый участием Вашим, достойный не почтения, а почитания и любви, Константин Петрович, я позволю себе сказать, что правильным исходом дела доставится:

1) Польза правительству скорейшим, противу казенного способа, переустройством Сурамского перевала, что при нынешнем политическом горизонте имеет особое значение.

2) Обеспечится несчастная государственная казна от передержек, сопровождающих все дороги, строящиеся правительством.

3) Исчезнут без следа из архива частной конторы бумаги, известные Вам в копиях.

4) Спасет от незаслуженного по совести разорения Палашковского и Бунге.

5) Будет иметь немедленным последствием постройку моей железной дороги, а следовательно, устроит мое и моей семьи благосостояние.

Неизменно преданный Вам

28 сентября.

Н. Новосельский.

568

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Я передал Рихтеру слова Ваши о том, что предстоит ему сделать для того, чтобы прошение Граббе (находящееся теперь у государственного секретаря) было по высочайшему повелению передано в комитет г.г. министров. Но Вы сами знаете и благонамеренность Рихтера, и его незнание всех тонкостей канцелярских приемов, и я боюсь, чтобы при очевидном нежелании г. Половцова отослать прошение графа Граббе в комитет г.г. министров г. Мамонтов со своей стороны не подействовал ему в этом. Ведь сами же вы заметили, что Рихтер мог испросить высочайшее повеление в конце июня, по получении от Вас письма из Кисловодска. Ввиду всего этого не посетуйте на меня за то, что я прибегаю к Вам и неотступно прошу Вас не дать испортиться несчастному делу в то время, когда столько уже сделано Вами для торжества правды.

Неизменно преданный Вам

10 октября.

Н. Новосельский.

569

Глубокопочтимый Константин Петрович.

Окончить наш разговор так, как он окончился, было бы лицемерием, ибо Вы меня не убедили, а я Вас. При взаимном же уважении нашем это указывает, что я Вам не представил убедительных доводов в том, что не следует назначать в высшее правительство такого человека, в котором не существует чувства, называемого совестью, по единогласному отзыву всех, имевших с ним дело, что далеко не равносильно с репутациею взяточника. Вы же не могли убедить меня в том, что у него есть русская жилка, выразившаяся поддержанием русского банка в Галиции, так как пожертвование это показывает, что группа лиц, проводивших его в министры, верно сообразила способ сделать его симпатичным Вам, воспользовавшись счастливою случайностью отношений к славянскому обществу и к Вам — почтенного Владимира Карловича.

Не могу же я уйти от Вас с мыслью, что между нами есть недоразумение. Я Вас почитаю и дорожу Вами не только как

единственным государственным человеком и честным и богато одаренным от Бога, но и смотрю на Вас, как на подвижника, работающего до изнеможения на пользу родины и сердечно привязанного к государю; не могу не сказать, что удручал Вас разговорами о В. потому, что публика, даже близкая к престолу, сохраняет убеждение, что Вы одни могли бы остановить его назначение. Горячо желаю, чтобы последствия оправдали Ваши соображения, а не мои убеждения.

Искренно любящий Вас

23 декабря.

Н. Новосельский.

570

Н. А. Новосельский принес этот проект в 1886 г.

Болгарскому народу император всероссийский.

По отречении от престола князя Александра Баттенбергского я послал в Болгарию генерала Каульбарса, поручив ему узнать истинное положение вещей и настроение умов в стране. Вместе с тем я уполномочил его удерживать фактическое правительство от поспешных решений и излишеств, возможных в смутное время.

Благо народа и справедливость требовали, чтобы созываемое для избрания законного правителя великое народное собрание могло служить вполне свободным и полным выражением народной воли. Для этого надо было дать время успокоиться умам, возбужденным недавним государственным переворотом и событиями, быстро за ним следовавшими, равно забыть домашнюю распрю и приготовиться к великому делу избрания верховного вождя, как готовятся к жертве Богу, — примирившись прежде с братом своим.

Сожалею, что выборы в великое народное собрание состоялись без предварительного замирения партий и с поспешностью, которую я желал предотвратить для блага болгарского народа.

Удостоверившись, что время и обстоятельства, при которых выборы были произведены, не дают им права считаться всенародными и свободными, объявляю их недействительными.

Никогда не признаю решений великого народного собрания, в нынешнем его составе, имеющими государственное

значение, в каком бы смысле они ни состоялись и по каким бы предметам ни были поставлены.

Генерал Каульбарс мною отозван, как окончивший свою миссию.

Все еще надеюсь на водворение в Болгарии внутреннего мира, порядка и законности без помощи внешней силы, чем только народ болгарский и будет в состоянии доказать свою зрелость к самоуправлению.

Я ценю искренний патриотизм болгар, на котором зиждется братская любовь к ним православного русского народа, но отвращаюсь от двоедушия и, неизменно сочувственно относясь к делу болгарской независимости, не перестану противиться царству интриги под личиною народной воли.

571

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Совершенно неожиданно выдвинулась кандидатура принца Вольдемара на болгарское княжение. Есть опасность, что кандидатура эта окажется не неудобною нашему двору. Говорю: опасность, потому что худшего исхода из теперешних наших затруднений невозможно было бы придумать. Датский король, судя по телеграммам, отклонил выбор Тырновского собрания, не признаваемого Россией законным. Это весьма естественно, но он сказал, что не принимает кандидатуры своего сына «при нынешних обстоятельствах». Значит, при перемене обстоятельства он примет ее. Каково бы ни было личное достоинство принца Вольдемара, прошу принять в рассуждение только то, что он протестант, женат на Орлеанской принцессе римско-католического вероисповедания и что папская диспенсация, как всегда в подобных случаях, дана была лишь под условием, что дети будут воспитываться в римско-католическом законе.

Итак, мы водворим в освобожденной нами православной стране на востоке, где Россия есть Богом поставленная охранительница православной церкви, что единственно дает там России значение и силу, — водворим католическую династию. В Румынии, где мы это допустили, королевская чета, по крайней мере, бездетна. Это хуже, чем принцу Александру Бат-

тенбергский. То зло временное и случайное, а это в самом корне подрывает значение России на востоке, и это не может быть искуплено никакими другими выгодами.

Кандидатура принца Вольдемара есть самая коварная махинация наших врагов и так называемых «друзей». Эта самая пригодная кандидатура для Англии и Австрии, и нет сомнения, что она была выдвинута вследствие соглашения меж ними с участием Бисмарка.

Это так заботит и мучит меня, что я ни о чем другом думать не могу, но прежде всего хотел излить перед Вами мою душу — the ageny of my soul.

Душевно преданный Вам

Москва.

М. Катков.

2 ноября 1886 г.

572

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

До меня дошел ошеломляющий слух из источника, заслуживающего доверия, что председателем комитета министров назначается Бунге. Событие это произведет одуряющее впечатление на весь крещеный мир. Неспособный министр, причинивший столько вреда стране, не просто удаляется, или хотя бы с заурядным почетом, но возводится на высоту, далее которой идти некуда. Не знаю, в какой мере может быть полезен или вреден признанный неспособным министр в должности председателя комитета министров. Но Бунге, при всем его ничтожестве, имеет некоторое принципиальное значение. Известная лжелиберальная партия считает его своим. Самый дурной по духу орган — «Русские Ведомости» — прямо высказывал это. Да он и сам не скрывал этого. В его полемике со Смирновым он довольно ясно выставился в этом смысле. Я не говорю уже о симпатиях его в правительственных и профессорских сферах. С его возвышением не поднимется ли снова дух этой партии, не оживятся ли их надежды, не чувствуют ли они себя некоторым образом во власти или близкими к ней? Как же хотеть, чтоб дела наши шли хорошо? Да что толковать о наших делах!

Сообщаемое мною известие, по всему вероятно, для Вас уже не новость. Но так как это решение и для самого Бунге,

сколько мне известно, неожиданно, то могло родиться внезапно. Повторяю, я получил его из хорошего источника.

Совершенно преданный

Воскресенье,
поздний вечер.

М. Катков.

573

Многоуважаемый Константин Петрович.

Надеюсь, что Вы не приняли за обиду несколько резкие мои слова во вчерашнем заседании в защиту гласности суда.

Будучи непоколебим и вполне искренен в своих убеждениях, я выше всего ценю эти качества и в других, а потому глубоко уважаю и Вашу стойкость в отстаивании Ваших убеждений, хотя они в данном случае оказались диаметрально противоположными моим.

Правда, я вовсе не был приготовлен встретить в Вас противника гласности по принципу, полагая, что Вы стремитесь только оградить суд от всякого рода скандалов, как политического так религиозного, нравственного и семейного характера, и в этом отношении вполне Вам сочувствовал. Но, признаюсь, я не думал, что Вы так решительно признаете гласность суда вредною, особливо в наше тяжелое время, когда Вам лучше, чем кому-либо, известно, что своекорыстие все наглее поднимается по ступеням общественной лестницы выше и выше и встречает беззастенчивую, сильную поддержку в таких сферах, где это наименее желательно.

Чем же обуздать это зло, как не страхом перед публичным его опозорением? Знаю, что Вы, лично, боретесь против этого зла, и дай Вам Бог в том успеха. Да ведь один в поле не воин, а гласность является Вам в этом мощным союзником, и слава Богу.

Еще раз прошу Вас не сетовать на душевно Вам преданного и глубоко уважающего Вас

Воскресенье
2 ноября 1886 г.

Д. ф. Дервиз.

574

23 февраля 1886 г.

Спешу уведомить Вас, Константин Петрович, что Евтушевскому гораздо лучше: он начал говорить, хотя и с трудом, и лучше владеет правою рукою. Вообще первая тяжкая опасность, видимо, миновала. Завтра его перевезут домой, уступая настойчивым его просьбам.

Не могу достаточно выразить, как тронут я тем добрым участием, которое оказали несчастному больному императрица, государь и их милые дети.

Искреннейше преданный Вам *Григорий Данилович*.

575

Милостивый государь Константин Петрович.

В наступающем учебном году предполагается назначить Ваши лекции у государя наследника цесаревича по пятницам от 9 $\frac{1}{2}$ до 10 $\frac{1}{2}$ и от 10 $\frac{3}{4}$ до 11 $\frac{3}{4}$, если Вы позволите сделать эту перемену. Последний урок от 12 до часу желает удержать Николай Христианович, так как у него в пятницу от 11—12 бывает доклад его величеству, и ему желательно воспользоваться приездом этим и для урока.

Совесть моя спокойна будет в том только случае, если на эту перестановку урока последует Ваше разрешение.

Искреннейше преданный Вам

Пятница 6 июня.

Григорий Данилович.

576

Неутешительная картина.

Копия с письма преосв.
экзарха Павла из Тифлиса.

Только теперь собрался я писать Вам. Все это время я был сам не свой, не по малодушию, от которого Господь меня избавил, а от тяжкой невозградимой потери, мною понесенной, от скорби и негодования по случаю совершившегося злодеяния. Негодяй мальчишка (Лагиев по фамилии), уволенный из семинарии по прошению, тогда как его следовало бы

исключить из семинарии за вредное направление, очевидно, подкупленный здешними социалистами, убил чрез два месяца по увольнении из семинарии о. ректора, протоиерея Павла Ивановича Чудиецкого, 24 мая, самым зверским образом. В то время, когда о. ректор читал какое-то, поданное ему Лагиевым, прошение, нигде не найденное, негодай вонзил кинжал сначала в пах, а потом в живот, и, перевернув кинжал, изрезал кишки, и когда смертельно раненый ректор закричал и побежал, он бросился за ним, поранил кинжалом руку жены ректора, старавшейся удержать злодея и взявшейся за кинжал, настиг вновь свою жертву и нанес новую жестокую рану, в шею. На балконе он схвачен одним наставником и помощником инспектора; последнему удалось отнять кинжал и остановить дальнейшее злодейство. Преступник 19-ти лет и очевидно подкуплен здешними коноводами социализма и грузинофильства, хорошо понявшими, что замечательно умный и энергичный ректор, начавший с корнем вырывать зло из семинарии, — опаснейший их враг, и порешившими избавиться от него.

Негодяй убийца, за три дня до убийства, являлся ко мне с просьбой о возведении его в сан диакона, и все думают — с целью убить меня. Он был взволнован, но так близко стоял ко мне, что очевидно не решился на преступление, опасаясь, что при первом подозрительном действии я остановил бы и скрутил бы его. Я сказал ему, что 19-летнего юношу, ничем не зарекомендовавшего себя, я не могу возвести в сан диакона и что для получения даже должности причетника он должен сдать причетнический экзамен. С тем проситель и ушел, и я сдал его прошение с резолюциею о необходимости сдать причетнический экзамен. В самый день убийства убийца шлялся часа два по моему двору и заходил в церковь, очевидно не для молитвы, потому что во время херувимской песни сидел на стуле, с которого согнал его диакон. Думаю, что он, изучивши порядок нашей жизни (он целый месяц шлялся в нашем дворе в качестве искателя причетнической должности, хотя просьбы не подавал), намеревался пробраться ко мне из церкви чрез отпертую дверь, около которой я слушаю службу, и, внезапно нападши на меня, положить на месте. Все это, впрочем, догадки, а не истина несомненная. Но несомненно, что моя смерть от руки злодея обрадовала бы здесь многих, начиная с

тех сиятельных подлецов, которые подали Вам докладную записку известного рода. Думаю, что Господь спас меня от смерти по своему неизреченному долготерпению и милосердию, а почил мой достойный ректор.

В 11-м часу утра 24 мая инспектор Степанов (мужественный человек) явился ко мне с донесением о совершенном злодеянии. Минут через 10 я уже был в квартире ректора, встретил там докторов, ухаживающих за раненым, узнал от них об опасности ран (они скрыли, что рана в живот была безусловно смертельна и что было изумительно, что ректор не пал замертво на месте, а прожил 2 часа) и поехал к князю Дондукову с сообщением о злодействе. Не нахожу слов для выражения благодарности князю и больной княгине за их теплое участие к нам в этом ужасном деле. И князь, и княгиня отлично знали покойного и глубоко его уважали за выдающийся ум, такт, полную достоинства и назидания жизнь. Князь был потрясен и возмущен злодейством и при мне написал Вам телеграмму о том, чтобы судить убийцу военным судом. Я послал Вам мою телеграмму уже после смерти почившего, из его квартиры, где я остался и для утешения пришедших в отчаяние жены и родных покойного, и для присутствия при первой панихиде по нем. До 12 часов воскресенья 25 мая покойник оставался в закрытом ящике, наполненном льдом. Около 12-ти часов, после особого медицинского (следственного) осмотра его, он был одет, и я, равно наши все присутствующие, были поражены выражением лица, мирным, покойным, озаренным самою доброю улыбкою. Ничего подобного не случалось встречать на лицах умерших. Умер покойный со словами прощенья убийцы и врагов. Несмотря на страшные раны, он до последней минуты сохранил сознание.

В 5¹/₂ часов вечера 25 мая был вынос тела из семинарии в Александро-Невскую церковь. Масса народа была при церемонии. Князь главноначальствующий, попечитель округа и все русские представители власти были при проводах тела. Князь Дондуков вел под руку вдову. При погребении 26 мая также все представители власти были в церкви. А 27-го ко мне явилась депутация с выражением соболезнования по случаю понесенной мною потери и негодования против совершенного злодейства. При погребении я сказал краткую речь, которая

произвела сильное впечатление, понравилась русским и не понравилась грузинам известного сорта; семинария и грузинская интеллигенция показали себя в самом омерзительном виде. Из учеников едва ли и половина возмущена преступлением, на многих лицах написано злорадство или совершенное безучастие. Грузинская интеллигенция всячески старается обелить негодяя-убийцу, придумывая самые нелепые оправдания злодеянию. Обвиняют покойного в грубости, в жестокости, к которым он по своему характеру был неспособен: русские наставники готовы были обвинять его в излишней мягкости, чуть не в потворстве ученикам. Почивший стоял на середине между этими двумя крайностями: он был мягок к людям, но непреклонно боролся с людским злом, старался исторгать зло в семинарии с корнем. Несколько лет подобной умной и энергичной работы — и он переделал бы семинарию, совершенно испорченную и развращенную его предшественниками. Но этого именно и не хотели заправила нигилизма грузинофильского; они почуяли в ректоре сокрушительную для них силу, и рукою этого нафанатизированного убийцы прекратили эту в высшей степени полезную жизнь.

Князь главноначальствующий просил Вас о назначении вдове почившего усиленной пенсии не менее 1500 р.

Я присоединяюсь к его ходатайству. Подобная пенсия должна быть назначена не столько для обеспечения вдовы, которая при своем уме и воспитании найдет кусок хлеба себе, сколько для оценки выдающихся заслуг и мученической смерти почившего за благо отечества. О, сколько он работал и как работал! И за эту-то именно работу он и убит негодяями. Все мои поручения он исполнял с умом и трудолюбием замечательными.

Русские наставники деморализованы; грузины-наставники смотрят зверями. Особенно негодяем оказался Мекапаров, о котором Вас просил С. В. Керский и о котором Вы просили меня. Это глупец и подлец. Он осмеливается если не прямо оправдывать, то извинять убийцу. Почти всех грузин придется прогнать, если мы не желаем полной деморализации семинарии. По соглашению с князем Дондуковым я положил немедленно распустить семинарию и испытание семинаристов произвести во второй половине августа. К этой мере побуждает меня, с одной стороны, подъем,

быть может, и призрачный дух семинаристов, а с другой стороны, упадок духа русских наставников. Ученики с наглостью, с видом победителя-триумфатора, смотрят на русских наставников и страстно желают немедленных испытаний, надеясь, что наставники не осмелятся оценивать слабые ответы их дурными баллами. Наставники думают, что ректор был только первой жертвой ненависти грузин к русским и что ученики расправятся кроваво и с остальными наставниками, если они будут испытывать строго. И некоторые справедливо замечают, что если семинаристам теперь же произвести слабые экзамены, то и в следующие годы они будут перед экзаменами убивать кого-либо из наставников или начальников, чтобы вновь вызвать слабые экзамены. Между тем ожидание в течение двух месяцев с лишком испытаний будет для них порядочным наказанием и вразумлением. А князь Дондуков думает, что это может содействовать и раскрытию зла: в негодовании на виновников отсрочки испытаний они могут так или иначе выдать их. Во всяком случае в настоящее время экзамены невозможны.

Затем нужно принять меры к очищению, к оздоровлению духа семинарии. Во-первых, нужен хороший ректор, и назначение его должно состояться как можно скорее. Я указываю на о. Николая Налимова. Я знаю его за прекрасного человека. Неохотно, конечно, пойдет он в разбойничью семинарию, но что же делать. И я охотно отдал бы свой экзархат за последнюю русскую епархию; но бежать отсюда, когда мне грозит серьезная опасность, было бы трусостью, низостью. Нужно стоять здесь на страже так же самоотверженно, как стоит солдат во время войны на передовых постах. А мне грозит несомненная опасность. Вот какие речи подслушаны между грузинскими негодями: «Испанцы начали лучше, с епископа, а у нас начали с попа, нужно бы с экзарха». Серьезно или нет сказано это, но во всяком случае характеризуется этим настроением. Но я не думаю оставлять свой опасный пост. Разве нельзя назначить и ректора и не по его желанию? Не всех же будут убивать. Если нельзя будет назначить Налимова, то пусть назначат другого, но непременно умного и твердого. И непременно — монаха. Если такого не окажется, то лучше остаться на временном положении, без ректора. С глупым ректором здесь окончательно можно все расстроить.

Во-вторых, во второй половине августа необходимо назначить особую ревизионную комиссию из дельных, энергичных людей разных ведомств. Хорошо было бы, если бы во главе комиссии стал С. В. Керский. Он здесь встретился бы со старыми знакомыми, которые не провели бы его. Из здешних хорошо было бы просить в комиссию полковника (жандармского) Федорова из Эривани. Во время нынешнего путешествия я хорошо познакомился с ним: это дельный, умный, честный деятель, раскрывший уфимские безобразия и армянскую измену. Эта комиссия должна расследовать всю подноготную о семинарии, содействовать удалению из нее вредных элементов и вообще обновлению семинарии. В настоящем своем состоянии семинария не может быть оставлена.

Что Вам сказать о моем собственном настроении? Благодаря Бога, я нимало не растерялся и не испугался. Скорбел, но не унывал и смело смотрел в глаза опасности, как и почивший ректор. Со всех сторон слышу благожелательный призыв к осторожности, некоторые меры предосторожности я принимаю, но духом бодр. Знаю, что без воли Божией не падет ни одного волоса с головы и что, с другой стороны, никакая охрана не спасет от смерти в назначенный Богом час. Помышляю о часе смертном, сильно готовлюсь к нему, но без уныния и страха. За святое служение церкви, царю и отечеству — славно умереть. На случай насильственной смерти моей прошу Вас чрез И.Ф. Нильского узнать наиболее беспомощных моих родных и оказать им помощь, которой они лишатся в случае моей смерти. На Вас, а не на другого кого-либо в этом случае моя надежда.

Поездкой в Эривань, Александрополь, Карс я в некоторых отношениях доволен. Думаю, что она была не бесплодна. Здесь я встретился с массою сектантов: молоканов, субботников, прыгунов, духоборцев и со всеми ими вел оживленные беседы, которые их очень заинтересовали. После моих бесед они очень задумались о своих заблуждениях, хотя и упорствуют в них. Особенно были смущены субботники моими доказательствами, что Мессия пришел. В с. Еленевке я был на их службе вечерней и после службы часа два беседовал с ними. Постараюсь, если будет время, записать и напечатать свои беседы и распространить между сектантами. Жаль, что у нас нет лица

для миссионерской деятельности; по местам мог бы быть успех. А какие люди — трудолюбивые, трезвые.

В Эчмиадзине был я весьма приветливо принят католиком Макарием. Осмотрел эчмиадзинские достопримечательности.

В Александрополе освятил храм св. Архистратига Михаила на «Холме Чести», на могилах русских героев.

Везде встречали меня с большими почестями, не православные только, но и армяне, сектанты, турки, персы. Всех заинтересовали мои беседы и речи.

Спустя немного времени вновь напишу Вам о наших делах.

28 мая 1886 года.

577

Москва, Остоженка, д. Молчановой
5 окт. 1886 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Сердечно рад, что наконец свиделся с Вами, хотя короткое время и не успел с Вами ни о чем переговорить. Увидев меня, Вы как будто удивились, что еще раз мне доказало, как Вы мало меня знаете. Хотя Вы далеко меня не балуете, но я искренно и душевно Вам предан за *то громадное добро, которое Вы сделали России высочайшим манифестом 19 мая 1881-го года*. Его не простят Вам наши доморощенные либералы, но истинные русские люди будут всегда благодарны Вам за этот манифест, как бы железным кольцом вновь связавший наше расшатанное и разваливавшееся отечество.

После тяжелой моей болезни мне следовало бы, казалось, жить себе мирно и покойно в ожидании предстоящего недалекого уже конца. Но имею ли право на такое спокойное и мирное житье и не был бы ли я рабом неключимым, зарывшим в землю талант своего господина, когда, за 9 дней до кончины незабвенного святителя нашего Филарета, удостоился принять его благословение и быть им осененным большим крестом со словами: «Да благославит вас Господь на все полезное, что Вы предпримете на благо России». И тяжелое время, переживаемое теперь нами, таково ли, чтобы можно было покойно, сложа руки, предаваться... Нет, святая наша родина всегда, а теперь, может быть, более, чем когда-либо, нуждается-

ся в молитвах и трудах всех своих сынов. Итак, решаюсь вновь обратиться к Вам, дражайший Константин Петрович, с уже раз некогда высказанной Вам просьбой: помочь мне сделаться членом государственного совета. Признаюсь Вам, что я этого всего более бы желал, но если почему-либо этого никак нельзя будет сделать, то ввиду неизбежных, крайне необходимых преобразований в нашем министерстве иностранных дел и в представителях наших за границей полагаю, что при знании иностранных языков и обстоятельств и лиц в Германии и Австрии, специально мной с 1866 года изучаемых, я мог бы принести пользу на дипломатическом поприще, и особенно в Вене. Но так как я не военный и, подобно обоим братьям Шуваловым, не считаю себя способным без всякой подготовки, сразу занять важное место посла, то для первого начала желал бы получить место в Дрездене, которое считаю аванпостом Варшавы и гораздо более важным, чем у нас об нем, вообще думают. Как дорого бы дали теперь французы, если бы они могли иметь там, как и прежде, своего представителя. У нас же есть, и мы этим вовсе не пользуемся... Теперь у нас в Дрездене не посланник, как было прежде, а резидент (что очень огорчало всегда сочувствовавшего нам короля саксонского). После Нелидова, по рекомендации покойного Орлова, представителем России там балтиец, старик барон Менгден, ничего ровно не делающий и никому и чашки чая не предлагающий. Сын его от первой жены-саксонки служил некогда в саксонском гвардейском конном полку, наделал долгов, которые отец его не платил, и товарищами принужден выйти из полка. Можете себе представить, насколько было приятно королю саксонскому назначение к нему Менгдена, да еще не посланником, а резидентом... Умоляю Вас, многоуважаемый Константин Петрович, для пользы России, и чем скорее, тем лучше, убрать Менгдена из Дрездена, и кто бы ни был назначен туда на его место, но непременно по-прежнему посланником, а не резидентом. Жена моя, рожденная баронесса Пирх, происходит от древней саксонской фамилии. Дед ее, инженерный капитан саксонской службы, был закадычным другом графа Ангальт, принявшего предложение Екатерины приехать в Россию и устроить 1-й кадетский корпус, с условием чтобы и друг его был бы принят на русскую службу. Граф Ангальт

был первым директором, а барон Пирх первым инспектором классов 1-го кадетского корпуса. У него было 2 сына: старший, Карл Карлович, был генералом свиты и командиром Преображенского полка, а младший, тесть мой, Альберт Карлович, жестоко раненый при Бородине, был комендантом и губернатором в Казани.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Гр. Комаровский.

578

Копия.

Ваше императорское величество
всемиловитивший государь.

Вследствие многочисленных заявлений биржевого купечества о необходимости в неотложном принятии мер к отвращению того тревожного положения, в которое поставлено торговое сословие Москвы неожиданными распоряжениями московского генерал-губернатора о спешном закрытии городских рядов, и к устранению губельных от такого закрытия последствий, возбужденный этим вопрос был подвергнут всестороннему обсуждению в созданном для того экстренном собрании выборных московского биржевого общества. По выслушании сообщения о последовавших со стороны генерал-губернатора распоряжениях и объяснения о положении дела по предположенной перестройке городских рядов, данного старшиной московского купеческого сословия как председателем учрежденного по таковой перестройке комитета, — собрание выборных приняло в соображение: во 1-х, что, согласно состоявшимся распоряжениям московского генерал-губернатора, закрытию к 1-му октября, под предлогом ветхости рядов, должно подвергнуться до 2/3 всех торговых помещений, находящихся между Ильинской и Никольской улицами, и до 1/3 состоящих между улицами Ильинской и Варварской; во 2-х, что в числе первых к закрытию назначены, между прочим, такие ряды, которые исправлены до известной степени в самое последнее время, и даже лавки, выходящие на Ильинку, недавно отделанные заново; в 3-х, что число закрываемых помещений в рядах между

Ильинкой и Никольской (но приблизительноному расчету на основании общего числа всех помещений) должно составлять до 400, а в рядах между Ильинкой и Варваркой — от 150 до 200, в особенности если здесь принять во внимание, что к закрытию предназначены проходы, служащие сообщению между другими рядами, и что чрез разъединение таковых находящиеся в сих последних помещения утратят их способность быть пригодными для торговли; в 4-х, что для перенесения такого числа торговых помещений никаких приготовленных мест в Москве не существует; в 5-х, что если и имелись еще в черте Китая-города некоторые оставшиеся свободными торговые помещения, то все они, ввиду обнаружившейся паники, уже сняты в самое последнее время имеющими помещения в закрываемых рядах оптовыми торговцами; притом же помещения эти представляются, по их наемной плате, весьма ценными и потому большинству торговцев недоступными и, наконец, для торговли мелких промышленников непригодными; в 6-х, что предположенные к устройству на Красной площади железные лавки, не говоря о крайней недостаточности их, как по числу, так и размеру, для удовлетворения потребности всех предназначенных в закрытию во многих случаях помещений, чрезвычайно неудобны вследствие присущей им в летнее время высокой температуры, вредно влияющей на предметы торговли; в 7-х, что при таком положении дела назначение для закрытия рядов краткого срока, едва достаточного для перевода торговли в приготовленные помещения, является равносильным совершенному запрещению производств дел для большинства помещающихся в тех рядах торговцев; в 8-х, что если до сего времени и существовал в течение многих лет вопрос о перестройке рядов, находящихся между Ильинкой и Никольской, то никогда еще не возбуждалось такового относительно рядов, состоящих между Ильинкой и Варваркой, и потому закрытие сих последних для помещающихся в них торговцев было совершенной неожиданностью; в 9-х, что состояние, в котором находятся ряды, по всей вероятности, не ухудшится значительно до будущего года, и хотя они вообще представляются ветхими, тем не менее небезопасными в них могут быть признаны лишь незначительные части их, не более двух рядов и нескольких отдельных торговых помещений, в которых торговля могла бы быть приостановлена немед-

ленно без ущерба торговцам, помещающимся в прочих частях рядов; в 10-х, что проект оснований для перестройки рядов составлен уже окончательно и передан на рассмотрение думы; в 11-х, что перестройка такого рынка, как городские ряды, по общему плану может неоспоримо быть произведена без ущерба для торговцев не иначе, как по частям, так как разрознение однородной торговли может безусловно влечь за собой разорение мелких торговцев, составляющих большинство в настоящем случае; в 12-х, что помянутое распоряжение, появившись перед самой Нижегородской ярмаркой, неизбежно должно было произвести крайне тревожное влияние в среде торгового сословия, не приготовленного заблаговременно к перенесению занимаемых им помещений; в 13-х, что тяжелые последствия, которые предпринятое закрытие рядов должно оказать на помещающихся в них промышленников, отзвучат неминуемо с крайней тяжестью и на оптовых торговцах, вследствие существования взаимных отношений, и нанесут значительный вред торговле и кредиту вообще, и в 14-х, что такая мера представляется еще более стеснительной при том затруднительном положении, в котором торговля и промышленность находятся в настоящее время.

Исходя из сих соображений, собрание выборных положило: от имени московского биржевого общества всеподданнейше ходатайствовать пред Вашим императорским величеством о все милостивейшем соизволении на отмену вышеозначенного стеснительного для торговли распоряжения московского генерал-губернатора и на отсрочку закрытия городских рядов до утверждения проекта об их перестройке, каковое ходатайство биржевого общества, по уполномочию собрания выборных, я приемлю верноподданническую смелость повергнуть к стопам Вашего императорского величества.

(На подлинном подписано)

Вашего императорского величества

верноподданнейший

Николай Александров *Найден*ов,

председатель московского биржевого комитета.

23 августа

1886 г.

Воскресенье.

Любезный друг, Константин Петрович, мне вчера прислали новую редакцию положения по рабочему вопросу, — как результат происходившего особого совещания.

Может ли быть, что эта новая форма принята и тобою?

Дело не только не улучшилось, но даже ухудшилось, с точки зрения здравого смысла: если новое положение не распространяется ни на *поденные*, ни на *сдельные*, ни на *испольные* работы, то что же остается?

Разве кучера, садовники, сторожа и т. п. прислуга.

Правда, остаются *годовые* и *летние* рабочие, нанимающиеся на долгие сроки, но ведь из всех данных госуд. совета видно, что *не* эти рабочие бегают, *не* на этих были жалобы и *не* об этих плачутся.

За сим еще: в чем же заключаются *преимущества* договорных листов, те обещаемые приманки, на которых основана надежда?

Для рабочего — что он в догов. листе увидит формальности при совершении, стеснение в своей свободе, строгость взысканий и арест после процесса.

Это ли будет привлекать рабочего к новой форме, когда есть факультативность и свобода выбора другой формы договора?

Для нанимателя — опять формальности, а в случае нарушения — процесс и утешение, что, *может быть*, рабочего посадят под арест чрез 6 месяцев, когда весь оборот хозяйства закончен.

Поистине недоумеваю: неужели нельзя предвидеть, что если утвердить такое положение, то чрез три месяца все газеты и журналы разберут его по косточкам и поднимут на смех?

Я — и член госуд. совета, и помещик, 20 лет лично занимающийся хозяйством, ведущий правильную семипольную экономию; первое, что я должен буду сделать, это дать себе и моему управляющему самый положительный зарок *никогда*, ни под каким видом не брать договорных листов и нанимать рабочих не иначе, как словесно.

К несчастью, наши рабочие вообще так плохи, что единственная гарантия для нанимателя — это свобода развязаться

сейчас и рассчитать немедленно. Это важнее всего, — это и составляет полезную узду и для рабочего.

Догов. листы создадут новые узы, никого не обеспечат, а крестьян наших научат тому, чего они еще не делают, — кляузничать и тягаться.

Надеюсь, что ты завтра будешь и поможешь устранить проект, явно несостоятельный.

Преданный тебе

Б. Мансуров.

580

29 мая 1886
Знаменская, 10

Ваше высокопревосходительство!

С чувством глубочайшей благодарности имею честь возвратить доставленное мне донесение о движении православия в Прибалтийском крае. Переданное мною, по извлечении материалов, Н. И. Бобрикову, оно удостоилось быть в руках великого князя Владимира Александровича.

Трудно изобразить Вашему высокопревосходительству ту робость, с которою приступаю я к корреспонденциям. Только при полном ознакомлении о том, что было и есть в крае, постигаешь впервые печальные судьбы эстов и латышей, *не знавших* с XII века по 40-е годы нынешнего столетия, т. е. до времени всполоха, произведенного в лютеранстве обращениями в православие, не знавших в полном смысле этого слова, что значит *проповедь*, и выдавших только насильственное крещение. Только при подробном ознакомлении с общим характером действий первенствующего сословия (уже в XVI веке имелись налицо подтасовки документов, напр.: акт подчинения Эстляндии Эрику XIV шведскому, в *латинском* тексте которого нет и помину о подтверждении дворянских привилегий, имеющемся в *немецком*), только при сопоставлении цифр (напр., официального издания ландратской коллегии, гласящего, что в Лифляндии 64% крестьян уже собственники, тогда как на самом деле, согласно исследованию, ныне управл. мин. юстиции, сенатора Манасеина, таковых *нет почти совсем*), только при правильной оценке тактики лютеранского духовенства — возникает во всем спокойном величии своем

значение мероприятий нынешнего царствования. Да благословит Господь государевы начинания. Да укажет Он великому князю истинное положение дела. Нет и не может быть у нас, в настоящей России, ничего без царского почина. С одной стороны могущественный царь православной державы, с другой — фантазма (потому что всякая фантазма отличается отсутствием плоти) прибалтийского благоденствия — *двух* человек на счет *двадцати*, так говорит статистика, и неужели же могут сделаться искренними люди, не бывшие искренними в течение 7 столетий? Но — соблазн велик, обстановка подкупает, дворяне держат под узды лошадей экипажа особы царствующего дома, дерптская ярмарка, приходившаяся как раз ко времени великокняжеского прибытия, ярмарка, притягивающая к себе русских с западного берега Псковского озера, эстов и латышей издалека, говорят, отсрочена. Ведь это удаление народа от очей государева брата. Но, даст Бог, эти расчеты окажутся неверными. Великий князь смотрит зорко, очень зорко.

Я позволил себе затруднить Ваше высокопревосходительство чтением этого письма только во внимание к Вашему благорасположению. Я доложил о страхе, который меня обуяет, о возможности принести пользы менее, чем бы хотелось — святому делу, стоящему на очереди. Боюсь и того, сумею ли остаться настолько сдержанным, насколько следует, не проскочит ли слово более резкое, чем бы следовало. Кто ознакомился с тем, что делалось и делается в Балтийском крае, едва ли может отвечать за себя вполне. Но государем намечена сторона движения, и, благословясь, надо идти.

В расчете на вескую защиту, в случае надобности, со стороны Вашего высокопревосходительства смею уверить в глубочайшем почтении и искреннейшей преданности Вашего почтеннейшего слуги

К. Случевского.

От М. М. Манасеиной 15 нояб. 86.

Ваше высокопревосходительство
душевно уважаемый Константин Петрович.

Извините за смелость, с которою я позволяю себе обратиться к Вам, но, зная Вашу любовь к России, я надеюсь, что Вы снисходительно отнесетесь к тому, что я позволяю себе обратиться к Вам с настоящим, из ряда вон выходящим, письмом. Сознывая всю исключительность настоящего моего обращения к Вам, я несколько раз бралась за перо и снова откладывала его в сторону; но ввиду важности дела я не могла примириться с молчанием и согласна лучше показаться странной, нежели промолчать о том, о чем сказать мне велит моя совесть. Приходя в близкое соприкосновение с учащейся молодежью и любя и уважая в ней будущность нашего отечества, я не могу оставаться хладнокровной зрительницей той деморализации, которой ее подвергают, конечно, бессознательно в настоящую минуту. Я имею в виду те нецелесообразные и необдуманные овации, которыми в настоящее время окружают самоубийство проф. Коломнина как пресса, так и представители ученых корпораций и власти.

Голый факт, как он был известен в медицинских кружках Академии, состоял из следующего: покойный Коломнин отравил больную, впрыснув ей слишком большую дозу кокаина, и затем застрелился сам под влиянием ли раскаяния или страха пред судом и скандалом — о том судить не нам. Его самоубийство профессора-товарищи считают рыцарским поступком, потому что этим самоубийством он, как они говорят, спас Академию от скандала, поднял положение русского медика, окружил его ореолом и т. д. В результате этого являются натяжки, искажения фактов с целью оправдания покойника и поднятия его на высоту какого-то подвижника, героя и т. д. В результате этого являются овации и даже министр Ванновский счел необходимым быть на панихиде... Одним словом, не ведают, что творят. Молодежь ведь была на роковой операции и знает правду. Молодежь теперь жадно вслушивается, глядявается во все, что творится, и выводит логически то заключение, что самоубийство может быть подвигом, достой-

ным всеобщего уважения. И это делается в то время, когда у нас и без того уже самоубийство стало заурядным фактом, когда имеются уже ясные признаки эпидемического увлечения самоубийством. Что же это такое? Неужели наши братья и сыновья, поступая в стены высшего образовательного заведения, должны выносить убеждение, что одно преступление может быть смыто другим и что религия, запрещающая самоубийство, есть нечто отсталое и несущественное? Неужели молодежь должна усвоить, что интересы известной корпорации, хотя бы, напр., врачебной, стоят выше требований истины, выше требований справедливости? Человек, который считался заурядным хирургом, неудачным профессором при жизни, возвеличивается теперь в героя, чуть ли не в гения — только потому, что он вопреки законам религии и нравственности поднял на себя руку.

Противодействовать всему этому надо; но, конечно, задача эта не по силам мне, так как я не имею никакого влияния, никакого авторитета, и потому я решилась обратиться к Вам, Константин Петрович. Вы при Вашем положении, при Вашей опытности и при Вашем авторитете найдете, быть может, какое-нибудь средство для того, чтобы парализовать это пагубное увлечение общества самоубийством проф. Коломнина.

Ведь если раз распространится убеждение, что самоубийство все смывает, все заглаживает и даже возвеличивает преступника, то в результате этого должны, конечно, получиться самые пагубные последствия. В русском обществе уже приходилось не раз слышать мнение, по которому убийца, умирающий рядом со своей жертвой, не есть преступник.

«Умри проф. Коломнин своей смертью — и военный министр не стал бы посещать панихиды по нем, а теперь даже он, представитель высшей власти, преклонился перед героизмом самоубийства». Эти слова были сказаны мне часа два тому назад молодым врачом, недавно окончившим курс.

Больше писать нечего, так как цель моего письма сводилась на то только, чтобы обратить Ваше внимание на известные явления нашей общественной жизни, которые могли пройти для Вас не замеченными ввиду Ваших многочисленных занятий.

582

Милостивый государь Константин Петрович.

Обстоятельства чрезвычайной важности заставили меня прибыть в С.-Петербург из-за границы, где я нахожусь с 1885 года. Эти обстоятельства побудили меня обратиться здесь к некоторым высокопоставленным лицам с просьбами, которые, однако, не имели успеха. Ввиду сего решилась я писать Вашему высокопревосходительству и покорнейше и убедительнейше просить вас не отказать принять меня и выслушать то ходатайство, которое заключает в себе для меня вопрос выше жизни моей. Оно ни в каком отношении не обременит Вас. Исполнение его не будет сопряжено с каким-либо материальным затруднением. Прошу Вас всей душою, не откажите мне в просьбе моей.

Примите уверение чувств отличного уважения и совершенной преданности

С.-Петербург.

герцогиня *Мария де Феррари*.

13 марта 1886 г.

Европейская гостиница, 31.

583

Милостивый государь Константин Петрович.

Всею душою благодарю ваше высокопревосходительство за ответ.

В воскресенье в 1 час буду к Вам с полной надеждой, что выслушаете меня и по крайней мере посоветуете мне.

Примите уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

С.-Петербург.

Герцогиня *де Феррари*.

14/26 марта 1886.

584

В продолжение 30 лет я нахожусь под тягостью несправедливых обвинений со стороны света; с 1857 года я уже и не протестовала, так как тогда мои обращения к моему августейшему покровителю перестали доходить до него. Я жила вдали

от света, все стараясь уклоняться от нападков моих недоброжелателей, поддерживаемая верою в Бога и моею невинностью. Господь и сжалился надо мною — мое замужество вознаградило меня за прежние страдания, и я жила спокойно — для мужа и дочери, которая составляет все счастье жизни моей.

Мне не приходило на мысль напоминать о себе августейшей семье, особенно после рокового дня — 1 марта 1881 года, так как я стала почти неизвестною их императорским величествам.

Но обстоятельства изменились. В 1884 году осенью, когда я находилась в Штейне у герцога Лейхтенбергского, Николай Максимилианович получил известное его величеству письмо с подписью «Chevalier du Lys». Первое мое чувство было желание отправиться тотчас же в Петербург, обратиться лично к их величествам и сделать все зависящее от меня, чтобы избавить так свято любимого монарха от могущих возникнуть недоразумений; но, к моему несчастью, я встретила тогда энергическое сопротивление со стороны окружающих и была вынуждена уступить мнению большинства, тем более, что и мой муж не придавал особенного значения этим письмам, имевшим характер шантажа.

Все, казалось, затихло, когда в декабре прошлого года я получила письмо от сестры, в котором она предупреждает меня, что узнала из самого достоверного источника, что его императорское величество возмущен против меня из-за писем «Chevalier du Lys», подозревая невинность мою и мое полное неведение.

Незапятнанная честь выше жизни для мужа моего и для меня, поэтому моим мужем тотчас же была решена моя поездка в Петербург, и я приехала сюда с теми же искренними чувствами, которые побуждали меня в 1884 году обратиться лично к его величеству, повергнуть к его стопам мои верноподданические чувства и полный отказ от какой-то денежной претензии, коей побудительные причины вовсе мне неизвестны; это для меня единственная возможность доказать мою невинность и вместе с тем подавить в самом начале могущие произойти осложнения и требования.

Приехав сюда, я просила аудиенцию у ее императорского величества, затем я писала вторично государыне императрице,

но оба раза моя просьба была отклонена. Это совершенно подавило меня, так как эти отказы доказывают, что прежние клевета и ложь не забыты светом и дают повод заподозривать меня.

Прошу ваше высокопревосходительство войти в положение мужа моего, который всеми силами старается защищать честь невинной жены и своего имени. Нельзя оставить тяготеть над нами подозрение в *моем участии в деле бесчестном*, одна мысль ужасна. Чувства же мои к его императорскому величеству совершенно верноподданнические и глубоко искренние. Каким образом убедить его в этом? Что делать?

Желаю избежать всякой огласки, не быть причиною малейшей неприятности их императорским величествам, но я боюсь мужа моего, боюсь чего-то, что самой неясно. Ради Бога, дайте мне добрый совет, как помочь несчастью невинной и чести ближнего.

16 марта 1886.
С.-Петербург.

Герцогиня *Мария де Феррари*.

585

Милостивый государь Константин Петрович.

Пользуясь благосклонным разрешением вашего высокопревосходительства, имею честь препроводить при сем записку и письмо мое к его величеству, судьбу которых бестрепетно вверяю Вашему великодушию и благосклонности.

С чувством глубочайшего уважения и вечной благодарности преданная Вам

16 марта 1886 г.
С.-Петербург.

герцогиня *Мария де Феррари*.

Европейская гостиница, 31.

586

Милостивый государь Константин Петрович.

Вследствие благосклонного приема, который Вы оказали мне, я решаюсь снова обратиться к Вашему высокопревосходительству; неутешительные вести о здоровье дочери моей заставляют меня торопиться отъездом из Петербурга, между тем я не

могу уехать отсюда в полном неведении относительно моего ходатайства.

Глубоко веря в Вас, в Ваше сердце и желание добра ближнему, я прошу Вас позволить мне еще раз переговорить с Вами и приехать для этого к Вам завтра в воскресенье, в час полудни. Простите меня, что так беспокою Вас, будьте милостивы, войдите в мое положение — я ужасно мучаюсь под тяжестью неизвестности.

С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашему высокопревосходительству глубоко преданная

22 марта 1886 г.

герцогиня де Феррари.

Европейская гостиница, 31.

587

Милостивый государь Константин Петрович.

Муж вызывает меня, и боюсь не иметь возможности дожидаться приезда Дмитрия Кладищева. Позволяю себе приложить полученную сегодня депешу.

Оставляя Россию и не зная, когда и как я вернусь в нее, прошу позволить мне в последний раз быть у Вас, чтобы поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали, и проститься с Вами.

Будьте так милостивы и добры, назначьте мне завтра в субботу или в воскресенье час, в котором я могу видеть Вас.

С чувством глубокого уважения остаюсь искренне преданная Вам

28 марта 1886 г.

Мария де Феррари.

Гостиница Европа, 31.

588

Милостивый государь Константин Петрович.

Простите, пожалуйста, что опять беспокою Вас. После нашего вчерашнего разговора я переговорила с некоторыми знакомыми о том официальном отказе, который я желаю оставить Вашему высокопревосходительству для государя императора.

Мне посоветовали написать следующее письмо № 1, которое сюда прилагаю.

Мне кажется, что такого рода документ не вполне соответствует тому, о котором мы говорили; что касается до меня лично, то я бы написала бумагу как № 2.

Прошу, Ваше высокопревосходительство, научить меня, как поступить, смею ли я выставить имя его императорского величества. И вообще сказать мне, который документ лучше; если оба нехороши, то я буду Вам сердечно благодарна за указание того текста, который Вы считаете наиболее подходящим в настоящем случае. Я уезжаю во вторник в 2 часа, и очень хотелось бы покончить завтра это дело, для которого я приехала в Россию.

Надо ли свидетельствовать мою подпись или нет? Простите, вновь прошу Вас, что так беспокою Ваше высокопревосходительство, но я совершенно не знаю, что делать, что лучше сделать.

С чувством сердечной благодарности и глубочайшего уважения остаюсь Вам искренно преданная

29 марта 1886 г.
С.-Петербург.

Мария де Феррари.

589

Милостивый государь Константин Петрович.

Прошу Ваше высокопревосходительство простить меня, что не отвечала Вам вчера вечером, как обещала, никак не могла приготовить раньше.

Сердечно благодарю Вас за все, что вы уже сделали для меня и что я никогда не забуду.

Прошу Вашу помощь, я вполне верю Вам, Вы так добры, так справедливы, что не оставите меня в том горестном положении, в котором я нахожусь теперь, под тяжестью ужасного подозрения и неизвестности. Помогите мне доказать мою невинность для чести имени моего, которое для меня так свято. Вы тем мне вернете спокойствие жить мирно, вдали света, для дочери и мужа моего — вот единственное мое желание.

Митя Кладищев вернулся и был у меня, но я еще не знаю, будет ли он в состоянии помочь мне.

Посылаю здесь обе подписанные мною бумаги, будьте так милостивы переслать отречение от моего завещания в Мюнхен — я не знаю, будет ли мне возможно быть там, и потому отречение здесь сделала. Что же касается до второй бумаги, то я написала ее от всего сердца, как хотела уже сделать в 1884 году, и я уезжаю спокойно, оставляя ее в Ваших руках.

Как Вы советовали, в первом городе за границей я напишу его величеству и при возвращении домой воспользуюсь Вашим позволением и напишу Вам, что скажет и что думает делать муж мой.

Доверяю это письмо передать Вам лично сыну академика Кокшарова, которого я очень хорошо и давно знаю, так как оно для меня так важно.

С чувством глубочайшего уважения остаюсь навсегда Вам горячо благодарная, всею душою преданная

1 апреля 1886 г.
С.-Петербург.

Мария де Феррари.

590

Горный инженер Николай Кокшаров-сын почтительнейше просит его высокопревосходительство принять его для передачи лично письма с документами от герцогини Марии Сергеевны де Феррари.

591

Копия.

Ваше императорское величество
всемиловитейший государь.

Во второй раз в моей жизни и, вероятно, навсегда я оставляю дорогую мою родину. Уезжаю под гнетом тяжелого, горького чувства, так как я не могла достигнуть единственного счастья, о котором молила Бога, — видеть моих августейших повелителей. Тяжелая скорбь делается невыносимой при мысли, что мой всемиловитейший император сомневается во мне. Не могу выразить словами всю глубину сердечного горя моего, оно дает мне силу еще в последний раз и до возвращения в мою 2-ю родину горячо просить не верить в те клеветы, кото-

рые распространяли обо мне, и принять искреннее уверение в моей священной, глубокой преданности престолу; это чувство выросло со мною, никогда не изменялось и навсегда останется непоколебимым.

Ваше величество, поверьте, что я не знаю «les chevaliers du Lys» и даже никого, кто бы был в каком-либо отношении с ними, что я осуждаю их и их действия и останусь, в продолжение всей моей жизни, глубоко, безгранично преданной священной особе Вашей за все благодеяния августейшей императорской фамилии.

Не знаю, что меня ожидает дома, боюсь всего и всех, но тем не менее не перестану, как в счастье, так и в несчастье, молиться за Ваше императорское величество, за государыню императрицу, которую так преданно любит душа моя, и за весь августейший дом и всегда буду, как была

Вашего императорского величества

верноподданная герцогиня

7 апреля 1886 г.
Вена.

Мария де Феррари.

592

Милостивый государь Константин Петрович.

После возвращения моего в семью прошло почти 2 недели, дни горя, слез и забот. Не писала прежде Вашему высокопревосходительству, все надеялась успокоить мужа. Чего страшилась, то и нашла: муж ужасно расстроен и огорчен тем, что их величества не приняли меня, он берет этот отказ, как собственное для него оскорбление и как обвинение меня в *chantage chevaliers du Lys!* Мучение мое невыразимо, никак не убедить, не вразумить его; он говорит, что я дитя, ничего не понимаю и всем верю. Не зная, что делать, и чтобы немного его успокоить, я ему обещала еще раз просить аудиенции.

Помогите, Ваше высокопревосходительство, посоветуйте и простите меня, что я Вам, может, в тягость, будьте снисходительны: я Вам пишу все, как говорю на исповеди перед Богом. Представьте себе состояние души моей, мужа я очень люблю и я же ему горе приношу, хоть невольно и невинно, а все-таки из-за меня он так раздражен и волнуется. А доктора приказыва-

вают избегать всякого душевного потрясения, которое, говорят, ему не только вредит, но может быть смертельным.

Помогите, попросите его величество, да помирует и сжалится он со мною.

Я уверена, что если их величества решились бы принять меня, муж вновь бы отпустил меня в Россию, и все бы было хорошо.

Из Вены я писала государю императору, прилагаю здесь копию. Дошло ли оно? Читал ли его государь? Я послала его заказным, как Вы советовали, прямо в Ливадию.

Проездом была у герцога Лейхтенбергского, отдавать отчет в материнском нашем наследстве сестрам. Я прямо им сказала, что уничтожила завещание, и повторяю Вашему высокопревосходительству еще раз святую правду, что я не знала и еще не хорошо знаю, что Николай Максимилианович писал государю в январе 1885 года; на мой вопрос герцог мне сказал, *что он сказал его величеству, что я ни при чем в этой истории, и что он сообщил государю все, что узнал по собственным своим справкам.*

Прошу, Ваше высокопревосходительство, не оставляйте меня, помогите. Ваше доброе хорошее сердце сочувствует несчастью, я так много невинно страдаю. Ваша душа верит в Бога, я только на него всемогущего и на Вас надеюсь, не оставляйте меня. Правда, Вы меня мало знаете, но я стараюсь и буду стараться всеми силами и совершенною откровенностью доказать Вам, что не недостойной Вы оказали участие.

Жаль мне невыразимо мужа, он так оскорблен, огорчен, задумчив.

Неужели мне, невинной, не достигнуть справедливости на земле, что делать?

Не оставляйте меня в горе моем и верьте, Ваше высокопревосходительство, в неограниченную благодарность, с которою остаюсь навсегда преданная Вам

22 апреля 1886 г.
Isola Lac de Garde Solò
Italie.

Мария де Феррари.

Милостивый государь Константин Петрович.

Писала я Вашему высокопревосходительству две недели назад, не знаю, дошло ли письмо мое, так как я, может быть, ошиблась адресом; позволяю себе послать эти строки через Валериана Александровича Половцова, который был так добр заняться делами наследства моего, во время моего пребывания в Петербурге, и которому я очень обязана за многое, что он для меня сделал и хлопотал сердечно и радушно.

Простите, всею душою прошу, Ваше высокопревосходительство, простите, что вновь беспокою Вас, но положение мое так ужасно тяжело, почти невыносимо.

Со всех сторон все только горе. Настроение духа моего мужа все делается хуже. Он подозревает меня, что я из преданности к императорской семье жертвую честью имени его и даже не понимаю *важность, силу подозрения*, под гнетом которого нахожусь и буду находиться, пока их величества меня не примут. Не знаю, что делать, как ему отвечать. Голова томительно болит от всех этих сцен, и душа невыразимо страдает.

Посоветуйте мне, Ваше высокопревосходительство, помогите ради Христа. Вы имеете такое доброе, славное сердце, сочувствуете несчастью, верите в Бога, — повторяю Вам как перед Всевышним, что я невинна во всем, в чем свет обвиняет меня, нет существа несчастнее меня теперь на свете. Ужасно подозрение государя императора моего, ужасны горе, подозрение, упреки мужа моего, — а тут еще история денежная, о которой я Вам говорила, притесняют меня; как мне просить помощь мужа при настроении его души, страшно боюсь еще повредить и здоровью его. А я невинна, во всем невинна.

Митя Кладищев обещал помочь мне, я 2 раза ему писала, но все нет ответа, — я боюсь, что письма мои не доходят до него, и прошу Ваше высокопревосходительство быть столь милостивым передать Мите мою, здесь прилагаемую, записку и, если возможно, сказать ему несколько слов в пользу мою. Простите, прошу всею душою, что прибегаю к Вам, помогите, не оставляйте меня в горе моем и верьте, Ваше высокопревос-

ходительство, в неограниченную сердечную благодарность Вам так искренне преданной

5/17 мая 1886 г.

Марии де Феррари.

Адрес мой:

Italie Sold Lac de Garde.

Р. С. Жду помощи Мити, чтобы заплатить долг сестры и Николаю Максимилиановичу; посылаю пока Вашему высокопревосходительству свидетельство миссии в Мюнхене об уничтожении завещания. Еще прошу всею душою, не оставьте меня.

594

Министерство иностранных
дел.

Императорская Российская
миссия в Мюнхене.

Апреля 7/19 дня 1886 г.

№ 71.

Свидетельство.

Императорская Российская миссия в Мюнхене сим свидетельствует, что, согласно желанию, выраженному нотариальным заявлением, собственноручно подписанным герцогинею Мариею Сергеевною де Феррари, урожденной Анненковой, под духовным завещанием ее светлости, внесенном в шнуровую книгу миссии 8/20 декабря 1884 года за № 1, помечено было о его уничтожении.

Второй секретарь миссии *А. Баумгартен.*

595

Милостивый государь Константин Петрович.

Всею душою и сердцем благодарю Вас, благодетеля моего, за письмо Ваше, которое только что получила. Сейчас же отправляю его мужу в Геную, куда он в субботу уехал. В первый раз я вздохнула полегче, Бог да вознаградит Вас во всем, что Вы для меня, несчастной, делаете. Надеюсь и душевно желаю, чтобы герцог успокоился, он видимо страдает под гнетом царского подозрения горем моим. Со своей стороны я буду про-

должать успокаивать его, просить ничего не предпринимать, что может быть неприятным его величеству.

Очень жаль мне, что Вы были больны, с дочерью мы, не переставая, молимся и будем молиться за Вас, которому я так много уже обязана и к которому искренне благодарно привязалась душа моя.

Дай Бог, чтобы испытания наши имели конец и чтобы Вашєю помощью возвратился мир в семью мою.

Не оставляйте еще меня. Уверьте его величество в искренности чувств моих, я умоляю августейшего повелителя моего не верить клеветам обо мне, столь зло в свете распространенным. Трудна, тяжела жизнь моя, но все еще не так ужасна, если император мой не сомневается во мне, которая так глубоко, свято любит его.

Много горя досталось в жизни на долю мою, но так ужасна, как прошлые 4 месяца, еще не была жизнь моя.

Поставьте себя в мое положение на минуту — подозрение, обвинение в шантаже, компрометирующая честь славного имени мужа моего, через меня, которая во всем невинна, страх, что через меня муж, желая защищать, оградить меня, сделает огласку, неприятную государю императору, и еще многое другое, тяжелое, я не знаю, как я все это перенесла.

Богу, который поддержал меня, и Вам, который помогает мне, вечно остаюсь благодарной и прошу Ваше высокопревосходительство верить, рассчитывать на мою глубокую привязанность, с которою я остаюсь Вам навсегда искренно преданная

10/22 июня 1886 г.

Мария де Феррари.

Озеро Гарда.

Если возможно, будьте милостивы, Ваше высокопревосходительство, скажите, отдали ли Вы письмо мое Дмитрию Кладишеву и где он теперь находится.

596

Милостивый государь Константин Петрович.

Пользуясь Вашим позволением, опять прибегаю к Вам, прошу, умоляю, помогите мне или, если нет помощи, посоветуйте, что мне делать.

Жизнь моя, с возвращения моего из родины, вся — мучения и заботы. Ваше и министра императорского двора письма, которые еще летом принесли мне уверение о том, что его императорское величество меня более не подозревает участницею в письмах Chevaliers du Lys, и так отрадно успокоили сердце мое, — к несчастью нисколько не утешили мужа моего, который до сих пор страдает душою, оскорбленный, что государь император и государыня императрица не приняли меня, не изволили выслушать оправдания моего. Он упрямо остается при своем мнении, повторяя мне, что *я дитя, всем верящее и всем довольное, что два письма не могут изгладить позора его чести и что его величество и Ваше высокопревосходительство сами понимают, что это дело так оставить он не может*. Я до сих пор просьбою и убеждением удерживала его от всякого шага, но чувствую, что недолго еще это мне удастся; со страхом думаю, что опять я буду причиной неприятностей для так свято и глубоко любимого моего государя, для которого я радостно дала бы жизнь мою, — и что ничем не могу успокоить, утешить мужа моего, которого перед алтарем свято обещала осчастливить. А тут еще дело денежное, о котором я Вам говорила, грозит мне. Кладищев так дружески обещал помочь мне, но с тех пор, как я уехала, даже не отвечает на письма мои, обещал мне быть у Вашего высокопревосходительства и обо мне переговорить, даже не знаю, был ли он у Вас, и не могу понять ни его, ни его молчания. А положение мое ужасное, если 31 декабря здешнего стилия я не заплачу или не дам *garantie sure*, что в январе буду платить, то с меня будут требовать судом. А если дело пойдет судом, то муж узнает об нем, страшно, ужасно мне об этом подумать — горе мужа и все последствия. Преклоняю голову и стараюсь, хоть с убитой душой, но столь же покорно, как покойный отец мой, повторять его последние слова: «да будет его снятая воля», не знаю почему мне суждено все страдать в жизни. Но и он, бедный мученик, дорогой, всю жизнь свою невинно пострадал гонением врагов его и несправедливостью света.

Больно, ужасно, тяжело так много невинно страдать, я к Вам прибегаю, в *Вас веря*, и умоляю Ваше высокопревосходительство: помогите мне, если возможно, а Вам многое возможно.

Поручитесь за меня и с помощью этого поручительства достаньте мне к зиме 180 тысяч рублей, что составляет 480 тысяч франков на 4 года, я свято обещаю капитал тогда возвратить, а пока на проценты оставляю пенсию мою в 24 тысячи франков. Если умру в эти годы, то дочь моя — дитя, разумная девочка, ей 12 $\frac{1}{2}$ лет — обещает свято заплатить долг мой, она знает мучения и скорби мои.

Спасите меня, Ваше высокопревосходительство, если возможно. Не будь писем... я бы просила его величество спасти, помочь мне, а так не могу после ужасного подозрения.

Помогите, не оставьте меня в горе моем, и умоляю: посоветуйте, что делать мне, или, если возможно, скажите его величеству, что я на коленях у престола его умоляю его удостоить меня лицезреть их императорских величеств и для того вызвать меня в любимую родину. Я уверена, что это совершенно успокоит и осчастливит мужа моего — и его величество вновь даст мир и отраду семье моей.

С невыразимым чувством и мучением ожидаю ответа, прося еще раз Ваше высокопревосходительство, помочь спасти Вашу искренне преданную Вам и сердечно благодарную Вам герцогиню

4/16 Decembre 1886 г.

де Феррари.

597

Частное и конфиденциальное.

Париж,

21 2/14 октября 1886 г.

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Всепокорнейше прошу Вас дозволить мне высказать Вам, что тяжело и горько лежит на душе.

С самого юношества, т. е. почти полвека, я привык смотреть на Вас как на примерного христианина и на благороднейшего человека.

Имя Ваше записано золотыми буквами не только на мраморной доске правоповедения, но и в сердцах всех, знающих Вас с молодости. Как государственный деятель Вы пользуетесь, даже между врагами и завистниками Вашими, всеобщую молвою правдивости, беспристрастия и справедливости.

Вообразите же себе мое горестное удивление, когда дошел до меня слух, что некоторые особы министерства иностранных дел утверждают, будто бы Вы почли за благо помешать моему назначению посланником в Бельгию, выразив, даже письменно, самое обидное обо мне мнение.

Личной неприязни ко мне Вы не можете иметь, так как никогда и ни в чем я не заслужил оной.

В неоднократно заискиваемых мною с Вами сношениях, в пользу вверенного мне дела, Вы всегда и в высшей степени были со мною милостивым, любезным и даже откровенным.

О дипломатической же деятельности моей Вы достоверно ничего не знаете.

Вам только известно, что миссия моя в Америке оказалась неудачною и что я был уволен в Бозе почившим государем. Но какие были причины этой неудачи, мои ли ошибки, моя ли дипломатическая негодность, или интриги и неурядицы горчаковщины — это Вам *положительно* неизвестно.

В одном только Вы не можете сомневаться — это в том, что со дня моего увольнения, как прежде, так и после восприятия меня на службу, т. е. в продолжении 15-ти лет бесплодного ожидания и домогательства о справедливости, я оказался непоколебимо верным и неутомимо деятельным.

Муж правдивый, да притом же такой юрист, как Вы, Константин Петрович, может ли осуждать человека и окончательно погубить его участь единственно на том основании, что 15 лет тому назад его постигла неудача, или же потому, что какой-нибудь «ловкий господин», продолжающий стремоуховские уловки и эксплуатирующий добродушие начальника своего, — очернил меня в глазах Ваших.

Вот отчего, невзирая на то, что «ловкие господа» эти гласят во все четыре стороны, что Вы письменно выразились «о решительной негодности моей для какого-либо дипломатического поста», — я не могу и не хочу этому верить.

Однако же сомнение печально терзает меня, и я решился откровенно, безо всяких обиняков, высказать Вам, что у меня на душе. Снимите с нее это тяжелое бремя сомнения. Соизвольте поддержать желанное мною убеждение, что Вашим высоким авторитетом во зло употребили и что крушение са-

мых законных моих надежд и ожиданий не есть Ваше, ничем не заслуженное дело.

Простите, Константин Петрович, дерзновенность такового излияния чувств, оно доказывает, как высоко я Вас уважаю.

Покорн. слуга

Константин Катакази.

— 1887 —

598

По поводу избрания Конст. патриарха.

Грустная и гнусная картина. — Что за печальное племя мы, православные. Не можем соединиться и действовать в одном духе и идти к одной цели. Все интриги, подкупы, недоверие друг к другу.

6 февр. 1887 г.

А.

599

19 февраля 1887 г.

Аничков дворец.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше письмо о драме Л. Толстого, которое я прочел с большим интересом. Драму я читал, и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. Все, что Вы пишете, совершенно справедливо, и могу вас успокоить, что давать ее на императорск. театрах не собирались, а были толки о пробном представлении без публики, чтобы решить, возможно ли ее давать, или совершенно запретить. Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету. Грустно очень, что столь талантливый Толстой ничего лучшего не мог выбрать для своей драмы, как этот отвратительный сюжет, но написана вся пьеса мастерски и интересно.

Ваш от души

Александр.

600

Вчера в 3 ч. мы были с женой в Александровской лавре и у мощей св. Александра Н. не застали дежурного монаха, который, несмотря на то, что мы провели некоторое время в храме, не явился вовсе.

Это непростительный беспорядок. Прикажите расследовать и мне донести.

21 февраля 1887 г.

А.

601

Мне кажется, что это не совсем верно. Я бывал в лавре тогда, когда не могли меня ждать, и заставлял всегда иеромонаха у мощей.

Милостивый государь Константин Петрович.

По случаю высочайшего посещения Александро-Невской лавры их императорскими величествами 2-го февраля в 2¹/₂ час. дня, при котором высочайше замечено, что дежурный иеромонах не находился при св. мощах св. благоверного великого князя Александра Невского, имею честь донести до сведения Вашего высокопревосходительства, что для совершения молебствий при раке св. мощей всегда назначается чередной иеромонах, который и является по требованию, постоянного же дежурства, со времени учреждения лавры, установлено не было, и доселе оно соблюдается только при открытых св. мощах, где таковые находятся, — и что на будущее время сделано распоряжение, чтобы и при раке мощей св. Александра Невского постоянно находился иеромонах.

С отличным почтением и преданностью честь имею быть
Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугою *Исидор*,
м. новгородский и с.-петербургский.

602

12 марта 1887 г.

Гатчина.

Любезный Константин Петрович.

Прочтя Ваше письмо по поводу статей Каткова и подумав обо всем, что Вы мне пишете, я пришел к убеждению, что Вы правы и что я сгоряча недостаточно обдумал, отдавши приказание о предостережении «Моск. Вedom.».

Я приказал Феоктистову прочесть Каткову мои замечания на его статью и кроме того сделать ему словесное внушение, и уверен, что это будет достаточно.

Искренно Ваш Александр.

603

Действительно, в деле о присоединении Ростовского и Таганрогского уездов вышло недоразумение.

Я сказал Мих. Ник. что в принципе я считаю этот вопрос решенным, но можно обсудить, что лучше: прямо присоединить уезды к области Донской или подчинить их наказному атаману на правах ген.-губернатора. Не понимаю, почему Мих. Ник. понял иначе.

20 марта 1887 г.

А.

604

Посылаю Вам на прочтение оригинальное анонимное письмо, но написанное человеком, верующим и хорошо изучившим святое писание и историю.

24 марта 1887 г.

А.

605

Прочтите это письмо бедной Зарудной и пришлите ко мне обратно. Действительно положение родителей ужасно, а кто виноват, кого винить, что дети идут по кривой дороге, становятся в тупик. Одно верно, что родителям,

имеющим детей в настоящую пору, тяжело и страшно, и ответственность их громадна.

27 апреля 1887 г.

А.

606

Я до крайности возмущен этим постыдным эпизодом. Владимир Алекс. тоже мне передавал об этом вчера вечером и тоже поражен этим. — Гирса увижу сегодня.

Вот, Ваше императорское величество, как трудна стала борьба с ложными началами, положенными в основание наших учреждений.

Дело об ограничении публичности в судах, казалось, близкое уже к окончанию, внезапно получило отсрочку: попытались внести в него мотив *международного права*, и эта попытка удалась.

В прошлом заседании граф Пален затронул уже эту ноту — ноту доверия общественного мнения *за границей* к нашим судам.

Эти слова его не прошли бесследно. Сегодня произошло следующее. В государственном совете надлежало читать журнал прошлого заседания с разными мнениями по известному делу.

Но прежде чтения выступил Н.К. Гирс со своим заявлением. Он заявил письмо, полученное им при самом выезде из дому, от юрисконсульта м. ин. дел профессора Мартенса.

В этом письме Мартенс объявляет, что предоставление министру юстиции в некоторых случаях воспрепятствовать допущению публики в суд возбудит за границей сомнение и *недоверие* к нашим судебным учреждениям и помешает будто бы нам впредь заключать с иностранными правительствами договоры о взаимной выдаче преступников.

Гирс, предъявив это письмо, сказал, что, получив его внезапно, он не приготовлен объяснить свое мнение по этому делу.

Тогда председатель предложил: возвратить дело в соединенные департаменты для нового обсуждения.

Итак, мы будем обсуждать с *международной точки зрения* — свое домашнее дело преобразования и улучшения своих существеннейших учреждений. Это прецедент небезопасный. Конечно, те, кои опасались, что мнение меньшинства

возьмет верх, будут довольны. А между тем весть о том, что дело отложено ради утверждения за границей доверия к нашим судебным учреждениям, перейдет сегодня же во все иностранные журналы и огласится в Европе.

Ни одно государство не справляется с чужими формами, когда приступает к обсуждению своих внутренних дел, и когда нужно, исправляет свои учреждения круче нашего. Весною Бисмарк внес в рейхстаг свой проект о мерах к ограничению гласности в судах.

После этого, если бы понадобилось нам приступить к ограничению учреждения присяжных в судах, Мартенс возопиет еще решительнее о международном праве, — которое тут, кажется, совсем не у места.

26 января 1887 г.

Константин Победоносцев.

607

Я вчера говорил об этом деле с в. к. Михаилом Ник. и, несмотря на все его доводы за их мнение, я не соглашался и сказал ему, что весьма огорчен и удивлен выходкой Гирса с письмом Мартенса и желаю, чтобы журнал был бы представлен на будущей неделе. — Оппозиция сильная, и М. Н. строили ловко, а говорит вздор.

Несчастное дело об ограничении судебной публичности обречено еще на странствование по департаментам, где его ожидают новые подводные камни. Может случиться, что некоторыми канцелярскими приемами протянут его и за пределы нынешней сессии, тем более, что председательствующий в департаментах расположен к нему неблагоприятно.

Конечно, многое зависит от председателя государственного совета, и было бы желательно расположить его к сему. К сожалению, на великого князя успели уже подействовать в противоположном смысле. В прошлую субботу 24-го числа великий князь приглашал меня к себе и очень долго и настойчиво убеждал отступить от моего мнения. Я отвечал его высочеству, что признаю это решительно невозможным; а затем в понедельник последовало неожиданное крушение дела в общем собрании.

30 января 1887 г.

Константин Победоносцев.

608

Очень благодарю за икону, которая доставила мне большое удовольствие и прелестно написана, а вдобавок я страсть как люблю получать образа.

А.

Сейчас получил из Костромы и спешу представить Вашему императорскому величеству икону — приношение Богоявленского монастыря и игуменнии Марии. Вот и подлинное письмо ее.

17 февраля 1887 г.

Константин Победоносцев.

609

Я только что прочел новую драму гр. Т. и не могу прийти в себя от ужаса. Его усиливает еще слух, будто бы готовятся давать ее на имп. театрах и уже разучивают роли.

Не знаю, известна ли эта книга Вашему в-ву. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, какой здесь достиг Толстой.

Искусство писателя замечательное, но какое унижение искусства. Какое отсутствие идеала, — больше того, отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса. Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу еще: прямое чувство доброго русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи — что ж будет при представлении? Неужели наш народ таков, каким его изображает Толстой? Но это изображение согласуется со всей тенденцией новейших его произведений, — и народ-де наш весь во тьме сидит, и первый он, Толстой, приносит ему новое свое евангелие.

Всякая драма, достойная этого имени, предполагает борьбу, в основании которой лежит идеальное чувство.

Разве есть борьба в драме Толстого? Все действующие лица — скоты, животные, совершающие ужаснейшие преступления просто из животного инстинкта, так же, как они едят и пьянствуют, — ни о какой борьбе нет и помину. На

виду у зрителя, можно сказать, проходят по сцене, одно за другим, отравление мужа, несколько кровосмешений, договор матерью сына и жены к преступлению, наконец, страшное детоубийство, с хрустением костей младенца — и все это без борьбы, без протеста, в самой грубой форме, в невозможных выражениях мужицкой речи, с развратом и пьянством. И живого лица не видать человеческого. Разве бледная Марина и старик Аким, и тот — какое-то расслабленное создание без воли. Говорят, что конец нравственный. И этого я не нахожу: покаяние Никиты в конце представляется каким-то случайным явлением, которое ничего не закрепляет в этой развратной среде, ничего не решает, — так что этот момент пропадает, можно сказать, в сплошном впечатлении безотрадного ужаса в течение всех 5 актов драмы.

В том же роде есть музыкальная драма Серова «Вражья сила», но какая разница! Там глубоко потрясен зритель, но совсем иначе; там — форма чистая, там есть борьба во имя идеала, и покаяние преступника, увлеченного *страстью*, действительно *венчает* драму. А у Толстого даже страсти нет, нет увлечения, как нет борьбы, а есть только тупое, бессмысленное действие животного инстинкта — и вот почему она так противна.

В *Преступлении и наказании* Достоевского, при всем реализме художника, через все действие происходит борьба — и какая еще, — и идеал ни на минуту не пропадает из действия. А это — что такое? Боже мой, до чего мы дожили в области искусства.

День, в который драма Толстого будет представлена на имп. театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко.

Нравственное падение сцены — немалое бедствие, потому что театр имеет великое влияние на нравы, в ту или другую сторону.

Воображаю первое представление. Ложи будут наполнены кавалерами и дамами высшего общества, любителями и любительницами сильных ощущений днем и ночью. Дамы в роскошных туалетах станут смотреть на представление из чуждого им «мужицкого» мира, в котором живут и двигаются тоже люди, похожие на животных. В каждом акте станут

ощущать приятный «ужас». В 5-м акте, по случаю детоубийства, хрустения косточек и писка, матери будут плакать, но какие фальшивые слезы! Похоже будет на то, как в старину собирались нарядные дамы смотреть на публичную казнь преступников, — и тоже плакали, между конфетами и мороженым.

Но это не все. Пьеса станет модною. Вся петерб. публика, от мала до велика, потянется в театр. Нравственный уровень нашей публики очень низок. Ложи наполнятся девицами и малолетними детьми. Это наверно. Какова будет в нравственн. отношении привычка — смотреть в течение неск. часов живую картину преступлений, разврата и дикого быта. Дети, вернувшись из театра, станут повторять, со смехом, слышанные фразы и слова: одна дыхнуть, скуреха, острожная шкура, в рот тебе пирог бы гороховый и т. п.

Но и это далеко не все. Петерб. увеселения дают тон увеселениям во всей России. Ныне в каждом сколько-нибудь значительном городе есть театры, на которые переходит, развращая нравы праздной публики, всякая нечисть петербургских сцен. Завелись уже театры и в селах. В Москве заведен под именем народного театра «Скоморох», где толпится, по ценам от 5 до 60 коп., публика в рубахах и тулупах, слушая пьесы общего театр. репертуара, и в антрактах развлекается буфетом с *водкой*.

Драма Толстого облетит все эти уездные и деревенские сцены. Представим себе крестьянскую и рабочую публику этого представления. Что она из него вынесет? Картина преступлений, возмущающих душу, является как обыденное явление дикого быта, без малейшего возвышения духа, без всякой борьбы. Тут люди, живущие инстинктом, без идеи, увидят воочию, *как просто и с какою легкостью* совершаются преступления.

Сказывают, что, когда Толстой собрал крестьян и дворовых и читал им свою драму, чтобы дознать производимое ею впечатление, один из лакеев отвечал на вопрос о Никите: «все хорошо шло, да под конец *сплоховал*». Не мудрено, что подобное впечатление вынесет масса зрителей, погруженная, подобно действ. лицам, тоже в тьму одних материальных инстинктов и интересов. А что почувствуют *лучшие*, честные представители народа? Они несомненно будут *оскорблены* в

лучших своих ощущениях. Они подумают: «Вот чем вздумали забавляться баре. Вот как они понимают народ. Неужели все мы, простые русские люди, в нашем быту такие скоты и мерзавцы? Стыдно. А что если бы кто вздумал так выставить графов, да князей, да больших бояр — небось, не позволили бы, запретили бы пьесу. Это не то, что наш брат». Нехорошо, если так заговорят честные и нравственные русские люди.

Стоит подумать еще и о том, как отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границей, где вся печать, дышащая злобой против России, хватается жадно за всякое сомнительное явление в России и раздувает ничтожные или вымышленные факты в картину русского безобразия. Вот, станут говорить, как сами русские изображают быт своего народа.

И то уже плохо, что эта драма Толстого, напечатанная в виде народного издания, в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 коп. разносчиками на всех перекрестках и скоро обойдет всю Россию и будет в руках у каждого от мала до велика. Хотя на ней поставлено «для взрослых», но это самое объявление привлекает к ней всех малолетних и несовершеннолетних, и конечно во всех учебных заведениях она уже и теперь читается с жадностью.

Что же будет, когда ее поставят на театрах?

610

4 марта 1887.

Эти последние дни я провожу в каком-то тяжелом оцепенении от того, что случилось 1-го марта. Весь этот день я испытывал тревожное волнение по какому-то безотчетному чувству: случилось, что ко мне зашел утром в тот же час тот же самый человек, кто у меня был в самый час катастрофы 1 марта 1881 года, почти не бывав с тех пор. Случилось, что 1-го марта через 6 лет пришлось опять в воскресенье.

Всего больше тревожит мысль о том ощущении, которое это событие возбудило в душе у Вашего величества; вот о чем всего больнее думать. Я хотел тотчас писать Вам, но удержался — и Вас не решался тревожить, и у самого в голове было так смутно, смутно.

Тяжело теперь жить всем людям русским, горячо любящим свое отечество и серьезно разумеющим правду. Тяжело было и есть, — горько сказать — и еще будет. У меня тягота не спадает с души, потому что вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени, и каковы люди стали. На крапиве не родится виноград; из лжи не выведешь правды, из смешения лени и невежества с безумием и развратом *сам собою* не возникает порядок. Что мы посеяли, то и должны пожинать.

И так всем неравнодушным к правде людям очень тяжело и темно, ибо, сравнивая настоящее с давно прошедшим, чувствуем, что живем в каком-то ином мире, где все идет вспять к первобытному хаосу, — и мы, посреди всего этого брожения, чувствуем себя бессильными.

Но из всех крестов, которые лежат на нас, всех тяжелее тот крест, на который Провидение обрекло Вас, Ваше величество. Я видел, как Вам было тяжело принимать его на плечи свои. И силы не достало бы нести его, когда бы не было в душе сознания и веры, что это великая жертва, на которую Богу угодно было обречь Вас, и что уклониться от этой жертвы — значит обречь весь народ свой, всю Россию — на полный хаос, на конечную гибель. Вспомните пророчество Каиафы: оно относилось ко Христу, но оно истинно для всякого, особенно для того, кто принял призвание и помазание власти от Бога. Я *знаю*, что в Вас есть это сознание и эта вера. Она, и только она одна даст Вам силу — не поникнуть головой посреди смятения жизни, даст спокойствие духа, необходимое для того, чтобы возможно было удержать в себе дух жизни, и крепость воли, и державу правления.

Положение наше особенное. В Западной Европе повсюду заговоры социалистов и взрывы адских снарядов — чуть не ежедневные явления. В Германии готовы были взорвать императора со всей семьей и свитой при открытии памятника, но не удалось случайно. Про это там немного и говорили. Там это стало обычным явлением. Оттуда все это пришло к нам по грехам нашим; но всякое этого рода явление у нас подхватывается нашими врагами как явление, свойственное одной России. Правда, что у нас оно *значит* гораздо более, нежели там, и враги наши хорошо это знают.

Но нечего обольщать себя — ныне развелись эпидемически люди без разума и совести, одержимые диким инстинктом разрушения, выродки лживой цивилизации.

Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо бы допросить себя, отчего их так много, обезумевших юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нам систему образования, которая, отрывая каждого от среды своей, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает его на большой рынок жизни без определенного дела, без связи с действительностью и с народною жизнью, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует *всего* от жизни, ничего само не внося в нее.

Боже, помилуй нас, грешных, и спаси бедную Россию от своих и от чужих. Да подаст он Вашему величеству силу не только терпеть, но и действовать посреди тяжких испытаний. Веруем мы, простые русские люди, что он не оставит Вас и с Вами бедную, страдающую и верующую Россию.

611

Официальный ответ принцу получит на днях. — Я ничего не имею, чтоб он проживал в России, где он желает. Записку его прочел с любопытством, и конечно когда-нибудь он нам пригодится для наших дел в Индии с англичанами.

А.

В прошлом марте м-це я имел честь представить Вашему величеству, по просьбе Каткова, письмо индийского принца, о котором сам ничего не знаю, но о котором Катков, если не ошибаюсь, лично докладывал Вашему величеству.

Оказывается, что этот индийский принц проживает до сего времени в Москве и ожидает себе решения по упомянутому письму. Сегодня Катков усиленно просит моего посредства для разрешения его недоумений. Осмеливаюсь это письмо Каткова представить на воззрение Вашего императорского величества.

15 мая 1887 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

612

Чрезвычайно грустно. Надеюсь, что скоро снова игуменья Мария приведет все в порядок, и если ей понадобится помощь, то конечно я ей не откажу.

А.

Зная, с каким участием Ваше величество относились всегда костромскому Богоявленскому монастырю и его учреждениям, спешу представить Вам письма, сегодня полученные мною от матери Марии и от губернатора. Трогательно читать, с каким чувством добрый народ соболезнует бедствию, постигшему монастырь. Я опасался, как бы это бедствие не сразило энергию игуменьи, но вижу, что она тотчас принялась за дело восстановления, и дело закипит у нее, — авось, и помогут добрые люди.

Вчера государыня императрица спрашивала меня о подробностях монастырского бедствия, но я не имел еще в виду этих писем.

30 мая 1887 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

613

Я тоже затрудняюсь сказать что-либо положительное.

Прилагаемое письмо Полякова лежит у меня уже несколько дней; но я не решался затруднять им Ваше величество по предмету, о коем так трудно составить себе определенное решение. Однако для успокоения своей совести решаюсь представить оно.

2 августа 1887.

Константин Победоносцев.

614

Contrexeville 15/27 июля 1887.

Ваш высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

Считаю долгом доложить Вашему высокопревосходительству, что переговоры, которые я вел относительно турецких дорог, привели к тому результату, что до сих пор дело это затянлось и

пока никто из желающих и стремящихся к их приобретению не мог осуществить своего желания и стремления.

В настоящее же время общество государственных австрийских дорог стало усиленно хлопотать об их приобретении, и с этой целью им командирована комиссия в Константинополь для подробного осмотра дорог и для установления за сим уже окончательных условий на приобретение оных.

Со своей стороны я подробно ознакомился в Париже в правлении турецких дорог со всеми относящимися к этим дорогам документами и поставил вопрос об условиях, на которых желают уступить мне это дело.

Ответ на этот вопрос обещали дать в непродолжительном времени.

При таких обстоятельствах я позволяю себе обратиться вновь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой, буде возможно, соблаговолить почтить меня извещением о том, признается ли при настоящих обстоятельствах нужным продолжать начатые мною по этому делу переговоры.

Простите, Ваше высокопревосходительство, что опять решился утруждать Вас этим вопросом, но к этому меня побуждает исключительно истинный долг верноподданного и глубокое убеждение, что приобретение турецких железных дорог есть одно из наиболее полезных дел для царя и отечества.

Буду ждать благосклонного извещения Вашего высокопревосходительства «да» или «нет» и при желании Вам полного душевного успокоения, поправления и восстановления Ваших сил и здоровья остаюсь беспредельно Вам преданный

всепокорнейший слуга

Самуил Поляков.

Мой адрес: до 3/15 августа — Париж,
6, rue Pierre Charbon,
а затем Биарриц.

615

Арсений и Семен Хлебниковы — студ. Пб.

Бражников — Харьк. ст.

Антон Остроумов — сын свящ. — агент.

Студ. Приходько.

Студ. Николитч.

Студ. Каракаш.

Студ. Гордеев.

Никоновы — отец адмирал.

2 брата — Унив. и Мед. Акад.

Новорусский: «Я хочу выехать вот чем. В академии распустили слух, что я намерен поступить в монахи. Это было на руку, ибо тогда там стали за нами присматривать, и я не мешал. Ректор, лакомый до монахов, знал о моем намерении, но не говорил со мной, а уже ныне, после святок, надел на меня, но я ответил, что рад бы, но бес соблазнил — имею невесту. Теперь же я хочу выехать на благочестии:

— жена в учит. семинарии

— воспиталась на нелегальной литературе.

20 «Подписал — преступный и верноподанный.

В тексте есть и миление, и невинность, и раскаяние, и чувство.

Трудно казнить того, кто подает на апелляцию к Богу, когда свидетели и звание говорят за благочестие, к тому же и в стихарь посвящен, и в политике согласен с прокурором и его негодованием, как я и начал свою речь защитительную.

...А что до Бога, то дело в делах, которые ему угодны; так что смело можно на него опираться, и будь у нас завтра царь хоть германский и хотя долго бы еще расти до террора... на первых порах было бы много дела честного, полезного и свободного. При тех условиях я лично едва ли бы стал на эту дорогу, даже в 70-х годах, ибо при тогдашних условиях мог бы держаться и семинарии и передавать социалистические идеалы на почве евангелия.

— Я писал царю, что взойду на виселицу с улыбкой радости, что монарх останется жить на благо подданных, а для меня это значит: или он, или я, — оба вместе жить не можем.

— Мне думается, если бы я взялся за дело, то оно так не кончилось бы, ибо можно было найти исполнителей, которые пошли бы прямо на смерть».

Тихомиров

Клавдий и	} 3 курс.
Владимир	

Ходили к ним:

Мудролюбов
Соколов.

616

Телеграф в 32

Из Москвы.

Принята с аппарата 26/V 1887 г.

Телеграмма № 225206.

Еще раз искренно благодарю за дорогое для меня участие. Захарьин нашел большое утомление, положил на три дня в постель. Отвечает, что слабость скоро пройдет.

Толстой.

617

Очень благодарен Вам, многоуважаемый Константин Петрович, за известия о Вашем летнем пребывании. Дай Вам Бог отдыха и покоя и да не нарушится этот покой тревожными сведениями о болезни Вашей.

Силенки мои, хотя довольно медленно, восстанавливаются; но должен принимать разные предосторожности относительно еды, ходьбы и т. п.; все это скучно, но необходимо, чтобы совершенно окрепнуть к осени.

Еще раз благодарю Вас за ваше доброе ко мне участие, останусь навсегда

душевно преданный

30 июня 1887 г.

Д. Толстой.

618

Весьма благодарен Вам, многоуважаемый Константин Петрович, за присланное сочинение г. Крыжановского «Чехи на Волыни». Это труд весьма замечательный, а для администрации и поучительный. В особенности хорошо изложено в нем все, относящееся до вероучения чехов.

В этом отношении поражает крайняя шаткость религиозных убеждений т. н. чешско-братов, для которых Маков чуть не выдумал особую религию, и распадение чехов на разные христианские веры. В таком положении они долго оставаться не могут; но куда пойдут? Можно опасаться — к латинству; ксендзы воспользуются их религиозным сумбуром и станут обращать их в р. католичество. Православное же духовенство, как знаете, апатично и бездействует, а между тем оно должно было бы явиться тут главным фактором. Не могли ли быть для этого употреблены хотя священники, упомянутые на стр. 142—143? Если они будут действовать тактично, никто не станет им мешать.

Школьный детский вопрос разрешен на днях. По всеподд. докладу м. вн. д. все чешские школы подчинены м-ву нар. просвещения.

Что касается до обособленности в управлении, то, вероятно, оно вскоре будет уничтожено. В м-ве вн. д. составлен уже проект представления в гос. совет о подчинении на западной нашей границе немецких поселенцев общим волостным правлению и суду; под эту категорию можно будет подвести и чехов.

Благодарю Бога, здоровье мое поправилось, и надеюсь в скором времени иметь удовольствие увидеться с вами в Петербурге.

Искренно преданный

27 октября 1887 г.

Д. Толстой.

619

С благодарностью возвращаю Вам, многоуважаемый Константин Петрович, записку Циона. Нужно удивляться, как можно доверять таким людям, как Катакази.

Очень рад, что отделались от лихорадки.

Их величества приехали в Гатчину в 3 час. 18 мин.

Искренно преданный

8 ноября 1887 г.

Д. Толстой.

620

Посмотрите, как Бисмарк поддерживает *монархические начала*. Этот номер вышел в Берлине, перед приездом туда государя.

Искренно преданный

11 ноября 1887 г.

Д. Толстой.

621

Я сказал уже В. К. Плеве, что, если придется, то хотя один останусь, но сенату в деле о пасторах не подчинюсь. Хороша логика гр. Палена: м-р в. дел может неправильно решить дело, основываясь на неверном донесении губернаторов; а сенат на чем ином может основать свое решение, как не на тех же донесениях?

Нетактично выступить защитниками пасторов в государственном совете. Прискорбно, что правительство встречает противодействие правительству в самом этом правительстве; ведь этого нигде нет, у нас же видишь эту аномалию постоянно, на каждом шагу.

Искренно преданный

21 декабря 1887 г.

Д. Толстой.

622

3 января 1887 г.

Главные положения

преобразования установлений по крестьянским делам.

1. Уездные по крестьянским делам присутствия и должности непременных членов сих присутствий упраздняются. Взамен оных учреждаются должности земских участковых начальников и образуются уездные съезды сих начальников для

заведования крестьянским делом и разрешения возникающих, в сельских местностях и незначительных городских поселениях, дел по маловажным проступкам и малоценным искам.

2. Каждый уезд разделяется на особые земские участки,веряемые единоличной власти земского начальника, который составляет первую инстанцию как по делам крестьянского управления, так и по упомянутым выше судебным делам. Вторую по оным инстанцию образует уездный съезд упомянутых начальников, состоящий под председательством уездного предводителя дворянства (а в уездах, по коим не производится уездных дворянских выборов, под председательством особого председателя), из всех земских начальников уезда. Сверх того, в заседаниях съезда принимают участие: по административным делам — уездный исправник, по делам судебным — товарищ прокурора местного окружного суда.

3. В губерниях, где производятся дворянские выборы, земские начальники назначаются по соглашению губернатора с губернским и подлежащим уездным предводителями дворянства, из числа местных дворян, удовлетворяющих известным, имеющим быть установленными в законе, условиям служебного, имущественного и образовательного цензов, и утверждаются в должности министром внутренних дел. В прочих губерниях означенные должностные лица назначаются, на основании общих правил устава о службе правительственной, по представлению губернатора, министром внутренних дел.

4. Земские начальники пользуются всеми правами и преимуществами службы по определению от правительства.

5. Административный круг деятельности земских начальников и их съездов распространяется на все предметы ведомства уездных по крестьянским делам присутствий и непременных членов оных, причем распределение сих предметов между первой и второй инстанциями образуемых новых учреждений производится вообще применительно к правилам, содержащимся в Положениях 19 февраля 1861 года и в изданных, в дополнение и изменение сих Положений, узаконениях относительно мировых посредников и их съездов.

6. Из общего числа подсудных судебно-мировым установлениям дел в ведение земских начальников и их съездов передаются возникающие в пределах земских участков уголовные

дела по нарушениям законов о благочинии и благоустройстве, в обширном смысле этого слова, а также те гражданские дела, которые будут указаны в проектируемом о сих начальниках узаконении.

7. При рассмотрении и разрешении судебных дел земские начальники и съезды сих начальников руководствуются имеющими быть установленными для них упрощенными правилами производства.

8. Земские начальники и их съезды подчиняются надзору губернатора и губернского присутствия. Сему последнему предоставляется: а) разрешать жалобы, приносимые на неправильные или незаконные действия или распоряжения земских начальников или съездов их по всем предметам ведомства оных; б) налагать на земских начальников установленные дисциплинарные взыскания, за исключением лишь увольнения от должности, и в) относительно применения сей последней меры, а в подлежащих случаях о предании суду земских начальников входить с представлениями к министру внутренних дел, который разрешает таковые представления, по рассмотрении их в совете министра.

9. В местностях, на которые распространено будет действие настоящего преобразования, губернские по крестьянским делам присутствия переименовываются в «губернские по сельским делам присутствия».

10. Жалобы на неправильные действия и постановления губернских по сельским делам присутствий приносятся министру внутренних дел, которому предоставляется: а) давать присутствиям указания к подлежащему направлению их деятельности; б) сообщать губернаторам, в подлежащих случаях, о предложении присутствию войти в рассмотрение вопроса об ответственности подведомственных ему должностных лиц и в) об отмене явно незаконных или неправильных постановлений и решений присутствия входить с представлениями в правительствующий сенат.

623

Многоуважаемый Константин Петрович.

Спешу доложить Вам, что начальник костромского губернского жандармского управления полковник Чалеев, за отличие по службе, будет на Пасху произведен в генерал-майоры. Известный Вам студент Шевырев, представляющийся одним из главных зачинщиков, арестован вчера в Ялте, о чем сегодня ночью получена телеграмма от жандармского подполковника Модисского.

Душевно преданный и покорнейший слуга Ваш

8 марта 1887 г.

П. Оржевский.

624

26 марта 1887 г.

С.-Петербург.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Желание не быть голословным в таком важном деле и представить Вам на суд хоть одно несомненное доказательство тому, как относился или, вернее, как относятся и теперь к своим обязанностям подлежащие начальники, дает мне смелость утрудждать Вас покорнейшею просьбою для пользы дела прочесть представляемую при сем переписку по вопросу об охране священной особы государя императора. Воздержусь от всяких заключений, но льщу себя надеждою, что такой вопрос обратит на себя полное внимание Вашего высокопревосходительства и Вы изволите благосклонно прочесть эту переписку. Скажу только, что после резолюции графа Дмитрия Андреевича об этом предмете не было и речи.

Перед своею совестью проверяя мои действия за эти 5 лет, я могу сказать, что я добросовестно исполнял требования манифеста 29 апреля, призывавшего к водворению порядка, справедливости и бережливости. В течение этих 5 лет приходилось ежегодно, кроме 1883 года, обнаруживать динамит и разрывные снаряды; были убитые, раненые и умершие вследствие ран офицеры, унтер-офицеры и агенты; следовательно, борьба была серьезная и весьма успешная, хотя все делалось тихо, без всякого хвастовства, дабы люди могли спокойно за-

ниматься своими делами. При всем том, приняв штаб и департамент в неустроенном виде, а по денежным суммам даже в расстроенном, я ныне сдаю эти части в порядке и надеюсь, что вся эта сложная машина будет продолжать работать успешно, если только не будут поколеблены основания, установленные мною. Приняв, например, секретные суммы по департаменту с передержкой, я сдаю ныне экономии по 1 января 1887 г. с лишком 1 225 000 р., кроме сбережений текущего года. Такого примера с так называемыми «fonds secrets» я не знаю ни в России, ни в Европе. Везде подобные суммы расходуются весьма произвольно и всегда без остатка, тогда как у меня каждый рубль на отчете. В последние три года я не имел ни *одного дня* свободы, чтобы заняться своими делами, ибо 9 800 р., получаемые мною по должности товар. мин. завед. пол., не могут удовлетворить нуждам моим с женою. Должность же ком. отд. корп. жандармов создана мною почетная, хотя и трудовая, но без всякого содержания. Дела мои личные от этой 5-летней службы *крепко* пострадали, но об этом я не сожалею и благодарю Бога за милосердие, давшее мне возможность оправдать прошлое всемилостивейшее доверие. Хотелось бы, чтобы Вы признали, что я был и остаюсь достойным вашей благосклонности.

П. Оржевский.

625

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Во внимание к важности дела осуществите Ваше доброе намерение повидать сегодня графа Дмитрия Андреевича. Страшно думать о последствиях, которые повлечет за собой неосторожное отношение к этому вопросу завтра. Правильное разрешение этого вопроса так существенно важно. Не все люди отнесутся к этому делу так свято, как я это сделал пять лет тому назад благодаря Вашему благосклонному содействию. Только в Вас я нашел с первого же дня истинную поддержку в добрых моих намерениях, что и дает мне смелость утруждать Вас для пользы государева дела. Я должен сказать, что и условия, при которых я буду уволен от должностей, несомненно, повлияют на будущее. Вся моя служба в офицерских

чинах с 1856 г. многим известна. При увольнении меня со стыдом у добрых людей руки опустятся окончательно. А премнику моему какой пример не делать того, что велит совесть и присяга. Интрига и корыстолюбие — вот что успешно и выгодно. Трудно при этих условиях быть полезным государю. Всякий может сказать, почему же, например, «простому» товарищу министра Николаеву такой почет. Тоже на службе с 1856 г., а вся служба была весьма иная, нежели Оржевского. Следовательно, должно быть, Оржевский согрешил. За что же класть на меня пятно подозрения? И будет ли кому счастье от этой вопиющей несправедливости? Сомневаюсь, простите великодушно. Горько мне, тяжело на душе. Пусть Бог простит графу.

Ваш покорнейший и благодарный слуга

25 марта 1887 г.

Петр Оржевский.

626

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

В последствие личных объяснений по этому важному вопросу считаю долгом препроводить при сем на благосклонное усмотрение Вашего высокопревосходительства копию с моей записки о безопасности и порядке в С.-Петербурге. Записку эту я сегодня представил графу Дмитрию Андреевичу с убедительнейшей просьбой повергнуть ее на всемилостивейшее воззрение для прочтения его величеством.

Граф Толстой обещал исполнить мою просьбу и желание принести, перед увольнением меня, последнюю посильную пользу священному делу охраны его величества. Лышу себя надеждою, что и Вы не откажете мне прочесть эту записку, плод 14-летней службы моей делу безопасности и порядка.

С душевной преданностью

Ваш покорнейший слуга

31 марта 1887 г.

Петр Оржевский.

Мое увольнение должно состояться послезавтра, для чего граф и поедет в Гатчину в будущий четверг, 2-го апреля.

Копия.

Известные Вашему сиятельству обстоятельства вменяют мне в обязанность высказаться по важному вопросу о безопасности и порядке в столице — резиденции его императорского величества.

Обеспечение безопасности в С.-Петербурге состоит в зависимости от совокупности действий всех полицейских органов Империи, направляемых центральной полицейской властью, располагающей как в пределах России, так и за границей всеми способами для достижения этой цели, несомненно, перво-степенного государственного значения.

Вскоре по упразднении с.-петербургского генерал-губернаторства должность начальника столичной полиции приобрела исключительное значение. Личные качества и особые приемы деятельности обер-полицеймейстера угрожали обратить его в военного генерал-губернатора столицы, вследствие чего признано было лучшим создать начальнику столичной полиции особое влиятельное положение, для чего и образовано в 1871 г. с.-петербургское градоначальство.

Одновременно с подчинением министру внутренних дел и шефу жандармов по предметам «полицейского управления» градоначальник получил право непосредственных докладов государю императору по главнейшим полицейским же делам, а так как причисление дел к разряду «главнейших», очевидно, зависело от усмотрения самого градоначальника, то в действительности указанное в законе «подчинение» никогда не имело практического значения.

С течением времени подобное положение должно было способствовать к образованию в столице власти, совершенно самостоятельной от министра внутренних дел и действующей вне всякого контроля со стороны высших правительственных учреждений. Были случаи испрошения градоначальником высочайших соизволений на осуществление предположений (постройка Литейного моста и монополия извозного промысла), основанных на неверных, недостаточно обработанных данных и притом помимо центрального учреждения, которое несомненно обладает большими средствами к всестороннему иссле-

дованию дел, представляемых на высочайшее утверждение, нежели канцелярия градоначальника. Такая обособленность столичного полицейского управления обеспечивала лишь внешнее благоустройство столицы, а все остальное, по свойству предъявляемых к столичной полиции требований, переходило на второй план и почиталось не имеющим существенного значения. Учрежденное при канцелярии градоначальника секретное отделение для дел политического свойства, конкурируя с розыскными органами самостоятельного III отделения, не только не приносило пользы, но, при отсутствии разумного надзора, действовало во вред делу и преследовало исключительно личные цели.

По мере усложнения полицейских задач в конце 70-х годов непригодность описанного устройства грозила серьезными опасностями, и в 1880 году, после взрыва в Зимнем Дворце, все розыскные дела III отделения были переданы в ведение градоначальника, и секретное отделение получило возможность действовать вполне самостоятельно. К сожалению, ожидания правительства не оправдались даже после упразднения III отделения, ибо градоначальник, обремененный другими служебными занятиями, не имел возможности ни следить за исполнением возлагаемых на секретное отделение поручений, ни направлять деятельность последнего по должному пути.

Событие 1-го марта 1881 г. как нельзя более обнаружило полное незнание самых элементарных приемов розыска и совершенную несоответственность существовавшей в виде секретного отделения политической полиции. Несомненно, что именно в это тревожное время выработался окончательно взгляд по двум предметам первостепенной важности: 1) что чрезвычайные права с.-петербургского градоначальника, ставящие его в уровень генерал-губернаторов, вносят смуту в правильное течение дел и не могут быть объясняемы какими-либо действительными потребностями служебной пользы и 2) что с.-петербургский градоначальник по существу своих обязанностей и по тому, как исполнение этих обязанностей практикуется, — есть прежде всего начальник столичной полиции; все же прочее по своей мало-важности может только отвлекать его от прямых и ближайших задач, которые должны сводиться к одной цели — охранению в столице порядка и общественной безопасности.

Указанные положения были осуществлены учреждением в С.-Петербурге, взамен градоначальника, — должности обер-полицеймейстера, с непосредственным подчинением его министру внутренних дел. Дальнейшее развитие принципа сосредоточения непосредственного руководства полицейскими делами в столице в руках министра внутренних дел не могло не встретить серьезных затруднений в организации управления отдельным корпусом жандармов. Хотя, на верху иерархической лестницы, корпус жандармов и с.-петербургский обер-полицеймейстер состояли в подчинении министра, но тем не менее ближайшего, непосредственного единения в руководстве их деятельностью в области государственных преступлений не существовало: министр, обремененный обширными занятиями по делам высшего правительства, очевидно, не мог входить во все подробности возникших на практике вопросов, и в результате обер-полицеймейстер и начальник штаба корпуса, каждый в пределах своего ведомства, действовали совершенно независимо один от другого. Между тем необходимость сознательного и разумного взаимодействия полиции и корпуса жандармов ввиду происходивших событий настоятельно требовала изыскания способов к достижению полного единства полицейских распоряжений и сосредоточения их в руках такой власти, которая не ограничилась бы только преподаванием указаний, общим руководством, а могла бы детально входить во все подробности возникавших вопросов. Неотлагательнее удовлетворение такой потребности, преимущественно в С.-Петербурге, было тем более важно, что разрушительные замыслы революционного сообщества всегда ставили себе целью особу государя императора и лиц, принадлежащих к составу высшего правительства.

Но прежде, нежели был окончательно изыскан наиболее практичный способ для достижения желаемого единства полицейских властей, думали поправить дело соединением в одном лице должностей с.-петербургского градоначальника и начальника штаба отдельного корпуса жандармов. Такая комбинация по своей очевидной непрактичности просуществовала лишь несколько месяцев, и когда Ваше сиятельство изволили вступить в управление министерством внутренних дел, то фактически не было ни обер-полицеймейстера, отвлекаемого

от своих прямых обязанностей занятиями по штабу, ни тем более начальника штаба, который бы мог всецело посвятить себя управлению корпусом жандармов.

Вашему сиятельству угодно было тогда предложить мне стать во главе самостоятельного управления, ведающего исключительно делами государственной полиции, на правах министра. Занимая в течение $8\frac{1}{2}$ лет должность начальника варшавского жандармского округа, я вполне оценивал необходимость единения полицейской власти и предвидел, что разделение полиций может принести только вредные результаты. Сознавая невозможность быть по мере сил и способностей полезным в положении начальника особого ведомства, я счел долгом отказаться от этой должности, не желая ради министерских прав принимать участие в организации такого учреждения, которое вместо порядка могло лишь внести смуту в дело полицейского управления. Но при этом я считаю себя обязанным заявить, что роль ответственного и ближайшего распорядителя всеми полицейскими силами империи не может быть с успехом исполняема министром внутренних дел, обширные занятия которого не позволяют ему входить в мелкие подробности дела. Мне казалось, что сохраняя за собой высшее руководство, министр должен иметь для этой отрасли управления специального уполномоченного в лице одного из своих товарищей, хотя и облеченного достаточными правами, но вполне министру подчиненного. Подчинение в такой форме, по моему мнению, не могло служить источником слабости, напротив, оно заключало в себе залог силы и прочности, ибо только при сознании ответственности сохраняются энергия и необходимая инициатива в исполнении служебных обязанностей. Ваше сиятельство изволили согласиться с моими предположениями, и почти одновременно с назначением меня на должность товарища министра последовало высочайшее утверждение преподанной мне инструкции. На основании этой инструкции с.-петербургский обер-полицеймейстер поставлен в непосредственное подчинение товарищу министра, заведывающему полицией. С предоставлением товарищу министра особых полномочий и возложением на него ответственности по делам полицейского ведомства логически следовало поставить обер-полицеймейстера в непосредственные к нему отно-

шения, и эти отношения, очевидно, могли выразиться только в форме непосредственного же подчинения.

Затем во второй половине 1882 года должность с.-петербургского обер-полицеймейстера занял, согласно моему ходатайству, генерал-майор Грессер, который вскоре начал заявлять о неудобстве положения начальника столичной полиции по отношению к городскому управлению и о необходимости предоставить ему право председательствования в присутствии по городским делам. По сему вопросу Ваше сиятельство изволили первоначально остановиться на мысли предоставить обер-полицеймейстеру вышеупомянутое право. Означенное предположение было выражено в подписанном Вами 1-го ноября 1882 года проекте всеподданнейшего доклада, который дальнейшего хода не получил. Засим, спустя некоторое время, признавая настояния С.-Петербургского обер-полицеймейстера «в известной мере заслуживающими внимания, но затрудняясь высказаться по существу оных», ввиду недавно установленного порядка, вызванного упразднением градоначальства, Вы изволили испросить высочайшее разрешение на рассмотрение сего вопроса в особом совещании, состоявшемся 18-го апреля 1883 года под председательством председателя комитета министров при личном участии Вашего сиятельства, председателя департамента законов государственно-го совета и министра юстиции.

Означенное совещание признало, что предоставление обер-полицеймейстеру права председательствования в присутствии по городским делам едва ли может быть допущено, так как осуществление его создало бы нововведение, несогласное с общими началами городского положения. Равным образом совещание находило «неудобным» и восстановление порядка, отмененного высочайшим указом, упразднившим градоначальство.

По мнению совещания, «предоставление начальнику столичной полиции полномочий бывшего с.-петербургского градоначальника может поставить его в такие служебные условия, при коих он не в состоянии будет удержаться от вмешательства, в ущерб его прямым обязанностям, в вопросы, выходящие из круга ведомства, определяемого существом сих обязанностей».

Кроме сего, совещание нашло, что «необходимо избежать восстановления прежней неопределительности отношений гра-

дона начальника к учреждениям центральной власти: тревожные обстоятельства предшествовавшего времени, засвидетельствовав о настоятельности руководства министра внутренних дел (шефа жандармов) по охранению общественного порядка и спокойствия, указали также и на потребность сосредоточить распорядительную полицейскую власть в лице одного из товарищей министра». В установленном данною мне как заведывающему полицией инструкцией порядке совещание усмотрело «наиболее серьезные гарантии для успешной деятельности власти в области предупреждения и пресечения государственных преступлений» и, находя, что этот порядок «едва ли может подлежать колебаниям», указывало, что одно из основных правил названной инструкции — есть полное подчинение начальника столичной полиции товарищу министра, заведывающему полицией.

Согласно приведенным соображениям, совещание признало соответственным «возложить на начальника столичной полиции обязанности по надзору за законностью действий городского управления при *переименовании* его в градоначальника и при *непременном* условии сохранить и впредь непосредственное подчинение его товарищу министра, заведующему полицией».

В таком именно смысле состоялся высочайший указ, данный правительствующему сенату 2-го июня 1883 года, коим с.-петербургский обер-полицеймейстер был переименован в градоначальника.

В сущности, переводя тексты инструкции и именного указа на практическую почву, оказывается, что редакция их ни в какой степени не препятствует правильному течению дел в городском присутствии, ибо существующие законы о порядке действия сих присутствий остаются в силе в той же мере, как и дела, подлежащие рассмотрению губернских правлений, разрешались обер-полицеймейстером по общим для всей империи законам, независимо от установленного инструкцией подчинения бывшего обер-полицеймейстера товарищу министра. Не внося в действовавшее полицейское положение ничего нового, именной указ не мог, следовательно, и изменить отношений градоначальника к центральному полицейскому учреждению — ни в теории, ни в практике, почему и указания на

него, как на возможный источник каких-либо недоразумений, должны быть признаны лишены основания.

Между тем закон о подчинении градоначальника товарищу министра, заведующему полицией, с точки зрения единства полицейской власти, имеет первостепенное значение. Столица, как было сказано выше, не может быть сравниваема с прочими губернскими городами империи: здесь предъявляются к полиции требования высшего порядка, политическое брожение, оказывая несравненно более вредное влияние на мирное течение жизни, последствиями своими сказывается в отдаленнейших местностях империи, и независимо того пребывание государя императора обязывает полицейскую власть к особой бдительности. Разнообразные мероприятия, направленные к охранению в Петербурге порядка и спокойствия, должны быть строжайшим образом согласованы с общим положением дел в провинции, и потому непосредственное и всестороннее руководство действиями столичной полиции со стороны центрального учреждения является существенной принадлежностью самого звания товарища министра, заведующего полицией. Указанное руководство на практике, при сложившихся у нас условиях государственной службы, возможно лишь в том случае, когда в законе категорически выражен принцип непосредственного подчинения, и притом не по каким-либо делам в частности, а подчинения вообще. Иная постановка, по моему мнению, неосуществима: или право руководства сведется к пустому звуку, или же необходимо непосредственное и полное подчинение. Наглядным примером частного подчинения с.-петербургских градоначальников (по делам полицейским) — министру внутренних дел и шефу жандармов может служить независимое положение, приобретенное градоначальником до 1881 года, и отсутствие до настоящего времени инструкции, которую обязаны были преподать им названные министры. И действительно, точное разграничение сферы дел полицейского управления от других распорядительных дел представляется крайне затруднительным, и всякое дело легко может быть, с известной точки зрения, отнесено и к той и к другой категории. Равным образом и отсутствие непосредственности переносит подчинение в область теории и на практике не приводит к каким-либо результатам.

Преыдушие соображения, по моему глубокому убеждению, доказывают неизбежность ближайшего подчинения с.-петербургского градоначальника товарищу министра, заведывающему полицией, который, по смыслу высочайше утвержденной инструкции, является ответственным распорядителем в делах по предупреждению и пресечению государственных преступлений. Но и помимо приведенных рассуждений, рассмотрение этого вопроса со стороны успешности политических розысков приводит к тому же выводу. В провинции, при неудовлетворительном устройстве в большинстве городов общей полиции, сравнительной малочисленности населения и по другим причинам, дело политического розыска и наблюдения возложено на местные жандармские управления, чины коих непосредственно подчинены товарищу министра по званию командира корпуса, и таким образом, действительность руководства деятельностью жандармских управлений является совершенно обеспеченною. Иначе в столицах: масса учебных заведений и учащейся молодежи ставила жандармские управления, вообще весьма ограниченные в численности личного состава, в невозможность успешно исполнять лежавшие на них обязанности по политическому наблюдению и розыску. Опыт привел к сознанию необходимости создать для этой цели в столицах особые специальные учреждения, которые находятся в ведении с.-петербургского градоначальника и московского обер-полицеймейстера. Передача сих учреждений в ведение начальников столичных полиций объясняется тем, что хорошо организованные и многочисленные столичные полиции представляют собой весьма серьезную силу в деле наблюдения и розыска, и без дружного содействия этой силы не могло быть установлено правильное и успешное течение политических дел. Пример бывшего III отделения, агенты которого наблюдали за агентами с.-петербургского градоначальника и наоборот, указывал, что содействие и участие столичных полиций достигается только подведомственностью секретных учреждений одному и тому же с общей полицией начальнику. При таких условиях действительное влияние и руководство политическим розыском со стороны товарища министра может быть обеспечено только установлением обязательных отношений, в смысле непосредственной подчиненности градо-

начальника товарищу министра. Иное разрешение вопроса о секретном отделении, т. е. устранение непосредственного руководства центрального учреждения, в котором сосредоточиваются сведения о всех политических делах, едва ли не представляет серьезных затруднений и не влечет крайне вредных последствий.

Руководство товарища министра отнюдь не исключает участия в этом деле градоначальника, который является ответственным исполнителем основанных на всесторонних данных распоряжений высшего полицейского начальства.

Таким образом, рассматривая вопрос о служебных отношениях с.-петербургского градоначальника к товарищу министра, заведывающему полицией, со всех сторон, следует прийти к заключению, что непосредственное подчинение первого последнему не только не имеет искусственной подкладки и не основано на каких-либо чуждых добросовестному сознанию служебного долга целях, но возникло естественным путем ввиду необходимости создать единство полицейской власти в области преследования и предупреждения государственных преступлений. С.-петербургская полиция составляет в общей цепи политических сил такое крупное и в качественном, и в количественном отношениях звено, что изъятие начальника означенной полиции из ведомства товарища министра совершенно нарушает стройность системы, почти пятилетнее существование которой, по моему скромному убеждению, принесло известную долю пользы. Беспристрастное сравнение того, что было пять лет тому назад, с тем, что есть теперь, может служить наилучшим доказательством целесообразности той и другой системы полицейского устройства, я же обязываюсь присовокупить, что изменение действующего порядка, после достигнутых пятилетними усилиями результатов, ведет нас к старому неустройству 70-х годов, исключаяющему возможность сознательной ответственности за успех дела. По моему глубокому убеждению, петербургская полиция не может быть изъята без явного ущерба служебной пользе из-под непосредственного руководства центрального учреждения, а так как действительность руководства обуславливается подчинением градоначальника товарищу министра, заведующему полицией, то с изменением сего подчинения я буду лишен самой существенной гарантии в точном исполнении моих

указаний. Пребывание государя императора, создавая Петербургу и начальнику столичной полиции исключительное положение, требует и исключительных мер для обеспечения порядка и общественной безопасности, — и если в 1882 году служебный долг заставил меня просить подчинения Вашему сиятельству, то в настоящее время, тот же долг обязывает представить Вашему благосклонному вниманию мои соображения на этому важному предмету.

31-го марта 1887 г.

Верно: П. Оржевский.

628

По сведениям, полученным мною от первоклассного знатока Индии Наас'а, бывшего французским консулом в Бирмании, имя магараджи Duleep Singh'a имеет в Индии необыкновенное *обаяние*; его одно присутствие вблизи Индии стоит целой армии. Наас свидетельствует, что магди в Судане пользовался не большим значением, чем сын *Лагорского льва*.

629

Священную истину говорит письмо. Я был председателем комитета учрежденной комиссии об отнятии чинов за учение. Проект этой комиссии уже без малого три года лежит без движения в госуд. совете. Помнится, что ожидался отзыв от cunctator'a Герарда; но теперь отзыв Дурново получен.

Я не догадался написать Капнисту, чтобы он не разрешал чтения драмы Толстого; но вот худшая беда — говорят, что ее будут давать на сцене.

Чтение в академии о Павском было интересное и совершенно приличное.

Душевно преданный

4 марта 1887 г.

И. Деянов.

630

Очень благодарен за сообщение. Может быть, что есть в письме кое-что справедливое; но о директоре Море надобно сказать, что он и как начальник заведения, и как человек —

отличный. В этой гимназии законоучитель — протоиерей Чельцов. Кажется, что он человек хороший; одно мне не нравится, что он в присутствии всех, после закуски — курит папиросы. Это как-то не вяжется с рясой.

Душевно преданный

И. Делянов.

Забыл сказать, что Мор очень строг при переводе из класса в класс и на выпускных экзаменах.

16 апреля 1887 г.

631

Покорнейше прошу Вас просмотреть эти бумаги, так как они частью касаются и духовного ведомства.

Государь этим делом спешит. А. Ф. Бычков не вполне согласен с гр. Уваровой, и мне кажется, что со его проект упрощает дело. Графиня страшная охотница до реклам.

Завтра зайду к Вам, чтобы выслушать Ваше мнение и затем послать доклад его величеству.

Душевно преданный

9 июня 1887 г.

И. Делянов.

В какое время к Вам завтра придти? Я буду не свободен только от 1 до 4.

Не забыли ли Вы послать документы деицу Линских И.Н. Дурново?

632

18 июля 1887 года.

Возвращаю при сем с благодарностью утешительное письмо преосвящ. Алексия. Вот образцовый человек и архипастырь. Все, что он говорит о необходимости диаконов, совершенно справедливо; но мне кажется, что при недостатке денег исправление диаконом должности письмоводителя при уездном предводителе не может считаться чем-то неподобающим. У предводителей нет никаких грязных дел, к которым не должна прикасаться рука священнослужителя. Если псаломщик или диакон имеют свободное время, то пусть пишут бумаги. Тут греха нет.

Я слышал о скандале Мещерского. Весь город об этом говорит. Какой позор и какое посрамление высокого имени и досточтимой фамилии Карамзина. И какая гнусная, противозастенственная страсть. Я уверен, что слух о сем дойдет до их величеств.

Прошу Вас прислать мне речь Вашу к ярославским воспитанникам. У меня есть Ваше послание к воспитанницам по кончине императрицы Марии Александровны, но нет речи к ярославским.

Вчера я видел княгиню Гагарину, жену товарища министра внутренних дел. Она получила письмо от гр. Толстой, которая очень довольна состоянием графа. Он гуляет теперь 4 раза в день.

От Вас исходит все хорошее: Вы же дали прекрасный совет государю — справиться о здоровье Каткова. Не вовремя он умирает. Теряем мы умелого защитника самодержавия. Заместим его, но не заменим.

Искренно преданный

И. Делянов.

633

Еду хоронить Каткова и мысленно петь песнь бессмертия над его бранным телом об его душе. Дам ему и от Вас последнее на земле целование. В воскресенье, если Бог даст, возвращусь.

Душевно преданный

23 июля 1887 г.

И. Делянов.

634

Телеграмма государя Катковой произвела необыкновенное впечатление. Все русские люди и приверженцы самодержавия как-то ободрились, а слова: укреплял здравую мысль «в смутные времена» приняты и толкуемы были как подтверждение манифеста 29-го апреля 1881 года. И в разговорах, и речах выражается мысль, что смерть Каткова произвела пустоту, которую нелегко наполнить. Духовенство, начиная с митрополии

та, выказало огромное сочувствие. Бальзамирование очень удалось. Он лежал, как спящий, а не умерший.

Душевно преданный

26 июля 1887 года.

И. Делянов.

635

Сегодня поутру я доложил его величеству о намерении Катковой просить о «Московских Ведомостях». Теперь, получив от Вас просьбу, я намерен написать государю, что Каткова просьбу доставила Вам, а Вы мне, по принадлежности, и что я войду в надлежащие по этой просьбе сношения и соображения.

Государь мне сказал, что Черняев обращался с такою же просьбой к гр. Воронцову-Дашкову и что граф послал его ко мне.

Правду сказать — кандидат неважный. Брульон и сумасброд. Передал я его величеству и разговор Ваш со мной о Ционе. В этот раз государь выражался гораздо мягче о Ционе и даже очень хвалил его способности. Я думаю, что если Цион напишет несколько передовых статей в надлежащем смысле, то его величество выразит еще лучшее о нем мнение. Впрочем, государь выразил мысль, что не мешало бы «Ведомостям» иметь Циона сотрудином.

Душевно преданный

29 июля 1887 г.

И. Делянов.

Пожалуйста, берегитесь простуды и не одевайтесь слишком легко.

636

В первый раз слышу имя Паулевича; но видно по всему, что он честный русский человек, хотя и не русский подданный.

Кошки нет, и все крысы станут бегать. Впрочем, надеюсь на Бога и на советы добрых людей.

Душевно преданный

31 июля 1887 г.

И. Делянов.

637

Не знаю, что и думать, но мне с первого взгляда кажется, что изложенное в письме Гилярова есть махинация людей, желающих захватить «Московские Ведомости» в свои руки. Я уже слышал, будто бы Энгельгардт говорил, что он употребит все от него зависящее, дабы «Московские Ведомости» не попали в руки Петровского. Впрочем, посылаю теперь же за Любимовым, который в течение 20 лет был alter ego Каткова. Не думаю, чтобы он был на стороне разбойника. Сам Катков в течение многих лет отзывался мне с похвалою о Петровском и вполне ему доверял. Отчего бы, кажется, скрывать свои мнения в продолжительных и неоднократных разговорах со мною. На Васильева Катков несколько рассердился, когда он писал в редакции «Голоса Москвы». Когда эта газета прекратилась и я спросил Каткова, каким образом случилось, что он опять Васильева взял к себе, Катков отвечал: ну, Бог с ним, в самостоятельные деятели он не годится, а как деятель второстепенный он может почитаться дельным. Наконец, при дружественных связях Каткова с Феокистовым, Георгиевским, Ивановым (Гавриилом Афанасьевичем), братьями Поляковыми, Архиповым неужели мог он никогда не обмолвиться о черной, по письму Гилярова, душе Петровского? О последующем сообщу.

Душевно преданный

3 октября 1887 г.

И. Делянов.

638

Секретно.

Резолюция на докладе о Петровском: «Осторожнее передать ему на год «Московские Ведомости», а потом увидим. Я слышал о нем не особенно благоприятные отзывы».

Понятно, что интрига залезла в Данию и там сумела бросить свои семена. Спасибо государю за его открытое сердце, а то при существующих интригах и всяческих происках нельзя было бы и жить.

Посоветуемся, как теперь поступить.

Душевно преданный

29 октября 1887 г.

И. Делянов.

639

Мне покоя не дает мысль, что бунтовщиков, которых мы отдаем в роты, там содержат так, как не может содержать себя добрый честный трудолюбивый крестьянин. Вот какой план я придумал, дабы добиться правды. Разузнав, где эти роты, я через умелых людей соберу из-под руки сведения о содержании там арестантов, и в особенности наших. Сергиевский бывает в Динабурге, Бобруйске. Он, например, как тонкий дипломат, сумеет эти сведения собрать. Затем поговорю с Вами, как далее поступить.

Душевно преданный

29 ноября 1887 г.

И. Делянов.

Синявского отдали на три года.

640

Сообщу кому следует, чтоб не давали ответов Пругавину. Я воображаю себе, что он внесет в свой каталог.

Правду сказать, Вы один стоите на страже народной нравственности.

Министр внутренних дел и князь Долгоруков признают необходимым сделать сообщение о московских происшествиях. В настоящем фазисе оно, может быть, и нужно.

Это сообщение составлено у генерал-губернатора. Боже мой, что за самовосхваление!

Душевно преданный

2 декабря 1887 г.

И. Делянов.

641

И Вы, и добрый Рачинский совершенно правы. Возбуждали студентов и отставные, и служащие преподаватели — в Москве. То же самое и здесь.

В присутствии Грессера был у меня Менделеев. Грессер его считает просто помешанным.

Прочтите письмо донца — помощника инспектора Корнева, истинного верноподданного и патриота. В нем много, даже все правда. Следовало бы и Долгорукову подумать, что он скоро предстанет на суд Всевышнего.

Надеюсь, что мы Вас и Екатерину Александровну увидим в Николаевском институте 25-го декабря. Преосвященный Антоний будет служить литургию, а митрополит придет к молебну.

Душевно преданный

12 декабря 1887 г.

И. Делянов.

642

Очень сожалею, что не могу быть сегодня у Вас.

Полугодичные экзамены вовсе не портят дела, а, напротив, усиливают занятия. В особенности полезны практические занятия, где на каждого профессора, смотря по факультету, приходится 20, 30, 50 человек. В юридическом факультете, конечно, хуже всего; но это оттого, что профессора суть конституционалисты. Но и там проверки делаются теперь *из всех без исключения читанных предметов*. Такие же экзамены, но в другой форме. Что касается свободы преподавания, то она по уставу состоит не в том, что каждый может читать и проповедовать, что ему угодно, а в том, что профессор, положим, астрономии, может вместе с тем читать и механику, профессор русской истории может читать и всеобщую, если найдет слушателей. Что же тут вредного? Но вот в чем свобода стеснена. Профессор Герье мог, по уставу 1863 года, будучи профессором новой истории, читать в течение двух лет сряду историю французской революции и *только из нее* экзаменовывать, а теперь в течение двух лет должен прочитать всю новую историю и экзаменовывать из всей науки, а не из клочка. Вот это-то их и бесит. Даже мой товарищ и друг Буслаев в последние годы экзаменовал не из русской грамматики, а из второй книги Божественной комедии Данте. А Ковалевский излагал не русское государственное право, а английское, и из него же экзаменовал.

Жаль, что Вы не читали собранных нами материалов. Впрочем, и теперь профессора не пользуются вовсе данной им свободой читать науки не их основной кафедры. Есть два-три человека на медицинских факультетах, которые кроме своего предмета читают о бактериологии; при своей науке читают о ларингоскопии, при дерматологии читают и о сифилисе. Тут

свобода очень полезная, дабы при демонстрации не было скопления сотни слушателей, из коих сидящие в последних рядах ничего видеть не могут.

К сожалению, профессора наши слишком ленивы, чтобы пользоваться свободой чтения, как ею пользуются в Германии, где, например, профессор Деренбург читает и римское право, и общегерманское, и французское гражданское.

Написал пространно, чтоб опровергнуть неверное представление, которое Вы себе составили.

Что касается крамольных историй, то, увы, они были в 1861 г. в Москве и С.-Петербурге с выходом на улицы и с рукопашным боем, в 1869 в С.-Петербурге, когда надобно было исключить сто студентов, в 1878 г. в Киеве, когда исключили 153 человека и пустили камнем в ректора Матвеева, отчего он вскоре умер, и в 1881 г., когда ударили либеральнейшего Сабурова и когда на студенческом бале должны были заставить огромными деревьями портрет покойного государя, дабы его не разнесли в клочки.

Я мог бы написать еще листов двадцать, но довольно.

Не форма репетиций и экзаменов избавит нас от революционных движений, а единство в высшем управлении и поддержка людей с монархическим направлением и вообще *gut gesinnt*, а теперь эти люди в нашем безалаберном интеллигентном обществе подвергаются заушениям и заплеваниям.

Душевно преданный

13 декабря 1887 г.

И. Делянов.

Если сами не придете 25-го декабря, так пришлите Екатерину Александровну, это ее немного развлечет.

643

Поздравляю Вас с великим праздником. Да сохранит Вас Господь на многие лета для пользы России. Вот искреннейшее, из глубины исходящее желание, основанное на постоянном многолетнем за Вашими действиями наблюдении.

Душевно преданный

25 декабря 1887 г.

И. Делянов.

644

Директор
департамента полиции.

В дополнение к сообщенным мною Вашему высокопревосходительству сведениям о *Тухомницком* обязываюсь доложить, что Новорусский в конфиденциальном разговоре с одним лицом выразился так: «Тухомницкий социалист со дня рождения и учитель мой в этой науке. Жаль только, что он очень правдив, и я мало жду от его показания. Будет и курьез на суде: во всех моих бумагах нашли подозрительным клочок с заметкой о 10-копеечном сборе. Заметка эта писана рукой Тухомницкого, а я попрошу его удостоверить, что это счет из нашей библиотеки».

Нужно заметить, что «10-копеечный сбор» установлен среди учащейся молодежи в пользу революционной партии.

Достойно, независимо сего, внимания, что Новорусский, как выясняется теперь, принимал деятельное участие в революционных делах и уверяет, будто бы существовало намерение устроить революционную типографию в духовной академии.

Но окончании процесса я займусь разработкой всех этих сведений.

Директор департамента

17 апреля.

И Дурново.

645

Директор департамента полиции.

Имею честь доложить Вашему высокопревосходительству, что кандидат духовной академии Тухомницкий проживал на одной квартире с Новорусским (Малая Итальянская, 51) и 18 февраля, одновременно с переездом Новорусского в Парголово, перешел на отдельную квартиру (5 ул. Песков). Хотя в помещение, занимаемое Новорусским и Тухомницким, были доставляемы разные химические принадлежности, но до сих пор нет указаний на участие Тухомницкого, который и будет завтра допрошен в качества свидетеля.

Тем не менее я обязываюсь присовокупить, что, по наблюдениям за врачом Латышевым, технологом Шатько и студен-

том Фоминым, обратившими на себя внимание полиции и ныне арестованными, — было замечено знакомство их с Тухомницким, почему я полагал бы более осторожным отложить на некоторое время предположенное назначение его на учительскую должность. Следствие не замедлит определить его значение в обоих делах.

Директор департамента

11 марта 1887 г.

И. Дурново.

646

Милостивый государь Константин Петрович.

Спешу довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что француз Жаклар, участник бывшей коммуны, проживая в Париже, находился в постоянных отношениях с представителем польской революционной партии «Пролетариат» евреем Карлом Мендельсоном и благодаря своим связям с Россией, через жену, занимался передачей писем Мендельсона в Варшаву. Он друг Клемансо и многих выдающихся французских радикалов. Прибыв в Петербург, Жаклар сообщал самые живые и враждебные нам известия в Париж о политических делах, а после 1 марта сообщения его превзошли всякую меру терпимости, почему, по моему настоянию, министр разрешил выслать его из пределов империи.

Имея в виду тяжкую болезнь его жены и данное им слово более никаких корреспонденций не посылать, я вчера уже сделал распоряжение об отсрочке выезда его из Петербурга на 10 дней.

Принося Вам мое сердечное поздравление с наступающим праздником, покорнейше прошу принять уверение в моем истинном уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга

4 апреля.

И. Дурново.

647

Жаклар-Корвин Виктор Викторович. Живет в доме своей жены на Васильевском острове, по 6-й линии, д. № 15. Получил 22 марта сего года предписание от г-на министра внутренних дел выехать из России 25 марта. По ходатайству француз-

ского посла г-на Лабулэ через министерство иностранных дел, ему дана была отсрочка на 12 дней, сроком по 6-е апреля. Г. Жаклар просит дозволения прожить в Петербурге от 2 до 3 недель для устройства дел и по случаю опасной болезни своей жены.

648

12 апр. 1887 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Александровна.

Ради Бога простите меня, что в эти великие дни я хочу беспокоить Вас моею просьбою. Я не решилась бы сделать это, если б дело не было для меня так важно. Вот в чем дело: в Петербурге живет одна моя старинная знакомая А. В. Жаклар-Корвин, урожденная Корвин-Круковская. Она замужем за французом и имеет сына. Муж ее жил большей частью в Париже, но месяца четыре тому назад приехал в Петербург к больной жене с целью устроить дела, продать принадлежащий жене дом и увезти жену за границу.

На днях, именно 22 марта, он получил предписание выехать из России в течение трех дней. Не зная за собой вины, он бросился во французское посольство, которое и выхлопотало ему отсрочку на 12 дней, до понедельника 6 апреля. Г-жа Жаклар уже давно и опасно больна брайтовой болезнью; известие о высылке мужа усилило болезнь, и она почти безнадежна. Положение ее поистине трагическое: за выездом мужа она останется одна, сильно больная, с маленьким сыном, не имея около себя родных, так как единственная ее сестра г-жа Ковалевская (проф. в Стокгольмском университете) не может к ней приехать. Г-ну Жаклар также страшно оставлять ребенка и больную жену в такое время, когда присутствие близкого человека особенно важно и дорого. Сегодня я застала больную в таком отчаянии, что решилась, как мне это ни тяжело, беспокоить Вас.

Моя чрезвычайная просьба к Вам следующая: попросите глубокоуважаемого Константина Петровича написать к графу Толстому или г. Грессеру о том, чтобы г-ну Жаклару позволили прожить здесь еще недели 2—3. В это время французское посольство, как оно ему обещало, выхлопочет ему разрешение

остаться здесь, так как он ни в чем не замешан и не подвергался обыску или аресту. Этим временем и жена его настолько оправится (может быть), что он увезет ее с собой.

Я знаю, что я многого прошу, но знаю и то, что влияние глубокоуважаемого Константина Петровича так велико, что достаточно его нескольких слов, чтобы устроилось это дело.

Я вполне понимаю, что поступаю неделикатно, беспокоя Вас, глубокоуважаемая Екатерина Александровна, и Константина Петровича в те немногие дни, когда он хотел бы быть вдали от дел и людей. Я долго колебалась, писать ли Вам, но решила, что грешно мне будет, если я в эти великие дни не сделаю попытки успокоить и утешить опасно больную, которую и Федор Михайлович, и я всегда искренно любили. Даже отложить письма я не имела возможности, так как в понедельник 6-го он должен уехать, если ему не будет дана отсрочка.

Простите же меня, Екатерина Александровна, и попросите глубокоуважаемого Константина Петровича на меня не сердиться за мою просьбу и исполнить ее, если это будет возможно.

Позвольте мне пожелать Вам встретить великий праздник Воскресенья Христова в здравье и радости.

Искренно преданная и глубоко уважающая

А. Достоевская.

В случае, если просьба моя будет неприятна или неудобна глубокоуважаемому Константину Петровичу, я усерднейше прошу мне отказать и на меня не сердиться.

649

Милостивый государь Константин Петрович.

Сергей Зарудный после непродолжительного увещания сознался мне в том, что действительно виделся с Шевыревым в польской кофейной и предоставил ему свой московский адрес. Шевырев был ему известен под именем Ивана Павловича Кузьминского. По содержанию этого сознания его допросят в жандармском управлении, и затем мы обсудим вопрос, нельзя ли его отдать родителям на поруки.

Быть может, Вашему высокопревосходительству будет неинтересно прочитать прилагаемую справку.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем почтении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга

3 мая 1887 г.

И. Дурново.

650

Доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Сегодня, при докладе, я имел случай коснуться довольно подробно сущности разногласия по делу об ограничении публичности и результатов голосования 19 января, причем из слов государя императора я мог заключить, что кто-либо из членов большинства (Рихтер) подробно передал уже все происходившее в заседании госуд. совета. Я представлял его величеству и список голосов, и на всякий случай довожу об этом до Вашего сведения.

21 января 1887 г.

Ваш Манасеин.

20 членов.

1. вел. кн. Владимир Алекс.	11. Дурново
2. вел. кн. Алексей Александрович	12. Островский
3. Новосильский	13. Ванновский
4. Гр. Адлерберг	14. Посьет
5. Тимашев	15. кн. Волконский
6. Гр. Шувалов	16. Плеве
7. Кн. Долгорукий	17. Вышнеградский
8. Грейг	18. Победоносцев
9. Мансуров 2-й	19. Сольский
10. Философов	20. Манасеин.

31 член.

1. вел. кн. Михаил Николаевич	9. Редкин
2. вел. кн. Николай Николаевич	10. Каханов
3. Бунге	11. Мансуров I
4. Гирс	12. Чертков
5. Фриш	13. Гольтгоер
6. Шестаков	14. Рихтер
7. Перетц	15. Николаев
8. Старицкий	16. Ф. Дервиз

17. Абаза
18. Стояновский
19. Веригин
20. Рейтерн
21. Убри
22. Набоков
23. Танеев
24. Небольсин

25. гр. Игнатъев
26. Ф. Кауфман
27. кн. Дундуков-К.
28. гр. Пален
29. Любощинский
30. Грот
31. Корнилов.

651

Сейчас узнал, что мнение большинства в весьма громких и картинных фразах, — могущих по тому самому произвести некоторое впечатление, — упирает *главнейшим* образом на то, что предоставление министру ю-ции требуемого им права будет прямым подрывом прерогатив верховной самодержавной власти и нарушением основных законов империи...

На всякий случай я распорядился составлением особой возможно краткой записки в опровержение такого фантастического мнения, в котором нас изображают «разрушителями основ», а пока сообщаю Вам об этом для сведения.

Дело казанского архиепископского дома с Нижне-Самарским зем. банком и купцом Садовским о лавках в Казани назначено к слушанию) в 4-м *отделении* гражданск. касс. д-та на 30 января.

Ваш душой

22 января 1887 г.

Н. Манасеин.

652

Душевно уважаемый Константин Петрович, сенатор П. А. Сабуров явится к Вам завтра (во вторник, 19-го) между 11 и 12 ч. дня. Он привезет Вам и письмо свое на имя его величества; я лично буду весьма доволен, если Вы не отклоните от себя посредничества в передаче этого письма, потому что в противном случае представить письмо придется мне, и я опасаюсь — по непривычке — сделать какую-нибудь неловкость, последствием которой была бы полнейшая безрезультатность

попытки П. А. Сабурова, который сейчас был у меня и пла-
кал — на мой взгляд, отнюдь не притворно.

18 мая 87 г.

Ваш душой *Н. Манасеин.*

653

Личного доклада у меня вчера не было, а потому я написал государю императору, что П. Сабуров уже заявил ходатайство об отставке и что мой всеподд. доклад по этому предмету и проект указа пр. сенату будут представлены при следующем очередном докладе (27 мая). На всякий случай сообщаю Вам о сем для сведения.

21 мая 87 г.

Манасеин.

654

Доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, сегодня я представил государю императору записку П. А. Сабурова и доложил о том, что мне передавали сам Сабуров и посетивший меня вчера вечером М. Н. Катков, а именно — что последний получил сведение о возобновлении в 1884 году секретного союзного договора не от Сабурова, но от И. А. Зиновьева. Вместе с тем я ходатайствовал о разрешении представить его величеству ту часть дневника, которую Сабуров давал прочитать Михаилу Никифоровичу, и о приостановлении подписания указа об увольнении Сабурова. Государь изъявил согласие на то и другое, но вместе с тем высказал относительно личности Сабурова такой суровый взгляд, что я питаю мало надежды на отмену повеления об увольнении Сабурова от службы.

Сообщаю Вам об этих обстоятельствах на всякий случай для сведения.

Среда 27-го мая 1887 г.
(ночь на 28-е).

Ваш *Манасеин.*

655

До получения Вашего письма, душевно уважаемый Константин Петрович, я послал уже приглашение ко мне *на завтра* в $1\frac{1}{2}$ двенадцатого (днем) В. А. Половцову и В. Г. Коробину; весьма досадно, что последнего в С.-П.-бурге не оказывается...

Слышал, что А. А. Абаза и К. Н. Посьет будут усиленно поддерживать поступившие просьбы, еще слышал, что Адауров привез из Москвы своего приятеля доктора Оболонского, состоявшего при графе Д. А. Толстом постоянно по поручению Захарьина (Оболонский — ассистент Захарьина), и якобы Оболонский имел успех полный у гр. Дмитрия Андреевича в ходатайстве своем за старшего из Дервизов.

Во всяком случае комитету следовало бы дать мне время на получение сведений от опекунов и документальное опровержение представленного баланса.

Если позволите, я зайду к Вам завтра между 4 и 5 часами переговорить по сему казусу.

Ваш душой

Воскрес. 20 дек. 1887 г.

Н. Манасеин.

656

Вот что мне пишет Толстой:

Мне кажется, что его можно удовлетворить, включив рассуждения о сепаратизме и пр., но не изменяя несколько заключительных соображений.

Что касается «клички», то я думаю настаивать на «Томском» и со своей стороны останусь при отдельном мнении, хотя бы был один.

Ввиду всего этого не знаю, состоится ли прочтение журнала после заседания комитета.

Возврати мне записку Т. и напиши два слова.

657

Я полагаю, что во избежание тягостных самолюбивых раздражений всего лучше умолчать о твоей переписке, а обещаю тебе, что устрою с Абазой так, что обсуждение будет поставле-

но категорически согласно тому, что ты передаешь мне из записки, тобою сегодня полученной.

658

Пятница.

Кречинский говорит: «В каждом доме есть деньги, только надо знать, где они лежат».

Кн. Мецкерский, следуя этому афоризму, подходит ко мне с разных сторон, как увидишь из прилагаемой записки.

659

Многоуважаемый Александр Александрович.

От сострадающего к печальной участи предьявителя сего сердца, а по его просьбе, позволяю себе в упование на Ваше доброе сердце рекомендовать его Вашему вниманию. Он честный, трудолюбивый и несчастный человек. Вот что, несомненно, могу про него сказать и думаю, что какая-нибудь работа могла бы его спасти.

Простите за беспокойство и верьте искренней преданности Вашего слуги.

14 декабря 87 г.
Караванная, 18.

Кн. Владимир Мецкерский.

660

Милостивый государь Константин Петрович.

При последнем свидании Вы изволили говорить, что не успели ознакомиться с пресловутой драмой графа Л. Толстого.

Посылаю ее при сем. Она представляет особый интерес ввиду того обстоятельства, что старания некоторых господ увенчались полным успехом. Вчера г. Всеволожский объявил нашему цензору г. Фридбергу, что государь император приказал поставить пьесу графа Толстого на сцене императорских театров. Глубоко скорблю об этом, ибо никак не могу изменить свое мнение о ней.

Примите уверение в глубоком моем уважении и истинной преданности.

10 февраля 1887 г.

Е. Феоктистов.

661

Милостивый государь Константин Петрович.

Чрезвычайно рад тому, что известие, сообщенное Всеволожским нашему цензору, не вполне подтверждается. А между тем в газетах уже напечатано распределение ролей между актерами. Очевидно, это делается не без косвенного участия театральной дирекции.

Мы запретили пьесу для театра, но мне кажется, что запретить ее печатать не было достаточных оснований. Толстой не преподает в ней своих сумасбродных теорий; он не выставляет порок в обольстительном свете; правда, своею грубостью и цинизмом пьеса производит омерзительное впечатление, но она никого не собьет с толку. Другое дело сцена: было бы в высшей степени оскорбительно, если бы подобные вещи считать пригодными для императорских театров, и жаль, что граф Воронцов-Дашков и Всеволожский не понимают этого; иначе они не подали бы мысль о необходимости устроить какую-то пробу.

Примите уверение в глубоком моем уважении и преданности.

19 февраля 1887 г.

Е. Феоктистов.

662

Милостивый государь Константин Петрович.

Простите великодушно, что прибегаю к Вам во встречающихся затруднениях. Здешний цензурный комитет затруднился одобрить надпись к портрету кронштадтского протоиерея о. Иоанна и пожелал знать мнение преосвященного викария Арсения. Преосвященный ответил, что издатель портрета, очевидно, имеет целью распространить благоговейное уважение и веру в чудодейственную силу молитв о. Иоанна Сергеева не только в пределах с.-петербургской епархии, но по возможности повсеместно и что он не берется решить, уместно это или нет.

Вследствие такого ответа преосвященного Арсения цензурный комитет еще более недоумевает и спрашивает моего решения.

Не соблаговолите ли указать мне, как следует поступить в этом случае. Не поставьте мне в вину, что осмеливаюсь Вас беспокоить.

Примите уверение в глубоком моем уважении и преданности.

20 февраля 1887 г.

Е. Феоктистов.

663

Вторник.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Простите великодушно, если я позволяю себе еще раз утруждать Вас прочтением приложенной записки, которую я заготовил по Вашему доброму совету.

Ежели Вы найдете более удобным, чтоб это мое оправдание пошло через г. министра юстиции завтра на его докладе, то будьте так добры прямо переслать ее ему или возвратить мне сегодня вечером.

Простите мне еще раз мое душевное волнение, которого я не мог скрыть сегодня, если оно произвело на Вас неприятное впечатление. Я переживаю тяжкую минуту. Вы справедливо заметили, что Вы меня мало знаете; я тоже чувствую, что не имею никакого права искать у Вас защиты, более действительной, нежели та, которую Вы всегда оказываете по чувству справедливости; — и на это чувство я уповаю.

Душевно преданный Вам П. Сабуров.

664

Суббота.

Милостивый государь Константин Петрович.

Я переделал свою записку, так как мне припомнились некоторые неопровержимые факты, которые облегчают мою защиту. Записка эта составлена так, чтоб и защититься перед Вами, если Вы хотя на минуту, не зная меня, поверили тому, что Вам было сказано про меня три года тому назад. Вот почему я осмеливаюсь еще раз надоедать Вам докучным чтением.

Я намереваюсь передать эту записку в форме письма на

имя г. министра юстиции, который представит ее тогда на своем докладе в середу.

В случае, если государь спросит, через кого я узнал, что говорилось про меня три года тому назад, смею ли я надеяться, что Ваше высокопревосходительство разрешите назвать Ваше имя.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь, быть

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

П. Сабуров.

Р. С. Еще долгом считаю предупредить, что Катков о существовании моей записки не знает, хотя я уверен, что, если она ему будет показана, в случае произведения следствия, он подтвердит все сказанное о моих отношениях с ним.

665

Среда.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Я не преминул переделать записку по Вашим благим указаниям, исключив из нее все, что не касается настоящего дела, и передал ее в этом виде г. министру юстиции.

Жду сегодня решения со смиренным упованием на Бога и на правосудие государя.

Глубоко Вас уважающий и искренно преданный
П. Сабуров.

666

Четверг.

Милостивый государь Константин Петрович.

Не смея беспокоить Вас слишком частыми посещениями, позволяю себе письменно уведомить, что я вчера вручил записку Н. А. Манасеину, который намеревался повезт ее сегодня в Гатчино.

Сегодня он меня уведомил, что его доклад отложен до будущей недели, прибавляя, что в таком случае, может быть, было бы удобнее представить записку раньше, пользуясь Вашим благосклонным предложением.

Я воспользовался этим, чтоб переписать записку почище, с незначительными прибавками, и спешу Вам ее доставить в случае, ежели найдете удобным завтра ее представить.

С глубоким почтением и преданностью имею честь быть
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

П. Сабуров.

667

Г. министр юстиции объявил мне, что я обвиняюсь в сообщении г. Каткову государственных тайн, которые мне были известны во время моей миссии в Берлине.

Сличая это обвинение с известной статьей «Московских Ведомостей», я должен был прийти к заключению, что речь идет о двух пунктах: 1) о существовании секретного договора между Россией, Австрией и Германией и 2) о возобновлении этого договора в 1884 году.

Если это предположение верно, то весь вопрос состоит в том, через кого г. Катков узнал впервые об этих двух пунктах, упоминаемых в его статье.

С г. Катковым я познакомился в 1879 году в Ливадии, за завтраком у покойного государя. С тех пор я с ним встречался и в Москве, и в Петербурге, и мы с ним обменивались мыслями, как это мне часто случалось и с другими политическими личностями во время моей дипломатической карьеры, без всякой надобности упоминать о секретных договорах, потому что общие черты европейской политики известны всякому, кто только несколько следит за нею.

По оставлении мною берлинского поста я в разговорах своих сделался осторожнее, чувствуя опасность быть посвященным в дипломатические секреты и зная, как легко человек, вышедший при таких условиях из министерства, может быть заподозрен в случае какого-нибудь нежелательного разглашения. Я даже в последнем моем объяснении с Н. К. Гирсом, после моего возвращения из Берлина, остановил его, когда он начал мне рассказывать про то, что произошло и что произойдет после моего увольнения; но он настоял на том, чтоб я это знал, сказав, что он предупредил его величество, что посвятит

меня в окончательное решение, принятое по известному его величеству политическому вопросу; и я таким образом нехотя узнал, что секретное соглашение будет положительно возобновлено с принятием некоторых предосторожностей. Все эти обстоятельства налагали на меня обязанность быть еще осторожнее, так что с лицами, с которыми я давно поставлен в близкие сношения по прежней службе на Востоке, как, например, с генералом Игнатьевым, я избегал всяких разговоров по предмету моей миссии в Берлине и до самого последнего времени замечал, что он (Игнатьев), кроме газетных толков, ничего существенного не знает.

Но в моих разговорах с Катковым я убедился в противном. Со времени отъезда из Берлина я его видел раз в Москве, зимою 1885—1886 года, и прошлой зимой в Петербурге, отдавая ему визит, который он мне сделал. Я с ним опять виделся на 6-й неделе великого поста, когда до меня дошли слухи касательно обвинения, и вчера, после сообщения г. министра юстиции.

На этом втором свидании, разговорившись о Бисмарке, я его просил сказать мне откровенно, что он именно не знает из официальных источников, потому что мне иначе невозможно говорить с ним о моей берлинской деятельности, не подвергая себя ответственности за нарушение секретов. Он ответил, что я могу быть спокоен; что он знает о заключении в 1881 году секретного договора, и знает давно, из первых рук; рассказал в общих чертах содержание его, которое, между прочим, было отчасти разглажено в 1882 году в «Кельнской Газете» венским корреспондентом. Засим г. Катков сказал мне, что возобновление трактата сначала ему скрывали в министерстве; но что потом, заметив в различных иностранных газетах, толковавших о Скерневицком свидании, некоторые признаки и слухи о существовании нового секретного соглашения, он попытался до истины в разговорах с директором азиатского департамента, который при этом заметил ему: «Впрочем, это все равно, это — клочок бумаги, который мы всегда можем разорвать, когда пожелаем».

После этих объяснений мне и в голову войти не могло, чтоб я провинился, разговоривая с Катковым про мою берлинскую деятельность, которую, между прочим, он, сколько я

мог заметить, несколько осуждал, потому что по своим убеждениям стоял всегда за полную свободу воли России и против всяких договорных обязательств с другими державами. Мне, впрочем, кажется, удалось убедить его, дав ему прочесть первую часть недоконченных записок, что в 1880 году соглашение с Германией было для нас необходимою ввиду враждебного настроения всей Европы и для того, чтоб дать нам время окрепнуть после жертв, понесенных в кампании 1877 года.

Вот суть моих разговоров с г. Катковым. Единственная вещь, в которой моя совесть меня упрекает, это то, что я, по неосторожности, не перечитал моей тетради, прежде чем сообщить ее г. Каткову. Я сегодня только перечитал ее, чтоб постараться угадать, какой именно неизвестный г. Каткову факт, считающийся государственным секретом, я мог невзначай передать ему. К моему прискорбию, я нашел, что в ней, на страницах 194 и 195, упоминается о секретной военной конвенции, заключенной в бытность императора Вильгельма в Петербурге и которую покойный государь держал в строжайшей тайне. Как-я в этой неосторожности, молю его величество решить в своем правосудии, было ли в том что-нибудь преступное, тем более, что эта конвенция более не существует, и простить мою неосторожность в память того, что на мою долю выпала честь уничтожить, по приказанию его величества, эту невыгодную для России конвенцию. Если его величество прикажет, я передам эту тетрадь на рассмотрение, кому его величеству угодно.

С.-Петербург, 19 мая 1887 г.

Петр Сабуров.

668

5 ноября 1887 г.

Мое объяснение с Н.К. Гирсом.

По уверению Николая Карловича, он в первый раз слышит о том, будто я его желал поссорить с князем Бисмарком и расстроить их свидание. Ничего подобного он не может припомнить.

На вопрос его, от кого я это слышал, я ответил, что не могу назвать никого, без предварительного разрешения, и вообще не обратил бы внимания на слух подобного рода, если б он не доходил до сведения такого лица, мнением которого я дорожу.

Тогда Н. К. спросил, могу ли я по крайней мере предполагать, что государю об этом было доложено. Я ответил, что решительно не знаю, дошел ли этот слух до сведения его величества. Я прибавил, что мне совершенно достаточно данное Николаем Карловичем уверение, что он ничего подобного припомнить не может и что, следовательно, он такого подозрения против меня никогда не имел. Но для полнейшего моего успокоения я просил его перечитать мою тогдашнюю переписку.

Он обещал это сделать и тут же спросил, не будет ли мне приятно, если он об этом предмете поговорит с его величеством. Государь имеет превосходную память и, может быть, припомнит какое-нибудь обстоятельство, которое могло бы объяснить, откуда произошла возможность такого подозрения.

Я, конечно, согласился на это предложение.

Касательно случившегося в прошлое лето Николай Карлович уверяет, что не он меня обвинял; первая его мысль остановилась на бароне Жомини, которому случается быть неосторожным в разговорах; и он только через самого государя узнал, что подозрение пало на меня и что будто покойный Катков на меня указал. Но тут же Николай Карлович упомянул о разговоре Каткова с Зиновьевым в выражениях совершенно тождественных с теми, которые я слышал от самого Каткова.

Со своей стороны я повторил Николаю Карловичу суть моих сношений с Катковым. Сей последний, конечно, мог только рассказать его величеству про те отрывки, которые я дал ему прочесть из моих записок.

П. Сабуров.

669

С. Петербург, 3 ноября 1887 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Долгом считаю сообщить Вам копию письма, которое я отправил вчера на имя Н. К. Гирса.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорнейший слуга

П. Сабуров.

670

5-го марта 1887 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Соображения Ваши по поводу депеши Нелидова заслуживают, по мнению моему, полного внимания, а потому я не премину сообщить их нашему послу.

Посмотрим, что он мне на это ответит.

Искренно преданный

Н. Гирс.

671

Управляющий делами
комитета министров.

3 января 1887 года.

№ 10.

Милостивый государь Константин Петрович.

Долгом поставляю уведомить Ваше высокопревосходительство, что на особом журнале комитета министров 30 минувшего декабря, состоявшегося по поводу прочтения в комитете всемилостивейшего рескрипта, данного на имя статс-секретаря Рейтерна, — его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать высочайшую резолюцию: *«И я с сердечной грустью расстаюсь с почтенным М. Х. Рейтерном и еще раз от всей души благодарю его за его деятельность как председателя комитета министров»*.

Пользуюсь случаем выразить Вам, милостивый государь, чувства отличного моего уважения и совершенной преданности.

А. Куломзин.

672

Милостивый государь Константин Петрович.

Спешу Вам возвратить полученное от Вашего высокопревосходительства письмо г. Осипова о компании фон Дервиза. Он подал прошение государю императору о разрешении хлопотать об концессии на персидские дороги. Прошение это по приказанию его величества было передано на рассмотрение министру иностранных дел, который сообщил его мне; я при-

звал к себе фон Дервиза и должен сказать, что двукратное мое объяснение с ним и с его сотрудниками не произвело на меня очень благоприятного впечатления. Во время моей бытности на нижегородской ярмарке я заговаривал со многими нашими коммерсантами о постройке в Персии железных дорог, в интересах нашей торговли и нашего политического влияния: понятно, что я никаких определенных ответов не получил, да и не мог их ожидать. Вероятно, тотчас по возвращении И. А. Зиновьева у министра иностранных дел будет назначено по этому предмету совещание. Как было бы хорошо, если бы к тому времени сильная компания русских людей могла заявить о своем существовании; конечно, ей нужно бы было оказать всякое нравственное содействие, и, конечно, я не позволю себе быть в числе последних в этом деле. Но для этого было бы желательно, если бы г. Осипов поторопился со своими по сему предмету хлопотами.

Покорно прошу, Ваше высокопревосходительство, принять уверение в совершенном уважении и глубокой преданности.

7 октября 1887 г.

И. Вышнеградский.

673

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

На днях я узнал, что в Берлине образовалась компания из нескольких евреев, которые желают получить концессию на проведение в Персии железной дороги от Решта до Тегерана. Зная, что вопрос этот затрагивает самые насущные государственные и торговые интересы наши и считая наше правительство всемогущим в Тегеране, эти евреи признали нужным, прежде чем начать хлопоты о получении концессии в Персии, заручиться сначала сочувствием, а может быть, даже и содействием Петербурга. Для этого при посредстве одного польского еврея они обратились в сына известного когда-то у нас железнодорожного строителя фон Дервиза с просьбой принять на себя личину организатора русской компании; эта компания должна исходатайствовать у нашего правительства поддержку для получения в Персии концессии с гарантией облигационного капитала этого, будто бы русского, железно-

дорожного общества персидским правительством. Эти гарантированные Персией облигации берлинские евреи предполагают реализовать за границей.

Считаю лишним утруждать Ваше внимание доказательствами того неисправимого для нас вреда, который должен последовать в случае удачи еврейской попытки; задолженность персидского правительства у заграничных капиталистов может привести к повторению в Персии египетской истории. А кому же это может быть желательно?

Затем польза, которая воспоследует для нашей торговли от проведения железных дорог в Персии, — вполне обуславливается той или иной организацией самой железнодорожной компании. Дело это очень щекотливое; если на первом плане будут стоять не торговые интересы, а интересы акционеров железной дороги; если тарифы от Каспийского моря будут высоки, а к нему будут низки, то устройство железных дорог в Персии вместо пользы может принести нам вред, наводнив и Персию, и Среднюю Азию иностранными товарами. Насколько же хорошо будут представляемы наши торговые интересы компаний переодетых в русское платье евреев, об этом распространяться едва ли есть надобность.

Между тем на только что минувшей нижегородской ярмарке некоторые из наших крупных торговцев и фабрикантов, имеющих дела с Персией и востоком, выражали желание о необходимости сделать какой-нибудь серьезный шаг для развития торговли с востоком вообще. Было даже предположение об образовании русской купеческой компании для проведения в Персии железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива или до океана для потребностей торговли не с одной только Персией, но со всеми восточными странами.

Имея в виду это предположение, я позволяю себе обратиться к Вам как к русскому глубокому патриоту с просьбой принять в этом деле интересы нашей торговли под Вашу защиту. Узнав о намерениях г. Дервиза и его берлинских сокомпаионов, я решился не откладывать дальше этого дела и, если мне удастся убедиться, что образование русской компании для постройки дороги через Персию встретит сочувствие и поддержку в наших правительственных сферах, немедленно приступить к организации компании в Москве из

лиц, прямо заинтересованных в восточной торговле; но так как весьма возможно, что ведущиеся в Петербурге от имени г. Дервиза хлопоты могут привести к какому-либо правительственному распоряжению об оказании ему в этом деле поддержки, то я признал необходимым почтительнейше просить Ваше высокопревосходительство не отказать предупредить всех, кого Вы признаете нужным, как об истинном значении предприятия, представляемого г. Дервизом, так и возможности образовать компанию из русских купцов для осуществления предположений, возникших на Нижегородской ярмарке.

С совершенным почтением и искренней преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорный слуга

5 октября 1887 года.
Москва. № 713.

Павел Васильев Оситов.

674

Милостивый государь Иван Давидович.

Только что получил от Циона из Парижа следующую шифрованную депешу: *Veillez informer Monsieur Delanoff que j'ai obtenu aveu complet écrit, envoyé document à Monsieur Pobedonoszeff par la voie sûre.*

Что и имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству.

Совершенно преданный и глубоко уважающий

И. Вышнеградский.

675

Многоуважаемый Константин Петрович.

Я видел и говорил с Долгоруким. Он совершенно сочувствует Персидской дороге, постигает все величие этой идеи и совершенно убежден, что провести ее не будет никакого затруднения со стороны Персии, но, как и мы все, задумывается о том, как это дело провести и обставить в России. Я ему

советую не заговаривать об этом деле с государем, а ждать инициативы разговора от его величества.

Искренно преданный

13 января 1887 г.

Воронцов.

676

Частное и весьма доверительное.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Уезжая из Петербурга вполне разочарованным, я старался захватить Вас по Вашем возвращении, дабы еще раз с Вами проститься и передать Вам словесно курьезные подробности печальной участи известной Вам моей записки. Не имея возможности повидаться с Вами, приемлю смелость передать Вам эту печальную эпопею письменно, на что меня поощряет как то благосклонное внимание, в котором Вы мне не отказывали, так и то теплое участие, с которым Вы отнеслись к этому, не моему личному, но нашему общему русскому делу. Впрочем, предмет моей записки — наша восточная политика — стоит так близко к тем нашим церковно-правительственным интересам, которых Вы прямой и непосредственный защитник, что кому же мне и писать об этом, как не Вам.

Под первым впечатлением по прочтении моей записки, в разговоре со мною, Николай Карлович отнесся к выраженным мною мыслям с крайнею враждебностью. *Vous nous demandez le renversement de tout ce que nous faisons*, сказал он мне. Затем прибавил, что он представит мою записку государю, но что он может это сделать не иначе, как рядом со своими собственными на нее возражениями. Это вполне основательно, и возражать против этого было бы нечего. Но каково же было мое удивление, когда через неделю тот же Николай Карлович объявил мне, что моя записка прекрасна, что, конечно, он не может безусловно согласиться со всеми моими доводами, но что в записке много дельного и что ею необходимо воспользоваться и что он горячо рекомендовал ее государю для прочтения *впоследствии*, когда будут написаны для меня, на основании этой записки, инструкции, имеющие быть представленными на утверждение государя. Он прибавил, что после этого государь меня примет. В то же

время Зиновьев попросил у меня второй экземпляр записки для составления инструкций, говоря, что первый экземпляр представляется государю. Чего бы, кажется, лучше? Но все заставляет меня думать, что тогда-то именно и был решен тонкий дипломатический план о моем мягко подостланном *сплавлении и об эскамотировании* моей записки. — Если бы наша дипломатия применяла в сношениях с иностранцами немного той хитрости, на которую так мудра она в отношении к собственным своим агентам, как бы хорошо шли наши дела! Затем подоспел отъезд государя в шхеры (так уже пригнали к этому времени), и Николай Карлович объявил мне, что приемы кончены, что государь разрешает мне ехать и что с удовольствием увидит меня при моем будущем приезде. По всей вероятности, после моего отъезда государю будут представлены лишь пресловутые инструкции, написанные *якобы* на основании записки, а самая записка останется ему неизвестною, если только государь сам ее не потребует.

Итак, — пока Ваше предсказание вполне сбылось; записка моя представлена не была, и я уезжаю в настоящую, весьма серьезную минуту на мой трудный и ответственный пост без всяких указаний, восстановив против себя все и всех за то, что я не относился к вверенному мне делу с достаточно *благонамеренным равнодушием*.

И теперь, вероятно, мне будут ставить палки в колеса на каждом шагу и, желая мне быть неприятными, будут вредить не мне, а самому делу и подкапывать мое положение в Румынии. Едва ли теперь удастся мне провести дело русской церкви в Бухаресте, дело сближения Ясского православного общества с нашим Палестинским и проч. Ведь все это были бы мои успехи, как же это можно допустить.

Самый способ эскамотирования моей записки и возбужденная ею в министерстве сенсация, без хвастовства, заставляют меня придавать ей некоторое значение. Теперь именно та минута, когда всякий шаг, всякое действие могут иметь громадное значение в будущем. Я вполне уверен, что теперь будут всячески стараться фактически доказать государю, что нам нельзя жить без немцев. Вот тут-то моя записка и оказывалась неудобною. Не берусь судить этих людей и те побуждения, которые ими руководят. Но едва ли вправе они не допускать

до государя, и то путями не прямыми, мнений, которые им кажутся почему-либо неудобными.

Я избрал путь вполне прямой и легальный и не сходил и не сойду с него ни на минуту. Министерство само потребовало от меня записку для представления государю. Хороша или дурна моя записка, я ее составил по крайнему моему убеждению с полною искренностью. Если я ее читал, то лишь только таким лицам, как, например, Вы, Обручев и другие, с которыми я не считал возможным не посоветоваться. Взявшись за столь серьезное дело, я относился к самому себе с недоверием. Мне было недостаточно одного моего мнения; мне нужно было мнение тех других, кому я сам верю. Для сохранения же тайны я даже переписал набело записку собственноручно. Если о ней заговорили, то лишь потому, что у нас в министерстве нет тайны и что болтовня там непростительная. И вот в конце концов результаты этого легального отношения к делу: потерянное время, потерянный труд, потерянное здоровье. И приходится теперь уезжать, повторяю, без всяких указаний. Обещают прислать инструкции впоследствии. Но как же возвращаться в Румынию в этой неизвестности именно теперь? На первых же порах придется мне и говорить, и действовать. Как были бы важны для меня по некоторым вопросам личные указания государя, после того как он прочел бы мою записку! Но что же делать? Поневоле вспомнишь старую русскую пословицу: «до Бога высоко, до царя далеко».

Извините, многоуважаемый Константин Петрович, что осмелился я так долго утруждать Ваше благосклонное внимание и злоупотреблять Вашим терпением и забывать, что в многоглаголании несть спасения. Но Вы так сочувственно интересовались моей деятельностью, что я не мог не поделиться с Вами моими грустными впечатлениями.

Поручая себя, многоуважаемый Константин Петрович, Вашему любезному доброжелательству, прошу Вас верить чувствам глубокого почтения и сердечной преданности, с коими остаюсь

Вашим покорнейшим слугой

26 июня 1887 г.
Москва.

М. Хитрово.

Я провел вчерашний день у Михаила Никифоровича и могу сообщить Вам о нем сведения утешительные. Я его нашел гораздо лучше, чем думал по распространенным слухам. Я долго с ним беседовал. Теперь его лечит Захарьин. В. К. Саблер идет к нему сегодня и сообщит Вам о здоровье его последние свежайшие сведения.

27 июня утром.

677

Милостивый государь Константин Петрович.

В прилагаемой краткой записке я затрагиваю вопрос чрезвычайной важности, относительно которого едва ли могут быть два мнения в том смысле, что верноподданный, узнав об опасности, грозящей царю и России, обязан принять все зависящие от него меры для того, чтобы эта опасность дошла до сведения того, кто один отвечает за судьбы России.

Попытки мои исправить зло через министерство путей сообщения и военное потерпели, по-видимому, неудачу; я имею по крайней мере основание полагать, что замена дерева железом признается дорогой, а государю об этом докладывать не хотят. При этих условиях я вспомнил о последнем свидании моем с Вашим высокопревосходительством, когда Вам угодно было сообщить Ваш взгляд на предостережение Каткову, которое и не состоялось, потому что есть лицо, способное всегда сказать царю правду. Ввиду этого решаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою облегчить меня, доведя прилагаемую записку до сведения государя императора. В пояснение записки скажу, что у пограничных частей войск есть, в запечатанных конвертах, инструкции, которые имеют быть вскрыты по получении телеграммы (быть может, за несколько часов до объявления войны). В этих инструкциях есть прямые указания иностранных дорожных сооружений, которые имеют быть разрушены отдельными частями наших войск. Очевидно, что будущие враги умнее и, имея в пределах России тысячи чинов ландвера, сумеют передать им инструкции относительно разрушения русских дорожных сооружений, не вызывая их для этого в Австрию или Германию. Какую же меру непонимания нужно допустить, чтобы люди не понимали, что относительно

нас распорядятся не хуже, чем мы сами распорядились, и что затрата 100 и 150 000 рублей, чтобы спасти сооружения, нужные во время войны и стоящие свыше 25 миллионов, — необходима.

Позвольте в заключение еще раз выразить надежду, что, передав это дело Вашему высокопревосходительству, я исполнил долг верноподданного.

Примите уверение в совершенном почтении
Вашего покорного слуги

21 августа 1887 г.

Д. Воейкова.

678

Вот будет буря и гнев на меня
от великой княгини.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Сейчас получил от государя мой всеподданнейший доклад, по ходатайству великой княгини Екатерины Михайловны, о назначении на место Гартмана В. К. Саблера со следующей резолюцией: «Временно на назначение Саблера я согласен, но нахожу это весьма неудобным. — Желательно, чтобы великая княгиня выбрала другого и не позже как через год, а если можно, то в раньше».

Поспешив сообщить Вам об этом, прошу верить неизменной душевной моей преданности.

17 января 1887 г.

Ив. Дурново.

679

Частное.

8-го февраля 1887 г.

Милостивый государь Константин Петрович.

К искреннейшему моему прискорбию, я узнал, что Ваше высокопревосходительство остались недовольны заявлением, сделанным Н. К. Гирсом от *моего* имени в заседании государственного совета 26-го января. Вы наверно удивились тому, что мое письмо читается в государственном совете и на основании только моего заявления откладывается утверждение рассматриваемого законопроекта. В настоящее время, как мне

известно, весь вопрос может считаться разрешенным, и сам Николай Карлович опроверг мое мнение. Но, дорожа добрым Вашим ко мне расположением и желая от всей души, чтобы Вы видели в моем поведении только то, чем оно *действительно* представляется, т. е. исполнение по совести своего дела, я позволяю себе изложить Вам в немногих словах всю правду этого странного случая.

Совершенно случайно узнал я от одного из гофмейстеров высочайшего двора подробности относительно законопроекта, представленного министром юстиции в государственный совет, и прений, им вызванных. Никогда не было у меня ни малейшего сомнения в том, что самодержавная власть государя императора может установить такие внутренние и судебные порядки, какие она признает полезными для блага своих подданных. Но, с другой стороны, мне сама собой пришла мысль, не может ли закрытие наших судов повлиять на оказание иностранными правительствами *судебной* помощи нашим судебным установлениям в преследовании преступников, выдача которых требуется Россией.

Вашему высокопревосходительству небезызвестно, насколько я, пером и словом, постоянно боролся против господствующего, отчасти и теперь, предрассудка относительно «обязанности» государства не выдавать *политических* преступников. Несмотря на угрозы и анонимные письма с сообщением мне даже произнесенного надо мною смертного приговора нигилистами, я считал долгом настаивать на выдаче этих лиц. Во времена Веры Засулич меня объявляли «ретроградом» и приписывали мне весьма оскорбительные побуждения. Между тем, мне удалось провести, на различных международных конгрессах, новый взгляд, получивший выражение в известном соглашении с Пруссией от 1-го января 1885 г. Если же мне лично г. Белти, бывший в 1873 г. президентом Швейцарского союза, объявил, что в 1873 году он не мог выдать России Нечаева, вопреки сильнейшей оппозиции швейцарских газет и партий, ссылаясь на гласный суд и возможность следить за производством этого дела в русском суде; если вся дипломатическая переписка по выдаче политических преступников указывает на *безусловную* необходимость для правительства выдающего следить за производящимся судом с целью оправдания выдачи

перед общественным мнением своей страны; если во *всех* заключенных Россией картельных конвенциях выдающее правительство имеет *законное* право наблюдать за тем, чтоб выданный преступник судился *только* за преступное деяние, указанное в акте о выдаче, то, Ваше высокопревосходительство, согласитесь, что я имел право поставить себе вопрос: не лишит ли *административное* закрытие дверей наших судов Россию возможности рассчитывать в будущем на судебную помощь со стороны иностранных держав? Не могут ли последние отказывать в присылке по нашему требованию *свидетелей* на том основании, что при закрытых дверях их будут допрашивать?

Эти вопросы только указывают на некоторую связь обсуждаемого законопроекта с существующими международно-судебными отношениями, но они нисколько не превращают *внутреннее* дело России в международный вопрос. Впрочем, если я ошибся и будущность покажет, что германский рейхстаг утвердит вышеупомянутое соглашение с Пруссией; если иностранные державы не будут делать никаких затруднений в выдаче политических и простых преступников, то я с радостью признаюсь в своей ошибке. Но могу Вас уверить, что я действовал, как до сих пор *всегда*, в сознании своего долга, и это сознание исполненного долга было до сих пор лучшею наградою за мои посильные труды на пользу государю и отечеству, и оно останется также лучшим моим утешением в случае невзгод в будущем. По совершенно личной инициативе я обратил внимание моего начальника на эти обстоятельства и только сожалею, что вышла неловкая история, вызвавшая на меня, незаслуженным образом, неудовольствие даже государя императора. С чувством глубочайшего почтения имею честь быть вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугой

Пантелеймонская, 12.

Ф. Мартенс.

680

Многоуважаемый Константин Петрович.

Приношу Вам глубочайшую благодарность за сообщение сведений относительно возможных со стороны кн. Долгорукова ухищрений против неудобного ему Алексева. Сегодня Дол-

горуков был у меня, много говорил по водопроводному делу, ни единым, однако, словом не обмолвился о замышляемом их походе на Алексеева. Между прочим, князь рассказывал мне и свое объяснение с государем императором по поводу предполагаемого устранения городского управления от водопроводных работ. Из этих объяснений, а также и из отметки государя на докладе гр. Толстого я заключаю, что затея кн. Долгорукова особенного сочувствия его величеству не внушает. Помянутая отметка, состоящая из слов: «совершенно справедливо», сделана на полях доклада против следующего места: «кажется, что проектируемая кн. Долгоруковым мера едва ли могла бы быть допущена с заявляемою им поспешностью и что во всяком случае она требует выяснения не только многих важных подробностей хода сего дела в будущем, но и тех еще более важных последствий, которые неизбежно возникнут для правительства при возможной неудаче предприятия или при других непредвиденных осложнениях, обусловленных отступлением от установленного законом порядка в движении хозяйственных дел городского управления».

Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение в совершеннейшем уважении и почтительной преданности.

Ваш покорнейший слуга

Сего 20 июля.

Плехе.

681

1 августа 1887.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Софья Петровна Каткова обратилась, как мне известно, с просьбою оставить за нею право издания «Московских Ведомостей». Я думаю, что просьба эта не будет уважена, во-первых, потому, что предоставление ей права издавать газету возбудило бы глумление в лагере политических врагов покойного Михаила Никифоровича, и, во-вторых, потому, что едва ли благовидно для правительства вознаграждать вдову за заслуги мужа такими обходными кривыми путями. Мне кажется, что оставление за семьей Каткова издания «Моск. Вед.» нежелательно и в интересах самого дела, так как при этом газета потеряет всякое значение да не будет иметь и подписчиков.

Но Софья Петровна Каткова имеет полное право на вознаграждение за великие услуги ее покойного мужа прямым путем назначения ей государем пожизненной пенсии в таком размере, чтобы она не была вынуждена немедленно продать дорогое ей по воспоминаниям Знаменское и жить кое-как в маленькой квартирке. Мне кажется, что прямая обязанность правительства дать ей возможность безбедного существования. Семейству Карамзина была назначена пенсия в 50 тысяч. Это может служить прецедентом. Заслуги Каткова, конечно, могут быть сравнимы с заслугами Карамзина, да они уже и признаны государем в его телеграмме. Высочайшее повеление о пенсии было бы встречено общим восторгом во всей России.

Состояние, оставшееся после Каткова, не превышает 500 тыс. При 14 человек семьи (вдова, 11 детей и 2 племянника — сироты), это едва хлеб насущный.

Простите, что я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом, но я считал своим долгом это сделать как из уважения к памяти покойного Михаила Никифоровича, так и потому, что нахожу важным правильное разрешение возбужденного вопроса.

Глубоко преданный Ал. Пазухин.

682

По поводу телеграммы, Вами сегодня прочитанной, могу дать Вам следующие сведения.

Буаталь не министр, а состоит на службе у шаха. В 1881 г. он получил концессию на постройку дороги от Решта до Тегерана, но не достал денег и потерял на концессию право.

В то время, когда посланный от Палашковского ездил в Тегеран узнать у нашего посланника и у персидского правительства, могут ли быть приняты известные Вам условия железнодорожной концессии и аренды таможен, Буаталь хлопотал о получении концессии от Решта до Тегерана, а какая-то английская компания добивалась концессии на дорогу от Тегерана к Персидскому заливу.

Персидский министр иностранных дел, рассчитывая получить и от русских, и от англичан взятку, поощрял надеждою и английскую компанию, обещая в то же время концессию Па-

лашковскому или Русской компании. Бывший тогда в Тегеране посланник наш Мельников энергически воспротивился такому настроению персидского министра.

Теперь Буаталь, видя, что со стороны русского правительства ничего не предпринимается относительно персидских дорог, получив концессию на конно-железную дорогу от Тегерана до Загородной Мечети (десять верст), куда часто ездит шах, приехал в Москву искать русских антрепренеров и посредством маленькой упомянутой дороги возобновить ходатайство о концессии от Решта до Тегерана. При такой постановке дела, если бы даже оно и осуществилось, все акции перейдут в руки иностранцев. Вот почему и следует организовать осуществление дела по плану, уже Вами одобренному. А что получение концессии на известных Вам условиях возможно, благоволите удостовериться из прилагаемого изложения этих условий с подлинной на них надписью персидского министра иностранных дел.

8 января.

Новосельский.

683

Константин Петрович!

Сердце Ваше отзывчиво на все страдания, когда Вы их видите. Моих же страданий Вы не можете видеть потому, что у меня улыбка на лице, а в сердце муки человека, ожидающего, вместо развязки своего угольного дела, разорения и перспективы бедствий для многочисленной семьи своей.

Бог видит, что я едва удержал рыдания, подымавшиеся из глубины души, потрясенной сознанием, что правда недоступна для нашего государя, даже и тогда, когда Вы ее знаете и подаете за нее свой голос. И недоступна она потому, что интрига нагла и дерзка.

Островский пробовал, а Вышнеградский, не стесняясь, сказал государю все, что хотел сказать, чтобы расположить его принять мнение большинства.

Я приходил сегодня в 9 ¹/₂ вечера спросить Вас — полезно ли самому Граббе просить лично объяснить государю всю несправедливость взводимых обвинений на компанию. Ведь действительно нарекания Вышнеградского, внушенные Островским,

положительная неправда. Вот что значит иметь в сонме министров министра, по опыту знающего все проделки железнодорожников, но нечестного. Он говорит с уверенностью, что его никто опровергать не станет, и пользуется этим правом, не стесняясь совестью.

Простите страждущему

Среда.

Новосельскому.

684

Слезы страждущих находят доступ к Вашему сердцу. Слезами сердца моего, прошу Вас при разговоре с Воронцовым не исчерпать возможности убедить его, что он поступит неправильно, если не отдаст 800 000 с % Палашковскому, когда государь приказал возвратить их из кассы двора.

Вышнеградский дал ему совет отдать эти деньги как бы в казну через общество. Этот фарс, возмутительный по отношению к тем, кои от него пострадают, оставляет неприличную историю развертываться во всю ее гадливую полноту. Конечно, Вышнеградскому на руку распространение сведений о том, что пользовались своим влиянием на дела даже *высокие особы*. Вот в чем проявляют себя ум и финансовые способности того, кто призван поправить финансы наши, а следовательно, и успокоить общество, встревоженное постепенным разорением.

Фарс Вышнеградского очень легко может быть разъяснен, и Воронцов, все же сохранивший память о нравственности, поймет гнусность совета и его последствия.

Мольба моя к Вам открыть Воронцову глаза, хотя бы и не сразу, но по крайней мере остановить исполнение задуманного злодейства, не оправдываемого положительно ничем.

Прочтите прилагаемое письмо кн. Щербатова, Палашковского, из него Вы увидите, что при шаткости убеждений Воронцова, т. е. при отсутствии принципов нравственности, он только поддался совету циника Вышнеградского.

Неизменный Ваш почитатель

Новосельский.

Почитаемый Константин Петрович.

Обсуждая безвыходное положение людей, связанных со мною по силе истории и географии Закавказья желез. дороги и II кабульских копий, я пришел к убеждению, что Вы один можете помочь нам, если по поводу разговора с Вами Рихтера напишете ему.

Мне кажется, что Вам естественно написать, что, обдумав вопросы, кои он Вам сделал по поводу моего прошения государю, Вы признаете, что такое дело с юридической точки обсуждать неудобно, так как сделка была противозаконна. Государю же прилично покончить дело и прекратить все толки о нем (а тем более ради памяти покойного не допустить их за границу), приказав заплатить Палашковскому или его правопреемникам за его акции то, что он сам за них заплатил. Это следует сделать, так как высоч. решено выкупить дорогу в казну. Это будет и просто, и справедливо, и не убыточно для казны, которая приобретает доходную дорогу, а следовательно, и возвышающиеся в цене акции.

Если бы Богу угодно было внушить Вам мысль написать к Рихтеру сегодня, то наверное Рихтер прочел бы письмо Ваше завтра же государю и может быть дело получило бы правильное направление вместо того, что придумает Воронцов для новой пакости.

Я позволил себе высказать свои мысли, а в остальном да будет воля божия.

Я хочу сказать этим, что если Вы не напишете, то я сочту, что на это была воля божия.

29 апреля.

Новосельский.

Почитаемый Константин Петрович.

Глубоко благодарю за участие. Я не болен, потому что вера в любовь к нам Бога нашего породила и поддерживает во мне энергию, преодолевающую усталость физических сил моих. Переехал же я из квартиры для того, чтобы сократить расходы до минимума, а также и для того, чтобы — увы! — сдать

свою картинную галерею на хранение и на продажу, если найдутся покупатели по назначенной мною цене для каждой картины. Вот до чего довело меня дело Палашковского и Бунге, в течение полутора года длившихся иллюзий на надлежащее окончание интриг известной Вам группы.

Договор на постройку моей ветки к углу от станции казенной железной дороги я уже заключил, и все усилия мои теперь напрягаются, чтобы иметь наличные деньги в назначенные условием сроки.

Вот почему я и просил Рихтера, с разрешения государя, поговорить с Вышнеградским о воспособлении мне выдачею, в форме аванса, по иску моему с турецкого правительства.

Не откажите мне в милости — пробегите записку об этом деле, дляншемся уже 26-й год. Я прошу Вас, как милости — прочтите записку эту, и Вы увидите, как защищает достоинство России наша дипломатия и как ненадежен счастливый, виноват, справедливый исход дела, когда он нераздельно связан с фактом оскорбления русского флага и насильным нарушением трактата. До сего времени Рихтер мне не дает ответа, и я еду в Петергоф, чтобы получить его.

Еще раз благодарю за память и участие.

Неизменно преданный

6 июня.

Н. Новосельский.

687

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

До сведения моего дошло, что меня, Павла Никитина Николаева, предполагается назначить на место Вышнеградского министром финансов. Считаю своим священным долгом заявить, что я сильно для сего скомпрометирован. В бытность мою чиновником горного департамента я устроил невыгодную для казны продажу золотых промыслов, благодаря чему меня теперь вытягивают в люди приятели, коих я эту продажею на счет казны облагодетельствовал. В бытность мою правленским председателем общества Путиловских заводов и в то же время тов. директ. государственного банка я вопреки присяги и долгу чести в убыток банку и в свою личную выгоду, устроил заготовку чугуна, на чем и нажил свыше 300 т. руб. Затем за

мною еще есть несколько других делишек, которые мешают мне принять сей важный и высокий пост и которые позорят честное имя. Но, кроме всего этого, я ведь совершенно ординарная личность и способен только уронить и пост, и финансы. С истинным почтением к Вашему высокопревосходительству пребываю.

Павел Николаев.

688

С.-Петербург, 17 июля 1887 года.

Милостивый государь Константин Петрович.

В Петербурге мне сказали, что князь В.А. Долгоруков требует моего увольнения от должности московского городского головы и что будто бы, г. товарищу министра В.К. Плеве не прочь удовлетворить это ходатайство.

Неужели все это правда? Неужели мне даже не скажут, за что увольняют, не дадут возможности опровергнуть клеветы, если таковые существуют?

Ради Бога, умоляю Вас, помогите мне в этом трудном для меня деле. Замолвите за меня словечко. Прошу лишь одного: дать мне возможность сказать всю правду по обвинениям, которые на меня, вероятно, будут возводить, хотя положительно не могу себе представить, в чем можно меня обвинять, что я сделал противозаконного или бестактного. Неужели князь Долгоруков все еще мстит мне за городские ряды? Он приехал сегодня в Петербург и, вероятно, лично будет еще говорить государю.

С радостью покину я невозможную в Москве должность городского головы, но трудно пережить даже предположение, что государь император, быть может, гневается на меня.

Простите великодушно, что я беспокою Вас, но меня вынуждает к тому та нравственная пытка и тоска, которые я ныне переживаю.

С чувством беспредельной преданности и искреннего уважения имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Н. Алексеев.

689

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Сегодня, поздно вечером, получил прилагаемую при сем телеграмму, которую спешу препроводить к Вам в Гатчину. Casey именно тот магараджа Duleep Singh, которого письмо к государю императору я передал Вам.

Четверг. Paris.

М. К.

Boutourline agent militaire L. m'assure avoir grande confiance utilité. Casey approuve démarches faites envoie plusieurs lettres importantes.

Cyon.

690

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Прилагаемое при сем письмо получено мною от моего старого знакомого, состоявшего когда-то при редакции моих изданий, Щербаня, известного в литературе. Он находится теперь в Париже и вхож к барону Моренгейму, с которым в наилучших отношениях.

Потрудитесь, сделайте милость, прочесть это письмо. Щербань передает свой разговор с Моренгеймом.

До Щербаня дошли слухи о каком-то приписанном мне письме к Флоке или о Флоке. Он наивно, ничего не ведая, спросил посла, что ему известно об этом. Представьте же себе, Моренгейм оказался ничего не знающим об этом случае и отозвался о нем, как о нелепой выдумке, между тем как его величеству была доложена телеграмма Моренгейма, в которой он сообщил подробно об этом случае, как ему совершенно известно. «Le fait est sûr», заключает он свое донесение. Что же это значит? Моренгейм ли был проводником взведенной на меня клеветы и в разговоре с человеком, который ничего не знал об его участии в этом деле, притворился тоже ничего не знающим? Или телеграмма, доложенная государю императору, шла не от Моренгейма, а прямо от Катакази и только подкреплена была от имени посла? Официальные телеграммы шифруются, и его величеству не могла быть

подана телеграмма в подлиннике. К моему великому счастью, государь изволил поручить министру (гр. Толстому) сообщить мне ее содержание, так что я мог немедленно объявить этот якобы «верный факт» безусловною ложью. Но могло случиться, — и на это, по-видимому, рассчитывалось, — что об этой клевете мне не стало бы известно, и я почувствовал бы только ее последствия, не ведая причины и не зная, в чем оправдываться. Считаю нелишним приשובкупить, что с Моренгеймом мы однокашники, воспитывались детьми в одном пансионе и находились в самых приятных отношениях. Могу ли я думать, что он сам был виновником такой нечестной против меня махинации? Однако, посмотрите до какой дерзости может доходить интрига. Не требуется ли полное разоблачение этой интриги в интересе, несравненно более важном, чем моя личность?

В начале разговора, передаваемого Щербанем, речь шла о Богдановиче. Почему-то думают, что Богданович уволен за приписанную ему брошюру Alliance Franco-Russe. Моренгейм, решительно отрицая всякое отношение Богдановича к этой брошюре, сообщил своему собеседнику интересные о ней сведения. Я ничего не знаю о причинах отставки Богдановича, но могу, как и Моренгейм, с полною уверенностью утверждать, что не Богданович автор брошюры и что он ни в каком отношении к ней не находится. Это очевидно уже из самого содержания брошюры. В ней, между прочим, возносятся лица, с которыми Богданович находится в открытой вражде. Богданович получил от издателя этой брошюры форменное удостоверение в его к ней неприкосновенности. Богданович прислал мне это удостоверение, в котором я не нуждаюсь, но которое он очень желал довести до Вашего сведения. Прилагаю его к сему письму.

Еще два слова о Богдановиче. Я протестую против толков о какой-то моей солидарности и интимности с ним, но не потому, чтобы считал его в политическом отношении неблагонамеренным. Но я и не имею с ним ничего общего ни в умственном, ни в нравственном складе. Мы люди совершенно разных миров. И сотрудником моим он никогда не был, и только из снисхождения к нему печатались его телеграммы о нем самом. Он изо всего делал себе рекламу и этим более всего

вредил себе в мнении серьезных людей. Но я считаю его совершенно не способным к чему-либо, не согласному с долгом верноподданного. Что же касается его поездки в Париж, то подробности его пребывания там доложил он тогда же до сведения своего главного начальника гр. Толстого и с его же ведома посещал французского посла в Петербурге, чтобы частным образом посоветовать ему настаивать пред своим правительством на принятии мер против бежавших во Францию после 1-го марта двух злоумышленников. О том же писал он к коменданту (генерал-губернатору) Парижа генералу Соссье, с которым там познакомился, и получил в ответ, что нашим анархистам дано под рукою знать, что всякое злоумышление их против русского государя будет впредь считаться за государственное преступление против Франции.

Богданович повредил себе своими о себе рекламами. Ему придали серьезное политическое значение, какого он ни в каком случае не имел и иметь не может.

Еще одно сообщение с приложением. По прибытии в Москву я нашел у себя письмо из Рушука от неизвестного мне человека, по-видимому, содержателя труппы комедиантов. Письмо немецкое и безграмотное; но его нельзя оставить без внимания по важности его содержания. Злоумышленники в Рушуке подговаривали его на злодейское покушение. Он отвертелся и счел долгом предупредить нас об этих умыслах; но при этом умоляет хранить в тайне его имя, опасаясь мести. Вместе с его письмом посылаю вам и афишу, приложенную им в удостоверение его личности.

Я не смею писать обо всем этом государю императору; но просил бы Вас довести содержание этого письма моего к Вам до сведения его величества.

Совершенно преданный Вам

М. Катков.

Знаменское.

Здоровье мое плохо поправляется. Крайняя слабость.

Париж, 12 июня (31 мая) 87.

Дорогой и сердечно уважаемый Михаил Никифорович, — вчера я по субботнему обыкновению был у барона Моренгейма. В разговоре он прочел мне вчера же полученное им письмо одного из своих родственников, извещающее между прочими новостями о состоявшейся уже отставке Е.В. Богдановича и имеющей будто бы последовать отставке Сабурова. Возникли соображения — какова тому причина. О Богдановиче я передал здешний слух (проникший уже в некоторые газеты), что ему приписывают известную брошюру. По мнению Артура Павловича, если ее ему приписывают, то наверное ошибаются. Брошюра состоит из двух частей. Первая (заключающая в себе, сказать мимоходом, чуть не буквальную перепечатку нескольких строк пресловутой Societé de Saint-Petersbourg, скропанной г-жею Адан из разных ее писем и т. п.) первая часть брошюры, несомненно, писана женщиной, и притом озлобленной. Вторая — очевидно принадлежит мужскому перу, притом русскому, может быть, и, может быть, даже военному, но, по глубокому убеждению барона, отнюдь не Богдановичу. Совпадение его пребывания здесь почти с ее появлением не может даже подавать повода думать, что он ее внушил: потому что брошюра первоначально издана в Брюсселе, — и оттуда рассылалась заведомо (т. е. заведомо для сведущих людей) неким Ф. Потоцким (не графом, а неким, никому неизвестным Ф. Потоцким). Таким образом, на Богдановича взведена относительно брошюры напраслина. Кстати я сообщил барону ходящие по Парижу толки (еще не попавшие в печать) о клевете, возводимой на Вас (письмо, будто бы писанное Вами Флоке). Эта выдумка очень огорчила Артура Павловича, который питает к вам (и еще к покойному И.С. Аксакову) большую приязнь и уважение. Естественно было пораскинуть умом, кто мог пустить клевету. Прикидывали, прикидывали — ни к чему не пришли: да и *potina sunt odiosa* в таком темном деле. А по моему личному мнению, если это пущено не из Берлина, то пустили в ход сами безмозглые французы, Клемансо с Буланже и К°, в момент кризиса, для того чтобы подействовать на Гриви кулуарным палатным слухом, говорящим:

«Вот видите, с этой стороны не бойтесь, и назначайте Флоке». Эти люди так пусты и так бесцеремонны в шарлатанских приемах воздействия, что от них станется подобный «*tapoeuvne des couloirs*».

А там и пошло, и дошло, — кажется, я не ошибаюсь.

До свидания, да хранит Вас Бог. Привет Софье Петровне и всем вашим. Поклон редакции.

Всегда ваш

Н. Щербань.

692

2 июня 1887.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Уезжая сегодня, наконец, восвояси и не надеясь увидеть Вас пред отъездом, полагаю нелишним и даже должным сказать Вам еще несколько слов, на всякий случай, по некоторым пунктам моего последнего письма.

В дополнение к тому, что мною сказано о Ционе, спросите у И.Д. Делянова о причинах, побудивших его оставить профессию в медико-хирургической академии. Он, физиолог, был сильным противником материалистического направления, которое, особенно через эту науку, проникало в умы и приобретало силу благодаря либеральному режиму того времени, завладевая и кафедрами в университетах, и печатью.

Он очутился в антагонизме с этим режимом, который развращал и учащих, и учащихся и долго держаться не мог. Посвятив себя науке и лишившись способа действовать на родине, он не мог пренебречь открывшимися ему видами получить кафедру физиологии во Франции, где имя его было известно между учеными и где ценились его способности и знания. Кафедра была ему обещана под общим условием принятия французского подданства, на что он решился нелегко и не без тягостных колебаний, уступая своему научному призванию, которому открывалось широкое поприще, и оставаясь по образу мыслей верным России. Виды на кафедру рушились после того, как влиятельный товарищ его по науке, Поль Бер, став важным правительственным лицом и открыв свой поход против религии, встретил убежденного противника в Ционе, с которым

даже был в наилучших отношениях и способствовал ему в достижении кафедры. Циону оставалось тогда для содержания себя и семейства перенести свои замечательные способности на экономическую почву. Он управлял обширными промышленными предприятиями и приобрел в этой сфере познания, опыт и связи, которыми воспользовался в последнее время управляющий министерством финансов. Цион успешно и быстро исполнил важное возложенное на него поручение.

У Вас должен иметься отзыв о Ционе штутгартского протоиерея Базарова, который ввел его в нашу церковь. Мне известно, что Базаров был глубоко тронут духовным настроением Циона и его жены.

Я упоминал Вам о Татищеве. Повторяю, что лично я почти не знаю его, виделся с ним лишь несколько раз, когда он привозил в редакцию главы своего сочинения и получал там гонорар. Но сочинение его не могло не обратить на него внимания по зрелости суждений, направлению и таланту. Впервые в русской литературе появился труд, вполне самостоятельный, о международных отношениях новейшего времени с точки зрения русской. Два университета признали его за этот труд достойным докторской степени. Какая противоположность с сочинениями по международному праву профессора Мартенса, основанными на иностранных доктринах и исполненными растлевающего космополитизма! Возвращаюсь к Татищеву. Я не знаю человека, но знаю писателя, которого не могу не ценить и по направлению, и по способностям. Правда, и до меня доходили слухи о каких-то предосудительных нескромностях его в то время, когда он состоял секретарем в Венском посольстве но слухи были неопределенны и смутны. Я старался разузнать в чем дело. Оказалось, что виновником павшего на Татищева нарекания был тогдашний посол в Константинополе граф Игнатьев, который, однако, впоследствии удостоверился, что сообщение, в котором он подозревал Татищева, было сделано австрийским канцлером Андраши из Берлина, и старался загладить причиненный им Татищеву вред, приняв его к себе на службу по министерству внутренних дел. Если бы он находился в предосудительных отношениях к чужому правительству, — разве мог бы он тогда говорить так откровенно и обличительно против австрийской политики? Разве не вывели бы его на чис-

тую воду? А между тем, кроме простых ругательств, ни в венской, ни в берлинской печати не было ни одного обличительно-го в этом смысле намека.

Но дело идет не о восстановлении его на дипломатическом поприще, а об оценке писателя, его учено-литературных трудов, несомненно полезных и политически благонамеренных. Каковы бы ни были погрешности его молодости, если таковые были, не могут же они тяготеть вечным над ним проклятием. Увы, что оказалось бы, если бы мы заглянули поближе в прошлое многих лиц, высокостоящих в правительственных сферах! Неужели только людей в политическом отношении благонадежных будем мы рассматривать в лупу и всякое лыко ставить в строку, всякую некорректность, хотя бы вызванную наилучшим побуждением для защиты правоты дела и чести нашего правительства, возводить в тяжкое преступление? Где же мы возьмем способных и политически благонадежных людей, если будем следовать такому ригоризму навыворот?

Я, наконец, напал на след бесчестной, взведенной на меня клеветы о каком-то будто бы моем письме к Флоке или о Флоке, переданном, будто бы, через Циона, о чем наш парижский посол позволил себе телеграфировать, как о «верном факте». По справкам оказывается, что автором этой мерзости был Катакази. Вот так поистине *homme taté*. Этого я давно знаю, и знаю, чего он стоит. О нем всегда презрительно отзывались и в министерстве иностранных дел, хотя тем не менее держат его своим агентом. Этот продаст кого и что угодно. Он пытался подсылать ко мне инсинуации против Гирса, которые я оставил без внимания, зная нечистоту источника, и он же служил орудием интриги против меня в тот момент, когда потребовалось бросить на меня тень во мнении его величества.

Глубоко преданный Вам

Вторник.

М. Катков.

693

Четверг.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

На случай, если государь заговорит с Вами обо мне, я позволяю себе обратиться Ваше внимание на следующие пункты:

1. От самого начала моей общественной деятельности я ни к какой партии не принадлежал и никакой партии не формировал, не находился в солидарности ни с кем. Моя газета не была органом так называемого общественного мнения, и я большею частью шел против течения; газета моя была исключительно моим органом. Никогда не помещалось в ней статей, присланных со стороны, под видом передовых. Все так называемые передовые статьи, в которых высказывается мнение газеты, пишутся или непосредственно мною самим, или составляются по моим указаниям состоящими при газете лицами и мною самим редактируются. Ни с кем, ни в какой солидарности не находясь, я свято блюл свою независимость. Высказывал только то, что считал, по своему убеждению и разумению, полезным безо всякого лицепрятия или пристрастия. В этом я полагал всю честь своей деятельности. Никогда никакого активного участия в каких бы то ни было интересах и вопросах я не принимал, избегал всяких сближений. Готов был служить всеми своими способами правительственным лицам, когда видел по совести, что могу принести тем пользу, и уклонялся в противном случае, несмотря ни на какие личные отношения.

У меня всегда было много противников, которые не щадили меня и распространяли обо мне всякие слухи. Но несравненно более вреда причиняли мне люди, которые выдавали себя моими союзниками и друзьями и злоупотребляли моим именем в своих видах и чтобы придать себе значение, как я нередко убеждался.

Графу Толстому его величество указал на некоторых лиц, которые компрометируют меня своею ко мне близостью. Только теперь, в эти последние дни, я узнал от лиц, заслуживающих полного доверия, что именно Богданович везде и при всяком случае выдавал себя моим другом, единомышленником, сотрудником и даже будто бы он ездил в Париж по моему поручению.

Я не знаю, за что собственно постигла его кара, но свидетельствую моею честью, что я ни в какой интимности с этим человеком не был, всячески стараясь уклоняться от его навязчивости, и если поддерживал с ним некоторое знакомство, то не подозревал, что он эксплуатирует мое имя. Я бывал у него,

как бывало у него много разных лиц, и митрополиты, и министры, и члены государственного совета. О пребывании своем в Париже он, как сказывает, писал подробный отчет в письме к жене, для доставления графу Толстому. Я же только теперь из составленной им записки узнал о подробностях его там пребывания и не могу ручаться за их правдивость. Употреблял ли он там мое имя, не знаю, но, судя по тому, как он помышал им в Петербурге, считаю возможным и это. Я не хотел бы отягчать его теперешнее положение, особенно ввиду его семейства, жены, которой семейство я давно знаю, почтенной и доброй женщины, но обязан протестовать против злоупотребления моим именем, и не только для ограждения моей личной чести, но еще более чести дела, которому служу. Скажу только, что Богданович скорее играл роль шута, делая из всего себе рекламу, нежели был каким-нибудь серьезным деятелем, в каком бы то ни было смысле. Во всяком случае, он всегда обнаруживал патриотический образ мыслей.

О моих отношениях к Сабурову я лично докладывал его величеству. Я едва был знаком с ним, и ни одной строки его никогда не бывало в моей газете.

Что касается Татищева, то я знаком с ним только по его статьям, которые печатались в «Русском Вестнике» и вышли потом книгою, обратившею на себя всеобщее внимание достоинством своего содержания и изложения.

Что касается Циона, то я чувствую себя близким к нему уже по тому, что был его восприемником по крещению, хотя и заочным. Он по своему образу мыслей и настроению давно уже сблизился с христианством и не находился ни в каких связях с еврейством. Узнал я его впервые в семидесятых годах, когда он был профессором физиологии при медико-хирургической академии и вел борьбу с отрицательным направлением и милютинским лжелиберализмом того времени, как известно и графу Толстому, и нынешнему министру народного просвещения, так как Цион был тоже преподавателем и в университете. Он боролся крепко и честно и, наконец, отказался от всех выгод своего положения, при которых ему открывался доступ в Академию Наук, и нашелся вынужденным уехать за границу. Это человек замечательных способностей, высокого образования и научной известности, выходящей из пределов

России. Во Франции ему была обещана кафедра физиологии. Но он нажил себе врага в Поле Бере, с которым он, еще тогда еврей, вступил в борьбу за христианскую церковь и вообще, за дело религии, которое подвергалось систематическому гонению. Его политический образ мыслей высказался как нельзя явственнее в блестящей статье о французской республике, где он, быть может, в слишком сильных красках, раскрыл все прелести так называемого либерального режима. Статьи эти, вышедшие потом книгой, произвели сильное впечатление, немало способствовали отрезвлению умов, особенно в молодежи. Затем ряд статей о нашем нигилизме и анархизме по поводу сочинений его вожаков Кропоткина, Тихомирова и пр. Статьи эти по силе и убедительности улик принадлежат к лучшему, что было у нас когда-либо писано по поводу этой язвы. Это истинная заслуга; зато они вооружили против него весь лагерь заграничного и внутреннего нигилизма. Все это он писал, когда был еще во французском подданстве.

Живя во Франции, он находился в сношениях со многими влиятельными лицами и мог бы быть очень полезен нашему министру иностранных дел. Но он оттолкнул его, считая его своим агентом, хотя *никаких поручений политического свойства он никогда от меня не имел*. О нем сообщают, быть может, разные нарекания, но, по всему вероятно, такого свойства, как и то, будто он передавал какое-то мое письмо кому-то, о Флоке. Писать более некогда и негде.

М. Катков.

694

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Около двух месяцев тому назад благодаря Вашему содействию осмелился я представить на всемилостивейшее его величества усмотрение ходатайство магараджи Duleep Singh'a о принятии его в русское подданство. В его более обширной записке, которая впоследствии также доведена мною до высочайшего сведения, изложена его исповедь, из коей явствует, какое может он иметь значение для России в случае всегда возможного столкновение с Англией. Он отдает себя в полное распоряжение правительства; но для себя не ищет ничего, кроме права

мирного и безопасного жительство в пределах России. Имущественное положение его вполне обеспечено, и ни в какой субвенции он не нуждается. Теперь он находится в Москве и с волнением ожидает решения своей участи. То и дело получаю от него телеграммы и письма с тревожными вопросами и просьбами вывести его из неизвестности. Живет он в гостинице, где приходится ему отбиваться от английских корреспондентов. Он желал бы иметь паспорт, чтобы отправиться на Кавказ, который манит его как страстного охотника. Есть у него желание свидеться с Эюб-ханом, который находится теперь в Персии и с которым у него есть фамильные связи.

На этих днях должен я возвратиться в Москву и не знаю, что сказать ему. Кроме Вас, глубокоуважаемый Константин Петрович, не к кому обратиться мне за помощью в этом деле, которое неожиданно, обрушилось на меня. Помогите привести в некоторую ясность этот вопрос о скитающемся индийском принце, ищущем приюта себе в России.

Совершенно преданный Вам

С.-Петербург.
15 мая 1887 г.

М. Катков.

695

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Решаюсь беспокоить Вас моею покорнейшей просьбою передать прилагаемое письмо государю императору. Я его не печатаю, чтобы Вы могли ознакомиться с его содержанием.

Очень рассчитываю на Вашу поддержку и от души прошу меня извинить за беспокойство.

Преданная Вам

28 июля 1887 г.

С. Каткова.

696

Москва, 25 декабря,
1887 г.

В бедах моих не к кому прибегнуть мне, как опять к Вам, сердечно уважаемый Константин Петрович. Феоктистов жестоко оскорбил меня, окарнав 1-ю книжку «Русского Архива»

уничтожением прилагаемой статьи Иловайского, которая, по его определению, содержит в себе *совершенно неуместные рассуждения*. По совести, нахожу их вполне уместными и в обыкновенном издании, тем паче в историческом. Целые обширные кружки читающего люда, множество отцов и матерей и доселе относятся к Каткову с ненавистью; у нас с Вами есть одно знакомое лицо, строго православное, высокопросвещенное, которое зовет Каткова антихристом за надеваемую якобы постоянно личину. С другой стороны, слепые поклонники его дошли до того, что называют его деятельность богослужением («М. Вед.», август). Ввиду этого кому же, как не историку, подать трезвый примиряющий голос, воздавая должное и не увлекаясь личною выгодой и пристрастием. В статье Иловайского нет ни одного упрека Михаилу Никифоровичу, которого бы я в разное время не выражал ему самому: он иногда сердился, но до конца сознавал, что мною руководило. Ни я, ни Иловайский не уступим многим в признании великих заслуг его; но дело в том, что хождением к Каткову мы ничего не добились. Посылаю Вам в копии письмо, полученное мною от Иловайского. Графа Д. А. Толстого я прошу о приказании размножить статью в *полном ее составе* и дозволить, хотя бы с исключениями. Если можно, доведите ее до сведения государя императора: она внушена истинною любовью к родной стране, изъязвляемой разными *измами*, над которыми да воссияет нынешний *Свет Разума*. Ее помещением я думаю поступить, как следует верноподданному.

Преданный Вам

Петр Баршнев.

697

Очень сожалею, что Вы больны. Мне нездоровится же. Болит нога. Сажу на диване больше без движения: ходить больно. Анне Адамовне как сестре милосердия было бы весьма кстати навестить меня. Буду ожидать ее завтра к 4 или 5 часам пополудни. Книжки передам Вам лично. Только когда соберетесь ко мне, предварительно известите письмом, чтобы мне быть дома и Вам бы не проходить напрасно.

15 октября 1887 г.

698

Завтра у меня в это время обещали быть Чернилиевская и Розов. Я буду свободен в эти часы в среду (т. е. после 3-х до 5-ти).
Прошу пожаловать.

699

15 декабря 1887 г.

Александр Васильевич поручил мне передать Вам, что ему нужно поговорить с Вами по делу о стариках Ивановых. Он просит Вас, если это Вам удобно, повидаться с ним в пятницу (18-го) после 3-х часов. Он шлет Вам поклон.

700

Наши мысли совпали. Желательно видетсяя в пятницу, 8-го января, после 3-х часов пополудни. Чаще говорить лучше.

4 января 1888 г.

701

А. В. поздравляет Вас с праздником и просит уведомить Вас, что будет ждать Вас в среду, 30 декабря, после 3-х часок пополудни.

27 декабря 1887 г.

702

Ваши душевные сомнения нуждаются в личном разъяснении. Просят Вас пожаловать в воскресенье, 27 сентября, в 3 часа пополудни.

25 сентября 1887 г.

703

Есть свободное время и завтра, и в четверг. Завтра свободнее. Время после 3-х пополудни. Принесите адреса стариков.

16 ноября 1887 г.

Понедельник.

704

Люди доброго совета говорят, что если не найдете ни одного человека, который бы твердо стал за истину, т. е. явился бы представителем за Евгения Васильевича, то никакие записки его не помогут. Прошу Вас, Константин Петрович, возвратить мне с сим подателем записку, которую я Вам прислала в среду.

Уважающая Вас

Пятница.

А. Богданович.

705

Сердечно уважаемый Константин Петрович.

Ваше сочувствие, вчера в полночь сообщенное нам Михаилом Никифоровичем, ободрило немного моего бедного страдальца и всю нашу семью. Утром нам нанесен совершенно неожиданно роковой удар, а вечером мы узнали, что в нашем горе Вы приняли самое теплое участие и даже выразили готовность сделать попытку оправдать невинно и так ужасно пострадавшего. Да, Константин Петрович, Ваше сердце подсказало Вам, что в наши трудные времена нужно беречь тех немногих людей, которые поставили себе целью жизни — оберегать русское дело, ограждать от пагубных злоучений народные основы русской жизни, обаяние царской власти, нравственную силу православия. Вам хорошо известно, что Евгений Васильевич всю жизнь свою преследовал именно эти цели; из 42 лет своей службы более 30 лет посредством книг, брошюр, статей, «Кафедры Исаакиевского собора», речей, лекций, военных бесед он стремился распространять в обществе, в народе, в войсках, среди молодежи любовь к царю, веру в силу божественного промысла и здравое понимание государственных основ.

Мог ли Евгений Васильевич такими деяниями прогневить нашего дорогого царя? Очевидно, что в эти дни он сделался жертвою какой-то интриги, какой-то ужасной клеветы. Говорят, что обвинение идет от дипломатов и построено на поездке моего мужа нынешнею зимою за границу, которую он предпринял единственно для совещания с окулистами после сделанной ему операции. Из этой поездки сделали какую-то агитационную миссию.

Подобное обвинение слишком важно, и почему бы не произвести на этот счет подробное расследование, которое, конечно, вполне очистило бы моего мужа от всякого нареkania. У меня в руках сохранились письма моего мужа из Парижа и Нишцы и, кроме того, несколько документов, ясно доказывающих, как тщательно Евгений Васильевич сторонился от всяких сношений, которые могли бы иметь политический характер.

Конечно, если бы Вы выслушали моего мужа, то Вы вполне убедились бы в этом; но, к несчастью, он слишком потрясен страшною царскою карою, и я забочусь о том, чтобы он не выезжал. Но если бы Вы, добрейший Константин Петрович, пожелали узнать подробности, то назначьте мне час, и я к Вам приеду выяснять все обстоятельства этого печального дела.

Во всяком случае у нас вся надежда на Вас. Вы некогда письмом благословили Евгения Васильевича на издание «Кафедры Исаакиевского собора» и несколько раз одобряли этот труд; мне кажется, Константин Петрович, что это хороший предлог для Вашего доброго честного предстательства за всегда и неизменно уважающего Вас страдальца.

Возлагая на Вас мои твердые упования, крепко жму Вашу руку.

20 мая.

Богданович.

Порадейте во имя псалма 90: «не допустится до тебя зло, и удар не достигнет до жилища твоего».

706

О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же на помощь уповающим на тя.

Ах, Константин Петрович, Константин Петрович. Как убийственно тяжело и невыносимо гнетут душу чувства, которым и названия не приищешь. Опять из адской тьмы поднялись бесовские полчища против православной церкви и единого, во всей вселенной, православного помазанника божия. Сердце обливается кровью за великого царственного страстотерпца. О, сколько требуется ему мудрой твердости и стойкости, сколько премудрой сдержанности и наипаче сколько твердой веры и упования для отражения бесовских козней разного покроя, направляемых против него руками Бисмарков, Сальсбюри,

Кальноков и даже личности такой высоты, как папа, и даже такой ничтожности, как новые из угла Швейцарии лаятели, примкнувшие к германским и прочим лающим церберам и так карикатурно-дерзновенно-настоятельно угрожающие, запугивающие... Вероятно, и эта выходка совершалась не без подстрекательства Бисмарка.

Известие от 1-го марта всех поразило ужасом невыразимым... Со дня появления его в газетах весьма заметным образом умножилось в нашем храме число молящихся. Вероятно то же и в прочих церквях. При каждом возношении на ектениях и пред престолом прошений и молитвы о благочестивом государе и его сохранении и о потреблении крамолы.

Вседушевно благодарю Вас за сообщение мне Вашего прекрасного ответа иноземным ходатаям за остзейское лютеранство. Слава Богу, что они обратились со своею коварною просьбою к сановнику, стоящему близко к престолу и умеющему «различать духи». Коварство их Вашим ответом поражено с неподражаемым достоинством и спокойствием, с истинно православною теплотою чувства и скромностью, которая, однако, блестит всеми лучами всепобеждающей истины. От всей души желала бы я, чтобы Ваше письмо получило возможную гласность — в утешение русскому народу и в обличение врагам истинной церкви.

Простите мне эти строки; простите, что утруждаю Вас ими, простите, что не удержала бросившуюся к Вам душу со своими стонами и воплями, со своими страхами и опасениями, сквозь которые прорывается твердое упование в обетовании, что врата адовы не одолеют церкви Христовой.

Благодарным сердцем преданная Вам

9 марта 1887 г.

И. Мария.

707

Милостивый государь Константин Петрович.

Прошу извинения, что пишу без соблюдения форм, но дни лукавы и время Ваше дорого. Пишу, как русский к русскому, и знаю, что теперь, слава Богу, чем ближе к царю, тем русская речь внятнее и понятнее. Решаюсь писать, хоть и тяжело Вас тревожить, но беспокойство за него слишком мучительно.

Неужели и на этот раз не задаются вопросом, чья *голова* направляла руки злодеев? Кажется, что на этот раз на воре шапка горит. Зачем всегда искать причину в безумии, когда действие вполне объясняется деятельностью *ума*, хотя отчасти уже помраченного властолюбием. Нигилисты или им подобные всегда были и будут как отребья человеческих обществ. Но почему же после долгого бездействия они начали действовать именно теперь? Реакция ли их вызвала, как петербургский худосочный либерализм вероятно проповедует. Но *реакция* ли их вызвала в 1880 и 1881 годах?.. Предлог всегда найдется, но зачем придерживаться всевозможных предлогов, когда причина ясна.

Кому *необходимо*, и именно теперь, произвести переворот в России или хоть воскресить призрак, исчезнувший после коронации, России бессильной, подкопанной заговорами, распадающейся? Представить одним, что на Россию надежда плоха, а иным, что России бояться нечего? Действительно, день 1 марта 1881 года, казалось, завершал Бисмарково столпотворение. Россия без войны была *hors de combat*. Бессильная, она могла мечтать лишь о врачевании собственных ран и недугов. Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди и в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано. Вскоре чудо коронации доказало всему свету мощь и жизненность России. Тогда все было испробовано, чтобы приманить или опутать Россию: Скерневицы, Кремзир, травы Болгарию и Болгарию), но, слава Богу, благодаря мудрости, мужеству и терпению государя все было безуспешно, и чем более старались его обольстить и заманить, тем вернее прозорливое царское око разгадывало опасность, и вот теперь, наконец, впервые чуть ли не со времени великой Екатерины Россия освободилась от уз мнимой дружбы. Россия и Франция не подчиняются воле Бисмарка, он не может безнаказанно раздавить Францию. Он чувствует, что его столпотворению, созданному столькими неправдами, грозит опасность, его гнетет мысль, что он стар, что вот-вот на-

ступит минута возмездия за все зло, им содеянное. Ужели после стольких человеческих жертв, принесенных им им же обновленному идолу Германии, после всех преступлений, им совершенных против врагов или просто людей, ему неудобных, — ужели он остановится перед новым злодеянием?

Я высказал все, что было на душе, и еще раз прошу извинения.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в глубоком почтении и душевной преданности

Вашего покорнейшего слуги

Кореиз.

князя Н. Меццерского.

10 марта 1887 г.

708

Спасибо, дорогой Константин Петрович, за предостережение. Признаюсь, я очень давно перестал резко писать настолько, чтобы преследование судебное могло иметь место, и если в кн. М. Н. приходит в ярость от моей статьи 15-го января, где нет ни слова ни резкого, ни оскорбительного, то это только доказывает, что в данном случае он весьма личен и пристрастен. Вот и сегодня, кажется, такие строки могли бы пройти даже цензуру предварительную, а ведь, пожалуй, он и за *интеллигенцию* вступится.

Ваш от души В. Меццерский.

709

Милейший Константин Петрович.

Вы удивитесь, вероятно, этому письму, удивитесь, но примите оно и меня ласково и во имя наших более 25-летних отношений. Прежде всего иду прямо навстречу: что же я так давно точно избегаю Вас? Да, дорогой Константин Петрович, прямо каюсь, именно избегаю Вас. В том, что я люблю Вас, как всегда, искренно и верно, надеюсь, Вы не сомневаетесь, но у Вас где-то близко к горячему и доброму сердцу есть какой-то резервуар холодной воды, которого я боюсь до последней степени. Месяцы эти я носил в себе зарождение плана ежедневной газеты и возился с ним. Это не фантазия, это

было ясно и глубоко, всею душою воспринятое и решенное дело, за которое я берусь как за последнее дело моей жизни и моей преданности обожаемому государю. Я работал над собою, сколько мог, готовясь к нему, и теперь пришел час, в который я чувствую, что взяться за дело — мой долг. И вот, с октября собираюсь с Божьею помощью начать. А до этого все время избегал Вас, потому что боялся Вашего резервуара холодной воды, и суеверно боялся. Я сунулся было с *Воскресеньем*; Вы только меня приняли с жалостью и сомнением, а уж о помощи и речи быть не могло.

Теперь дело решено, и вот я прихожу к Вам и говорю: Дорогой Константин Петрович, знаком Вашей 27-летней приятни ко мне протяните мне на это дело руку помощи, будьте ему именно тем, чем Вы всегда были, добрым гением, возьмите его под свою защиту. И не откажите в могучем вашем содействии. Затем еще просьба, и даже больше, моление: в среду 15-го, день Св. Владимира, крестителя Руси; в этот же день я собираю к себе, к обеду, близких мне для закладки духовной будущего *Гражданина*. Умоляю Вас приехать и не отказать мне потому, что я зову Вас как *восприемника* и только желанием причинить мне большое огорчение и обиду объясню себе Ваше отсутствие. Это раз в жизни такое для меня важное событие. Если поедете в Красное, то все же, хоть кратко, приезжайте, прошу Вас, хоть посидеть за обедом, а к 9-ти Вы будете уже на пути домой. Главное — Ваше присутствие. Не откажите и не огорчайте Вас глубоко любящего и всегда благодарного

12 июля.

В. Мещерского.

Соберутся в 6—6 1/2.

710

Дорогой Константин Петрович.

Вы отвернулись от меня на зов 15-го июля. Вчера приходил к Вам, чтобы звать Вас на понедельник, 26-го сентября, в 11 1/2 час. на молебен в новой редакции. Полагаю, что не нужно говорить, насколько этот зов исходит из глубины сердца и не есть фраза.

Душевно преданный Вам

Суббота, 20 сентября.

В. Мещерский.

31 декабря.

Для Вас одних.

Вот два месяца, как ежедневно то один, то другой добрый человек приносит мне известие о тех беспощадно-злых суждениях и ужасных словах, которыми Вы меня клеймите. Сегодня кончается тяжелый для меня год и с надеждою, весьма естественною на что-нибудь лучшее в будущем, с надеждою, что если не мои слова, то Бог, в которого мы одинаково веруем, которого мы одинаково боимся и который для нас обоих и судья, и отец, смягчит Ваше сердце, пишу Вам эти строки. Для меня одно ясно: Ваша беспощадная, неумолимо-жесткая ненависть ко мне, все растущая и доходящая до того, что Вы даже громко не только верите всему, что на меня взводят, но требуете, чтобы я был наказан за факт, в действительность которого внутри себя Вы не можете верить, ибо я честью Вам же лично отверг его, — точно я мало был наказан, точно я в самом деле негодай.

Но если ненависть Ваша ко мне ясна, то все остальное для меня тьма крошечная. Зачем эта ненависть, зачем это ежедневное поношение меня за действия, в которых, клянусь Вам собственною Вашею честью, Вы *не можете быть* уверены, зачем после 25 лет дружбы, основанной на уважении ко мне, со дня на день, Вы превратились для меня в древний фатум, хотящий стереть меня с лица земли? Не знаю и не могу знать, ибо в 48 лет моей жизни имел много врагов, но такого злого и беспощадного даже предвидеть и представить себе не мог.

Ведь 25 лет взаимной дружбы что-нибудь да значат. Во всяком случае они много значат для решения вопроса: в чем можно и в чем нельзя обвинять человека после 25 лет близких отношений? Не новы были для Вас толки про меня, не новы клеветы, и могу ли поверить, что только один новый факт, превратившийся в скандал и вызвавший поток клеветы и лжи, — потому только, что я сам на него пошел, сам его создал, когда мне так легко было делать гадости и как многие, которых Вы не осуждаете и не клеймите, тайно и втихомолку, — что только один этот новый факт превратил Вас для меня в палача, а меня для Вас в изверга, не заслуживающего даже права всех

убийц — быть внимательно выслушанным, прежде чем быть обвиненным. Со светлым воспоминанием, могу на себя сослаться. Мало ли раз Вас обвиняли при мне со злобою в дурных делах. Я даже не спрашивал Вас, правда ли эти обвинения, я уважал Вас, следовательно, я не верил, и не помню раза, чтобы, в силу этого уважения, не отрицал обвинения громко и твердо... Вы, наоборот, Вы даже не спросили меня: что правда и что ложь, мало того, Вы как будто искали побольше грязи, чтобы ею меня залить, чтобы всею тяжестью клеветы меня раздавить. Не зная семейных наших тайн, не зная побуждений, могших *моих* заставить поверить обвинителям и клеветникам больше, чем мне, Вы из семейного приговора сделали публично-позорное для меня обвинение, как с Ваших слов мне передавали слышавшие их. А между тем скажите по совести: если бы, положим, брат Ваш пришел ко мне и, уверовав в клеветы против Вас, просил бы его братское отречение сделать публичным, довести до сведения тех, мнением которых Вы дорожите, и я бы исполнил его поручение, что бы Вы сказали про меня?.. Вы, однако, это сделали против меня, а я бы не сделал этого против Вас *никогда*, не потому чтобы я дерзал думать, что я лучше Вас, но потому, что даже и теперь, после всего, что Вы мне сделали, я бы не мог найти в себе того сильного злого чувства, с каким Вы на меня пошли. Я бы сказал брату Вашему: «Дела семейные — тайна и священная тайна *всегда*; даже будь брат Ваш виновен, сказал бы я, не брата дело от него отречься и не мое дело выносить это из семьи на двойной позор».

Но главное вот в чем... Не то что брат, весь мир явись в данном деле моим обвинителем, я бы, не склоняя головы, сказал бы то же, что я говорил Вам и говорю Вам: во всем, чем Вы клеймите меня, нет слова правды, нет атома грязи, и самая гнусная ложь, самая подлая месть превратила дело, может быть, одно из немногих моих вполне добрых дел, дело, на которое я испрашивал *божью помощь*, дело обращения человека из погибавшего в честного и даровитого — в дело скверное и гнусное. Помните, с каким чувством негодования Вы говорили о подлоге против Каткова? Честью существа, которое Вам дороже всего, честью супруги Вашей заверяю Вас, что в моем деле еще невероятнее и гнуснее ложь, ибо еще вероят-

нее складываются обстоятельства вымысла и правды против меня.

А так как Вы честный человек и боитесь Бога, как и я его боюсь, то думаю, что Вы призадумаетесь еще вот над чем, невзирая на Ваше явное желание все сделать, чтобы меня не то что обидеть, но погубить. Не только в деле, из-за которого Вы клеймите меня, я поступил как порядочный человек, не отступив перед скандалом, угрожавшим меня уничтожить, но и после, и теперь я могу благодарить Бога за то, что я остался верен заветам порядочности; обвиняя меня, Вы не знали, что я *мог бы оправдаться*, подняв новый и страшный скандал. Причина, вызвавшая такое непостижимое бешенство в клевете на меня из-за пустейшего эпизода, мне известна, но ее-то я замалчиваю. Отец наш, умирая, стоявшего с нами на коленях старика Озерова оставил за отца нашей семье. Памятование сего, пока он жив, налагает на меня долг, от которого не отступаюсь, будь еще сильнее вред для меня моего молчания. Вот все, что могу сказать *пока*: мне *надо погубить другого*, чтобы себя оправдать, а сделать этого я не могу и не хочу, и в той поспешности и страстности, с которыми обвинители ввели семью мою в подробности скандала, не пощадив ни их, ни меня, если бы Вы не были так решены меня губить.

Вы бы неизбежно нашли что-нибудь подозрительное уже потому, что оно так противоестественно: ни в одной последней семье не было бы зрелища брата и сестры, неуверенно бросающих камень в брата вместе с другими.

Затем, чего же мне нужно, спросите Вы. Нужно одно только: именем божьей правды, именем божьей любви просить Вас сказать мне, за что Вы ненавистью сменили в сердце своем дружбу ко мне, высказаться и дать мне высказаться. Это безусловно необходимо. Вы мало меня знаете. Вы думаете, что я потому убил всем, что Вы сделали против меня, что я чего-нибудь в людском смысле лишаясь, не говоря о милости царевой, из-за этого хочу Вас упросить променять гнев на милость. Нет. Не виновность под градом обвинений бьет больно человека — дай Вам Бог эту боль никогда не испытать, сердцем, 25 лет привыкшим Вас любить, говорю Вам это, — но имеет свою гордость. Я нищим пойду на улицу, но не решусь просить милостыни, жалости и веры к себе, чтобы что-либо выпросить в своем положении от

родных, от могучих, как Вы. Давно, знайте и верьте этому, я дорожу одним и только одним в этой жизни: возможностью последнюю искру моего разума, последнее дыхание моей души отдавать на службу идее порядка, олицетворенной в моем и Вашем государе. Это обет, мною данный Богу, это смысл моей жизни. Не думаю, чтобы я мог толпу и врагов моих убедить в том, насколько для меня невысказанно соединять этот завет жизни с такими подвигами, как растление солдата, но уверен, что Бог мне поможет Вас, после 25-ти лет дружбы и уважения ко мне, и Вашу душу умолит одуматься и перед Богом задать себе вопрос: хорошо ли Вы делаете, давая ненависти такую беспощадную и слепую силу, и меня *одного* — сколько людей хуже меня Вы не преследуете своею ненавистью и даже заставляете считать Вашими приятелями — хотите, без проверки взводимых на меня обвинений, лишит возможности со спокойною душою работать делу, которое и Вы, и я, мы считаем одинаково святым. Я не могу даже себе представить, что бы Вы злее могли сделать против врага государя, чем то, что Вы сделали против меня, не уверенные в том, что Вы правы, и зная, что я никогда не был Вашим врагом. Вот ощущения души моей: они не злы; Вы слишком больно измучили меня, чтобы вызвать злобу; они безнадежно горьки, мои чувства. Как мало вокруг царя честных и преданных безусловно и бескорыстно; время все труднее и все мрачнее; зачем же еще ко всему трудному прибавлять зрелище такой ненависти, которая убивает силы, и без того слабые, бойцов за то все святое, против чего так ополчаются время и люди?

Вот я и прихожу к Вам, прежде чем молиться о будущем годе; и не просто, но всеми силами души умоляю Вас, Константин Петрович, сделайте усилие над собой и умирите сердце Ваше ко мне, в том, в чем я виноват перед Вами, простите меня, то, в чем Вы меня обвиняете, скажите мне, примите обет мой во всем действовать с Вами заодно, там, где правда и польза дела этого требуют, будьте по-прежнему моим учителем и променяйте злобу на примирение.

Но чтобы Вы могли это сделать легко, Вы должны уверовать в меня. Летом я просил подробного расследования и суда чести. Мне его не дали те, которым выгодно было скандалом меня опозорить.

Остается суд чести и суд божий между нами

У Вас всегда я могу быть прерван посещением стороннего лица. Придите ко мне в час, который Вы назначите, и, выслушав меня, примите от меня клятву чести.

А если этого мало, то примите божий суд между нами: приходите в час, Вами назначенный, в Казанский собор, и у алтаря выслушайте меня и примите клятву мою...

Одно из двух. Нужно чтобы я имел право перед Богом, перед царем и перед совестью Вашею Вас обезоружить, и печальному настоящему в наших отношениях дать кончиться и быть замененным прошедшим.

Бог да поможет мне тронуть Ваше сердце. Если можете *сегодня* сделать то, что я прошу от Вас, сделайте.

Кн. В. Мещерский.

Затем еще добавлю: для полного рассеяния туч недоразумения и смуты между нами — прошу Вас, по *какому угодно вопросу*, до моей жизни касающемуся, ожидать от меня ответа ясного и точного.

712

12 января 1887 г.

1) Все хлопоты привели к тому, что подпольная интрига я искательство Англии и Австрии оставлены, по крайней мере, на время.

2) Вместо подпольных действий Англии и Австрии выступает Австрия, но под флагом Австр.-Венгерск.

3) Находя, что в интересах России отдача турецких дорог в руки чисто Австрии крайне вредна, и дабы отстранить всякие намеки, нарекания и подозрения, что крайне неприятно для меня лично и вредно для дела, мы распорядились оглашать эти комбинации в телеграммах агентству Гаваса и этим дать возможность русскому правительству ссылаться на телеграмму (при сем прилагаемую).

4) Ежели е. и. в. изволит разделять мнение, что передача дорог в руки Австрии не в интересах России, то следует сообщить, *секретно*, константинопольскому послу нашему, чтобы он указал на телеграмму и посоветовал бы турецкому правительству не допустить подобной комбинации, которая противна желаниям и взглядам России.

5) Подобное сообщение, может быть, отвратит предполагаемую комбинацию, и тогда разговоры наши с компанией по всей вероятности, примут лучшее направление, или, лучше сказать, поневоле обратятся к нам.

713

Ваше высокопревосходительство
глубокоуважаемый Константин Петрович.

Лишенный возможности, по случаю нездоровья, явиться лично к Вам, позволяю себе представить на воззрение Ваше следующее:

1) Относительно турецких дорог.

Дело это с австр. государств. дорогой движется к окончанию, переговоры идут только о претензиях к турецкому правительству, следовательно, еще есть время предупредить и отвратить эту сделку.

Для дальнейшего же наблюдения за этим делом мне необходимо быть au courant относительно того, сделало ли наше правительство секретный шаг в Константинополе для этого предупреждения и какой результат.

2) Относительно персидских дорог.

Прилагаю при сем *подлинную концессию, уже дарованную*, на постройку железной дороги *от Тегерана до Шах-Абдул Азимат*, равно и *проект концессий на все персидские жел. дор.*, выдать которую персидское правительство уже выразило готовность. То и другое можно приобрести, и если правительство того пожелает, можно будет поговорить об условиях и способах.

Усерднейше прошу не посетовать на меня за причиненное Вам беспокойство и что отнимаю дорогое от Вас время.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении и безграничной преданности, с коими имею честь быть Вашего высокопревосходительства

всепокорнейший слуга

С.-Петербург.
29 января 1887 г.

Самуил Поляков.

Справка.

Общество железной дороги Рушук—Варна.

Длина дороги приблизительно 230 километров. Капитал: 45 000 акций по 20 = 900 000. Облигации 137 000 по 20 или 500 ф-ков. Выпуск 1864 года акции по номинальной цене и облигации (также 1864 г.) по 8 или 200 франков.

Ежегодная гарантия турецкого правительства в 120 000 или три миллиона франков лежит на обязанности болгарского правительства — на основании берлинского трактата.

Исторический обзор.

Дорога эта была построена обществом Рушук-Варн. ж. д. и им же эксплуатирована до 1873 года. Правление и служба по эксплуатации были организованы чрезвычайно плохо. Общий доход, как и вся правительственная гарантия, служили только для покрытия расходов по эксплуатации, и ни облигационеры, ни акционеры никакого дивиденда не получали до того времени

В начале 1872 года, барон М. de Hirsch купил около 30 000 акций по ценам от 5 до 7 и спустя некоторое время после 18 мая 1872 г. он, от имени «Общества по эксплуатации турецких дорог», заключил контракт с обществом Рушук-Варн. ж. д., в силу которого это последнее уступает эксплуатацию первому. Турецкое правительство дало на это свое согласие на следующих условиях:

«Общество по эксплуатации» принимает безвозмездно всю линию, подвижной состав и строение. Валовой доход, до суммы 7000 фр-ков на километр, получает «Общество по эксплуатации»; сумма же сверх 7000 фр-ков делится между обоими обществами. Но часть излишка, получаемого обществом Рушук-Варн. ж. д., должна быть возвращена турецкому правительству в счет ежегодной гарантии в £ 140/т., которую гарантию правительство обязано было продолжать с целью обеспечивать известный доход акционерам и облигационерам этого общества. При новом управлении дорога не только покрывала все расходы, но даже всегда имела излишек от 400 000 до 500 000 фр. в год.

Валовая выручка была приблизительно от 7500 до 8500 фрк. на километр, и «Общество по эксплуатации» имело довольно хорошую прибыль. Турецкое правительство уплачивало более или менее правильно гарантию до 1875 года, и акционеры и облигационеры могли наконец получать доход на свои капиталы, вложенные в это дело.

Наступил 1875 год и с ним несостоятельность турецкой империи; вслед за тем — война с Россией, берлинский трактат и, наконец, соглашение Турции с международной финансовой комиссией.

Железная дорога находилась отныне на болгарской территории, берлинский трактат постановил, что ежегодная гарантия в £ 140/т. должна переходить на обязанности болгарского правительства. Болгария приняла на себя по специальному акту это обязательство, составляющее отдельную часть берлинского трактата.

Но эта гарантия никогда более не была уплачена, несмотря на все заявления общества, так что ни акционеры, ни облигационеры Рушуко-Варн. ж. д. ничего не получали с 1875 года.

В течение 1879 года болгарское правительство входило в переговоры с обществом Рушуко-Варн. ж. д. о выкупе этой дороги, а с «Обществом по эксплуатации» — об уничтожении контракта эксплуатации.

После многих лет, именно в 1885 году, пришли, наконец, к соглашению (с одной и с другой стороны) о переходе этой дороги в собственность Болгарии.

Точная сумма выкупа мне пока неизвестна, я знаком только с общим смыслом соглашения:

Акционеры и облигационеры Рушуко-Варн. ж. д. получают взамен их бумаг известное число обязательств Болгарского княжества, а «Общество по эксплуатации» получает вознаграждение от 4 до 5 миллионов франков для уничтожения контракта по эксплуатации.

Соглашение это имело быть приведено в исполнение, как произошел Филиппопольский переворот, а впоследствии сербско-болгарская война, отъезд князя Баттенберга и пр. и пр.

С тех пор все соглашения оказались недействительными, и как облигационеры, так и акционеры Рушуко-Варн. ж. д. теперь более, чем когда-либо, в плохом положении.

Нынешний курс акции
и облигации

болгарское правительство до сих пор ни разу еще не платило гарантии; акционеры, кроме маленького дивиденда в 1874 году, ничего не получают, только «Общество по эксплуатации» ведет свое дело при довольно сносных обстоятельствах.

Дорога и подвижной состав — в плохом состоянии.

Но шансы на будущее, с точки зрения эксплуатации, представляются наверно отличными, если только проектированный мост по Дунаю до Журжево и соединительные пути до Софии и Филиппополя будут построены.

Барон Hirsch, имея еще большую часть акций, является полным хозяином этого дела. Почти весь состав правления в Лондоне «его люди» (*entièrement composé de ses créatures*).

Персидское имперское правительство дарует г. Фабиусу Боаталю, французскому инженеру, его компаньонам, его наследникам или имеющим право на наследство после него концессию железной дороги между Тегераном и Шах-Абдул-Азимат.

Все издержки по постройке, покупке земель и материала берет на себя г-н Боаталь или его компаньоны; правительство же обеспечивает ему только исключительную привилегию на эксплуатацию, в полном смысле этого слова.

Правительство освобождает от всяких таможенных сборов необходимый для постройки и эксплуатации железной дороги материал, равно как освобождает от всевозможных податей и налогов на линию железной дороги и ее эксплуатации. Лишь лесной материал, необходимый для железной дороги между Тегераном и Шах-Абдул-Азимат, взятый безвозмездно в правительственных лесах, должен быть проверяем таможенными чиновниками.

Если г-н Боаталь встретит в покупке земель, постройке или эксплуатации какие-либо затруднения, имперское правительство должно вмешаться с целью их уничтожить или разрешить в справедливом и покровительственном смысле для предприятия, по законам страны.

Всякий раз, когда его величество шах захочет путешествовать по линии, ему должен быть предоставлен особый для этого вагон.

Настоящая концессия даруется г-ну Боаталю под непременным условием, что он сдаст к эксплуатации линию, самое позднее, 1-го января 1888 года; в случае, если бы в означенный срок он этого не исполнил, настоящая концессия будет считаться уничтоженной и как бы не бывшей.

Концессионер ни в коем случае не должен загромождать обсаженную деревьями дорогу, существующую в настоящее время, между Тегераном и Шах-Абдул-Азимат.

Настоящий контракт, совершенный в двух экземплярах в Тегеране, должен быть утвержден его величеством шахом на подлиннике, который должен быть вручен концессионеру.

1 декабря 1886 г.

Ф. Боаталь.

Перевод подлинного утверждения его величества шаха: «Контракт на железную дорогу между Тегераном и шах-Абдул-Азимат, которую построит г. Боаталь, верен; да последует о сем подтверждение с обеих сторон».

1304

Геджира.

Перевод подлинной надписи его высочества министра иностранных дел:

«Бог оканчивает дела».

715

21 марта 1887 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Бывая у Вас, я всегда тороплюсь, опасаясь, как бы не отнять у Вас нескольких лишних минут или от отдыха, или от серьезных занятий. Поэтому всегда чего-нибудь не договоришь. Пользуясь давно данным мне Вами разрешением, хочу написать Вам несколько слов по поводу того, о чем теперь болит душа у всякого истинного русского. Вы конечно знаете, что арестование злоумышленников с бомбами на Невском 1 марта было совершенным сюрпризом для властей. Еще в пятницу, 27 февраля, преступники ходили там же, и никто за ними не глядел. Сыскная часть очевидно хромает. После 1 марта началась лихорадочная деятельность людей, боящихся за свои места и присвоенные оным оклады. Департамент полиции и жандармы забирают без особых затруднений; в то же время параллельно

сему идут меры предупредительные: Грессер тоже забирает и высылает, но исключительно тех, кто не причастен к производящему делу, т. е. неповинных, но почему-либо возбудивших подозрение в каком бы то ни было из агентов полиции. Это нечто вроде музыки в 4 руки. Я всегда очень любил молодежь, любил иметь с нею разговоры, наблюдать ее, направлять, следить за тем, что творится в этих незрелых еще умах. У меня и теперь много знакомых в числе студентов. Сейчас, после 1 марта, дух был превосходен. Было все, что нужно: и искреннее негодование к преступникам, и здоровое представление о значении царской власти в России, и ужас перед последствиями злодейского замысла, если бы он удался. Теперь благодаря неумелой, грубой и несправедливой деятельности полицейских властей это первое хорошее впечатление все более и более тускнеет. Уже правительственное сообщение о задержании «3-х студентов» произвело дурное впечатление. Эта была как бы месть людей, никогда не бывших в университете. Точно, как будто редактировал это сообщение сам полковник Скалозуб. Могли бы написать «3-х злоумышленников», ведь и Каракозов был московский студент, он был взят после выстрела, но тогда все понимали, что нельзя травить учреждение. Нигде не публиковалось также, каких частей войск были барон Штротберг, Ашенбренер, Рогачев и т. д. — Петербургский университет хотели ошельмовать умышленно; опубликование последовало через три дня, так что было время обдумать редакцию. Далее 3 т. молодежи поступает в совершенно бесправное положение. Уж не говоря о высылках, производимых без разбора, по фантазии всяких полицейских властей, положение всей массы самое бесправное. Нельзя даже в гости ходить. Недавно у одного студента, князя Ухтомского, собрались трое товарищей и сели играть в винт. Конечно, занятие глупое, его даже следовало бы полиции поощрять, но вдруг на четвертом робере являются двое околоточных с дворником, требуют, чтобы немедленно разошлись, переписывают и разгоняют. Кн. Ухтомский ездил к градоначальнику, с кротостью просил какого-то генерала дозволить хоть раз в неделю принимать у себя товарищей и играть в винт — не позволили. Это здесь, в хороших кварталах, а на Петербургской стороне то ли еще творится. Можно быть вполне уверенным, что такой образ действия не помешает кому

нужно и собраться, и бомбы приготовить. За этим иначе нужно смотреть. Аресты делаются зря, забирает кто хочет, не допрашивают подолгу, потом жандармерия обыкновенно выпускает, а из забранных полицией обыкновенной очень многие выслаются. Если бы кто захотел нарочно избрать такой способ действий, который может создать и для будущего запас горючего материала, то лучше трудно придумать. Говорят, что дело идет так странно вследствие натянутых отношений между Оржевским и Грессером. Как бы то ни было, но желательно положить предел таким действиям их, которые возбуждают и в юношах, и во взрослых какое-то неопределенное чувство ненависти пополам с презрением. Было бы полезно, чтобы студенты знали, что они не беззащитны, отданные на произвол околоточных и дворников, что высылать их зря нельзя, что арестованный должен быть допрошен в присутствии *депутата из университета*. Такого бы депутата мог бы назначить, и даже не одного, попечитель округа. Неужели некого назначить и все грамотное заподозрено? Ужасно подумать, как портится наша молодежь еще в гимназиях. Не знаю, как в Петербурге, а во многих провинциальных городах директора, из отупевших учителей латинской грамматики, ввели целую систему осмотров и обысков ученических квартир, хотя бы ученики жили у родителей. По циркуляру гр. Толстого родители были заподозрены в несочувствии классицизму, и с ними учебное начальство не церемонится. В Твери служит некто Куломзин (родственник здешнего), там обыски у учеников совершаются часто, ребят приучают к ним с малолетства; во время такого осмотра вещей и книг у сына Куломзина, года два тому назад, надзиратель похвалил его, сказав, что он уже сколько раз его обыскивает и никогда не находит ничего законопреступного, даже книг неодобренных нет, «смотрите», добавил воспитатель, «чтобы у батюшки вашего таких книг не было». Это так хорошо, что следовало бы попросить Анат. Ник. Куломзина собрать точные сведения от своего родственника об обычаях Тверской гимназии. Я уверен в том, что каждый учитель, проучив лет 20 латинской грамматике и переводам с русского языка на какую-то доморощенную латынь, делается совсем не способным на что-либо живое. Отнюдь не следует из этих учебных машин делать директоров, а у нас именно их-то и берут. В каждом губ. городе только и

слышишь анекдоты о полной бестолковости директора гимназии или инспектора. В былое время ничего подобного не было. Директора заведений брались из другой, более развитой и воспитанной части общества. Я помню, в мое время инспектором 4-й московской гимназии был Бибиков, магистр университета, человек образованный, молодой, хорошего круга. Учителя были всякие — и хорошие, и плохие; во всяком случае не хуже нынешних, но мне странно было бы видеть кого-нибудь из них во главе заведения. До Бибикова были: Авиллов, Тихонравов, Гаярин — все это были почтенные имена. Учителя же древних языков всегда и всюду были посмешищем; вся разница, что тогда их не боялись, а теперь боятся и ненавидят. Нужно приглаждаться к жизни; редкая гувернантка может воспитывать детей; обыкновенно родители, уезжая и оставляя детей, поручают надзор за ними и за гувернантками какой-нибудь родственнице или просто старой горничной, няньке или ключнице. Оказывается, что учителя и гувернантки, от постоянного общения с детьми сами впадают в детство. В институтах обыкновенно начальница берется со стороны, это бывает образованная женщина, мать семейства, воспитавшая своих детей. Никому еще в голову не входило назначить начальницей учительницу, которая лет 20 кряду воевала с детьми из-за грамматики и переводов или поправляла еженедельно сотни диктантов. Из учителей не выходят также хорошие директора корпусов. Из учителей не будет хорошего директора иначе, как в молодые годы и при исключительных способностях и любви к детям. Из урядников не должно быть исправников, становой под старость не может быть губернатором, и департаментская приказная крыса не должна попадать в министры.

Четыре года тому назад я приносил к Вам копию записки моей, которую я подавал, в качестве попечителя гимназии, Ивану Давыдовичу. Вы прочли записку и одобрили. Делянов тоже одобрил, письменно благодарил и несколько раз говорил со мной. Дело не вышло ни на волос, и не будет, куда живы и у власти Толстой и Катков, которых Иван Давидович боится даже больше всякой бомбы.

Жизнь петербургского общества иначе проходит, чем жизнь образованных людей в деревнях. Сколько раз бывало я, Нарышкин, Квашнин-Самарин и многие другие просиживали

бессонные ночи не за картами и вином и не на балах и театрах, а за разговорами о бедствиях родины. Много лет занимал нас и вопрос об образовании. Ясно было нам, как божий день, что Толстой с Катковым ведут к гибели. Они и своих детей не умели воспитать, и наших мучают и губят. Для нас совершенно ясно, что русский классицизм — это пародия; ничего подобного нет во всем мире. Нарышкин, серьезный классик, брат Квашнина-Самарина — лингвист, каких мало во всей вселенной, оба они клятвенно утверждают, что зубрежки форм и переводы с русского на древний — все это совершеннейшая чепуха. Нужно читать и переводить классиков, а именно этого-то и не делают неучи учителя, которые и сами-то ничего путем перевести не могут, из которых многие иностранцы и плохо знают русский язык. Лично меня поражала всего более неправильная организация учебного дела. Для массы нужно простое училище, вроде бывшего уездного. Нужно твердо знать закон божий, русскую грамоту, арифметику, историю России и кратко главные события всемирной истории, подробно географию России и кратко географию других стран, чистописанное должно преподаваться старательно. Вот и все, что нужно. Если добавить лишний класс для бухгалтерии и счетоводства, то и прекрасно. Таков тип училища для громадной массы людей. Гимназия же всякая и классическая (и реальная, если такая нужна) должна быть школой, приготовляющей к высшему образованию. Если всюду будут открыты 4-классные училища, то гимназии освободятся от балласта, не будет параллельных классов; что же касается приготовительных, то их вообще нужно уничтожить. Семья, которая так невежественна, что не может без приготовительного класса приготовить ребенка в гимназию, не имеет в ней и надобности, для детей таких семейств есть другие училища.

Если в 4-классном училище плата будет от 5 до 10 рублей, а в гимназии она поднимется даже до 100 рублей, то в гимназиях будет просторно. Но тут не нужно забывать общее обеднение дворянства (Бисмарк грабит пошлиной, жида тарифами), а также недостаточность содержания, получаемого чиновниками, кроме высших. Дети этих двух классов населения не должны быть выброшены за борт, иначе это будет опять горючий материал. Нужно избавлять от платы детей

дворян, представивших свидетельство о недостаточности состояния, а также детей всех служащих на правительственной службе. Это будет справедливая прибавка людям семейным, что гораздо полезнее огульного увеличения содержания.

Что касается до управления гимназиями, то придется, хотя на первое время, усилить влияние почетных попечителей, привлечь их во все советы гимназий, а не оттирать их от дела, как это делается теперь. Теперь воображают, что попечители вроде Малиновского или Козлова бесполезны, тогда как они могли бы, как люди вдесятеро более образованные, чем любой полоумный классик-директор, принести громадную пользу и иметь нравственное влияние, тогда как эти будочники, поставленные Иваном Давидовичем, умеют только делать обыски. Конечно, нужно в законе сделать поправку и сказать прямо, что попечителем гимназии дворянство должно выбирать людей только с высшим образованием.

Недавно я получил письмо от старика отца моего, лицеиста 8 курса (золотая медаль), бывшего предводителя и затем посредника первых времен освобождения. Он в негодовании на все проекты Толстого. Он пишет, что Толстой достигнет того, чего не могли достигнуть пропагандисты, он поселит ненависть между сословиями, давая дворянскую окраску местной реформе, тогда как усиливается ею страшно только его продажная и невежественная администрация. Отец добавляет: «До сих пор Толстого проклинали дети и их родители, теперь его проклянет вся Россия». В другом письме этот старик, бывший депутат 2 призыва, которым были в свое время так недовольны за его консервативно-дворянские взгляды, пишет: «И что им сделало земство, без него жить нельзя будет деревне, до него не было ни мостов, ни школ, ни больниц, странно тому ведомству, в котором даже бывший министр застрелился, говорить о хищениях в земстве, это наглая клевета. Ни одна губернская управа, с самого основания их, не попала в злоупотреблении, а что касается до уездных управ, то их было ничтожное количество, тогда как десятка два губ. предводителей на моей памяти проворовалось, а уездным и счета нет». Оно и понятно. В земстве есть правильно организованный контроль, а за дворянскими суммами плохо смотрят губернаторы, которые обязаны по закону ревизовать дворянские опеки.

Расходясь так сильно во взглядах с Пазухиным, я должен сказать Вам, что в вопросах о народном образовании он вполне согласен со мною, он только не смеет гласно осуждать деятельность своих двух патронов, что же касается вреда нашего русского классицизма, то и он в частном разговоре скажет Вам то же самое. В настоящую минуту пришел из гимназии мой сын. Идет он там из средних, кое-как справляется с классицизмом; память у него хорошая, гимназия частная, где отношение к детям человеческое, но меня заставляет задумываться будущее. Уж не перевести ли в правоведение или лицей, хотя я и не охотник до обоих этих учреждений, да и трудно к тому же большого мальчика, жившего дома, приходящим отдавать в пансион, живя в том же городе. Я боюсь университета. Боюсь не бомб и товарищества. Уверен, что мой сын будет иметь влияние на других, а не другие на него. Я опасюсь порядков, совершенно нелепых. Опасаюсь, что из государственного экзамена сделают такую же полицейскую меру, как из классицизма, будут стараться всех проваливать, чтобы отбить охоту идти в университет. Даже и без этого уничтожение экзаменов с курса на курс понизит уровень познаний массы. Читающих, учащихся по призванию, по любви к науке, всегда было и будет мало. Масса зубрила к экзаменам, и, право, в этом я не вижу ничего худого: лучше выучить к экзамену, чем не учить вовсе. Лучше подготовиться к экзаменам, чем шляться без дела, как это теперь делают студенты. Зачеты же полугодий — это какой-то вздор; истинного смысла этой выдумки не понимают ни профессора, ни студенты. — Извините, что посылаю такое длинное письмо. Не понравится — бросите, а я исполняю свой долг. У нас нет свободы печати, эти продажные твари, называемые газетами, печатают только то, что подходит под их узкие доктрины и притом понравится Феоктистову.

До свидания. Душевно преданный Вам

Н. Хвостов.

716

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Петрович.

До сих пор нет вести о каком-либо особом знаке внимания сверху к нашему великому умирающему. А как бы это было своевременно.

Немецкие газеты отчасти со злобой, отчасти фактически наполнены известиями о болезни Михаила Никифоровича. О ней говорят, как пишут мне из-за границы, в вагонах железных дорог как о важном событии.

Печать всего мира отзывается о нем. В нашей печати, на этот раз, к чести ее — общее соболезнование. В обществе глубокое сочувствие, внешне ничем, впрочем, не выразившееся еще. Внешне оно ничем не выразилось и сверху. Это жаль в интересе самой власти, находившей в таланте и авторитете Мих. Никиф. такую поддержку. Жаль тем более, что перипетии последнего времени имели сильнейшее влияние на развитие болезни Мих. Никифор. Хорошо ли будет потом вспомнить, что Катков умер как бы в забвении сверху? А он не жилец. Сегодня еще получил я телеграмму: «Больной слабеет, сильный упадок пульса».

В минуты, важные для власти, Вы, также дорогой для России, Константин Петрович, всегда являетесь ее хранителем и верным советчиком. Оставлять Каткова умирать, по видимости, как бы в забвении сверху, — внутреннее сочувствие несомненно есть, — было бы для будущего большою ошибкою. Это важнее, чем нам, может быть, кажется.

Простите мое письмо. Вы поймете и чувства, и мысли, его вызвавшие. Вдвойне простите, если что-нибудь уже сделано, но мне неизвестно.

Душевно Вам преданный

1887, июля 15.

Любимов.

717

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Не в силах удержаться, чтобы не высказать перед Вами нескольких опасений по поводу меры относительно университетов, принятой в заседании 26 декабря.

Лекции отсрочиваются на дальний срок, 7 марта, и во всех университетах, где были беспорядки. Почему такая дальняя отсрочка, несколько понятная разве только по отношению к петербургскому университету? Чтобы студенты одумались и успокоились? Но если есть, как можно думать, организованная агитация, чтобы волнения продолжались, то было бы фан-

тазией предполагать, чтобы агитаторы одумались и успокоились. С агитаторами можно справиться, только или удалив их — самое лучшее, если возможно, — или заставив по крайней мере спрятаться в норы. В этот промежуток можно ждать новых подговоров и уговоров. Но, говорят, в этот промежуток будут придуманы новые меры. Сомневаюсь, что можно было придумать какие-либо чудотворные меры. Если расписать на бумаге разные придуманные мероприятия, то выйдет только вред. Меры все те же — не допускать сходов; узнать (переписывая или арестуя) агитирующих и неповинующихся и удалить. Мер довольно. Вопрос: как обеспечить их исполнение? Можно ли чего ждать, если, как в Москве, администрация и университетское начальство пойдет совсем врозь, и сам генерал-губернатор станет во главе похода против инспектора и дисциплинарных порядков?

Положение усложняется тем обстоятельством, что поджигателями молодежи являются не только агитаторы, но родители, общество. Вот кому следует одуматься. Но как это сделать? Надо бы, по крайней мере, чрез печать и правительственные сообщения приостановить страшный поток слетен и фальшивых слухов. В Москве до сих пор все уверены, что было убито двое студентов (Федоров и еще какой-то) и это скрывают.

Опасаясь, что 7 марта вопрос о волнениях явится совершенно в той же силе, как стоит теперь. Отсрочка будет понята как признание, что правительство бессильно пред агитацией, не может справиться и не знает, что делать. Говорю в особенности об отсрочке лекций во всех пяти университетах, даже в Харьковском, где беспорядки делали технологи, с малым участием студентов. Если местные обстоятельства делают в Петербурге необходимым особые меры, то меры и должны касаться только того университета.

Объявить, что лекции откроются 7 марта, а семестр продлится до 20 июля, представляется мне крайне неудобным и нежелательным. Чрез такую меру студенты, не желающие волнений (а таких студентов по всем донесениям большинство), и профессора, лишась вакации, понесут наказание за то, что не пресекли волнений, бывших в конце ноября и возбужденных сознательной агитацией. Какое же, однако, будет это летнее учение, являющееся неожиданною карою, и притом ка-

рою задним числом? В ученье будет внесен разврат. Можно ли подумать, чтобы оно, в самом деле, пошло правильным порядком. Это будет профанация всякого учения и вредное, по последствиям, падение лекций и упражнений. Наказание понесут те, которые не менее правительства желают прекращения беспорядков и страдают от них. Профессора благонамеренные (есть же ведь такие: антиправительственная кучка вовсе не так велика) и студенты, желающие заниматься (их немало: посмотрите, как стремятся к занятиям в кабинетах и лабораториях), вправе просить правительство, чтобы оно оградило их от волнений и агитаторов и дало возможность спокойно заниматься. Если профессор, войдя в аудиторию, найдет там кучу пьяных баб, то надобно, чтобы кто-нибудь вывел пьяных баб. Но нельзя за это наказывать профессора, лишать его вакансии.

Эта мера в том виде, как проектирована, должна возбудить против ни в чем не повинного устава и против правительства поголовно всех профессоров. Я недавно был профессором и могу по себе проверить, что почувствовал бы, если бы подпал такой мере. С самого начала устава я твердил и твержу, что нельзя осуществлять устав без профессоров, а надо чрез профессоров, твердо держась начал и в рамке устава, вводя их всячески в интерес дела; необходимо во всяком университете опираться на круг преданных правительству профессоров (не на круг гг. Герье, Чупрова и К°, как делает отчасти московский попечитель). Благонамеренных профессоров вовсе не мало. Проектируемая мера трактует без разбора всех, как виновных и врагов.

Я не против некоторого продления, в случае надобности, семестра, но в правильных условиях и в интересах учения, только учения.

По мнению моему, никоим образом не следует делать объявления, что занятия в пяти университетах не будут возобновлены до 7 марта.

Надо, кажется мне, немедленно поручить попечителям в Москве, Харькове, Казани и Одессе в заседании правления, с приглашением профессоров, обсудить: 1) когда, по мнению совещания, могут быть без опасения волнений возобновлены лекции в данном университете, 2) какие меры признаются наилучшими для прекращения сходов и волнений при самом

их начале; 3) в случае, если правительство при возобновляющихся беспорядках вынуждено будет прибегнуть к мере, какая была принята в Киеве (увольнение всех и очистка сомнительных), как восстановить ущерб, наносимый преподаванию: не следует ли продлить на соответственное перерыву время семестральные занятия; 4) как восстановить ущерб, уже ныне нанесенный преподаванию сделанным перерывом занятий.

О способе открытия лекций в Петербурге следует посудить особо, как и о мерах. Но никак не объявлять теперь же на голову профессорам, что лекции будут до 20 июля. Теперь же вместе с извещением, что о сроке открытия будет в свое время объявление, не излишне было бы сделать некоторые разъяснения в печати.

От меры вроде киевской — временного закрытия для очистки — может быть, нельзя будет уйти в некоторых университетах. Какой-нибудь более действительной меры для удаления сомнительных элементов придумать нельзя. Если обусловить такую меру объявлением *заранее*, что в таком случае будет продление семестра, то такое объявление никого не удивит и не оскорбит. Может подействовать, чтобы дело прекращения беспорядков было более принимаемо к сердцу. Но это не будет неожиданным наказанием задним числом.

Простите, ради Бога, это длинное послание. Дело такое общее, такое важное. Тут всякий сколько-нибудь ошибочный шаг чреват последствиями.

Душевно преданный

1887, декабря 28.

Н. Любимов.

Я хотел лично явиться к Вам, но побоялся беспокоить, да и изложение на письме точнее.

718

Конфиденциально.

Глас народа считает Ваше высокопревосходительство не чуждым того, что 29 апреля 1881 года был издан высочайший манифест, который избавил Россию от представительного правления под руководством гг. Спасовича, Стасюлевича, Плеваки и тех, которые за ними скрываются. Высочайший манифест точно обозначил принципы, задачи и даже средства для дея-

тельности всех органов государственной власти. Истинные русские люди с сердечною радостью и с надеждою приняли манифест. Но в более или менее непродолжительном времени и радость, и надежды оказались иллюзиями. Принципы и задачи, указанные в манифесте 29 апреля, были забываемы слишком часто в деятельности многих правительственных органов. И результаты оказываются соответственные.

Последнее покушение 1 марта сего года доказало, что наша так называемая крамола не ослабевает, что революционное состояние школы усиливается. Тот факт, что три студента университета согласились убить государя, имеет страшное значение.

Почему же смута не прекращается? Почему школа, в которой заключается наше будущее, не только не выходит из революционного состояния, но более и более преуспевает на этом пути?

Занимаясь изучением социализма вместе с другими видами его, я должен был изучать и наш так называемый нигилизм; я старался изучать его и в литературе, в его собственных литературных произведениях, и в сочинениях, имеющих его предметом изучения, а равно и в самой жизни. И вот к каким результатам я пришел.

Впрочем, раньше изложения их считаю нужным заметить, что результаты моего изучения я думал изложить в сочинении; но так как, с одной стороны, сочинение не может скоро появиться, а с другой стороны, мне все более и более приходит на ум библейское выражение, что уже секира приближается к дереву, то отчасти побуждаемый и моим личным теперешним положением я решил обратиться к Вашему высокопревосходительству с этою запискою.

Наша крамола, наша смута политическая имеет основание в смуте умственной. Смута умственная произведена тридцатилетнею пропагандою в литературе, в школе, в обществе, в жизни. Уничтожить смуту умственную должны также литература, школа и жизнь. Но в действительности и литература, и школа, и жизнь продолжают действовать в прежнем направлении.

Относительно литературы преосвященный Амвросий, нынешний архиепископ харьковский, еще в 1882 году высказал мнение, что наши писатели и издатели известной партии своими писаниями и изданиями «влекут всех и все к несомнен-

ной гибели». Мне известен поразительный пример в этом отношении — книга, которую по содержанию и направлению можно назвать «теорией государственной измены», написанная профессором университета *ad usum* учащейся молодежи, книга, которая воспроизводит, собственно, только его лекции, читанные в университете.

Этот самый пример показывает, что направление школы и литературы одно и то же, т. е. что школа не только не противодействует литературе, что она могла бы делать не без успеха, но стремится с нею к одной цели.

Наша школа по идее своей, выраженной в уставе, в теперешнем ее состоянии не в состоянии дать такое направление юноше, чтобы из него вышел человек религиозный и патриот. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что в ней закон божий и русский язык отнесены к числу предметов второстепенных, т. е. второстепенной важности. Есть масса других подробностей, внушающих ученику, что как Россия, так и православная вера — это нечто второстепенное.

Но..... если бы и при теперешнем уставе дело велось правильно и серьезно и школа, хотя бы и не выпускала патриотов и людей религиозных, а выпускала космополитов, то эти космополиты все-таки были бы людьми, способными серьезно смотреть на вещи. Не то происходит в действительности.

Нынешняя школа совсем и не стремится к тому, чтобы выпускать людей серьезных. Я сам был в течение 12 лет начальником средних учебных заведений. И ни одного раза компетентная власть не подала мне вида, чтобы она стремилась к оздоровлению школы, к тому, чтобы воспитанники серьезно изучали науку, чтобы они воспитывались в духе религии и патриотизма. Мне и всем другим начальникам средних учебных заведений внушалось только одно, чтобы все было благополучно, чтобы нами были довольны местные жители, земство, администрация, городские общества и пр.

Если в циркулярах писалось иногда противное, то это никого не вводило в обман. Начальники учебных заведений, опытные служаки, хорошо понимали и не скрывали ни от себя, ни от других, что циркуляры эти недействительны, что в ответе будет не тот, кто не последует циркуляру, а напротив, тот, кто последует ему.

Достигнуть того, чтобы были довольны местные жители, не было особенно трудно. Но для этого нужно было войти в сделку или с местными хищниками, или с местными пропагандистами, с местной фрондой, которая почти везде действует, или с местной властью, которая почти везде популярничает.

Так и делали, так и делают, и все оказывается благополучным, все шито и крыто. Но только до поры до времени.

Жизнь и литература оказывают на учащееся юношество свое влияние в либеральном направлении. Этому содействуют и педагоги, между которыми, вероятно, не менее 50 процентов либералы. Есть и законоучители-либералы. А между педагогами есть не только либералы; есть люди, сочувствующие действиям крамолы, есть люди, действующие в одном направлении с нею. И они делают пропаганду между учениками, тайно и даже явно.

И вот обнаруживается либеральное и даже революционное направление между учениками. Что должен делать начальник учебного заведения? Самый благоразумный покажет вид, что он ничего не замечает. Менее благоразумный удалит учеников из заведения, но не тронет педагога-пропагандиста, ничего не сообщит о его деятельности попечителю округа, потому что попечителю это будет неприятно: он должен сообщить о деле в министерство и тем высказать свою бестактность. *Бестактность* — слово, имеющее особое значение в министерстве народного просвещения. Именно это и есть свойство начальника, у которого не все благополучно, не все шито и крыто. Наконец, самый неблагоразумный начальник постарается раскрыть все дело, прекратить пропаганду, сообщить все начальству и т. д. И что окажется в результате? Пропаганды он не прекратит, а себе повредит самым действительным образом.

Заключение, которое отсюда следует, ясно. Никто сам себе не враг.

Убедительным доказательством такого положения дел служит история двух гимназий, в которых я был директором: новочеркасской и одесской 2-й.

В Новочеркасске в течение 25 лет директором был самый благоразумный человек, едва ли не в целой России, г. Робуш, еврей по происхождению, как говорят. Это было от начала

пятидесятых до конца семидесятых годов, во все время самого горячего прогресса. При нем открыто в классах преподавалось безбожие, он этого, как будто, не знал. В общей ученической квартире жили какие-то посторонние агитаторы, приносившие туда заграничные революционные издания, как «Вперед», «Набат» и т. п. И этого он не видел, и даже преследовал учителя г. Полякова, который вскрыл это дело. О самом г. Робуше рассказывают чудовищные вещи: бывши учителем — секретно, за деньги, лечил учеников от сифилиса (что совершенно верно, подтверждено следствием), женился на протегее наказного атамана, известного развратника Хомутова, открыто брал взятки и пр. И все в гимназии было благополучно. И сам г. Робуш благоденствовал, хотя граф Д. А. Толстой, бывши на ревизии в Новочеркасске, разузнал кое-что, убедился в его плутнях, публично высказывал это; но скоро после этого сам должен был выйти в отставку в начале 1880 года. — Г. Робуш также в это время оставил службу в гимназии и получил место директора училищ в том же городе.

Преемник его получил инструкцию исправить гимназию, которая в этом очень нуждалась. Ученики пьянствовали, буянили, наводили страх на соседей, на городских дам и предавались либерализму, философскому и политическому. Преемник г. Робуша не отказался от порученного дела. Но в квартиру его полетели камни, два раза в его окна стреляли, и через 1 1/2 года он был переведен в другой город.

Следующий преемник г. Робуша продолжал исправление гимназии; в него опять полетели камни; не раз стекла были у него выбиты; сам он был подвергнут побоям чрез наемных казаков, и через 1 1/2 года был переведен в другой город.

Третьим преемником г. Робуша был я. Я продолжал дело моих двух предшественников и по признанию (письменному) г. наказного атамана далеко не безуспешно. Г. атаман писал в министерство, что гимназия стада неузнаваема. Но для меня камни и выстрелы найдены недостаточными: мою квартиру взорвали; от взрыва треснула каменная стена, разбились стекла, поломалось несколько мебели, побилось несколько посуды. Жена моя после того имела два последовательных выкидыша и около 10 месяцев лежала в постели. Приезжал жандармский офицер и открыл, что взрыв произведен учени-

ками под влиянием социально-революционной партии. Так об этом было сообщено мне из министерства народного просвещения официально.

Между тем по поводу всего этого мне были сообщены весьма знаменательные вещи: так, законоучитель сообщил мне, что два преподавателя гимназии ежемесячно посылают деньги для какой-то подозрительной цели; один из родителей со скорбью говорил мне, что в Новочеркасске студенты в каникулярное время открыто собираются и делают денежные сборы для агитационных целей; один из преподавателей сообщил, что о смерти покойного государя говорили в Новочеркасске 1-го марта 1881 г. *утром*. В то же время близ Новочеркаска, в каменноугольных коях, пропало больше 100 патронов динамита и несколько пудов пороха.

А жена моя в это время лежала в постели после выкидыша. Мое положение с пятью малолетними детьми было весьма тяжелое. Я получал угрожающие письма, что моя квартира будет еще взорвана уже не порохом, а динамитом. И я просил у местного областного правления некоторой защиты, просил, чтобы директорская казенная квартира во время предстоящего ремонта была перенесена из 1-го этажа во 2-й, что избавило бы и учеников от искушения делать покушения против директорской квартиры.

В моей просьбе для большей убедительности я написал, что меня путают эти пропавшие динамитные патроны и тот факт, что в Новочеркасске о смерти покойного государя говорили раньше самого события.

В то же время обо всех этих тревожных слухах я сообщил и своему начальству. Мое начальство на мое сообщение не обратило никакого внимания, а местные власти не только не исполнили моей просьбы о защите, но еще обиделись тем, что я в официальной бумаге мог написать, что в Новочеркасске знали о смерти покойного государя раньше события и что пропавшие в коях динамитные патроны могут иметь худое назначение. Областной предводитель дворянства написал на меня жалобу г. министру народного просвещения, и мне было приказано подать в отставку еще в то время, как моя жена лежала в постели вследствие взрыва.

Когда я после того приехал в С.-Петербург, то от г. министра услышал упрек в бестактности, а от г. товарища министра — в излишней подозрительности.

Через год после этого в Новочеркасске у казачьего офицера Чернова найден склад динамита, имевшего назначение более грандиозное, чем взрыв квартиры директора гимназии. Это был тот динамит, который пропал из копей. Дело оказалось столь важным, что даже родина Чернова хутор Чернов переименован в хутор Александров, как во время Пугачева родина его, станица Зимовейская, переименована в Потемкинскую.

Еще через год — в покушении 1-го марта 1887 года участником оказался студент из казаков, воспитанник Новочеркасской гимназии. Моя подозрительность оказалась не излишнею, а может быть недостаточною.

Упрек в подозрительности сделан мне кн. Волконским после того, как сам он после взрыва приезжал делать ревизию в Новочеркасске, сам на месте все видел своими глазами, сам говорил со многими лицами, местными жителями. Его ревизия имела тот результат, что кроме меня еще один директор Новочеркасской гимназии, мой предшественник, переведенный перед тем в другую гимназию, также должен был подать в отставку, а наш общий предшественник — г. Робуш, который в течение 25 лет развращал гимназию, награжден орденом Анны 1-й степени; награда чрезвычайно редкая для лиц, занимающих директорские места. Комментарии тут излишни.

В одесской 2-й гимназии повторилось буквально то же самое. Директор, который мирволил пропагандистам и полякам, служил 20 лет и благоденствовал. Преемник его, заметивший, впрочем, не вдруг, что дело в гимназии идет неладно, что все делается в ней согласно видам преподавателя-пропагандиста и пособника его инспектора-поляка, тотчас же потерял место, как принял некоторые меры к прекращению такого порядка. — Мое внимание на ненормальное состояние гимназии обратил сам г. попечитель округа. Я разобрал дело, раскрыл, разъяснил г. попечителю, и он перевел пропагандиста и его пособника в другие учебные заведения с понижением. — Но я, вероятно, опять оказал бестактность и излишнюю подозрительность: увидел пропаганду там, где г. попечитель, кажется, видит только шалость, и обратил внимание на брак педагога противный ка-

нонам, совершенный с помощью фальшивых свидетелей. Кстати, позволю себе привести Вашему высокопревосходительству факт, что даже парижская коммуна 1871 года, которая своими постановлениями почти совсем уничтожила разницу между браком и всякою другою половою связью, требовала, однако у брачующихся, чтобы они сделали формальное заявление о том, что, они, во-первых, не состоят уже в браке, и во-вторых, что они не состоят и в родстве *jusqu'au degré qui, aux yeux de la loi, est un empêchement au mariage* (La Commune et ses idées, par Ed. Bourloton, стр. 139). А в России — попечитель учебного округа оказывается либеральнее деятелей парижской коммуны, именно в вопросах веры и нравственности. В то время как правительство ясно наметило себе и всем своим органам задачей усиление, по всей народной массе, веры, попечитель учебного округа, руководитель обучения и воспитания в десятках и даже сотнях учебных заведений находит возможным своим авторитетом отменить канонические постановления православной церкви, признать несвоевременность их, устарелость.

Но так или иначе, после годичной службы, успевши, однако, в течение года прекратить в гимназии политическую агитацию, существовавшую в течение 12 лет, я был уволен против моего желанья. И г. министр народного просвещения, после моего приезда в Петербург, встретил меня упреком в бестактности, преувеличении и излишней подозрительности и не раз повторял этот упрек до конца февраля, и только покушение 1-го марта, всецело принадлежащее учащемуся юношеству, избавило меня от этого упрека, показало г. министру неосновательность его.

К сожалению, признание г. министром своей ошибки в этом случае есть только платоническое и для меня оно не имело никаких последствий. Правильность моих действий и моя заслуга остаются непризнанными.

1-е марта этого года не имело такого результата, чтобы изменить систему действий министерства народного просвещения. И нельзя надеяться, чтобы это оказалось впоследствии. 1-е марта 1881 года было фактом, еще более красноречивым. Казалось, что после него не было возможно никакое колебание в системе, а между тем, кроме колебаний, кроме надежды на авось, ничего не было. Смута сама собою никогда не прой-

дет, — ни смута политическая, ни смута умственная. Люди, которым она нужна, действуют энергически, последовательно, систематически. Чтобы противодействие им было успешно, нужно, чтобы оно отличалось теми же качествами.

А между тем его иногда совсем не было. Это стремление угодить всем и каждому было не чем иным, как отречением от правительственной системы в деле воспитания юношества, это была своего рода негласная конституция, принятая министерством народного просвещения, обязательство, данное им, вести дело народного образования не так, как того требует общее направление государственной политики, а так, как хочет другая сторона, оппозиция, также негласная, неопределенная. Это самый худший вид конституции. Тут дело делается не согласно с видами большинства, а согласно с видами людей, наиболее слепых, наиболее дерзких, наихудшим образом направленных, имеющих интерес в том, чтобы наше образование не стояло на прочном фундаменте, чтобы его направление не совпадало с высшими интересами государства и народа, с интересами его религии и с интересами нравственности. Эта система все более и более становится заметною по мере того, как князь Волконский более и более приобретает влияние на дела. В настоящее время И.Д. Делянов без кн. Волконского и затем без г. Аничкова, по-видимому, не решает никакого дела. Он только называется министром, а все направление делам дают его товарищ и директор департамента. Таково об этом общее мнение.

Только таким образом и можно объяснить, что разращение школы все растет, что мог иметь место этот чудовищный факт, покушение троих студентов, и притом первого курса, на жизнь государя. Один из этих студентов — бывший ученик Новочеркасской гимназии. Когда меня удалили оттуда, то там либеральный элемент значительно поднял голову. Местные люди, видя, что министерство народного просвещения податливо, стали предъявлять ему и другие подобные требования, и начальство удалило от службы еще одного педагога, отличного математика, замечательного именно тем, что он всего менее мирволил всяким либеральным выходкам учеников или либеральным подходам учителей, того г. Полякова, который лет десять назад открыл в общей ученической квартире революци-

онную пропаганду посредством заграничных изданий «Вперед», «Набат» и т. п. За это его там и не любили. И еще, когда я был директором в Новочеркасске, от меня прямо требовали, чтобы представил его к увольнению, разумеется, под другими предложениями. Но я не мог принудить себя разыграть роль Пилата, предать на распятие человека, который не только не был виновен, но даже имел несомненную заслугу перед гимназией. Приемник мой, очевидно, благоразумнее меня, и г. Поляков удален от должности. Между тем те учителя, которые посылали деньги для революционных целей, те, которые знали о смерти покойного государя раньше события, продолжают служить и, без сомнения, действуют в прежнем направлении и даже, вероятно, в душе торжествуют. Торжествуют и ученики, пропитанные революционными идеями, успех придает им одушевления, и они принимаются за динамитные снаряды. Все это идет совершенно естественным путем; один революционный фазис вполне правильно сменяется другим.

В других городах везде то же самое. Мне известны подобные случаи в Харькове, в Вязьме, в Воронеже, в Вологде. В последнее время начальников учебных заведений удаляют почти исключительно за *бестактность*, и удаляют с такою легкостью, что в Одессе об этом не только в педагогическом мире, но и в обществе составилось следующее сравнение: директора гимназии скорее удалят от места, чем околоточного надзирателя. Я сам лично слышал это. И все это делается безо всякого подобия расследования.

В 1881 году прокурор, обвинявший царевубийц, говорил уже на суде о худом влиянии школы на учащуюся молодежь. «Юноши, — говорил он, — пришедшие в нее (школу) за полезными знаниями, направляются не на ученье, не на занятия, а в сторону, на политику, на агитацию — вот те грустные явления в жизни нашей молодежи, которые дают нам Рысаковых, Кибальчичей и даже Желябовых, готовых на все безнравственное и ужасное». С того времени прошло 6 лет, и если дело изменилось, то не к лучшему, а к худшему. В одесской 2-й гимназии и вообще в Одессе пропаганду, агитацию между молодежью ведут друзья самого Желябова, подвергают оскорблениям тех, которые им покушаются противодействовать, а начальство учебного округа, со своей стороны, удаляет таких

людей со службы, оставляя в покое агитаторов, предоставляя им полную свободу действий и даже поощряя их тем, что удаляет людей, противодействующих им.

При таком ходе дел крамола никогда не прекратится, а, вероятно, будет расти. Это можно предсказать, не будучи пророком.

Ваше высокопревосходительство один раз спасли Россию от конституции открытой. Конституция скрытая хуже и опаснее конституции открытой. Вашему высокопревосходительству предстоит высокая, священная задача избавить Россию от этой особенной, своеобразной конституции. Зло все в ней. В ней основание смуты умственной. А смута умственная есть душа смуты политической. И пора России освободиться от этого кошмара, в своей сущности ничтожного, освободиться от того величайшего позора, что русский царь служит целью преступных покушений со стороны молодежи, обучающейся в казенных учебных заведениях. Такой аномалии, столь гнусной аномалии, еще не было во все течение истории.

21 апреля 1887 г.

Д. Щеглов.

719

Многоуважаемый Константин Петрович.

Позвольте наскоро набросать две-три мысли, которые могут иметь значение при решении вопроса о нравственной стороне принятия мер против иностранного землевладения и колонизации именно в настоящее время. Проектируемый закон будет встречен массой русского народа с радостью и сочувствием: в этом не может быть никакого сомнения. А в данную минуту настоятельно необходимо чем-нибудь поднять угнетенный, оскорбленный и взволнованный народный дух. События в Болгарии и позор, которому благодаря им подверглось в последнее время русское имя, отражаются самым невыгодным образом на народном самосознании и на доверии народа к правительству. Каждый русский чувствует на себе лично оскорбление и в то же время злобу бессилия. Закон этот будет достойным и величавым ответом России ее западным недругам: он будет для всех русских мощным призывом царя к спокойному доверию.

Действительно, чем может Россия отплатить Берлину и Вене за явное злорадство по поводу кровавой потехи в Болгарии, за иезуитские вызовы и науськивания, вроде того, «что едва ли достоинство России позволит ей на этот раз остаться безучастной зрительницей событий». Сами по себе ни Германия, ни Австрия не желают войны с нами, но не прочь втравить нас в вооруженное вмешательство, составить против нас коалицию Румынии, Болгарии, Сербии, Турции, с Англией на море и воспользоваться затем нашим бессилием. У нас есть задачи на Востоке, и большие, но в данную минуту нет материальных и возможных объектов для войны, поэтому воевать нам не следует, т. е. воевать наступательно. Напротив, мы должны быть ежечасно готовы к отчаянной обороне и затем, сильные этою готовностью и сдержанностью, новым законом громко сказать соседям: мы не выходим из нашего выжидательного положения, но отныне отказываемся от ваших предательских услуг где бы то ни было и желаем жить своею собственною, русскою жизнью. Эта речь раздастся во всем славянском мире и подымет нас, быть может, даже больше удачного вооруженного вмешательства. Наша сдержанность перестанет быть выражением бессилия и станет, напротив, доказательством спокойной в себя веры.

Закон должен быть применен решительно и быстро: никогда он не был так нужен, как теперь. Сам я этого никому сказать не могу, поэтому утруждаю письмом Вас. Если я прав — поддержите Вашим авторитетным словом эту мысль, если не прав — не обессудьте: слишком тяжело в такие минуты сознавать себя русским и молчать.

Ваш всепокорнейший и преданный

26 февраля 1887 года.

Л. Богомолов.

720

Москва. 27 сентября.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Искренно сожалею, что мне не удалось застать супругу Вашу и Вас, я приехала к Вам спустя час после Вашего отъезда, не подозревая, что Вы уедете с почтовым поездом.

Мне так хотелось видеть Вашу супругу и еще раз благода-

рить Вас за то сердечное участие, которое Вы доказали нам.

Но не правда ли, добрейший Константин Петрович, все нами сказанное останется между нами и Вы никому из посторонних не будете говорить о переданном братом и мною.

Мы сочли лишним Вас о том просить, зная, что Вы вполне понимаете, что нам стоило говорить о семейном нашем горе. Вам *одному* могли мы решиться открыть наши сердца, но, как мы Вам сказали, нас побудило сознание нашего долга и ответственности перед государем. Он должен знать всю правду, и потому мы Вас и просили ему высказать ее, как нам ни больно и ни тяжело, но, ради Бога, никому другому ни слова.

Примите, добрейший Константин Петрович, уверение моего искреннего и глубокого к Вам уважения.

Екатерина Клейнмихель.

721

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

Простите меня за ту настойчивость, с которою я добиваюсь сказать несколько слов в свою защиту. Меня подозревают, почти даже обвиняют в том, что будто бы я был посвящен в преступные замыслы Новорусского. Обвинение это настолько тяжело само по себе и по своим последствиям, что я, чувствуя себя правым, не только хочу, но и считаю себя нравственно обязанным употребить все меры к тому, чтобы рассеять его. В самом деле, могу ли я молчать? Меня, как оплеванного, выгоняют из академии... Теперь прямо взглянуть ни на кого не смеешь, общество людей становится невыносимым, на всех лицах, на которых даже ничего не написано, читаешь жестокий укор... А к этому еще сознание, что ты лишен возможности надлежащим образом отплатить обществу за полученное от него в долгие годы ученья, — что падающее на тебя подозрение ложится новым грязным пятном на духовенство и на учебное заведение, в котором воспитывался... Да мало ли чем и еще приходится терзаться теперь. Примите это во внимание, — и тогда Вы, надеюсь, простите меня за мою настойчивость и не откажетесь от труда выслушать меня.

Падающее на меня подозрение есть просто плод печальных недоразумений. Прямых доказательств этого я, конечно, не могу

представить по самому существу дела (невозможно же доказать прямо, что Новорусский когда-нибудь тайно не сообщал мне о своих замыслах). Единственный путь для оправдания мне — опровергнуть те основания, на которых зиждется обвинение. К сожалению, я даже не знаю и нигде не мог узнать этих оснований. Приходится лишь предполагать их самому, по собственным соображениям и по разным слухам.

Прежде всего, вероятно, представляется подозрительным самое мое знакомство с Михаилом Новорусским. Скажу несколько слов об этом знакомстве. Знаком я с Новорусским с детства: вместе поступили в училище и жили на одной квартире. Благодаря разным обстоятельствам, о которых для краткости не упоминаю, мы скоро очень сблизились, почти подружился. В семинарии нам пришлось первый год жить не в общем здании с прочими учениками, а с несколькими еще товарищами в особой квартире (под наблюдением моего старшего брата). Это еще более укрепило наши близкие отношения. Но в следующих классах мы жили уже отдельно друг от друга; а в IV классе я сразу на 2 года отстал от Новорусского (и жил дома), так что Новорусский поступил уже на I курс академии, а я — только в V класс семинарии. Таким образом, 4 года я почти ни разу не видал Новорусского. Это, естественно, положило конец нашим близким отношениям. Но, приехав в академию, совершенно незнакомое мне место, я с удовольствием возобновил знакомство с Новорусским (нужно заметить, что из училищных моих товарищей и знакомых в академии был только один Новорусский; да он один был и из более близких мне товарищей по семинарии). Но теперь это знакомство приняло иной, так сказать, внешний характер, — стало простым знакомством (а не дружбой) в силу землячества и воспоминаний. Встречались мы довольно часто — и до окончания Новорусским курса в академии, и после. По окончании курса Новорусский, бывая в академии, по большей части заходил на несколько минут и ко мне — то выпить чаю (так как встречались чаще всего в столовой, во время чая), то попросить разыскать какую-нибудь книгу из наших библиотек и т. п. Последний раз он был в академии — ночевал с 26 на 27 февраля; пришел он в академию, помнится, около 7 $\frac{1}{2}$ — 8 часов вечера 26 числа, зашел ко мне в занятую комнату и, посидев за

общим столом (при других студентах) несколько минут и осведомившись, есть ли свободная койка в нашей спальне, пошел (как сам тогда же сказал) *в читальню пересмотреть журналы и газеты* и около $1/2$ 11-го он опять зашел в нашу занятную комнату, попросил указать ему койку в спальне и сразу же лег спать; утром, 27-го числа, он сходил в баню (это было в пятницу), напился чаю (без меня) и ушел куда-то (может быть, он оставался и в академии, напр. *в читальной комнате, но только не у меня*; вообще утром я его сам не видал, а только слышал о нем от других). Говорю об этом посещении подробнее потому, что оно было всего за 2 дня до 1 марта. Что касается до моих посещений Новорусского, то они были довольно часты, — впрочем, часты очень различно, смотря по разным, совершенно случайным обстоятельствам. Заходил я к нему обыкновенно на несколько минут (если не случалось прийти к чаю), чаще всего — возвращаясь из города или во время прогулки после обеда. Заходил я часто без всякой или без особенной надобности. Новорусский звал меня чаще заходить к нему по-простому, по-товарищески; сам он, необычайно точный и неутомимый труженик, умный, начитанный, простой в обращении, притом старинный знакомый, — нравился мне; нравилось мне и то, что жил он почти по-семейному (а у меня, кстати, в Петербурге не было знакомых семейств); и вот я, часто без всякой надобности, заходил к нему, когда представлялся случай; притом иногда Новорусский просил меня принести ему ту или другую книгу из наших библиотек (помню три таких случая после Рождества), раза два просил доставить ему хинина; эти мелкие поручения тоже давали повод лишний раз при случае зайти к Новорусскому. Такого рода посещения, конечно, не могут еще свидетельствовать об особенной близости наших отношений. И действительно, я, например, о намерении Новорусского жениться на Ананьевой узнал лишь уже после того, как Новорусский говорил об этом намерении ректору, преосв. Арсению; мне Новорусский сказал, что повенчается сразу, как только получит согласие родителей, и повенчается без всяких празднеств, даже никому не говоря об этом; так как в последнее время Новорусский называл мне Ананьеву женой, то я думал даже, что они повенчались, но спросить его об этом затруд-

нялся. О матери Ананьевой я знал только, что она живет в Парголове (сам ее никогда не видал). О жившем у Новорусского старичке я знал только, что он какой-то родственник Ананьевой (поэтому только мне и казалось не так странным, что Новорусский позволил себе жить в одной квартире с молодой девушкой). Вообще Новорусский, хотя и был, по-видимому, в близких отношениях со мною, не любил даже, чтобы я заглядывал в его семейную жизнь; тем более он не допускал, да по характеру своему и не мог допустить, чтобы я (и вообще кто-либо) заглянул в его внутренний мир. Нужно заметить, что за последние годы Новорусский успел выработать из себя человека, крайне сдержанного и замкнутого в себе. А при таких условиях бывает крайне трудно узнать человека, составить о нем правильное понятие. Постоянно следя за собой и умея отлично владеть собой, он всегда может показывать себя другим с тех сторон, с которых хочет показать. Я этим не хочу сказать, что Новорусский был решительно двуличный человек: он мне всегда казался прямым человеком, но умевшим не давать другим заглядывать туда, куда не нужно. Благодаря такому характеру Новорусского я не мог узнать надлежащим образом его воззрений. Впрочем, мне все-таки казалось, что я довольно хорошо знаю Новорусского (так как ведь и из обычных разговоров можно бывает узнать человека; да притом с Новорусским я знаком с детства). И вот, когда около 4—5 марта распространился в академии слух, что Новорусский арестован как прикосновенный к преступлению 1 марта, — я положительно не мог верить этому; это известие мне казалось просто вымыслом чьей-то праздной фантазии, вымыслом, решительно нелепым; мне было даже обидно, что могут верить подобному слуху, и я готов был сколько угодно спорить, что это немыслимо, ни с чем не сообразно. Новорусский — революционер... Я не мог допустить этого. Когда стало достоверно известно, что Новорусский арестован, когда стали говорить, что Новорусский даже один из главных коноводов заговора, что у него найдена целая химическая лаборатория, в которой готовились взрывные снаряды, — я и тут не мог поверить, чтобы Новорусский был действительно виновен, и, считая арест за печальный факт, случившийся вследствие какой-нибудь ошибки, недоразумения, на рассказы о найден-

ных у Новорусского вещах, имевших отношение к преступлению, не мог смотреть иначе, как на произведения всполошенной фантазии, любящей украшать страшные факты страшнейшими подробностями. Не веря в эти рассказы, как ни с чем не сообразные, сам, я и других уверял в том же (что, конечно, было бы по меньшей мере странно с моей стороны, если бы я знал или хоть предполагал возможность существования подобных вещей у Новорусского: вещи тайные, и если о них стало известно, то, очевидно, они найдены). И до самого последнего времени я не верил в виновность Новорусского и искренно жалел его как невинного страдальца. Да и не один я не мог понять, как это Новорусский попал в ряды революционеров, оказался даже одним из главарей их. Все известные мне знакомые Новорусского были просто поражены известием об его аресте и особенно рассказами об его революционной деятельности. Очевидно, очень хорошо умел держать себя Новорусский в кругу даже близких знакомых. И если другие знакомые ошибались в Новорусском, то почему бы не мог ошибиться в нем и я. А предполагать на основании моего знакомства с ним, что я был посвящен в его замыслы, кажется, решительно странно. Ужели этот чрезвычайно осторожный и замкнутый в себе человек так легко поверял свои самые тайные и опасные замыслы своему хотя бы и близкому знакомому? И обратите внимание на его защиту на суде. Он совершенно отрицал не только свое участие в преступлении 1 марта, но и вообще свою принадлежность к революционному обществу. А так он мог поступать только при уверенности, что, кроме небольшой партии участников преступления (с которыми он имел сношения), никто не знает о его преступных замыслах, что тайна его участия в преступлении не пойдет («по секрету») из уста в уста и не может быть обнаружена полицией. Может быть, мне скажут, что если я и не был посвящен в преступные замыслы Новорусского, то наверное знал, что он социалист-революционер, так как трудно предположить, чтобы он, естественно заинтересованный увеличением своей партии, не пытался привлечь в нее и меня, своего старого знакомого. Одно скажу на это: очень возможно и вероятно, что Новорусский пробовал, — может быть даже надеялся со временем и меня завербовать в свою партию (впрочем, он частенько шутил назы-

вал меня «безнадежным вахлаком» — название до некоторой степени обидное, пожалуй, но если с ним соединялась скрытая мысль о моей безнадежности в отношении к обращению в революционеры, то, конечно, обиды нет); только нужно иметь в виду, что Новорусский был человек далеко не глупый, а главное очень сдержанный и осторожный, так что если он и зондировал во мне почву, то, конечно, так, чтобы этого нельзя было заметить. В заключение о моем знакомстве с Новорусским, если бы оно было преступное, особенно если бы я сам был посвящен в заговор, то после 1 марта я должен был бы благоразумно молчать о нем (знакомстве); между тем я ни перед кем не скрывал его, а прямо и открыто, ничуть не стараясь исказить, говорил о нем, например, и своему академическому начальству.

Другим основанием падающего на меня подозрения служит, вероятно, то, что Михаил Новорусский из всех студентов академии только одного меня вызвал свидетелем в суд. Но что же тут особенного? И не логичнее ли из этого сделать вывод, совершенно противоположный тому, какой, к моему несчастью, уже сделан относительно меня? Разве вызвал бы меня Новорусский свидетелем, если бы я был посвящен в его замыслы и политически неблагонадежен? Ведь понимал же он, что, вызывая меня в суд, он обращает на меня внимание полиции и дает ей повод тщательно присмотреться ко мне; а если я политически неблагонадежен, то это, конечно, опасно для меня и далее для самого же Новорусского. Правда, он вынужден был бы вызвать меня в свидетели, если бы невызовом мог бросить тень на себя или если бы имел в виду получить от меня ценные показания, которых нельзя было бы получить иным путем. Но, наверно, полиция и не знала до суда о моем существовании, так что невызов меня в свидетели не бросал бы никакой тени на Новорусского (да если бы полиция и знала обо мне, так не придавала бы значения невызову меня в свидетели, так как по существу моих показаний вызовов вовсе не был необходим), а главное дело — каждое из данных мною показаний Новорусский даже с большим удобством мог бы получить от других лиц, особенно от студентов же академии. Притом, если бы Новорусский опасался за меня (а он должен был опасаться, если я неблагонадежен), то вызвал бы не одно-

го меня, а вместе с другими студентами (для прикрытия меня; опасаться вызывать студентов в свидетели Новорусский не мог, так как его до 1 марта и не думали подозревать в неблагонамеренности: значит, нечего было бояться нежелательных разоблачений). Очевидно, Новорусский вовсе не хотел вызывать в суд студентов академии, поэтому и меня вызвал одного только (имея в виду, вероятно, получить от меня всю сумму тех показаний, которые могли дать студенты) и вызвал, видимо, по каким-то особенным обстоятельствам во время уже хода судебных засаданий (16 апреля). Вместе со мной экстренно были вызваны еще в свидетели — один священник (эконом академии) и диакон, знавшие Новорусского за очень хорошего человека и принимавшие его в своих семействах, — затем две учительницы, знавшие Новорусского мало (одна — по школе, другая — по случайным встречам), — наконец один из товарищей Новорусского по академии, Соколов, кажется, живший с ним в академии в одной комнате, но знавший его мало и только почти с внешней стороны, — словом, вызваны были все лица, знавшие Новорусского с внешней стороны (какою он показывал себя другим) и считавшие его за отличного человека. Странно было бы сомневаться в политической благонадежности этих лиц на основании вызова их в свидетели по делу Новорусского. Странно, мне кажется, было бы сомневаться по тем же основаниям и в моей благонадежности. А заключение, что я знал преступные замыслы Новорусского, как мне кажется, и совсем не может вязаться с вызовом меня в свидетели.

Но самым главным основанием для падающего на меня подозрения были, вероятно, мои показания на суде (так подтверждают и слухи). Во-первых, на вопросы Новорусского мне вообще приходилось давать такие ответы, которые слышались в самих вопросах, так что могло казаться, что я даю ложные показания с целью укрыть Новорусского. Но ведь дело в том, что Новорусский сам предлагал вопросы свидетелям и предлагал, конечно, такие вопросы, на которые свидетели должны были дать удовлетворительный для него ответ (если не хотели лгать и отрицать бывшие факты). Если затем кому-либо кажется странным и подозрительным то, что я прямо, без затруднений, давал свои показания, не требуя времени для

припоминания, то я замечу на это лишь одно: то, о чем меня спрашивали, настолько хорошо держалось в моей памяти, что не было надобности долго припоминать (только одно припоминал я с трудом: о тексте присяги). Если же кому представляется сомнительным правдивость моих показаний, то я могу и теперь подтвердить свои показания (где это возможно по самому существованию их) свидетелями. Скажу о некоторых моих показаниях отдельно.

Прежде всего Новорусский спросил меня, часто ли я бывал у него на квартире до и после Рождества; я отвечал, что часто, и, по предложению прокурора, пояснил, что бывал различно: случалось 2—3 раза на одной неделе, а случалось и ни разу, — что зависело от случайных обстоятельств: заходил я к Новорусскому обыкновенно с прогулки или возвращаясь из города; заходил ненадолго, обыкновенно на несколько минут; в Парголове не был ни разу. — Раздумывать и припоминать при даче этого показания было, очевидно, не о чем, и потому я давал его, не затрудняясь. О самих посещениях Новорусского я уже говорил выше. В них нет ничего особенного, подозрительного, если всмотреться в них. Но на первый взгляд тут можно, правда, усмотреть нечто очень подозрительное.

Особенно же странным могло представиться мое второе показание. На вопрос Новорусского, был ли он 18 и 26 февраля в академии, я прямо отвечал, что был и ночевал. Странно, на первый взгляд, такое показание: я, спустя полтора месяца, так точно помнил число даже. К моему несчастью, я не сделал тогда суду надлежащих пояснений. В сущности дело очень просто. Когда прошел слух об аресте Новорусского, я, естественно сейчас же вспомнил его последнее посещение: это было так недавно, всего за 2—3 дня до 1 марта, — в царский день, 26-го числа, и в пятницу — 27-го (утром ходил в баню). Тут же я вспомнил и предыдущее его посещение, — но вспомнил только, что это было приблизительно за неделю, а точно числа не установил. Число припомнил я уже накануне самого допроса в суде по совершенно случайному поводу: в свидетельской комнате, в разговорах о Новорусском, между прочим припомнили его приезд в Петербург 18 февраля; в связи с этим разговором и я тут же припомнил, что 18 числа Новорусский был и в академии (он ночевал, утром ходил в баню);

после бани, напившись чаю, ушел в город; уходя, он взял у меня денег — ввиду того, что он за отсутствием эконома академии не мог получить жалованье; мне он поручил взять в тот же день его жалованье от эконома, когда тот вернется домой, — что я и исполнил). Таким образом, числа, в которые Новорусский был в последние разы в академии, я знал перед дачею показания точно, поэтому-то так определенно и отвечал на вопросы Новорусского. К сожалению, я не сделал при этом надлежащих пояснений. Может быть, благодаря этому сомнительною кажется самая достоверность моих показаний. В таком случае я могу привести в свидетели других студентов академии (Новорусский приходил не тайком). Равным образом, надеюсь, свидетели, бывшие по делу Новорусского, припомнят наш разговор о приезде Новорусского в Петербург 18 февраля.

Из остальных моих показаний стоит упомянуть еще о моем ответе на вопрос: видел ли я когда-нибудь у Новорусского текст присяги на верноподданство. Я отвечал, что когда-то видел; но обстоятельств, при которых я видел этот текст, я не мог хорошо припомнить; помнится, говорил я, что это было в квартире Новорусского на Малой Итальянской: я перелистывал какую-то книгу, и в ней попался мне текст присяги; я мельком спросил Новорусского, что это и зачем; он ответил, что это просто так хранится у него текст той присяги, которую приносили в 1881 году в семинарии; но эти обстоятельства припоминаются смутно и потому я не могу поручиться за их полную достоверность. — Так показал я на суде. И теперь я не стану решительно утверждать, что я видел у Новорусского текст упомянутой присяги, именно при таких обстоятельствах, хотя эти обстоятельства теперь помнятся и тверже. Случай этот, как не обставленный никакими особенными обстоятельствами и притом давний, естественно, припоминается плохо. В самом же факте, что я видел у Новорусского упомянутый текст присяги, кажется, нет решительно ничего странного. Говорят, при аресте Новорусского этот текст найден на видном месте (точно будто напоказ выставлен). Легко в таком случае он мог попасть и мне в руки. Но тогда я не обратил на это особенного внимания (и теперь ведь этот текст присяги обращает на себя внимание только по связи с виной Новорусского).

Далее, я показал суду, что занимался Новорусский, насколько мне известно, своей диссертацией, что книги я видал у Новорусского на немецком и на русском языке — преимущественно по психологии и педагогике, — на книгах штемпель наших академических библиотек; книг по химии у Новорусского не видал и не предполагал, чтобы он занимался когда-нибудь химией. О причинах переезда Новорусского в Парголово не знаю, — помнится только, говорил он мне, что переезжает туда ради дешевизны содержания; некоторых знакомых Новорусского знаю (по большей части общие знакомые или товарищи по семинарии), ни одного из них не вижу среди подсудимых; вообще ни одного из подсудимых не встречал ни у Новорусского, ни в другом месте; господина, учившего Николая Ананьева, не знаю, не видал; помнится, его кто-то называл мне Василием Михайловичем. — Все эти показания едва ли могут возбудить недоумения; поэтому пройду их молчанием.

Может быть, не кажется ли еще странным, что я принял (точнее хотел принять) некоторое участие в маленьком брате Новорусского. Одно скажу на это: стыдно было бы мне, если бы я безучастно отнесся к ни в чем не повинному ребенку, брату тех самых Новорусских, от которых, сам будучи ребенком, видел так много доброго (особенно старшим двум братьям Новорусского Михаила я очень многим обязан: они наблюдали за мной и помогали мне в училище). Да ведь и Михаила Новорусского в то время я считал невинным страдальцем. Что же странного, если я, зная бедственное положение бесприютного ребенка, хотел помочь ему устроиться в Петербурге, пока представится возможность ему уехать к брату-священнику.

Изложенные мною замечания, может быть, окажутся еще далеко не достаточными для рассеяния падающего на меня подозрения. Но ведь я не могу даже узнать, на чем основывается это подозрение (приходится самому угадывать), — не знаю, что особенно возбуждает подозрение и, следовательно, на что я должен бы обратить особенное внимание (наверное, я многое подтвердил бы свидетелями). И вот первое, о чем мне приходится просить, это — чтобы затребовано было от меня объяснение по тем пунктам, которые бросают на меня тень подозрения. Наказывайте меня, когда я окажусь виноват

или когда по крайней мере я окажусь не в состоянии оправдать себя. А меня теперь выгоняют из академии. За что? В чем моя вина? Да пусть хоть погодят увольнять меня из академии, пока разъяснится дело. Или если почему-либо неудобно было бы оставить меня — после нынешних тревожений в академии, то пусть по крайней мере не прямо гонят меня, а позволят мне самому выйти после лета (после лета я не приехал бы, а через несколько времени прислал бы прошение о выходе). Наконец, если бы оказалось невозможным оставить меня в с.-петербургской академии, то позвольте мне хотя бы в другую академию перейти. Но ужели все-таки мое увольнение из академии так необходимо и решено бесповоротно? От Вас, Ваше высокопревосходительство, зависит так или иначе решить мою участь. Войдите в мое крайне тяжелое положение. Ни в чем не уличенный, я несу уже тяжкое наказание. При других обстоятельствах, выйдя из академии, я по крайней мере имел бы возможность поступить на какую-нибудь службу; а теперь куда меня возьмут, — в военную службу (в ноябре — ныне же), — и только. А сколько к этому еще душевных страданий приходится переносить мне в изгнании. Будьте же снисходительны ко мне и облегчите хоть сколько-нибудь, мое тяжелое (и, поверьте, — незаслуженно) положение.

Простите, что осмелился беспокоить Вас и утруждать Вас своею просьбою.

С глубоким почтением к Вам имею честь быть
Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою

Владимир Тихомиров.

(студент С.-Петербург. духовной академии).
1887 г. 27 мая.

722

Ваше высокопревосходительство.

Скелет Котошихина до сих пор стоит в музее в Упсале. Он служил в посольском приказе при Алексее Михайловиче. Он был обезглавлен за то, что в пылу спора ударил ножом русско-го переводчика, с женой которого он был в связи.

Мне кажется, что ведь это не должно лишить его погребе-

ния в православной земле. Не благоугодно ли будет Вам распорядиться, чтобы кости его были выданы России Швецией.

Недавно в Брянском уезде Орловской губернии похоронили колоссальный череп разбойника, жившего тому назад три века. Не надобно ль скорее выдать его музею, например, московскому антропологическому обществу, в доказательство, что гиганты в самом деле существовали и что натура слабеет и люди и звери делаются все меньше и слабее.

Я бы отнесся в посольство, но барон Моренгейм живет на даче, и дела страждут в тот момент, когда надо влиять на курс рубля и пр. и пр.

9-го сентября, в день моего рождения, мне желательно отслужить молебен на гробах моего отца и моей матери. Они похоронены в Тверской губернии, в Старицком уезде, в селе Иванишеве. Не будете ли так добры приказать епархиальному управлению распорядиться так, чтобы священник не убоялся исполнить просьбу изгнанника, тем более, что моя невестка гневается на то, что я выписал из истории Соловьёва, что Хитрово низкого происхождения (городские Алексеевские дворяне).

Я научился по-еврейски и написал сочинение о жидях. Оно заключается словами Гейне: «От больной веры, которую они притащили из Египта, ни души, ни другие средства не помогут». Я дерзал посвятить этот труд государю императору, но оказывается, что у меня нет довольно протекции, чтобы осуществить это желание.

Имею честь быть, милостивый государь,
Ваш покорный слуга

Иван Головин.

Париж, 5-го сентября 87 г.

723

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь Константин Петрович.

Считаю приятным долгом довести до Вашего сведения, что я получил из конторы августейших детей их императорских величеств, при отношении конторы от 16 ч. мая за № 353, письмо генерал-адъютанта Г. Г. Даниловича и упоминаемые в

оном одну тысячу пятьсот рублей, пожалованные мне, 6 числа текущего мая государем наследником цесаревичем из собственной его высочества суммы в единовременное пособие на издание моей монографии «Неплюев и Оренбург» с теми приложениями, которые я найду полезными и возможными.

Внимание и сочувствие к моим трудам его высочества и лиц, стоящих близко к нему по своему положению, наполнили мое сердце такими возвышенными чувствами, которые не поддаются выражению их словами и сопровождаются благоговейной молитвой и благодарными слезами к Богу: «Верую, — по слову царя и пророка Давида, — видети благая господня на земли живых, яко милость его пред очима моима есть».

Позвольте мне, Ваше высокопревосходительство, почтительнейше просить Вас принять от меня искреннее выражение глубоко благодарных чувств за Ваше сердечное участие и содействие в настоящем деле.

Вашего высокопревосходительства покорный слуга,
наставник казанской учительской семинарии
статский советник

Владимир Витевский.

28 мая 1887 г.
Казань.

724

24-го марта.
5-го апреля.

Получ. 2 июня 1887 г. в пакете.

Ваше превосходительство Константин Петрович.

Моя жизнь была не что, как опыт с моих двенадцати лет. Господь меня не оставлял ни на родине, ни в чужих странах, куда я была Господом послана. И многие чудеса господни могу передать, случившиеся надо мною, и желала бы перед отходом моим к Господу передать моей родине, которая мне дороже моей земной жизни, а тем более, что я узнала по опыту все ее величие и все блага, которыми Господь ее благословил.

Я бы считала себя счастливой, если бы все, что я пишу на особенных листах, могло быть известно и принести какую-

нибудь пользу. Но в таком случае я прошу Вас не упоминать моего имени.

В Англии войск нет, но зато все нации, без исключения, изучены светскими или миссионерами. О России вот их заключение: почва свежая, добрая, все что посеете — взойдет и глубокие корни пустит. Безнравствен, без энергии, заносчив, нерассудителен, тяжел, ленив: деньги сделают последнее.

Деньги пересылаются жидами, польскими и жидовскими студентами...

В России работают три больших неприятеля: англичане, жида и католики, — меж этими последними особенно иезуиты, которые нарочито воспитывают для светской жизни иезуитов и иезуиток. Они пробираются во все сословия и, если надобно дойти своей цели, они играют самую низкую роль, особливо женщины. Меж ними есть — француженки, немки, англичанки, русские, особливо польки. Их очень трудно различить от светских женщин, разве по ихнему необыкновенному равнодушию ко всему без исключения. Они могут и замуж выйти: им дадут разрешение, если нужно для большого подвига.

Русский должен бы жениться только на православной; иначе дом разделен на два и не может быть счастливого конца.

Жида, особливо же англичане, не должны бы ни под каким видом иметь домов, земель или фабрик в России: это погибель государства.

В Бозе почивший государь жизнью заплатил за успехи наши в Азии.

Я знаю, что нет жида, который бы не ненавидел России и не был шпионом Англии. Они, при всех удобных случаях, превращают народ, выискивая все, что возможно, против правительства, и представляя народу всю мнимую свободу и мнимое блаженство Англии.

Они, без исключения, не должны занимать никаких мест; они сеют свое везде: в школах, в армии, в полиции, в питейных домах...

Англичане, даже в своих *entimat* разговорах высокого общества, выражают надежду уничтожить Россию, посредством жидов.

Их Anglo-Jewish общество, какое бы назначение ему ни давали, явно одно из средств к достижению этой цели.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в моем искреннем и полном уважении.

Александра Конейкина.

Вот, что я видела, и клянусь Богом, что это все истина.

К этому видению я была приготовлена три дня: всякий день я более удалялась сама от себя (если так можно сказать); я не обращала внимания ни на что, и на третий день я ни с кем не говорила. Вечером я раньше обыкновенного пошла спать, сказав даме, которая занималась у меня хозяйством, чтобы она уложила детей. Она с удивлением посмотрела на меня, потому что я сама всегда присутствовала, когда дети ложились спать, и что без моего благословения они никогда не ложились.

Я бросилась на кровать, не заснула, но ушла от себя самой.

Я увидела себя в огромном здании и передо мною, с левой стороны, высокую гору, кончающуюся конусом, которого конца я не видала. Вполвысоты этой горы, прислонясь к ней, сидел Спаситель. Его темные волосы, слегка вьющиеся и разделенные посреди лба, падали по плечам; небольшая борода была того же цвета. Лицо было долговатое, лоб довольно большой, глаза цвета месяца, но зеленоватей. Нет слов, чтобы описать божественное выражение лица. Черное одеяние его было совершенно такое, какое носят обыкновенно священники.

Возле горы Спасителя была другая, кругообразная, и меж этими двумя горами стоял молодой русский в национальном костюме, т. е. в кафтане, и опоясан. Волосы его били коротко обрезаны, лицо круглое. И его видела только до колен.

Спаситель, обратив голову на левую сторону к молодому русскому, вперил в него испытующий взор.

Видев это, я говорю себе: «Господь его испытует». И в это время я от всей души пожелала, чтобы Господь взглянул и на меня. Он оборотил голову ко мне, и в это самое время я вижу, что одеяние его спускается ниже и ниже, и наконец. Спаситель стоит передо мною во весь рост. Я упала к ногам его. Правая нога его была видна до половины, обутая во что-то черное, как мрак.

И говорю себе: «Ты не тронешь ног Господа: ты грешная». Спаситель нагнулся и своими руками взял меня немного ниже

плечей. И я говорю: «Господи, а дети мои». И, не подымаясь, я вижу по обеим моим сторонам тени двоих из моих дочерей, которых Господь тоже так же обнял своими руками.

Что я чувствовала в ногах Спасителя, нет слов высказать. Что блаженство земное, какое бы оно ни было, ничто перед этим.

После я перешла в сон и вижу себя перед огромными дверьми, которые сами собой отворились. Я знаю, что я в России. Передо мною большой сад, и в нем сидит с ребенком на руках жена священника, которую я когда-то знала. Она с горькой улыбкой взглянула на меня, говоря: «Что ты тут нашла»?

Я поняла, что родина моя ушла далеко от того, что она должна быть. Безверие ее уничтожает.

Русский, ты молод, ты почва хорошая, но худо обработанная, а как св. Петр Дамаскин говорит: «Необработанная земля зарастает тернием, особенно *если она хорошего качества*». Для тебя все заманчиво, что не ты и что не твое. Тебя бы Господь удержал от падения или, лучше сказать, от когтей ада, если бы ты держался за Господа. Но ты не понимаешь твоего блаженства, твоего высокого назначения. Тебе дано более, как всем народам; тебе даны все блага для этой и для будущей жизни; ты имеешь истинную веру, истинного государя, помазанника божия, ты имеешь истинную свободу.

Но тебя закурил дух ада, и ты спишь или, лучше сказать, бредишь, не понимая ни себя, ни тех, которые ведут тебя к гибели.

Испытания Господа придут большие на тебя и наказания еще большие, потому что ты не знаешь благодарить создателя за все блага, которыми он тебя одарил; ты их топчешь под ноги и предпочитаешь идти за адом, который тебе завидует, тебя ненавидит, презирает и, под видом участия, ведет в гибель.

Кому много дано, с того много спросится. Не заблуждайся, русский: с твоею смертью твоя душа не исчезнет, но перейдет туда, куда ты ее в этой жизни ведешь.

Кто более всех будет отвечать перед Богом, — это родители. И наказание их ужасно. Они никогда не думали, что дети, которых Господь им дал, не столько их дети, сколько дети

создателя и что долг их воспитывать детей для Бога, церкви его святой, государя и родины.

Обыкновенно воспитание детей отдается иностранцам: главное, чтобы дети говорили на языке, который в моде. Когда выросли, от них стараются избавиться: сына на службу, дочь замуж, и родители совершенно довольны собой. Но что за ужасное заблуждение! Что ожидать от этого сына, который с модным языком испил весь ад западного безверия и его ничтожности.

Кроме того, есть те, которые нарочито посланы, которые умеют прекрасно выставить все свое в наилучшем виде и уничтожить с корнем все то, что есть святого; не может быть иначе: всякое их слово подбито завистью и ложью.

А что с дочерью будет? Она с нянюшкиных рук переходит в руки наставницы, которая считает первым долгом выучить питомицу болтать на своем языке, внушить ей самые высокие понятия о своих достоинствах и о достоинствах своей нации и с тем истребить в ней все природные добродетели и уважение ко всему родному.

А там ее отдали замуж. И что ж? Ее жизнь будет то же, что жизнь ее маменьки, которая летала с театра в театр, с бала на бал, с обеда на обед, не давая себе никогда отчета, для чего она создана и что она такое, для чего она живет, в чем состоит ее долг и какой ответ она даст Богу.

Сердце раздирается, как подумаешь, до какой степени женщина упала и как она потеряла свою цену тогда, когда она была все. Кто воспитывал сына с детства для Бога, государя и родины? Женщина. Кто был примером добродетели и любви, кто наставлял дочь быть истинной христианкой, примерной женой, доброй матерью?

А теперь мы жмемся вперед... Куда, для какой цели? Да кому ж тут рассуждать? Затянутой светской кукле, у которой нет ничего ни в голове, ни в душе, или тем — с пистолетом или с бомбой в руках? И это женщины, ангелы добродетели, и это православные. Они прославляют ад, к которому они себя готовят.

Этого не могло бы быть, если бы на место романов они читали священные книги, как, например, рассуждения св. Иоанна Златоуста о женщинах.

Если бы они знали, сколько они презираемы этим же адом, который своими нравоучениями, своими деньгами для своих политических целей доводит их до этого. И после нескольких поколений этих светских пустых кукол и этих вырожденков с пистолетами, что останется в России? Она должна упасть ниже всех, и тогда ад дошел до своей цели.

Все добродетели адом проповеданы, потому именно, что сам их никогда не имел. Это рак, наполненный духом зависти, ненависти, жадности, лжи, эгоизма гордости, бесчеловечия, безверия и лицемерия, который распустил свои корни по целому свету в надежде поглотить все. И дух его так силен, что он без дел, одним желанием, глазами — уничтожает.

Это испытание всех тех, которые держат за Бога. Тот погиб, в которого ад запустил свой корень, погиб для этой жизни и для будущей.

Пока ад богат, до тех пор нет покоя ни одной стране: ад имеет сильное орудие, которое ему служит, через которое ему все известно, где бы что ни делалось, и которое за деньги все продает и все приобретает. Словом, все в руках ада.

Да, болезнь мира началась. Блажен тот, кто стоит за Бога, за церковь, за государя и за родину. Да, блажен тот, ибо вот настало время гонения истинной веры и тех, которые принадлежат истинной вере.

Спасение России было бы, как можно удалить от себя ад: ни зла — эти адские души еще за гробом оставляют свою месть, — ни, особливо, добра с ним не делить — чем они ближе, тем хуже. И счастье России, что ад далеко от ее границ, хотя за них работают их преданные, космополитические друзья, ихнее ужасное орудие.

Врага вводит в Россию то, что Россия приняла много западного, за которое она дорого заплатит, тогда когда она должна совершенно сосредоточиться сама в себе. Нет народа ей подобного во всех отношениях: пойми она себя и благодари Бога за все блага, ей данные.

Я так страдаю за мою родину и за тех, которые заблудились, что если бы мне было сказано свыше, пойди, дай себя на крест распять, и ты спасешь родину от безверия, я бы сейчас пошла, верьте, я истину говорю.

Меня Господь выслал с родины для познания всех благ моей родины и всего ничтожества других стран во всех отношениях. Истинный русский христианин, — кто бы он ни был, — исполняющий вполне закон господень, стоит выше всего Запада, где все погнило. Снаружи все заманчиво, все привлекает, но корень народа погнил. Пока дерево портится сверху, корень жив и дерево растет; но несчастна та страна, где уже корень народа погнил.

Испытаний такому народу не будет, потому что его гибель неминуема.

И вот на что ад желает перевести русский народ, вырвав с корнем все, чем Господь его одарил.

Вот мнение иностранца, приехавшего с России, — русско-подданного, но протестанта и немца, — которое мне случилось слышать. Его обступили с вопросами: как он мог согласиться сделаться русскоподданным, покориться «деспотизму», проводить свою жизнь в «деспотическом государстве»?

Иностранец, выслушав с улыбкой, сказал: «Извините меня, но я должен вам сказать, что вы ошибаетесь. Я пользуюсь совершенной свободой».

— Каким же образом?

— Я исполняю закон, предписанный мне Богом, исполняю закон народа, меж которым я живу, и не боюсь никого, кроме одного Бога; а если бы кто захотел бы мне сделать зло, так я обращаюсь к государю, и он меня защитит. И я предпочитаю иметь одну главу, управляющую народом, чем сто толков. Да еще вопрос, кто они. Я слишком горд для этого и, уважая самого себя, предпочитаю иметь над собою того, который в полном смысле достоин моей преданности и покорности.

— А ваша земля, ваши дома? Вы не боитесь, что они могут быть конфискованы в случае малейшего чего?

— Да, в случае я бы заслужил этого, но иначе никогда. Все что я имею, — много или мало, — и к какому бы сословию я ни принадлежал, — мое и останется моим потомкам; и никто не может отнять у меня моего. Это вы, которые по большей части, не можете сказать, что ваши земли, ваши дома вам принадлежат в самом деле: по прошествии нескольких десятков лет вы обязаны купить вновь ваши имения или лишиться их, несмотря на большие налоги, в сравнении которых я плачу самую малость.

Милостивый государь Константин Петрович.

Смелость моя, хотя и подвергает меня немилости Вашего высокопревосходительства, но что бы ни было, у меня остается сознание, что, предостерегая Вас, поступаю как верноподданная, истинная дочь своего отечества.

Бывши в Петербурге, слышала, что паразиты нашего отечества — анархисты, как самого непоколебимого, верного слугу нашего государя, наметили Вас.

Все юношество, во многих учебных заведениях, кем-то восстановляется против Вашего высокопревосходительства, а военная медицинская академия — в особенности.

В Кобелякском уезде Полтавской губернии, в селе Голтвана на Замостье, говорят, возвращен на место своего жительства, бывший три года в петербургском остроге какой-то Копыл, который очень вредно влияет на молодые умы народа, о чем старики не решаются сообщить местным властям, зная, как у нас действуют полумерами по французской поговорке: *laissez faire, laissez passer*. Так и я из боязни прослыть клеветницей, не сообщаю надлежащим образом. Лубны, Лохвицы — убежище анархистов, здесь все гуманно либеральничают.

Здесь наши сельские священники могли бы быть сильным оплотом, ежели бы им не приходилось существовать милостыней. Бывает, что в бедной семье, истомленной голодом и холодом, умирает больной, в таком случае один священник мог бы духовно поддержать убитую горем семью; но он-то, наш сельский священник, и бывает страшнее самой смерти. Чтобы пригласить священника, нужны деньги, какие уже и так приходилось позанять на лечение, гроб, похороны умершего. Священник бесплатно хоронить не может, так как это составляет его насущный хлеб. Этот способ вознаграждения портит нравственность священника, отчего и сыновья священников попадали к анархистам.

Слышала, что каждый домохозяин мог бы, не затрудняясь, внести непосредственно на церковь более рубля и каждый взрослый прихожанин по несколько копеек, что могло бы обеспечить весь причт. Священник, не вступая в торги, во время семейных потерь духовно сблизился бы с народом.

Только одному священнику может быть известна истинная нужда каждого прихожанина, а также и тех, кто на народ влияет вредно.

Ваше высокопревосходительство, как бы ни был нравственно распушен священник, но ни в одном самом отчаянном не случилось встретить тех антиправительственных идей, какие с болью видишь почти в каждом образованном юристе и педагоге.

Хотя муж мой — патриот и консерватор, и лично известен Вашему высокопревосходительству (он был в комиссии составления проектов законов), но он бы мое письмо счел преступлением, и потому пишу из Полтавы. Мною руководить мое патриотическое чувство, за что, мне верится, Ваше высокопревосходительство не осудите и никому не выдадите меня, о чем просит Вас

2 марта 1887 г.

Анна Гурина.

726

1 февраля 1887 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

С восторгом пишу Вам, что наш Эмин имел счастье быть приглашенным сегодня на государев бал. Горячо благодарим Вас, in cogroge, за то, что Вы замолвили доброе, честное слово милостивому царю за круглого беззащитного сироту. Если бы Вы знали, какую радостью наполнился наш дом при получении драгоценной повестки, мальчик наш прослезился и спросил: «Неужели государь вспомнил обо мне, горемычном»? Его пылкая юношеская душа была взволнована высоким вниманием царя и вся возгорелась беспредельной любовью к нему. Он теперь только мечтает отличиться на войне и получить от государя георгиевский крест. Большого он придумать ничего не знает, жизнь свою отдать по его повелению.

Мы, старики, тоже всем сердцем благословляем царя и молим Господа, чтоб он осенил путь его светом своим.

Брат Юрий, наконец, вернулся из Владимира, где проведal своих детей, как он отзывается о своем техническом училище; все идет отлично, и теперь он занят закупкой физического и механического кабинета для развивающихся чрезвычайно быстро учеников. Был и на фабриках своих, где открыл 5-ю школу

и пустил в ход новую ткацкую фабрику со всеми последними усовершенствованиями и осветил электричеством.

Он сам выбрал из первых вышедших кусков несколько кип для Ваших бедных сахалинцев, которые обновят забегавшие стройно и плавно станки. Будьте уверены, что он всегда с удовольствием готов помочь Вам во всяком благом деле. Он считает себя первым работником на своих фабриках и, перекрестясь, всегда говорит: «Бог даст нам деньги для того, чтобы мы делали добро, а батюшка царь наш русский даст всем пример великодушия и сердоболия — идем за ним».

Крепко жму Вам руку и прошу верить совершенной преданности

Анны Нечаевой.

727

Милостивый государь Константин Петрович.

Когда-то Вы сделали для меня очень большое доброе дело. Целые годы я ишу случая отплатить Вам за него. Думаю, что я хоть отчасти расквитаюсь с Вами, если скажу Вам ту правду, которую Вы никогда не услышите от лиц, Вас окружающих. Все видные государственные деятели имеют в нашем обществе (я не касаюсь самых высших слоев столицы, настроения коих я не знаю) и врагов, и друзей. Д. А. Толстой имеет защитников в представителях дворянской партии, за покойного Каткова тоже раздавались голоса, хотя и не так много, как можно думать. Но у Вас нет друзей (искренних по крайней мере) ни в одном лагере, ни в одном сословии, ни в одной общественной группе. Вам льстят, Вас ненавидят. Дворянство ненавидит Вас как дьяконского внука, стремящегося передать духовенству оставшееся за дворянством право руководства народной школой в лице предводителей как председателей училищных советов. Дворянство боится, что духовенство издавна, Бог весть по каким причинам, озлобленное на все дворянское сословие, воспользуется предоставляемым ему исключительным правом заведования начальной школой, чтобы передать свою ненависть к дворянскому сословию и будущему поколению крестьян. Они боятся, что тогда поджоги помещичьих имений станут гораздо чаще, потому что, по их мнению, если есть кто-либо

более озлобленный против дворянства, завидующий ему, желающий сделать ему всякую пакость, так это сельский священник, который теперь еще связан контролем за школой со стороны дворянства.

Бюрократия средней руки тоже недовольна Вами за предпочтение, которое Вы оказываете духовенству. Она высказывает убеждение, что духовные учебные заведения больше всех других доставляют атеистов, нигилистов и динамитчиков; она указывает на факты, что в приходские школы и школы грамотности, защищенные от надзора правительственных органов, бросились в качестве учителей социалисты, которых священники принимают тем скорее, что другие учителя редко идут в такую школу, где нет определенного вознаграждения. Эти факты будто бы покрываются епархиальными архиереями.

Духовенство проклинает Вас за учреждение дьяконов, отнявших у причта значительную часть доходов. Оно ненавидит Вас еще за то, что по Вашему приказу архиереи велят им под угрозой лишения места, заводить школы во что бы то ни стало, несмотря ни на что, — за то, что теперь кроме взяток благочинным и консистории приходится платить взятки еще отцам-наблюдателям за церковноприходскими школами из боязни доносов о школах, существующих только на бумаге. Оно ненавидит Вас за унижение белого духовенства в пользу черного, за установление пропорций для наград, за уничтожение права самим избирать благочинных, за уничтожение платы за исповедь. Оно уже успело сообщить о Вас даже простому народу, когда вследствие назначения дьяконов и устройства дутых церковноприходских школ увеличило, а в некоторых местах удвоило плату за требы. Мне не раз приходилось слышать от крестьян Вашу фамилию с горькими жалобами, что будто бы Вы увеличили «такцию» за духовные требы, причем прибавляли, что это сообщил им батюшка. Те из священников, которые пишут статьи о возрождении школы, подделываясь под Ваши взгляды, весьма часто больше всех других Вас ненавидят. Я знаю троих таких. Я знаю одного священника, до страсти преданного школе. Он 13 лет держит воскресную школу и церковноприходскую школу. Но и он жалуется на Вас, потому что теперь ездит ревизовать его пьяница-священник и трепует с него взятку, потому что теперь некому его

поддержать, кроме этого пьяного наблюдателя, так как земство отшатнулось от него, хотя раньше весьма ценило его заслуги. Все это так его огорчает, что с нынешнего года он передает эту школу пьянице-дьякону, с трудом подписывающему свою фамилию.

Кто пустил этот нелепый, невозможный слух, но он распространяется в Москве и в провинции все дальше и дальше. Подозревают, будто Вы намеренно придумываете меры, раздражающие то одну, то другую из общественных групп, будто Вы намеренно подражаете герцогу Альбе, чтобы скорее вызвать революцию, что будто бы с этой целью Вами продиктованы последние распоряжения по учебному ведомству, возмутившие почти всех, что будто бы Вы душите легальную прессу, чтобы тем сильнее распространялась нелегальная пресса, сделавшаяся теперь достоянием каждого грамотного семейства, проникшая в такие дебри, где пять лет назад и не подозревали о ее существовании. Я надеюсь, что Вы достаточно сильны, чтобы бороться со всеми Вашими врагами. Но я считаю нужным Вам указать и на них, и на их средства. Если узнаю что еще, то сообщу Вам после.

Ваш должник.

728

Получено 15 апреля.

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

Вы есть царево око, блюдушее дела св. церкви — матери единой, истинно любящей и нелицемерно желающей добра своим чадам, а потому к Вам мое воззвание, моя скорбная просьба, которая в то же время будет общей, от всех истинно русских, истинно православных отцов семейства, желающих воспитать своих детей в вере — единой насадительнице страха господня, в котором и есть начало человеческой мудрости и гражданской доблести.

Скорбело ли о родном детище сердце Ваше, которое, не смотря на все заботы родительские воспитать в нем веру, а стало быть, и гражданскую доблесть, с ужасом видит, что по прошествии пяти лет учения в гимназии все прозябшие уже в душе отрока семена благочестия гибнут, как не имеющие должной почвы и питания.

15-ти лет отрок уже как бы стыдится оградить себя крестным знамением и на молящихся родителей смотрит со скрытой иронией. Долго я старался проследить источники зла, глушащего веру моего сына, и Господь открыл очи скорбящему родительскому сердцу.

Сочинений, могущих служить этим пагубным источником, он не читал.

Бесед, приводящих к сомнению, ни в семье, ни в кругу знакомых он не слышал, потому что вся моя жизнь и жизнь родительницы моего сына есть одно стремление не допускать ни единого соблазняющего слова до его слуха. *И без нашего неусыпного лично надзора он находится только в 8-й петербургской гимназии.*

Первой заботой моей было обратить внимание на товарищей по классу, с которыми он дружен, увидеть их у себя, познакомиться с ними и с их родителями — и к удивлению своему увидел, что родители товарищей моего сына в одинаковом со мной положении и тоже в великом прискорбии и заботе о прогрессивно разрушающемся насажденном ими детском благочестии. И некоторые по слепоте приписывают какому-то *духу времени*; но ведь этот *дух времени* создается людьми, и я, зная, что ни в семье, ни в знакомстве мой сын не мог попасть в круг таких людей, кроме как в посещаемой им 8-й гимназии, стал искать в ней тех людей, которые погубили св. веру в моем сыне.

И вот с самого начала ныне текущего учебного года я стал искать в этой гимназии источник зла, губящий благочестие в моем сыне и в его православных товарищах.

Господь помог мне найти корень зла.

Пошел я с сыном на акт и что я увидел? — В зале собраны ученики для молебна перед началом учебного года, стоят глупым бессмысленным стадом, ибо *ни один из них не перекрестился* во все время молебна. Почему же эти дети, эти чистые отроки, стыдились положить на чело свое святое крестное знамение, которому научили их родители?

А потому что начальство их, присутствовавшее на молебне: директор *Мор* — лютеранин, инспектор *Фохт* — лютеранин, наставник *Гейтман* — лютеранин, наставник *Реш* — лютеранин, наставник *Коробевич* — католик, наставник-воспитатель

Миллер — лютеранин; все *главные* начальники, имеющие вес и силу власти, как милующей так и карающей, по своей религии не крестятся, и, стоя на виду всех учеников, подают пример глупого бессмысленного присутствия на молитве для формы, по требованию циркуляра. И как ясно написано было на лицах этих иноверцев, руководителей и воспитателей православного отрочества, желание освободиться от чуждой их вере, циркуляром требуемой молитвы. Дети и отроки, по своему возрасту и богословскому образованию не знают различия между лютеранством, отвергающим всякие символы и наружные знаки молитвы, и православием, требующим этих молитвенных знаков; (по неразумению своему) видят молящегося только по наружным знакам молитвы и за молящегося признают только того, кто осеняет себя св. крестным знамением; не видя же сего ни в директоре, ни в инспекторе — своих начальниках, думают, что эти начальники не молятся, а стало быть, им, ученикам, молиться не следует, и, в подражание директору и инспектору, стоят на молитве глупым стадом, а так как не молящиеся директор и инспектор служат для них авторитетом всякого знания и приличного поведения, то отсюда и вытекает их отроческая неразумная *ирония* при виде молящегося родителя. Неразумная ирония, но для ребенка логически справедливая: родители учат его любить, почитать, слушаться и снимать пример со своих начальников, молиться за них и за царя, а эти начальники, эти образцы поведения для ребенка (по его разумению), сами не молятся, ни за царя, ни за себя... И дети, исполняя волю родителей, снимают пример с начальников, которые не молятся, сами перестают молиться не только в гимназии, но и дома, а родитель, требующий от своего сына молитвы и почтения к своему начальству, кажется ему непоследовательным и смешным. И в неустановившемся, неокрепшем сознании ребенка, как разъедающая рана, внедряется губительное душевное раздвоение. Раздвоение в душе ребенка!.. Умудренному житейским опытом человеку почти невозможно справиться с этой психической разъедающей раной, что же происходит в сознании отрока?..

Каждому известен психический закон, что начало нравственно-душевного падения есть раздвоение, проникшее в человеческое сознание. Отсюда понятно ужасное значение иронии

отрока-сына над молящимся отцом. Эта ирония есть прямое доказательство, что несчастье совершилось.

Кто виновен в развращении, в соблазне отрока?

Что должен сделать родитель для изменения сына? Объяснить отроку преждевременно различие между лютеранством и православием, чего он не будет в состоянии понять, и тем самым населить его неопытную душу и ум миром новых сомнений?

Или прямо запретить следовать примеру своих начальников — и тем положить в душу отрока начало анархии, непочтения к власти, установленной государем?

Повторяю... — Что должен делать родитель, чтобы пресечь в отроке душевно-нравственное падение?

Когда начались занятия, то в первое же воскресенье сын заявляет, что к *обедне* идти он не может, потому что в 12 час. *будет в гимназии урок фехтования, а что после обедни, не отдыхая, идти на урок фехтования до 3 часов не по силам. И ходит на воскресные уроки фехтования, чтобы не навлечь гнева начальника, который сам присутствует на этих уроках, каждое воскресенье. Я все еще терпел, но когда в воскресенье 1 марта, в такой день, в который всякий истинно православный христианин, истинный сын своего отечества, идет молиться за своего царя-мученика, директор Мор до того забылся, что тоже назначил урок фехтования, а не собрал всех гимназистов на общую молитву о душе царя-мученика (а это он мог бы сделать так же, как сделал панихиду по Пушкине, и учеников даже в тот день отпустил раньше), — я увидел, что у нас в России всякий выходец из Ревеля, не умеющий правильно говорить по-русски, может воспитывать православное юношество в том духе, в каком он пожелает, и за этим никто не следит. Законоучители, из трусости ли, или по нерадению, не напоминают иноверцу-воспитателю православного отрочества, что по долгу религии и по долгу гражданскому в такой день, как день 1 марта, молитва обязательнее, чем в день памяти Пушкина.*

Горе тому, кто соблазнит единого от малых сих. А соблазн допущен.

И вот отрок с приготовительного класса до восьмого так укрепится в сознании, что молитва о Пушкине обязательна, а о *царе-мученике не обязательна*, что при поступлении в университет, уже совершенно зрел для принятия *некоторых идей*,

которые приводят развращенного юношу до ареста и даже до виселицы.

Кто виновен в несчастии?

Кого обвинять? Юношу?

Обвинили ли мы заблудшуюся овцу, по нерадению наемника пастыря?

8-я гимназия имеет только *три или четыре* выпуска — *всего учеников* выпущено около 20, а из них уже один (Чернышев) погиб (каков процент), ибо противился подаче адреса от университета государю императору, по поводу последнего покушения.

Кто виновен в его несчастии?

Кто виновен в скорби родителя?

Почему так быстро прививаются идеи ужаса и гибели к душе только что поступившего в университет юноши? Потому что душа его приготовлена для восприятия. Сознательно или бессознательно со стороны директора, не сужу об этом, но подготовлена в должной степени. И если бессознательно, то тем сугубее грех высшего правительства, допустившего в воспитатели православного отрочества бессмысленных иноверцев во все средние учебные заведения. Они заботятся о правильности спряжений латинских глаголов, о душах же не заботятся.

Неужели в России так мало образованных и нравственных русских людей, что почти во всех средних учебных заведениях директора или инспектора непременно немцы-иноверцы? Почему бы уж и жидам и татарам не предоставить это право воспитывать православных?

Высоконравственный или еврей, или татарин, или лютеранин может ли служить образцом нравственности для православного отрока?

Разрешите этот вопрос.

Может ли иноверец самой высокой нравственности быть образцовым воспитателем для православного отрока, не внося в сознание его преждевременных религиозных сомнений, а стало быть, и губительного душевного раздвоения, этой основы нравственного падения?

Чем выше нравственность иноверца-воспитателя, тем он скорее подчинит своему авторитету отрока, который, будучи православным, во всем будет следовать идеям лютеранства и,

сделавшись не православным и не лютеранином, раздвоится в неокрепшем сознании и прямо идет к атеизму.

Я от лица всех родителей, согласившихся написать к Вам это письмо, прошу Вас не уничтожать это скорбное воззвание к св. церкви скорбящих родителей о погибающих чадах, потому что если в будущем времени хотя один из наших детей погибнет, подобно Чернышеву, то мы выступим на суде в защиту соблазненного и потребуем на суд пастырей, не стерегущих стад своих. И это скорбное послание, хотя и безграмотное, будет свидетельствовать, что родители более пекутся о воспитании истинного гражданства в России, чем те, коим сие надлежит.

Мы, православные родители, просим убрать иноверцев-воспитателей из русских учебных заведений; мы платим деньги, и за это нам развращают и онемечивают детей.

Спросите любого русского немца-лютеранина, будь он хоть министр, хоть член государственного совета, *допустит ли германское правительство русского православного человека быть начальником учебного заведения в Германии?..*

Если же представителям православной церкви любезны иноверцы-воспитатели, то эти представители не добрые пастыри, а наемники, расхитители стада, попускающие соблазн. Горе тому, кто соблазнит единого от малых сих. Да не будет это воззвание гласом вопиющего в пустыне.

Родители, скорбящие о своих детях.

Просим не уничтожать этого послания, а сохранить.

1887 г. 10 апреля.

729

Получено 22 апреля 1887 г.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

Вы меня не знаете, и я осмеливаюсь не называть себя, потому что не я один, а очень многие и во многих местах нашего обширного отечества думают и говорят то, что я считаю долгом сказать Вам в настоящем письме.

Я человек русский, искренно желающий блага своей родной земле и своему народу, знаю, что и Вы человек русский и

вместе с тем глубоко верующий христианин, стало быть, человек добра и правды. Вы занимаете высокий государственный пост, по обязанности и по особым личным отношениям состоите ближайшим советником самодержавного царя русского. Вы не можете поэтому не знать о народных нуждах, не можете не болеть о них, не желать душу свою положить за благо страны. Вы знаете, конечно, лучше меня, лучше всех нас, думающих одинаково со мною, что самодержавие сильно и благо лишь под условием направления и исполнения монаршей воли добрыми и совестливыми советниками и слугами, т. е. под условием службы престолу словом и делом людей безупречных с точки зрения нравственного долга и здравого государственного смысла, причем от них требуется неутомимая энергия, чуткость к истине и отзывчивость на назревающие вопросы времени. Лучшие люди земли должны окружать престол самодержавного государя; между тем мы видим, что в храме правления засели торгаши, люди мелких душевных побуждений и узких взглядов на жизненные задачи государства, а *лучшие люди* остаются не у дел, в тени и в отдалении от верховной власти.

В тяжелую эпоху, ныне переживаемую русским народом, в эпоху, смутную по скрытному брожению умов и бедственную вследствие всенародного обнищания, важнейший государственный пост министра внутренних дел занят человеком с расслабленными мозгами и всецело погруженным в архивные занятия, мысленно живущим в прошлом екатерининского века; министра торговли и промышленности, в котором ощущается настоятельная неотложная потребность для упорядочения совершенно расстроенного народного хозяйства нашего, — нет вовсе, несмотря на неоднократные ходатайства об учреждении нового министерства многообразных промышленных групп, уж конечно лучше петербургского чиновничества понимающих хозяйственные нужды страны; в министре иностранных дел видят врага России, стремящегося к умалению нашего национального достоинства; неспособность министра государственных имуществ становится притчей во языцех; словом сказать, и внешняя, и внутренняя политика, и хозяйственные органы государства управляются людьми, вызывающими всеобщее недоумение и делающими Россию посмешищем в глазах чужеземцев.

Такие же люди, как тайный советник Новосельский, бывший одесский городской голова, известный на всем юге России, создавший наш торговый флот на морях Черном и Каспийском, оставивший по себе прочные памятники общественного благоустройства в Одессе и вечную память в ее населении как человек и гражданин, — такие люди не призываются к государственной деятельности, в них будто бы не нуждается правительство, им нет места среди советников монарха. Но в трудах таких людей, Ваше высокопревосходительство, нуждается Россия, которая, казалось бы, не должна быть расщепляема на земщину и опричнину, и нуждается именно теперь.

«Социальные вопросы» г. Новосельского, его разоблачения биржевой спекуляции, статьи о государственном промышленном кредите и еще недавно помещенная в «Русском Вестнике» статья его о нашей золотопромышленности свидетельствуют о резкой ясности сознания этим человеком насущнейших хозяйственных нужд государства и народа. И странное дело, г. Катков печатает эти статьи, исполненные знания, опыта и деловитости, а между тем ни ему, пользующемуся милостивым вниманием государя императора, ни другим ближним государевым людям не приходит на мысль посоветовать государю приблизить к себе этого лучшего из истинно русских людей нашего времени, своею организаторскою деятельностью и полною нестяжательностью (что обществом всегда ставится в великую заслугу) достаточно доказавшего, что он может послужить государству и делом, как служит ему в настоящее время словом, насколько это возможно у нас.

Ваше высокопревосходительство, люди чести, правды и добра, к числу которых, бесспорно, принадлежит Новосельский по общему голосу населения юга России, — великая редкость на поприще государственной деятельности в России. Простите, но позвольте сказать, что Вам и г. Каткову, как лицам, пользующимся высочайшим доверием, давно пора умолять государя о призвании к деятельному государственному труду такого человека, как бывший одесский городской голова Николай Александрович Новосельский. Не на Вас ли лежит нравственная обязанность помогать русскому царю, которого Вы воспитывали, в приискании мудрых и добрых советников?

И я, и все одинаково мыслящие со мною (а таких немало) объясняем себе отсутствие у кормила государственного правления т. Новосельского единственно недостаточным знакомством Вашим с этим человеком, которого лично не знаю и я, но о котором свидетельствуют дела его. Но должен же знать его г. Катков, а Вы не можете не знать г. Каткова. Еще раз простите за мою откровенность, но если все будут молчать, то кто же из государственных лиц, когда и от кого узнает правду о людях, как будет достигать эта правда высоты престола?

730

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

В святом евангелии говорится: обличай благоразумного, он возлюбит тя, — а обличай безумного, он возненавидит тя; на основании этих истин я решился, как душевно страдавший-ся на все совершившееся и все совершающееся — излить пред Вами мои страдавшие чувства как перед сподвижником русского преуспения.

Россия всегда была страной крайних мер, — во главе ее управления всегда занимали места дворяне, получившие домашнее образование от домашних чужеземных учителей, воспитанные в богатстве, среди капризов и интриг и нисколько не подготовленные к практической жизни, а потому в их управлении всегда выходит так: невзирая ни на что, ни на здравый смысл, ни на гражданские законы, чтобы было бы так, как я хочу, вроде того, как нынешний современный полновластный Грессер, метаящий стрелы, — не рассуждайте, а то я Вас из города вышлю; и многие так, тому подобные министры, которых распоряжение и ломка отменяются заступающим его место, а сего последнего — последующим и т. д. Все это с плеча и с плеча, без всякой обдуманной программы, — а между тем ошибки наносились стране чувствительные, и если взглянуть на прошедшее, то невольно становится грустно и удивисься, как это вопросы такой великой важности и решались так легкомысленно, как, например, постройка железных дорог на чужие капиталы, разные концессии, отдаваемые жидам, и их явная эксплуатация, все это прошло беспрепятственно, — никто не остановил, никто не предупредил... На-

лог на наследство, как, например, перешедши от отца многочисленного семейства вдове, не знающей, как справиться с настоятельными семейными нуждами; легко представить себе чувство вдовы, у которой само правительство отнимает средства к прокормлению: и это нашли справедливым. Нашли также справедливым взимать налог на проценты с капитала, ссуженного народу, правительству, во время его нужды, или иначе, обещались и нарушили, — как это справедливо. Правление главн. общест. росс. желез. дорог, которых акции большей частью находятся в руках великих вельмож, они же и защитники, ради своего интереса, всех творимых там злоупотреблений, которых выступает теперь на гласный суд около 14 миллионов, — это пока явных, а сколько тайных. И теперь, посмотрите, с точки спокойной философии, как это все наказуется, не от Бога ли это? Они же умудрились, чтобы покрыть невыгодность, поглотить одну из самых выгоднейших железных дорог — это Николаевскую, заложили главн. общ. росс. жел. дор. — все это нагло, бессовестно и незаконно. История нашему потомству все скажет, и потому лучше теперь исправить. Я припоминаю слова проф. Градовского, сказавшего так: всякий администратор, превышающий данную ему законную власть, — тем самым первый кладет на главу свою вину, и это есть глубокая истина, и я уверен, что суд божий существует и на земле, и поэтому надо всегда строго относиться к своим деяниям, всегда их исповедывать перед Господом Богом на молитве.

В настоящее время в сильной моде налоги. Налоги дошли до абсурда. Налоги на квартиры, налог на кошек, на собак, на лошадей, на кухарок, на молоко и так далее и далее — и все это из подражания чужеземному; говорят так, что в Германии-де давно есть, а нам уже и стыдно этого не ввести. Инспектора на фабриках — аристократы с огромным окладом в 8 т. р. с. и как видно, это домогательство немецкой партии, во главе которой есть какой-то профессор статистики при министерстве финансов — Янсон, чтобы увеличить ценность нашу мануфактуру и якобы защищая народ от гнета и произвола фабрикантов, которым ничего подобного не имеется в виду, а напротив, каждый фабрикант не знает, как удержать у себя силу и чтобы другой фабрикант ее не перебил; содержа-

ние и помещение каждого было на вольных квартирах и если почему-либо не желает работать, то и не приходит на фабрику. А цель вся состоит в том, чтобы воспроизвести стеснение и развести у нас социал-демократов, от которых теперь Бисмарк не знает, как отчураться.

Итак, благодаря своему рассудку, разорив страну всевозможными займами, ухищряются в корень низвести в средствах народ, который и без того уже сильно надорван, и уже в Новгороде повальный грабеж, а теперь уже и жгут свои дома, чтобы освободиться от *тягостного налога*. Вот что делают заправилы; не ведают, что творят. Государство же лишь только тогда богато, когда его народ богат.

Мне кажется, что если я натворил ошибок, то долг каждого честного человека исправить свою ошибку, не затрагивая чужой спины, которая, как видится, уже изнемогает.

Министры же, получающие себе громадное содержание, обеспеченные такою же пенсией и не ответственные за свои деяния дворяне также получают себе из народной казны приличную пенсию, а другие, как Юсупов, от своих имений, около 1 миллиона дохода, признают за грех отбывать повинности, так как-де они принадлежат к числу привилегированного сословия.

Изложив частицу своих скорбей, я уповаю на Вас как на сподвижника русского преуспевания и могущего по своему положению сделать более, чем мирный гражданин, который видел из истории жизни, что все лучшие русские доброжелатели, как Достоевский, Тургенев, даже Пушкин, Аксаков и многие другие были гонимы и даже заточены в казематы. Вы же благодаря своему такту сумеете исподволь привести на исправление всех прошедших грехов, ради исправления истории для потомства. В надежде и уповании, что свет Христов просвещает и освещает всех.

731

Доселе не были известны подробности дела петербургских студентов, схваченных на Невском проспекте с взрывчатыми снарядами, и целей сих мятежников. Хотя подробности сего дела и захвата их и теперь неизвестны, но, по крайней мере,

приговор объявлен, и, конечно, всякий, желающий блага своему отечеству и государю, скажет вполне искренно от всей души, что, как ни строг приговор, мятежники получили вполне праведное возмездие по делам своим, особенно принимая во внимание упорство сих мятежных обществ в достижении своих преступных целей. Право государей наказывать изменников отечеству и им самим есть, разумеется, несомненное не только право, но и священная обязанность. Но точно так же ни один государь в свете не может отнять у своих подданных права говорить ему к его же собственному благу правду, как скоро государь своими собственными действиями или поступками, публично совершаемыми, или своими узаконениями (3 мая 1883 г. и т. п.) подрывает в своих подданных благоговение пред истинным Богом и уважение к истинной православной церкви поддержкою раскола или дозволением себе и членам своей семьи и рода присутствия или участия (держание кадильницы в калмыцком капище или хуруле) в каком-либо языческом идолослужении (Катков совсем из ума выжил: он называет калмыцкое идолослужение богослужением (см. газ. мая 10-го), а калмыцких жрецов духовенством), например, в калмыцком. Этим своим присутствием и участием семьи и рода своего в языческом идолослужении он возводит сие идолослужение в степень, равную с истинным богослужением единому истинному Богу, или то же самое, что низводит истинное богослужение в ряд с идолослужением (об истинном Боге сказано, что он ревнитель есть и он может строжайше за это наказать, — вот где главная причина всякой крамолы). Этого могут не понять разве только одна баба, у которой, по русской пословице, волос долог, да ум короток, да наши длинноухие и длиннохвостые. За измену церкви, отечеству и государю наказывает верховная власть, но за измену самих государей истинному Богу и церкви кто же наказывает их? Несомненно, сам Бог, и хотя мы не позволяем себе и вообще, и на этот раз возносить свои молитвы к Богу о наказании, но, однако ж, от всего сердца молим Бога, да просветит и вразумит Бог им же весть и хочет путем, как противно Богу хотя, может быть, и ненамеренное, и бессознательное уравнение его с калмыцким идолом, присутствием своим в служении ему православного царя с семьею. Истинно православная церковь,

я не разумею здесь наших длиннохвостых... не оставила бы сего прегрешения царя безнаказанным. Истинное богопочитание не совместно не только с участием при идолослужении, хотя бы только и присутствием. Легкомыслие есть первая и главная причина всякого зла и беспорядка, и церковного, и государственного, следовательно, и всякой крамолы.

11 мая 1887 г.

М. Савинов.

732

Ваше высокопревосходительство.

Несомненно, что случившееся 1-го марта глубоко потрясло Вас, и как близкого советника царева, и как сына православной церкви.

Да простится же смелость соскорбящему выразить некоторое душевное движение.

Сегодня сделалось газетным известием то, что было уже несколько дней достоянием народной молвы. Читая сие ужасное известие, содрогнется сердце всякого русского православного. Невольно каждый перекрестится при мысли о том, какая новая страшная опасность угрожала помазаннику и всему царству... Углубившийся узрит здесь десницу, и грозно предупреждающую, и милостиво спасающую.....

Но, вместо извещения об общественной молитве благодарения, зачем следует непосредственное извещение о часах веселия? Сие не соответствует ни душевному состоянию читающих, ни теперешним дням покаяния.

А третье засим известие, о выезде члена царственной семьи, не может ли возобновить в среде некоторых старые, гнусные сплетни.

Особенные обстоятельства требуют и особенного размышления и внимания.

Кому возведу печали моя и повем вздыхания моя?

733

Каткову скажите быть у меня завтра, четверг, в $1\frac{1}{2}$ 1 часа.

Сегодня Феокистов вернулся из Москвы. Он имел надлежащее объяснение с Катковым, который дал ему подписку

относительно дальнейшего образа действий. Об этой подписке, без сомнения, представлен будет Вашему величеству доклад по министерству внутренних дел.

В прошлую пятницу Ваше величество изволили сказать мне, что, когда Катков будет здесь, в Петербурге, то Вам угодно объяснить ему, как он должен держать себя и чего избегать по вопросам внешней политики.

Катков находится здесь тоже с нынешнего утра. Думаю, что для дела полезно будет, если он получит надлежащее внушение лично от Вашего величества.

Если изволите, не благоугодно ли будет, во избежание лишней огласки, назначить время Каткову через меня.

Константин Победоносцев.

Понедельник, 16 марта.
Петербург.

734

Долгом почитаю представить в сведению Вашего величества письмо, только что полученное мною от Феохтистова.

Милостивый государь Константин Петрович.

История с «Московскими Ведомостями» все еще продолжается. Вчера вечером В. К. Плева рассказывал мне, что он не запомнит такого крайнего возбуждения в высших правительственных кружках. В государственном совете А. А. Абаза сильно напал на него; многие из присутствовавших при этом говорили, что теперь началось господство анархии, все это потому, что предостережение Каткову было отменено. Великий князь Михаил Николаевич потребовал В. К. Плева к себе в кабинет и беседовал с ним об упомянутом инциденте крайне горячо, по словам его, разнузданность Каткова не преминет возбудить натянутые отношения между Россией и Пруссией, что он имел возможность убедиться в этом во время пребывания своего в Берлине из разговоров с императрицей Августой и Бисмарком, что Бисмарк был в восторге, получив телеграмму о последнем «Правительственном сообщении», и что теперь негодование его не будет знать пределов. Когда Плева объяснил, что меня отправили в Москву для обуздания Каткова, то великий князь заметил, что подобная мера не имеет никакого значения, не

приведет ни к чему. Наконец, некоторые лица и, между прочим, Половцов сообщили г. Плеве, что завтрашний день—среда—будет «великим днем для России», ибо г. Гирс принял твердое намерение, отправившись в Гатчину с докладом, подать государю императору просьбу об отставке. Краткое мое изложение далеко не изображает то раздражение или вернее, исступление, которое, по словам В. К. Плеве, овладело многими членами, государств. совета именно потому, что они обманулись в своих надеждах.

Примите уверение в моем глубоком уважении и сердечной преданности.

17 марта 1887 г.

Е. Феоклистов.

735

21 июня 1887 г.

Очень благодарен вам за записку о московском городском голове. Я видел кн. Долгорукова, но он ничего не говорил мне об Алексееве, а представил записку о московских водопроводах.

На случай кончины Каткова, чего, к сожалению, надо ожидать скоро, по последним известиям, я желал отправить телеграмму его жене. Прошу вас очень составить мне проект, так как она будет напечатана и известна всем.

А.

736.

Вместе со всеми истинно русскими людьми глубоко скорблю о вашей и нашей утрате. Сильное слово его, одушевленное любовью к отечеству, возбуждало сердца и укрепляло мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуг, и все соединятся с вами в молитве об упокоении души его.

А.

737

Императорский телеграф в Александрии.

Телеграмма № 6524.

49 слов.

Подана в Москве 23 июня 1837 г. 1 ч. 45 м. поп.

Получена в Александрии 23 июня 1887 г. 2 ч. 10 м. поп.

Его императорскому величеству.

С благоговейным умилением приношу вашему императорскому величеству глубокую признательность за всемилостивейшие слова, коими вам, государь, благоутодно было почтить память покойного мужа моего. Дерзаем повергнуть я и дети моя к стопам Вашего величества чувства беспредельной любви и преданности. Твердый завет усопшего.

Вашего императорского величества верноподданная

София Каткова.

738

Красное Село.

30 июля 1887 г.

Я получил оба ваши письма о Пашкове и другое, по поводу клеветы, взведенной на покойного Каткова.

Насчет Пашкова ваши сведения не совсем точны. Я действительно получил письмо от Пашкова, кажется, в мае, в котором он просит временно приехать в Россию для продажи крестьянам некоторых своих земель. Это письмо я послал гр. Толстому, написав на нем, что не нахожу препятствия, чтобы Пашков приехал по своим личным делам на некоторое время в имение. Вот как было дело; теперь — на сколько времени разрешил ему гр. Толстой приехать в Россию, я не знаю и постараюсь устроить, чтобы он скорее уезжал вон.

Документы о Каткове слишком важны, и я желал бы оставить их у себя на некоторое время для справок и переговорить об этом с Н. К. Гирсом. Что Катакази скот, это я давно знал, но чтобы он был таким мошенником и плутом, я, признаюсь, не ожидал.

Ваш Александр.

739

Совершенно верно.

Вдова Каткова по телеграфу обратилась ко мне за советом. Может ли она напечатать телеграмму, которою государю императору угодно было удостоить память покойного?

Ваше величество третьего дня изволили писать мне об этой телеграмме: «она будет напечатана и известна всем».

Поэтому я позволил себе ответить вдове Каткова, что, по моему мнению, телеграмма может быть напечатана.

Об этом считаю должным, на всякий случай, доложить вашему величеству.

Константин Победоносцев.

23 июля 1887 г.

740

1-я телеграмма от барона Блейхредера написана по-немецки несколькими условными словами:

12-го августа (31/VII) 5 ч. 21 м. вечера.

Сегодня долго беседовал с Бисмарком о вас. Он утверждает, что он был совершенно чужд газетной полемики (противо русских фондов) и не намерен вмешиваться в нее. Хотя Бисмарк находит, что эти господа (полемисты) преувеличили содержание и последствия известного мартовского указа, но он, однако, признает, что до тех пор, покамест будет существовать этот указ, он будет предметом беспокойства.

2-я телеграмма шифрованная (шифр и оригинал как этой, так и предшествующей телеграммы переданы мною господину управляющему министерством финансов). 12-го августа 5 ч. 20 м. в.

Bismark envisage favorablement situation politique sauf possibilité occupation russe Bulgarie. Dans ce cas aussi Allemagne continuera attitude courtier honnête comptant Bulgarie domaine politique russe.

Эта телеграмма, очевидно, продиктована б-ну Блейхредеру Бисмарком на случай, если я назначен редактором «Московских Ведомостей», о чем у меня ежедневно из Берлина получают запросы.

3-я телеграмма 13 августа 5 ч, 53 м. вечера.

Так как Герсонь (Блейхредер) уезжает в четверг утром, то ему было бы приятно, если бы вы могли быть здесь в среду. Телеграфируйте.

Очевидно, мне намереваются устно передать касающийся меня разговор князя Бисмарка.

741

Цион читал мне эти телеграммы с подлинника и перевел их у меня. Каков лаут Бисмарк! Он всячески хочет завербовать Циона в свое войско, опасаясь, как бы Цион не захватил в свои руки «Московских Ведомостей». Завтра уезжает Цион за границу. Он хотел посоветоваться с Вышнеградским. Не проехать ли ему мимо Берлина?

Цион просит не показывать этих телеграмм Гирсу — дабы не компрометировать Блейхредера.

Душевно преданный И. Делянов

2 авг. 1888 г.

Но надобно отдать справедливость Бисмарку — зорко за всем следит.

742

Записка по делу г. Флоке.

29 мая этого года парижская газета «*Voltaire*» напечатала заметку, будто бы г. Флоке получил от покойного М. Н. Каткова чрез посредство одного русского, живущего в Париже, письмо с уверением, что принятие г. Флоке министерского портфеля будет-де сочувственно встречено государем императором. Ввиду множества пустых слухов, пускаемых в газетах во время министерских кризисов, заметка «*Вольтер*» прошла в Париже совсем незамеченная.

Я лично узнал о ее существовании только через несколько недель после ее появления, из телеграмм и писем Михаила Никифоровича, который уведомил меня, что она послужила предлогом для возведения на него и на меня клеветы, будто бы мы вмешивались в разрешение министерского кризиса во

Франции и старались провести г-на Флоке в президента совета. Письмом от 1 июня М. Н. Катков убедительнейше просил меня разузнать, кто автор этой клеветы и что могло подать повод к столь нелепому слуху.

Я немедленно приступил к расследованию дела, но ввиду трудностей подобного следствия я только после двадцатого июня мог отправить Михаилу Никифоровичу полный результат следствия с приложением документальных доказательств. К несчастью, пакет мой дошел в Москву только за несколько дней до постигшего его паралича, и мне неизвестно, успел ли он воспользоваться результатами следствия.

Вот что при следствии обнаружилось:

Автор заметки, появившейся в «Вольтер», есть г. Катакази. Передал он ее в редакцию газеты чрез посредство некоего Сивини, когда-то издававшего в Вене русофобскую газету «Le Danube» и некоторое время состоявшего корреспондентом «Московских Ведомостей» из Афин. Г. Катакази пользуется этим господином для передачи известий в некоторые редакции и, так как он газетам за помещение известий ничего не платит, то он посоветовал Сивини выдавать себя за агента и парижского корреспондента М. Н. Каткова, несмотря на то, что этот господин уже давным-давно, еще во время его пребывания в Афинах, устранен был от сотрудничества в «Московских Ведомостях». Чтоб легче обманывать редакции, Сивини снабдил себя печатными визитными карточками следующего содержания:

A. M. de Civity.
«Gasette de Moscow».
143, Rue de Rennes.

Несколько подобных карточек я приложил в пакете, посланном М. Н. Каткову.

Понятно, что упомянутая заметка доверчиво принята была редакцией «Вольтер», исходя от мнимого корреспондента Каткова. Г. Сивини, узнав о производимом мною следствии, *явился ко мне и чистосердечно признался в своем участии в этой плутовской проделке.* Подобное же признание делал он другому лицу. Он рассказал мне также, что его сначала просили поместить эту ехидную заметку в Journal des Débats, но что он будто бы отказал в этом. Вероятнее, что сама редакция

этой почтенной газеты, почуяв ложь, отказалась ей содействовать. Сивини предложил мне дать свое признание письменно, под условием, чтобы Катков гарантировал его против возможных последствий этого признания. Запрос мой, сделанный Каткову, пришел уже слишком поздно.

Произведенное следствие выяснило также, каким образом введен был в обман барон Моренгейм: он получил *от одного из своих тайных агентов*, подписывающегося двумя ++, следующую заметку: «M. Granet¹ vient de déclarer que M. Floquet avait reçu une lettre de Katkoff par l'intermédiaire de Cyon, dans laquelle le publiciste russe l'assure que sa candidature sera bien accueillie par l'Empereur, etc.».

Источник этого ложного доноса легко узнать: на нем-то направлено против Каткова и меня обвинение и было построено.

Собрав эти сведения из *непосредственных источников*, я решился обратиться к г. Флоке за дальнейшими разъяснениями. Я лично президента палаты не знал, да при моей публицистической деятельности, столь резко направленной против радикализма, а иногда и лично против него, и не мог быть с ним знаком. Уже по этому одному люди, знакомые с парижскою печатью, должны были бы отнестись с недоверием к клевете, пущенной г. Катакази, но после результатов следствия я колебаться не мог и уже лично отправился за разъяснениями к г. Флоке. Президент палаты уверил меня, что он не придавал никакого значения газетной заметке, и тотчас же в разговорах с друзьями ее демонтировал. Он весьма любезно вызвался засвидетельствовать мне письменно ложность пущенного слуха и в тот же день прислал мне прилагаемое здесь в оригинале письмо, с которого я отправил покойному Каткову фотографическую копию. После столь категорического демонта дальнейшие объяснения излишни.

Мне известно, что этот же г. Катакази занимается посылкою других доносов на меня. Так, напр., он прислал в Париж какую-то выдуманную речь, будто бы произнесенную мною на митинге или банкете: я в моей жизни не произносил речей на подобных собраниях и уже более пяти лет не присутствовал ни на каком митинге или банкете.

¹ Granet — бывший министр почт, радикал.

Мало этого: этот господин имел смелость инсинуировать или прямо доносить, что я будто бы участвовал в составлении памфлета «La Societé de St. Pétersbourg».

Никто лучше самого Катакази не знал, что это чистейшая выдумка, так как *он сам сотрудничал в этой книге, как свидетельствует прилагаемое письмо г-жи Адан*. Я же не только был абсолютно чужд памфлету графа Василия, но я месяцев пятнадцать до ее выхода большею частью не был в Париже и не состоял даже в корреспонденции с г-жою Адан. А когда я принял, спустя 8—10 месяцев после появления La Societé de St. Pétersbourg редакторство Nouvelle Revue, то я поставил первым условием, чтоб книга эта больше не издавалась.

С.-Петербург. 30 июля 1887 г.

И. Цион.

При сем приложены: 1) Оригинал письма г. Флоке, 2) копия с письма г-жи Адан, оригинал которого послан был М.Н. Каткову.

743

Chambre des Deputés.

Cabinet du Président.

Paris, le 28 juin 1887.

Monsieur de Cyon.

Je ne puis que vous répéter par écrit ce que je vous ai dit tantôt, c'est que je n'ai reçu, ni par votre intermédiaire ni par aucun autre, aucune communication de l'illustre journaliste Russe M. Katkoff. J'ajoute pour compléter la vérité que c'est ce matin, la première fois que j'ai eu l'honneur de vous voir et d'échanger quelques mots avec vous.

Veillez recevoir, Monsieur, assurance de mes sentiments distingués.

C. Floquet.

744

(Копия).

Abbaye de Jif 30 juin 1887.

Mon cher ami.

J'apprends que de nouveau vous êtes accusé d'avoir collaboré au volume du C-te Vasili sur la Société de St. Pétersbourg. U doit vous être facile de prouver que pendant quinze mois je ne

vous ai pas vu et n'ai point été en correspondance avec vous. D'ailleurs je suis prête à *jurер sur l'honneur* que vous êtes entièrement étranger à toute rédaction du volume de la Société de St. Pétersbourg, dont j'ai rapporté les éléments principaux de mon voyage en Russie.

Et puisqu'on me dit que M. Catakazy a l'audace de vous accuser de cette collaboration, malgré le serment que je môtis fait de ne jamais reveler le nom d'aucun Comte Vasili, je vous déclare que M. Catakazy lui-même m'a fourni de nombreux renseignements dont le C-te Vasili s'est servi pour la Société de St. Pétersbourg. Ceci confidentiellement en vous priant de le garder pour vous seul et pour votre propre édification.

Mes affectueux sentiments

Monsieur E. de Cyon
à Paris.

Juliette Adam.

745

Ваше высокопревосходительство, Константин Петрович.

Благосклонный прием, который Вы изволили оказать поданной мною записке, придает мне смелость раскрыть пред Вашим высокопревосходительством и настоящие мотивы интриги, направленной против М. Н. Каткова и против меня. Я не сделал этого в первой записке потому единственно, что не осмелился беспокоить Вас моими личными делами.

Позвольте мне прежде дополнить фактическое изложение дела. Я имел честь представить на Ваше благоусмотрение несомненные доказательства, что ни М. Н. Катков, ни я не состояли ни в каких сношениях с г. Флоке. Но так же мало Михаил Никифорович имел какие бы то ни было письменные или словесные, даже косвенные сношения с другими французскими политическими или военными деятелями, не исключая и генерала Буланже. М. Н. Катков получал сотни писем из Франции, *но не ответил ни на одно из них*. Он оставлял без ответа даже письма г. Деруледа, приезжавшего в Москву ему представляться. Поручения, которые он давал мне, строго ограничивались следующим: поддерживать в печати дружелюбные чувства к России, рассеивать предубеждения против русского народа, опровергать ложные слухи, сотнями распространяемые из Берли-

на о России, а затем держать его au courant всего, что делается во Франции, извещать о настроении правительственных и парламентарных кругов и доставлять ему точные сведения о боевой готовности французской армии; одним словом, делать все, что входило в мои обязанности корреспондента «Московских Ведомостей».

Инструкции М. Н. Каткова строго предписывали мне крайнюю осторожность, и я был слишком ему предан, чтоб уклоняться от его указаний. Несколько раз он также просил меня сделать все возможное, чтобы побудить французскую печать не заниматься его личностью, и в письме от 28 июня, за два дня до постигшего его паралича, он просил меня не давать газетам даже известий о его болезни.

И этого истинно святого человека по бескорыстию и по скромности люди, как Катакази, осмеливались обвинять в каких-то попытках разыгрывать самостоятельную политику помимо воли государя. Над свежеею могилою моего усопшего покровителя и крестного отца клянусь я, что *никогда Михаил Никифорович* не уклонялся в своих отношениях с Францией от вышесказанного.

Что касается мнимой речи, будто бы произнесенной мною на каком-то митинге или банкете, то и тут доносчики сознательно и умышленно лгали. Если даже допустить, что им совершенно неизвестна моя двадцатилетняя деятельность как профессора и как публициста, то зато как Катакази, так и другим членам посольства в Париже наверное известны хоть некоторые из следующих обстоятельств.

В 1879 году ко мне от имени князя Орлова явился тайный агент посольства, какой-то Белина, и предостерег меня, что *русские нигилисты, живущие в Париже, на сходке приговорили меня к смерти* за корреспонденции о коммунарах, которые я тогда печатал в «Голосе»; он даже назвал мне некоторых из них, я запомнил имена Архангельского, бывшего студента медико-хирургической Академии, и какого-то капитана Соколова.

В 1881 или 1882 году, узнав от агентов же *нашего посольства* об угрозах нигилистов, полицейская префектура некоторое время принуждена была охранять мою редакцию «Gaulois» и мою частную квартиру. Наконец, еще летом 1886 года, тотчас после появления в «Русском Вестнике» первой статьи моей

«О нигилизме и нигилистах», я получил от Степняка, Тихомирова и товарищей условный смертный приговор, если я буду продолжать мои статьи, о чем я тогда же уведомил Каткова и при свидании передал документ. Я тем не менее напечатал и другие две статьи о нигилистах, но как же я осмелился бы уже *в целях моей личной безопасности* показаться на каком-нибудь революционном собрании? Все это, если не всецело, то хоть в общих чертах известно моим доносчикам, как же они дерзают так нагло обманывать государя императора.

За десять лет моего пребывания в Париже я только один раз в 1878 г. присутствовал на банкете, именно ученого конгресса, и тут даже тоста не произносил. Один же раз я в качестве корреспондента присутствовал на митинге, именно в 1879 году, на митинге забастовавших извозчиков и, как газетный корреспондент, не имел никакого повода произносить речи.

Какую цель Катакази и другие клеветники преследуют при попытках дискредитировать мою деятельность? Покойный М.Н. Катков никогда не сомневался, что вся интрига исходит из Берлина, и в письме от 1/13 июня он еще раз предупреждал меня об этом. Могу привести немало доказательств, что Катков был прав. В феврале прошлого года «Post», официальный орган князя Бисмарка, стал распространять ложный слух, что М. Н. Катков переселяется в Петербург и передает мне редакцию «Московских Ведомостей». С тех пор почти вся немецкая печать, с Norddeutsche Allgemeine Zeitung, Kölnische National и другими официальными органами во главе, почти ежедневно на меня нападает и забрасывает меня грязью и *распространяет обо мне клеветы, совершенно тождественные с теми, которые Катакази посылает и другим.*

Так, напр., клевета с мнимым письмом Каткова к Флоке, посланным чрез меня, прошла чрез немецкую печать гораздо раньше, чем я узнал о доносе. Связи Катакази с Берлином, впрочем, вряд ли для кого тайна в Париже.

М.Н. Каткову известно было, и у меня имеются на это *письменные доказательства*, что князь Бисмарк хотел вызвать меня на личное свидание, разумеется, с целью скомпрометировать Каткова и меня; Михаил Никифорович вовремя предупредил меня. *Не далее как вчера князь Бисмарк имел с близким ему лицом длинную беседу обо мне и о том, получу*

ли я редакцию «Московских Ведомостей». Беседа была по поводу кампании немецкой печати против наших фондов, кампании, о которой я третьего дня напечатал передовую статью в «Московских Ведомостях». Я извещен был о разговоре Бисмарка полученною сегодня телеграммою.

Не смею утомлять Вашего высокопревосходительства другими подробностями; изложенного, надеюсь, достаточно, чтоб охарактеризовать интригу.

С глубоким почтением и искреннею признательностью за дарованное мне внимание имею честь пребыть

Вашего высокопревосходительства

покорный слуга И. Цион.

С.-Петербург, Европейская гостиница.

1 августа 1887 г.

746

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

Имею честь переслать Вам письменное признание г. Сивини. Я добился его не без труда, так как принужден был гарантировать его против возможных последствий его откровенности.

В моей записке я избежал указания на молодого Гирса как сообщника интриги. Но в полном признании г. Сивини, разумеется, нельзя было, не насилуя истины, избежать этого указания.

Иван Давидович, вероятно, уже передал Вам копии с телеграмм, полученных мною из Берлина.

Я на днях оставляю пост директора «Nouvelle Revue», считая его несовместимым с моею должностью при министерстве финансов, это позволит мне посвятить больше времени сотрудничеству в «Московских Ведомостях». Я, однако, сохраню достаточно влияния на этот важный по политическому влиянию журнал, для того, чтоб он всегда оставался признанным в России.

Позвольте мне, Ваше высокопревосходительство, выразить Вам мою глубокую признательность за столь любезно предоставленную мне возможность очистить память покойного Михаила Никифоровича от взведенных на него клевет. Я вечно буду благодарен Вам за благосклонный прием и великодушное содействие.

С глубоким уважением и полнейшею преданностью имею честь пребыть

Вашего высокопревосходительства

покорный слуга *И. Цион.*

Париж 8/20 августа 1887 г.

747

Париж 8/20 августа 1887 г.

Милостивый государь, Илья Фаддеевич.

Для вящего восстановления истины считаю долгом подтвердить Вам письменно переданные мною Вам несколько месяцев тому назад сведения о происхождении известной заметки в «*Voltaire*» по поводу мнимого письма М. Н. Каткова к г. Флоке.

Несколько дней перед появлением этой заметки в «*Voltaire*» секретарь императорского посольства Н. Н. Гирс просил меня, чтобы я в качестве бывшего сотрудника «*Московских Ведомостей*» поместил в «*Journal des Debats*» известие, что будто бы Катков чрез Ваше посредство писал к Флоке, что его вступление в управление делами во Франции будет принято благосклонно как русским правительством, так и государем императором. При этом г. Гирс прибавил, что «вам обоим за это достанется».

Считая это предложение не соответствующим моим прежним отношениям к Михаилу Никифоровичу, я отклонил его. Несколько дней спустя заметка эта, сочиненная г. Катакази, появилась в «*Voltaire*».

Уже и раньше г. Катакази неоднократно просил меня посылать в Петербург доносы о мнимых интригах, которые Вы по наущению Каткова ведете здесь против статс-секретаря Гирса и его политики — и просил меня помещать подобного рода заметки в здешних газетах. Вообще он всеми силами старался при всяком удобном случае распространять про Вас разнородные слухи с целью скомпрометировать пред Россией.

С отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть,

милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

Его превосходительству

М. Сивини.

Илье Фаддеевичу Г-ну Циону.

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

Вновь осмеливаюсь почтительнейше утруждать Вас письмом. Вследствие недавней поездки г. Катакази в Петербург дело о мнимых сношениях покойного Каткова с Флоке вновь всплыло. Виновники недостойной клеветы стараются теперь свалить вину друг на друга: Катакази желает доказать, что Сивини действовал помимо него и лишь по наущению посольства. Г. Сивини, вновь служащий барону Моренгейму, взваливает вину на одного Катакази и старается выгородить себя и молодого Гирса. Барон Моренгейм заставил Сивини подписать какие-то протоколы в этом смысле. Катакази и Сивини обменялись письмами, достойными обеих личностей.

Имею честь препроводить Вашему высокопревосходительству копии с этих писем, списанные г-м Сивини. Я сличил эти копии с подлинниками г. Катакази и удостоверяю их верность.

Если я осмеливаюсь обременять Ваше внимание этими печальными дрязгами, то делаю то прежде всего ввиду того, что дело, по всей вероятности, будет вновь поднято в Петербурге, и я считаю своим долгом опять прибегнуть к Вашему великодушному заступничеству для защиты дорогой всякому русскому памяти Каткова. Но между приложенными при сем документами находится одно письмо г. Сивини, представляющее и другой, более общий интерес. В своем желании очиститься от обвинения, что он написал подложное письмо Каткова к Флоке, Сивини обвиняет своего бывшего патрона г. Катакази в прямой измене государю императору. Он уверяет, что записки, которые Катакази писал на высочайшее имя, до отсылки показывались, очевидно, для предварительного одобрения, здешнему германскому послу — графу Мюнстеру. Сношения Катакази с германским правительством давно не были здесь секретом. Под предлогом субсидий для печати г. Катакази получал постоянное содержание от германского посольства, что, впрочем, не мешало ему выхлопотать и у г. Флуранса субсидию будто бы для газеты «Nord».

В записке, которую я имел честь подать Вашему высокопревосходительству в июле прошедшего года, я уже позволил себе обратить Ваше внимание на странное совпадение, что все

клеветы и обвинения, которые Катакази и Моренгейм взводили в своих тайных доносах на Каткова, на меня и на других, одновременно появлялись в официальных органах князя Бисмарка. Разоблачения Сивини разъясняют весь ход дела: Катакази читал свои записки и доносы графу Мюнстеру, а так как барон Моренгейм обязан был показывать г-ну Катакази все получаемые и отправляемые посольством депеши, то, очевидно, граф Мюнстер еще раньше нашего министерства иностранных дел узнавал все, что говорилось в нашем посольстве.

Личности, подобные Сивини, не заслуживают особенного доверия, но если Катакази действительно подавал чрез посредство графа Шувалова записку государю императору с эпиграфом «Своя своих не познаша» и содержание этой записки соответствовало тому, что пишет Сивини, то не может быть сомнения, что на этот раз последний говорит правду.

Своими сообщениями графу Мюнстеру Катакази не только изменял России, но действовал предательски и по отношению к Франции, так как он был au courant всех переговоров барона Моренгейма с французскими министрами.

Удивительно ли после этого, что когда одни из наших здешних дипломатов открыто изменяют России в пользу Германии, другие, быть может, и не сознательно, работают в пользу польско-иезуитских и австрийских интриг, что руководители французской политики начинают колебаться и относиться недоверчиво к России. Все грознее становится коалиция против России, образовавшаяся под эгидою Германии. А когда грянет гром, когда вспыхнет война, — а кто еще может сомневаться, что гроза разразится немедленно после смерти теперешнего германского императора, — то Россия останется одна, отвергнув единственного могущественного союзника, которого она может иметь во всей Европе. Все это благодаря тому, что Катакази поступил на содержание у графа Мюнстера и что граф Браницкий и другие поляки по временам уплачивают нескончаемые долги барона Моренгейма.

Признательность французского народа к русскому государю и его симпатии к России слишком велики, а общность грозящих обеим сторонам опасностей слишком очевидна, чтоб в конце концов Франция могла оставаться спокойною зрительницею разгрома России: «но», как мне на днях еще говорил буду-

ший генералиссимус французской армии генерал Соссье, «*что проку во вмешательстве Франции, если оно не совершится своевременно и по предварительному между военными обеих стран условленному плану*»? И если это вмешательство будет вызвано только под давлением народного волнения или, Боже сохрани, даже междоусобицы? Ведь раз война вспыхнет, и уже по одним географическим причинам сообщения между Россией и Францией сделаются почти невозможными.

Наши дипломаты обманывают государя, если уверяют, что французские государственные люди не желают союза с Россией. Никогда еще это желание не было более глубоко и сильно, чем в настоящую минуту. Но руководители французского правительства не доверяют нашим здешним дипломатам, а эпизод с Катакази доказывает, до чего они правы, — и держатся с ними настороже.

Позвольте мне, Ваше высокопревосходительство, сообщить Вам еще два примера «благотворной» деятельности наших дипломатов.

В прошедшем году Оттоманский банк, образованный и управляемый почти исключительно французскими банкирами, обращался *строго конфиденциально* чрез посредство маркиза д'Абзака сначала к покойному Каткову, а затем ко мне по следующему делу: Австрия и Германия употребляли все усилия, чтоб захватить в свои руки все турецкие железные дороги, часть которых принадлежала барону Гиршу, другая — упомянутому банку. Ввиду громадной экономической и политической важности этих дорог для преобладания на Балканском полуострове представители банка полагали, что Россия должна воспрепятствовать подобному захвату. Они поэтому предлагали приобрести на свои деньги все турецкие дороги и предоставить их в течение пяти лет в полное распоряжение России, с тем чтоб последняя имела право во всякое время приобрести эти дороги в полную собственность по наперед условленной цене. Они взамен просили только, чтоб наш посол в Константинополе поддерживал пред Портою их предложение, подобно тому как послы Австрии и Германии поддерживали предложения австрийской группы.

Я немедленно же доложил письменно господину министру финансов И.А. Вышнеградскому об этих предложениях и в октябре прошлого года приезжал в Петербург для личного док-

лада. Иван Алексеевич слишком хорошо знает, какое влияние железнодорожные пути имеют на экономическую жизнь страны, чтоб не приветствовать горячо это предложение. Но наше министерство иностранных дел отказалось интересоваться этим делом, и предложение было отклонено. Теперь Австрия торжествует; турецкие дороги в ее руках. В 24 часа ее войска могут быть в Салониках и в скором времени также в Константинополе. Балканский полуостров на десятки лет закабаен экономически и политически в руки немцев и австрийцев.

Мотив отказа нашего министерства иностранных дел был тот, что «если Россия завоюет Балканский полуостров, то и дороги будут в ее руках, в противном же случае и дороги эти для нее не представляют интереса». Вечная привычка взваливать на плечи русской армии работу, которую должна совершать мирным путем дипломатия. Задача последней и состоит ведь в том, чтобы упрочивать силу и влияние России, не прибегая к войнам. Наши же дипломаты только и умеют ставить Россию в такое безвыходное положение, что русскому солдату приходится затем своею кровью спасать честь и могущество родины.

Другой пример: группа первоклассных французских банкиров и банков (три регента Banque de France, Baron Hottinguer, Mallet Frères и Vernes et Ce, дом Гейне, дом графа Кагенъ-д'Анверъ, Credit Foncier, Societ  G n ral и Credit Industriel) хлопотали чрез мое посредство у нашего министерства финансов о разрешении устроить на общих законных основаниях и без всяких особенных привилегий банк в двести миллионов франков металлической валюты. Банк этот в мирное время удешевил бы в России кредит и постепенно содействовал бы восстановлению нашей валюты, а в случае войны он мог бы поставить в распоряжение России миллиарды. Два раза приезжал в Россию по этому делу. Но и оно, несмотря на теплое сочувствие И.А. Вышнеградского, рушилось благодаря доносам и интригам барона Моренгейма, которого польская совесть не примиряется с делом, полезным России.

Гром не грянет, и русский мужик не перекрестится. Тучи, собирающиеся над Россиею, предвещают скорую грозу. Чудесно продолжая дни Фридриха III, Бог дает России возможность и время исправить бесчисленные ошибки нашей дипломатии. Воспользуемся ли мы этою божьею милостью?

Еще раз покорнейше прошу, Ваше высокопревосходительство, простить мне великодушно мою смелость и откровенность. Я считаю долгом верноподданного и патриота доносить до сведения советников государя все, что я считаю полезным для России. Времена слишком серьезны для того, чтоб вести дело чрез посредство газетных статей.

С глубоким уважением и полною преданностью имею честь пребыть

Вашего высокопревосходительства покорный слуга

Париж 17/29 мая 1888.

И. Цион.

749

Письма г. Катакази.

Copie.

1) Paris, Le II Mai 1888.

21, rue du général Foy.

Mon cher Monsieur de Civiny,

Pourriez vous me faire le plaisir de venir chez moi un de ces matins entre 11 h. et midi.

Bien des compliments

C. de Catacasy.

750

2) Paris. Le 3/15 Mai 1888.

A. M. A. M. de Civiny.

Monsieur.

On s'est permis de vous attribuer l'assertion que je vous aurais dicté ou inspiré un article disant que feu M. Katkoff était en relations secrètes et en correspondance avec M. Floquet.

Je vieus vous prier de vouloir bien me mettre à même de démentir une assertion aussi contraire à la vérité et que j'en suis persuadé n'a pas pu être émise par vous. Dans la conviction que cet appel à votre équité et à votre veracité sera accueilli comme il le mérite je vous prie, Mr., d'agrèer l'assurance de mes sentiments distingués.

C. de Catacasy.

751

Отвѣты г. Сивини.

1) A. Mr. C. de Cataczy.
à Paris.

Paris 4/16 Mai.

Mr.

En réponse à votre lettre du 3/15 Mai, j'ai l'honneur de vous informer que dans aucun de mes articles je n'ai parlé de Mr. Katkoff et de ses relations avec Mr. Floquet.

Agreéz, Mr., l'assurance de ma parfaite considération.

A. M. de Civiny.

752

2) A. Mr. C. de Cataczy.

Paris 7/19 Mai.

Mr.

Votre première lettre étant en contradiction avec la prière que vous m'avez adressée verbalement, j'ai cru devoir y répondre comme elle le méritait.

Mais à présent que d'incrimine et de solliciteur vous vous posez en accusateur et que vous essayez de rejeter sur moi votre responsabilité, je me vois obligé de sortir de ma réserve.

Oui, vous m'avez prié d'écrire non seulement contre feu Mr. Katkoff, au sujet de ses soi-(di)sant relations avec Mr. Floquet, mais aussi contre M. le comte Tolstoi, ministre de l'intérieur, et Mr. Wychnegradsky, ministre des finances, et M. de Cyon. Mes anciennes relations avec M. Katkoff et ma conscience ne me permettant pas de servir vos rancunes personnelles, je vous ai refusé net le service que vous m'aviez demandé comme j'ai eu soin de vous le rappeler lors de notre dernière entrevue.

Libre à vous, Mr., de recourir à des intimidations. Elles ne m'effrayent pas et j'attends avec confiance vos deux témoins pour déposer contre moi. Je serai vraiment très-curieux de les entendre répéter notre conversation et surtout vos nombreuses indiscretions politiques, genre dans lequel, je l'avoue en toute sincérité, vous êtes passé maître.

Je crois devoir ajouter que vos lettres resteront dorénavant sans réponse.

Je vous salue

A. M. de Civiny.

Его прев-тву
И.Ф. Циону.

Милостивый государь Илья Фадеевич.

Сделанный мне вами вчера запрос: не передавал ли я в прошедшем году К.Г. Катакази подложное письмо покойного М.Н. Каткова, адресованное на имя г. Флоке, крайне мена поразил.

Прежде всего считаю долгом уверить вас честью, что я не передавал г. Катази не только вышеозначенного письма, но и вообще никакого документа, ниже статьи газетного содержания.

Но так как клевета против моей чести стала принимать, по милости г. Катакази, большие размеры, то позвольте мне передать вам некоторые подробности, о которых я доселе умалчивал, не желая вредить человеку, не быв на то вызван враждебным его против меня действием.

С г. Катакази я виделся в Париже по совету императорского посольства, так как означенный чиновник заведывал здесь официальными сношениями нашего правительства с прессой.

С первых же дней моего знакомства я оказал г. Катакази немаловажные услуги, благодаря моим сношениям с агентством Гаваса и первенствующими из здешних газет, среди которых, как вам небезызвестно, я пользуюсь довольно большим значением.

Вследствие ли этого, или по другим причинам, г. Катакази стал оказывать мне с тех пор доверие.

Так, без всякой с моей стороны на то просьбы, г. Катакази дал мне прочесть ряд своих всеподданнейших, по его словам, докладов его императорскому величеству государю императору, и между прочим доклад об истории внешних сношений России при императоре Александре II, озаглавленный им: Своя своих не познаша. При этом для вящего впечатления прочел он мне письмо, адресованное на его имя императорским послом в Берлине, в котором граф П.А. Шувалов писал ему, что означенный доклад был благосклонно принят государем императором и хранится в кабинете его величества.

По словам г. Катакази, его всеподданнейшие доклады писались еженедельно, причем императорский посол в Париже,

барон Моренгейм обязан был сообщить ему предварительно свои доклады министерству. Задачей, данной им себе — как уверял меня г. Катакази, было рассеять все недоразумения нашего правительства на счет недружелюбия к России германской политики, а главное — доказать несостоятельность мнения некоторых публицистов, уверявших, что Франция искренно предана государю императору и России и что в случае столкновения с Германией наше правительство могло рассчитывать на полное содействие с Францией.

По мнению г. Катакази, все это ложь, измышленная недальновидными журналистами и доверчиво принятая слабыми государственными людьми. Россия, по его словам, только в союзе или на буксире Германии могла бы развиваться нормально, не нуждаясь во Франции, где все государственные деятели охотно бы приняли союз Германии против нас.

Вследствие всех этих соображений, ему же разрешено было из С.-Петербурга сообщать содержание своих докладов германскому послу, графу Мюнстеру, который, со своей стороны, передавал ему много интересных сведений.

Надеясь, что с таким благосклонным ко мне обхождением, можно было добиться всего от меня, г. Катакази просил меня однажды, в прошедшем году, напечатать в здешних газетах, что покойный М.Н. Катков препроводил через ваше посредство, как своего здешнего корреспондента, письмо на имя г. Флоке, с уверением благосклонных к нему чувств государя императора. Развивая свою идею, г. Катакази говорил мне, что М.Н. Катков совокупно с г.г. министром внутренних дел, графом Толстым, обер-прокурором св. синода К.П. Победоносцевым и министром финансов И.А. Вышнеградским, действуют вообще во вред истинным русским интересам, навязывая России союз с Францией, и что означенный четырехчленный союз имел здесь в Париже своим агентом ваше превосходительство.

Вместе с тем г. Катакази, налегая на долг верноподданного, советовал мне написать в С.-Петербург донос на покойного М.Н. Каткова и на вас за ваши преступные-де сношения с г. Флоке.

Мой решительный и резкий отказ исполнить гнусную роль, внушаемую мне им, прервал мои сношения с этим господином.

Осенью прошедшего года г. Катакази, встретясь со мной недалеко от своего дома, предложил зайти к нему по важному делу. По приходе в его дом он предложил мне пятьсот франков с тем, чтобы я дал расписку в получении этой суммы за напечатание в здешних газетах разных якобы продиктованных им мне статей.

Предложение это было отвергнуто мною с негодованием, во-первых, потому, что г. Катакази никогда не диктовал мне никаких статей, так как единственными источниками, откуда я черпал свои известия, были: императорское посольство и ваше превосходительство. Во вторых, я не хотел обязываться денежным образом перед г. Катакази, которого после попытки его оклеветать покойного М.Н. Каткова я не мог уже уважать.

Вам хорошо известно, что, трудясь здесь более полутора лет над защитой русских интересов в агентстве Гаваса и в других парижских газетах, я не получил от нашего правительства не только ни малейшего вознаграждения, но даже благоволения за свои занятия. Даже в бытность свою в Греции, где я издавал в течение восьми лет «Journal d'Athènes» мне пришлось бороться против всей почти тамошней прессы без всякого за то вознаграждения.

И после всего этого г. Катакази осмелился думать, что я унижу себя до степени наемного исполнителя его хитросплетений.

С тех пор и до начала нынешнего мая я не имел никаких сведений о г. Катакази.

В начале сего мая он пригласил меня зайти к нему и, когда я исполнил его желание, стал просить меня опровергнуть слух, будто бы я говорил г-же Адан, что узнал от него о какой-то переписке покойного М.Н. Каткова с г. Флоке.

Так как я ни разу не имел чести видеть г-жу Адан, то я охотнее согласился опровергнуть не происходивший между ею и мною разговор, причем, однако, напомнил ему, что он действительно говорил мне о том. Уходя от него, я обещал отвечать ему письменно на письменный же запрос с его стороны.

Имею честь препроводить при сем копии обмененных между нами писем. Из них вы усмотрите, до каких громадных столбов искажения истины может дойти человек, действующий во всем не по убеждениям и внушениям совести, а по мимолетным личным интересам.

Как вам известно, я до сих пор молчал, не желая выносить сор из избы, но поведение г. Катакази и его клевета на меня поневоле заставили меня высказать вам откровенно все происходившее между нами и просить вашей защиты во имя моего двадцатилетнего с лишком сотрудничества в «*Московских Ведомостях*» (1866 г.).

Позвольте мне в заключение просить вас о доведении содержания сего письма до сведения высокопоставленных особ в С.-Петербурге.

С глубочайшим почтением и искреннейшею преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства,

милостивый государь,
покорнейшим слугою,

Париж, мая 1888 г.

А. М. Сивини.

— 1888 —

754

Обыкновенно я передаю Танееву для составления ответа, но на этот раз, мне кажется, банальным ответом нельзя удовлетвориться, а желательнее ответить хорошо, а поэтому я обращаюсь к Вам.

1 января 1888 г.

А.

755

Эти слова «и мира» можно, если угодно, исключить, так как далее понимается мир— внешний. Можно и оставить, что Вы находите лучше.

Высочайший рескрипт,

данный на имя московского генерал-губернатора, генерал-адъютанта кн. Долгорукова.

Князь Владимир Андреевич. Мне приятно и на сей раз в вашем приветствии на Новый год слышать голос Москвы и благожелания, несущиеся из сердца России. Не со-

мневаюсь в искренности русского чувства, коим они внушены, и уверен, что вся Россия вместе со мной в нынешний день молит Бога направить силы наши к утверждению порядка, на вере и правде основанного, и к умножению народного благосостояния. К сей цели направлены и все мои желания в верной надежде, что мир, коим благословляет нас провидение, дозволит и в наступивший год, и в грядущие годы посвятить все силы государства и все усилия верноподданных сынов его на дело внутреннего преуспения. Пребываю к Вам навсегда неизменно благосклонный.

На подлинном собственной его императорского величества рукой написано:

С.-Петербург.
2 января 1888 г.

Александр.

756

5 января 1888 года.

Любезный Константин Петрович, посылаю Вам записку об университетских беспорядках, составленную профессором Любимовым. Я давал прочесть ее гр. Воронцову, и вот что он мне пишет, возвращая ее. Я очень желал бы знать Ваше мнение по этому вопросу, а так как писать об этом слишком длинно, то я желал бы с Вами переговорить лично и дам Вам знать, когда будет у меня свободное время. Конечно, письмо Воронцова только лично на Ваше прочтение, и никому не говорите о нем, а потом верните ко мне обратно.

До свидания Александр.

757

Были мы сегодня с императрицей в Александровской лавре. Опять никакого монаха при св. мощах не было. *Требую*, чтобы этого больше не было, непростительно. Пора, кажется, привести эту орду в лавру.

25 февраля 1888 г.

А.

758

Я желал бы Вас видеть и переговорить о некоторых делах. Завтра в 12 я свободен и буду Вас ждать.

27 марта 1888 г.

А.

759

Гатчина.

29 ноября 1888 года.

Насчет Добровольного флота я говорил еще недавно с братом Алексеем, и не только нет речи об его упразднении, но напротив того, — морское министерство предлагает заказать новые пароходы и постепенно заменять старые большими океанскими транспортом быстроходными, в том предположении, чтобы в военное время они могли служить как угольные склады для военных крейсеров и посылались бы в океан на известные пункты для снабжения крейсеров топливом. Таким образом, как видите, нет и речи об упразднении Добр. флота, а если со временем снова возбудится речь об этом, то, конечно, я самым энергичным образом буду протестовать. Председателем комитета Добр. флота назначен контр-адмирал Попов, человек во всех отношениях отличный, толковый и честный, так что, я надеюсь, дело пойдет хорошо.

А.

760

Гатчина.

Узнайте, пожалуйста, правда ли это. Если действительно священник пожертвовал эти деньги на церковь, то это замечательно благородно и великодушно со стороны бедного сельского священника.

6 декабря 1888 г.

А.

С большим удовольствием сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь этому доброму началу.

Благоволите, Ваше императорское величество, прочесть прилагаемые письма. Они указывают на дело очень интересное и, по мнению моему, важное для нас в политическом отношении.

Я говорил об этом немало с Иониным. Оказывается, что в Аргентинской республике, в приморских краях, уже теперь до 9000 православных славян мореходов, выходцев из Далмации, что число это умножается новыми выходцами, что в одном Буэнос-Айресе их свыше 2000, что все это население исполнено живейших симпатий к России и теперь просит прислать им православного священника, собираясь строить православную церковь.

Оказывается — крайне благоприятное обстоятельство, что нынешний наш консул Кристоферсен, хотя норвежец родом, питает такие же симпатии, очень заботлив, пользуется в народе авторитетом, притом человек со значительными средствами и готов жертвовать немалую сумму на построение храма.

Оказывается, что на этот край обращено внимание морского министерства, которое надеется в тамошних, мало кому известных, южных пристанях припасти убежище для судов наших, на случай морской войны.

Итак, мне кажется, следовало бы не терять времени, поискать им священника, содействовать всячески устройству церкви.

Важно найти человека. Но в эту минуту я имею в виду человека, который представляется мне подходящим к этому назначению. Это один молодой человек, образованный, кончивший уже с большим отличием курс в морском корпусе, но имевший с детства призвание к духовному званию. Его привел ко мне лет 5 тому назад отец его, с трудом соглашавшийся удовлетворить его желание. Мы поместили его в духовную академию, где он шел отлично, с прекрасными нравственными качествами, и кончил курс в прошлом году. На днях он женился и готовится к посвящению в священники. Первоначально думал послать его в С.-Франциско, на что он было и решился, но я охотнее послал бы его в Буэнос-Айрес, если бы...

Это если бы заключалось в средствах содержать его и псаломщика. На первый раз можно бы, пожалуй, сделать складчину с пособием от синода, но главная сила в государственном казначействе, у которого трудно теперь просить денег.

Но дело представляется мне важным и стоящим некоторой затраты. Так же, сколько мне известно, смотрит на него и министр иностранных дел.

Если Ваше величество изволите быть такого же мнения, то сочувственное слово Ваше министру финансов хорошо, конечно, двинуло бы в ход ходатайство, к коему я приступить еще не смею и в коем, без сомнения, будет участвовать и министерство иностр. дел.

11 февраля 1888 г.

Константин Победоносцев.

762

Очень Вам благодарен за книжку, которую уже сегодня читал и наслаждался.

Христос воскресе (воистину воскресе).

А.

Благоволите, Ваше величество, принять от меня на светлый праздник только что вышедшую из типографии книжку, которую я издал в небольшом числе экземпляров.

24 апреля 1888 г.

Константин Победоносцев.

763

30 апреля.

Примите и от меня, по нездоровью отсутствующего, сердечное поздравление с нынешним венцом Вашей литературной деятельности. Считаю себя не в последних, а в первых рядах любителей и ценителей, быв усердным искателем и читателем стихов Ваших с первого их начала, когда я был еще на школьной скамье.

С тех пор не переставал я радоваться росту Вашему и наслаждаться глубиной мысли и свежестью чувства и гармонией русского слова в стихе Вашем. Примите же от меня, не последнего, душевную за то признательность с желанием, чтобы и в

наступающей старости сохранилась Вам на долгие годы вся восприимчивость юности и вся сила созревшей мысли.

764

Какой подлец и скот Милан, и что за угодливость Австрии со стороны германского правительства. Весьма некрасивая картина.

Почитаю не лишним представить Вашему императорскому величеству письма, только что полученные мной из Висбадена от протоиерея Протопопова.

Мариенбад.

Константин Победоносцев.

3/15 июля 1888 г.

765

Висбаден 27 июня

10 июля 1888 г.

Ваше высокопревосходительство.

Простите, что осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство чтением моих строк в те немногие минуты отдыха от дел церковно-государственных, которые Вы отдали лечению телесных недугов. Но в Висбадене происходят такие выдающиеся события, что я не могу удержать себя от neodолжимого желания поведать Вам о них. Всю эту неделю бедная королева Сербии провела между страхом и надеждой, боясь за судьбу сына своего, которого король решил не только навсегда отнять у нее, но, что еще того хуже, передать в руки сербского военного министра, человека безнравственного, распутного и врага королевы Наталии. Жена этого министра продана своим мужем королю и позволяла себе явные надругательства над оскорбленной ею же супругой короля... Кроме того, сербский синод прислал сюда нишского епископа Димитрия — с поручением насильственно вынудить королеву подписать развод. По моему совету, королева не приняла епископа, прибывшего в Висбаден с антиканоническим предложением. Я боялся, что хитрый серб, пожалуй, злоупотребит своим архиерейским словом и сообщит сербскому синоду об устном, якобы, согласии королевы на развод, дабы иметь возможность постановить за-

очное решение. Вчера епископ Димитрий приезжал ко мне. Я горячо беседовал с ним (он говорит по-русски), упрекал его в бесцеремонном обращении с свящ. канонами правосл. церкви и назвал самый приезд его в Висбаден — с поручением заставить королеву подписать развод — унижительной для сана его миссией. В защиту свою он указывал на волю суверена; но я припомнил ему точный смысл архиерейской присяги и суд царя царей и Господа господствующих. Он начал высказывать сожаления о неустройствах русской церкви, как бы оправдывая тем свою постыдную миссию, но я опять-таки привел ему на память доблестного борца за истину митроп. Михаила, находящегося доселе в изгнании. В заключение я, как бы вскользь, сказал ему, что в окрестностях Висбадена проживает теперь на водах обер-прокурор св. всероссийского синода, который, вероятно, посетит и Висбаден. Это произвело заметное впечатление на сербского архиерея, который стал вздыхать и дал мне слово не тревожить более королеву своими посещениями (он три раза перед тем был у нее и ни разу не был принят). После осмотра Висбаденского православного храма он уверил меня, что сейчас же уезжает в Вену, и действительно, в тот же день вечером его видели в поезде, отходящем во Франкфурт н/М.

Завтра, в 4 часа вечера, при содействии германской полиции, Протич, сербский военный министр, придет к королеве отнимать сына ее на основании какого-то закона об насильственном изгнании административном иностранцев по международному праву. Королева умоляет меня присутствовать при этом ужасном акте, чтобы поддержать словом утешения ее дух. Вчера у обедни был директор департамента личного состава министерства иностранных дел Мих. Н. Никонов и наш посланник в Сев.-Амер. Штатах г. Струве, и я спрашивал их совета, удобно ли мне присутствовать при применении вышеназванного закона. На это мне было сказано, что я как лицо духовное имею право при всяких обстоятельствах быть в доме единой верной мне сербской королевы. Сообщаю о сем Вашему высокопревосходительству на случай могущих возникнуть недоразумений, тем более, что я предвижу возможность драмы: бедная женщина, вероятно, будет отчаянно сопротивляться. Со своей стороны я употреблю все усилия, чтобы возбудить в

ней дух веры и упования и поддержать в ней хладнокровие в минуту тяжкого испытания. Простите меня за мое нескладное писание. Но вот уже неделя, как я нравственно измучен, оставшись поневоле (вся свита ее уже уехала по распоряжению из Белграда) единственным советником и свидетелем душевных мук несчастной женщины, у которой теперь отнимают — и отнимают, может быть, навсегда — ее последнее утешение: любимого единственного сына (12-летнего). Нужно иметь крепкие нервы, чтобы быть в состоянии спокойно переносить вид горьких материнских слез, проливаемых над трепещущим сыном. Она чувствует, что принесена теперь в жертву политическим соображениям, иначе не может объяснить себе причину равнодушия Германии, которая допускает на глазах всего мира попирать ее материнские и супружеские права.

Надеюсь, что лечение водами в Висбадене принесет большую пользу драгоценному здоровью Вашего высокопревосходительства, а главное — Вы отдохнете от государственных дел для того, чтобы потом с новыми силами продолжать Ваши труды на пользу св. церкви и отечества.

С истинным уважением и неизменной преданностью и глубочайшим благоговением имею счастье пребыть

Вашего высокопревосходительства

всепокорнейшим слугой и вечным богомольцем

протоиерей *Сергий Протопопов*,

настоятель православной церкви в г. Висбадене.

766

Висбаден. 29 июня

11 июля 1888 г.

Ваше высокопревосходительство.

В дополнение к письму моему, отправленному в понедельник 27 июня, осмеливаюсь почтительнейше препроводить к Вам снятые мной копии с депеш, коими обменялась с сербским светским и духовным правительством королева Наталия по делу о разводе. Простите за плохо списанные депеши, но я не имел времени их перебеливать, спеша отправить к Вашему высокопревосходительству. Вчера в 4 часа (как я уже сообщал в первом письме) явился к королеве исправляющий

должность *regierungspräsident*'а для применения закона о насильственном изгнании иностранных принцев. Кроме меня, при королеве находились: адвокат ее, барон Штейгер — банкир из Франкфурта, со своим братом, и несколько дам. Но вместо применения закона произошла маленькая комедия. Он спросил королеву: если она не желает отпустить сына с Протичем, то не может ли указать на лицо, с которым она решилась бы отправить сына в Сербию. Та ответила, что отдаст сына только из рук в руки королю. На это правительственный президент ответил, что будет телеграфировать в Берлин, и удалился. Сегодня ждут важных сообщений из Берлина и Петербурга.

С истинным уважением и неизменной преданностью имею счастье быть

Вашего высокопревосходительства

всепокорнейшим слугой и вечным богомольцем

протоиерей *Сергий Протопопов*.

767

Висбаден. 13/25 июля.

Ваше высокопревосходительство.

Осмеливаюсь почтительнейше принести мое искреннее поздравление по поводу имеющего совершиться в Киеве в Вашем высоком присутствии всероссийского торжества девяти-сотлетия крещения Руси. Да послужит настоящее торжество обновлением русского православного духа «во еже отложить ветхого человека тлеемого во похотях прелести, облещися в нового, обновляемого по образу создателя его» (из послед. св. крещения в Тřebнике).

И в нашем немецком Висбадене русские люди рассчитывают праздновать всероссийское торжество 15 июля. После божеств. литургии и водоосвящения предполагается крестный ход вокруг обширного и прекрасного Висбаденского храма.

Бедная королева Наталия с ее глубоким горем, причиненным отнятием у нее единственного сына, не выходит из головы здешней русской колонии. Я не буду описывать подробности отчаяния, тем более что не был непосредственным очевидцем этого акта, так как не желал фигурировать в обществе 40 поли-

цейских, неизвестно зачем сопровождавших своего шефа, которому передан был наследник. Я пришел к королеве через четверть часа по уходе от матери ее трепетавшего ребенка. Нужно было видеть отчаяние, горе и слезы бедной матери, которая до последней минуты была убеждена, что с ней разыгрывают только комедию с целью вынудить подписать развод. В 5 часов вечера того же дня полицейская цепь была снята с ее виллы, и она поехала в нашу маленькую зимнюю церковь, где я отслужил ей напутственное молебствие. И она рыдала во время богослужения, и человек двадцать пять русских, прибывших в храм помолиться с ней, также не могли удержаться от слез. Согласно полицейскому распоряжению, королева в 7 ч. вечера должна была покинуть пределы Германии. Было много желавших прийти на станцию проститься с ней; но пропустили к вагону меня да несколько русских, которые, казалось, пришли со мной. Мне думается, что одна только крепкая вера в Бога и спасет и поддержит дух этой прекрасной симпатичной высоконравственной женщины-христианки. В доказательство глубины ее веры осмеливаюсь приложить при сем отрывок (в копии) последнего письма ее, посланного уже из Гааги ко мне. Я бы послал Вашему высокопревосходительству и самый подлинник этого письма, но я боюсь, как бы оно не затерялось на почте; а мне жаль было бы не сохранить у себя подлинные строки королевы Наталии, которая так искренно делилась со мной своим ужасным горем последних дней и которая еще в бытность свою в Ницце, пять лет тому назад, выказала мне так много расположения и доверия.

Надеюсь, что, возвратясь из Киева в Зальцбург, Ваше высокопревосходительство обретете в этом прекрасном уголке полное отдохновение от многообразных трудов и забот Ваших; отдых же восстановит и укрепит силы Ваши для новых трудов на пользу и славу отечественной церкви.

С искренним уважением и глубочайшим благоговением имею честь пребыть

Вашего высокопревосходительства

вспокорнейшим слугой и неизменным богомольцем

протоиерей *Сергий Протопопов*,
настоятель православной русской церкви в Висбадене.

768

Действительно, это страшно печально, и в особенности — подумать, что это сын милейшего С. М. Соловьева.

Благоволите, Ваше императорское величество, обратить внимание на прилагаемую статью о Соловьеве, коего действия возбуждают теперь столько толков и негодования в России. Вот до какого безумия мог дойти русский умный и ученый человек, и еще сын Сергея Михайловича Соловьева. Гордость, усиленная еще глупым поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь.

1 октября 1888 года
Петербург.

Константин Победоносцев.

769

Увижу, что можно будет сделать по этому делу.

Баранов из Нижнего Новгорода прислал мне пакет с докладной запиской и усерднейше просит представить ее на рассмотрение Вашего императорского величества.

Не решаюсь отказать ему в этом и почитаю нелишним представить при том выписку из письма Баранова, относящуюся до того же предмета.

9 октября 1888 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

770

Другой год ездит ко мне известный Вам Ашинов. Относясь серьезно не к личности его, а к начатому им делу, я, в минувшем августе, сказал Ашинову, приехавшему просить моего ходатайства перед купечеством об оказании помощи капиталами и товарами, что не окажу никакого содействия, пока мне не станут вполне ясны цели, преследуемые Ашиновым, и самый характер его деятельности.

Ашинов согласился, отбросив легендарную форму повествований, чистосердечно и просто отвечать на вопросы.

Результатом весьма долгой беседы было то, что ввиду мно-

того лганья Ашинова и недавней его попытки доверенные ему Морозовым товары для Абиссинии продать в Одессе, я не могу и не хочу просить купечество оказать Ашинову доверие, но, будучи горячим поклонником мысли и проектов Ашинова, я попытаюсь с разрешения государя образовать частную компанию, которой Ашинов передает территорию колонии, сохраняя за собой право быть членом правления компании и получая половину прибыли от будущих торговых оборотов порта и эксплуатации земель, теперь занятых казаками Ашинова, по берегам Тежурского залива. При этом Ашинов обязуется: до будущего января не вступать ни в какие переговоры с иностранцами и не связывать себя никакими договорами.

Во время управления моего шестью ярмарками я заслужил доверие почти всего купечества и полагаю, что за время 32-летней службы я не дал повода правительству не доверять мне. Потому то, о чем я не мог просить для Ашинова, я могу просить для себя, и, вероятно, купечество не откажет мне в полном доверии. Вместе с тем думаю, что найду в себе достаточно сил, энергии и знания, чтобы устроить колонию, обеспечив ее неприкосновенность от европейцев и установив прочные отношения с туземцами. Обладание Тежурским заливом представляется мне делом, обещающим иметь громадное значение для государства, как в политическом и торговом, так и религиозном отношениях. Впрочем, назначение о. Паисия и грамота, выданная Ашинову, убеждают меня, что Вы уже обратили Ваше внимание на религиозную сторону дела.

Ни о какой грамоте, выданной будто бы Ашинову, мне неизвестно.

771

Неисповедимыми путями божественного промысла совершилось над нами чудо милости божией. Там, где не было никакой надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить, жизнь мне, импе-це, нас. цесар., всем детям моим.

В трепетном благоговении пред дивными судьбами божиими, мы веруем, что явленная нам и народу нашему милость божия ответствует горячим молитвам, которые

ежедневно возносят за нас тысячи тысяч верных сынов России всюду, где стоит святая церковь и славится имя Христово. Промысл божий, охранив нам жизнь, посвященную благу возлюбленного отечества, да ниспошлет нам и сыну совершить до конца великое служение.

Да соединятся молитвы всех верных наших подданных с нашими благодарственными к Богу молитвами о нашем спасении.

А.

772

Посылаю Вам при этом 100 р., которые прошу послать Цепкову. Образ написан замечательно тонко и с большим вкусом и именно в том стиле, который я всего более люблю. Если будут у него еще образа в этом стиле, я желал бы приобрести.

А.

В начале ноября получен мной от крестьянина слободы Мстеры (Владим. г.) образ его работы, написанный им в память 900-летия крещения Руси. Крестьянин этот, по имени Михаил Цепков, в письме своем просит, не найду ли я возможным «дать сему изображению надлежащее место, согласно его исполнению».

Работа Цепкова показалась мне заслуживающей внимания; но я решил собрать, через знающего и достоверного человека, сведения о Цепкове.

Мне отвечают следующее:

«Крестьянин села Мстеры М. Цепков — весьма талантливый молодой человек, многообещающий в будущем как иконописец. Принадлежа по рождению к местности, где все население занимается изготовлением икон, он с детского возраста трудился в тамошних мастерских, в коих главным образом был занят фолежным делом, именно устройством из разноцветной фольги на образах украшений, заменяющих ризы. Такой промысел водворился в Мстере вследствие совершенного упадка существовавшего там прежде искусства иконописания.

Но Цепков чувствовал призвание быть иконописцем, почему ушел в Москву, где стал посещать рисовальные классы в училище живописи и ваяния, в коем, впрочем, не мог окончить курс, будучи вынужден работать для своего пропитания. В настоящее время он имеет небольшую мастерскую.

Цепков не соблазняется жизнью в Москве, но его заветная мысль водвориться на родине, где по возможности способствовать восстановлению прежнего иконописного промысла, к чему можно почесть его способным, судя по его энергии, трудолюбию и понятливости».

Вследствие такого отзыва я позволяю себе представить работу Цепкова Вашему императорскому величеству.

Если изволите признать ее достойной внимания, то не благоволите ли разрешить, чтобы от имени Вашего послано было Цепкову — примерно, сто рублей, что, несомненно, послужило бы к поощрению молодого художника высочайшим вниманием в труде его.

Петербург
20 ноября 1888 года.

Константин Победоносцев.

773

Речи и тосты г. обер-прокурора св. синода К. П. Победоносцева, сказанные на обеде, данном городом в день юбилейного торжества 900-летия крещения Руси.

1. Мы празднуем в благодарном трепете перед Богом 900-летие величайшего события в нашей истории. В эти 900 лет совершилось над нами чудо судеб божиих: из грубого рассеянного языка славянского возникло великое государство, выросло народное сознание, собралась земля русская через Киев в Москву. Разрушались вокруг царства славянских племен под игом иноверных. Русскому народу Бог дал удержаться, вырасти, вынести тяжелое иго степных варваров, сбросить его с себя, пережить и преодолеть бедственное безначалие, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченные врагами окраины, добраться до моря, укрепиться в силе и славе русского оружия, утвердиться незыблемо в вере, заповеданной предками.

Не нашей силой все это совершилось, а силой божией в судьбах нашего народа. И явилась сила божия в церкви пра-

вославленной, в которую вошел язык наш 900 лет тому назад водительством святого благоверного великого князя Владимира. Богословен и блажен этот день, положивший твердое основание судьбам нашим. Что бы с нами случилось без этой церкви, страшно и подумать. Она одна, одна помогла остаться нам русскими людьми, собрать свои рассеянные силы, одушевила вождей и народ, дала ему терпение пережить страшные невзгоды от голода и мора, и от своих лихих людей, и от чужих, и одолеть врагов своих; посылала сынов земли нашей умирать за свою землю, научила рассыпанное стадо собираться около пастыря.

С востока, откуда воссиял свет Христов всему миру, приняли мы веру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту богослужения и в него вложили свою русскую душу — глубоким могучим словом своего языка и чудным звуком родной своей песни. И еще: не русская ли душа одна изукрасила и возлюбила у себя тот чудный звук русского колокола, который так таинственно будит ее и зовет в церковь и от земли — домой, на небо. От древнего древа, насажденного на востоке апостолами и святителями вселенской церкви, приняли мы могучее зерно, и вот из него выросло на земле нашей то же единое с ним сеньнолиственное древо, и укрыло всю землю своей сенью, и привлекает под сень свою единоплеменные языки и своих нам единокровцев, коим радостно даем мы и евангелие, и службу церковную на родном их наречии.

Отцы и братья, что милее и любезнее, что дороже церкви — всем нам, и великим, и малым, какая красота милее и сочувственнее церковной красоты для русского сердца? Церковь — мать родная и милая русскому человеку. Все мы дети ей, и если кто блуждает от нее далече, тот, Бог даст, вернется еще в родительский дом, к матери. Храм наш — это дом русскому человеку, дом самый ближний, где все равны от мала до велика, все имеют и находят свое место, где почерпают одинаково радость и утешение. Тут наша сила, тут тайная сокровищница судеб наших, тут хранилище драгоценнейших наших преданий и родник сил наших, которым суждено еще явиться в будущем, если в будущем оправдаем мы делами правды и любви всю истину нашей веры. Да поможет нам Бог. Для того мы и собрались сюда, чтобы вспомнать его

великую милость к русскому народу и от полноты сердца, горящего любовью к родине, благодарить его и молить, да оправдается в делах наших и в судьбах наших наша вера, да возрастет и процветает наша великая церковь, церковь, единая с народом, и народ, единый с церковью.

2. Сегодня празднуем мы память благоверного равноапостольного великого князя Владимира, того, кто привел себя и весь народ свой к крещению в водах днепровских, которые послужили купелью нашего спасения. Едва ли где когда столь мирным путем вождь народный приводил людей своих в веру Христову, и не лишено значения, что у нас сельские жители издавна носят название христиан, тогда как на Западе называются они доселе по преданию именем язычников.

Так верил, так был издревле послушен русский народ своему князю, потом своему государю. Единодержавие, возросшее у нас вместе с церковью и в неразрывном единении с ней, оно, вместе с церковью, укрепило, собрало и спасло государственную целостность русской земли и создало государство Российское. Благословим Бога, избавившего нас от бедствий и раздоров народоправления, которое исстари губило и продолжает губить те славянские государства, где оно, к несчастью их и нашему, успело утвердиться. Под знаменем единодержавия и самодержавия мы выросли, под ним мы стоим, под ним составляем единственное тело и охраняем в нем единую волю, и в нем видим в грядущие времена залог правды, порядка и блага земли нашей.

И вот первая заздравная наша чаша: да здравствует благочестивейший государь наш, всем нам отец, старший сын и верховный на земле защитник церкви православной, император Александр Александрович, с государыней императрицей и государем наследником цесаревичем, с нынешним именованным великим князем Владимиром Александровичем и со всем августейшим домом.

3. За здравие св. правительствующего синода и всех ныне присутствующих архипастырей православной церкви.

4. Слава, честь и благосостояние православной вселенской кафедре второго Рима, града Константинова, от ней же приняла святая Русь наша свет евангельского учения. Слава и честь и преуспеяние святейшим патриархам константинопольско-

му, иерусалимскому, александрийскому и антиохийскому и представителям всех автокефальных церквей православных. И вопреки всем врагам, видимым и невидимым, да не ослабнет и да не разрушится вовеки единение наше в вере православной и любви христианской.

5. В нынешний день почтим благодарной памятью великое служение русского духовенства, которое у нас от иерарха до причетника из народа вышло, вместе с народом жило, страдало и радовалось и не стремилось отделяться от народа и возвышаться над ним. Оттого и сохранилась нераздельная связь его с народом. Так всегда и да будет. Кто знает тяжкие условия быта, в которых живет и действует наше духовенство, особенно сельское, того слово суда, готовое для недостойных, умолкнет перед величием подвига, совершаемого многими безвестно трудящимися посреди пустынь, лесов и болот необъятной России, в великой нужде, в холоде, в голоде, в нищете, и нередко в обиде. Легионы этих тружеников стоят уже перед Богом за нас молитвенниками, и на их костях стоит наша церковь, но и ныне сколько живущих, подобно нам, безвестно трудятся над ее созданием. Слава и честь духовенству нашему, и да умножит ему благодать Божия и крепкую силу веры, и чувство любви и жалости для учительства словом и делом.

6. Русские люди все в годину испытаний и брани дружно стояли грудью за родную землю и не щадили крови своей. Но кто столь терпеливо, столь просто и душевно являет любовь свою к родной земле, умирая за веру, царя и отечество, — кто, как не русский солдат от самого высшего до нижнего чина? Кто его благочестивее и преданнее вере православной и своей церкви? Кто столь покорен велению свыше, кто столь благодушен и кроток посреди ужасов войны с побежденным неприятелем? Бог да благословит нас миром и правдой посреди мира. Но и в мире, и в войне да здравствует православное христоролюбивое воинство и да будет ему честь и слава вовеки.

7. На горах сих воссияла русской земле благодать Божия, на горах сих первые иерархи российской церкви полагали начало всему строю церковной жизни русского народа и основали школу церковную — начало и венец русского просвещения. На горах сих основалась высшая его школа, где ковалось духовное оружие против римского духовного ига и против

козней иезуитских, любомудрия и властолюбия. Слава и честь кафедре киевской митрополии, прославленной столь великими, стоявшими на ней святителями. В терпении надеемся мы и веруем, что придет час, когда все отвергнутые от нее насильем воссоединены будут любовью. Здравие и долголетие досточтимому митрополиту киевскому и галицкому высокопреосвященнейшему Платону.

8. Да здравствует великая дочь великой матери — первопрестольная, златоглавая, благочестивая, благолепная Москва; украсил ее народ, как невесту, церковной красотой, и да красуется она, как жена добродетельная Соломонова, и внешним благолепием риз своих, и внутренней правдой и добродетелью, ибо она есть сердце России. Да здравствует Новгород Великий, с градом Петра, блистая и древней и новой своей святыней. Да здравствует Новгороднизовские земли, в обилии благ духовных и телесных и в крепости русского сердца, на все готового для защиты отечества. Да здравствуют и благоденствуют все великие и малые грады и веси Российского царства.

774

Вторник, 8 марта 1888 г.

Вчера вечером наследник-цесаревич возвратился вполне довольный своей поездкой и в пятницу будет иметь Ваши лекции в обыкновенное время. Великой княжне видимо лучше.

Душевно преданный Вам

Григор. Данилович.

775

Воскресенье, 6 октября.

Занятия по законоведению начнутся у наследника цесаревича с пятницы, 11 октября.

Не откажите уведомить, с каким поездом приедете в Гатчино, для высылки экипажа.

Душевно преданный Вам

Григор. Данилович.

Уроки назначены от 9 ¹/₂—10 ¹/₂ и от 12—1 ч.

776

Прочтите эту жалобу неугомонного рыцарства, многоуважаемый Константин Петрович, но возвратите мне это письмо.

Вчерашнее заседание государственного совета показало, как много в нем защитников его, но еще яснее мы это увидим, когда будет также рассматриваться предположение о введении в Остзейских губерниях общей полиции; по письму от г. Гейкинга, курляндское дворянство беззащитно.

Хорошо бы сделали, написав проект ответа ему.

Искренно преданный

23 февраля 1888 г.

Д. Толстой.

777

Никак не могу разделить взгляда г. Шеншина, а почему именно — скажу Вам, многоуважаемый Константин Петрович, при свидании; писать было бы слишком долго, а в составителях проектов у нас недостатка нет. Прочтите хоть барона Корфа, тот перекраивает все по-своему.

Искренно преданный

28 февраля 1888 г.

Д. Толстой.

778

Бароны, как водится, не унимаются. Конечно, я не намерен продолжать их полемику в «Прав. Вестнике».

По прочтении потрудитесь возвратить мне эти бумаги.

Искренно преданный

3 апреля 1888 г.

Д. Толстой.

779

Весьма признателен Вам, многоуважаемый Константин Петрович, за присылку избранных стихотворений Пушкина и покорнейше прошу передать мою глубокую благодарность Вашей супруге за «Северные Цветы». Действительно, ее мысль

весьма счастливая и очень практична: все лучшее пушкинское под рукой, и не нужно его отыскивать в массе томов.

Искренно преданный

26 апреля 1888 г.

Д. Толстой.

780

Сенатор Девес был у меня и показался мне человеком разумным.

И. Д.

Ваше высокопревосходительство Иван Давидович.

Имею честь представить Вам подателя сего письма, сенатора Девеса, бывшего министра юстиции, который имеет к Вам также письмо от генерала Д. Абзака. Г. Девес большой друг России и приехал с ней лично ознакомиться. Г. Девес хотя и республиканец, но глубокий консерватор. Будучи министром юстиции, он арестовал Кропоткина и приговорил его к 5-летнему заключению. Как скоро рассеется радикальный чад, он несомненно будет играть большую роль во Франции. Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство представить г. Девеса К.П. Победоносцеву; он высоко чтит его и будет очень счастлив, если будет иметь честь быть ему представленным.

Кстати сообщу Вам, что я переслал К.П. весьма курьезные документы насчет гнусной интриги против Каткова. Я добыл их только третьего дня и сам бы привез их, но в последнее время все я прихварываю.

Пользуюсь случаем, чтоб выразить Вашему высокопревосходительству мою искреннюю признательность за рекомендательное письмо, которое Вы изволили написать г. Рейтерну, который, впрочем, продолжает упрямяться и не дает хода делу.

С глубоким почтением и искренней преданностью имею честь пребывать

Вашего высокопревосходительства покорный слуга

Париж, 18/30 мая

1888 г.

781

Матери Марии неизвестно, но Вам и многим известно вполне, что я вынес, защищая Брызгалова и Владиславлева. Брызгалов при неистовстве, с которым его преследовали Долгоруков и вся либеральная московская челядь, был вызван сюда для того, чтобы его продержать в должности инспектора до июня, а затем назначить ему пенсию или дать ему другое назначение. Пенсия ему следовала хорошая, 2400 руб. Отец его был действительно хороший человек и воспитал детей в духе преданности государю и России. Сын его, брат покойного, находящийся на должности инспектора народ. училищ Костромской губернии, подал мне просьбу о помощи сестрам. Постараюсь сделать что-нибудь.

Барсов недолго говорил.

Душевно преданный

3 апреля 1888 г.

И. Деянов.

782

Доверительно.

Дополнение ко вчерашнему нашему разговору:

О долгах Дмитрия Николаевича Набокова государь говорил со мной 8 ноября, и тогда его величество выразился в том смысле, что он поручил гр. Толстому переговорить с Дм. Николаевичем.

Из моего разговора 9-го с Д.Н. Набоковым я узнал, что гр. Толстой уже имел с ним переговоры по означенному предмету и притом во всяком случае несколько ранее моего представления его величеству, — именно в четверг, 7-го, часу в 5 пополудни.

Кроме того, 9-го же ноября, великий князь Михаил Николаевич тоже говорил со мной о том же предмете и упомянул, что он имел разговор о долгах Дмитрия Никол. Набокова с его величеством. (Великому князю Михаилу Николаевичу о сем предмете стало известно, между прочим, от Э.В. Фриша, который, надо думать, просил его участия в положении Д. Н.)

Поэтому я полагаю, что государя просили помочь Д.Н. и великий князь Михаил Николаевич, и гр. Толстой, а может быть, и еще кто-либо.

17 ноября 1888 г.

Н. М.

Оправдание Кетхудова и Махровского — факт в высшей степени прискорбный; старшиной присяжных был профессор университета Нерсесов (армянин, один из обвиняемых, Кетхудов, тоже армянин), в состав входили несколько статских и коллежских советников, несколько основательных немцев и купец; защитник Кетхудова был остановлен председательствующим четыре раза, и один из аплодировавших — учитель — арестован также по распоряжению председательствующего; тем не менее игра защитника (Шубинского) на патриотических струнах, указание им на ущербы, чинимые русской казне немцами и евреями, не осталось без влияния на большинство присяжных, что в особенности облегчалось существующим раздражением против немцев, москвичи же в этом отношении очень чутки.

Заметьте, что Кетхудов и Махровский судились за преступление по должности в качестве почтамтских чиновников; если бы Н. И. Стояновский не затормозил моего проекта об изъятии некоторых дел из ведомства суда присяжных, внесенного в государственный совет еще в 1886 году, и проект этот удостоился бы высочайшего утверждения, то оба означенных обвиняемых судились бы без присяжных, и никакого скандала не могло бы произойти. Государь император мне уже выразил в среду 10-го свое неудовольствие по поводу означенного оправдания, а после доклада Вышнеградского, вероятно, будет выговаривать мне еще строже. На самом же деле, я, как говорится, «без вины виноват». Ускорить движение дела в государственном совете не в моей власти... Прибавлю, кстати, что проект лежит за недоставлением отзывов: а) государственным контролером, б) министром двора, в) им же в качестве заведующего коннозаводством и г) И. Н. Дурново по IV отд.

В Москву я командировал вице-директора Бильбасова для собрания самых точных сведений о ходе заседания, выяснения, по возможности, причин оправдания и участия в составлении кассационного протеста; здесь приму меры к скорейшему слушанию дела в сенате и питаю надежду, что в случае кассации удастся получить другой приговор.

У меня почему-то сильно болит рука (говорит доктор, что это отпрыск кавказской лихорадки), и писать мне трудно.

Ваш душой

12 февраля 1888 г.

Н. М.

А какую обстановку дают завтра заседанию по делу о Балтийской провинции, все пружины пущены в ход, чтобы провалить проект м-ва внутренних дел; говорят, что защитники проекта, в том числе и я, будут в печальном меньшинстве.

784

Душевно уважаемый Константин Петрович, в Константиновском межевом институте произошла неприятная и печальная история, о которой в подробности я узнал только вчера (ранее я знал только о начале столкновения, и Шамшин думал, что дело уладится и воспитанники смирятся) от Шамшина и прибывшего из Москвы нового директора института Лялина, который рассказал, что институт распущен до крайности и привести его в порядок будет много хлопот. По поводу означенной истории, оканчивающейся тем, что из 23 воспитанников VII класса *в нем останутся всего четыре*, я послал сегодня государю императору особую записку, которую посылаю Вам для прочтения в черновом виде. Мне казалось, что следовало поступить строго, и потому, хотя Шамшин еще колебался — не следует ли назначить воспитанникам новый срок для принесения повинной, но я признал это неподходящим, тем более, что, по словам директора, можно полагать в данном случае агитацию, идущую извне от технологов и петровцев (и кроме того дерзость воспитанников VII класса дошла до крайних пределов: начальства они знать не хотят, уходят из института, приходят назад, когда им вздумается, в классы вовсе не являются и т. д.).

Ваш душой

14 февраля 1888 г.

Н. Манасеин.

Совершенно доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, сегодня я получил *отчаянное письмо* от жены одного из лиц, занимающих довольно видное и влиятельное положение в центральном управлении одного из министерств (не юстиции). В этом письме, фактическая часть которого вполне подтверждается приложенным письмом самого лица, о коем идет речь, указываются такие поступки этого лица и такое его душевное состояние, которые (помимо крупного скандала и личной катастрофы) внушают опасения относительно вверенных этому лицу служебных интересов государственного значения.

По этому поводу мне необходимо с Вами поговорить и посоветоваться; сделайте одолжение, уведоьте, когда Вам всего удобнее уделить мне для такого разговора хотя полчаса (а быть может, и более) времени, и притом чем скорей, тем лучше. Я ежедневно, во вторник и в следующее дни, могу быть в Вашем распоряжении днем от часу до 5-и и, вечером, начиная с 8 ¹/₂ ч.

Дело, на мой взгляд, представляется очень серьезным и чреватым последствиями.

Преданный Вам сердечно

10 октября 1888 г.

Н. Манасеин.

Телеграмма, полученная 18 октября из Харькова.

Сего 17 октября, когда собравшиеся власти ожидали прибытия их величеств, в 3 часа дня, получено было известие о сходе высочайшего поезда с рельсов близ станции Борки в 50 верстах от Харькова. Отбив немедленно на место с прокурором суда и следователем особо важных дел, узнал: 20 человек убитых поездной прислуги и 2 офицера тяжко ранены, 15 человек легко ранены, генерал Черевин, Меншиков и Зиновьев. Семь вагонов разбиты вдребезги. Драгоценная жизнь их величеств, наследника цесаревича и их детей подвергалась большой опасности, но благодаря Бога осталась невредима. В 6 часов вечера высочайший поезд отбыл по Екатерининской дороге на Кременчуг и Харьков. Вызвана экспертиза от соседних

дорог для исследования причин крушения, которую отнести к злоумышленнику нет основания. И. д. прокурора харьковской судебной палаты *Стремоухов*.

787

Душевно уважаемый Константин Петрович, вчера, при докладе. государь сказал мне, что гр. Толстой ходатайствует о назначение сенатором Косаговского, и спросил, говорил ли об этом гр. Толстой со мной. Я отвечал, что, по поручению гр. Толстого со мной объяснился о Косаговском В.К. Плеве, которому я и высказался, что назначение Косаговского сенатором я признаю весьма нежелательным. Затем, ввиду того оборота, который был придан этому делу гр. Толстым, я счел себя обязанным доложить его величеству, что репутация Косаговского далеко не безупречна, что в прошлом у него имеются такие темные пятна, при наличности коих его назначение сенатором было бы весьма неудобно; я указал при этом на дело Экскузовича, осужденного в Одессе, ставленного взяточника, служившего у Косаговского, когда последний был там градоначальником. Косаговский, что всех поражало, усиленно покровительствовал Экскузовичу и предоставил ему по своей канцелярии заведование самыми доходными статьями — трактирами и проституцией и не обращал ни малейшего внимания на громадное количество приносимых на Экскузовича частными лицами жалоб и поступающих от должностных лиц сообщений (даже от генерал-губернатора) о его преступных действиях. Указал я также на пропажу в министерстве внутренних дел произведенного Косаговским дознания (оправдательного) о действиях казанского губернатора Скарятина, когда ложность приведенных в этом дознании фактов была вполне обнаружена. Не упомянул я только о переданном мне заслуживающим полного доверия свидетелем-очевидцем рассказе о том, как при проезде Косаговского, в бытность его директором д-та полиции, ему в вагон подавались подарки в виде ящиков отличного вина и т. д. от чинов полиции и тюремного ведомства. Кроме того, я указал еще, что всегда относился с полным вниманием к просьбам гр. Толстого о назначении сенаторами разных губернаторов,

когда речь шла о людях чистых, хотя от них и нельзя было ожидать в сенате пользы, напр. Татищев, Ушаков; что губернаторов теперь в сенате громадное количество в ущерб делу, ибо из них вполне пригодными можно считать только Лилиенфельда и Иксуля; что и теперь необходимость взять Косаговского из Курска возникает вследствие какой-то происшедшей у него с местным губ. предводителем истории, в которой Косаговский едва ли играл хорошую роль, и что в распоряжении гр. Толстого 20 мест членов совета м-ва вн. дел с окладом по 5000 р., и потому он имеет полную возможность пристроить Косаговского у себя, а не в сенате, куда назначение Косаговского было бы оскорбительно для других сенаторов. В заключение я просил государя — *пожалеть* сенат и не приносить ему назначением темных личностей.

Сообщаю Вам все эти подробности в надежде на Вашу помощь и содействие мне в данном случае; быть может, Вам представится случай говорить с его величеством о Косаговском, тогда сделайте одолжение: поддержите меня во вполне правом, по моему глубокому убеждению, стремлении спасти сенат от загрязнения.

Преданный Вам сердечно Н. Манасеин.

15 декабря 1888 г.

788

21 февраля 88 г.

Совершенно разделяю твое мнение о том, что Татищев совершенно пригоден именно для Варшавы, почему и высказал тебе свое мнение в первый раз после долголетних с его стороны докучаний.

Гирс от меня, как черт от ладану, потому что я не скрываю свое мнение, что для России постыдно иметь министром такого бездарного и трусливого жидка.

789

Сейчас получил меморию о ссылке. Утверждается мнение меньшинства. При этом против слов, помещенных в изложении мнения большинства: м. в. д. внес проект о том же...

находится отметка: весьма неудовлетворительный и непрактичный.

Не знаю мнения Захарьина, но мне кажется, что «не поздоровится от таких похвал».

Вторник, 14 июня.

790

Министр
финансов.

Милостивый государь Константин Петрович.

Представитель группы московских капиталистов, коммерции советник Осипов, представил мне записку о постройке железной дороги через Персию от Каспийского моря до Персидского залива.

Войдя по этому предмету в сношения с министром иностранных дел и имея в виду тот интерес, с которым Ваше высокопревосходительство относитесь в этому делу, считаю долгом препроводить при сем к Вам копию отзыва моего к статс-секретарю Гирсу, для сведения.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

21 января 1888 г.
№ 642.

И. Вышнеградский.

Министерство финансов.
Особенная канцелярия
по Кредитной части.
4 отделение.
1 стол.
января 1888 г.
№

Копия.
Секретно.

В минувшем декабре коммерции советник Осипов обратился в министерство финансов с представлением по вопросу о постройке железной дороги через Персию, от Решта на Каспийском море через Тегеран и Испагань до Бендер-Бушира на Персидском заливе. Коммерции советник Осипов заявил, что он представляет собой группу московских капиталистов, кото-

рые изъявляют готовность образовать общество для постройки и эксплуатации названной железной дороги при условии: а) дарования персидским правительством гарантии в размере 6% на капитал предприятия, как акционерный, так и облигационный; б) обеспечения сих обязательств какой-либо правительственной регалией; в) предоставления компании разных льгот по ведению торговли в Персии и по расширению железнодорожной сети в этой стране.

Препровождая при сем в копии означенное представление г. Осипова, имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству, что, по моему мнению, осуществление постройки названной железной дороги представлялось бы весьма важным и желательным как в интересах развития торговли русской с Персией и облегчения сбыта туда наших произведений, так и в видах предоставления русским заводам работ и заказов по изготовлению железнодорожных принадлежностей для названной дороги. Но в интересах России, безусловно, необходимо, чтобы проектируемая дорога была сооружаема в известной постепенности отдельными участками, начиная постройку ее от Решта. В первое время может быть, по моему мнению, осуществлен лишь участок от Решта до Тегерана, когда же движение на нем достаточно разовьется, возможно было бы приступить к осуществлению второго участка, до Испагани. Что же касается последнего участка, от Испагани до Персидского залива, то к осуществлению его может быть приступлено, по моему мнению, не прежде того, как русское влияние в Персии, в промышленном и торговом отношениях, укрепитяся благодаря проектируемой железной дороге в такой мере, что для него не будет уже опасности в конкуренции со стороны влияния других государств, доступ коему, с постройкой последнего участка означенной дороги, несомненно, облегчится.

Для осуществления этого предприятия, безусловно, необходима не только гарантия дохода по капиталу со стороны персидского правительства, но также и то, чтобы правительство сие дало достаточное обеспечение в исправной уплате сей гарантии, каковым обеспечением может, например, служить передача железнодорожной компании на известный срок и на определенных условиях всех персидских таможен в арендное содержание.

Признавая при этих условиях осуществление постройки названной дороги возможным и находя ее при вышеупомянутых условиях полезной в интересах русской промышленности и торговли, я считаю долгом объяснить, что для успеха предприятия, конечно, необходимо содействие русского правительства. Содействие сие, по моему мнению, могло бы заключаться, во-первых, в оказании влияния со стороны русского правительства на персидское относительно предоставления сим последним концессии русской компании на наиболее выгодных для нее условиях, и, во-вторых, в открытии в известном размере кредита в государственном банке под векселя членов общества с обеспечением облигациями названной дороги и на условиях, которые должны быть ближе определены посредством переговоров с учредителями общества в свое время. Передавая вышеизложенные соображения Вашему высокопревосходительству, имею честь покорнейше Вас просить не отказать в сообщении мне Вашего отзыва по сему предмету.

Подписал министр финансов *И. Вышнеградский*, скрепил директор *Вл. Верховский*.

С подлинным верно: за начальника отделения (подпись).

791

Ильинское
24/VIII 88 г.

Милостивый государь Константин Петрович.

Я имел честь получить Ваше письмо из Зальцбурга от 9 августа, а ранее Вашу депешу о Паисии. Дело и том, что Ашинов приехал ко мне и жаловался на притеснения, которые встретили в Петербурге абиссинцы; никто не решился докладывать о них государю под тем предлогом, что переводчика другого, как Ашинов, не имеется, а Ашинова ни за что не хотели допустить до государя. Все это приписывает Ашинов Н.К. Гирсу. Ему же он приписывает влияние на Исидора против возведения Паисия в сан архимандрита. Ашинов просил меня, чтобы великий князь телеграфировал митрополиту; против этого я энергично восстал, находя неудобным впутывать в это дело его высочество; тогда он пристал ко мне, чтобы я Вам телеграфировал. Нечего было делать, и я решился беспо-

коить Вас депешей, тем более, что знал, что Вы сочувственно относитесь к командированию Паисия в новую колонию. Все это произошло накануне моего отъезда, так что ехать самому к Исидору мне не пришлось, да думаю, что из этого ничего бы путного не вышло, так как митрополит меня вовсе не знает. Великий князь был сердечно тронут тем теплым участием, которое Вы приняли в деле наших наград, и считаю долгом присвокупить, что Н.П. Смирнов и директор Вашей канцелярии были трогательно любезны в этом деле. Их обоих благодарил в. к. Как только от Вас вернулся доклад, его высочество чуть ли не на другой день мне прислал орден. А от министр. иностр. дел я до сих пор не могу добиться орденов: а все заправили налицо, и не надо было посылать доклада за границу. Пребывание в Ильинском государя было в высшей степени удачно. Никто не запомнит царя в таком чудном настроении. Уезжая, государь написал в книжке, в которой пишут все посетители. «Симпатичное, тихое, теплое пребывание». Пожелайте нам счастливого пути.

Душевно Вам преданный покорный слуга *М. Степанов.*

792

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Посылаю Вам первый опыт Памятной Книжки. Я так страдал эти 28 изречений, помещенных в книжке, что мне представляются они крайне внушительными, имеющими между собой внутреннюю связь и составляющими одно целое. Но теперь, расставаясь с книжкой и стараясь смотреть на нее глазами постороннего, я прихожу в ужас от мысли, что она может показаться постороннему случайным сбором выхваченных из разных книг фраз. Я не удивлюсь, если Вы не найдете возможным передать ее по назначению. Для меня это послужит только поощрением продолжать работу в этом же направлении и стараться приблизиться к большей полноте и ясности.

С искренним почтением остаюсь ваш
покорнейший слуга

24 января 1888 г.

Остен-Сакен.

793

Я позволил себе на прилагаемом листке выписать все существенное из письма г. Шведлера. Письмо это ужасное — и по слогу, и по течению мысли. Несчастный отец. Но что за жалкая личность наш консул Огарев.

Меня всегда крайне огорчает, когда мне говорят или пишут (как в последней записке Вашей), что консулы в моем ведении. Консулам, по силе вещей, следовало быть в моем ведении, но зависят они ныне вполне от департамента личного состава. Да будет мне позволено представить Вам *совершенно доверительно* некоторые из моих многочисленных меморий по этому предмету.

Если Вам возможно будет пробежать их, то Вы увидите, какую безнадежную борьбу мне приходится вести по консульскому делу. Теперь, впрочем, я окончательно смирился.

Убедительно прошу Вас возвратить мне эти записки.

С глубоким почтением, Ваш покорный слуга

22 октября 1888 года.

Остен-Сакен.

794

С. Сокиренцы. Августа 3 дня 1888 г.

От всего сердца благодарю Вас, глубокоуважаемый Константин Петрович, за Ваше письмо из Мариенбада с исправленными текстами Ваших прекрасных речей, которые мы читали с женой с большим наслаждением. Очень отрадно для меня то, что Вы среди киевских празднеств обо мне вспоминали и если бы знали, в каком я теперь положении, то дружески пожалели бы обо мне. Дело в том, что я уже шестой месяц очень серьезно и мучительно болен. Сильнейший катар мочевого пузыря, несмотря на труды врачей, выписываемых из Петербурга, не уступает никаким врачеваниям, и я, наконец, должен сказать, что привыкаю к мысли о скорой смерти и готовлюсь к ней; думая о ней, мне очень жаль оставлять бедную мою калеку-жену. Что же делать, такова воля провидения; мне 69 лет, и, оглядываясь теперь на свою жизнь, я остаюсь хотя далеко не доволен всеми моими деяниями, но могу по совести сказать, что я сделал в посильном труде все,

что мог, для общей пользы, всегда готовый непрестанно трудиться на пользу дорогого отечества. Во многих мыслях и стремлениях я находил Ваше сочувствие, и это меня много поддерживало на деятельном поприще. Если суждено теперь мне покончить жизнь, то оставьте у себя память о человеке, глубоко Вас уважавшем, и, как русский, много Вам благодарным за то, что Вы сделали видимого, а еще более невидимого для нашей милой земли. Может быть, я еще и выздоровею, хотя это и сомнительно, но дальнейшая моя деятельность, особенно служебная, делается совершенно невозможной.

Пишу это письмо в Зальцбург по Вашему адресу; желаю Вам от всей души восстановления Ваших дорогих сил; обнимаю Вас дружески и прошу передать мой искренний поклон Екатерине Александровне и Владимиру Карловичу, которому я постараюсь написать; даже диктовать письмо мне затруднительно.

Весь Ваш *Галаган*.

795

Сегодня причащался. Радости дня препятствовало злое чувство против Вас. Оно не было угрызением, ибо я все сделал, что мог, чтобы вернуть мир в наши отношения, но Вы все отвергли. — Нет, эта отравка моей радости была чувство злобы. Близится пасха. Прямо скажу, это чувство злобы мне не под силу. Я молился Богу и вчера, и сегодня, чтобы преодолеть его. От молитвы к Богу перехожу сердечно к новому обращению к Вам. Никто так много не сделал мне зла, как Вы. Говорю это совести Вашей, говорю душе Вашей, говорю перед Богом и молю его, да поможет он мне, да коснется Вашего сердца и побудит Вас так же искренно попросить у меня прощения, как я просил у Вас, как я обращаюсь к Вам сегодня с желанием искоренить в себе злое чувство к Вам. Оно не должно быть между нами, я чувствую всем своим существом, оно и Вас и меня слишком гнетет и делам нашим мешает быть добрыми, производительными. Оно, как проклятие, над Вами и надо мной... Я, по крайней мере, не хочу — и перед Богом это исповедую, не хочу с ним жить, хочу возврата к доброму старому времени, а если Вы и сегодня и перед исповедью, и

перед пасхой отталкиваете брата, протягивающего Вам руку и хотящего не ненавидеть Вас, а жить в мире с Вами, то Вам да будет за сие ответ перед Богом...

Недолго жить нам на земле; больно, невыносимо больно последние шаги на том же пути кончать врагами и ненавистью от сатаны портить все, что Вы хотели делать от Бога. Позвольте сказать Вам. Простите мне, дорогой Константин Петрович, все, что я вольно и невольно против Вас сделал, и сделайте все, что я прошу Вас, чтобы мир вернулся между нами и мы могли бы друг другу сказать: «Христос Воскресе».

Ваш во Христе брат, просящий во смирении мира вместо ненависти и *искренно* того желающий

В. Меуцкерский.

796

Грех Вам, Константин Петрович, так отвечать на чистое и правдивое обращение к Вашему сердцу в день причастия. Бог да будет Вам судья. Больше зла, повторяю, никто мне, пока что я жив, не сделал, чем Вы сделали, и, сделавши его, Вы мне все пишете, что *не имеете* лично против меня *никакого* неудовольствия... Боже праведный, что это за страшная для человека, постоянно именем Божиим действующего и говорящего, — игра словами в минуту, когда человек приходит к Вам с добрым чувством просить полного примирения... Или Вам отрадно направо и налево людей изумлять жестокосердием и ненавистью... Верьте мне, нехорошо и не по добру, я это чувствую всем своим существом... Доброму чувству, побуждающему меня сильно желать добрых старых отношений вместо нынешних дурных, Вы не верите, а злу, мерзости против того же человека Вы верите и будете верить. Как же сильнее можно человеку выказать свое *личное неудовольствие*? Или я потерял способность понимать слова, или Вы неискренний.

А затем — да будет, как я того хочу, а не по Вашему, т. е. да придет день когда-нибудь, который возвестит мне иного в Вас человека. Теперешний меня просто страшит.

В. Меуцкерский.

797

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

В «Правительственном Вестнике» обнародовано сегодня третье предостережение «Наблюдателю» с прекращением его издания на шесть месяцев. Более этого ничего нельзя было сделать. В разговоре с Вами я ошибочно упомянул, что можно будет подчинить «Наблюдателя» предварительной цензуре; закон установил подобную меру только для газет, но не для журналов.

Примите уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности

15 мая 1888 г.

Е. Феохтистов.

798

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Не знаю, застану ли я Вас дома, но все-таки завтра, во вторник, найду около 4 часов, чтобы перед отъездом Вашим искренно пожелать Вам всего лучшего.

Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры.

Пороховщикова я опасуюсь. Мне кажется, что не надо разрешать ему газету. Любопытно, однако, что он представил В. К. Плеве рекомендательное письмо Н. П. Смирнова и предлагает, если угодно, таковое же от митрополита Иоанникия. Главным его сотрудником является Иловайский.

Примите уверения в сердечной моей преданности и уважении

13 июня 1888 г.

Е. Феохтистов.

799

Многоуважаемый Константин Петрович.

По всей вероятности, Вы знаете, зачем я хотел Вас вчера видеть. По пустому я никогда Вас не беспокою, знаю, как дорога Вам каждая минута и как много людей является, чтобы безбожным образом лишать Вас даже минуты отдыха. Я хотел просить Вас пособить Татищеву в деле основания газеты. Это-

му делу всем сердцем сочувствуют люди, которые во многом расходятся. Об этом просил Вас Пазухин, прошу и я. Оно и понятно. Русские люди могут разойтись в подробностях, а в существенном всегда будут вместе. В настоящее время у нас нет печати. Существующие газеты — это профанация печатного слова. Это или мелочные лавочки с жидовским товаром, или распутные дома. Нам, русским, нужен серьезный независимый орган, с хорошим, способным редактором иностранного отдела. Татищева я давно знал, а теперь узнал ближе. Это замечательно способный человек. У него необыкновенная ясность мысли, умение отличать существенное от подробностей. Много вечеров мы просидели вместе, ни одной глупости я от него не слышал, главное, что в нем замечательно, — это полное отсутствие принятых извне теорий.

Ко всем вопросам и внешней политики, и внутренней у него прилагается всегда одна мерка: польза родины. Внутренний отдел газеты будет организован вполне надежно. Помогите только разрешением и сделайте это по возможности скорей и поверьте: раскаиваться Вам не придется. Газета предполагается на паях. Я и мой брат будем пайщиками и примем на себя наблюдение за тем, чтобы внутренний отдел был и приличен, и благонамерен. Неужели в России основывать газеты могут только люди вроде кн. Мещерского, ведь это крайняя степень позора. Заваленный массой сенатских дел, не могу попытаться идти к Вам сегодня. В деревню уеду 7-го июня. Еще раз убедительно прошу Вас помочь основанию газеты.

До свидания. Душевно преданный Вам

2 июня 1888 г.

Николай Хвостов.

800

Почитаемый Константин Петрович.

Вы оживили меня, сказав, что желаете говорить о моем деле с государем. Не пригодится ли Вам известие, что Тквибули включен в кавказский маршрут государя, а также не пробежите ли прилагаемое письмо, из коего увидите, что я сам направляю мое турецкое дело к доброму концу.

Мне остается лишь ко всему известному Вам присоединить, что подверг себя мучениям устраивать большое дело без

капитала и по несочувствию к передаче предприятия иностранцам, а с банкирами и банками у меня и не было, и не будет сближения.

Всем сердцем преданный Вам и благодарный

8 июня.

Н. Новосельский.

А вот новая телеграмма из Тквибули.

801

С.-Петербург. 11 мая 1888 г.

Душевно уважаемый Константин Петрович.

В «Гражданине» — как Вам, вероятно, известно — появилось несколько статей, желающих обратить меня в «козла отпущения» всех многочисленных грехов наших дипломатов-космополитов и доказать, что не Берлинский договор и последующие ежедневные промахи наших представителей виной тому, что существуют болгарские затруднения и что Австро-Венгрия, поддержанная Германией, вытеснила нас с Балканского полуострова, а С.-Стефанский договор и я, которого напрасно считали русским патриотом, так как я своевольно обращаюсь с болгарами. Вы знаете давнишнее мое мнение о личности кн. Мещерского и об его органе, а также, что я привык не обращать никакого внимания на газетную ругань и вранье. Но существует много людей в Петербурге (в том числе и служащие в министерстве ин. дел), которые воображают, что государь читает «Гражданина», а потому клеветники надеялись, что статья произведет желаемое ими впечатление в высших сферах. Вместе с тем дошло до моего сведения, что редактор хвастается одобрением м. и. д., «рассматривавшего корректурный лист», и что в статье воспроизводится отчасти измышленная какая-то записка, составленная в азиатском департаменте в ответ на статьи Татищева. При таком положении дел, обличавшем наглую интригу и желание свалить с больной головы на здоровую, я счел невозможным хранить обычное мне молчание. Но будучи в невозможности, по званию генерал-адъютанта, печатно обличить ложь, я адресовал Н. К. Гирсу письмо (копию с которого считаю полезным Вам сообщить). Н. К. Гирс в письменном ответе своем отрицает участие мин-ва в редакции статьи, но сознается, что кн. Ме-

щерский прислал ему «несколько дней тому назад корректурный лист какой-то статьи, которую он не прочел, а распорядился возвращением» (вероятно, через азиатск. депар. где она была прочитана и, по уверению лиц, знакомых с редакцией, просмотрена корректурно) с замечанием, «что не считает возможным принять участие в его редакторской деятельности».

Никто и даже сам кн. Мещерский этого последнего не ожидал, но редактор мог вынести из такого ответа заключение, что к печатанию таких ложных и тенденциозных сведений о переговорах 1877—78 годов мин. ин. д. препятствий не имеет и даже одобряет подобную публикацию.

Зная Ваше патриотическое чувство и рвение к сохранению достоинства императорского правительства, предоставляю Вам вывести заключение из подобных действий мин. ин. д. Добросовестными их назвать нельзя. Опасаюсь, чтобы при нынешних обстоятельствах нас не втянули в пересмотр Берлинского договора, причем нам могут навязать признание совершившихся в ущерб России и к исключительной выгоде Австро-Венгрии и врагов наших фактов в Сербии, Боснии, Герцеговине и Болгарии. Нам всего выгоднее сохранить самостоятельность и выжидать более благоприятного времени, готовясь к грядущим событиям, для осмысленного соглашения или действия сообразно достоинству и пользе России и вящей славы ее государя.

В Москве советовался я с доктором Захарьиным о заболевшем вторично моем сыне. Он его задержал в Москве на 15 дней, а я вернулся пока сюда к младшим сыновьям и заболел сильным бронхитом, не позволяющим мне выезжать. В Петербурге теперь находится д-р Живный. Он должен вернуться в Вену через неделю. Его деятельность в православном и русском смысле очень полезна. Необходимо его поддержать обещанной субсидией газете «Парламентер». Он запутался лишь потому, что целый год пропустили, а потом австрийцы его засадили. 3-мя, 4-мя тысячами рублей можно его обеспечить. Уезжаю через три или четыре дня. Желая сердечно Вам доброго здоровья и приятного лета. Да сохранит Вас Господь.

Душевно уважающий и искренно Вам преданный

гр. Н. Игнатьев.

Копия.

Милостивый государь Николай Карлович.

До моего сведения дошло, что гнусная и лживая статья, напечатанная 5-го мая в «Гражданине», о Сан-Стефанском договоре, о существовании которой я узнал лишь по возвращении из Москвы, была представлена предварительно редактором на Ваше благоусмотрение и даже основана будто бы на какой-то записке, составленной в азиатском департаменте.

Хотя я был бы вправе ожидать более внимательного и более дружелюбного отношения министерства иностранных дел к моей деятельности по ведомству, в котором я служил не без чести 20 лет, от департамента, которым я управлял в бытность Вашу в княжествах Придунайских и в Персии, от старых сотрудников и сослуживцев, но я полагаю, что во имя одной исторической правды, народной чести и простой справедливости Вам следовало поставить на вид автору статьи, возводившему на представителя императорского правительства и испрашивавшему на сие одобрения министерства, нижеследующее:

1. Легкомысленно утверждать, что я самовластно распоряжался 300-тыс. русской императорской армией, предводительствуемую двумя великими князьями, братьями царя, и мог решать по своему произволу историческую задачу России в 1877 году. Вам очень хорошо известно, что вследствие тройственного союза и соглашения с гр. Андраши кровный для России вопрос принял направление, совершенно не соответствующее моим воззрениям и настойчивым представлениям министерства.

2. Вся «обстановка» переговоров, порученных мне в феврале 1878 г., противоречит истине, тем более, что я вызван был из г. Киева и послан в действующую армию лишь в половине января, а прибыл в главную квартиру, в Адрианополь, 25 января, т. е. 6 дней после заключения перемирия, остановки наших победоносных войск, проведения демаркационной линии и подписания мирных оснований, служивших, к сожалению, весьма неудобными и тесными рамками для моих переговоров с турками.

3. Необыкновенная ширина моих полномочий — заведомая ложь. Вам лучше, нежели кому-либо, известно, что проект

Сан-Стефанского договора был составлен мной по высочайшему повелению, здесь, в течение суток, прочитан и обсужден 12 января в кабинете государя императора, в присутствии князя Горчакова, Вас (причем Вы сидели как раз около меня), барона Жомини и Гамбургера. Проект этот, одобренный присутствовавшими (вследствие Вашего замечания была изменена редакция статьи, касательно убытков судов по р. Дунаю) и утвержденный его величеством, послужил мне самой точной и определенной инструкцией. Проект будущего договора был представлен мной государю наследнику цесаревичу, ныне благополучно царствующему императору, в селе Брестоваце, на пути в главную квартиру главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Вам должно быть известно, что я не имел права возбуждать новых вопросов (как греческого и т. п.) и вообще выходить из предначертанных рамок. В одном лишь случае я позволил себе изменить проект, не испросив предварительного высочайшего соизволения: предполагалось оставить турецкие гарнизоны среди Болгарии, в Варне и Шумле, а я потребовал не только совершенной уступки этих крепостей, но и срытия их. Я удостоился получить по телеграфу высочайшее одобрение на это добавление.

4. Выдача некоторых лучших броненосцев турецких была действительно мной потребована, отнюдь не в последнюю минуту, как бессмысленно утверждает автор статьи, и я отказался от этой мысли лишь вследствие телеграммы (черновая которой должна быть у Вас в канцелярии) канцлера, запретившего мне настаивать на этом требовании и постоянно торопившего меня заключением договора. Я, впрочем, и сам сознавал невозможность довести до конца это требование наше, ввиду английской броненосной эскадры, появившейся у Принцевых островов, близ Стамбула, и прошедшей в Мраморное море, вследствие незанятия нашими войсками (вопреки моим настояниям, как Вам, вероятно, памятно) Галлиполи. Англичане имели полную возможность, с согласия и без согласия султана, взять турецкие суда под свою охрану и присоединить их к своей эскадре, в виду русской армии.

5. Размеры Болгарии были определены, в главнейших чертах, европейским ультиматумом, предъявленным Порте на Константинопольской конференции в 1870 г. воззванием к

болгарскому населению, высочайше утвержденным и изданным в Плоешти, перед переходом через р. Дунай (я не принимал ни малейшего участия в составлении этого акта, провозгласившего свободу болгар), и мирными основаниями, подписанными с турецким уполномоченным в главной квартире, 19 января, за 6 дней до моего прибытия в армию и вопреки моим предположениям и представлениям в Петербурге.

6. Болгарский церковный вопрос возник и разгорелся гораздо ранее моего прибытия в Турцию в качестве посланника (как свидетельствует вся переписка, хранящаяся у Вас в министерстве). В начале 60-х годов им деятельно занимались кн. Лобанов и Е. П. Новиков. Я застал уже несколько болгарских архиереев отлученными патриархией, с отдельной болгарской церковью в Константинополе. Осуществление Сан-Стефанского договора могло способствовать прекращению церковной распри, весьма прискорбной для всех нас — сынов православной церкви, — ибо константинопольская патриархия соглашалась признать болгарский экзархат, основанный не на «филетизме», о котором трактовал так страстно константинопольский поместный собор, а на точном определении болгарских епархий, причем экзарх должен был выехать из Царьграда и пребывать в пределах экзархии.

При берлинской Болгарии спорные епархии (в Македонии и близ Адрианополя) будут всегда камнем преткновения между греческим и болгарским духовенством, что и могло быть ввиду лиц, желающих способствовать окатоличению болгарского населения. Что касается до решения чисто церковного вопроса, то, как известно всякому христиански образованному человеку, он может разрешиться не дипломатическим договором, а церковным соборным обсуждением и подлежит компетенции святейшего синода, а не дипломатических представителей.

7. Со времени подписания договора и вызова моего в Петербург с султанской ратификацией, я, как Вам близко известно, не принимал ни малейшего участия в дальнейшем ходе переговоров и был лишь однажды (в половине марта) командирован государем императором в Вену, на три дня, для быстрейшего выяснения притязаний графа Андраши, проявившихся после подписания договора, казавшихся туманными и вызвавших не-

доразумения между Петербургом и Веной. Я был тогда в отсуствии всего неделю, с тех пор, т. е. с последних чисел марта 1878 г., я не имел в руках никакой дипломатической переписки и никто из русских дипломатов моего мнения не спрашивал. Следовательно, меня могут и теперь оставить в покое.

Не входя в разбирательство статьи, переполненной ложью, клеветой, невежеством и совершенно произвольными, фантастическими соображениями, мне остается лишь удивляться, что министерство иностранных дел не воспротивилось ее появлению (при существующих отношениях редакции), потеряв из виду, что честь и достоинство русской дипломатии требовали опровержения голословного (а не документального) обвинения русского уполномоченного, лишенного возможности, по выражению Вашего недавнего правительственного сообщения, опровергать возводимые на него безосновательные обвинения. Личное мое положение еще более затрудняется званием генерал-адъютанта его величества и члена государственного совета, препятствующими мне опубликовать в опровержение клеветы многочисленные данные, которыми я обладаю.

10 мая 1888 г. С.-Петербург.

Его высокопревосходительству

Н. К. Гирсу.

803

С.-петербургский градоначальник.

20 апреля 1888 года.

Докладываю Вашему высокопревосходительству, что гулянье в конногвардейском манеже откроется в понедельник, 25 апреля. Те же публичные увеселительные места не разрешены в первый день пасхи.

Генерал-лейтенант Грессер.

804

Искренно уважаемый Константин Петрович.

С сердечной благодарностью получил сегодня Ваше доброе слово. Оно перенесло меня к тем знаменательным минутам, когда подъем народного духа собрал добровольных деятелей

на полезное дело, принятое под высокое покровительство будущего тогда государя. Я лично настолько проникся убеждением в пользе этого дела, что и теперь не хочу верить, чтобы оно сказало свое последнее слово. Мне думается, что у него должно быть свое будущее и именно на том пути, который был ему преуказан первоначально. Эта-то вера в будущее Добровольного флота и была причиной, сознаюсь перед Вами откровенно, вчерашнего моего отсутствия на перепутном торжестве. Вы не могли не быть — это вполне понятно. Но я, как деятель второстепенный, мог отсутствовать неприметно. Оказалось, что Вы вспомнили и о моем участии в деле. Повторяю свою душевную признательность и искренно желаю, чтобы новые деятели постигли важность основных задач Добровольного флота для русского дела так же серьезно, как Вы ее понимали, а за Вами и непосредственные Ваши помощники. Не мог же я сказать этого за бокалом шампанского и не могу не сказать этого Вам по поводу косвенного упрека Вашего за мое отсутствие.

Искренно и душевно преданный Вам
11/IV 88 г.

М. Каханов.

Программу передал жене, которая, впрочем, только поправляется от простуды.

805

14 апреля.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Не знаю, как это случилось. Забыл передать Вам мою покорнейшую просьбу телеграфировать его величеству, что мы собирались вспомнить молитвой, как десять лет тому назад по его почину зародился Добровольный флот. Если не поздно, возьмите на себя этот труд как первый пособник цесаревича в этом деле.

Преданный слуга *Шестаков.*

806

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству копию с письма папы к его величеству.

Статью в «Revue Nouvelle» я читал: автор, судя по слогу, не француз, несомненно знает кое-что о ходе сношений правительства с Ватиканом, хотя и впадает в ошибки, может быть, умышленные; с проводимыми идеями я встречался на столбах официозной газеты «Montieur de Rome», и поэтому мне кажется весьма вероятным, что статья прислана в редакцию из Рима.

8 марта 1888 г.

Кн. М. Кантакузен-Сперанский.

807

Копия письма папы к его величеству государю императору.

Majesté.

Le gracieux télégramme, par lequel il a plu à votre majesté de nous transmettre ses compliments et ses félicitations à l'occasion de notre jubilé sacerdotal, nous a été particulièrement agréable. Aussi après avoir fait parvenir par la meme voie, à votre majesté l'expression de notre reconnaissance, désirons-nous aujourd'hui la lui exprimer encore plus manifestement par la présente. De meme que par l'acte susdit votre majesté a voulu nous donner une preuve de ses sentiments d'amitié, que nous accueillons toujours favor ablement, ainsi nous plaît-il de lui attester de nouveau la haute estime et les dispositions amicales que depuis longtemps nous professons nous-meme envers votre auguste personne, ainsi que nous l'avons témoigné aux grands-ducs Vladimir, Sergius et Paul, avec lesquels il nous plaît à rappeler d'avoir eu des entretiens familiers en notre résidence du Vatican.

Ce qui nous invite à nous ouvrir ainsi une nouvelle fois à votre majeste et à lui faire part du constant désir et projet que nous nourrissons de favoriser partout l'ordre et la paix, et de prêter tout notre concours pour procurer le bonheur des peuples ét des gouvernements, c'est de voir le principe d'autorité universellement combattu et la societé de plus en plus travaillée et minée par des doctrines séductrices et perverses. Que si les conditions religieuses, où se trouvent pour le présent les sujets

catholiques de votre majesté, nous préoccupent beau coup à cause des obstacles qu'on oppose au libre exercice de leur religion, les bienveillantes dispositions dont votre majesté veut bien nous dire qu'elle est animée sur ce point, ouvre notre coeur à l'esperance de voir, selon nos voeux, une amélioration s'accomplir dans ses vastes domaines quant à la situation de l'église catholique. Nous attendons ce jour, pour notre part, avec anxiété, mais aussi avec la plus grande confiance en la magnanimité de votre majesté, dont la haute intelligence aura compris sans peine, combien, de part et d'autre, il serait avantageux de rétablir les anciennes et amicales relations qui existaient autrefois entre la Russie et le saintsiège et qui nous unissent et lient à plusieurs autres états.

Sur ce nous prions votre majesté d'agréeer les voeux ardents que nous faisons monter vers le Très-Haut pour qu'il daigne conserver longuement et couvrir d'une spéciale protection votre auguste personne ainsi que toute la famille impériale et la fasse prospérer de plus en plus avec les peuples soumis à son sceptre puissant.

Du Vatican le 28 Janvier 1888.

Leo P. P. XIII.

808

Благодарю тебя премного, любезный друг Константин Петрович, за доставленное мне переписанное мнение.

Не подавать его я не могу, ибо желаю быть последовательным до конца. Государь не может посетовать на члена совета, считающего себя обязанным высказать то, что думает.

Правда что я в течение заседания, по выслушании мнения 16 членов (Вашего мнения), рассердился и написал Половцову карандашом записку о том, что отказываюсь от возражений.

О фразе этой я говорил В.Е. Плеве, и он о ней сожалеет: в мнении 16 членов проскочило признание, что есть в Балт. крае вероисповедная неопределенность или что-то в этом роде.

Но когда ты произнес свои слова и вслед за тобой говорили М.Н. Островский и В.К. Плеве в прямое подтверждение того, о чем я распинался у вел. князя в кабинете перед заседанием, я счел себя нравственно обязанным и гласно заявить, что я в

этом с Вами тремя согласен, а затем, что я остаюсь при особом, т. е. прежнем, мнении.

Правду сказать: и 26 членов хороши, хороша и бесцеремонность Половцова, переделавшего мнение 27 членов по своему нраву.

Ну как же мне поклоняться перед таким милым подарком?

Душевно преданный
2 марта.

Б. Мансуров.

Мнение я отослал сегодня же к Половцову при официальном отношении (буква п. 4 ст. 80 учр. гос. сов.).

809

Милостивый государь Константин Петрович.

Позвольте принести Вашему высокопревосходительству мою душевную благодарность за присылку мне высокого интереса корреспонденции, возникшей по поводу вечно повторяющихся жалоб Запада на притеснения, якобы испытываемые иноверцами в России.

С чувством радости, благодарности и глубокого уважения прочел я ответы Ваши на обвинения, прикрытые личиной жалоб и просьб. Нет сомнения, что обвинения эти, как Ваше высокопревосходительство указали (что очень испугало Шафгаузенское клерик. общество), изготовляются местными политическими врагами нашими и посылаются на Запад, чтобы они возвращались оттуда облаченными в костюмы преследуемых за веру мучеников.

Радостно видеть, что сильное, честное, ясное слово Ваше не только разоблачает ложь, отвечая категорически на каждое произнесенное обвинение и угрозу, но еще начертывает для будущего план действия, от которого нелегко будет отступить, даже если бы явились деятели легкомысленные и слабые, которые были бы увлечены софизмами Запада. Чтобы отступить от пути, Вами начертанного, надо сознательно, явно и гласно от него отказаться, а на это едва ли кто решится.

Не знаю, какое действие могут произвести Ваши ответы на членов «Alliance évangélique» или на членов клерикального об-

щества в Шафгаузене; — или, лучши сказать, признаются ли они в истинном впечатлении, на них произведенном (ответы Ваши лишают их излюбленной темы и оружия), но не сомневаюсь, что глубоко должны влиться в сердце их Ваши указания на слова Гамалиила в V гл. Деяний и на слова Эрнеста Навиля, ибо это орудие взято из их же арсенала.

Если люди, подававшие адрес государю императору и писавшие к Вам, имеют хоть немного правды в душе, то их должно поразить и другое замечание Ваше, что свобода совести на Западе существует только для агентов.

Позвольте присовокупить к тому, что я сказал, еще следующее. В 1849 году, когда я был капитаном в Кабардинском полку, прибыл к нам из прусской службы Бюнтинг, которого Вы, вероятно, изволили знать. Ничто его так не поразило среди нас, как то, что в нашей православной церкви отпевали одного за другим двух умерших офицеров, из которых один был лютеранин, а другой католик, и что православный священник провожал их обоих до могилы на общем православном кладбище. У нас не было иноверных священников. Много было у меня разговоров и объяснений с Бюнтингом по этому поводу, и он высказывался, как он глубоко был тронут всеобъемлющей любовью православия к братьям-христианам других исповеданий. «Да, — говорил он, — не только в Италии немисливо похоронить иноверца на католическом кладбище, но даже у нас в Берлине лютеране не допустят иноверца на свое кладбище». Его настолько заинтересовала тогда православная церковь, что он посещал наши богослужения, и я, по просьбе его, перевел литургию на французский язык (не зная, что она уже была переведена с благословения св. синода и напечатана в 1846 г.). Все иностранцы, жившие в живущие в России, и, конечно, все иноверцы, подданные России и изъездившие ее по всем направлениям, знают незлобивость и терпимость православия, но, к сожалению, возвращаясь во враждебную ему среду, скоро забывают уроки жизни и присоединяют свой голос к голосам, враждебным церкви русской и России. Конечно, в этой всеобщей враждебности Запада есть свое *raison d'être*. Мне чувствуется под этой враждебностью некоторый страх, убеждение, что эта именно церковь овладеет душами мира. Лучшие теологи Запада сознают, что православ-

ная церковь есть лучшая и высшая представительница апостольской церкви, ибо она не управляется самозванцем, т. н. наместником Христа, а на основании правил первобытной церкви; ее епископы свободны, не подчиняясь никому в отношении догматического учения — кроме соборов; право богослужения на всех языках земли указывает на происхождение от той церкви, которая получила благодатные дары св. духа в пятидесятницу, и потому указывает и на всемирное ее будущее; наконец, эта только церковь может быть названа единою, что нельзя сказать не только о протестантстве, рассыпавшемся на многие толки и учения, но и о римской церкви, ибо нельзя считать духовно единой церковь ту, где несколько догматов, последние в особенности, не приняты церковью и насильно навязаны церкви и епископам папою.

Церковь православная будет всемирной, в этом сомневаться нельзя; но когда — времена известны только единому Богу. Наше дело работать в этом направлении. И вот по этому поводу позвольте мне как православному принести Вам глубокое благодарение как воссоздателю древних приходских школ, отвечающих истинной потребности населения. В Ставрополе, еще будучи губернатором (1865—73), я убедился, как крестьяне негодовали на казенные школы за то именно, что в них мало учили священному писанию и священным песнопениям и занимали их по новому методу песнями о барашках и прочих пустяках. И, сознаюсь, я разделял это негодование и глубоко скорбел вместе с покойным преосвященным Феофилактом о насильственном и, по-видимому, намеренном тогда отчуждении школы от духовенства. Подобные сетования я слышал позже из уст покойного митрополита Макария.

Хотя я, несомненно, утомил уже Вас своим длинным письмом, но я прошу позволения рассказать еще один случай из моей жизни, оставивший во мне глубокое, неизгладимое впечатление.

В 1847 году, будучи гвардейским офицером, я был по болезни за границей в 11-месячном отпуску. В числе моих странствований я был на острове Гельголанде и там познакомился с почтенным шотландским пастором. Мы особенно сблизились во время морского пути из Гельголанда в Гамбург. Много пастор расспрашивал об образовании в России и между прочим кос-

нулся вопроса об образовании народных школ. Я, между прочим, упомянул о весьма неудовлетворительных способах обучения, указав на то, что у нас учат читать по псалтырю (я прошу вспомнить, что мне было только двадцать лет). Шотландский пастор немедленно жестоко напал на меня. «Как, молодой человек, — воскликнул он, — вы решаетесь порицать эту систему? Мы в Шотландии держимся ее крепко, и я, который завел душой сорок пять лет, я говорю, что для народа нельзя придумать высшего и лучшего метода образования. Поймите, что, выучив наизусть псалтырь, простолюдин получает на всю жизнь духовную библиотеку, из которой он черпает нравственные правила и помощь во время искушений всей своей жизни. Я сам видел и слышал в своей жизни признания многих, как пришедшая в ум фраза из псалма останавливала совершение злодеяния. Рабочему читать некогда даже библию, но ему есть время читать мысленно или петь те священные слова, которые так верно выражают состояние всякой души человеческой и взывают к ней от Бога. Эти слова, подаренные ему школой в детстве, суть его сокровище на всю его жизнь».

Слово этого почтенного старца запало мне в душу, и вот более сорока лет, как я помню эти слова, как будто бы они произнесены вчера. И сколько раз мне приходило в голову, что переменной системы народного образования мы совершили самоубийство. Кому мы передали образование народа из рук духовных пастырей, Вашему высокопревосходительству хорошо известно.

Я еще помню в детстве деревенских грамотеев, всегда очень уважаемых в народе. Они говорили языком псалмов, языком св. писания. Они были ревнителями и обычаев церкви, и постов, но они вследствие изучения св. писания вносили дух божий в обряды. Не их можно было заподозрить в том, чтобы они покусились на преступление, воздержавшись от молока в постный день или поставив свечу к образу.

Вот этот возврат к духу я счастлив приветствовать в учреждении приходских школ, в сближении грамотности со священным писанием, в сближении народа с духовенством, ибо духовенство и народ, работающие отдельно, работают бесплодно, так как работа Христа и спасителя нашего может совершаться только в единении духа, в союзе мира.

Простите, Константин Петрович, что я увлекся мыслями, вызванными во мне Вашей благословенной от Бога работой.

Прошу Вас принять выражения искренних чувств глубочайшего уважения и неизменной преданности.

Вашего высокопревосходительства

15 февраля 1888 г. покорный слуга *Георгий Властов*.
С.-Птрб.

810

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь Константин Петрович.

Вчерашний разговор наш возбудил во мне много тяжелого, отчего я до сих пор не мог освободиться, и вот почему я решился высказать Вам письменно то, что осталось вчера недосказанным.

Много лет я постоянно ищу истину в науке и в жизни. Я очень хорошо понимаю, что мы, по нашей ограниченной организации, не можем вместить многого, и ни один человек не достигнет истины в своем брэнном теле. Сознаю также всю ложь, которая опутывает нас в жизни, сознаю бессилие освободиться от нее и понимаю, почему сказано: «всяк человек есть ложь». Но вот с чем не может примириться душа моя: «с сознательной ложью», с той, которую человек высказывает как что-то необходимое и неизбежное, без чего нельзя обойтись в жизни этого мира. Я думаю, неужели благой наш спаситель не мог освободить нас от этой «братской лжи» и неужели человек, живущий в миру, необходимо должен лгать? Ведь тот же спаситель открыл нам, что «отец лжи есть дьявол». Неужели же мы все, живущие в миру, должны постоянно служить ему нашей ложью? Не думаю и не верю.

Знаю, что Вы опять скажете о таком взгляде: «Это — взгляд идеалиста, который живет в своем ученом и сказочном мире и не понимает тех тонких щекотливых отношений, которые создает общественная и государственная наша жизнь»... Думаю, что понимаю, и вот об этих-то общественных и государственных отношениях наших я желал бы теперь поговорить с Вами.

Принцип, которому Вы следуете и который защищаете, давно уж проводится в жизнь. Все или почти все ему служат

Но мне кажется, что именно этот принцип есть источник общественного и государственного зла. Мы все служим лицемерно, отдавая кесарево кесареви, а божие богovi. Мы привыкли разделять слово с делом, заповедь Христа от нашего принципа. Мы все только о том и стараемся, чтобы условными, установившимися отношениями прикрыть ложь сердца и требование нелицемерной и строгой истины. Мы все фарисеи, живущие старыми привычными формами и обычаями, обходящие законы божественной правды. А если порой совесть проснется и заговорит слишком громко, то мы тотчас оправдываем себя тем, что все условно, что от лжи на избавишься, такова воля творца и что всякий грех (в том числе и ложь), унижая нашу личность, приводит к раскаянию и к молитве, а Господь милосердный все простит и помилует.

Вы говорите, что слово — ложь, что оно связывает, искажает истину, что нельзя буквально и текстуально понимать евангелие и поступать строго согласно его учению, что его требования слишком высоки, идеальны для того, чтобы люди, живя в миру, могли следовать им и исполнять их. Да. Это правда, но не для всех. Исполнение заповедей Христа во всей их буквальной строгости невозможно для огромного большинства людей, живущих в миру и пользующихся мирскими наслаждениями и мирскими отношениями людей друг к другу. Для этих людей немислимо отказаться от удовольствий плоти и условий мира, взять крест и идти за Христом. К такому подвигу не все призваны, но я думаю, что в сердце каждого верующего должен неутихимо сиять тот свет креста, который влечет его к благу, истине и любви. Если он пошел на уступки и компромиссы, то, поверьте, что этот свет будет мало-помалу тускнеть, и наконец настанет тьма, — та страшная тьма, о которой так ясно и определенно говорил нам наш спаситель. Если мы будем оправдывать необходимость клятвы, которую запретил Господь, оправдывать тем, что иначе нельзя сделать, что она необходима, что и мир изогался и надо же поставить черту, дальше которой нельзя идти, — то, поверьте, что эта черта превратится (и уже превратилась) в пустую формальность, которую всякий, кому нужно, обойдет и к этому обходу привыкнет.

Вы ни разу не были присяжным заседателем и не испытали, как тяжело произнести клятву и не один, а два и даже три

раза в утро. В особенности тяжело, когда видишь, что тот преступник, ради которого Вы клянетесь, вовсе не понимает, что совершается перед ним.

Ложь формализма сделалась нашим обычным делом. У нас явились две правды: одна официальная, другая неофициальная, домашняя. Я слышал на суде, как священник, обращаясь к присяжным, говорил: «Вы знаете, что Бог утвердил клятву». Где же, я спросил бы его, он вычитал это утверждение и почему он говорил неправду? Да потому, что этой неправды требовало его официальное положение.

Господь наш постоянно боролся с этой фарисейской неправдой; он говорил: горе вам, налагающим бремена «неудобоносимые», и я думаю, что клятва, произносимая на суде, есть именно бремя «неудобоносимое». Снимите же его во имя Христа, во имя его святой заповеди и поверьте, что много сердец в России помолятся за Вас как за избавителя их совести от страшного греха клятвы перед тем самым евангелием, в котором написаны святые слова: «Аз же глаголю Вам не клятися всяко».

С глубочайшим почтением и сердечной преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугой *Николай Вагнер.*

10 января 88 г.

811

Многоуважаемый Константин Петрович.

Передайте искреннюю мою благодарность Катерине Александровне и примите сами за «Северные Цветы» — это настоящий подарок, благоухающий вечной свежестью и не уступающий никаким цветам юга. Издание прелестное, делающее честь вкусу издательницы, являюсь благодарить ее лично.

Желаю, чтобы эта весна помогла мне переносить петербургскую. Сия последняя замучила меня своим холодом и весенними простудами, свойственными «несравненному парадизу» Петра. Даже Москва не вылечила.

Искренно преданный

5 мая.

Дмитриев.

Копия ответа, посланного английскому примасу.

Возлюбленному брату во Христе — Эдуарду, досточтимейшему архиепископу Кентерберийскому и примасу всей Англии, смиренный Платон, божией милостью митрополит киевский и галицкий, желает радоваться о Господе.

Прежде всего приношу Вам, возлюбленный брат, от себя и всех русских, бывших в Киеве на торжестве 900-летнего юбилея крещения Руси в христианскую веру, благодарность за любезное приветствие Ваше с сим торжеством. Это приветствие весьма приятно для нас, как само по себе, по выражению его в духе христовой веры и любви, так и потому, *что никто другой из представителей западных церквей не сделал нам подобного приветствия.*

Ваше преосвященство справедливо говорите, что Россия своим могуществом и достоинством между христианскими народами одолжена не одной только мудрости своих правителей и природенной крепости своего народа, но и тому, что наша ветвь святой кафолической и апостольской церкви срослась с нашим народом, и христианская вера просвещала его в течение девяти минувших столетий. Да, православная вера Христова, исповедуемая нашей святой церковью, доселе имела великое и благотворное влияние на судьбу России. Ею Господь дает крепость благочестивейшим царям нашим; она помогает христолюбивому нашему воинству побеждать полки вражеские; она же возбуждает в русском православном человеке такое самоотвержение, что он за веру, царя и отечество готов жертвовать всем и самой жизнью.

Я совершенно согласен, что русская и англиканская церкви имеют одних общих врагов, о коих Вы говорите в своем послании ко мне, и что нам с Вами нужно вместе бороться с сими врагами, взаимно ободряя и поддерживая друг друга, но для этого необходимо, чтобы Ваша и наша церкви вошли в более полный духовный союз между собой. Наша церковь искренно желает такого союза, почему при каждом богослужении своем молит Господа «о мире всего мира, благосостоянии святых божиих церквей и соединении всех», а если и Вы желаете, как видно из Вашего послания, чтобы мы были с

Вами едино ἐν τοῖς δεσμοῖς τοῦ εὐαγγελίου, то благоволите сообщить мне ясно и определенно, на каких именно условиях Вы полагаете возможным единение между Вашей и нашей церквами.

Купно с Вами моля Господа, да расположит он своей благодатью всех людей прийти в единство веры и познание сына божия, и душевно желая, да хранит он Вас и всю Англию под своим покровом в совершенном благоденствии, с глубоким уважением остаюсь Вашим преданнейшим слугой и братом о Господе *Платон*, митрополит киевский и галицкий.

С подлинным верно: секретарь при киевском митрополите

Георгий Андреевский.

№ 2225.

14 сентября 1888 г. .

г. Киев, Печерская лавра.

813

Эдуард, божественным Провидением, архиепископ Кентерберийский, примас всей Англии и столичного города, брату нашему в вере и поклонении всесвятой и нераздельной Троице, Платону, божественным Провидением досточтимейшему митрополиту киевскому и галицкому, привет о Господе.

Как скоро достигло до нас известие о предстоящих торжествах во граде Киеве великом, мы, памятуя заповедь блаженного апостола: «радоваться с радующимися», радостно встретили благоприятный случай сообщить Вашему блаженству и через Вас епископам и духовенству и мирянам Российской церкви искреннейшее наше сочувствие и благожелания.

Великие торжества бывают обыкновенно или религиозные, или национальные. Это торжество, ныне Вами совершаемое, действительно прежде всего религиозное. Но оно вместе с тем и национальное в высочайшем смысле. Это благодарственное перед Богом признание той святой истины, что Россия всем, чего достигла, своим могуществом и достоинством между христианскими народами, одолжена не одной только мудрости своих правителей и прирожденной крепости своего народа.. Вы приносите благодарение Богу потому, что Ваша ветвь святой католической и апостольской церкви, которую Вы благо-

говейно с именем св. апостола Андрея (*так в ориг.*), тождественна с народом Вашим, и потому, что вера христианская через посредство знаменитого св. Владимира, коего обращение Вы ныне вспоминаете, просвещала (озаряла) народ Ваш в течение целых девяти столетий.

Первоначальная наша надежда была и намерение было послать в Киев епископа представителем англиканской церкви, но обстоятельства, в настоящее время приключившиеся, помешали нам привести это намерение в исполнение. В течение всего июня месяца собираются в Лондоне под председательством нашим все епископы англиканской церкви, т. е. не только епископы собственно англиканской церкви, но и все архиепископы, митрополиты и епископы церковей ирландской, шотландской и американской, равно как и епископы Индии и Британских колоний, со многими миссионерскими епископами и другими, кои состоят с нами в общении. Здесь теперь собралось со мной 140 епископов. Эта конференция собирается лишь единожды в 10 лет, и ее собрание имеет для наших церковных дел великую важность. Итак, я признаю весьма неудобным отделять от одного хотя одного из числа епископов в течение сессии. Итак, принуждены мы, к крайнему сожалению, отказаться от первоначальной мысли и передать в настоящем письме наше смиренное и братское поздравление Вашему блаженству и церкви, в коей Вы столь достойно правите.

Возлюбленные братья мои будут рады узнать, что мы сообщили Вам наши поздравительные благожелания и уверения в молитвенном духе, с коими обращаемся к празднующему Вашему собранию, зная, что в нем у всех будут сердце и душа едины.

И русская, и англиканская церковь имеет одного общего врага. И мы, как Вы, принуждены оберегать свою независимость противу папских притязаний, стремящихся подчинить все церкви Христовы римскому престолу. Мы должны одинаково защищать свою паству от проповедников новых и странных учений, противных святой вере, которая передана нам святыми апостолами и древними отцами католической церкви.

Но оружие, коим мы боремся, не есть плотское. Взаимное сочувствие с молитвой о том, чтобы возможно нам быть еди-

но, помогут нам ободрять друг друга взаимно и способствовать ко спасению всех человеков.

Итак, моляся усердно в духе и единении всех людей, в вере евангельской, утвержденной и изложенной вселенскими соборами нераздельной церкви Христовой, и в живом познании сына божия пребываем

Вашего блаженства верным и преданным слугой и братом о Господе

Эдуард архиепископ.

Дано в нашем Ламбетском дворце в Лондоне и запечатано нашей архиепископской печатью 14 июля в год нашего спасения 1888-й.

814

4 Алексан্দ. плац.
23 января 1888 года.

Милостивый государь.

Вчера я была в Александринском театре; давали «Смерть Агриппины». В третьем действии является на сцену старец христианин, от которого Нерон желает слышать: во что он верует и кто его Бог; и вот, на этой же сцене, где только что протанцевали вакхический танец, актер с пафосом начинает излагать перед публикой основы веры, говорит о Боге, о сыне человеческом, распятом на кресте, о своем желании уподобиться Христу распятием, и когда Нерон соглашается на это уподобление, актер с вдохновенным лицом бросается на колени и объявляет публике, что он видит Бога, окруженного сиянием, в облаке и т. д. Разве это не кошунство, разве в стране, где, слава Богу, уважают святую, такие представления не есть аномалия? Это оскорбляет лучшие чувства человека, а темного человека, кроме того, смущает. Я уверена, что Вам неизвестно содержание этой трагедии, надеюсь, Вы поймете, какое чувство побудило меня, не имея удовольствия быть с Вами знакомой, написать эти строки.

А. Дубасова.

815

В бытность мою в П-ге я говорил тебе о недоразумении между мной и И. Н. Дурново; в разъяснение сказанного мной препровождаю тебе, дорогой и многоуважаемый Константин Петрович, для прочтения: 1) форму страшной присяги, даваемой почетными опекунами, и 2) копию с письма моего к Дурново по делам московск. вдовьего дома; чтение этих бумаг не займет у тебя много времени, могу уверить тебя, что, управляя более 5 лет вдовьим домом, я не отступал от данной мной присяги и старался по мере сил и возможности принести посылную пользу, в чем готов дать ответ перед Богом. Получивши печальное известие о болезни моей единственной дочери, проживающей с семьей своей в Неаполе, еду к ней и ожидаю высочайшего разрешения воспользоваться 4-месячным отпуском, сверх вакаций; а затем да хранит Господь моих друзей и недругов, которым я привык говорить всегда правду.

Искренно тебе преданный

Е. Барановский.

Если бы тебе или супруге твоей понадобилось бы что-нибудь в Италии, то вот мой адрес:

Naples via Principe Amedeo cosa Dorhn M-г E. Baranowsky.

816

Копия письма почетного опекуна Барановского к г. главноуправляющему собств. е. и. в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии — И. Н. Дурново.

Милостивый государь Иван Николаевич.

Ваш августейший предшественник е. и. высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский и его ближайшие преемники имели обыкновение во всех обстоятельствах, относившихся до благотворительной и безвозмездной деятельности почетных опекунов, входить с ними в предварительные сношения. Это обыкновение вполне соответствовало тому уважению к человеческой личности и тем доблестным качествам ума и сердца, которыми руководствовался его высочество принц Петр Георгиевич, свято блюдя заветы августейшей своей бабки. Со-

общенное мне в письме Вашем 22 февраля с. г. высочайшее повеление об освобождении меня от заведывания московским вдовьим домом, которым я управлял более 5 лет, было для меня совершенно неожиданно, и священная для меня, как и для всякого верноподданного, воля государя мной исполнена. Столь же священна для меня воля государыни императрицы о назначении настоятельницей вдовьего дома жены статского советника Кошелева, приведенная мной немедленно в точное исполнение, как вашему превосходительству известно. Исполнивши верноподданнический долг безусловного повиновения, я долгом совести и присяги считаю, однако же, не уклониться и от другого нравственного и религиозного долга, возлагаемого на меня страшной присягой, которую и Вы, и я принесли, по званию почетных опекунов, и на которую я уже вынужден был раз сослаться, сносясь с Вами по делам. Ныне, не желая подпасть страшному осуждению, налагаемому на нас присягой нашей, считаю долгом заявить, что Вы, несомненно, не имели и не доложили государыне императрице сведений о слишком светском прошлом лица, назначенного настоятельницей московского вдовьего дома, прошлом, которое, по весьма распространенному в Москве мнению, не могло подготовить ее к руководительству сердобольными и к надзору за призреваемыми в богоугодном заведении, о благоустройстве которого я в течение пяти лет прилагал попечение, по мере сил и возможности, и которое и ныне на основании § 24 высочайше утвержденного 11 декабря 1873 года устава опекунского совета не совершенно изъято от моего и прочих почетных опекунов попечения.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем уважении.

Марта « » дня 1888 г.

Е. Барановский.

817

Копия.

Присяга почетных опекунов.

Я, нижеподписавшийся, приемля на себя произвольно и по единому благонамерению к пользе всего общества звание, сопряженное с самым действием при императорском воспи-

тательном доме, клянусь перед истинным и ведающим сердца и помышления человеческие Богом, что долг сего моего звания наблюдать буду, по точной силе разума, учрежденного и все-милостивейшей монархиней Екатериной второй подтвержденного в трех частях генерального плана, яко непоколебимого долгу сему основания; ведая по христолюбию, что оберегатели благословенного сего учреждения, призирающая по слову божию на нищая, сира и вдовицу, наследят святилище божие. А ежели какое-либо учиню противу должности честного человека бессовестное поползновение, то тем самым являюсь презритель сего моего обязательства, и нарицаю такое мое преступление истинным святотатством, за что не токмо подвергаю себя суду божию и законам гражданским с строгим на мне взысканием, но и имя мое явлено да будет от собрания опекунского совета в народе заедино с церковным татем. В запечатление сего моего клятвенного обещания и обязательства, целую слова и крест спасителя моего, подписав сию присягу собственной моей рукой с приложением обыкновенной моей печати.

818

В день благовещения нас порадовали вестью о милосердии царя... Волнение несчастного мужа, нервы которого так расстроились за последний год, внушало мне опасения, мы искали спокойствия в молитве, я телеграфировала в Кронштадт о. Иоанну, прося молиться за нас. В субботу я не могла еще писать, но растроганное благодарное сердце меня влекло к Вам, дорогой Константин Петрович, я приехала к Вам в ту минуту, когда Швейниц сидел у вас. Сегодня Евг. Вас-чу все еще нездоровится, я не оставляю его. Он крепко жмет Вашу руку и просит Вас верить его беспредельному желанию заработать Ваше уважение к нему. Мы угадываем, что Вы помогли нам, да пошлет Вам Бог много счастья.

Глубоко Вам преданная

28 марта.

А. Богданович.

819

58 Троицкий пер.
Воскресенье.

Дорогой Константин Петрович.

Какая рассеянная. Хотела вложить выписку из письма Стэда и забыла. Спешу поправить оплошность. Простите. Великое спасибо за сообщения; надеюсь быть и во вторник, и в пятницу.

Визит Стэда мне удалось отворотить прошлого года, но фанатики упрямы: он все-таки едет в нынешнем году попытать счастья.

Какой Вы добрый *на деле* Константин Петрович. Вчера узнала о Вас *ничто*, что меня глубоко тронуло. Дай Вам Бог многие, многие лета.

Ваша О. К.

820

Телеграф в Спб. гл. ст.
из Одессы.
Телеграмма № 3731.

Срочная его высокопревосходительству Константину Петровичу Победоносцеву.

Подчиняясь искренно сердечному влечению, приношу Вашему высокопревосходительству в день десятилетия годовщины Добровольного флота, Вашего излюбленного детища, мое поздравление и лучшие пожелания. Дай Бог, чтобы интерес и сочувствие к патриотическим целям Добровольного флота не ослабевали, и чтобы он всегда стоял на высоте государственных задач, Вами ему указанных, на виду всего народа русского, положившего ему начало добровольными пожертвованиями.

Бывший командир пароходов Нижний Новгород и Россия
капитан первого ранга *Казн*.

821

Телеграф Спб.
из Нижнего.
Телеграмма № 1732.

С благодарностью вспоминая хорошие полные надежды дни работы под руководством Вашим, в день юбилея шлю Вам душевные и сердечные пожелания здоровья и всего лучшего.

Баранов.

Спб. Литейная, 64 Константину Петровичу Победоносцеву.

822

Телеграф Спб.
из Одессы.
Телеграмма № 2459.

Находящиеся в Одессе служащие Добровольного флота, празднуя десятилетие этого учреждения, почтительнейше просим Ваше высокопревосходительство как своего бывшего председателя, много с любовью и успехом потрудившегося на пользу этого флота, принять наши сердечные поздравления и чувства глубокой признательности. Помощник инспектора *Барташевич*, агент *Микулин*, главный механик *Вавилов*, командиры: *Гутан*, *Кригер*, помощники: *Бергель*, *Бубнов*, *Китаев*, *Шимарев*, *Круг*, механики: *Иванов*, *Дементьев*, *Кастальский*, *Архипов*, врач *Поплавский*, делопроизводитель *Власюк*.

Пбг. его высокопревосходительству Константину Петровичу Победоносцеву.

823

11 апреля 1888 г. Одесса. Капитану Кази.

Сердечно благодарю за приветствие и добрую память, дай Боже, чтобы путь, Вами проложенный, служил навсегда русскому флоту большой дорогой.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь Константин Петрович.

Простите за смелость. Но я не могу молчать: слово само собой рвется; да как и молчать, когда все наше духовенство ликует и поет после Ваших заветных слов, произнесенных при великом торжества в Киеве: «Слово суда, готовое для недостойных, умолкнет перед величием подвига, совершенного многими, неизвестно труждающимися посреди болот и лесов необъятной России в великой нужде, в холоде, в голоде, в нищете, и нередко в обиде. Миллионы этих тружеников стоят уже перед Богом молитвенниками за нас, и на их костях стоит наша церковь».

Вы, Константин Петрович, блажен муж; иного нечего сказать. Почему? Потому что за Вас молитвы и слезы по всей необъятной Руси от иерарха до причетника. Да к как не молиться за Вас? Я помню то время, когда за малоуспешность и великовозрастие будущих-то подвижников исключали из училищ и из семинарий и отдавали под красную шапку. (А служба-то была, ведь, 25 лет.) Помню горькие слова святителя великого Филарета, вырвавшиеся у него при новой какой-то, предлагавшейся графом Протасовым, крутой мере, перед той святыней в св. синоде, перед которой и Вы преклоняетесь ежедневно: Господи, да такого гонения на церковь не было даже во времена самые лютые.

А ныне тех же самых затрапезных страдников называют тружениками, молитвенниками за нас вперед Богом, держащими на своих костях Христовы церкви. И кто же называет? Высокий царский сановник, именуемый «око царев». Ведомы, стало быть, слова сии и самому царю и угодны ему.

Воистину дние лукави суть. Что было и что стало. Слава тебе, показавшему нам свет.

15 июля 1888 года и Ваши слова наше духовенство запишет на память потомству на всех углах своих домов и даже храмов божиих, и этот день будет новой эрой в истории русской православной церкви.

Да благословит Вас Господь и укрепит на многие, многие лета на страже дела, к которому он призвал Вас, а я почитаю

себя благословенным, что Господь благоизволил дожить мне до таких дней, и если еще и Вы не отрините моих задушевных слов.

Вашего высокопревосходительства имею честь быть благоговейным почитателем и покорнейшим слугой коллежский советник и кавалер ордена св. Владимира *Федор Герасимов Потаников*, сын сельского диакона.

31 августа 1888 г.

Москва, Плющиха, свой дом № 27.

825

По почте 28 марта
в собственные руки
совершенно секретно.

Представляя при сем секретную записку об угрожающем государству неминуемом разорении, а также о непринимаемых к устранению соответственных мерах против мстящих евреев и их тайных агентов, состоящих в услужении иностранных врагов России, излагая подробно как факты, так и уместные действия одного из высших государственных учреждений, не обратившего внимания на своевременные предостережения и допустившего евреям завладеть в экономическом, финансовом и даже политическом отношении, нашего государства, все это изложено на неоспоримых фактах — смею надеяться, что: составляющий в подробности эту «секретную записку» собственно для сведения Вашего высокопревосходительства, в так важном для нашего государства предмете, т. е. разорении и уничтожении могущества России, производящемся совершенно свободно недовольным еврейством, что как он, так и записка останутся в тайне перед обвиняемым здесь учреждением, так и перед историческими лицами, тем более, что все факты указаны налицо, чем и сообщаящий о грозящей опасности государству, как верноподданный престолу, от очень возможной мести как учреждения, так и еврейства будет в своей будущности пощажён.

Секретная записка, не для министерства финансов состав-

ленная, об угрожающем разорении государства евреями, завладевшими одним государственным учреждением (перевод из французского, составленный иностранным поданным).

Об организации в С.-Петербурге еврейско-германской агентуры.

С целью дискредитирования русских государственных денег и разорения в экономическом и финансовом положении России устроены в Петербурге германскими евреями еврейские агентства; при соблюдении строжайшей тайны под предлогом коммерческих сношений, агентства исполняют все полученные ими из-за границы приказания, и так например:

1) В случае какой-нибудь предвиденной войны или же передвижений к границе наших войск агентства эти должны без замедления на бирже обесценивать наш государственный кредитный рубль, продавая на срок, как, например, на май или июнь, рубль в «полтинник» и ниже.

2) В то же время их обязанностью есть посылать в различные газеты корреспонденции о «сомнительных отчетах» м-ва ф-в, что ими усердно исполняется, даже на случай опровержения со стороны сего учреждения предупреждается о существующей в государстве «бесконтрольности».

3) Им же вменяется обязанность зорко следить как за действиями, так за намерениями разных высших правительственных учреждений и обо всем немедленно сообщать условными в депешах выражениями (не понятными для телеграф. ведомств) и, смотря до обстоятельствам, устраивать, до получения распоряжений, на бирже т. н. настроение с русскими фондами «тихо», и никто из наших русских, неевреев, не знает причины.

(Конечно при таком положении вещей их нахальство дошло до такой степени, что высочайшие награды в начале сего года подвергались их критике и тоже повлияли на падение несчастного русского рубля.)

4) К этой обдуманной организации германско-еврейского агентства принадлежат и заправила частных коммерческих банков (косвенно), у них в банках никто из служащих об этой тайной организации не знает.

Эти-то сановники, опасаясь ответственности, отрекомендовали нашим друзьям заграничным соответственных лиц в агентстве. В этих-то банках еврейских, но отнюдь не русских, агенты аккредитированы, и евреи заправила получают от агентов нужные сведения для руководства, т. ч. заправила еврейских банков всегда ограждены, не имея ничего общего с устройственным тайным агентством, разоряющим нашу казну и исполняющим приказания и всевозможные затеи иностранной политики и еврейства.

Способ эксплуатации русской казны.

Дело разорения, дискредитирования, производится как будто на аукционе или при какой ликвидации. Запросы на бирже: «продаю русские государственные деньги, что даешь», ответ: «полтинник» и т. д. Аукцион продолжается от 3 $\frac{1}{2}$ до 4 $\frac{1}{2}$ часов ежедневно в здании, построенном императорской волей для блага России.

Но эти аукционы в этом зале пользуются совершенно другими привилегиями, а именно: не надо денег при оценке и покупке рубля, а просто обесценение производится незаконным образом, просто «фиктивно»: пишется на клочке бумаги: «такому-то фирма (конечно, берлинская) продает на май месяце столько-то тысяч или сотни тысяч рублей, по цене в 48 или 50 коп.» (за номинальную цену нашего государственного кредитного рубля).

Итак, под покровительством одного высшего учреждения, в громадном здании, построенном государственной волей для блага России, устанавливается обесценение государственных денег, исполняются по команде иностранные затеи, рассуждаются действия правительства, принимаются меры к обессилению государства на случай войны (об этом многократно сообщалось и остерегалось м-во ф.); в этом-то, воздвигнутом для блага России здании еврейство под защитой одного лишь учреждения находит свободное средство, оплату, отщипление за действия других высших учреждений как лично за себя, так и в угоду иностранных врагов России. Изложив подробно об агентствах и о способе эксплуатации и разорения русской казны, а также о возведенном здании для блага государства, остается еще объяснить

Об уплате за границую долгов России.

Об уплате м. ф. долгов за границую, где с нас принимают пол-империала за 5 р. 15 к., а м. ф. покупает на той же бирже таковые по 10 р., и. таким образом, сотни миллионов казна теряет, и все это вследствие действий незаконных тех же евреев, назначающих в этом еврейском законодательном здании оценку на аукционе русским государственным деньгам, обесценивая до минимума для собственных видов громадной наживы, и для затей иностранных наших доброжелателей; но этим разорением еврейство далеко не довольствуется, надо им еще комедию сыграть перед Европой, надо первому лучшему еврейчику-агенту написать, что он сомневается в государственном отчете, и отослать в любой заграничный листок, хоть возьмем «Kölnische Zeitung».

Об экстренных и неурочных отчетах м. ф.

И вдруг закипела работа в обманываемом евреями учреждении, составляется в неурочное время отчет, для кого, посылается оправдательная и опровергающая статья в «Journ. de SPbourg» для отпечатания, и вдруг все органы, как русские, так и заграничные забарабанили тревогу в Европе, как будто у нас нет государственного контроля. Итак, первому встречному еврей-агенту высшее учреждение спешит в экстренном отчете, где же тут опытность или соблюдение достоинства государства? Еврейчик, корреспондент в «Kölnische Zeitung», и не думал, что будет удостоен в присутствии Европы отчетом в неурочное время, и что кто-то на его враждебную корреспонденцию до того выйдет из себя, что и опровержение последует во всех газетах, жаль только, что и контроль ему не дал отчета своих действий, ибо он, еврей, написал о «недоступности контроля» у нас. И все это анонимно, ответ же официальный. Подобные отчеты государства, для анонимно пишущего в какой-то листок, более, чем смешны. Весь свет знает, что евреи недовольны принятием некоторых мер правительства, никто не обращает внимания на их клеветы, и вдруг они, увидав слабую сторону одного учреждения в ненавистном для них государстве, давай писать анонимно, пусть повторяется давание им отчетов: на это даже частное акционерное обще-

ство не решилось бы и не удостоило бы даже ответом, — а если бы директор частного банка вздумал ответить, то бы предварительно на это испросил мнения совета, и члены этого совета коллективно бы решились, что-де неловко, и что этим наносится урон достоинству учреждения. К счастью, евреи хозяйничают только в одном учреждении, производя в своем аукционном зале (бирже) обесценение государственных денег. Но что на это скажет высшая администрация, видя явное действие сих противных, направленное к разорению государственной казны, видя, что для пополнения дефицитов, вызванных еврейской агитацией, в отместку прибегается ежеминутно к новым налогам, находя выгодным и полезнейшим обременение десятков миллионов русского народонаселения, чем десяток евреев выгнать из здания, предназначенного императорской волей для блага России.

О налогах.

Имея фактические доказательства об этой враждебной организации, позволяя в русских газетах печатать и читать народу о *законом воспреценной игре* в этом здании, разоряющей финансы государства, не принимаются меры к искоренению этого гнусного и явного обесценения, не принимаются меры к этой загнездившейся германско-еврейской организации в столице России, щадят еврейских сановников (и вдобавок привлекают их к какому-то содействию). *Примечание:* не лишним считаю указать фамилии этих орудующих: евреи Ляский, Зак, Гольдштадт, Блиох и т. д. на хорошем счету, публика знает о их приближенности, а также, что какой-то Цион тоже еврей чинов. м. ф. V кл. и так кругом еврейство: еврейские статьи в заграничных газетах и в угоду еврейству экстренные отчеты и всевозможные оправдания, еврейство, и еврейство, в 1888 году в России, рассуждает и оценивает деньги и действия указани-ем на бесконтрольность. Не добиваются ли евреи конституции, но тогда им будет хуже: аукционный зал на Неве уничтожат и здание это останется для блага России. Ограничиваются ценой рубля, теми же евреями поставленной, и в конце концов их действия поощряются, долги за границей уплачиваются двойной стоимостью, а на пополнение вызванного еврейскими агитаторами дефицита творятся всевозможные новые и

новые налоги, которые новое снова разорение молодой промышленности России нанесут, а вместе с тем и десятой доли не пополнят нанесенной евреями потере государственной казны. Вот вкратце изложенная записка для сведения государственного совета, что делают евреи, что делают новоорганизованные агентства, как их поощряют в таком важном государственном вопросе и что будет на случай войны... и как в удовлетворение этого паразита, достигающего разными незаконными средствами разорения, вместо принятия соответственных мер, все потери и ущербы, ими произвольно наносимые, пополняются взысканием с народонаселения налогами. Это нельзя назвать экономией — это борьба слабого с сильными, пренебрегающими законом, залезшими в здание, предназначенное для блага России, переделавшими этот зал (аукционный зал оценки госуд. денег и госуд. действий) специально в какой-то аукционный зал, для обесценения государственных денег (и то никаких других), для сбора и рассуждений о действиях правительственных учреждений, и если им, или же заграничным, кое-что из этих действий не нравится, то сейчас же понижать цену государств. кредит. рубля, а если малейшие приготовления для охраны края делаются, то за границу дается сигнал к совершенному обесценению денег и ставит наше государство в самое удручающее и безвыходное положение. Эта-то идея и эти формально организованные агентства происходят от железного... Он же, зная недовольство евреев, устроил совокупно с недовольными германскими евреями совершенно разоряющее Россию общество, зная бессилие одного учреждения и зная об ловкости евреев в обходе законов, торжествует своей выдумкой и планом; даже еврейчик-агент торжествует, видя, что ради его анонимной клеветы, составленной из нечего делать для какой-то газеты, доводит до неслыханного в истории представления какого-то не в урочное время министерского отчета и оправдывания в официальной газете «*Journal de S.-P.-bourg*» неприятные сведения, но не сплетни, а факты.

Иностранец.

826

Справка.

Головацкая, София Яковлевна, 26 лет, дочь действительного статского советника, окончила курс в Смольном институте, слушала лекции на курсах профессора Герье и состояла учительницей городской школы.

В 1886—1887 годах Головацкая, в числе других двадцати лиц, привлекалась в качестве обвиняемой к дознанию по делу о преступном кружке и тайной типографии, обнаруженных в Москве.

Ввиду полученных указаний на знакомство Головацкой с одним из главных руководителей московского революционного кружка, студентом московского университета, Мовшею Гоцем у нее был произведен обыск, при котором были найдены преступные издания, списки революционных сочинений, программы, билеты на музыкальный вечер и лотерею, устраивавшиеся с целью сбора пожертвований на революционное дело, и фотографические портреты известного революционного деятеля Петра Лаврова.

По высочайшему повелению, последовавшему 16 декабря 1887 года, дознание по этому делу разрешено административным порядком, причем обвиняемая Головацкая подвергнута одиночному тюремному заключению сроком на один год. Независимо сего, по распоряжению министерства внутренних дел, Головацкой, ввиду политической ее неблагонадежности, воспрещено, на основании 1—16 ст. положения о государственной охране, пребывание в университетских городах.

Во исполнение вышеизложенного высочайшего повеления Софья Головацкая ныне заключена под стражу в Виленский тюремный замок.

20 февраля 1888 года.

827

Получ. 19 марта 1888 г.

Несколько дней тому назад приехал из Лондона в Париж апостол и секретарь Василия Александровича Пашкова. Он мне передал так: в России скоро падет религия и рассыплется в

мелкие дребезги, потому что в Киево-Печерской лавре мощи все будут раскрыты, потому окажется: они делают фальшивые деньги, редкая гробница будет без машин и фальшивых бумаг. Нет, уже время привести этот шаг в исполнение, довольно морочили и надували народ мошенники, духовенство и монахи, наши агенты хорошо подготовили к тому народ, и вот-то будет хорошо и смех: у кого из мощей окажется деревянная голова, у кого деревянные ноги, а в которой гробнице и целая деревяшка, а потом возьмутся за образа, мы им докажем, какие чудотворные иконы, они ничего не соблюдают по святому писанию, и как говорит апостол Павел и пророк Исаия, что: не делай себе из досок кумира и не поклоняйся никаким изображениям, то есть ложным богам, а поклоняйся одному Богу, который есть на небесах, в духе истине. Как только раскроется этот обман, тогда берегись все духовенство, архиереи и митрополиты, весь святейший синод и сам царь, который допускал подобный обман и мошенничество, чтобы грабить и обирать народ, не довольно грабят его и обирают повинностями государственными, а тут еще духовное мошенничество обирает его до последней копейки своим мошенническим обманом. Нет, уж если Пашков взялся за это дело, он его сделает хорошо, уже 6000 экземпляров книг отослал в Россию для раздачи мужикам, чтобы они читали и поняли, как нужно поклоняться Господу. Если наше дело к Пасхе удастся, то это такая в России разразится революция, которой в целом свете никогда не было, а главное в это время убить нашего злейшего врага секретаря Победоносцева. Через него Пашков не может жить в России, а что это верно исполнится я могу Вам подтвердить чем угодно. Когда я прочел несколько страниц из книги, им сочиненной, то вполне убедился, что это простому народу понравится, но так как я православный и верующий в святые иконы и мощи, я пишу Вам, чтобы Вы вовремя приняли меры и не допустили до поругания святыни и чтобы иностранные державы не смеялись бы над нами, русскими. Но я вполне уверен, что Вы, прочтя мое письмо, оставите без всякого внимания и приметесь за дело тогда, когда все исполнится на деле, но уж тогда будет поздно. Русское правительство, такое премилое и разумное, оно тогда хватается за дело, когда гроза на носу, все уповает на «авось» и думает: ах, это игра воображения.

Я Вам разьясню, кто Пашкова главный апостол и секретарь, чтобы Вы убедились. Имя ему Василий Андреевич Буров, который в Ростове на Д. развращал народ и в Таганроге в окружном суде был судим с присяжными заседателями, осужден был пожизненно в ссылку в Сибирь и удрал из острога в Таганроге, а теперь живет вместе с Пашковым в Лондоне, поедет в Болгарию и Сербию возмущать также народ, а друзья его: колькортер библейского общества Миллер и какой-то Колупаев, который брал его на поруки, когда он сидел, сейчас живут в Ростове на Д. и мутят тоже народ и также раздают книжечки Пашкова и Бунова сочинения; если возмутят казаков, о, горе Вам будет. Большинство казаков уже на их стороне.

828

Ответ очень хорош.

Ваше императорское величество изволили переслать ко мне из Дании полученный Вами известный адрес евангелического союза.

Можно бы оставить его и вовсе без ответа, но я считал бы небесполезным отвечать им от своего имени, послав им французский перевод моей переписки со швейцарскими пасторами.

Прежде чем привести это в исполнение, долгом почитаю представить вашему величеству проект письма моего в русском тексте. Присоединяю к нему, для справки, и прежнюю переписку.

18 ноября 1887 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

829

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Премного благодарю Вас за письма. В высшей степени интересно и поучительно. А знаете ли, что немало из наших с Вами православных соотечественников лжемудрствуют в одинаковой с Naville et С-іе мере и трубят *здесь* про варварское гонение, воздвигнутое-де правительством на лютеранскую веру в Балтийском крае. Письменные ответы Ваши глубоко утеша-

ли бы покойного, преосвященного Филарета (Рижского-Черниговского), столько пострадавшего в Риге от (sol disant) *православных* генерал-губернаторов.

Вам душевно преданный

15-го февраля.

Гр. Павел Строганов.

830

Весьма секретно.

По-видимому, прилагаемое письмо относится до официального, посланного мною Вам сегодня. По прочтении потрудитесь мне возвратить. Что это за «Мелладон», о котором в нем говорится, и какая это статья. Не догадаетесь ли?

23 февраля 1888 г.

Искренно преданный

Д. Толстой.

831

Весьма признателен Вам, многоуважаемый Константин Петрович, за истинное удовольствие, доставленное мне чтением Вашего прекрасного ответа евангелическому союзу, который гораздо более содержателен, чем прошение этих господ, вышедшее, очевидно, из известного нам источника. Особенно рельефно в ответе различие между религиею и пропагандою и политическая ее подкладка, а также значение России между востоком и западом, и то, чем обязан ей запад в религиозном отношении. Очень наставительно было бы напечатать как прошение, так и Ваш на него ответ, во всеобщее сведение; бороться нужно одинаковым оружием, а эти культуртрегеры постоянно пользуются печатью.

21 ноября 1887 г.

Искренно преданный

Д. Толстой.

832

Приветствую ответ. В самом деле: знать, что все то время, когда люди Запада распространяют всяческую клевету, статьи, подобные Вашим, не видят света божия.

Я уверен, что истинные искатели религиозной истины отдали бы им справедливость.

Душевно преданный

21 ноября.

И. Делянов.

833

Его высокопревосходительству
члену государственного совета, сенатору и действительному
тайному советнику Константину Петровичу Победоносцеву,
господину обер-прокурору святейшего правительствующего
синода.

Настоятеля императорской посольской
Успенской в Лондоне церкви, протоиерея
Евгения Смирнова.
Почтительнейший рапорт.

Ваше высокопревосходительство.

Считаю своим долгом почтительнейше принести вашему высокопревосходительству искреннюю и сердечную признательность за высланные вашим высокопревосходительством на мое имя книги. Получил их только вчера вечером, когда мне случайно пришлось быть в канцелярии здешнего посольства. Вчера же вечером один экземпляр брошюр по приказанию вашего высокопревосходительства был передан мною Ольге Алексеевне Новиковой. Принося искреннюю благодарность Вашему высокопревосходительству, она выразила желание по поводу брошюр Вашего высокопревосходительства составить статью для *Pall Mall Gazette*. Не могу не выразить здесь изумления по поводу того, как Ваше высокопревосходительство успеваете находить время для многообразных трудов. Ответ Вашего высокопревосходительства евангелическому союзу в полном смысле слова должен быть назван блестящим. Евангелическому союзу давно надлежало дать веский урок за его вмешательство во внутренние дела России. На Фридрихсгафенской аудиенции светлейший князь Горчаков отказался принять адреса сочленов евангелического союза, но он был не в силах выразить мощное слово святой Руси на посягательства протестантствующего запада. Слово это раздалось ныне из уст Вашего высокопревосходительства. Вся Русь святая, от одного

края ее до другого, опознает в сем свое родное и дорогое ей слово. Да хранит и благословит Вас Господь за это русское слово.

С искренним почтением, совершенную преданностью
и сердечную благодарностию, честь имею быть
вашего высокопревосходительства

Лондон,
№ 5.

всенижайшим слугою

протоиерей *Евгений Смирнов.*

февраля, 18 дня,
1888 г.

834

6 марта, 1888 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович, сердце или не сердце, а я все-таки пишу, сгораемый желанием побеседовать и поблагодарить. Тысячу раз спасибо за письмо Э. Навиллю. Домашних Навиллей у нас много. И числом, и зловредностью они гораздо опаснее иностранного контингента. Запад — страна специальностей, определенной материи, определенного объема. Все это отсутствует у нас, а потому мы — страна универсальных средств. Наш диагноз обращен на лекарства, а не на болезни. Отличаем лекарства, но не определяем больного организма. У нас всегда готова панацея по готовому рецепту. Поэтому мы теряемся, конфузимся перед нечаянностью, внезапностью нападения, идущего с Запада. Твое письмо устраняет эти печальные размышления. Письмо достойное русского парнаса. Оно составит эпоху в литературе, созданной нашими перебежчиками-аббатами *le peres Gagarin et Martinoff*. Оказывается, что мы готовы для обороны. Но этого мало. Жизнь, как финансовое предприятие, состоит из двух паев: обороны и атаки. То и другое в политическом отношении имеет одинаковое значение. Исторический очерк твоего письма — это чудо ясности и точности — от Урала до Карпат. *Les distances c'est le plus grand fléau de la Russie*, говорил император Николай. Знание, это тоже своего рода fléau, содействующее нашему питанию, без него мы рисковали бы умереть с голоду. Знание открывает новые горизонты с новыми наблюдениями и соображениями. Оно необходимо при атаке, помогая наступатель-

ному движению. Оно определяет роли и меру ответственности. Знание исцеляет от язвы равнодушия и индифферентизма. От них до мусульманского фатализма всего один шаг. Этими прискорбными явлениями объясняется потеря церковью своего соборного начала. Наш долг, долг сыновней любви и преданности вернуть ей ее дорогое достояние. Что другое отличает нас от католиков, как не соборное начало? У них — папа, а у нас — собор. Ты уже действуешь в этом смысле. Наш дорогой и возлюбленный государь наименовал тебя сберегателем достоинства церкви. Устами государя провозглашается великий принцип: «*l'egise libre dans l'etat libre*».

Перехожу теперь к личному вопросу, побудившему меня обратиться к тебе с настоящим письмом.

Воспоминания мои приучили меня считать тебя моим другом, товарищем и учителем. Кроме тебя, такими же отношениями связан я с Д.А. Равинским и с личностью моего покойного брата Георгия. Вы все втроем для меня составляете тот мыслимый духовный триумвират, который управляет моими трудами и заботами и моим стремлением к намеченным целям. Еще раз благодарю за удовольствие и утешение, доставленное чтением твоего письма. Глубоко сожалею, что не видал тебя на Кавказе в твой приезд. Не постигаю, как это могло случиться.

Тифлис.

Вознесенская, 35.

Душевно преданный твой

Михаил Багратион-Мухранский.

Я прислал через Манасеина брошюру-биографию моего другого брата, кн. Ивана Константиновича. Это было года два или три тому назад. Рекомендую как вещь, определяющую мою литературную физиономию. Здешняя семинария не оставляет желать ничего лучшего, как прилежание и поведение. Золотые твои слова воздействовали, слова на тему «*еще-же соль обуюет*»...

835

Ваше высокопревосходительство,

глубоко чтимый Константин Петрович.

Пишу Вам под самым светлым впечатлением от Вашего

письма к президенту швейцарского евангелического союза — пишу потому, что не могу удержать себя, чтобы не писать. Не помню, читал ли я что-нибудь подобное во всю мою жизнь. Я слышу голос какого-то вдохновенного пророка, верховного учителя, возвышающегося над толпою премудрых и разумных века сего. Сколько самой честной, истинно святой правды. Какая глубина премудрости и разума. Какое могучее воодушевленное слово за православную веру, за родной народ, за царство, для которого православная церковь была защитительною силою в течение целых девяти веков. О, да устыдятся и посрамятся врази наши. Не понимают они величаемого великодушия и терпеливого мужества России, они не знают ни духа, ни благостного сердца ее. Домогаются свободы во имя веры во Христа, но забывают, что, по учению его, только истина делает человека свободным.

Да сохранил Вас, мужа истины, правды и чести, милосердый Господь на многие и многие лета, на благо св. церкви и родной земли.

Всею душой, всем сердцем преданный Вам

17 февраля 1888 г.

Ив. Палимсестов.

Готовлю третье издание «За истину и правду». Приходится к 10 000 экз., уже назад тому четыре года разошедшимся, прибавить еще 2400. Выручку, если Бог пошлет ее, назначаю на пользу миссионерского общества.

В февральской книжке «Прав. Об.» будет напечатана (так по крайней мере обещали) довольно пространная статья от бывшего церковного старосты, т. е. от моего убожества, — статья на поддельные церковные свечи и масло. Статья написана по поводу появившихся сведений по этому предмету в «Церк. Вед.». Мало кто так говорил по столь важному вопросу, как мое старческое убожество, не лишенное некоторой опытности. Не худо было бы перепечатать мое писание в «Ц. В.», но едва ли то будет возможно. И жгучая речь, и новизна взгляда не всем понравятся.

836

Москва, Петровка, дом Самарина, 23 февраля 1888 г.

Многоуважаемый Константин Петрович, сильная простуда, а потом временный переезд в Москву (который, хотя и краткий, но, при состоянии моего здоровья, сопряжен с великим утомлением) — помешали мне немедленно благодарить Вас за память, выраженную присылкой оттисков Вашей знаменательной переписки с членами евангелического союза.

Трудно было Вам ответить твердым словом, не имея возможности исчерпать мысль до конца. Ведь, им там хорошо известно, что у нас все пользуются свободой совести и вероисповедания — за исключением православных и наших же сектантов. Пришлось лавировать, а это всего труднее. Помогите Вам Бог и в будущем на трудном служебном поприще твердым словом выражать волю царя. Трудное переживается время, не говоря уже о мрачном горизонте политическом. И в сфере Вашей деятельности непосредственной — сколько жгучих вопросов.

От души желаю Вам бодрости духа, терпения и твердости для продолжения жизненной борьбы. Помогите Вам Бог.

Гр. М. Соллогуб.

837

Милостивый государь, Константин Петрович.

Если бы я была в Петрограде, то по прочтении славного, дельного, доказательного письма Вашего высокопревосходительства к Эдуарду Навиллю полетела бы на Литейную № 64 и, несмотря ни на какие уверения и представления швейцара, ни на какие другие преграды и препоны, влетела бы в Ваш кабинет и разлобызала бы десницу, начертавшую славные, памятные, бессмертные строки...

Да благословит Вас Господь и да продлит на многие-многие лета славную, дельную, полезную, плодотворную жизнь Вашу, посвященную всецело на пользу и славу святой Руси, а с ней и всего славянства и во хвалу святой православной церкви и веры нашей, питающей исповедующие ее народы здоровою, чистою духовною пищею, чуждою мирских приправ, отуманивающих ум и отравляющих душу.

С каким спокойствием, достоинством и благородством опровергли Вы лживые доктрины христианских фарисеев и выставили в настоящем свете все их хитростные инсинуации.

С каким умением и глубоким знанием дела выставили Вы на вид в смысле историческом, и политическом, философском и религиозном весь тысячелетний быт великого нашего и святого отечества, все его многострадальное и вместе с тем славное, величавое прошлое, настоящее и озаренное лучами веры, надежды и любви — будущее... Письмо Ваше пролило свет истины на весь отуманенный запад и наполнило восторженными чувствами сердца всех истинных сынов Руси и славянства. Дай Бог нашему великому мудрому, любвеобильному батюшке-царю поболее таких честных, дельных, нелицемерных и ревностных советников — как Вы, наш глубочтимый и безгранично любимый отец-брат-народолюбец.

Простите за дерзость, порожденную неограниченною верою в Ваше великодушие,

Варшава.

всецело Вам преданной

22 февраля 1888 г.

С. Левицкой-Леонтьевой.

838

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

Величайшим народным поэтом и писателем считается тот, кто в своих произведениях отчетливо и художественно выражает скорби, радости и упования соотечественников.

Я затрудняюсь, к какому разряду причислить автора письма к Эдуарду Навиллю, напечатанного в № 38 газеты «Свет», но едва ли я читал в течение своей долгой жизни что-либо лучшее, так возвышающее русское сердце и разум, чем то письмо.

Гордая Европа, особенно Австрия и Германия с соседями, на костях и крови славян и русских воздвигли свои памятники, храмы, дворцы, музеи, библиотеки, мануфактуры. Без России не было бы у них так рано ни университетов, ни собрания сокровищ; азиатцы, устремившиеся через наши земли на богатый запад, разрушили бы их и разграбили пап и жителей.

И немцы, лишенные памяти сердца, позволяют еще себе считать нас варварами, опасными для цивилизации, угрожать

разделом той самой России, которая была в течение многих веков оберегательницею их от завоеваний турок, татар и Наполеона I. Только русские способны спасти жизнь, честь, достояние более себя богатых иноверцев, не чваниться этим и даже забывать и обиды, и долги.

Письмо Ваше так прекрасно, что я просил Черниговского губернатора перепечатать в губернских ведомостях, но он уже ранее меня решил сделать это.

В моей памяти воскресли лучшие страницы нашей истории, я ожил, окреп духом и считаю себя, подобно древним грекам, счастливым, что родился и воспитался не пруссаком и католиком, а русским и православным, и этим одушевлением обязан Вашему высокопревосходительству.

Примите ж и от меня, Константин Петрович, выражение искренней благодарности за печатное вразумление гордых иноверцев над нашим привычным смирением, и примите меня в ряды сочувствующих Вам, но выражающих лучше меня впечатления от чтения акта святой правды и глубокого содержания.

С беспредельною преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства

усерднейшим слугою

22 февраля
1888 г. Чернигов.

Иван Гаврушкевич.
Старинный пенсионер.

839

Милостивейший Константин Петрович.

Мои последние два письма от 19 и 20 февраля послужили уже ответом на полученное мною вчера вечером вопрошение Ваше: возвратилась ли я в обитель.

С восторгом читается и перечитывается всеми Ваш ответ президенту евангелического союза. Он поражает спокойствием тона в изложении, возвышенностью мыслей, глубоким пониманием исторических судеб православия и Аданантовою твердостью, пред которой невольно должны склониться лукавые в своем высокомерии враги православия. Ваше письмо, или, правильнее сказать, этот акт государственной мудрости, наэлектризовал патриотическим чувством все слои Костромского общества, возбу-

дил один из тех подъемов народного русского духа, которые напоминают времена Пожарского, Отечественной войны и последней Восточной. Письмо читается, перечитывается и в кабинетах, и в клубах, и на улицах, и на площадях, как будто известие об одержанной победе. Каждый в отдельности и все в совокупности как будто выросли сами пред собой, восчувствовали доверие к благодатной силе православия и к мощной силе православного народа русского. Зато *очень* насупились костромские поляки, с Кукелем во главе, и наша костромская немчура, и наши костромские еврейшки.

У них лица — как во время бури, носящейся и угрожающей бедствием.

От многих слышала я выражения желания (мною сильно испытываемого), чтобы письмо президента евангелического союза и ответ на него были отпечатаны отдельными листками и раздавались народу при церквях и в других удобных местах. Подобные акты должны быть записаны не только в истории, но и в сердцах народа. Ничто так не возвышает религиозный дух народа, как уверенность его в том, что русский царь есть поистине державный охранитель православия.

Главное управление выдало нам заимообразно еще 5 т. р., и я надеюсь, при помощи божией, вполне восстановить все пострадавшее по санитарному учреждению во время пожара.

Преданнейшая, благодарная Вам и усердно молящаяся о Вас

22 февраля 88 г.

И. Мария.

На самом кончике позволяю себе напомнить Вам, милостивец, о Ширском и о перемещении его на лучшее место. *Ручаюсь* Вам, что он оправдает такую к нему милость Вашу.

840

Частное.

Париж, 22 февраля 1888.
5 марта.

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Хотя я полагаю, что Вы мнением моим не слишком дорожите, да вообще личность мою не особо жалуете, не могу воздержаться от выражения восторга и душевного наслажде-

ния, с которыми я прочел прелестное ответное письмо Ваше г-ну Э. Навиллю.

Это более чем письмо, это настоящий монумент, воздвигнутый Вами православию и народному делу. Пресловутый прелат и депутат Геррел восторженно выразился вчера насчет оногo. Коли иностранцы и фанатики-иноверцы так оценивают Ваш подвиг, то всякий русский и православный должен благодарить Бога за то, что он Вас так мощно вдохновил.

«J. de S. Ptbrg» дал весьма хороший перевод Вашего письма. Хотя уволенный от возложенного на меня особого (и еще более неприятного) поручения, я постараюсь, чтобы некоторые французские журналы воспроизвели это письмо. Но, что весьма желательно, это чтобы наши посланники в Греции и Сербии позаботились о переводе и о разглашении оногo.

Более чем когда-нибудь желательно, чтобы наши единоверцы на востоке знали и помнили, что Россия — главная поборница православия и что наш государь бдительно и усердно охраняет святую церковь.

Душевно Вам преданный

Константин Катакази.

841

Ваше высокопревосходительство, достопочтеннейший г-н обер-прокурор св. синода.

Прочитав в «Прибавлениях к № 1 Церковных Ведомостей св. синода» Вашу отповедь на адрес евангелического союза, я пришел в такой восторг, что не мог удержаться, чтобы не выразить своего чувства пред Вами письменно. Какая широта взгляда. Какая убедительность доводов, какое умение пользоваться свидетельствами общепризнанной истории. Какое резкое выставление превосходства православия. И все это облечено каким достойным, покойным и благородным слогом. Просто восхищение. Я несколько раз прочитывал статью и один, и в обществе с друзьями, и всякий раз торжествовал в душе, равно и соучаствовавшие были в восхищении. Пускай теперь Европа знает, что такое православие. Хвала и честь Вашему высокопревосходительству как достойнейшему представителю и защитнику нашей святой веры.

Прошу Ваше в.-превосходительство не принять сей отзыв за какую-нибудь льстивую похвалу Вам, но просто за невольное выражение того религиозно-патрио-удовлетворения, какое произведено в моей душе чтением Вашего превосходного ответа.

Да, Европа до сих пор не сознает всего значения и достоинства православия и считает его малопригодным наследием от старого времени, хотя и не раз испытала благотворное влияние его на ее судьбы, как Вы то отлично выяснили в Вашем ответе. Что ж остается делать? Я и прежде выразил по этому поводу свою мысль неоднократно в нашей «Вере и Раз.» и теперь выражу ее перед Вашим в.-превосходительством: надобно основать в сердце Германии — в Берлине или в Дрездене — журнал, который бы поставил себе целью не осуждать и порицать инославные исповедания (Бог с ними, не будем их дразнить), а разяснять сущность православия и отражать делаемые на него нападки. Один такой журнал мы уже имеем на французском языке — *L'union chretienne*; пускай будет другой подобный на немецком, и тогда вера наша будет защищена, что называется, «и десными и шуими». А редакторов и сотрудников искать нет нужды: каждый священник при посольствах в Германии есть академик, человек ученый, способный взять на себя редакторство. Пускай только св. синод назначит способнейшего из них редактором, а остальных пригласит к сотрудничеству, да и из России могут быть в подобный журнал приличные вкладчики, напр. от таких личностей, каковы г-н Тернер или бывший редактор «Радути». При помощи такого светильника православие наше выяснится пред глазами предубежденных тевтонов во всей древнехристианской чистоте и верности евангелию.

Но если какое исповедание вызывает с нашей стороны усиленную борьбу, так это католицизм, устроивший лагерь и арену для своих враждебных действий против православия в наших западных областях. Весьма важно свидетельство, данное Вами как обер-прокурором св. синода в «ответном письме» на адрес, что «мы доселе не знаем в тех областях и в целой России католичества, чуждого духа вражды к ней и старания оторвать от нее искомые ее западные области». Это дает мне повод возобновить перед Вашим в.-превосходительством мою прежнюю просьбу о распространении моей «Антиэнциклики» по запад-

ным епархиям, так как ее остается у меня еще на руках экз. до 600. Я полагал бы всего лучше разослать по тамошним семинариям, назначив в каждую экземпляров по 100, с указанием, чтобы начальство раздавало их по своему усмотрению своим воспитанникам: или в виде напутствия — оканчивающим курс, или в виде награды — отличающимся, или в виде праздничного дара — при чествовании памяти св. Кирилла и Мефодия. Цену я бы назначил ту самую, на которую соизволил и прежде св. синод, т. е. 50 к. за экземпляр с пересылкою на счет синода. Покорнейше прошу, Ваше в.-превосходительство, не отказать мне в этом новом благодеянии, согласном с Вашими отношениями к церкви и православию.

Позволяю себе приложить в оттиске и два моих стихотворения, которые, надеюсь, найдете не противными Вашему патриотическому духу.

Честь имею быть

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Ив. Платонов.

1888 г.

Февраля 25. Харьков.

1889

842

Прошу Вас очень, любезный Константин Петрович, составить ответ кн. Долгорукову, так как на этот раз ответ выходит из ряда обыкновенных формальных ответов.

1 янв. 1889.

А.

843

6 янв. 1889.

Ознакомившись подробно с этим прискорбным делом, я тоже не нахожу ничего преступного или необыкновенного. — Конечно, будь наши монастыри более удовлетворительно обставлены в медицинской помощи и монахи не столь необразованные и только из простого звания,

подобный прискорбный случай был бы предупрежден. — Это просто самое несчастное стечение обстоятельств для бедной кн. Львовой.

А.

844

Получите от Танеева 1000 р. для братства в Владикавказе.

15 янв. 1889.

А.

Пбрг.

845

Я прочел Ваше письмо и могу сказать, что вполне разделяю Ваше мнение. — Об этом тоже говорил мне Рихтер, который тоже очень опасается суда. — Когда журнал госуд. совета будет прислан ко мне, я Вам назначу время, чтобы обсудить этот вопрос совместно с мин. юстиции и Половцовым, а может быть, и мин. путей сообщения.

15 апр. 1889 г.

А.

846

Гатчина.

28 Апр. 1889.

Я Вам очень благодарен за Ваше письмо и счастлив передать Вам, что мы сошлись совершенно в выборе личности для замещения гр. Толстого. — Еще до кончины Д. А. меня мучил этот вопрос величайшей важности, и я решил остановиться на Дурново. — Я ему даже назначил завтра час свидания для переговоров. — Потеря гр. Толстого для меня страшный удар, и я глубоко скорблю и расстроен.

А.

847

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, составьте мне проект рескрипта И.Н. Дурново с назначением его не управл., а министром внутр. дел, что я желаю сделать к 6 Маю. — В рескрипте сказать, что я надеюсь, что он поведет дела в том же духе и направлении, как вел министерство гр. Толстой, и в смысле моего манифеста 29 Апр. 1881 г. —

Мне кажется это необходимым, так как начинаются уже толки и шатания мыслей, а надо положить конец этому и поставить дело определенно и бесповоротно.

4 мая 1889 г.

А.

848

Я и жена от души благодарим Вас за Ваши чувства и душевное поздравление, которые, я знаю, идут от сердца и искренних побуждений.

Очень благодарен за проект ответа, который вполне отвечает настоящему событию.

Я не смел сегодня тревожить Ваше величество и государыню императрицу личным своим поздравлением, но Вы знаете, что оно неслось к Вам, вместе с молитвой к Богу за Вас, на самой черте нового года. Прошлый год отмечен для Вас и для всей России печатью неизгладимой, и память его перейдет из рода в род. Доставит он навсегда светлую черту в Вашей жизни. И светом его да озаряется навсегда предстоящий Вам великий труд. А сколько проявилось чувства в народе, невозможно и выразить — нам видимы эти проявления ежедневной будничной жизни, особливо в храмах, где оно выражается так тихо, так просто, но и так торжественно и трогательно.

Благослови Боже Вас и всех нас в настоящий год. Из записки Вашего величества заключаю, что Вам угодно послать кн. Долгорукову ответ выразительный. Имею честь представить проект на благоусмотрение Ваше.

1 января 1889 года.

Константин Победоносцев.

849

Кн. Влад. Андреев.

Принесенное Вами от лица Москвы поздравление было особенно благоприятно нашему сердцу на исходе достопамятного года, ознаменованного явлением великой милости Божией.

Богу угодно было, чтоб в ужасе от угрожавшей нам гибели и в радости о спасении нашем открылись перед нами и перед целым миром те чувства безграничной любви народной и преданности, которые составляют силу России, воодушевляя царя и народ на трудные подвиги и служение.

Вступая в новый год с обновленною верой в действие промысла божия над нами и над возлюбленным нашим отечеством, молю Бога: да управит судьбы наши и действия наши к славе и к благу России.

850

От двора его императорского величества объявляется: Господам статс-дамам, камер-фрейлине, гофмейстерам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и всем ко двору приезду имеющим.

Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: в будущее воскресенье, 1-го числа января 1889 года, в день наступающего Нового Года и празднования рождения его императорского высочества великого князя Алексея Александровича, иметь проезд в Зимний его императорского величества дворец, к божественной литургии и для принесения поздравлений их императорским величествам и их императорским высочествам, знатным обою пола особам, гвардии, армии и флота генералам, штаб- и обер-офицерам, губернскому и уездным предводителям дворянства петербургской губернии, господам чужестранным послам и посланникам, также с.-петербургскому городскому голове, российскому и иностранному почетному купечеству, и прибыть: российским в 11, а чужестранным послам и посланникам в 12 часов дня. Дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме; собираться же особам, имеющим вход за кавалергардов, — в концертном зале, военным генералам, штаб- и обер-офицерам —

в николаевском зале и аванзале, чужестранным послам и посланникам — в зале Петра Великого, городским дамам и гражданским чинам — в гербовом зале, городскому голове и купечеству — в фельдмаршальском зале.

Кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозванного имеют на себе цепь сего ордена.

27 декабря 1888 года.

Камер-фурьер *Леонтьев*.

851

Москва, 3 января.

Высочайший рескрипт, данный на имя московского генерал-губернатора.

Князь Владимир Андреевич. Принесенное Вами от лица Москвы поздравление было особенно благоприятно нашему сердцу на исходе достопамятного года, ознаменованного явлением великой милости Божией.

Богу угодно было, чтобы в ужасе от угрожавшей нам гибели и в радости о спасении нашем открылись пред нами и пред целым светом те чувства безграничной любви народной и преданности, которые составляют силу России, воодушевляя и царя, и народ на труды и подвиги власти и служения. Вступая в новый год с обновленною верой в действие промысла божия над нами и над возлюбленным отечеством, молю Бога: да управит судьбы наши и действия наши к славе своей и ко благу России.

Пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный. На подлинном собственною его императорского величества рукою написано:

2 января 1889 г.

«*Александр*».

С.-Петербург.

852

Я все-таки думаю, что этот пройдоха Ашинов всех надует, оберет и бросит, что он уже не раз делал. Французы, мы знаем, не желают их пустить в Обок, и вряд ли что выйдет из всей этой экспедиции. —

Почитаю не лишним представить Вашему величеству сейчас полученное письмо от Ашинова. Долгом почитаю присо-
вокупить, что с моей стороны никогда не было оказываемо
Ашинову ни одобрения, ни покровительства, так как он не
внушал мне доверия; что принимал я его здесь у себя только
однажды, года два тому назад, когда он ко мне явился, и что
на многочисленные письма, с коими он ко мне обращался и
обращается, никаких ответов не давал ему.

12 января 1889 г.

Константин Победоносцев.

853

Я очень ей благодарен за эту книгу.

Княгиня Мария Александровна Мещерская, урожд. гр. Па-
нина (жена бывшего попечителя московск. учеб. округа князя
П.П. Мещерского) просит представить Вашему величеству все-
подданнейше подносимый изданный ею первый том исто-
рических документов для биографии деда ее графа Никиты
Петр. Панина.

19 января 1889 г.

Константин Победоносцев.

854

Этот вопрос я еще окончательно не решил, но хотел
видеть на опыте, что будет без генерал-губернатора.

Позволю себе представить вниманию Вашего императорс-
кого величества записку почтенного професс. Романовича-Сла-
ватинского по жгучему вопросу о киевском генерал-губерна-
торстве, продолжающему волновать все местное русское и
православное население.

2 февраля 1889 г.

Константин Победоносцев.

855

Нужно ли вернуть ей копию или могу оставить у себя. —

Княгиня М. А. Мещерская, урожд. граф. Панина, заботясь
о восстановлении памяти деда своего, собирает и печатает
документы, относящиеся до жизни его и деятельности. Неко-

торые из имеющихся у нее писем и бумаг таковы, что предавать их гласности неудобно. В том числе есть письмо графа Панина, в котором он оправдывает себя перед императрицею Мариею Федоровною от взведенного на него тяжкого подозрения. Это письмо княгиня Мещерская, дорожа памятью деда, желала бы сделать известным Вашему величеству, и с этой целью передала мне копию с него, ею переписанную.

2 марта 1889 года.

Константин Победоносцев.

856

Могу его принять в четверг в 12 ч.

Сенатор Ровинский, коего труды и издания отчасти уже известны Вашему величеству, давно уже готовит обширное, в 4 томах, издание: полный словарь всех русских исторических портретов, со множеством фотографий в тексте. Несколько лет тому назад я представлял Вам несколько образцов фотографий. Еще в прошлом году у него готовы были 3 тома, и я выпрашивал их у него, зная, как Ваше величество интересуетесь изданиями этого рода. Но он решился упорно не выпускать из рук ни одного тома, пока не приведено будет к концу все издание.

Теперь на днях лишь оно закончено, и у Ровинского готов уже полный экземпляр, для поднесения Вашему величеству.

Представить его он, конечно, желал бы лично, причём Вашему величеству может быть желательно будет расспросить его о подробностях.

Посему, не благоугодно ли будет назначить день и час, когда Ровинский может явиться в Гатчину с своими книгами. Я не сомневаюсь, что это его издание представит немаловажный интерес и будет в своем роде единственным. В настоящую минуту он уже готовит другое собрание eau-forte Рембрандта, коих у него коллекция едва ли не лучшая в Европе. Новый способ дал ему возможность получить оттиски, которые почти не отличишь от оригинала, и таких рисунков будет в издании до 600.

19 марта 1889 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

857

Можно ли поручить Ровинскому купить для меня этот портрет; ему Lincke уступит дешевле, чем мне, а прислать он может через наше посольство.

Почитаю не лишним представить Вашему величеству, на всякий случай, выписку из письма, полученного мною вчера из Берлина от Ровинского.

«Вчера я видел у антиквария Lincke (Simeonstr. 27) чрезвычайно замечательный портрет Екатерины II, писанный Гротом масляными красками. Он отлично сохранен и только переклеен на другой холст и покрыт лаком здешним реставратором.

Гравюра с него сделана в 1748 году Штенглином и воспроизведена в моем словаре под № 2; я слышал ее с оригиналом — она сделана с него точь-в-точь, до мельчайших подробностей.

Линке просит за портрет 3000 марок (900 р.) и еще уступает с этой цены 10—20%. Здешнее посольство предлагало ему отправить оригинал в Петербург за его счет и страх, но он на это не согласился и требует, чтобы посольство отправило портрет от себя и под свою ответственность. Если бы я собирал оригинальные русские портреты, то ни минуты не задумался бы купить его».

12 апреля 1889 г.

Константин Победоносцев.

858

Я Вам буду очень благодарен, если вы выпишете портрет через Шувалова или Кудрявцева. Лишь бы Линке не запросил больше, чем с Ровинского.

А.

К сожалению, я не имею возможности исполнить волю Вашего величества во всей точности. Ровинский писал мне от 8 Апреля что он на другой день выезжает из Берлина в Дрезден и потом далее в Вену, а адреса его я не знаю.

Думаю, однако же, что если Ровинскому объявлена была цена 900 марок за портрет, то за эту сумму можно и теперь приобрести его. И потому я хотел было написать об этом от себя графу Шувалову, но удержался, подумав, что это может

быть не согласно с желанием Вашего величества. Мог бы я устроить это и чрез посредство консула Кудрявцева, которого знаю. Но во всяком случае буду еще ожидать на то разрешения Вашего величества.

13 апреля 1889 г.

Константин Победоносцев.

859

Очень благодарен.

По известному делу о портрете императрицы Екатерины II получена мною сегодня из Берлина от Кудрявцева телеграмма: «Acquisition faite. Selon instruction sera expédiée prochainement».

19 апреля 1889.

К. Победоносцев.

860

Очень благодарен Вам за все Ваши хлопоты и прошу передать Кудрявцеву мою благодарность за столь быстрое и успешное приобретение портрета, который в самом деле очень интересен и прекрасной живописи. — Я очень рад, что решился купить этот портрет.

Сегодня, с берлинским поездом, прислан мне от Кудрявцева ящик с портретом.

Поспешаю представить его Вашему императорскому величеству. Об уплаченных деньгах, вероятно, получу от Кудрявцева уведомление.

22 апреля 1889 г.

Константин Победоносцев.

Петербург.

861

Могу принять Вас завтра в 11 ч. —

Приказание Вашего величества относительно рескрипта будет мною исполнено сегодня; но я желал бы по поводу сего лично представить Вашему величеству некоторые объяснения, так как необходимо мне вполне уразуметь мысль и намерение Вашего величества. Итак, я предполагаю приехать завтра в Гатчину с поездом 9 ч. 30 м., и буду просить дозволения, буде

возможно, представиться Вашему величеству в 11 часов. Завтра в государств. совете заседание по д. о присяжных заседат., в которое я желал бы еще поспеть, с поездом 12 ч. 40 м.

4 мая 1889 года
Петербург.

Константин Победоносцев.

862

Спешу представить Вашему величеству проект рескрипта, а завтра, как уже писал, явлюсь, — не угодно ли будет принять меня. Если что понадобится изменить или дополнить, можно будет тут же. Я не уверен, *вполне ли уразумел мысль Вашего величества*. Мне казалось, что в настоящую минуту едва ли удобно слишком распространяться о манифесте 1881 года: это значило бы затрагивать предмет, о коем не возбуждается никаких сомнений. И еще мне кажется, что самое назначение *должно быть не посредством рескрипта, а в отдельном указе сенату*, в рескрипте же достаточно лишь упомянуть о назначении, как уже, состоявшемся.

4 мая 1889. Петербург.

Константин Победоносцев.

863

Призвав в ... году графа Д.А. Толстого к исполнению важных обязанностей мин. внутр. дел, я знал, что его государственный ум, здравые мысли способны оправдать мое доверие и что под твердым его руководством деятельность подчиненных власти направлена будет к утверждению порядка на началах, указанных в манифесте моем от 29 апр. 1881 года.

К прискорбию моему, гр. Т. скончался, не успев еще окончить вполне дело, ему вверенное, и совершить все мои предначертания.

Назначая Вас, бывшего ближайшим его сотрудником в первое время его управления, преемником его в звании м-ра вн. дел, я надеюсь, что Вы, зная ближайшим образом правила его, и будете продолжать начатое им дело с тою же твердостью и в неизменном согласии с теми же начинаниями, коими он, по моим указаниям, руководствовался.

Переговорю об этом с гр. Воронцовым.

Позволяю себе обратить внимание Вашего величества на великое общественное зло, которое в последние годы возникло у нас и распространяется со страшною быстротою — на азартную игру, сосредоточенную у *тотализаторов* и состоящую в связи с правительственным учреждением. К сожалению, она проникла уже и внутрь России повсюду, где есть местные скаковые общества.

Правительство запрещает лотереи, запрещает азартные игры в клубах и общественных собраниях — и разрешает тотализатор. Нельзя одною рукой делать то, что разделявает другая рука. С тотализатором соединена игра азартная и самая опасная, потому что она еще проще и доступнее всех прочих, потому что она на публичном, для всех открытом, зрелище привлекает к себе *все сословия*. Бывало, на скачки стремились только любители спорта; нынче туда бегут толпы ради *азартной игры*, втягиваясь более и более в страсть к сильным ощущениям. И из кого же состоит толпа: — из гимназистов и воспитанников учебных заведений, из простых рабочих, из мелких чиновников. Наприм., в Петергофе, на скачках, Вашему величеству незаметна эта сторона зрелища, но она возбуждает ужас. В Москве — еще того хуже. Страсть эта развивается, и вместе с тем растут доходы скакового общества, растут до больших уже сумм.

Не раз убеждал я гр. Воронцова ради Бога остановить этот поток, — но он не поддается, ссылаясь на то, что без тотализатора нечем существовать скаковому обществу. Но разве стоят того доходы, чтобы ради них покровительствовать учреждению, деморализующему народ? И эти доходы — куда идут они? Нет сомнения в одном, что уже немало есть лиц, *заинтересованных* в распространении тотализатора и в умножении дохода. Так, напр., в прежнее время президенты, вице-президенты, члены местных скаковых обществ шли в дело ради любви к спорту и еще тратили на него свои, иногда большие, деньги. Теперь у многих прогоревших, не знающих, куда деваться, является стремление получать с этого дела денежное содержание. Я знаю одного вице-председателя, совсем разо-

рившегося от спекуляций помещика, который получает — Бог знает за что — денежное содержание от местного скакового общества (что прежде считалось бы за стыд).

15 июня 1889 года.

Константин Победоносцев.

865

Очень благодарен, прочту непременно, это должно быть интересно.— Чувствую еще себя отвратительно; 4 ночи совсем не спал и не ложился от боли в спине.— Сегодня, наконец, спал — и лучше, но глупейшая слабость. Надеюсь, что у Вас недуг пройдет легче и скорее.

А.

Слышим об Вашем величестве, что Вы нездоровы. Будем надеяться, что этот недуг, который теперь поражает почти всех — и меня в настоящую минуту, — недолго продлится.

Может быть, в эти дни найдется у Вашего величества свободная минута для прилагаемой книги, которую я только что получил из Москвы. Книга большая, но от нее можно, для удобства, вырезать предисловие, на которое смею обратить внимание Вашего величества. Я уверен, что Вы прочтете его с интересом. Здесь изложена любопытная и поучительная история непосильной борьбы Юрия Самарина с кн. Суворовым, и особенно замечателен рассказ об аресте Самарина и о свидании с ним государя Николая Павловича.

15 ноября 1889 года.

Константин Победоносцев.

Петербург.

866

По всем собранным мною сведениям, дела вел. княгини в печальном состоянии благодаря ее затеям и постройкам, а главное, неизвестно, кто ею орудует и кто управляет всеми ее денежными делами.— Секретарь ее Капустин совершенно отстранен от всех дел.— Долги вел. княгини простираются от 300—400 тысяч, и меня все это начинает сильно беспокоить.

Великая княгиня Александра Петровна прислала мне из Киева письмо, копию с коего имею честь представить при сем Вашему величеству. Копия снята для того, что письмо неразборчиво писано.

Ее высочество, по-видимому, надеется, что я могу рассеять те недоразумения, которые могли возникнуть по поводу слухов о долгах ее. Но мне решительно неизвестно, насколько эти слухи справедливы или преувеличены. Я слышал только, от достоверных лиц, что у великой княгини слишком много расходов на состоящих при ней некоторых лиц, которыми сама она тяготится, но от которых не в силах отделаться.

Итак, не будучи в состоянии свидетельствовать о положении дел великой княгини, я считаю, однако, долгом довести содержание письма, мною полученного, до сведения Вашего величества.

18 ноября 1889.
Петербург.

Константин Победоносцев.

867

Наша новоначальная обитель требует поддержки, дабы, став твердо, приносить несомненную пользу. Видимо уже теперь, что луч света пролился на совершенно забытую окраину города, где народ коснел без всякого религиозного утешения. Бедные люди приходят в большом количестве, дети едва умеют осенять себя крестным знамением, на шее у детей нет креста; мы стараемся их направить и всем надеваем крестики. Видимо, оживает забытый народ, куда штунда усердно заглядывает. Без сомнения, граф Алексей Павлович Игнатьев сообщит вам о многом. К великому моему утешению, обращенный штундист, просвещенный проповедью досточтимого о. Арсения, впервые пришел молиться в нашу святую обитель.

К прискорбью, злоязычие обеспокоило великого нашего батюшку-царя слухами о долгах, превышающих истину. Во всем я вижу милость Божию, и для славы святой церкви, для пользы святой обители с радостью и с любовью приемлю всякое поношение.

Ничто меня не страшит, лишь бы упрочить нашу обитель; тюрьма — и та была бы для меня радованием, лишь бы быть полезною святому делу.

Я чувствую силу и умение обернуться и поставить дело, мне нужен лишь заем. И я ишу частного займа, не желая никого беспокоить, — и в несколько лет все будет легко уплачено, и монастырь получит значительный капитал. В настоящее время, милостию небесной владычицы, монастырь имеет неприкосновенного капитала 11 000 рублей, которые хранятся в конторе государственного банка.

Когда мне доверили управление всеми с.-петербургскими детскими приютами, то я приняла капитал в 48 000 рублей и чрез 16 лет помощью Божиею сдала более миллиона рублей. Покровская община имеет теперь капитал в 250 000 р. Финансовые обороты мне весьма знакомы, временные долги не страшны и приведут к блистательному результату, конечно на оборот нужен заем. Без займов и государства не обходятся, — дело же наше само за себя постоит, и время все выяснит. Простите мое дерзновение за откровенность моего письма, но я не сомневаюсь, что письмо мое откликнется в вашем сердце, всегда чутком к добру.

Поддержите наш монастырь, докажите вашу любовь к святым обителям.

13 ноября 1889 года.

*Киевский Покровский
женский обще-монастырь.*

868

Я переговорю об этом с Янышевым. Полагаю, что устроить это нетрудно.

При устройстве дел великой княгини Александры Петровны приходится заботиться о сокращении напрасных расходов. В числе их один из самых напрасных: содержание священника протоиерея Лебедева. Теперь он ей и не нужен как настоятель ее домовою церкви, потому что она переселилась в монастырь. Он имеет власть над нею, но есть повод думать, что она сама была бы не прочь от него отделаться, только сама никогда на это не решится. Между тем он получает от нее, как я слышу, до 1000 рублей в *месяц*, да сверх

того считается и при церкви петербургского дворца и отсюда что-то получает.

Желательно было бы совсем вывести из Киева этого поистине негодного священника. И это устроилось бы просто, если бы Вашему величеству угодно было приказать о. протопресвитеру Янышеву, в ведомстве коего он состоит. Он мог бы своею властью перевести его из Киева к церкви Николаевского дворца, где он и числится. Это было бы, конечно, неприятно великому князю Николаю Николаевичу, но и эту неприятность можно устранить. По приезде сюда Лебедева его можно немедленно уволить за штат, и жалеть об нем нечего, потому что он успел приобрести себе средства и имеет дома и в Киеве и, сказывают, в Петербурге.

Это предположение мое смею представить на благоусмотрение Вашего величества.

30 ноября 1889 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

869

В четверг, 26 января вечером, в собственном его величества (Аничковом) дворце имеет быть бал, на который приглашенные должны быть: дамы — в черных длинных вырезных платьях, кавалеры — военные в обыкновенной форме в мундирах, гражданские в мундирных фраках и лентах преимущественно Гессенских. Кому следует иметь — флер на левом рукаве.

Хотел послать, но не послал... Если уж вначале не подумали, подумают ли теперь.

К сожалению, у нас водворился полный произвол в печатании придворных известий в газетах: ежедневно печатают, кто что хочет или кому что донес газетный репортер.

И это известие не без опасности. При существующей неискренности отношений между правительствами, обществом и печатью в Австрии и в России такое известие могут эксплуатировать недоброжелатели — несомненно, об нем уже посланы телеграммы за границу.

870

Доверительно.

Сегодня при докладе государь сказал мне, между прочим, что он читал письмо Оленина (к кому — не знаю) по делу княжны Львовой, о котором до того ему ничего известно не было, и спросил: сделано ли что-либо для прекращения беспорядков в монастыре. Я отвечал, что, насколько мне известно, Вы тотчас по получении первых по делу известий писали новому калужскому архиерею и что, вероятно, надлежащие меры уже приняты. Далее его величество прибавил, что он Вас эти дни не видел и не имел случая говорить с Вами по означенному делу. Из чего я заключаю, что при первом же свидании государь будет Вас расспрашивать подробно (письмо Оленина, очевидно, было также подробное), и потому на всякий случай Вас о сем эпизоде моего доклада извещаю.

Ваш душой

Ночь — 4 часа утра.

Н. Манасени.

4—5 янв. 89.

871

Доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, доклад по делу 17 октября я изложил сегодня соответственно с тем, как была речь вчера, причем подал его величеству и печатную (Вам известную) *выписку* из законов, которую государь внимательно рассмотрел, пока я докладывал по другому экземпляру ее о некотором несоответствии статей учрежд. госуд. совета и учр. министерства со старыми судебных уставов и необходимости обсудить в особом совещании вопросы как о лицах, подлежащих привлечению, так равно и о самом *порядке* производства дела (ввиду означенного несоответствия, в особенности статьи I Т. учр. м-ва 264-й со старыми 1063 и 1064 уст. угол. судопр. — о производстве следствия). Затем я доложил также, что, по моему мнению, в состав особого совещания, казалось, должны бы войти председатели департаментов госуд. совета и госуд. секретарь, так как дело касается — между прочим — и истолкования статей учрежд. го-

суд. совета, а также оно, быть может, поступит и на рассмотрение госуд. совета.

Других лиц я не называл и просил его величество оставить у себя мой доклад и указать как председателя, так и членов совещания. После этого государь упомянул о приглашении гр. Толстого, и тогда я, со своей стороны, доложил, что следовало бы участвовать в совещании Г.Е. Паукеру.

Затем государь сказал, что он переговорит с великим князем Михаилом Николаевичем и тогда даст мне знать о своем решении.

В 3 часа у меня был великий князь Михаил Николаевич и передал, что поручение на него уже возложено и что его величество сам укажет только некоторых министров, а ему предоставит еще пригласить, кого он признает нужным, из состава государственного совета.

Вот в общих чертах то, что было при докладе и после оного. Для полноты я должен еще добавить, что, по мнению его величества, к ген.-ад. Посьету подходит 2 п. 267 ст. учр. министерств, «когда (за министром) откроются важные государственные вины», причем, однако, он соизволил присовокупить: «конечно, особое совещание рассмотрит дело подробно и определит, должен ли г.-ад. Посьет подлежать суду»...

На всякий случай один экземпляр печатного извлечения из *законов* при сем прилагаю; возвращать его мне не беспокойтесь, у меня имеется еще запас.

Более ничего замечательного не произошло. С вашим посланным я ответа послать не мог: отдыхал после обеда, а вечером непременно помышляю вам написать...

Преданный вам сердечно

18 янв. 89.

Н. Манасеин.

872

Душевно уважаемый Константин Петрович, сегодня при докладе государь император сам начал со мною разговор относительно последней резолюции по делу о земских начальниках, что дало мне возможность подробно доложить его величеству о всех встречающихся затруднениях и сомнениях, которые нужно будет преодолеть и разъяснить при разработке

дела, а также о громадной массе труда, подлежащего выполнению в течение только 4 месяцев.

Если Вы будете дома в *четверг между 3 и 4 ч.* пополудни, пожалуйста прикажите меня принять; желательно бы передать Вам некоторые подробности из означенного доклада.

1/2 февр. 89.

Ваш Манасеин.

873

Секретно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, весьма благодарен Вам за любезное сообщение. Прекратить дело, конечно, в данном случае будет не особенно затруднительно. Мне известно, что в таком именно направлении действуют П.А. Черевин (отстаивая Таубе), А.Я. Гюббенет (в интересах своего ведомства) и И.А. Вышнеградский (защищающий Гана, или вернее, вообще *правления* железных дорог, которые он признает вполне безответственными за все несчастные события на линиях, коими они управляют). Но меня, при таком исходе дела, весьма смущает и склоняет к противоположному мнению вопрос: какое впечатление произведет на всю Россию, на весь русский народ прекращение дела без осуждения виновных? В осуждении же их — я не сомневаюсь.

Преданный Вам сердечно

17 апр. 89.

Н. Манасеин.

874

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Посылаю Вам — прежде официальной рассылки членам особого совещания — на *предварительный* просмотр составленное А.Ф. Кони «сообщение» для «Правительственного Вестника», которое, по его удостоверению, должно поместиться в оном на одной странице. — Фактическая часть «сообщения» изложена по данным предварительного следствия верно, но, пожалуй, слишком подробно и потому допускает возможность сокращения. Я, однако, — впредь до прочтения проекта Кони г.г. членами совещания — воздер-

жался от его переделки по причинам, которые Вы отчасти усмотрите из прилагаемого при сем письма ко мне самого автора проекта.

Не лучше ли разослать проект для удобства чтения в печатных экземплярах? Сенатская типография может изготовить их в 24 часа.

Преданный Вам сердечно

28 апр. 89.

Н. Манасеин.

875

Государь император остановился — после моего подробного доклада разных мнений по вопросу о правительственном сообщении — на решении не печатать ничего, кроме обнародованного уже рескрипта 15 мая сего года.

18 мая 89.

876

1888/9

Вторник.

Прошу тебя во имя нашей многолетней дружбы прочитывать статью, написанную на меня в своем дневнике «Гражданином».

Так как, сколько мне известно, Мещерский пользуется покровительством в Гатчине, то знает, кого может бить безнаказанно. Его статья не имеет иного значения, как то, что он говорит в тон.

Прими в соображение, что в лице моем впервые государственный секретарь был принят подобным манером.

Обсудив все это, дай мне добрый совет: не лучше ли во избежание могущего ежедневно повториться нового в отношении меня нелестного эпизода, не лучше ли подумать об изыскании средств удалиться куда-нибудь под предлогом болезни или чего иного; тем более, что ты хорошо знаешь свойства чиновничьей среды и знаешь, что в создаваемом мне всем этим положении, не имея никаких по закону прав, мудрено принести какую-либо пользу.

Повторяю, прошу тебя во имя старинной нашей дружбы высказать мне всю правду, не исключая и слухов или впечатлений, которые могли тем или иным путем до тебя дойти.

Не откажи написать два слова, за которые благодарю тебя заранее.

877

Прочитав еще раз сегодня вчерашнее письмо твое и усматривая в нем дружеское намерение разъяснить причины известного инцидента, обращаюсь к тебе с просьбою этого не делать.

Подвергнувшись грубой выходке в таких условиях, можно думать только о средствах не подвергаться подобным случайностям на будущее время, но разъяснять что бы то ни было нет основания.

К тому же из того, что ты мне говорил, явствует, что в редкие твои свидания и на государственные вопросы не хватает времени, так возможно ли тратить время на вопросы личные.

Еще раз благодарю тебя.

Само собой разумеется, что я ни единому человеку ни слова об этом не говорил, но так как все это происходило в присутствии значительного числа мелких представлявшихся чиновников, то немудрено, что на следующий же день все это приключение получило огласку.

На будущее время ездящие в Гатчину представляться будут знать, что эта поездка может для них иметь последствием газетную выходку.

Я был у графа Толстого, который прежде всего вознегодовал на тебя за то, что ты передал мне его слова. По-видимому, он желал, чтобы на мне осталось тяготеющим неразъясненное обвинение.

Потом он выразил намерение объяснить государю, как дело было, и для того потребовал от меня письменной справки, которую я ему и представил.

Посылаю тебе ту же справку. Признаюсь, очень и очень тяжело отрываться от дела, чтобы отписываться от подобных обвинений.

Так как граф Толстой сказал мне, что государь может быть недоволен тем, что ты передал мне его слова, то я решил о

тебе не упоминать и предстать не как человек, напрасно обвиненный, требующий правдивого суда, а как проситель, принимающий благодеяние графа Толстого. Весьма вероятно, что это благодеяние будет заключаться в новой злонамеренной сплетне.

Дружески жму твою руку и скорблю о том, что благодаря своему бесхарактерному сохранению моего служебного положения тону в подобном болоте.

Гр. Толстой читал статью «Гражданина» и почитает невинною шуткою.

878

8 июля 1889.

Спешу тебя уведомить, что назначение Сольского председателем состоялось.

При этом было сказано, что заместить его будет легко, потому что его товарищ так давно находится в этой должности и имеет должную опытность (sic), но при этом прибавлено, что будет говорено с Сольским в понедельник.

Сольский выразился о подобной кандидатуре, что не в его роли говорить против, хотя он и понимает, что дело не ладно.

Как видишь, дело будет зависеть от Сольского. Думаю, что, отправившись к нему и поговорив энергически, ты можешь отворотить этот всероссийский срам.

Полагаю, что, поговорив с Сольским, ты найдешь другого кандидата. Каханова не советую тебе выставлять, это только подкрепит Терция.

В крайнем случае, если ты решительно никого не приищешь, то отдаю себя самого в твое распоряжение.

Думаю, что по бывшим примерам оно возможно и для Сольского должно представляться естественным.

Попроси его при этом во всяком случае назвать меня, чтобы таким образом выведать, на какую тему граф Толстой мена оклеветал, как он тем хвастался.

Напиши два слова в удостоверение, что строки эти дошли по назначению.

Жму руку.

Великий князь Константин Николаевич умирает, дело в нескольких часах.

879

Если ты придаешь этому такое значение, то я вижу одно лишь средство повлиять на Сольского, вот какое:

Поезжай к в. князю Мих. Ник. и попроси его написать Сольскому, чтобы он заехал к в. князю завтра утром пред докладом.

Самого великого князя надо уговаривать не соображениями общественной пользы, а исключительно личными. Скажи ему, что по дружбе ко мне ты решился говорить, зная, что в. князь ко мне расположен и не захочет на веки оставлять меня на писарских занятиях. Он будет очень рад показать свою важность, а Сольский, вступая в несколько подчиненные к нему отношения, не захочет его ослушаться, особливо в момент определения его положения.

Думаю, что этот прием имеет шансы успеха, хотя, откровенно тебе сказать, с моей личной точки зрения я довольно ко всему этому равнодушен.

880

Глубокоуважаемый Константин Петрович

Проверяя мысленно некоторые из вопросов, возникавших при недавней беседе нашей, считаю долгом высказать вновь, что в *обвинительном* приговоре для всех, или, во всяком случае, для большинства привлеченных к делу о крушении, как со стороны судебной палаты, так и со стороны сената не может быть *никакого сомнения*, но что слушание этого дела при *закрытых дверях* присутствия имело бы в высшей степени дурные нравственные результаты, дав новую пищу злорадным клеветническим и смущающим ум и сердце нашего легковерного общества толкам и пересудам. Существенные обстоятельства этого дела и основания для привлечения к ответственности непосредственно виновных должны быть непременно доведены до общего сведения и для общего успокоения.

Мне прислали из Харькова прилагаемую при сем превосходную *речь* (отчего не проповедь) преосвященного Амвросия. Изволите ли Вы знать ее?

1889 г. IV/15. Душевно преданный Вам

А. Кони.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Сегодня или завтра на благоуважение Ваше будет доставлен Н.А. Манасеиным составленный по его поручению проект правительственного сообщения по делу о крушении 17 октября 1888 г.

Дивное спасение государя и всей его семьи «там, где не оставалось надежды на спасение человеческое», вызвало взрыв единодушного и благоговейного восторга во всех концах и людях земли русской. Вместе с тем повсюду возникло и дошло до крайнего напряжения желание — вполне понятное и законное — знать истинные причины несчастья, грозившего неисчислимыми бедствиями. Покуда, с соблюдением надлежащей безгласности, производилось предварительное исследование дела, в общество проникли из разных недостоверных и лживых источников слухи, сплетни и злонамеренные измышления, которые волнуют общее мнение, извращают правильное отношение к делу и, исходя подчас от людей, высота общественного положения коих не соответствует их серьезности, вносят смущение и в среду вполне достойных и почтенных лиц. Прекращение этого дела по воле государя только тогда произведет успокоительное и благотворное впечатление, когда в обществе не останется никаких сомнений и недоумений относительно истинных обстоятельств, раскрытых следствием, чем будет отнята всякая возможность для зловредных толков и здесь, и за границу. Умолчание о неурядице на железной дороге и о главнейших характеризующих ее фактах, а также о решимости правительства обратить на все это, в лице ведомства министерства путей сообщения, самое живое внимание — могут вызвать во многих честных сердцах скорбное чувство, что и на сей раз вид одной из язв нашей государственной жизни будет заткан бюрократическою паутиною... В этих соображениях в проекте сообщения изложены совершенно объективно и на основании точных данных *существенные обстоятельства*, раскрытые следствием и могущие послужить материалом для полезных мероприятий на будущее время, а также помещены относящиеся до эксплуатации железной дороги рассуждения из проекта журнала особого сове-

щения. В том объеме, в котором составлено сообщение, оно займет не более пяти столбцов «Правительств. Вестника», т. е. не более одной страницы, что едва ли можно признать чрезвычайным по делу столь высокой важности.

Простите великодушно, что беспокою Вас настоящим письмом, и дозвоьте обратиться к Вам с усердною просьбою подержать Вашим мнением необходимость *такого содержания* сообщения при каких угодно видоизменениях его *формы*. Просьбу мою внушает мне горячее желание достойного конца этому делу, удовлетворяющего чувству правды и не оставляющего ни в чьей душе поводов к сомнению и соблазну, а старые и глубокие отношения бывшего ученика дают мне повод высказать Вам это желание с полною откровенностью и надеждою на сочувствие.

1889 апреля 28.

Душевно преданный Вам А. Кони.

882

Любезный друг только что получил твою милую записку. Я конечно был очень обрадован назначению Менгдена, но поверь, не менее обрадован был тем, что ты виновник этого назначения. Ты сделал очень хорошее дело потому, как сказал кто-то из французских умных деятелей прежнего времени: «*Les valents ne vous manquent pas, — ce qui nous manque — ce sont les caractères*». А в Менгдене есть характер: честный, прямой и стойкий.

За твое доброе дело обнимаю тебя вдвойне, а за записку твою втройне.

Вот 2 недели, что я почти забыл о государств. совете и о прочем, но за то все время был и есмь болен.

Выезжаю отсюда 6-го, вечером, если Бог сподобит, так что 7-го вечером буду на Богом спасаемой Литейной.

Очень рад я и назначению П. К. Саломона. Любопытно заметить, что и на Саломоне, и на Менгдене рельефно выражается истинно *великое* государственное значение прежних твердых и крепких законов о смешанных браках.

Посмотри, в какой степени православие и влияние церковного духа сделало их обоих вполне до мозга костей русскими людьми. И как это сделалось просто и естественно.

В Менгене и Саломоне сколько ни ищи — не найдешь и атома прежде принадлежавшего их семьям немецкого элемента. Пока благодарю и обнимаю тебя сердечно.

Рига. 3 января 1889.

Искреннейше твой Б. Мансуров.

883

Любезный друг, тебе, конечно, сегодня утром наврал глупый швейцар. Я был еще в постели в ожидании доктора, перевязки и пр. С великим сожалением видел твою карточку. Впрочем мне лучше, и сегодня д-р велел мне сделать несколько шагов по улице, благодаря хорошей погоде.

Возвращаю тебе письмо, из которого я узнал то, чего вовсе не подозревал. Радуюсь, что жена находит время заняться хорошим делом.

Благодарю тебя вдвойне и сердечно обнимаю.

Христос с тобой. Б. Мансуров.

С удовольствием *не* буду в понедельник в общ. собрании. Тарифное дело смущает: подумай, что все дело русского сельского хозяйства всецело отдается в руки В. и ведомства, смотрящего на все с точки зрения *ныне* купеческой. Полновластие будет такое, какого никогда нигде и ни в чем не бывало. Поневоле пугаешься. Между тем, дело обставлено так, что иглы не проденешь.

25 февраля.

884

Милостивый государь, Константин Петрович.

Русское знамя не было уважено в Чермном море, и русская кровь пролита французскою картечью. Этого бы не случилось, если бы посольство наше попросило здешнее правительство пропустить нашу миссию: хоть и атеисты — они уважили бы наших миссионеров. Не знаю: не больше ли лютеран, нежели православных, в нашем посольстве, но явно, что оно принимает мало к сердцу интересы православия. Впечатления событий в Обоке для нас невыгодны, необдуманном словом мы подвергли наших соотечественников бомбардировке, которую

так легко было избежать при дружественных сношениях двух держав, а между тем: что не сделали итальянцы, то совершили наши союзники.

Поверять защиту веры людям чужого исповедания — противоречие, в которое впадали одни русские.

Имею честь быть, милостивый государь,

Париж.

Вас много уважающим *И. Соловьевым.*

24 февраля 89.

885

Любезный друг Константин Петрович.

Сейчас получил извещение о моем назначении. Радость моя, жены, дочери и зятя большая; и все мы с сердечной благодарностью обращаемся к тебе.

Не чувство честолюбия руководит нашим довольством, а сознание, что водворится покой и определенное положение для того времени, которое суждено мне еще прожить на этом свете.

И этому мы всецело обязаны тебе, тебе одному. Прими же наши действительно искреннее спасибо и пожелание тебе и твоей супруге всего лучшего к наступающему новому году.

Сердечно тебе преданный

Менгден.

886

Не понимаю, что собственно она желает.

Ваше императорское величество
всемилоостивейший государь.

Издаю осмеливаюсь послать Вам книгу, недавно вышедшую в Петербурге, в уверенности, что иначе она бы не попала в ваши державные руки. Прочтите ее, государь, и узнайте ближе, хотя после смерти, одного из замечательнейших и наилучших из ваших верноподданных. Мне не подобает входить в оценку заслуг моего мужа: предоставляю это суду его соотечественников, но верю, что имя Сергея Ивановича Зарудного высоко будет стоять в истории России, что мне уже много раз было предсказано учеными юристами за границей

Собственно мне не хочется умереть, не высказавши Вам, государь, как Сергей Иванович глубоко уважал и искренно, горячо любил Вас, — да, любил за те немногие ласковые слова, которые Вы ему сказали, еще бывши наследником, и которые он всегда хранил в своем сердце, ожидая, что Ваше величество когда-нибудь да вспомните его. Но не сбылись его надежды, и он унес с собой в могилу сожаление о том, что никогда не имел случая вблизи доказать свою безграничную преданность любимому государю...

В продолжение почти полувековой службы своей муж мой участвовал в работах по освобождению крестьян, был душой и главным двигателем судебной реформы и даже в старом сенате решил дело о башкирских землях, ведшееся сто лет, — и за все эти особенные труды не только не был жалован и награжден пожизненными арендами, майоратами или землями, как другие сановники (ибо никогда ничего не просил), а напротив, в последний год своей жизни был чрезвычайно огорчен тем, что для излечения дочери нашей мы принуждены были заложить единственное наше достояние (1000 дес. в Харьковской губ., доставшихся мне от отца моего).

Оставшись необеспеченной с 8-ю детьми и существуя теперь дарованной мне пенсией, я, конечно, никогда не буду в состоянии выкупить это имение, и детям нашим мы ничего не оставим, кроме доброго имени. Но да будет мне позволено желать, чтобы в память отца их Ваше величество обратили Ваше высочайшее внимание на детей искренно преданного Вам человека, посвятившего всю жизнь свою на пользу своего отечества и столь мало оцененного своими современниками.

Если бы Вашему императорскому величеству благоугодно было спросить меня, каким образом почтить память мужа моего, я высказала бы самые заветные свои желания.

Вознося к престолу всевышнего самые горячие молитвы о сохранении драгоценного здоровья Ваших императорских величеств и всей августейшей семьи Вашей,

имею счастье быть

Вашего императорского величества верноподданная вдова сенатора, тайного советника

11/23 июня 1889 г.

Палермо.

Зоя Зарудная.

Ваше высокопревосходительство.

На месте святом, где возвеличил Господь милость свою над нами, где охранил он возлюбленного государя нашего среди опасности, в которой спасение было невозможно, где было знамение его, сказавшее во все концы земли, что над его *помазанником* стоит его особое веление, ради веры царевой, ради нашей убогой молитвы о нем, на этом месте владычества его, нам дорого и отрадно видеть Вас и поклониться Вам, государеву наставнику и ближнему человеку.

Вашим сердцем воспиталось в сердце царевом святое слово веры, его охраняющей и им руководящей.

Вашею заботою на вверенном Вам служении напомнилась нам святыня церкви *Христовой* и искание молитвы духом и истинною; ибо беззаконие наше мы знаем, и грех наш пред нами есть выну: в нерадении Богу нередко забыли мы имя его, не воспитали старики наши в сынах своих стародавнего почитания святыни и, когда поднялись непорядки на Руси, не стало в нас правоты жизни и молитвы, чтобы оберечь царя-мученика.

Но ныне с высоты престола сказалось нам имя господне, и твердо уповаем, что окрепнет вера наша и станем мы *великому государю* слуги верные делом и молитвою любви нашей, а не бесплодную любовью.

Благоволите же, ваше высокопревосходительство, благосклонно принять от нас родную хлеб-соль, как благодарение за труд, Вами принесенный, как благословение имени Вашему, которое на родной земле не забудется, и, стоя у самого подножия *российского престола*, понесите возлюбленному государю челобитие наше: возрадуйте его уверенностью, что свято нам и детям нашим это место, не только озаренное чудом милости небесной, но и освященное государевою болью и благодатью над страданием; что свят нам его пример труда и благодати, что будем мы работать Богу и ему и услышит Бог молитву нашу, благословение народа его над ним и его царственной семьею.

Вашего высокопревосходительства

всепокорнейшие слуги крестьяне Старо-Водолажской волости,

Валковского уезда, Харьковской губернии,
старшина *Степан Козка*
и за прочих неграмотных волостной писарь
Павел Столяренко.

888

В далеком прошлом в Европе имелось обыкновение пред битвой высылать глашатаев, которые из всех сил кричали о достоинствах своих соотчичей и о недостатках противников. Германский вкус, так часто граничащий с безвкусием, недавно возобновил этот обычай, до Бисмарка сохранявшийся лишь между дикарями,

Речь князя Бисмарка должна быть подразделена на три части: 1-я и самая главная, по числу фраз — восхваление самого себя, 2-я — грубое глумление над своими добрыми соседями и даже союзниками и 3-я — необыкновенная вольность отношения к правде, т. е. передержка установленных фактов и замена их вымышленными. Стоит развернуть *Guerin* и *Foukhoh* «Берлинский трактат и дипломаты», чтобы по достоинству оценить правдивость Бисмарка,

Нравственность, как и гениальность, вождя германцев нас могут и должны интересовать только настолько, насколько они касаются нас и нашего отечества. Вдумываясь в слова Бисмарка, мы, русские, прежде всего должны сознаться, что Бисмарк вполне прав в том, что он заслужил не только «самый большой русский орден», но и вечную признательность России. Германский канцлер ошибается лишь во времени своей заслуги.

Заслуга эта сделана им не во время Берлинского конгресса, а теперь его речью и опубликованием союзного договора 79 года. Если и после этих двух фактов в России найдутся люди, ищущие сближения с Германией, то они должны быть признаны или идиотами, или достойными сотоварищами того русского дипломата «друга» Бисмарка, о котором так мило и откровенно упомянул князь-оратор. Имя нашего дипломата не названо, но народная ненависть его давно угадала и вряд ли забудет ранее имени Мазепы.

В речи Бисмарка, признаваемой художественной, нельзя не обратить внимания на грубую попытку резко отделить русско-

го государя от сердца и мысли его народа и притом приемом самым бесцеремонным, выдав ему оскорбительный, в устах врага, хвалебный аттестат благонравия и как бы заискиванья пред ним, Бисмарком.

Затем, в бесконечных уверениях в своем немецком бесстрашии и в страхе немцев лишь перед Богом так и сказываются большие опасения пред Россией не только в то время, когда она раздражена Германией, но даже перед той Россией, венчанная глава которой покоилась в родственных объятиях Вильгельма. Если возвеличенный Александром II Вильгельм, обнимая своего благодетеля, за спиной его устраивал тайный союз, направленный против России, то как должны немцы бояться той России, венчанная глава которой будет солидарна со своим народом в сознании силы, мощи и истинной независимости своих действий и которая, перестав искать обмана на немецкой груди, с гордостью оперлась бы на широкую грудь родины.

Бисмарк слишком хорошо знает Россию, а потому, клянясь бесстрашием перед ней, он трусит ее и трусит смертельно.

Без этого порока не было бы ни «лиги мира», ни тех безумных ополчений, которые мы видим. Бисмарк знает, что обман вечным быть не может. Он знает, что стоит владыке русского царства, отбросив всякие искусственные пути и традиции, сказать, что он с народом всегда и во всем и что Россия — для русских, чтобы разрешились и сгладились все внутренние неурядицы, и Россия от митрополита до каторжника готова была бы ринуться на доброго соседа. Бисмарк знает наш народ (я лично убедился в этом). Поэтому в речах своих он упоминает о ненависти. Князь-оратор прав, говоря, что из-за ненависти войны не ведутся, но он забывает, или, вернее, хочет забыть, что ненависть народа к народу облегчает искание причин столкновений — причин же этих благодаря жадности немцев и простодушию русских накопилось более чем нужно. Трудно также в речи Бисмарка не заметить смешную до комизма ворону. Увлечшись восхвалением себя и германских сил и объявив, что с ним и с ними не только Австрия, Италия, русские друзья-дипломаты, но и сам Господь Бог, канцлер начинает просить еще несколько марок на покупку лучших ружей и амуниции для почтенных бюргеров, которые, того и гляди, понадобятся,

дабы выручать не только целость, но и существование никого не боящейся Германии. Вместо зернистой икры на месте г. Шувалова следовало бы поднести Бисмарку выписку из времен 612 и 812 годов и уверить его, что и в 888, в случае надобности бить немцев, русские люди не будут торговаться и уговариваться ни о возрасте, ни о ружье, ни об амуниции.

Союзу Германии с Австрией и Италией мы смело можем противопоставить союз самих с собой. Союз же Бисмарка с Богом нам был бы страшен, но мы Бога, того Бога, который водил Бисмарка в Шлезвиг и Голштейн, не знаем и не боимся, это не наш, не христианский бог, учивший и учащий любить ближнего, а не точить ножи на обнимаемых друзей.

Бисмарк слишком сведущ и умен, чтобы не знать свойств общего настоящего Бога, и потому, кичась войной с Данией и трактатом 79 г., он не стал бы уверять в возможности союза между ним и небом. Мой удел не одинаков с Бисмарком. Роль и положение мое более чем скромны. Но отечество свое я люблю не менее, чем Бисмарк Пруссию. Своему царю служил и служу не менее честно, чем он Вильгельму. Не знаю, как бы служил Бисмарк немецкой династии, если бы его постигла незаслуженная опала, — я их перенес две, не поступаясь ни честью, ни убеждениями, ни присягой. Если бы благодаря клеветам князя Бисмарка и его прислужников в русских мундирах стряслась надо мной новая немилость, то готов перенести и ее, но к посредничеству и тем более с оправданиями я ни прямо, ни косвенно к немцам не обращусь. У нашего государя было описание моих отношений к Деруледу и моих слов. Описание представлено правдивое, дело его величества судить самому.

Кто переживет войну и скольких будет стоять она жертв, я не знаю, но убежден в двух вещах: 1-я, что исход борьбы будет для России благоприятен, 2-я, что всякой уступкой мы приближаемся к войне, а не избегаем ее, и что если существует еще возможность избежать столкновения, то она заключается в показании твердой решимости быть самостоятельным и неподатливым ни на какие похвалы и обещания и не пугаться никаких угроз.

Из Нижнего и только по газетам и брошюрам судить трудно, но думаю, что во всяком случае пора предпринять многое. При известном повороте вопросов восточных славян и польского

можно Австрию и Пруссию поставить в необходимость снова послать и Бисмарка и Кальноки за сбором новых марок и гульденов и в то же время завладеть утерянными симпатиями всех славян, с которыми мы так же судьбой неразрывно связаны, как навсегда разрознены с немцами.

Достаточно я немолод, достаточно близко видел войну и слишком люблю родину, чтобы желать войны, но было бы по меньшей мере нелогичным желать избежать войны ценой таких уступок, которые равносильны были бы результатам полного поражения нашего отечества противниками, — таких уступок, которые, оскорбив народное достоинство, разорвали бы духовную связь руководящего трона с руководимым народом.

Великий Бисмарк обещал не ходить в Каноссу и... отправился. Маленький русский не хочет и не пойдет к Бисмарку.

1890 год.

— 1890 —

889

Пожалуйста, напишите мне проект ответа кн. Долгорукову. На эти ответы привыкли теперь обращать внимание даже за границей, так что шаблонно отвечать нельзя, и поэтому я не посылаю в мою канцелярию, а к Вам.

1 янв. 1890.

А.

890

Очень благодарен, проект очень хорош.

Поспешаю представить на благоусмотрение Вашего величества проект рескрипта кн. Долгорукову. Думаю, что на мысли, резко выраженные во всеподданнейшем его письме, приличен будет ответ Вашего величества в общих лишь терминах, касающийся тех же предметов.

1 января 1890 года.

Константин Победоносцев.

891

При начале н. года и на сей раз, как всегда, встречают меня выражаемые чрез посредство Ваше добрые чувства и пожелания первопрестольной столицы. Одушевленные любовью к отечеству и преданностью, они согласуются с моим горячим стремлением и с моей серд. заботой о водворении законн. порядка во внутр. управлении и проч. народного благосостояния под защитую установ. великой власти и о лучшем устройстве семейного и хозяйственного быта во всех сословиях. Вступая в новый год, молю Бога: да совершается и впредь, непрерывно и беспрепятственно, посреди желаемого всеми и для всех спасительного мира, развитие внутренних сил нашего возлюбленного отечества.

892

Очень благодарен Самарину за присылку 8 тома сочинений его брата. — Критический разбор пьесы гр. Толстова составлен недурно, но разбор Крейцеровой сонаты гораздо лучше, тот замечательно составлен, и жаль, что напечатан только в газете и пропадет, как и все газетные статьи.

Хотя Вы пишете, что в Москве было так хорошо, но и мы здесь наслаждаемся чудной погодой, и зелень вся распустилась.

23 апр. 1890.

А.

893

Во всяком случае Лебедева мы уберем из Киева.

Выписка из письма графа А.П. Игнатьева от 4 января:

Вообще с делами великой княгини хлопот много, и пока конца еще не вижу, хотя делается все возможное и многое уже сделано: самые неприличные, заставлявшие много говорить по городу долги уже уплачены; поставщики и подрядчики успокоились, при этом достигаются значительные скидки; по уплате долгов дело идет ладно, и я надеюсь в феврале все покончить.

Относительно протоиерея Лебедева я должен сказать, что у меня иногда ум останавливается, когда хочу себе объяснить, отношения к нему в княгини. По-видимому, он ей надоел, и она не прочь бы вырваться на свободу; но с другой стороны, она оказывает ему всякие почтения, и он уверяет, что в княгиня советует ему выйти в отставку и *жить в Киеве*. Она выдала ему две расписки в том, что взяла у него на сохранение одновременно 40 тысяч рублей. Этот долг комиссия внесет в ликвидационный план *условно* и в последнюю очередь к уплате, а затем представит в П-бург на окончательное разрешение. Во всяком случае пребывание здесь Лебедева совершенно для нас бесполезно, и скорейший отъезд его отсюда я считал бы *необходимым* во всех отношениях, но под условием, чтобы так или иначе пристроить его или *воспретить ему возвращение в Киев*... Повторяю, что по совокупности всего мною слышанного и виденного я пришел к убеждению, что присутствие здесь о. Лебедева и в будущем будет *лишь вредно*.

Великая княгиня имеет дурной вид: она похудела, кашляет и тревожится. Иногда мне кажется, что она недолго протянет.

894

Решительно не понимаю, что нашел Мещерский либерального в речи Виссариона, я ничего подобного в ней не вижу.

Простите, Ваше императорское величество, что смею беспокоить Вас мелким, по-видимому, делом. Но в настоящем случае не к кому более обратиться, как к Вашему величеству.

Благоволите прочесть представляемую при сем заметку в нынешнем листе «*Гражданина*». В ней взводится мимоходом, безо всякого доказательства, перед всею публикой обвинение в *либерализме* и в возмущении народа на епископа. Такого примера не было еще у нас в печати.

Благоволите прочесть и самую речь преосвящ. Виссариона, которая напечатана. Есть ли тут что-либо, дающее повод к подобному обвинению?

Преосвященный Виссарион один из старейших московских священников, в прошлом году возведенный в епископский сан, уважаемый всею Москвою, исстари духовник в самых

первых дворянских домах Москвы, издатель в течение 25 лет известного во всей России духовного журнала «Душеполезное чтение».

Он вправе чувствовать себя оскорбленным нахальной и неприличной выходкою журналиста. Я уверен, что вся Москва будет глубоко возмущена ею, а статья газеты, считающей себя привилегированною, послужит опасным примером для многих.

8 Февраля 1890.

Константин Победоносцев.

895

Картина отвратительная, напишите об этом И.Н. Дурново, я полагаю, что он может запретить возить ее по России, и снять теперь с выставки.

Не могу не доложить Вашему императорскому величеству о том всеобщем негодовании, которое возбуждает выставленная на передвижной выставке картина Ге «Что есть истина».

И не только негодуют на картину, но и на художника. Люди всякого звания, возвращаясь с выставки, изумляются: как могло случиться, что правительство дозволило выставить публично картину кощунственную, глубоко оскорбляющую религиозное чувство, и притом несомненно *тенденциозную*. Художник именно имел в виду надругаться над тем образом Христа богочеловека и спасителя, который выше всего дорог сердцу христианина и составляет сущность христианской веры. Говорят: если бы отца моего выставили публично на картине в оскорбительном и карикатурном виде, я имел бы право протестовать и требовать устранения. Но не много ли дороже для каждого верующего образ Христа спасителя?

И я не могу не подивиться, почему Грессер, которому поручена цензура картин до открытия выставки и который возбуждал иногда вопросы о картинах гораздо менее соблазнительных, оставил эту картину без замечания? Несколько лет тому назад снята была менее возмутительная картина Репина «Иоанн Грозный».

Притом нельзя не подумать, что передвижная выставка, после Петербурга, обыкновенно развозится по городам внутри России. Можно представить себе, какое произведет она впечатление в народе и какие — смею прибавить — нарекания на пра-

вительство, так как наш народ до сих пор еще думает, что все разрешаемое правительством им одобрено.

6 марта 1890 г.

Константин Победоносцев.

896

Я не совсем понимаю, желает ли он их продать, или только прислал посмотреть.

Сенатор Ровинский, в бытность свою за границей, нашел случайно две довольно редкие и современные гравюры с портретов известных Вашему величеству: с портрета великой княгини Екатерины, работы Грота, уже приобретенного Вашим величеством, — и с портрета великого князя Петра Федоровича.

Предполагая, что эти гравюры могут интересовать Ваше величество, он передал их мне, осмеливаясь поднести их в Ваше распоряжение.

11 марта 1890 г.

Константин Победоносцев.

897

Очень ему благодарен; гравюры действительно очень хороши.

Ровинский, зная, что Ваше величество интересуетесь этими портретами, желал поднести их Вам, но, не осмеливаясь на то сам, просил меня об этом, почему и написал, что он подносит их в Ваше распоряжение. А о продаже он и не думал, тем более — сам приобрел их по случаю недорогою ценою.

11 марта 1890 г.

Константин Победоносцев.

898

Очень ему благодарен.

Ваше императорское величество изволили говорить, что у Вас недостает 1-го тома сочинений Самарина и что его нет более в продаже.

У Дмитрия Самарина есть еще экземпляры. Один из них, полученный из Москвы, имею честь при сем представить.

24 марта 1890 г.

Константин Победоносцев.

Христос воскрес.

Воистину воскрес.

Вашему императорскому величеству дай Бог радоваться со всем Вашим домом.

От души благодарю.

Киевский митрополит Платон, весьма обрадованный знаком монаршего к нему милостивого внимания, просил меня ходатайствовать о дозволении ему представиться Вашему величеству по случаю пожалованной ему награды.

Видев сегодня митрополита, я объяснил ему, что, как слышно, Вы изволите переезжать завтра в Гатчину, а теперь *неудобно* посреди праздничных приемов утруждать Ваше величество.

И очень.

С этим согласился и митрополит и просит меня представить Вашему величеству чувства глубокой и преданнейшей его признательности за оказанную ему милость.

Очень рад, что он доволен.

Московский же митрополит ныне отсутствует, уехав в Москву на страстные и пасхальные служения.

2 апреля 1890 г.

Константин Победоносцев.

Достаточно только ответить ей, что Вы передали письмо мне. — Ответ получит она через министра двора.

Долгом почитаю представить Вашему императорскому величеству письмо, полученное мною из Лозанны от графини *Дампнер*, мне вовсе неизвестной.

18 октября 1890 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

901

Могу его принять в понедельник в 12 ч.

Известный Вашему императорскому величеству сенатор Ровинский на днях издал в свет новый громадный труд, издавна им приготовляемый: полное собрание всех офортов Рембрандта, всего около 1000 фототипий, превосходно исполненных, в 3 больших томах, с подробным каталогом и с биографией Рембрандта.

Это издание — в своем роде единственное и еще небывалое на европейских рынках любителей, из коих многие столь пристрастны к рембрандтовским офортам, что платят за маленький кусочек с его офортом по 40 000 марок. У самого Ровинского одно из лучших собраний офортов Рембрандта, которое он в течение 50 лет составлял в разных уголках рынка.

Нынешнее издание Ровинского так ценится любителями, что весь первый завод его — 200 экзempl. — выписан целиком за границу.

Этот долголетний труд свой Ровинский желал бы и долгом почитает представить Вашему величеству. Если благоугодно будет принять его, не благоволите ли назначить день, когда он может явиться в Гатчину.

1 ноября 1890 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

902

Прелесть. Мы порядочно посмеялись.

Прилагаемая при сем забавная статейка во французской газете, может быть, доставит минуту развлечения Вашему величеству.

7 ноября 1890 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

903

И Сталю и Морьеру дано знать, что никакой депутации, ни адреса, ни заявлений принято не будет.

Вашему величеству известна лукавая и нелепая агитация, поднятая в Лондоне о защите евреев от мнимого гонения

будто бы на них русским правительством. Без сомнения, зачинщиками и агитаторами были евреи же, и им нетрудно было настроить и печать, и публику, исполненную и ненависти к России и полнейшего невежества во всем, что до России касается. Так с помощью газет подстроен был митинг, происходивший 28 ноября под президентством герцога Вестминстерского. Теперь они сами не знают, какой дать практический исход этому митингу и собираются посылать депутацию в Петербург. Думаю, что Вашему величеству небезынтересно будет прочесть вчера полученное мною об этом письмо от лондонского священника Смирнова.

Бог знает, какие клеветы и лжи распространяются у них о России с помощью эмигрантов — русских нигилистов. Безумие дошло до того, что архиепископ Кентерберийский написал к о. Янышеву письмо, прося его заступничества и сочувствия. Но о. Янышев отвечал ему с достоинством, дав ему понять, что англичанам не

Я читал его ответ; очень хорош.

след мешаться во внутренние дела России, и всего менее это прилично архиепископу.

Но и у себя мы дожили до великих нелепостей. И в Москве безумный Соловьев вздумал собирать нечто вроде митинга для

Я уже слышал об этом. Чистейший психопат.

протеста против мер, принимаемых относительно евреев. Стали составлять адреса, под коим подписались — сначала Лев Толстой, а за ним, к сожалению, некоторые бесхарактерные профессора университета. Дело это в Москве остановлено, но можно было ожидать, что эти господа не уймутся, и вот уже в газете «Times» от 10 декабря появилась корреспонденция из Москвы, где напечатан текст этого протеста и подлинной переписки об евреях между министерствами иностранных и внутренних дел.

6 декабря 1890 г.

Константин Победоносцев.

904

Высоч. повелением 1882 года упразднены существовавшие до того времени женские врачебные курсы при военном госпитале.

Вслед за сим, по частным ходатайствам лиц, сделавших пожертвование на упрочение будущности таковых курсов, особое совещание положило, с высоч. утверждения (в 1883 году), что для удовлетворения возникшей потребности в женском медиц. образовании может быть учреждено в ведении мин. нар. проsv. специальное *учебное заведение*, но не иначе как в *размере средств*, имеющих образоваться из частных пожертвований, — заведение, долженствующее готовить *ученых акушеров* для лечения женщин и детей.

Ныне особою комиссией при мин. нар. проsv. выработан и внесен на утверждение госуд. совета план и устав учебного заведения с изменением противу первого предположения. Сему заведению приданы, под именем женского медицинского института, размеры университетского факультета с соответственным курсом из 23 специальных предметов и с правом выпускать *женщин-врачей* для повсеместной свободной практики. По утверждении сего устава предполагается открыть институт, как скоро из процентов с собранного капитала окажется возможным обеспечить *половину* штатного ежегодного бюджета.

Такое предположение я нахожу неудобным к осуществлению по следующим основаниям:

Существование высших женских врачебных курсов в прежнем их виде правительство признало бесполезным и потому упразднило их. Но в то же время и восстановление сих курсов в новом виде не было признано нужным, хотя многие доказывали, что женщины в качестве врачей могут быть и полезным, и желательным для государства и для народа орудием санитарной помощи. Если бы этот взгляд на дело усвоен был правительством, то, без сомнения, оно взяло бы в свои руки непосредственно и на средства госуд. казначейства — учреждение, долженствующее иметь важное значение для удовлетворения важной государственной потребности. Но на это правительство не решилось, без сомнения, потому что польза эта представлялась с государственной точки зрения сомнительною, что и выражено весьма явственно бывшим министром внутр. дел гр. Толстым в отзыве его м-ру нар. проsv. от 19 апр. 1889 г. за № 36. Правительство в сем случае лишь *снисходительно* отнеслось к ходатайству частных ревнителей дела, подкрепленному некоторыми денежными жертвами, и дозволило учре-

дить не иначе, как *на эти средства и в размере их*, учебное заведение для приготовления *ученых акушеров*.

По мнению моему, этого ясно выраженного постановления надлежит и ныне держаться в точности, не допуская ни малейших от него отступлений. Эти отступления я усматриваю как в расширенной по проекту устава организации женского врачебно-учебного заведения, так, в особенности, в расчете средств, потребных для его открытия.

Министерство народного просвещения представило проект штата женского медицинского института, рассчитанный на одно лишь жалованье профессорам и должностным лицам, да 3 тысячи с небольшим на канцелярские расходы, лаборатории и кабинеты, всего на 51 000, указывая на готовый уже, по его соображениям, ежегодный доход с капитала и др. источников в 30 000 рублей, и предполагает эту сумму, равную половине годового бюджета, достаточною для открытия на первый раз института. Но в расчет этого годового бюджета не включены многие предметы, существенно необходимые и долженствующие составить весьма значительную сумму. Так, например, дом, предоставляемый городской думою, надлежит еще приспособить к помещению института, с значительными, конечно, переделками, а может быть, и с значительным расширением, между тем о вместительности и состоянии сего дома не имеется вовсе сведений. Квартиры в нем для директора, инспектрисы и, может быть, для других лиц потребуются устроить и отделать. Снабжение заведения необходимою мебелью и другими для занятий принадлежностями потребует немалых денег. Устройство предполагаемого интерната потребует расходов весьма значительных. На библиотеку в бюджете ничего не положено, а она, несомненно, потребует, и значительная. На отопление, освещение, ремонт и содержание в чистоте здания, на содержание служителей и пр. — ничего не положено. Все вышеизложенное составляет весьма большую цифру. Но когда откроется заведение, немедленно обнаружатся и будут возрастать постепенно во множестве материальные потребности инструментов, препаратов и коллекций, сопряженные с преподаванием таких наук, как, напр., анатомия, химия, физика, фармакология и т. п.; некоторое о сем понятие может дать штатное положение Томского университета,

имеющего один лишь медицинский факультет, простирающееся до 200 000 рублей в год. Если исключить из сего штата статьи, не полагаемые для женского института (как-то, на содержание клиник, церкви, больницы и т. п.), то и затем остается сумма не менее 150 000 р., до которой, несомненно, должно дойти содержание института, во всем организуемого по образцу факультетскому, при его дальнейшем развитии с образованием в нем всех 4 курсов. Это последствие неизбежно, и его не только не следует оставить молчанием, но надлежит иметь в виду непременно, ибо рано или поздно, но, вероятно, в непродолжительном времени, необходимо будет изыскивать источники для содержания института, дабы действие оно могло продолжаться и дабы все дотоле израсходованное не пропало бесплодно.

Из каких же источников может быть обеспечена институту сумма столь значительная?

Предполагается, по-видимому, что на помощь институту явятся тогда новые пожертвования. Смеею думать, что это предположение имеет лишь гадательное основание, следовательно, не может служить самооснованием точного расчета. Предполагается, что учреждаемый при институте попечительный комитет, состоящий из жертвователей и из лиц, сочувствующих делу, будет заботиться об удовлетворении материальных нужд заведения, но из предыдущего видно, какие значительные суммы потребны будут уже для первоначального устройства, и невозможно ожидать, чтобы для приобретения их достаточно было усилий означенного комитета. Уже графом Толстым в вышеприведенном отзыве 1889 года было указано, что характер и размеры частных пожертвований на устройство и содержание женских врачебных курсов далеко не свидетельствуют об общем распространенном к ним сочувствии. Имеющийся капитал более чем на (110 000 р.) принадлежит Шанявским и только на $\frac{1}{3}$ составлен из отдельных пожертвований, и если из сего количества исключить сравнительно крупных жертвователей — обычных участников всех сборов — и вычесть суммы, полученные от концертов, вечеров и пр., то останется не более 7—10 тысяч, собранных со всей России, при участии главным образом «молодежи». Из расчета, приводимого ныне м-ром народного просвещения, видно, что сумма эта увеличи-

лась, но и затем, хотя выводится из нее приблизительный доход до 30 т., но вместе с тем предвидится уменьшение этой цифры расходами по первоначальному обзаведению — расходами, которые, как выше показано, должны быть весьма значительны.

Из вышеизложенного, по мнению моему, очевидно, что на первых же порах по открытии предположенного женского института обнаружится полная несостоятельность средств, имеющихся в наличности, на его содержание в должном порядке. Нет никакого сомнения, что тогда учреждение это, поступив в ведомство и под надзор министерства народного просвещения, обратится чрез министерство с ходатайством о поддержании оного на средства государственного казначейства, и весьма вероятно, что на такой исход дела рассчитывали те лица, кои в начале своих ходатайств обнадеживали правительство надеждою на частные пожертвования, голословно и гадательно, не имея в виду точного расчета как суммы, потребной на содержание, так и суммы пожертвований. Тогда правительство поставлено будет в необходимость или закрыть заведение, которое, не имея собственных средств, лишено будет главнейших условий благоустройства и порядка, или принять содержание оного на средства казны. Но в сем последнем случае, наиболее вероятно, оказалось бы, что правительством, не сознавшее необходимости учредить по государственным соображениям женский медицинский факультет, вынуждено будет принять учреждение, не им задуманное, но как бы навязанное ему частными лицами, ревнителями подобных учреждений. Смею думать, что такое отношение к делу, имеющему государственное значение, было бы весьма неудобно для правительства.

По всем сим соображениям я полагаю, что в настоящем положении дела, и на точном основании высочайше утвержденных постановлений совещания 1883 года надлежит удержаться окончательным утверждением устава, представленного в госуд. совет министром народного просвещения, внести на рассмотрение сей устав тогда, когда, во-первых, составлена будет полная и точная смета всех расходов, потребных на материальное устройство предполагаемого института, на снабжение оного всеми принадлежностями, необходимыми для

научного образования, и на содержание его в нормальном составе, и, во-вторых, когда соответственно с этою сметою образуется из частных пожертвований сумма, достаточная для покрытия необходимых расходов.

— 1891 —

905

Прошу вас очень составить мне ответ кн. Долгорукову. Он, видимо, вызывает на небанальный ответ, но вместе с тем злоупотребляет многоглагольством.

Сердечно приветствую Вас с наступившим новолетием и желаю мира, счастья и здоровья.

1 янв. 1891 г.

А.

906

Кн. Влад. Андреевич.

При вступлении в новый год, получив приветствие Ваше от лица Москвы, я утешаюсь мыслью, что все преданные русские люди как в первопрестольной столице, так и во всех концах России, вместе с нами молятся о ниспослании благословения свыше на труды наши и заботы, посвященные благу отечества. В уповании на милость божию, уверен, что меры, направляемые к преуспеянию народному и к водворению порядка и правды во внутреннем управлении России, при ревностном содействии всех сословий, принесут желаемый плод и послужат к утверждению народного благосостояния.

Сердечно благодарим вас, князь, и жителей первопрестольной столицы за приветствия и горячие пожелания на наступающий год нам и всему любезному отечеству.

907

Ливадия.

8 ноября 1891 г.

Очень благодарю Вас за Ваши два письма.

Я Вам писал из Дании в Крым, до свидания, думал,

что Вы еще будете там, теперь мы сами на днях уезжаем обратно на север.

Ваши соображения насчет назначения в Москву арх. Леонтия из Варшавы, а в Киев Московского митрополита я совершенно одобряю и думаю сам, что это лучше. — Какое горе и отчаяние: внезапная смерть нашего бедного Оболенского. Мы страшно поражены этим, и потеря весьма чувствительная для нас.

Ваш А.

908

Телеграф в Спб. 32
из Ливадии

Принята с аппарата
28-го 1891 г.

Телеграмма № 79.
№ 19 28/X 12 ч. 38 м. пополудни.

Принял Крюкова

Сердечно благодарим Вас за Ваши молитвы и пожелания нам продолжения семейного нашего счастья.

Александр.

909

Телеграф в Глк
из Ливадии

Принята с аппарата
30/X 1891 г.

Телеграмма № 170.
Спбг Ливадии 170 14 9 10 7, Д

Принял Немел

Благодарю Вас от всего сердца за телеграмму и выраженные добрые пожелания.

Мария.

910

28 октября 1891 г.

Радуюсь видеть полдень Вашего счастья. Дай Боже дожить до ясного вечера, пошли Вам Боже солнце и тишину, и радость во всех милых и ближних дома и сердца Вашего.

Да будет Вашему величеству милостию божией радость и мир в благословенной семье с первого дня до последнего, и да будет Ваш дом Вам тихою пристанью от всех житейских волнений.

911

Я того же мнения, что принимать наследнику идолов весьма неудобно. — Я напишу ему об этом, но переговорю, кроме того, и с Дурново, чтобы он мог дать знать об этом генерал-губернатору.

Долгом почитаю представить Вашему императорскому величеству письмо, полученное мною сейчас от преосвященного Вениамина Иркутского, человека почтенного, ревностного архиерея и отличного знатока Сибири.

Я думаю, что опасения преосвященного основательны. Вашему величеству известно то фальшивое положение, которое устроено, к сожалению, самим законом для Хамбо-ламы и для бурятских лам. Не сомневаюсь, что поднесение идолов задумано ими с хитрою мыслию — наподобие поднесения икон православным духовенством и что принятие такого дара будет истолковано в степи в смысле, неблагоприятном для нашей православной миссии.

Вообще на пути его высочества много бурятских дацанов; потребны предосторожности, о чем я раз имел случай предупредить государя-цесаревича. Например, если он заедет в какой-нибудь дацан, где ему устроят встречу, и оставит без внимания бедную соседнюю церковь, впечатление будет тяжкое, и ламы истолкуют его перед народом в свою пользу.

В настоящем случае, по поводу поднесения идолов, я не могу взять на себя непосредственное обращение к его высочеству и повергаю это обстоятельство на благоусмотрение Вашего величества.

11 мая 1891 г. С.-Петербург. *Константин Победоносцев.*

912

Совершенно разделяю Ваше мнение, я всегда был и буду против этого ложного направления высшего женского образования.

Позволю себе обратить внимание Вашего императорского величества на дело, которое считаю весьма важным, так как весьма важно, по моему мнению, чтобы правительство не ставило себя в солидарность с таким направлением, которое с точки зрения самого правительства признается ложным.

18 мая, в заседании соединенных департаментов государств. совета, обсуждалось дело, внесенное министром народного просвещения, в присутствии товарища министра — дело об учреждении в Петербурге *Женского Медицинского Института*, который в сущности будет не что иное, как *женский университет*, учреждение, по отзыву одного из сторонников оно, «еще не испытанное и не имеющее себе подобных ни в одном из западноевропейских государств».

Благоволите, Ваше величество, прочесть прилагаемую записку, в коей изложена сущность моего воззрения на дело.

Сущность дела принудила меня по совести не согласиться с постановлением соединенных департаментов, и я заявил отдельное мнение, с коим остаюсь покуда один: некоторые члены, по-видимому, имели одну со мною мысль, которая не считается популярною, но не решились ко мне присоединиться.

22 мая 1891 г.

Константин Победоносцев.

С.-Петербург.

913

О восприятии православного исповедания иностранными принцессами, вступавшими в брак с членами императорского дома, — особых манифестов не издавалось, а упоминалось лишь в манифестах об обручении, на основании ст. 146 учрежд. о имп. фамилии (прежнего издания).

В сих манифестах слово «благочестивая» перед титулом не ставилось на том основании, что эпитет «благочестивый» есть эпитет церковный, а в изложение титулов учрежд. об императорской фамилии присвоенных не входит. — Существуют два исключения, это церемониалы бракосочетаний великого князя Константина Николаевича и Вашего величества. Это следует признать ошибкой, тем более, что в этих же церемониалах Ваше величество и в. к. Константин Николаевич «благочестивыми» не названы.

Миропомазание совершалось по особому церемониалу, который был публикуем.

914

Телеграмма, отправленная 16 мая из Москвы, шифром.
Владивосток

Генерал-губернатору.

Государь император изволит признавать нежелательным принятие наследником-цесаревичем от инородцев идолов, о чем его величеством предположено лично написать его высочеству. Для избежания отказов от имени его высочества благоволите принять меры к тому, чтобы идолы не были подносимы.

Мин. вн. дел *Дурново*.

915

Получ. 11 мая.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь
Константин Петрович.

Хотя и с тяжелым чувством, но считаю долгом представить Вашему высокопревосходительству копию письма Хоринского миссионера к пресв. Макарию еп. Селенгинскому о том, как хоринские буряты готовятся встретить его высочество наследника-цесаревича.

Цель поднесения высочайшим особам идолов одна: показать всем, что их вера так же уважается верховною властью, как и православная. И я думаю, что буряты затеяли это не без одобрения местной русской власти. Деньги на золотые и серебряные идолы теперь вносят богатые родона начальники, но потом соберут их с процентами раскладкою на все общество, не исключая и христиан-инородцев. Богатые от этой операции получают барыши, а у бедного буряты на пополнение сбора продадут последнего барана. Так, по крайней мере, всегда делались и делаются пожертвования от бурят. Сарланы составляются из одних родона начальников, и простые буряты не знают даже, на какой предмет делаются с них сборы. Такой порядок выгоден и для русского начальства, которому стоит только сказать «тайше» — собрать столько-то денег на такой-то пред-

мет, и деньги непременно соберутся. Так и всегда будет, пока инородцы не будут подчинены общим с русскими законам, и правительство не перестанет смотреть на инородческих родоначальников, как отцов заботливых о подчиненных им родах. К русским крестьянам начальство никогда не обращается с предложением о пожертвованиях, потому что всякий крестьянин имеет голос в своем обществе.

Если Вашему высокопревосходительству угодно будет довести о прописанном в письме миссионера до сведения его высочества наследника-цесаревича, то я надеюсь, что посланное и с обыкновенною почтою письмо Ваше в Читу или даже Нерчинск может быть благовременно доставлено его высочеству, так как почта из Петербурга до Читы идет около 35 дней, а государь-наследник имеет быть в Нерчинске 22 июня и в Чите 25-го.

С искренним почтением и такую же преданностью честь имею быть

Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Вениамин архиепископ Иркутский.

Иркутск 10 апреля 1891 г.

В столичных газетах появилось известие, что в настоящее время правительство занято вопросом об отношении его к языческим религиям в Сибири. Дал бы Бог, чтобы привили, наконец, трезвый христианам взгляд на эти отношения, отказавшись от всякой регламентации заблуждений, а сохранивши только от вредного влияния их материальный быт инородцев и свободное обращение их к христианству.

916

Копия.

Ваше преосвященство преосвященный владыко.

Хоринские буряты-ламаиты кроме золотого бурхана, о чем ранее мною писано Вашему преосвященству, приготавливают для поднесения его императорскому высочеству наследнику и великому князю Николаю Александровичу еще восемь серебряных бурханов — каждый под золотом, в две четверти аршина высоты. Поднести предполагают на *Кондинской* станции; для cere-

монии поднесения, как первое духовное лицо, должен выехать на Кондинскую станцию из Гусиноозерского дацана Хамболама. Золотой бурхан предназначается государю-императору, серебряные — государыне императрице, наследнику и сопровождающей наследника свите. Пока все это находится в тайне, работают в Онинском дацане — центре всех темных дел.

Его императорское высочество наследник и великий князь Николай Александрович ночует на Онинской станции в здании церковно-приходской школы, может быть посетит церковь. Как встречать его в церкви? Желательно, преосвященнейший владыко, чтобы на это время выехал благочинный протоиерей Никольский на Онинскую станцию.

Бурятские правители предполагают просить наследника захватить в Онинский дацан или Шелотаевский около Курбы.

Вашего преосвященства нижайший послушник миссионер
26 марта 1891 г. священик *Алексей Шергин*.

Прошу, преосвященнейший владыко, меня за сообщения не выдать; буряты обещались поджечь меня, если только я доведу до сведения Вашего, а полиция проглотит меня.

917

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

П.А. Черевин сообщил мне по телефону, что по полученной от к. Барягинского телеграмме опасности нет никакой. Слава Богу.

Душевно преданный

30 апреля.

Ив. Дурново.

Последние известия совсем успокоительны, рана не опасна, больной в полном сознании и весел, температура нормальная.

918

Доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, мне необходимо Ваш дружеский совет, каким способом политичнее будет мне просить его величество об освобождении меня от управ-

ления министерством, предъявление же такой просьбы я считаю безусловно необходимым ввиду полученной мною вчера вечером крайне гневной, собственноручной высочайшей резолюции (по поводу назначения генерала Мартынова сенатором). Будьте добры дать мне знать, возможно ли Вам будет и в какое именно время уделить мне сегодня от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ часа времени для разговора наедине.

Очень обяжете исполнением просьбы
преданного Вам сердечно

17 марта 1891 г.

Н. Манасеина.

919

Доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович, сегодня личного доклада у его величества я не имел (быть может, потому, что он был у принцессы Евгении Максимилиановны); таким образом, тяжелое угнетающее положение должно будет продолжаться еще неделю...

Ваш сердечно

20 марта 1891 г.

Н. Манасеин.

Когда Вы заезжали, я ездил с визитами и был, между прочим, у М.Н. Островского, с которым заранее уговорился о свидании на сегодня по делу о землях на Кавказе и об одной аренде.

920

Совершенно доверительно.

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Весьма сожалею, что Вы меня не захватили дома, — я ездил хлопотать по делам, хотя и не своим, но неотложным. Сегодня я намеревался сам быть у Вас, чтобы передать сведения о моей поездке в Гатчину. Принят я был *любезнее* обыкновенного (хотя этот симптом считается сомнительным); доклад мой на этот раз длился час, не вызывая признаков нетерпения; напротив, государь шутил, улыбался, заговаривал кое о чем постороннем, словом, обстановка была такая, что

закончить доклад переходом к просьбе об освобождении было совсем неудобно, и я решился переждать несколько докладов для заявления моего ходатайства в такую минуту, когда буря совершенно уляжется.

Ваш душой *Манасеин*.

28 марта 1891 г.

921

Ночь 25/26 сентября 1891 г.

Душевно уважаемый Константин Петрович, простите, что замедлил несколько дней ответом на Ваше письмо, просто минуты нет свободной, работаю в полнейшем одиночестве и дни, и ночи и все-таки не успеваю одолевать все дела и за себя, и за несуществующего *товарища*. В короткое пребывание здесь государя императора я не имел у него личного доклада (в среду 18-го было погребение), испрашивать особую аудиенцию при данных обстоятельствах — не считал удобным и потому вопрос о назначении товарища м. ю. остается открытым по меньшей мере до 16 октября (возвращение е. в. ожидается 10-го в четверг); очень, очень нужно бы посоветоваться с Вами по этому поводу, а когда Вы вернетесь — не ведаю. Если припомните, я говорил Вам, что мне были указаны два лица: Неклюдов и М-в. Но первый из них теперь полумертвец, весь трясется и слепнет, а от второго — великого проходимца и интригана — спаси меня судьба. Возможными кандидатами остаются затем: из сенаторов — Голубев, из обер-прокуроров — Бутовский, Горемыкин (2-го д-та), гр. Тизенгаузен (гражд. касс.) и из старших председателей палаты — Завадский. Достоинства и недостатки Голубева Вам хорошо известны, и его кандидатура мне вовсе не улыбается; Бутовский — «хороший мальи́», но только криминалист и из всех пяти по способностям слабейший; граф Тизенгаузен хороший работник, недурной цивилист, но опрометчивый («способный дать рюху») и очень резкий; Завадский также прекрасный работник «на все руки», но штука «тонкая» (глаза, бегающие, прячет под очками); хотя он православный, но в характере его много польского, и «предать», когда это окажется выгодным, нисколько не затруднится; наконец, Горемы-

кин — загадка, сфинкс в некотором роде; лично я его очень мало знаю; при деловых разговорах он объясняется толково, хотя вяло и скучновато; молчать и слушать он умеет хорошо; отзывы об нем очень различны: одни говорят, что он умный человек, другие, что за его молчаливостью скрывается простая глупость, и сходятся только в том, что он морально вполне порядочный человек; познания и служебная опытность у него *должны иметься* в достаточной степени... Вот тут и выбирай, как знаешь. Правда, имеются еще: Безродный, Шамшин, нахал Гончаров, Герард, но что о них говорить. *Знаю*, что пошел бы в товарищи ко мне Валер. Половцов (очень умный, но...) и, наконец, у меня под рукою Красовский, директор д-та, который только 17 лет на службе и всего год директором — этот обладает отличными способностями и вообще молодец...

Извиняюсь, что так распространился о моей «злобе дня», но ведь «у кого что болит, о том он и говорит».

Из коллег наших налицо Ванновский, Дурново, Чихачев, Вышнеградский и, любящий Вас очень, Т-ий; только что прибыли Бунге и Н.И. Стояновский; о Сольском вести дурные; говорят, что на поправление его здоровья (и разума) надежды мало... Вы, вероятно, уже знаете, что Вышнеградский просил летом всеподданнейшим докладом разрешения, при рассмотрении смет на 1892 г. входить в обсуждение расходов по всем м-ствам *по существу*, не стесняясь никакими *утвержденными* штатами, положениями и т. д. По этому поводу нужно ожидать каких-нибудь инцидентов; многим, вероятно, не понравится такой способ действий И.А., нарушающий традиции, прерогативы и проч....

Но для чего писать Вам о делах и деловых вопросах, когда, я думаю, Вы рады-радехоньки их на время совсем забыть среди роскошной крымской природы. Мне она, впрочем, известна только по слухам; я в Крыму никогда не был.

Моя жена (с сынишкой) осталась и на эту зиму в Риге; силами она окрепла, на вид гораздо свежее прежнего, разные побочные болезненные осложнения, крайне ее стеснявшие и отравлявшие ее существование, теперь исчезли, но ноги, по-прежнему, совершенно не действуют; ехать в Петербург она никак не могла решиться, чтобы не потерять снова всех достигнутых благоприятных результатов, и, таким образом, я сно-

ва осужден жить в тоскливом одиночестве, которое для меня крайне тяжело и действует весьма угнетающим образом на мое моральное состояние и настроение.

Вашу просьбу о Подгорецком постараюсь так или иначе исполнить, хотя придумать что-нибудь подходящее нелегко; он высшего образования *не получил* и на службе всего *два года*.

Кончаю, ибо очень уже поздно. От всего сердца желаю Вам как можно больше здоровья и бодрости духа.

Преданный Вам искренно и неизменно

Н. Манасеин.

922

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Получив приглашение прибыть завтра к обеду в Гатчину, едва ли найду возможным приехать к Вам к 4-м часам, а потому решаюсь просить Вас назначить мне свидание в воскресенье или в понедельник для получения от Вас наставления насчет введения в духовное завещание государыни императрицы.

Прилагаю у сего завещание в бозе почившей императрицы Марии Александровны для прочтения Вами введения. Мне кажется, что оно немного холодно, ибо не содержит ни единого слова благодарности государю за семейное счастье, ни одного желания относительно поведения детей, в чем они должны искать счастья.

Хотя ее величество до сего времени не дала мне никаких указаний, но я объясняю себе это тем, что она сама не отдает себе отчета, в чем именно должно заключаться выражение ее воли, и полагаю, что если представить проект введения, то дело пойдет скорее.

Собираюсь в мае ехать за границу, а потому желал бы окончить дело до отъезда.

Душевно преданный и покорный Ваш слуга

26 апреля.

Ф. Оол.

923

Многоуважаемый Константин Петрович.

На будущей неделе мне придется представить ее величеству проект введения в духовное ее завещание, а потому усерднейше прошу Вас, если Вы не признаете возможным на сих днях, т. е. до среды, набросать свой проект, — возвратить мне духовное завещание в бозе почившей императрицы Марии Александровны. Извиняюсь за беспокойство.

Душевно преданный Вам

5 мая 1891 г.

Ф. Оом.

924

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Константин Петрович.

Главное дело, по которому я желал видетъся с Вами, состоит в вопросе о том, как Вы смотрите на напечатание в журнале «Вопр. филос. и психол.» подробного протокола заседания Психологического общества 19-го октября — с текстом речи Вл. С. Соловьева *в том виде*, как она была произнесена, и с изложением прений, как они *действительно* происходили. Вследствие болезни Соловьева набор протокола задержался, ибо, отвлеченный полемикой с «М. Вед.», он не успел еще проверить изложения своих возражений оппонентам в закрытом заседании общества. Дня через 2—3 я надеюсь представить их Вам в наборе, так как получено известие, что Соловьеву стало лучше. Но все-таки я желал бы как можно скорее узнать мнение Вашего высокопревосходительства о напечатании нами всех этих *оправдательных* документов. Обвинения «Московских Ведомостей» настолько тяжки, вызов их к напечатанию речи в подлинном ее виде настолько дерзок и настойчив (сегодня Иловайский повторяет это требование в 3-й раз), что едва ли было бы справедливо отказать нам в возможности доказать фактически, что в реферате Соловьева не было никакого глумления над православием и православной церковью и никакой политической зловредной пропаганды. Соловьев, напротив, говоря о *средневековом* мирозерцании, направляя все свои удары против католичества и католического духа —

духа нетерпимости, насилия внешнего догматизма и ритуализма. Конечно, насколько этот дух стремится воцариться ныне и в православной церкви в лице отдельных и пока еще немногочисленных ее представителей, настолько удары его косвенно падали и на лжепредставителей православия. Вообще впечатление друзей Соловьева было таково, что в своем реферате он отказался раз навсегда от всякой солидарности с католичеством и папизмом, навязанной ему на основании ложного толкования некоторых мест его прежних сочинений легкомысленными и невежественными врагами его. Но «Московские Ведомости», эксплуатируя фальшиво сочиненную (отчасти ими же) репутацию Соловьева «как паписта», а также некоторую отвлеченность его полубогословских-полуфилософских формул и некоторые особенности его мирозерцания, о которых возможны спор и сомнения, очень искусно перенесли свои нападения с почвы реферата Соловьева 19 октября на почву общих догматических вопросов. Играть на этой струне очень выгодно для людей, желающих замаскировать неосновательность своих нападений, но едва ли это прием благородный, особенно когда делается вид, будто все еще идет речь о реферате.

Вот при таких-то условиях и желательно, чтобы выплыла на свет божий *«вся правда, только правда»*, как патетически, но лицемерно восклицают «Московские Ведомости», надеясь на то, что в надлежащий момент от этой всей правды, которую они все призывают, их предохранит не совсем благоприятный для статей, касающихся философии истории, цензурный устав. Ссылки на этот устав в перед. статье в № 304 «Моск. Вед.» были действительно чрезвычайно своевременны и уместны, так как «Московские Ведомости» не без оснований могли бояться, что *вся правда* обнаружится вследствие недостаточно строгого применения цензурных правил и вследствие их собственного неосторожного воззвания о напечатании реферата.

Но так как «Московские Ведомости» произвели уже *соблазн* в публике и сделали скандал из заседания 19 октября, сочинив невероятные и не имевшие места факты, то по всей справедливости надлежало бы ослабить содеянное ими зло раскрытием *всей* правды.

Весьма желал бы знать мнение по сему предмету Вашего высокопревосходительства и завтра лично отвезу Вам настоящее письмо.

Покорнейший слуга Ваш

С.-Петербург.
5 ноября 1891 г.

Николай Грот.

925

Ваше высокопревосходительство.

Так как я чрезвычайно занят, а в пятницу или субботу уже должен ехать в Москву, то в случае если В. п. находите справедливым, согласно правилу *audiatur et altera pars*, выслушать мой отчет о делах психологического общества и журнала, — прошу Ваше высокопревосходительство сообщить мне письменно день и час, когда я могу застать Вас дома и переговорить. Остановился я в квартире отца моего Я. К. Грота в здании Академии Наук (Вас. остр., 7 линия).

Профессор Московского университета

Николай Грот.

Вл. С. Соловьев, как меня уведомили телеграммой, опасно заболел. Если он умрет, то смерть его падет на голову «мошенников пера» и «разбойников слова», которые приютились в редакции «Московских Ведомостей», бывшей газеты М. Н. Каткова. Клевета во все времена была сильным оружием, но особенно возмутительна она тогда, когда факт клеветы может быть удостоверен вполне авторитетными лицами, вроде попечителя, округа или редакц. консервативного журнала. Смерть Соловьева, конечно, этим господам даром не пройдет, если сраженный интригой падет один из талантливейших писателей России.

5 ноября 1891 года.

— 1892 —

926

Красное Село.

Очень прошу мне достать еще два экземпляра нового издания евангелия в малом формате в Москве, которое Вы мне прислали на днях.

30 июля 1892 г.

А.

927

28 октября 1892 г.

Благодарю за присылку фотографий; хорошее и доброе дело постройка этих церквей-школ.

Если Вам не нужны чертежи церквей и часовен, составленных Виноградовым, то я желал бы оставить их у себя; весьма, весьма интересно.

А.

928

10 ноября 1892 г.

Записка, полученная мною от каких-то квакеров-англичан из Австралии, — все та же история. Я полагаю, что и отвечать не следует.

А.

929

Прошу очень благодарить Ванутелли за его книгу, но искренно сожалею, что не могу прочесть ее, так как итальянски мало понимаю.

25 ноября 1892 г.

А.

930

Дайте, пожалуйста, знать митрополиту Палладию, что я могу принять его в воскресенье 6 декабря в Аничковском дворце в $\frac{3}{4}$ 3 часа.

4 декабря 1892 г.

А.

931

Отметка государя Александра III на моей записке 2 января 1892 г.: «Я Вам очень благодарен за доброе намерение, но никогда русские государи не обращались к представителям иностранных государств с объяснениями и заверениями. Я не намерен вводить этот обычай у нас, из года в год повторять банальные фразы о мире и дружбе ко всем странам, которые Европа выслушивает и проглатывает ежегодно, зная хорошо, что все это одни только пустые фразы, ровно ничего не доказывающие».

932

От души Вас благодарим и желаем и Вам мирного и благополучного новолетия.

А.

Благоволите, Ваше императорское величество, принять мои сердечные благожелания Вам, государыне императрице и всему дому Вашему на наступивший год. Год минувший был тяжек во многих отношениях: пошли Боже в наступившем году свое благословение миром и благополучием Вашим величествам и всему народу.

1 января 1892 года.

Константин Победоносцев.

933

Мне сказал брат Владимир, что он уже приказал убрать эту картину.

Вашему императорскому величеству даруй Боже здравство вать на многие годы.

Сердечно благодарю.

Завтра, говорят, Вы изволите посетить и осматривать передвижную выставку. Благоволите, Ваше величество, обратить внимание на картину Ге, которая, сказывают, ожидает Вашего разрешения явиться на выставке. Об этой картине доходят до меня недобрые слухи. Говорят, что она еще возмутительнее той, которая возбуждала общее негодование на прежней выставке. Изображено будто бы заплывание Христа, и Христос написан в самом отвратительном виде. Ваше величество, без сомнения, увидите и решите. Истинно, нельзя думать без негодования об этом художнике, который употребляет свой талант на вульгаризацию евангельской истории. И он поселился у гр. Толстого и пользуется его симпатиями.

26 февраля 1892 г.

Константин Победоносцев.

934

В высшей степени курьезно и отрадно, что он снова возвратился к православию.

Позволяю себе представить на воззрение Вашего императорского величества переписку по любопытному случаю, показывающему, какими кривыми путями иногда простые русские люди отдаляются от церкви и потом возвращаются к ней.

Несколько времени тому назад я получил письмо из Лондона от Бурова с просьбой ходатайствовать за него о помиловании и возвращении в Россию; письмо это я отослал к почтенному нашему Лондонскому священнику для объяснения с Буровым, и получил от него обстоятельное изложение всего дела.

Тогда Буров, по совету моему, прислал из Лондона просьбу на имя Вашего величества.

Просьба эта, вероятно, вскоре будет доложена вашему величеству О. Б. Рихтером.

Мне представляется, что было бы достойно милости — возвратить эту заблудшую овцу домой, где Буров мог бы принести пользу для миссионерского дела.

4 марта 1892 г.

Константин Победоносцев.

Командующий
императорскою
главною квартирою
по
канцелярии прошений,
на
высочайшее имя приносимых.
30 марта 1892 г.
№ 11806.

Милостивый государь,
Константин Петрович.

По всеподданнейшему
докладу моему прошения
крестьянина Симбирской гу-
бернии Василия Бурова о по-

миловании его с дозволением возвратиться в Россию, а также доставленных мне 19-го сего марта Вашим высокопревосходительством всеподданнейшей записки Вашей с высочайшею на оной отметкою и писем на Ваше имя протоиерея Смирнова и просителя Бурова, государь император в 26 день сего марта высочайше повелеть соизволил: передать означенное всеподданнейшее прошение министру юстиции для рассмотрения и доклада его императорскому величеству.

О таковой высочайшей воле, во исполнение коей всеподданнейшее прошение Бурова вместе с сим за № 11805 передано мною министру юстиции, имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство для сведения.

Возвращая при сем помянутые всеподданнейшую записку и два письма, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

О. Рихтер.

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Каюсь, кругом я пред Вами виноват, ибо, по милости моей ослабевшей памяти, сообщал Вам по делу Бурова совершенно неверные сведения. Из прилагаемой справки Вы усмотрите, что он помилован *еще 6 мая*. Еще раз извините.

Преданный Вам сердечно

3 июня 1892 г.

Н. Манасеин.

937

Справка.

6 мая 1892 года, государь император всемилостивейше повелеть соизволил: даровать лишенному всех прав состояния Василию Андрееву Бурову помилование.

Об исполнении означенного высочайшего повеления предложено правительствующему сенату и сообщено командующему императорскою главною квартирою 8 мая сего года за № 13356 и 13364.

938

Очень благодарю его за книгу. Я знаю его лично и много слышал хорошего о нем и о его деятельности. Действительно отраднo иметь такого представителя православия в Германии.

Настоятель берлинской нашей церкви, протоиерей Алексей Мальцев, выпустил в свет другой почтенный труд свой «Всеношное бдение» в немецком переводе. Прежнее его издание «литургии» известно Вашему величеству. Оно произвело сильное впечатление в Германии и в Англии, ознакомив многих с красотами нашего богослужения, а в Потсдаме привлекает множество немцев присутствовать при совершении нашей литургии. Думаю, что перевод всеношной будет встречен с большим еще сочувствием и любопытством.

Препровождаемый при сем экземпляр книги прот. Мальцев просит меня представить Вашему величеству.

Этот достойный пастырь поистине приносит честь нашей церкви и русскому имени в Германии и своим бескорыстным служением, и заботою о нуждающихся, и трудами учительства.

12 марта 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

939

Очень благодарен за книгу, непременно прочту, чтобы возобновить у себя в памяти давно пройденное мною.

Благоволите, Ваше императорское величество, принять пред-

ставляемую при сем изданную мною книгу: *История православной церкви*. Все учебники по этому предмету крайне сухи, и цель моя была дать такую книгу, которая могла бы читаться с интересом. Первое издание выпущено было в виде опыта, в небольшом числе, но оказалось, что книга понравилась, и я выпустил другое, еще исправленное издание.

28 марта 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

940

К сожалению, теперь у меня нет времени перед отъездом.

Отъезжающие с высочайшего соизволения в свои епархии преосвященные Донат Виленский и Феогност Владимирский просят дозволения перед отъездом представиться Вашему императорскому величеству (по приезде они не представлялись).

5 мая 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

941

Очень хорошо, что написали мне, так как по изменившимся обстоятельствам брак этот мною не дозволен.

В присутствии вашего императорского величества, в Гатчине, 6-го мая, Вы соизволили словесно разрешить великому князю Николаю Николаевичу вступить в брак с простою женщиной, которую он желает иметь у себя законною женою, но с тем, чтобы никаких прав при том не было ей предоставлено, и чтобы брак этот не имел никакого официального значения.

Женщина эта замужняя, но о разводе ее, по вине мужа (Буренина), начато дело, по коему петербургская духовная консистория постановила уже решение о разводе, с предоставлением разведенной жене вступить в новый брак. Это решение на сих днях должно быть утверждено св. синодом и вступить в полную силу.

Великий князь Николай Николаевич желает повенчаться с нею немедленно, то есть 16 августа, без всякой огласки, в

деревне, в его имении в Тульской губ. Алексинского уезда, с. Першине.

Но священник, конечно, затруднился бы совершить венчание члена императорской фамилии, не имея в виду высочайшего разрешения на брак.

Великий князь просит меня написать тульскому преосвященному — конфиденциально — о том, что вследствие высочайшего дозволения этот негласный брак может быть совершен.

Может быть, ввиду неофициального характера этого брака, такой способ извещения чрез мое посредство и представлял бы удобство. Но я нахожусь в недоумении, вправе ли я это сделать, и долгом почитаю испрашивать указаний Вашего императорского величества.

Мне неизвестно: 1) словесное разрешение Вашего величества выражено ли в какой-либо форме по министерству императорского двора и 2) были ли по сему министерству какие-либо распоряжения или объяснения с великим князем по поводу предполагаемого брака.

Брак, если совершится, должен быть записан в метрической книге села Першина, по общей форме (образец коей при сем почитаю не лишним приложить).

Вместе с сим пишу графу Воронцову-Дашкову. Великий князь, конечно, будет торопить меня, но без разрешения Вашего величества я не решусь писать архиерею. Если бы Вашему величеству угодно было потребовать от меня личных объяснений, я нахожусь в готовности.

7 августа 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев

942

Очень благодарен, весьма забавно и вообще довольно верно.

Может быть, Вашему величеству интересно будет прочесть в прилагаемой книжке статью «Balance against Force», относящуюся к Вашему пребыванию в Копенгагене.

12 августа 1892 г.

Константин Победоносцев.

943

Оба могут быть в пятницу в 12 час.

Митрополит московский *Леонтий*, прибывший сюда на днях, просит разрешения представиться Вашему величеству.

Вновь назначенный архиепископ финляндский *Антоний* (бывший ректор спб. духовной академии) просит разрешения представиться Вашему величеству.

Оставляя вместе с тем должность наблюдателя за преподаванием закона божия в женских учебных заведениях, он будет просить приема и у государыни императрицы.

14 ноября 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

944

Очень интересно.

Полагаю, что Вашему величеству интересно будет прочесть прилагаемую выписку из письма преосв. Николая из С.-Франциско.

Новый митрополит Палладий прибыл сегодня из Москвы в 10 часов утра и встречен со славою. 21-го числа в Введенъев день, вероятно, он вступит в первый раз в свой кафедральный Исаакиевский собор.

Пришлю сказать, когда могу.

Затем буду ожидать от Вашего величества указания, когда Вам благоугодно будет принять его.

19 ноября 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

945

От всего сердца благодарю за пожелания. Давно это была моя мечта, мое глубокое убеждение, что необходимо прийти на помощь и обеспечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мне это, наконец, удалось.

Дед мой Николай Павлов, начал это дело в 40 годах, а я его только продолжаю.

А.

Вашему императорскому величеству дай Бог здравствовать и радоваться со всем Вашим домом на великий праздник Рождества Христова.

С особой горячностью будет молиться за Вас духовенство. Поистине глубоко тронуты все Вашей милостью, что вспомнили Вы о позабытых давно и бедствующих причтах сельских приходов в глубине России. По милости Вашей ныне уже прибавлено на них в смете 250 000 р. и на следующий год обещано еще более. Многие возрадуются и воспрянут духом. Да хранит Вас Господь в мире на многие годы.

24 декабря 1892 г.
Петербург.

Константин Победоносцев

946

Милостивый государь Константин Петрович.

Решаюсь еще раз (хотя бы только для очищения своей совести, но и не без некоторой надежды на лучший успех) обратиться к Вам как к человеку рассудительному и незлонамеренному. Политика религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия, видимо, истощила небесное долготерпение и начинает наводить на нашу землю египетские казни. Между тем со всех сторон от восточной Сибири и до западной окраины Европейской России идут вести, что эта политика не только не смягчается, но еще более обостряется. Миссионерский съезд в Москве с небывалым цинизмом провозгласил бессилие духовных средств борьбы с расколом и сектантством и необходимость светского меча. Затем эта нелепая история с моим рефератом, который Ваши московские органы называют «скверным вздором». Что в нем нет ничего «скверного», это Вы знаете сами, так как его читали, а если он «вздор», то тем менее понятна вся эта история. На днях различные ученые общества (между прочим, и такие, в которых и Толстой, и я не принимали никогда никакого участия) получили предписание безусловно изъять нас из своего обращения. Что значит такая личная проскрипция? Неужели правительство, среди которого первенствующее место занимают такие умные и образованные люди, как Вы, признает себя не способным судить о том, что говорится, и останавливается только на том, кто

говорит? Вы знаете, что в моем реферате не было ничего непозволительного, и Вы его запрещаете потому только, что он мой. То же самое со статьями Грота и Толстого; когда кто-нибудь другой скажет «здравствуйте», то это только учтивость, но когда то же самое приветствие произнесем мы с Гротом или Толстым, то это, несомненно, преступление. Ну не до явного ли абсурда довели Вы свою систему?

Я не хочу скрывать, что Вы возбуждали во мне очень дурные чувства, и что я давал им выражение в соответствующих словах. Но, видит Бог, теперь я отрешаюсь от всякой личной вражды, отношусь к Вам, как к брату во Христе, и умоляю Вас не только для себя и для других, но и для Вас самих: одумайтесь, обратитесь к себе и помыслите об ответе перед Богом. Еще не поздно, еще Вы сможете перемениться для блага России и для собственной славы. Еще от Вас самих зависит то имя, которое Вы оставите в нашей истории. Говорю по своей совести и обращаюсь к Вашей совести. Словесного ответа мое письмо не требует. Не оставляю надежды, что милость божия Вас тронет и что Вы ответите делом. А если нет, то пусть судит сказавший: мне отмщение, аз воздам.

Владимир Соловьев.

Москва, день св. Афанасия в. и
Кирилла Алекс. 1892 г.

947

Совершенно конфиденциально.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Хорошо, что Вы меня поставили в известность о желании великого князя Николая Николаевича жениться на Бурениной 16 августа.

Великому князю женитьба эта *воспреещена*. Не откажите, ежели возможно, мне сообщить, когда, т. е. какого числа, великий князь обратился к Вам с просьбой дать разрешение священнику на совершение брака.

7 августа 1892 г. Душевно Вас уважающий

И. Воронцов.

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

Ввиду введенного против «Московских Ведомостей» обвинения в продажности я опасаясь, как бы не воспользовались им, чтобы бросить тень на память Каткова. Считаю поэтому долгом переслать Вам мое письмо в «Фигаро» от 15/27 ноября. Простое сопоставление дня смерти Михаила Никифоровича с временем, когда совершился мнимый подкуп «Москв. Ведом.», вполне выгораживает Каткова. Сам обвинитель, впрочем, ясно высказал, что приводимые им факты совершились *после смерти* М. Н., как Вы можете это видеть из заметки, появившейся в «Matin», 26 ноября; другие газеты, как, напр. «Lanterne Cocarde» выпустили в своих отчетах слова «после смерти». Мне удалось достать оригинал показания г. Делагэ, и, в случае, если клевета возобновится, я сделаю надлежащее употребление из этого документа. Между тем я дослал в редакцию «Нового Времени» первые результаты произведенного мною по этому делу следствия. Надеюсь, что оно будет напечатано. Г. Петровский по телеграфу протестовал против обвинения, я советовал ему не удовлетворяться этим протестом и требовать от президента комиссии, чтобы ложность обвинения была доказана.

Глубоко сожалею, Ваше высокопревосходительство, что до сих пор не нашел верного случая для присылки Вам экземпляра моей записки: *Итоги финансового управления И. А. Вышнеградского по официальным документам*. Не смею довериться почте, ибо если бы, не дай Бог, правда о наших фиктивных бюджетах и еще более фиктивном государственном контроле проникла в печать, то кредиту России нанесен был бы неизлечимый удар. Г. Витте купно с племенем Рафаловичей и без того фатально ведет Россию к финансовой катастрофе...

Извините, Ваше высокопревосходительство, что осмелился беспокоить Вас моим письмом, и примите уверение в глубоком уважении и неизменной преданности Вашего покорного слуги

Париж,
3 декабря 1892 г.

И. Циона.

— 1893 —

949

Прошу его очень благодарить.

Лет 15 тому назад при здешнем северо-американском посольстве состоял молодой человек, Иеремия Куртин. Он усердно занимался тогда изучением русского и славянских языков. Давно уже выехав отсюда, он проживает в Америке и в Ирландии, и от времени до времени выпускает в свет свои переводы с русского и польского языка. Так, в недавнее время изданы в Америке переводы его из Пушкина, из Лермонтова, большие польские исторические романы Сенкевича, русские сказки и т. под. Свои издания он мне иногда присылает. Ныне прислал свой перевод «Князя Серебряного», гр. Толстого, и просит меня поднести эту книгу от имени его Вашему императорскому величеству.

8 января 1893.

Константин Победоносцев.

950

Очень благодарен за книгу, и как раз вовремя поспела к началу поста и говению.

Позволяю себе представить Вашему величеству новое, только что появившееся издание книги «О подражании Христу».

От покойного государя слышал я, что он любил эту книгу, держал ее на столе у себя и не раз к ней обращался.

К этому изданию в первый раз прибавлены размышления, выбранные из духовных писателей.

7 февраля 1893.

Константин Победоносцев.

951

Очень благодарен.

Только что отпечатана в Москве любопытная переписка Юрия Самарина с Эдитою Раден, из коей отрывки я имел случай представлять Вашему величеству. Письма эти хранились у Дмитрия

Самарина, который поспешил прислать мне первый экземпляр книги для представления Вашему величеству.

25 февраля 1893.

Константин Победоносцев.

952

Радуюсь, что еще не все болгары забыли то, что сделал для их страны покойный государь.

Копия с телеграммы из Киева от 19 февраля.

Помолившись о упокоении души царя-освободителя, болгарская учащаяся молодежь приветствует Ваше в-л-во в день освобождения болгар и свидетельствует о неизменной преданности России и ее государю.

Студенты *Ситов, Руссович.*

20 февраля 1893.

Константин Победоносцев.

953

Очень ей благодарен.

Некая госпожа Волховская, полтавская помещица, усердная к церкви и ныне строящая церковь у себя в деревне, в 1881 году чрез мое посредство из усердия подносила уже икону Вашему величеству.

Сегодня она явилась вновь с иконою Смоленской Божией матери, которую просит представит от ее усердия Вашему величеству, присоединяя к ней пояс от св. великомуч. Варвары.

1 марта 1893 г.

Константин Победоносцев.

954

Признаюсь, я совершенно забыл это дело Полякова.

Я приказал выдать ему пособие.

Ваше величество изволили приказать запросить меня о Полякове, по всеподданнейшему его прошению.

Припомнив подробности этого, давно забытого мною дела, я послал записку об нем ген.-адъютанту Воейкову, для представления Вашему величеству.

В бумагах моих сохранились три записки Вашего величества по этому делу, писанные в 1875 году. Почитаю не лишним представить и эти записки для возобновления в памяти этого дела.

9 июня 1893 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

955

Слава Богу, так счастливо отделались от этого сумасброда.

До Вашего величества дойдет, конечно, известие о случившемся со мною сегодня и, может быть, в неполном виде, а потому спешу представить точное о сем сведение.

Сегодня, часу в третьем, доложили мне, что пришел какой-то молодой человек на костылях, называет себя учеником псковской дух. семинарии и желает меня видеть по важному секретному делу. У меня сидел в это время Фриш, и неизвестный посетитель дождался на площадке на верху лестницы, перед входом в комнаты. Проводив Фриша, я вышел к посетителю на лестницу, отворил дверь и стал спрашивать, какая ему нужда до меня. А он, закричав диким голосом: «*вот он*», бросил с шумом свои костыли и бросился на меня с кулаками; в одном кулаке был у него раскрытый нож (небольшого размера, какие делаются со штопором). Я успел отскочить в комнату и затворил дверь, но он пробовал еще ломиться в нее. Бывшие на площадке люди тотчас задержали его и сдали полиции. Он спокойно сошел на костылях вниз, с 3-го этажа.

В полиции по обыску нашли у него увольнительный вид, из коего видно, что он ученик 5-го класса псковской семинарии, Владимир Гиацинтов, отпущен начальством в Петербург 25 марта, приехал сюда 26-го и в тот же день поступил в клинику на Выборгской стороне, откуда выбыл только сегодня утром; по словам его, в клинике делали ему операцию. Оказалось, что он сегодня же справлялся в адресном столе о моем адресе, а приехав сюда, расспросил об нем на станции железной дороги. Это нападение на меня произошло так быстро и

казалось так безумно, что не произвело бы мне никакого волнения, перепугав лишь больную жену мою. Я пошел тотчас гулять в парк, а вернувшись, зашел в полицию и увидел неизвестного юношу. Он имеет жалкий вид и смотрит как будто дурачком. Когда я стал спрашивать его, для чего он на меня бросился, он стал лгать, путаясь в словах; стал уверять, что приехал посмотреть Царское Село, а ко мне пришел, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение, вовсе отрицая с глупою улыбкою, что он напал на меня. Так я и оставил этого жалкого человека. Его сдадут следователю. Сегодня приезжал прокурор и расспрашивал его, но ничего, кроме путанного лганья, не услышал.

При нем оказался еще грязный узел и в узле три истасканных учебника.

Покуда не видно еще никакого объяснения этому странному приключению. По-видимому, он пытался убить меня или поранить, но трудно себе представить, какие были к тому мотивы и почему он приступил к этому лишь по выходе из больницы, пролежав там два с лишком месяца, притом с такими незначительными приготовлениями, каков небольшой карманный нож (сегодня же им купленный). Следствие, может быть, раскроет что-нибудь. Я затребовал об нем сведения из Пскова, где, как он говорит, есть у него младший брат в той же семинарии и еще брат учителем. По всем признакам, он какой-то слабоумный и дряблый мальчик (19 лет).

21 июня 1893 г.
Царское Село.

Константин Победоносцев.

956

Императрица действительно весьма интересуется этим делом, по отнюдь не желает вмешиваться в эти семейные дела.

Смею утруждать Ваше императорское величество прилагаемой запиской. Я позволил себе это по следующему поводу. Княгиня Барятинская (урожд. гр. Штейнбок), крайне озабоченная намерением сына ее вступить в брак со Свечиною (которая разводится с мужем), обращалась со своею скорбью к участию государыни императрицы, а ее величество указала обратиться ко мне. Итак, об этом деле могут быть разговоры

и вследствие того разные недоразумения, в предупреждение коих считаю долгом изложить в записке истинное положение дела.

23 ноября 1893 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

957

Очень Вам благодарен, прочту непременно.

Позволю себе представить Вашему императорскому величеству книжку, мною изданную.

С первой своей молодости был связан тесной дружбой с покойною Эдитою Раден, я хотел почтить память ее этим воспоминанием об ней, для немногих остающихся друзей ее и близких к ней людей. Книжка эта отпечатана в числе 200 экземпляров.

25 ноября 1893.
Петербург.

Константин Победоносцев.

958

Письмо Васильевича стоит того, чтобы прочел его Н.К. Гирс, хотя я думаю, что в этом письме проглядывает ненависть и борьба партий.

Долгом почитаю представить Вашему императорскому величеству полученное мною сегодня из Белграда письмо от г. Васильевича, бывшего сербского посланника и министра. Васильевич человек благонамеренный и преданный России, бывший воспитанник киевской духовной академии.

Совестно обременять Ваше величество, но было бы о чем доложить, если б Вы изволили назначить время мне для явки в Гатчину.

На этой неделе решительно нет времени, а в понедельник 27 дек. могу Вас принять.

15 декабря 1893 г.
Пбург.

Константин Победоносцев.

959

Чрезвычайно грустно, но на этот раз надо быть весьма строгим и раз навсегда прекратить эти безобразия. — Я еще ничего не слышал об этом.

Надеюсь, Вы переговорите лично с С.А. Шереметевым, и что он со своей стороны примет энергичные меры.

До сведения Вашего императорского величества, конечно, уже было доведено о беспорядках, возникших 1—4 декабря в тифлисской духовной семинарии. Они приняли такие размеры, что признано нужным распустить немедленно всех учеников.

Официальное донесение о подробностях и о предполагаемых мерах еще не получено в синоде. Затем необходимо будет рассудить, что делать с семинарией и какое дать ей устройство для того, чтобы твердыми мерами сдержать грузинскую агитацию.

Между тем от ректора семинарии получено приватное донесение о беспорядках и о причинах, коими они были вызваны. Долгом почитаю представить Вашему величеству выписку из этого донесения.

Давно уже заметно, что на Кавказе ослабело управление, и власти как бы бездействуют, ввиду несомненно усилившейся агитации грузинской и армянской. Из частных известий, отовсюду приходящих, видно, что движение, особливо армянское, распространяется по всему краю. Обе эти народности, не подчиняясь общей культуре, заражены безумными мечтаниями о восстановлении национальной самостоятельности. Только крепкая власть может сдержать и погашать эти безумные мечтания.

19 декабря 1893 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

960

Нам положительно все равно, какая партия возьмет верх, лишь бы она не подчинилась влиянию Австрии, а действовала в национальном духе. Передайте и это письмо Гирсу.

Сегодня получил я новое письмо от преосвящ. Михаила из Белграда.

Васильевич?

Мог бы я по прежнему приказанию Вашего величества переслать это письмо Н.К. Гирсу, но как в нем передается поручение от имени короля на имя Вашего величества, то я спешу представить его Вам.

Притом, во избежание недоразумений, считаю нужным оговориться. Эти письма митрополита Михаила для меня неожиданны. Вообще постоянной переписки у меня с ним нет, тем менее по делам политическим, в которые я никоим образом не мешаюсь.

28 декабря 1893 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

961

Душевно уважаемый Константин Петрович, я к Вам еще являюсь печаловаться о моем положении и посоветоваться о том — нельзя ли будет «скомбинировать» вместе и посредничество и письмо, в котором, мне кажется, возможно в виде основательного довода указать на тяжелый недуг жены моей и вытекающие из этого последствия: жизнь в разлуке с семьей (которую я могу навещать только изредка) и постоянное тревожное и угнетенное состояние духа.

От всего сердца благодарю Вас за Ваше дорогое и теплое ко мне участие и весьма извиняюсь, что я Вас растревожил моими грустными делами.

30 мая 1893 г.

Ваш душой Н. Манасеин.

Заседание 1 д-та сената последует в понедельник, в час полудни.

962

Душевно уважаемый Константин Петрович.

Прием сегодня был *достаточно* сухой, но об сенатском инциденте не было сказано ни слова.

Посланная же мною в понедельник записка с донесением об исполнении высоч. воли была возвращена вчера (во вторник) *вечером* с надписью красным карандашом «хорошо».

В отпуск на лето для лечения я отпросился с правом уехать после следующего моего доклада 9 июня.

Преданный Вам сердечно

2 июня 1893 г.

В. Манасеин.

963

Пол. 29 нояб. 1893

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Константин Петрович.

Пишу Вам наскоро, пишу *по секрету*, ибо дело не *маловажное*. Сегодня я положительно уже узнал, что русский министр Ермолов в переписке с здешним *нигилистом* Дементьевым (по-американски Demens), а по псевдониму — *Тверским*, который пишет в «Вестнике Европы» всякие были и небывальцы об Америке. Сего-то господина, не признающего ни Бога, ни государя, русский министр зовет спасать наше отечество, обещая ему свое покровительство и все, чего он попросит. Ему обещают дать для экспериментов все *лесопроизводство русское* и постройку сибирской дороги... «Хотя законы и не позволяют делать того-то и того, — так пишет русский министр, — но я устрою для Вас иначе». Пишет ему на десяти страницах, называя его единственным в мире человеком, исполненным разума, а к отечеству нашему относится как нельзя хуже. Деменс хохочет над наивностью русского министра и послал ему неслыханные условия, а главное — чтобы быть *без законов русских*... Письмо Ермолова он читает вслух многим в доказательство того, как в России *попираются законы блюстителями закона*... Когда он мне лично передавал это, я не мог верить; но вот сегодня приехал из Лос-Анджелеса мой хороший знакомый, который нам читал это письмо, писанное на бланке министерства госуд. имуществ. Дементьев меня уверял, что он большой приятель Ермолова, а Петров даже его родственник. Дементьев собирается в марте месяце ехать в Россию, чтобы поторговаться с русскими министрами...

Теперь два слова о том, кто этот Дементьев. Как сам он говорил мне, он из людей 60-х годов и всеми силами души ненавидит нынешнего государя, веры никакой не признает, и трое его детей доселе еще не крещены, хотя старшему уже около 10 лет.

Он близкий приятель *Стейнека* и знаком со всеми нигилистическими и анархическими главарями. Убеждений самых крайних, ведет громадную переписку со многими лицами в России — во всех слоях общества... Увлекается его *сказками* и «Вестник Европы», многие ему доверяют, пишут и даже приезжали сюда на поклонение. Я видел таковых господ в Чикаго и слышал своими ушами восторженные отзывы о Деменса статья. Я был проездом в Лос-Анджелесе, и даже у самого Деменса, и, кроме убеждений, что это *русский Хлестаков, но злой Хлестаков*, — ничего не вынес. И вот теперь такую-то *птицу* вызывает русский министр в Россию и хочет вручить ему народное хозяйство с неограниченным правом и вне юрисдикции русского закона... Как русский, как епископ, я не могу быть равнодушен к этому, ибо знаю, что *зовется под прикрытием власти — гидра нигилизма в Россию* и около самого государя. Не дай Бог, чтобы у нас повторились еще когда-нибудь те ужасы, какими ознаменовались *времена либеральных деяний наших либеральных министров*.

Дементьев — в этом роде не *ничтожество*, он может сыграть весьма плохую штуку... Вот почему я, до крайности огорченный всем тем, что услышал и сам лично, и чрез других, пишу Вам и прошу Вас как-нибудь расстроить это дело. Проверить это легко, стоит только похвалить в присутствии Ермолова *статью Тверского «Десять лет в Америке»*, — и он уловится на сию удочку.

Из того, что я слышал от Деменса, могу заключить, что в наши высшие сферы стали снова проходить *люди не совсем серьезные*, чтобы не сказать более...

Призывая на Вас Божие благословение, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою и богомольцем

Николай, епископ алеутский и аляскинский.

У нас, слава Богу, пока все благополучно. С выставки получил известие, что еще одна фирма московская пожертвовала два ящика материи на наши церкви. Прилагаю при сем рапорт Севастиана: из него можете видеть, что он уже в брит. владениях и ездит безуспешно.

1893 г. 9-21 ноября.

Г. С.-Франциско.

Получ. 7 февр.

Ваше высокопревосходительство Константин Петрович.

Теперь, когда скандал со знаменитым чеком «Московских Ведомостей» немного улегся, я считаю долгом изложить вкратце всю эту печальную историю.

Следственная комиссия с первых же дней открыла истину, да и это нетрудно было, так как французские министры, раздававшие деньги, тотчас же сообщили всю правду ее председателю, г. Бриссону, дабы побудить его не давать делу огласки и оставить его под спудом. Вот почему она так неохотно выслушивала г. г. Щербань, Татищева и Суворина.

Так как я не скрыл, что, отвечая под присягою, я *должен* буду сказать все, что знаю, то комиссия, по соглашению со мною, отказалась меня выслушать, но зато я добился удовлетворения, что г. Рибо под угрозю немедленного изгнания Яковлева-Павловского и прекращения содержания, получаемого Татищевым из французских секретных фондов, побудил их добиться от Суворина, чтоб он восстановил правду и поместил категорическое опровержение, которое я от него потребовал по телеграфу.

Знаменитый чек в полмиллиона франков действительно был выманен у панамского общества для покупки «Московских Ведомостей». Произошло это несколько месяцев после смерти Каткова. Не знаю, кто возымел мысль обратиться к французскому правительству, но переговоры велись одним корреспондентом «Московских Ведомостей» — Щербанем, или таинственным Эбраром, или же нарочито приехавшим Шатохиным — этого я раскрыть не мог, но зато *несомненно*, что барон Моренгейм содействовал этой грязной проделке, за что и получил *половину* этой суммы. Сколько досталось Петровскому, сколько его посредникам — мне, разумеется, неизвестно. В первый момент я даже полагал, что Петровский тут был ни при чем. Но страх, объявивший его при одной мысли, что я занялся разъяснением этого дела, служит для меня *несомненным доказательством*, что у него «рыльце в пуху». Иначе зачем было ему ругать меня за то лишь, что я совершенно искренно взялся выгораживать имя Каткова, ничуть не подозревая, что

«Московские Ведомости» действительно замешаны. Как только я узнал истину, я отстранился от дальнейшего расследования, опять-таки совершенно искренне советуя Петровскому поручить дело г. Щербаню: если бы он был не причастен к делу, то он довел бы дело до суда и воспользовался бы моим предложением доставить ему *оригинал* показания г. Делагэ перед следственной комиссией, переданный им в одну французскую газету. Это предложение я ему сделал письменно прямо и через г. Любимова и печатно через «Nouvelle Revue» от 1 января. Он предпочел ругаться — значит, он чувствует себя виновным и участвовал в дележе.

Моренгейм, впрочем, получил не только 250 тысяч с *этого чека*, французское правительство некоторое время перед свадьбой его старшей дочери выдало ему 300 тысяч франков. На этот раз посредником ему служил некий д-р Нахтель, американский поляк, весьма подозрительный авантюрист, устроивший в Париже Ambulances Urbaines, которых председательница баронесса Моренгейм. Деньги выданы были г-м Фрейсинэ, который опять-таки прибегнул к панамскому обществу. (Раскрытие этого последнего факта заставило его *внезапно* покинуть министерство.) Кстати, прибавлю, что барон Моренгейм получил и третий куш в 200 тысяч франков перед свадьбой своей младшей дочери — на этот раз от г. Госкье, банкира, по поводу нашего злополучного 3% займа, в ноябре 1891 года. Это всем известный факт. Госкье не скрывал его.

То, что я пишу Вам про Моренгейма, хотя и сообщено было министрами *по секрету* г. Бриссону и членам бюро следственной комиссии, но очень быстро разгласилось в дипломатическом корпусе. Австрийское посольство, чрез негодяя Нотовича, пустило историю в французскую печать — именно в прилагаемой статье «*Journal*», зная мои враждебные отношения к барону Моренгейму, меня примешали к делу, хотя и не называя, но указывая довольно ясно, в надежде, что я воспользуюсь этим случаем, чтобы погубить Моренгейма. Я хотел затеять процесс, но «*Journal*» поспешил заявить, что под иностранным доктором вовсе не указывал на меня, которого враждебные отношения к обвиняемому иностранному послу слишком общеизвестны. (Прилагаю эту заметку.) Одновременно приехавший сюда Татищев (который уже с 1888 года

получает субсидии от французского министерства) для того, чтобы добиться от маркиза Мореса опровержения, сообщил ему, что знаменитый чек получен был Моренгеймом. Но не довольствуясь этим, он в сообщничестве с Павловским, и, вероятно, с молодым Сувориным, послал в «Новое Время» депешу об обвинении, взведенном в «*Journal*», но скрыв, что «иностранный доктор» обвинялся только в посредничестве для Моренгейма — прямо инсинуировал, что я получил его. Как мне ни было неприятно, но на этот раз я твердо решил разоблачить истину пред комиссией или, если понадобится, и перед судом. Моренгейма я из уважения к его званию как представителя государя старался не затрагивать, но Татищевы, Суворины, Петровские и др. заплатились бы. На другой же день я переслал президенту комиссии письмо (которого прилагаю копию) с фотографическим снимком донесения Татищева к Флоке и т. д. (Прибавляю кстати, что эти и другие письма Татищева также в оригинале показаны были мною несколько лет тому назад г. г. Феоктистову, Любимову, Грингмуту и др.) Письмо мое вызвало в комиссии большой переполох, так как очевидно было, что, задетый за живое русскими газетами, я не отступаю перед полным раскрытием истины. Тут-то вмешался г. Рибо и через общего друга умолял меня не разглашать этой истории, могущей сильно повредить в общественном мнении русско-французским отношениям. Я изъявил согласие, только под условием, что «Новое Время» напечатает мои опровержения. Суворин телеграфировал мне, что напечатает поправку телеграммы его корреспондента, но я потребовал и добился помещения и опровержения, появившегося в «*Journal*», и только после этого согласился не явиться в комиссию и отказаться от показания. До поры до времени буду хранить молчание. Но все эти негодяи, продавшиеся иностранному правительству, ничего не потеряют от этой отсрочки. Все это в свое время будет выведено на свет Божий.

Между тем я счел долгом сообщить Вашему высокопревосходительству всю правду.

С глубоким уважением и полною преданностью имею честь пребыть

Вашего высокопревосходительства

Париж, февраля 1893.

покорный слуга И. Цион.

Это очень мило и сердечно.

Ваше императорское величество
всемиловитвейший государь.

Читая о всех тех овазиях, которые оказываются во Франции русским морякам, а в лице их Вашему императорскому величеству и всей России, и видя в этом залог не только франко-русского союза, но и величие России (отныне бо начнут ублажать ее вси роди) и ее царствующего дома, залог торжества коренных ее принципов — самодержавия, православия и народности, — не могу удержаться, чтобы от всего сердца не приветствовать Вас, державнейший Государь, с этими чудными, переживаемыми Вами (я в этом уверен) и всею Россиею, настроениями.

Я понимаю, что трудно ожидать полного единения двух народов, различных между собою и по религии, и по культуре, и по характеру; понимаю, что желать такого тесного сближения этих двух народов — значит рисковать основными принципами России, служащими для нее краеугольным камнем; но я понимаю и то, что здесь возможно и обратное явление — еще большая устойчивость в своих основах России и незаметное распространение этих основ на другой народ: так часто дружба приятелей, равных в правах и положениях, приводит к добровольному, любовному, неприметному подчинению менее сильного характера более сильному, менее нравственного более нравственному. Почему знать, быть может, мы являемся очевидцами зарождения такой именно дружбы между двумя великими народами. Нельзя ведь нынешние события считать выражением только политических мотивов и надежд; скорее так, что политические отношения уже родили сердечные. Ввиду этого совершающиеся события получают еще большую важность и значение.

Вот почему я, охваченный радостным сознанием важности и величия всего совершающегося теперь в нашем мире, дерзаю беспокоить тебя, державнейший государь, своим личным искреннейшим приветствием, дерзаю поздравить тебя с этим общим для нас праздником.

Да почит благословение Божие на зарождающемся сближении двух народов. Да послужит это сближение во славу и

расширение православной святой церкви. Да пожнут плоды от этого сближения ты и сыновья твои и сыны сынов твоих, а также верная тебе Россия и дружественная Франция.

Да будет радость наша исполнена.

Да будет бессмертен твой царский род.

Да здравствует Россия и Франция.

Прости, всемилостивейший государь, что осмелился беспокоить тебя и повергнуть к стопам твоим свои личные чувства.

Верноподданный и совершенно преданный

Вашему императорскому величеству

студент с.-петербургской духовной академии.

С. Петербург, октябрь 1893 года.

— 1894 —

966

Сердечно Вас благодарю и искренно *желаю* и Вам того же.

Ваше императорское величество — даруй Боже Вам и всему дому Вашему и всем нам лето благоприятное, мир и благополучие. Да хранит Вас Господь в здравии и крепости сил. Приношу Вашему величеству глубокую признательность за высокую честь, коей Вы меня удостоили назначением в звание статс-секретаря.

Счастлив, если мог доставить Вам этим удовольствие.

Вашего величества преданнейший,

верноподданный

1 января 1894 г.

Константин Победоносцев.

Петербург.

967

От всего сердца благодарим.

Сейчас только узнал о радостном событии и спешу всей душою поздравить Ваше величество и государыню императрицу. В 1875 году 25 марта мне довелось первому поздравить Ваше величество с рождением первой дочери — теперь спе-

шу, только что узнав, выразить свою радость и свое сердечное желание, да благословит Бог миром и счастьем этот первый в семействе Вашем брачный союз.

13 января 1894 г.

Вашего величества
преданнейший *Константин Победоносцев.*

968

Мне это дело мало известно, но обратитесь к в. к. Константину Константиновичу, он заведует всеми делами брата и его попечитель и вполне пользуется моим доверием.

Получив сегодня прилагаемое письмо великого князя Николая Константиновича, ничего иного не могу сделать, как представить оное на благоусмотрение Вашего величества, с приложениями к нему.

До сих пор я не имел никаких сношений с великим князем. Раз только получил от него телеграмму о снабжении церквей, по коей вступил в переписку с местным архиереем.

27 февраля 1894 г.

Константин Победоносцев.

969

По указанию государя императора имею честь представить Вашему императорскому высочеству письмо великого князя Николая Константиновича.

На сих днях буду иметь честь явиться к Вашему высочеству для дальнейших указаний.

2 марта 1894 г.

Вашего высочества
преданнейший *Константин Победоносцев.*

970

Получ. 17февр.

7-го февраля 1894 года.

Село Николаевское,

в Голодной степи.

Ваше высокопревосходительство

Константин Петрович.

С глубоким уважением и от всей души обращаюсь к Вам, к

горячо любимому профессору моему, с просьбой оказать мне сочувственное покровительство Ваше в достижении намеченной мною цели.

Я посвятил свою жизнь оживлению мертвых земель средней Азии, для устройства в Туркестанском крае новых русских поселений с православными храмами и церковными училищами. Но одному, без содействия правительства, почти невозможно совершить такое большое дело. Несмотря на все мои старания в течение 12 лет, проведение громадных оросительных каналов к Мурза-Рабашу идет медленно за недостатком денежных средств, которые могли бы быть ассигнованы из государственного казначейства или из департамента уделов. 100 тыс. рублей, присланные мне два года тому назад министром финансов «в дополнение к затрачиваемым мною личным средствам», значительно подвинули вперед начатое мною предприятие.

Я почту себя вполне счастливым, если мне удастся, с божьей помощью, оросить хотя бы часть обширной Голодной степи, заселить ее русскими и тем заслужить милость государя-императора.

Копии письма ко мне преосвященного епископа Григория и ответа моего на его имя я считаю долгом приложить при сем для выяснения некоторых неизвестных Вам подробностей. Что же касается до моей деятельности вообще, то сообщить о ней могут лейб-медик Н. Ф. Здекауер и секретарь имп. вольн. экон. общ-ва Г. П. Сазонов, которые виделись на днях с доктором Занг, сопровождающим моего маленького больного сына.

Позвольте просить Вас, глубокоуважаемый Константин Петрович, принять мои искренние пожелания Вам счастья и здоровья.

Сердечно преданный Вам *Николай*.

971

С удовольствием жертвую эти 2000 р.

Позволяю себе представить Вашему величеству о нижеследующем:

Саблер пишет из Тифлиса, что прекрасный древний храм в

Анануре находится в жалком положении и грозит разрушением. Двери уже запечатаны, из купола вывалился камень, и крыша совсем разрушается. По смете архитектора потребно не менее 3000 рублей на необходимый ремонт крыши, а в церкви имеется всего 500 рублей и других средств нет.

Приходит на мысль: не соизволите ли Ваше величество пожаловать 2000 рублей на этот ремонт древнего храма, остальные 500 рублей мы нашли бы у себя, но внимание Вашего величества к сохранению этого древнего храма было бы драгоценно для края.

19 марта 1894 г.

Константин Победоносцев.

972

Радость и успокоение для нас большое. Да благословит их Господь. — Сердечно благодарю.

Сегодня в городе распространился слух, по-видимому, из достоверных источников, что решено благополучно дело о супружестве наследника-цесаревича. Если это правда — чего дай Боже, спешу от всей души поздравить Ваше императорское величество. Радость будет великая для всех и со многих верных душ снимется тяжкая забота, и отовсюду поднимутся молитвы, да увенчает Господь счастливым исходом начало драгоценного дела.

9 апреля 1894 г.
Петербург.

Константин Победоносцев.

973

Воистину воскрес. Сердечно благодарю, и да услышит Господь Ваши желания и да будет невеста сына радостью и утешением России и нас всех.

Дай Бог светлой радости Вашим императорским величествам на светлый праздник, *Христос воскрес.*

Все мы особливо нынче радуемся. Новая заря открывается для Вас и для России. Молимся: о, когда бы нареченная невеста цесаревича поняла и полюбила Россию и церковь нашу, и народ наш и вошла бы всею душой в предстоящее ей великое

дело. И когда войдет она в семью, да прибавится с нею Вам и всем нам новая радость и новая надежда.

Вашего величества верноподданный

16 апреля 1894 г.

Константин Победоносцев.

Сергиева пустынь.

974

Май 1894.

8. Никакое должн. лицо гражд. ведомства не может считаться назначенным на должность или уволенным от нее до воследования выс-го о том приказа. Но подлежащим нач-вам, от коих зависит определение к должности и увольнение от нее, предоставляется впредь замещать вакантные места по своему усмотрению, в пределах предоставленной им власти, а равно освобождать от исполнения обязанностей по должностям и допускать к сдаче дел, с тем, однако, что назначенные указанным порядком лица считаются означенными в том только случае, если назначение будет подтверждено выс-м приказом, причем назначение это следует считать с того времени, когда состоялось распоряжение о возложении на данное лицо исполнения обязанностей по должности, лицам же, уволенным изъясненным порядком, м. б. выдан аттестат не ранее воследования об увольнении высоч. приказа.

975

Спб. В.О.,

4 линия, соб. дом № 11

12 апреля 1895 г.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Не могу воздержаться от сообщения Вам того высокого духовного наслаждения, которое я испытывал при чтении сегодня сделанной Вами в историческом об-ве характеристики почившего государя. Перед Вашими слушателями и читателями Вы с неподражаемым мастерством развернули и показали жизнь во всей ее глубине, ширине и сложности, причем крупными чертами захватили все подробности, образующие личность... Конечно, после Вашей характеристики личность им-

ператора Александра III вводится просто в сознание России как образ всех лучших свойств ее народа, но мастерски и художественно написанный образ установит в России и верное понимание духовных свойств мастера-художника. Отчего нет у нас должности советника царя, в которой, отрешившись от всяких занятий и мелочных работ по разным должностям, Вы бы могли быть наиболее полезны России при юном государе и наиболее долго сохранить драгоценные для нее силы, которыми наделил Вас Господь.

Глубоко, всюю душою Вам преданный

М. Кази.

976

9 апреля 1895 г.

Воистину воскресе,

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Да живет в новом царствовании дух прошлого славного царствования Александра III. Да крепнет русское самосознание, изгоняя наносную доктринерскую тьму. Великое всенародное спасибо Вам за Вашу превосходную речь в историческом обществе *в присутствии государя*. Это не просто речь, а событие, политический акт, полный последствиями. История отметит его с благодарностью. Помоги Бог государю проникнуться сказанным Вами.

Бесполезно говорить, как я благодарен Вам, глубокоуважаемый Константин Петрович, за присылку Вашей речи: это был лучший пасхальный подарок.

Вместе с письмом посылаю рукопись речи и, кроме того особым пакетом, 20 экземпляров «Московских Ведомостей».

Помогай Вам Бог и храни на многие лета на благо России и в поучение нам.

Искренно уважающий

и глубоко преданный С. Петровский.

Не сделать ли отдельные оттиски речи?

977

Ваше высокопревосходительство,
глубокоуважаемый Константин Петрович.

Простите меня, что беру смелость написать Вам несколько слов. Прочитав в «Новом Времени» речь Вашу в имп. истор. общ. я не могу удержаться от сердечной потребности низко Вам поклониться за все Вами так чудесно, так прекрасно выказанное.

Вы сказали то, что глубоко чувствует каждое *русское* сердце, и потому я и осмеливаюсь исключительно, как *русский*, выразить Вам мою скромную, Вам не нужную и не интересную, но тем не менее горячую и наисердечнейшую признательность. Уверен и убежден, что Вы не рассердитесь на мою смелость, не сочтете за дерзость с моей стороны непреодолимое желание выразить Вам то, что наверное чувствует и должен чувствовать каждый русский человек при чтении Вашей увлекательной речи, полной веры в русский народ, правды и любви.

С чувством глубокого уважения остаюсь
покорнейшим слугой Вашего высокопревосходительства

14 апреля 95 г.
Царское Село.

Давид Озеров.

978

Дрезден, 14/26 апреля 1895 г.

Любезнейший Константин Петрович.

Очень благодарю тебя за любезную присылку «Московских Ведомостей».

Твоя речь превосходна. Я прочел ее с сердечным интересом. К покойному государю я всегда имел горячее обожание. Он был первый *русский* царь нашего столетия.

Я до сих пор помню впечатление, которое на меня произвела твоя прекрасная речь, сказанная за обедом при праздновании 25-летия нашего училища. Она тогда всех нас расстрогала.

Ис полла ети деспота...

Искренно любящий Р. Энгельгард.

14/IV—95 г.

Искренно уважаемый Константин Петрович.

Пишу Вам в вагоне ж. д. возвращаясь в Киев из поездки по краю, и пишу под свежим впечатлением только что прочитанного мною в газете «Новое Время» слова Вашего в русском историческом обществе в честь безвременно отозванного от нас незабвенного нашего государя-императора. Глубоко прочувствованное слово Ваше вызвало у меня слезы умиления, и я не могу удержаться от желания выразить Вам сердечное русское спасибо за произнесенные Вами слова. Да сохранит Господь, любящий грешную русскую землю, таких деятелей, как Вы, на многие годы, да не оскудеют на Руси доблестные борцы за правду и веру нашу православную, которые с гордостью и уважением могут взирать на достойнейших деятелей, каким Вы, дорогой Константин Петрович, всегда и неизменно были.

Простите меня за искреннее, задушевное слово, написанное плохо, в вагоне, но вызванное, неподдельным чувством сочувствия, уважения и благодарности.

Здравствуйте и не забывайте искренно преданного Вам

графа *Алексея Игнатьева*.

30 апреля 1895 г.

Долгоруковская, д. Поповой.

Ваше высокопревосходительство.

Посылаю Вам при сем свою новую брошюру «Борьба века». Историю прав. церкви я получил и напечатал о ней заметочку. Меня только удивил эпитет «гордый» в приложении к св. Василию великому.

Но если я был чем-нибудь очарован, то это речью 6 апреля: по форме и по мысли это нечто прямо замечательное. Не понимаю, как Вы умели вложить такую сложность мыслей в такое малое количество слов. Надеюсь, что я не подавал Вам поводов заподозреть меня в лести, и потому не стесняюсь мое буквально восхищение этим необычайным мастерством выразить автору. Исходя из этой речи, я написал и свою май-

скую летопись. Вообще, я крайне завидую ходу развития Вашей мысли. Не знаю, виноваты ли *мы*, люди, как я, что развивались совсем иным, путаным путем, сами ли мы виноваты или отцов вина тяготела на нас. Но тяжело подумать, сколько силы у нас бесплодно погибло только от негармонического развития. Оттого и на творчество ничего не осталось. А в юношеском возрасте, право, у многих были очень хорошие задатки.

Оставляю бесплодные сожаления. Но Вашему высокопревосходительству следовало бы издать отдельной книжкой все такие вещи. У Вас их не мало: речи, опубликованные письма и т. п. Это было бы очень полезно хотя бы для тех, которые уже начали понимать необходимость *стройного* мирозерцания и ищут его.

Остаюсь с искренним и глубоким уважением

А. Тихомиров.

981

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Искренно благодарю Вас за добрую память обо мне и за любезное приглашение. Хотя и чувствую себя нездоровым, но постараюсь все-таки приехать.

Не могу не поделиться с Вами тем чувством восторга и радости, которое я испытал при чтении поистине образцовой во всех отношениях речи Константина Петровича Победоносцева в историческом обществе. Нет, не оскудела еще русская земля, жив ее гений, жива ее душа. Какая ясность взгляда и определений, какая сила, убедительность и красота слова, какая глубина исторического понимания, с особенною яркостью выступающая в сравнении двух царей — Александра II и Александра III.

Сердечно жалею, что не имею ни случая, ни возможности лично выразить все это автору речи, которую следовало бы постоянно держать перед глазами и в памяти всем русским (в особенности государственным) людям. Мне горько, а порою и страшно становится при мысли, что понимание значения царствования Александра III может померкнуть и даже вовсе

утратиться в нашем ничему не поучающемся и все забывающем обществе. Давно ли, кажется, было и 1 марта, и манифест, и общее успокоение, и мирное завоевание умов и сердец чуть ли не всего обрадованного человечества, и торжество русской правды над чужеземной ложью, и святая кончина, и проявление небывалого всемирного восторга. Давно ли? А послушайте, что уже опять говорится кругом, посмотрите, кто поднимает голову... Положительно страшно.

Простите, что разболтался. От избытка сердца уста глаголют. Надеюсь, до скорого свидания. Искренно уважающий и преданный Вам

Г. Кутузов.

Приложение
Письма Александра III
в бытность цесаревичем

982

Любезный Константин Петрович.

Позвольте мне пожелать Вам счастья и здоровья на новоселие. И примите этот хлеб-соль от желающего Вам всего лучшего

и искренно любящего Вас

10-го января 1866 года.
С. Петербург.

Александра.

983

Любезный Константин Петрович.

Я прошу Вас сегодня ко мне не заходить, так как я решительно не успел Вам приготовить к сегодняшнему дню. Мы прочтем сегодня вечером с В.П., а завтра, что успею, то Вам отвечу.

Искренно любящий Вас

14-го февраля 1866 г.

Александр.

984

Цесаревич
Александр.

Любезный Константин Петрович.

Мне хочется начать снова с Вами мои занятия. Предлагаю Вам следующие часы и дни: в *понедельник* от $1/2$ 10 — $1/2$ 11, во *вторник* от $1/2$ 12 — $1/2$ 1 и в *субботу* от $1/2$ 12 — $1/2$ 1. Удобны ли Вам эти часы; если нет, то прошу Вас написать мне, когда Вам удобнее. Во всяком случае, если Вы согласны на эти часы, то напишите мне, что хорошо: я должен и других преподавате-

лей уведомить. Сегодня еще я не могу начать, потому что буду провожать пр. Датского. — Итак, до свидания в субботу.

Искренно любящий Вас

Петербург 1866 г.

22 ноября.

Александр.

985

Цесаревич

Александр.

26-го ноября 1866.

Любезный Константин Петрович.

Я совершенно забыл, что сегодня будет выход по случаю георгиевского праздника, и поэтому, к несчастью, должен пропустить с Вами сегодняшнюю лекцию. Итак, до понедельника, и надеюсь, что в этот раз ничего не помешает. Только что вернулся с несноснейшего бала и пишу Вам в $1/2$ 4 ночи.

Искренно любящий вас

Александр.

986

Любезный Константин Петрович.

Благодарю Вас очень за Ваше поздравление и за Ваше милое письмо. Только теперь, что я свободен, и могу писать. Я совершенно замучен сегодня и должен снова ехать на бал. Надеюсь, что Вы поправляетесь.

Искренно любящий Вас

26-го февраля 1867 г.

Александр.

987

Я еду сейчас в Москву, с в. к. В. Ал. Простите, Ваше в., что, не будучи призван, беру на себя — обратиться к Вам со своим усерднейшим представлением. Ради Бога, если есть какая-нибудь возможность, приезжайте в Москву на похороны митр. Филарета. Нынешняя минута очень важна для народа. Весь народ считает погребение митр. делом всенародным, он ждет и жаждет приезда в Москву государя-императора. Его величеству нельзя приехать — народ будет спрашивать, отчего. Лучшим

ответом на этот вопрос, лучшим удовлетворением народных желаний было бы присутствие Вашего в-ва. Оно засвидетельствовало бы всем полноту участия, принимаемого царским семейством в народной и госуд. утрате и заставило бы сердце народное забиться еще сильнее любовью к государю и к Вам. Я думаю, все верные слуги государевы думают, что в такие исторические минуты, если народ жаждет видеть посреди себя самого государя, и государь приехать не может, благо наследнику, который явится вместо своего родителя. Вас любят — в лице государя, и его любят в Вашем лице. Ради Бога, Ваше в-во, не поставьте мне в вину эти слова, внушенные сердцем, горячо преданным государю и Вам, равно как и всей России, и приезжайте если можете.

Писано 24 ноября 1867, утром.

988

С.-Петербург, 1867 г.
24 ноября.

Добрейший Константин Петрович, получив Ваше доброе письмо, за которое я Вам очень благодарен, я отправился в Зимний дворец. Я, признаться сказать, сам уже хотел ехать в Москву, на похороны митрополита Филарета, и был уверен, что государь дошлет меня, так как он сам ехать не мог. Вчера вечером узнаю от Александры Петровны, что Владимир отправляется в Москву, я был очень удивлен, тем более, что видел еще утром брата и он мне ничего не сказал.

Но вот что произошло в Зимнем. Сначала я пошел к матери и сказал ей о моем намерении ехать в Москву, тем более, что я находил это очень натурально и прилично. Я даже прочел матери Ваше письмо (надеюсь, что Вы не имеете ничего против этого). Она одобрила совершенно мое желание и нашла это очень натуральным, чтобы я ехал в Москву. Итак, все шло хорошо, и мать сказала мне, что она уверена, что государь ничего не будет иметь против этого. Но после нашего разговора пришел государь, и я при нем просил еще раз разрешения ехать в Москву. Вашего письма государю не показывал и даже не говорил, что Вы мне писали, а просто просил от себя и спрашивал, не находит ли он это приличнее, чтобы я ехал туда. Императрица тоже говорила

об этом государю и просила меня отпустить. Но государь отказал совершенно, говоря, что совершенно доволен Владимиром, и что он находит это не нужным, чтобы я еще ехал. Потом он прибавил, зачем я раньше не сказал об этом, чтобы ехать вместе с Владимиром. Я отвечал, что ничего не знал, что брат едет, но что я еще успею в Москву на похороны, если выеду отсюда сегодня вечером. Но ничего не помогло, ни мои просьбы, ни просьбы матери, которая говорила ему, что это было бы так хорошо, чтобы я ехал в Москву. Государь еще раз сказал, что Владимира достаточно и что мне ехать совершенно лишнее. Так все кануло в воду. Я не знаю причин, почему государь так упорно отказывал мне ехать в Москву, но уверен, что есть причины.

Я пишу Вам, добрейший Константин Петрович, чтобы Вы видели, как все было и чтобы Вы не думали, что я со своей стороны противился этому. Я желал только одно, чтобы Вы меня не осудили в равнодушии к столь важной минуте для России. Я с своей стороны сделал все, что мог, но Вы очень хорошо знаете, что благие намерения редко удаются, и поэтому мое желание подверглось той же участи.

Если увидите наших добрых знакомых: Сергея Михайловича и Ивана Кондратьевича, кланяйтесь им от меня и скажите им, что я тронут их доброй памятью обо мне, потому что они никогда не забывают поздравить меня и жену с праздниками.

Чичерину и Буслаеву тоже мой поклон.

До свидания, добрейший Константин Петрович, — мне очень хочется устроить с Вами наши лекции, и постараюсь найти для них время. Есть много, о чем я желал бы с Вами поговорить.

От души преданный и уважающий Вас

Александр.

989

Любезный Константин Петрович.

Прошу Вас очень послать это письмо Анне Федоровне. По почте я больше посылать писем не намерен.

Простите за мою просьбу.

Преданный Вам Александр.

13-го декабря 1868

990

1869 г.

Любезный Константин Петрович, посылаю Вам переписанное письмо и подписанное мною. Портрет заказан и рамка тоже, и как скоро будут готовы, то пришлют к Вам. Благодарю Вас от души за эту добрую мысль, которую Вы мне предложили. Если это может сделать удовольствие хоть не большое, доброму старику, то я буду очень счастлив и буду совершенно Вам обязан в этом деле.

Еще раз Вас благодарю очень.

Искренно любящий и уважающий Вас

24-го апреля 1869.

Александр.

991

Любезный Константин Петрович, благодарю Вас очень за присылку писем г-на Самарина. Я надеялся все лично Вас благодарить и Вас увидеть, но Вы все еще больны.

Надеюсь, что Вам лучше.

Искренно любящий и уважающий Вас

Александр.

992

Царское Село.

1869 года 3-го июня

15-го.

От души благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше милое и доброе письмо, которое меня тронуло. Жена поручила мне Вас тоже очень благодарить за поздравление и за отвезенное Вами письмо к ее сестре. Слава Богу, у нас все обошлось так благополучно, как только можно было желать, и жена поправляется быстро и совершенно хорошо себя чувствует, так что завтра, я надеюсь, она даже встанет на несколько часов. Маленький Александр большой и здоровый ребенок и тоже совершенно здоров.

В понедельник 9-го числа, надеюсь, будут крестины, после чего государь и императрица отправляются в Ильинское, где

императрица хочет пробыть до 15 июля, а государь только 10 дней. Погода у нас, наконец, поправилась, и теперь чудо как хорошо и тепло, но я почти что не пользуюсь ей, потому что все время остаюсь у жены и гуляю только в своем садике раз в день. Я Вам завидую сильно, — быть на берегу моря, купаться и наслаждаться тишиной и уединением, чего здесь в Царском не найдешь.

Жена очень интересуется, как понравилась Вам ее сестра, принцесса Валлийская, и как Вы познакомились с ней. Видели ли Вы ее детей и самого принца?

Сегодня был у меня И. К. Бабст, и мы с ним говорили о путешествии, и он согласен ехать с нами до Ростова; он очень занят своим банком, и, правда у него достаточно работы.

Владимир теперь уже в лагере и командует Преображенским полком, а Алексей отправляется туда 15-го июня.

Мы еще окончательно не решили наш отъезд, но предполагаем выехать из Царского около 10-го июля, на днях все должно решиться окончательно.

Козлова я отправил в Копенгаген с счастливым известием и с письмами к королю и королеве и жду его скоро обратно сюда.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваше милое письмо и память. Эти оба дня рождений моих двух сыновей я никогда не забуду и постоянно благодарю и буду благодарить Господа за эту его милость к нам, которая, конечно, есть высшая из всех. Рождение детей есть самая радостная минута жизни, и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство, которое не похоже ни на какое другое.

Мой искренний поклон Вашей супруге.

Любящий и уважающий Вас

Александр.

До свидания.

993

Любезный Константин Петрович.

У нас завтра генеральная репетиция нашего домашнего театра. Жена поручила мне пригласить Вас и Вашу супругу на эту репетицию, если Вы желаете и свободны.

Дамы будут в обыкновенных утренних платьях, а мужчины как хотят.

До свидания.

Любящий и уважающий Вас

15-го февраля.

Александр.

994

29-го декабря
1869 года.

Благодарю Вас очень, любезный Константин Петрович, за присланное письмо Байкова, прочел его с большим интересом и хотя я нахожу, что это дело возмутительное, но после удаления из Вильны Шестакова и Батюшкова меня больше ничего не удивляет. Теперь такое время, что никто не может быть уверен, что завтра его не прогонят с должности.

Искренно Вас любящий и уважающий

Александр.

995

Любезный Константин Петрович.

Прошу Вас очень ответить мне на эту депешу и прислать мне обратно. Позвольте мне в этих случаях прямо посылать Вам депеши для ответа.

Я был бы очень рад Вас видеть, мы так давно не видались. Приходите когда-нибудь после похорон Елены Павловны к завтраку в 1 час. Простите, что я Вас беспокою.

Искренно любящий Вас

13-го января 1873 г.

Александр.

996

Любезный Константин Петрович.

Посылаю Вам письмо, которое я получил от В.П. Мещерского, которое прошу Вас прочесть и никому о нем не говорить.

Посылаю Вам это письмо, потому что я в большом затруднении, что мне делать, и желал бы очень знать Ваше мнение

об этом, почему и прошу Вас очень зайти ко мне завтра, после совета, или во вторник. Во всяком случае я надеюсь Вас видеть завтра в совете, и тогда я Вам скажу, когда удобнее переговорить об этом деле.

По многим причинам я бы не желал исполнить эту просьбу Мещерского, но не хочу ничего предрешать, не переговоривши с Вами и не узнав Вашего мнения об этом деле.

Мне очень неприятны подобные просьбы близко мне знакомых людей, потому что ставит это Вас всегда в фальшивое положение.

Простите мне за это письмо, но я решительно не берусь один решить это дело и поэтому прошу Вас откровенно высказать Ваше мнение.

Ваш от души Александр.

997

Любезный Константин Петрович, будьте так добры и дайте знать игуменье Марии, что мы можем ее принять в пятницу, 9-го марта.

6-го марта 1873 г.

От Души Ваш Александр.

998

Получил Ваше письмо и образ, и когда будете писать в Почаев, то прошу Вас очень благодарить за присланную икону.

21 апреля 1873 года.

Ваш от души Александр.

999

Ливадия. 1873 г.

18-го октября.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за присланную книгу.

Здесь мне больше свободного времени, и читать есть время, но эта свобода, как Вам известно, для меня *хуже неволи*. Что здесь хорошо, так это утро, потому что оно совершенно свободно до $1/2$ 1-го, а потом мы собираемся к завтраку, и

потом уже начинается настоящая ливадская бестолковая жизнь.

Вчера уехали отсюда Владимир и Алексей, и наше общество уменьшилось, а главное, нет того оживления, которое придавал Алексей всему обществу, а в особенности дамам.

Жена, слава Богу, здорова, и дети тоже. Погода отличная, и иногда даже слишком жарко на солнце. Полагаю остаться здесь до 6 или 7 ноября, а потом отправиться обратно в Питер с семейством.

Итак, до свидания, любезный Константин Петрович, мой нижайший поклон Вашей супруге.

Жена поручила мне кланяться Вам и Вашей жене.

От души Ваш Александр.

1000

Очень Вам благодарен, любезный Константин Петрович, за присланный доклад, который я прочел с большим удовольствием и вниманием. Дай Бог только, чтобы все было на деле так, как изложено в докладе. К сожалению, в официальных отчетах так часто прикрашивают, а иногда и просто врут, что я, признаюсь, всегда читаю их с недоверием. От души желаю, чтобы в этот раз я обманулся бы, и если все это верно, то слава Богу.

Ваш от души Александр.

26-го декабря 1873 года.

1001

20-го февраля 1874 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за присланную записку. Желания иг. Марии исполню непременно, и если будете ей писать, то передайте ей, пожалуйста, что я с искренним удовольствием принимаю участие в ее добром деле и исполню ее просьбу.

При этом возвращаю Ваше письмо обратно.

Искренно любящий и уважающий Вас Александр.

1002

16-го марта 1874 г.

Очень Вам благодарен, любезный Константин Петрович, за присланное письмо. Я никогда иначе и не смотрел на эту газетную статью, как на гнусную ложь, и слишком уважаю игумению Марию, чтобы из-за этой статьи переменить мое мнение о ней.

Ваш А.

1003

31-го марта 1874 года.

Христос Воскресе!

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваше доброе и милое письмо.

Поздравляю Вас от души с праздником; очень сожалею, что карантин мешает Вам приехать к нам, а нас лишает удовольствия пожать Вам крепко руку и пожелать того, что Вы сами себе желаете.

Очень Вам благодарен за присланную книгу и посылаю Вам следуемые 3 рубля.

Жена просит меня тоже Вас поздравить и пожелать всего лучшего.

От души Вас любящий *Александр*.

1004

20-го апреля 1874 г.

Посылаю Вам, любезный Константин Петрович, на прочтение адрес, который мне был вручен лично московским городским головою Шумахером, и вместе с тем посылаю проект ответа моего ему. Пожалуйста, просмотрите его, и если найдете нужным, то измените его, как хотите и как находите лучшим, а потом пришлите мне для переписки.

Ваш от души *Александр*.

1005

6-го мая 1874 г.

От души благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше доброе и милое письмо. Сожалею искренно, что Ваше домашнее горе помешало Вам быть у нас сегодня.

Посылаю Вам на прочтение письмо от иг. Марии, которое я получил вчера.

Цесаревна тоже благодарит Вас сердечно.

Ваш Александр.

1006

Царское Село.

26 мая 1874 г.

Посылаю Вам, любезный Константин Петрович, обещанный мною образ Черниговской Бож. Матери для того священника, про которого Вы нам говорили в последний раз, что были у нас в Царском Селе.

Я думаю, что этот образ — точная копия того, который находится в Чернигове.

Александр.

1007

2 декабря 1874 г.

Любезный Константин Петрович, я опять обращаюсь к Вам с просьбой сочинить мне ответ на эту длинную телеграмму курского городского головы.

Надеюсь, что Вы зайдете в нам на днях к завтраку, только не в среду, потому что меня не будет дома.

Весь Ваш А.

1008

Прочтите, пожалуйста, любезный Константин Петрович, эту просьбу Полякова. Я сам нахожусь в таком же безвыходном положении, как и он, относительно его просьбы.

Мне пришла мысль обратиться к Вам и попросить у Вас

совета, что мне делать? Просьба замечательно хорошо и толково написана, но положительно неисполнимая.

Не можете ли Вы призвать Полякова к себе и переговорить с ним на словах, что возможно для него сделать? Я не знаю совершенно эту личность, может быть, Вам он известен. Единственное, что можно для него сделать, это помочь ему в денежном отношении, но опять сумма так велика, что я один не могу этого сделать, а, кроме того, личность его мне неизвестна и стоит ли того, чтобы давать ему эту сумму.

Простите меня, любезный Константин Петрович, что я обращаюсь к Вам с такой неприятной просьбой, но я решительно не знаю, к кому обратиться, а у Вас есть опытность в подобных делах, и Вы можете мне дать совет.

От души Ваш Александр.

1009

30 января 1875 г.

Я Вам очень благодарен, любезный Константин Петрович, что Вы так заинтересовались этим бедным Поляковым.

Я Вас совершенно уполномочиваю сказать Тимашеву, что я принимаю участие в Полякове.

Еще раз благодарю от души за Ваше доброе желание помочь ему.

Ваш А.

1010

13 марта 1875 г.

Я с удовольствием могу принять завтра Добрянского. Пришлите его завтра в 12 ч.

Насчет Полякова я говорил с В. В. Зиновьевым и надеюсь, что можно будет устроить его просьбу. Я просил В. В. переговорить еще с Вами об этом деле.

Ваш А.

1011

6 апреля 1875 г.

Очень Вам благодарен, любезный Константин Петрович, за присланную книгу «В лесах».

На днях был у меня сам Мельников, с которым я при этом случае познакомился, и рассказывал очень интересные сведения о раскольниках.

Рольстона я с удовольствием увижу, когда он придет в Петербург.

Записку Самарина я еще не успел закончить и пришлю на днях.

До свидания завтра в совете.

А.

1012

1 декабря 1875 г.

Благодарю Вас очень, любезный Константин Петрович, за присланную карточку старика Добрянского, которую я очень рад иметь.

Прошу Вас передать Корнилову мою благодарность за присланное издание славянского комитета.

Надеюсь, что Вы скоро совершенно поправитесь и зайдете к нам к завтраку.

Ваш А.

1013

23 марта 1876 г.

Любезный Константин Петрович, сегодня, когда Вы были у нас, я до того был засучен всеми приемами и докладами, что не успел Вам ничего передать о письме и отчете иг. Марии. Я Вас очень прошу, когда Вы будете ей отвечать, то поблагодарите ее от меня за присылку отчета, который я прочел с большим удовольствием, и радуюсь, что это дело так хорошо идет.

Насчет Щербакова я совершенно согласен передать ему мою полную благодарность за его пожертвование и с удовольстви-

ем пошлю ему мою карточку, но, к сожалению, в настоящее время у меня никаких моих портретов нет, а, пожалуйста, напомните мне, когда будут.

Пожалуйста, узнайте: каким образом можно достать полное собрание «Окраин России» Ю. Самарина, потому что у меня только первые 2 части, а проч. нет.

Я Вам буду очень благодарен.

От души Ваш

Александр.

1014

Царское село.

15 мая 1876 г.

Благодарю Вас очень, любезный Константин Петрович, за присланную Вами записку о евреях, которую прочту с интересом, хотя и в Царском селе только вечера свободны, а по утрам приходится сидеть за чтением бумаг и докладов от 3 до 4 часов сряду. Благодарю тоже очень и за книжку Лескова.

Вчера вечером мы были в Петербурге и сидели у Владимира в кабинете и любовались, как Вы прогуливались по набережной с генер. Аненковым, но никак не могли обратить Ваше внимание на нас.

Ваш от души *Александр.*

1015

Ливадия 1876 г.

23 октября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши письма; последнее получил сегодня утром. Я Вам очень, очень благодарен за них, и что мне сделало удовольствие, это, что мы сходимся во многом с вашим взглядом на теперешние события. Об многом до получения Вашего первого письма я говорил с императрицей, и тоже меня постоянно мучило, что государь в настоящую минуту не в Петербурге, а так далеко на окраине и еще татарской и в двух шагах от турецкой границы.

Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и не-

известности, и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь; все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу.

К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий, и он уяснил свое собственное положение перед возвращением в Константинополь и получил положительные инструкции, как действовать, а то хотели его послать к его посту без ничего, а Горчаков только и желал скорее выгнать его из Ливадии.

Как я ни старался убедить императрицу возвратиться в Петербург, ничего не помогло, даже А. В. Адлерберг и тот понял, до чего неприлично оставаться здесь, и тоже просил императрицу переговорить об этом с государем; она тоже разделяла наше мнение, но не решалась говорить, так как для здоровья государя, чем более он остается в теплом климате, тем лучше, и на этом, конечно, все и останавливалось.

Государь сам полагает, что без войны мы ничего не добьемся, и решился на войну, и желал бы как можно скорее развязки, но как ее добиться, вот в чем вопрос, потому что дипломатия так все запутала, что без положительного повода войну нельзя объявить Турции. Думали заставить ее отказать нам в 2-дневном сроке, чтобы заключить перемирие и окончить совершенно военные действия, она немедленно согласилась, что Вы могли видеть из телеграмм в «Правит. Вест.», и так опять предлог объявить войну не удался, а теперь не знаем, за что взыться.

Как Вам, вероятно, известно, мы решились, наконец, ехать отсюда во вторник, 26 окт., и проездом остановиться в Москве дня на 3, и там будет объявлена мобилизация войска, чтобы не терять времени и быть готовыми на всякие случайности.

Как-то пройдет нынешняя зима? Что принесет она? Столько времени потеряно напрасно, вот что грустно.

Сегодня был у меня Беклемишев и привез Вашу записку. Много о чем хотелось бы переговорить, да в письме неловко.

Я вполне разделяю Ваше мнение о том, что пора было бы правительству взять в свои руки все славянские комитеты, пожертвования и все это народное движение, а не то Бог знает, что из этого выйдет и чем оно может кончиться.

Я воображаю, что за сумятица в Петербурге да и вообще во всей России из-за того, что ничего неизвестно и все так неопределенно, когда даже здесь, откуда исходят все приказания и решения, бывают дни, когда никто ничего не понимает и не знает. Да, признаться надо, я буду очень счастлив, когда, наконец, мы будем на месте и когда узнаем, что окончательно нас ожидает.

Собственно про Крым мне писать нечего. Вы знаете, что я его не особенно жалею, а уж нынешний год в особенности, а вдобавок погода весь октябрь месяц была отвратительная, и почти постоянно дожди и туман и солнце редко видать. Я опять поймал лихорадку на 2-й день моего приезда и до сих пор не могу отделаться от нее. Все это вместе делает наше пребывание здесь весьма печальным и не отрадным.

Простите мне, Константин Петрович, за это нескладное письмо, но оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойств, неопределенности и постоянного напряженного состояния.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, от всей души за Ваши письма, которые я с большим удовольствием читаю и рад их получать. Мой усердный поклон Вашей супруге. Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий и уважающий Вас

Александр.

Письмо В. П. Меццерского очень интересно, если не читали его, то дам Вам по возвращении.

1016

16 марта 1877 г.

Возвращаю Вам, любезный Константин Петрович, Ваши письма. Записку о морском деле оставил еще у себя, чтобы прочесть.

Весьма глупая и печальная история с речью Аксакова в Москве; необдуманно и сгоряча все это сделано.

Пожалуйста, когда будете писать Анне Федоровне или самому Аксакову, то поблагодарите ее за присланную речь ее мужа и за записку. Боюсь отвечать сам, чтобы не вышло опять какой-нибудь неприятности.

Кажется, что скоро дело о войне или мире окончательно решится, и, наконец, Россия узнает, что ее ожидает, а то эта неизвестность пагубно действует на всех и на все.

Сколько можно предвидеть, все идет к тому, что Россия объявит во всеуслышание свое окончательное решение по восточному вопросу.

Что касается речи Аксакова, то многое в ней мне понравилось, но есть, конечно, места, которые желательно было бы не печатать.

Ваш от души

Александр.

1017

Бивак у деревни Дольный монастырь в Болгарии.

8 сентября 1877 г.

Простите мне, любезный Константин Петрович, что я так долго не отвечал на Ваше письмо, но я получил его в самое бойкое время для моего отряда и когда больше 2 или 3 дней я не оставался на месте.

Теперь, как Вам известно из телеграмм главнокомандующего, весь мой отряд отступил ближе к реке Янтре, где мы теперь гораздо более сосредоточены и относительно в гораздо выгоднейшем положении, чем то было недели 2 назад. Теперь мы с каждым днем ожидаем решительной атаки корпуса или, лучше сказать, целой армии, и очень значительной, Мехмеда-Али-паши. Весь вопрос теперь в том, выдержим ли мы эту атаку и удастся ли нам опрокинуть неприятеля.

Под Плевной дело затянулось, и весь вопрос времени; решено вести правильную осадную атаку, чтобы не терять больше такое громадное количество людей. Страшно подумать, что мы из-за этой Плевны потеряли войска. За все три атаки с 9 числа июля до настоящей минуты мы потеряли убитыми и ранеными с лишком 25 тысяч, кроме румын, которые потеряли более 3000 человек.

На Шипке наши выдержали еще одну упорную атаку на днях. У меня в отряде с самого начала до сих пор во всех делах я потерял не более 3000 человек, несмотря на весьма ожесточенные дела; это замечательное счастье, и можно было бы потерять гораздо более.

Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!

Вы можете себе представить наше отчаяние, когда государь объявил, что остается: никакие просьбы, никакие доводы не могли изменить решение государя. Теперь я решительно не могу себе представить, что будет делать государь, если война затянется до зимы, а может быть, и до будущей весны, неужели он не вернется в Россию?

Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще, что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся.

Пожалуйста, пишите мне иногда, потому что я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине. Мне никто не пишет из России, кроме жены и иногда императрица, но, конечно, они не могут знать и слышать, как Вы. Что с нами будет, одному Богу известно, и на него вся надежда наша. Одно могу сказать, что мы но унываем и духом не падаем. — До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас Александр.

1018

Село Брестовец
31 октября 1877 г.
Пол. 10 ноября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши длинные и интересные письма, которые меня очень интересуют, так как, кроме газет, мы ничего не получаем из России, а в частных письмах не все решаются передавать правду.

То, что вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтобы поднять всю эту кашу теперь.

Я все еще надеюсь, что государь так или иначе, но прикажет остановить это дело.

Но Вас, конечно, более интересует знать, что делается у нас. Как вы знаете, одновременно с большими успехами на Кавказе, были, хотя и не столь блестящие, маленькие успехи и под Плевной, и заняты были новые весьма важные для нас позиции. Теперь, кажется, можно надеяться на полный успех под Плевной, но когда она сдастся — это решительно невозможно сказать и зависит совершенно от количества продовольствия, которое турки имеют в городе. Прорваться они не могут, и во всяком случае, если даже и удалось бы им это сделать, то с громадной потерей, и немного бы их ушло оттуда.

Теперь главный вопрос, что успеем мы еще сделать в нынешнем году и до чего довести в этом году кампанию. Что всего более нас беспокоит — это продовольствие армии, которое до сих пор еще кое-как шло, но теперь с каждым днем становится все более и более затруднительным, а фуража для кавалерии уже нет более в Болгарии, и приходится закупать все в Румынии, откуда доставка весьма затруднительна. Вам, конечно, известно существование жидовского товарищества для продовольствия армии; это безобразное товарищество, почти ничего не доставляло войскам, а теперь почти уже не существует, но имеет сильную поддержку в полевом штабе, и если хотите иметь точные сведения, то спросите об нем у Грейга, который только что вернулся отсюда и видел все это безобразие на месте.

Что касается моего отряда, то ничего нового, к сожалению, не могу Вам сообщить; стоим мы вот уже 6-й месяц на месте и ничего не можем предпринять до окончания дела под Плевной, и все наши резервы пошли в дело под Плевну, где теперь сосредоточена армия до 130 тысяч, вместе с румынами.

Большую часть мой отряд выстроил себе землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки, так как разместить по деревням нет никакой возможности: так мало помещений в здешних селах и дома очень малы. Больных, слава Богу,

значительно уменьшилось, и вообще санитарное состояние армии еще относительно в очень хорошем виде, и жаловаться нельзя.

Хотя мы живем в Болгарии и принадлежим к действующей армии, а почти ничего не знаем, что делается в главной кварт., а если что узнаем, то совершенно случайно от приезжающих оттуда, и то очень мало. Кажется, тот же сумбур и отсутствие всяких распоряжений продолжают, как и вначале, да и не может быть иначе при тех же условиях и с теми же личностями.

Да, невесело будет здесь оставаться в случае отъезда государя в Россию, что почти решено, после падения Плевны. — Теперь еще все держалось только благодаря присутствию государя при армии, а не то бы наш главнокоманд. так бы напутал со своим милым штабом, что пришлось бы еще хуже нам. Мы все с ужасом смотрим на отъезд государя из армии при таких условиях, и что с нами будет, одному Богу известно. Грешно оставлять нашу чудную, дивную дорогую армию в таких руках, тем более, что Ник. Ник. положительно потерял популярность в армии и всякое доверие к нему. Пора бы и очень пора переменить главнокоманд., а не то мы опять попадем впросак. Надежды мало, но Бог даст и будет перемена в военачальнике. Какое впечатление произвела в Петербурге славная смерть бедного Сергея Максимилиановича?

Как были похороны и заметно ли было сочувствие в публике? Очень интересно было бы знать это.

Простите, добрейший Константин Петрович, мое нескладное письмо. — Мой усердный поклон Вашей супруге.

Дай Бог до скорого свидания.

Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас Александр.

1019

23 марта 1878 г.

Любезный Константин Петрович, я с удовольствием постараюсь исполнить Вашу просьбу о Королькове и переговорю о нем с С. А. Ермаковым.

Очень сожалею, что Вы все хвораете и что мы с Вами так давно не видались, а теперь есть о чем переговорить, и, Боже,

как неутешительно смотреть вдаль, и что ожидает еще наше дорогое отечество!

Но на все воля Божья, лишь бы мы не зевали и Бог бы вразумил и не оставил нас.

Но надо признаться, что тяжело снова начинать борьбу, и на этот раз серьезнее только что конченной нами.

Надеюсь, что Ваше здоровье, настолько поправится скоро, что Вы в состоянии будете на днях навестить нас.

Ваш от души Александр.

21 мая 1878 г.

1020

Посылаю разные бумаги и записки, которые оставались у меня, касающиеся крейсерского дела; может быть, они пригодятся комиссии.

А.

1021

15 июня 1878 г.

В субботу мне невозможно будет ехать в Кронштадт, и лучше отложить до вторника или четверга 22 числа июня.

Я Вам буду телеграфировать, когда окончательно решу.

А.

1022

Прочел все три письма с величайшим интересом и удовольствием. — Дай Бог, чтобы так и продолжалось.

А.

1023

28 июня 1878 г.

Я забыл, что Вы желали, чтобы я написал на бумаге, и нужно ли мне ее подписать. Я буду в Петергофе в *воскресенье*

30 числа, и если хотите меня видеть, то приезжайте на яхту «Царевна», на которой я останавливаюсь.

А.

1024

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, составьте мне ответ на эту телеграмму и пришлите ко мне.

8 сент.

А.

1025

Я желал бы очень Вас видеть, когда Вам возможно будет приехать сюда, чтобы переговорить и передать Вам мои мысли по поводу судов Добровольного флота.

А.

1026

Пожалуйста, благодарите всех присутствовавших от меня.

А.

1027

Если Вы не читали, посылаю Вам две глупейшие статьи в «Молве» о Добровольном флоте.

А.

1028

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, сочините мне ответы на эти телеграммы и пришлите ко мне.

А.

1029

Я совершенно разделяю все высказанное в этой записке и одобряю ее вполне.

А.

1030

Посылаю Вам записку бывшего нашего министра в Америке г. Стекля, которая может пригодиться нашему комитету. Дайте прочесть ее Посьету и прочим.

А.

1031

8 ноября 1878 г.

Ц. С.

Очень рад, что военное министерство хорошо расположено к нашим судам и что Анненков хлопочет за нас.

Я воображаю, как Черноморское общество бесится на наши пароходы; тем лучше.

Посмотрим, какой ответ получим от генер.-адмир. на нашу записку.

А.

1032

24 ноября 1878 г.

Действительно, чертежи очень хороши. Интересно знать, что говорят специалисты про эти чертежи?

Я все-таки рассчитываю на днях собраться у меня, но, может быть, не раньше будущей недели, так как теперь вечера провожу с женой, так как почти весь день провожу вне дома.

А.

1033

28 ноября 1878 г.

Любезный Константин Петрович, сегодня мне невозможно принять г. Васильевича, а попросите его заехать ко мне в четверг в 2 часа.

Жаль очень, что Дубасов уходит именно теперь, когда начинается снова деятельность наших судов.

Болтина я совсем не знаю и ничего про него сказать не могу. Паренаго отличный офицер, но тоже очень еще молод быть командиром и даже не служил в плавании старшим офицером, но, впрочем, если никого не найдут другого, то я согласен, если он согласится.

Я еще поговорю с Алексеем; может быть, он кого-нибудь отыщет и может рекомендовать.

Александр.

1034

2 декабря 1878 г.

Вчера гр. Воронцов написал мне о Баранове, и теперь он решил подать просьбу свою государю, так что, я думаю, на днях мы что-нибудь узнаем об этом.

Жаль будет, если просьба Баранова будет принята дурно.

Я полагаю собрать членов нашей комиссии у себя, завтра вечером в $1\frac{1}{2}$ 9 часа. — Дайте, пожалуйста, им знать об этом, я заташу тоже Алексея.

А.

1035

5 декабря 1878 г.

Я постараюсь узнать, правда ли в таком безобразном виде держат новобранцев в Петербурге. Я знаю, что они помещены весьма тесно и что иногда скопление бывает чрезвычайно большое: до 5000 и более человек, потому что иногда не успевают их расписывать по полкам скоро.

Решение по Токаревскому делу комитетом министров я нахожу весьма правильным и справедливым.

Сегодня государь говорил мне о полученной им записке Баранова и отзывался о ней весьма благосклонно. Надеюсь, что последует какое-либо решение в пользу Баранова.

А.

1036

15 декабря 1878 г.

Благодарите, пожалуйста, от меня адмирала Завойко за его пожертвование.

Радуюсь, что, наконец, «Нижний Новгород» будет скоро готов, но надо признаться, что мы сделали большой промах, отдав все исправления по механизму этому поганому Черноморскому обществу.

Стихи 10-летнего мальчика, я уверен — вовсе не мальчика, потому что выражения вовсе не 10-летнего ребенка.

А.

1037

Прочтите это письмо и передайте пожалуйста кн. В.П. Мецкерскому, что я Пашина хорошо знаю, какой он человек, и никогда больше не вижу. Он был у меня года 2 назад, после поездки в Индию. На покупку «Гражданина» совершенно справедливо просил меня письменно дать ему 10 000 р., но я не только ему их не дал, но на просьбе его написал: «Вздор, отказать».

А.

1038

2 января 1879 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше поздравление и Ваши добрые желания. Поздравляю Вас тоже от души с наступившим 1879 годом, дай Вам Бог тоже здоровья, силы и всего лучшего.

Записку гр. Игнатьева прочел, остается нам только сожалеть, что тогда государь не утвердил мнение большинства.

При первой возможности попрошу у государя разрешения на командировку Баранова, и я уверен, государь разрешит.

Радуюсь, что «*Нижний Новгород*» тронулся в путь.

Я надеюсь, что благодарили Бема от меня за поднесенные картины. Я думаю, надо будет приготовить от моего имени телеграмму кн. В. А. Долгорукову, в получении новой суммы в 200 000 р. от московского комитета.

Я всякий раз благодарил его телеграммой.

А.

1039

3 января 1880 г.

Я сегодня переговорил с Милютиним по поводу этих записок Баранова.

Толковали почти час и пришли к заключению, которое я Вам передам при первом случае, лично.

А.

1040

20 января 1879 г.

Прочел эти бумаги с интересом.

Что Вы мне писали о просьбе Римского-Корсакова, я уже имел в виду и обещал им, через В.В. Зиновьева, приехать на один из концертов.

Это правда, я давно у них не был на концертах, но постоянно что-нибудь мешало, и потом они давали концерты в зале думы, где весьма неудобно сидеть.

А.

1041

23 января 1879 г.

Прочел с большим интересом рапорт Саблина и радуюсь, что он доволен пароходом.

Я буду очень рад видеть сенатора Поленова, которого, впрочем, я уже видал несколько раз.

Весьма сожалею, что Вы все хвораете, и благодарю искренно за поздравление с нашей милой Ксенией.

А.

1042

Его превосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

29 января 1879 г.

Я надеялся Вас видеть сегодня в совете и переговорить с Вами, но, видно, Ваша болезнь до сих пор держит Вас дома.

Особых замечаний у меня нет, есть некоторые, которые я Вам пришлю. Я бы это сделал давно, но все думал, что увижусь с Вами.

Я полагаю, что лучше Вам председательствовать теперь в комиссии, а я соберу у себя, когда дело придет к концу. Очень благодарен за сообщение сведений от Баранова.

А.

1043

2 февраля 1879 г.

Благодарю Вас за присылку письма Баранова. Мне кажется, нам нечего особенно беспокоиться требованиями морского министерства; разве мы обязаны исполнять все их прихоти?

Надеюсь, что сегодняшнее собрание комиссии: пройдет благополучно; жаль, что Баранова не будет сегодня.

Рад буду Вас видеть и переговорить. Можете ли приехать завтра в 22 часа?

А.

1044

2 апреля 1879 г.

Благодарю Вас от души и поздравляю тоже со Светлым праздником.

Вы, вероятно, слышали про сегодняшнее покушение. Не знаю, как *благодарить* Господа за *чудное спасение*. Благодарите, пожалуйста, за телеграмму.

Офицеров с пароходов наших пришлите завтра в $1\frac{1}{2}$ 1 часа, четверг в 12 час.

Я кори не боюсь, и если хотите, приходите ко мне около 2 часов, когда Вам можно будет и нужно меня видеть.

А.

1045

Его превосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Опять мне приходится переменить час для приема Чирикова и Порецкого, потому что в 12 ч. я должен ехать в Павловский институт на юбилей.

Прикажите, пожалуйста, им быть не в 12 ч. а 2 ч. завтра же.

4 апреля 1879 г.

А.

1046

11 апреля 1879 г.

Посылаю Вам это письмо г-на Стекла, может быть, со временем можно будет принять его услуги; во всяком случае оно интересно. Получил я это письмо от кн. Н. А. Орлова из Парижа.

А.

1047

18 апреля 1879 г.

Пожалуйста, поблагодарите от меня Б. Н. Чичерина за его книгу. Можете прямо ответить в комитет министров, что я согласен принять звание покровителя Добровольного флота. Я перешлю непременно императрице речь саратовского епископа.

Вчера были у меня Ильин и Кази.

А.

1048

24 апреля 1879 г.

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, прочтите или поручите кому-нибудь просмотреть эту рукопись, которую я получил на днях по почте. Заслуживает ли она внимания, или нет? Мне нет решительно времени, теперь приходится так много читать.

А.

1049

10 мая 1879 г.

Радуюсь очень, что решились заказать судно в Марселе, и, дай Бог, в добрый час.

Приятно будет, если этот крейсер удастся и перещеголяет знаменитый крейсер Семечкина.

Прочел с удовольствием письмо Кази.

Жаль очень бедного Вахтина; надеюсь, что он поправится, но вряд ли может будет служить нашему делу после столь тяжелой болезни.

Я слышал от Баранова, что Вы на днях перебираетесь в Петергоф; радуюсь за Вас: здесь отлично.

А.

1050

29 мая 1879 г.

Я совершенно согласен с этим протоколом. Дай Бог, чтобы дело пошло хорошо. Радуюсь, что Вы остаетесь во главе этого нового учреждения, что обещает успех нашему юному обществу.

А.

1051

25 апреля 1880 г.

Посылаю Вам для прочтения, полученную от в. к. Михаила Николаевича, записку генер. Павлова в оправдание наших жалоб.

Записка эта на меня сделала впечатление набора и подтасовки более или менее ложных объяснений и доказывает полный беспорядок отношений главного штаба с окружным кавказским и недобросовестность самого генер. Павлова. Я думаю, что более или менее подобные столкновения между обоими штабами будут повторяться каждый год при перевозке войска.

Во всяком случае, прочтя эту записку, Вы увидите, нужно ли что ответить на нее или оставить это дело так.

А.

1052

Его высокопревосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Нельзя ли будет собрать наш Добровольного флота комитет завтра вечером у меня? Потом я уеду в Петергоф, и трудно будет назначить время.

Я хотел бы знать, что Вы предполагаете делать в этом последнем заседании? Не лучше ли просто пригласить ко мне всех членов и поблагодарить их за труды, впрочем, я не прочь и от комитета.

Дайте мне, пожалуйста, знать, можно ли собрать комитет завтра в 9 ч. вечера.

А.

1053

Его превосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

9 июня 1879 г.

Красное Село.

Только что получил телеграмму от в. к. Михаила Николаевича, что он не может отложить свой отъезд и отправляется на «*Ереклик*», хотя очень сожалеет. Значит, теперь никаких распоряжений насчет «*России*» делать не нужно. Удивляюсь, почему он не может отложить свой отъезд на 1 или 2 дня.

Славу Богу, что Баранову лучше. Радуюсь благополучному приходу «*Нижнего Новгорода*» в Сингапур.

А.

1054

Прочел письмо Митрополова с большим удовольствием и интересом.

Подарки мною выбраны и будут посланы Вам от А.С. Васильковского. Об карточках сделаю распоряжение и тоже пошлю Вам.

14 июня 1879 г.

А.

Красное Село.

1055

Бернсторф.

2/14 сентября 1879 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше интересное письмо и за рапорт Кази из Сингапура. Все это меня чрезвычайно интересовало, и я прочел с большим удовольствием.

Не могу высказать, как меня огорчает история с Н.М. Барановым. Не знаю, что бы я сделал на его месте, но, правда, жизнь его становилась невозможной, и я понимаю, что можно довести всякого человека до отчаяния, если поступают с ним, как поступают с Н.М. Барановым в настоящую пору.

Одновременно с Вашим письмом приехал сюда князь Н.А. Орлов и тоже мне рассказывал про эту историю, но так как он сам не видал Баранова, то, конечно, никаких подробностей мне передать не мог. Пожалуйста, напишите мне все, что узнаете нового об этом. Надеюсь, что записка Макова, которую он готовится для комитета министров, будет иметь желанный успех.

Дай Бог, чтобы дела нашего Добровольного флота продолжали идти так же успешно, как до сих пор они шли.

Я очень был рад узнать, что Фредерикса удалили из Сибири, давно пора было. Из двух кандидатов, которых вы называете, конечно, генер. Анучин был бы лучшим. Мещеринова я мало знаю, но часто видал его, и он мне вовсе не симпатичен.

Очень досадно, что морское министерство отбирает от нас военные команды, я тоже боюсь, что офицеры в таком случае уйдут с наших пароходов.

Ольга Федоровна осталась очень довольна «Россией» и переходом и телеграфировала мне, чтобы благодарить, по приезде своем в Боржом.

О нашем житье в Дании могу сказать одно: я наслаждаюсь семейной жизнью и тишиной после четырех лет, что не был за границей.

В Швеции меня приняли замечательно добродушно, и я остался вполне доволен моим пребыванием в Стокгольме, который мне очень понравился и весьма интересовал.

Погода стоит у нас весьма переменчивая, но теплая, даже иногда просто жарко, жаль только, что дуют постоянные ветры. До свидания, любезный Константин Петрович, пожалуйста, пишите, Ваши письма всегда меня интересуют.

Жму Вам крепко руку

Ваш Александр.

1056

Бернсторф, 11/23 сентября.
1879 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваши два последних письма.

Надеюсь, что Вы получили мое письмо, посланное отсюда 3 сентября.

Жду всякий раз, в письмах Ваших, с нетерпением известий о деле Баранова. Какое впечатление произвело это дело в Петербурге? По началу следствия можно судить, как хорошо будет вестись это дело!

Очень Вам благодарен за присылку брошюры с картами, оставленными Мусницким.

Репорт Балка, о переходе из Одессы в Потти с в. к. Ольгой Федоровной, я прочел и посылаю его Вам обратно.

Я очень сожалею, что морское министерство отсылает от нас офицеров и команды, это весьма грустно и неприятно.

Решительно не понимаю их расчета, так как у них постоянно остаются на берегу лишние люди, которые ничего морского и не видят во всю свою службу. С подобным бестолковым и неприятным министерством ничего не поделаешь. Лесовский — старый колпак, а генер.-адмир. делает, что ему другие вбивают в голову. Просто злость берет иметь дело с подобными людьми.

Получивши Ваше последнее письмо от 4 сентября только вчера, я уже не мог писать в. к. Михаилу Николаевичу, а прямо ему телеграфировал насчет перевозки войск на «России». — Сегодня получил следующий ответ от наместника: «Malheureusement contrat avec société navigation Mere Noire déjà signè leur prix étant plus avantageux que ceux de Rossia». Вот как обделывают свои дела люди честные! — Ищите после этого правды?!!! Просто противно, как надувают бедного Михаила Николаевича!

Но довольно о делах, а то слишком портишь себе кровь.

Погода стоит у нас очень приятная, бывают чудные дни, и воздух летний. — Гуляем много пешком, катаемся в море на яхтах и вообще ведем довольно спокойную жизнь.

Итак, до свидания, любезный Константин Петрович, крепко жму Вам руку.

Ваш Александр.

1057

18/30 сентября 1879 г.

Благодарю Вас очень, любезный Константин Петрович, за Ваши последние письма, которые я получил сегодня утром.

Я очень рад, что Вы решились оставить военную коман-

ду на судах Добровольного флота, оно гораздо лучше и спокойнее.

Я прочел рапорты и выписки из газет, присланные Вами, и возвращаю обратно. Статья корреспондента из Кронштадта написана очень сильно, и я уверен, что за нее редактор получит предостережение.

Я уверен по всему, что Вы мне пишете и что я слышал, история Баранова опять кончится ничем, потому что по всему видно, что все-таки государь как будто расположен к Баранову. Что говорит про все это Гурко? Защищает ли он Баранова и старается ли его оградить? Принц Валлийский приехал на днях сюда, любезен, как всегда, и до сих пор ведет себя скромно и ничего особенного не выкидывает.

Погода продолжает стоять теплая и приятная.

Я полагаю, что перед возвращением в Россию мы заедем с женой навестить императрицу.

До свидания, любезный Константин Петрович.

Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас

Александр.

1058

22 ноября 1879 г.

Посылаю обратно записку, представленную мною государю. Вы, я уверен, обрадуетесь надписи собственною рукою государя.

Мне лучше, начинаю ходить, но очень слаб и голова глупа, так что ни писать, ни читать долго не могу.

А.

1059

Я думаю, Вам интересно будет прочесть эту записку гр. Игнатьева, если Вы уже ее не читали раньше.

Я читал ее еще раньше в подлиннике.

А.

1060

Прочтите эту записку Кашкарова; мне кажется, что есть здоровые мысли. Знаете ли Вы этого Кашкарова, кто он такой?

26 ноября 1879 г.

А.

1061

12 декабря 1879 г.

Аничков дворец.

1. Пожалуйста, благодарите г-на Романова за поднесенный мамонтов зуб.

2. Тоже благодарите от меня сенатора Зарудного за его книгу.

3. Когда будете писать арх. Платону, тоже поблагодарите его очень за присланные брошюры и портрет.

Весьма интересно будет узнать, чем кончится суд над Барановым. Мне говорил Посъет, что в число судей назначен именно Рождественской, это очень мило!?

Я еще не видал Олсуфьева, но если он желает присутствовать на суде, я постараюсь устроить ему это.

Я еще не успел закончить записки Баранова о морской защите, и поэтому еще не могу сказать моего взгляда.

Александр.

1062

Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Любезный Константин Петрович, пожалуйста, заезжайте ко мне сегодня в 2 ¹/₂ часа. Мне хотелось бы с Вами переговорить об нашей крейсерской комиссии перед тем, чтобы принять остальных членов, которым я назначил быть ко мне завтра в 2 часа.

А.

1063

11 декабря 1879 г.

Пожалуйста, любезный Константин Петрович, заезжайте ко мне завтра, в 2 часа, переговорить о письме Голохвастова и вообще о теперешнем грустном и страшно тяжелом положении. Так и хочется помочь государю выйти из этого тяжелого положения, а не знаешь — чем.

Александр.

1064

18 декабря 1879 г.

Возвращаю Вам прочтенные мною записки Баранова, которые меня очень интересовали. Если будут возражения на эти мысли Баранова, то можно ответить на них, что во всяком случае предложение Баранова практичнее планов морского министерства, потому что у них никаких соображений и мыслей не существует, а у всех в голове полный хаос и полнейшее непонимание того, что нам нужно делать с флотом.

А.

1065

24 декабря 1879 г.

Пожалуйста, передайте эту записку министерства иностранных дел графу Путятину для прочтения. Я показывал письмо графа товарищу Горчакова — Гирсу, и в объяснение письма он прислал мне эту записку. После праздников постараюсь принять старика Путятину и переговорю с ним еще раз.

А.

1066

Января 1880 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, от души. Дай Бог и Вам счастливого года и всего лучшего.

Благодарю Вас тоже сердечно за вчерашнее письмо. Пони-

маю и разделяю совершенно Ваши чувства, и мне самому противно теперь, что согласился передать записку Краевского министру внутр. дел, но дело было проще, чем его рассказывают.

В один из приемных дней пришел ко мне Краевский и передал мне записку, в которой объясняет причины прекращения «Голоса» на 5 месяцев и вместе с тем тот материальный ущерб, которому подверглась редакция. — Я, ничего ему не обещав, послал записку к Макову, результатом чего было разрешение «Голосу» снова появиться на свет.

Противно слушать все толки и рассуждения по этому поводу, и, конечно, это для меня *хороший урок*, и впредь раз навсегда я откажусь принимать подобных редакторов, а еще более просьб от них.

Вот как была эта история, и я виню Макова, что он так легко согласился на просьбу Краевского и мне не объяснил хорошенько всех обстоятельств, заставивших его прекратить издание «Голоса» на такой длинный срок, потому что последняя статья, за которую именно и была закрыта газета, была вздорная и вдобавок совершенно справедливая, что меня и удивляло.

От души желаю Вам еще раз счастья на предстоящий год и жму Вам крепко руку.

Александр.

1067

2 января 1880 г.

Аничков дворец.

Завтра я не буду свободен, и мне нельзя ехать в Гатчину, а постараюсь съездить туда 7 или 8 числа.

Пожалуйста, поблагодарите Гончарова за присланную книгу. Прочел с интересом статью о плавании парох. «Москва», весьма критическое было положение ее.

А.

1068

Его превосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

2 янв. 1880 г.

От Н. Ц.

4 числа я намерен ехать на охоту, и раньше 8 или 9 числа мне невозможно будет ехать в Гатчину.

Завтра я просил Миллютина заехать ко мне для переговоров о записке Баранова. Интересно знать, что случилось с прокурором и судом, и почему они так тянули чтение приговора.

А.

1069

Его превосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

7 января 1880 г.

От Н. Ц.

Я еду завтра не в 12 ч. а в 1 ¹/₄ часа, так как завтра еще у меня большой прием. Завтракать будем в вагоне на пути.

Сегодня не успел видеть архим. Николая, так как было уже поздно, но непременно назначу ему день.

А.

1070

27 января 1880 г.

Посылаю Вам записку генерала Гейнца. Хотя я со всеми выводами этой записки не согласен, но надо отдать справедливость, что многое совершенно справедливо и даже практично. Вообще записка в высшей степени интересна, и даже я думаю, что многое из его предложений положительно возможно и принесет свою пользу.

А.

1071

20 февраля 1880 г.

Аничков дворец.

Посылаю Вам образ, поднесенный мне купцом Оловянишниковым; я полагаю послать его на крейсер «Ярославль» и поставить его в помещении команды так, чтобы он постоянно находился на этом судне.

А.

1072

6 марта 1880 г.

Аничков дворец.

Я уже отправил к государю нашу записку и при первом случае в присутствии Милютина переговорю с государем и узнаю его взгляд на эти предположения.

Только бы удалось приостановить постройку этих поганых броненосцев, если действительно морское министерство собирается их снова строить.

Надо будет поговорить с Милютиным о подводной лодке; не понимаю, за чем дело стало.

Я смотрел рисунки флага и обмундирования и одобряю совершенно.

А.

1073

7 марта 1880 г.

Посылаю Вам эту просьбу. Я знаю это дело и помню, когда он был сослан.

Действительно, государю докладывали о нем; ввиду его молодости и хорошего поведения, государь вернул его из ссылки.

Можете еще справиться о нем или лучше призовите его сами и поговорите с ним. — Мне кажется, что действительно этот молодой человек искренно раскаивается и можно было бы определить его в Добров. флот на службу.

А.

1074

9 марта 1880 г.

Очень сожалею, что бедный гр. Путятин болен.

Иванова вчера я не видал, так как вернулся домой только в 3 часа; постараюсь назначить ему другой день.

Эрдман тоже на днях будет у меня.

Я с удовольствием уступаю одну из моих зал для годовичного собрания членов учредителей и проч. Добр. флота, это меня вовсе не расстраивает.

Я очень рад, что Д. А. Милютин сделал свои замечания и объяснился по этому с Барановым. Я нарочно для этого и послал записку Милютину.

Радуюсь хорошим известиям о наших судах.

А.

1075

10 марта 1880 г.

Искренно благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за присланные письма. Действительно, отрадно читать их. Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской. Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но о них не слышим, и работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства.

Посылаю Вам при этом обратно рисунки.

Ваш Александр.

1076

28 марта 1880 г.

Прочел и то, и другое с удовольствием. Вчера просидели у К.Н. с 1 часу до 4 ¹/₄ ч. и конечно результата никакого.

Пожалуйста, дайте знать Н. М. Баранову, что я желал бы его видеть завтра в 2 ¹/₂ часа.

А.

1077

7 апр. 1880 г.

Посылаю Вам для прочтения записку, составленную Барановым. Прошу Вас очень, если найдете что-либо прибавить или изменить, прикажите Баранову приехать к Вам и передайте ему, что Вы найдете нужным.

А.

1078

Гапсаль. 1880 г.

10 июля.

Любезный Константин Петрович, посылаю Вам письмо и чертежи, полученные мною от г-на Tames Long из Лондона с предложением купить для Добровольного флота два парохода. Я вовсе не знаю г-на Long и не знаю даже, кто он такой; посылаю Вам все это для того, что нужно будет ему отвечать от общества.

Мы снова в милом и тихом Гапсале, где положительно можно свободно вздохнуть после петербургской суеты и тамошней моей жизни.

Меня весьма обрадовало назначение Бунге товарищем мин. финансов, лишь бы это принесло положительно пользу и Грейг не слишком самодурствовал бы. Жду с нетерпением известий о нашем крейсере «Ярославль», как он удался и какой ход развила машина. Очень жаль, что не увижу его в нынешнем году, так как вряд ли попаду в Ливадию, потому что государь желает, чтобы я остался в Петербурге во время его отсутствия, и все текущие дела должны снова идти ко мне.

У нас гостил три дня кн. Суворов, который приехал из Ревеля, где живет его сестра.

Нового в Гапсале ничего нет, мы много гуляем, катаемся и читаем и проводим время по-дачному. Дети процветают и старшие купаются в море; я еще должен продолжать теплые ванны с грязью, так что в море еще не начинал купаться.

Желаю Вам приятно и благополучно совершить Ваши поездки по России.

До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Если будет что интересного, пожалуйста, пишете

Ваш Александр.

1079

Петергоф 1880 г.

20 августа.

Я прочел с большим интересом и удовольствием письма Валицкого и радуюсь, что «Ярославль» удался, а еще более, что мне удастся видеть этот крейсер, и очень надеюсь на нем поплавать и из Севастополя перейти в Ялту. Я полагаю, что это будет в начале октября.

Радуюсь тоже благополучному приходу «России» во Владивосток. Да, жаль, что морское министерство не желает обращать внимание на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками.

Теперь отправляется к плавание на новой «Ливадии» генерал-адмирал, и если это плавание будет удачно, то, конечно, вопрос о поповках будет окончательно решен и бесповоротно. Дай Бог, чтобы плавание было неблагополучно. Я думаю, многие так же желают и ждут с нетерпением.

То, что Вы пишете насчет т-те Винклер, уже я сделал распоряжения, только что вернувшись из Гапсала, и вещи должны быть приняты на днях из Зимнего дворца.

Посылаю Вам для курьеза предложение Баранова; конечно, я никакого хода этой записке не дал. потому что невозможно устроить это дело.

Конечно, Баранов исполнил бы отчасти свое обещание, но где же нам рисковать подобным предприятием? Если не удастся мне видеть Вас до вашего отъезда в Ригу, то надеюсь, что приедете ко мне после. Самое лучшее время к завтраку, потому что потом я свободен и можем поговорить.

Погода — просто прелесть, и мы наслаждаемся ею в милой Александрии, но все же это не то, что тихий и скромный Гапсаль.

Ваш от души Александр.

1080

Прошу Вас очень, любезный Константин Петрович, сочинить мне ответ игуменье Марии и прислать ко мне для подписания.

31 августа 1880 г.

А.

1081

15 января 1880 г.

Посылаю Вам, любезный Константин Петрович, разные образа и воздухи, которые прошу Вас очень послать архимандриту Николаю для раздачи в японские церкви. Простите, что обращаюсь к Вам, но я не знаю его адреса.

Вчера решена была судьба Баранова. Государь смягчил наказание увольнением от службы вместо представленного приговора: исключения из службы. С. С. Лесовский просил государя совершенно простить Баранова. Государь обратился ко мне и спросил моего мнения. Я находил, что совершенно простить, по-моему, теперь невозможно. К чему было устраивать всю эту историю с судом, а раз что суд состоялся и Баранова обвинили, то, мне казалось, не было другого выхода, потому что иначе суд превратился бы в какую-то комедию. Я прибавил, что милость государя, может быть, простит Баранова раньше срока.

По-видимому, государю было весьма тяжело решиться уволить Баранова. К. Николаевич, — тот не доволен даже тем, что государь смягчил наказание. Завтра мы едем в Гатчину на охоту, но лодку не успею посмотреть.

Если возможно Баранова удержать в нашем Добр. флоте, было бы очень желательно, но командиром парохода, я полагаю, при его здоровье вряд ли он может быть.

О Валуеве и его проекте переговорим, когда увидимся, я узнал многое об этом проекте, и К. Н. тоже впутался в это дело.

Александр.

1082

27 сентября 1880г.

Петергоф.

Я очень буду рад, если Вы поедете с нами в поезде до Севастополя, места у нас довольно, и никакого стеснения нет. С большим нетерпением жду увидеть «Ярославль» и радуюсь, что можно будет на нем пройтись.

Меня вовсе не удивляет то, что Баранов пишет про Тотлебена, потому что я уверен, что Тотлебен действительно поведет дело как следует: он шутить не любит, и у него прямая и честная натура, в чем я вполне убедился в последнюю кампанию, и, мне кажется, было бы грешно его сменять из Вильны.

Что-то ничего не слышно про яхту «Ливадия», а интересно знать, что с ней?

Вы мне говорили про записку, составленную Барановым, о нашем Добровольном флоте, где она и передал ли Вам он ее?

Вчера Бунге привез мне свою записку, составленную по приказанию государя; записка весьма интересная и много дельного, но какой ход дадут теперь этой записке и как посмотрит на нее сам Грейг?

До свидания.

Ваш Александр.

1083

Петергоф 1880 г.

30 сентября.

Весьма грустное и тяжелое впечатление сделала на меня эта записка Баранова, но я не отчаиваюсь, и надо во что бы то ни стало добиться субсидии правительства для поддержания Добровольного флота. Если же правительство не найдет возможным дать субсидию или найдет бесполезным существование этого общества, то, мне кажется, ни в каком случае не отдавать даром суда общества морскому министерству. Если же морское министерство не пожелает купить суда общества, то продать их частным лицам, а вырученный за продажу капитал употребить на народные нужды или хранить его на случай войны и покупки новых крейсеров.

Во всяком случае попробуем добиться правительств. субсидии, и только если решительно ничего мы не добьемся, тогда приступить к продаже судов и прекращению существования Добровольного общества; как бы это тяжело и грустно ни было, но другого исхода положительно нет.

Вот мой взгляд на это дело; не знаю, разделяете ли Вы мои мысли, или у Вас есть другое предложение.

Я просил вчера графа Лориса-Меликова передать сенаторам, что я могу принять их в четверг, 2 числа, в 12 ч. в Петергофе.

Ваш Александр.

1084

Переговорим с Вами о записке Вахтина на нашем пути в Севастополь. Она мне нравится.

Благодарю очень за присылку фотографии «Ярославля».

2 октября 1880 г.

А.

1085

21 ноября 1880 г.

Ловко и бойко написано, но не думаю, чтобы пропустили эту статью: слишком она резка. Говорят, эта скотина Попов приехал вчера сюда.

Дай Бог, чтобы скорее покончили мы с ним и с его окружением отечественной корабельной архитектуры.

А.

Примечания

Следуют в порядке расположения документов (1884—1894)

364—374. Письма и телеграммы императора Александра III К.П. Победоносцеву.

364. Александр III просит Победоносцева составить ответ на новогоднее приветствие Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова (см. № 77 и 270).

Танеев С.А., см. № 270.

365. Наследник Александра III цесаревич Николай Александрович родился 6 мая 1868 года. Манифест 1834 года по поводу совершеннолетия цесаревича Александра Николаевича, родившегося 17 апреля 1818 года, впоследствии императора Александра II. Манифест 1859 года по поводу совершеннолетия цесаревича Николая Александровича, родившегося 8 сентября 1843 года.

366. Александр III говорит о манифесте по поводу объявления его наследником-цесаревичем в 1865 году, после кончины его старшего брата цесаревича Николая Александровича (12 апреля 1865 г.).

367. Пашков В.А., см. № 335—338.

368. В.П. Мещерский, см. № 281 и 279.

369. Ропша — село Петербургского уезда с императорским дворцом. В 1762 году в Ропше скончался император Петр III.

Ливадия — императорская дача на Южном берегу Крыма.

Граф Воронцов-Дашков И.П., см. № 325 и 326.

Граф Толстой Д.А., см. № 225—233.

23 августа 1884 г. утвержден был новый университетский устав. Победоносцев уезжал в отпуск в Ливадию (см. № 371).

370. Поздравление Победоносцева было, очевидно, в день именин Александра III 30 августа.

371. Ливадия, см. № 369.

372. Князь В.П. Мещерский, см. № 368.
Гатчина — резиденция Александра III.

373. Митрополит киевский Платон (см. № 205) раньше был епископом в Риге и положил основание православного собора в этом городе.

374. Князь В.П. Мещерский, см. № 372 и 368.

375. Письмо Победоносцева к графу Д.А. Толстому, министру внутренних дел.

Вопрос о составе первого департамента сената уже был поставлен Победоносцевым (см. № 318).

376 и 377. Доклад Победоносцева, резолюция Александра III и проект рескрипта Московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову, вызваны празднованием дня рождения Александра III — 26-го февраля.

378—380. Доклад Победоносцева, резолюция Александра III и два проекта манифеста имеют отношение ко дню совершеннолетия цесаревича (см. № 365).

381. «Гражданин» — газета князя В.П. Мещерского (см. № 259 143, 144, 368 и 374).

Князь Долгоруков Василий Михайлович, Екатеринославский губернатор. Его речь в Павлограде напечатана в № 37 местной газеты «Днепр». Ответ губернатору местного деятеля напечатан в № 40 той же газеты. Оратор жаловался на самоуправство, воцарившееся вместо самоуправления, и на засилие дворянства (см. № 18 газеты «Гражданин» от 29 апреля 1884 г.).

382. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III вызваны благотворительным делом в пользу дочери классной дамы Смольного института, подведомственной императрице Марии Федоровне, супруге Александра III.

383. Доклад Победоносцева касается двух вопросов: 1) о вечаии накануне Петрова поста и 2) об устройстве домового храма в квартире дворянки Николаевой. Первый разрешился в положительном смысле; о результатах второго неизвестно.

384. Доклад Победоносцева касается правил о церковноприходских школах, призванных заменить школы светские. Правила утверждены были 13 июня 1884 года.

385—387. Три письма Победоносцева к графу Д.А. Толстому, министру внутренних дел.

385. Празднование столетия дворянской грамоты, данной дворянству 21 апреля 1785 года, ожидалось в следующем, 1885 году. Предположение Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова (см. № 364) осталось неосуществленным (см. № 461—465, 484 и 485).

386. О составе первого департамента см. № 375 и 318.

Сабуров Андрей Александрович, см. № 118 и 350.

Мордвинов Семен Александрович был ревизующим сенатором при графе Лорис-Меликове. Отчеты сенаторов (четырех) дали материал для Кахановской комиссии (см. № 239 и 295).

Абаза Николай Саввич, см. № 135.

Арцимович Виктор Антонович; из деятелей «эпохи великих реформ», был губернатором в Тобольске и Калуге и долгое время стоял во главе первого департамента сената.

Семенов Николай Петрович, член редакционной комиссии для составления «Положения о крестьянах» и автор известного труда «Освобождение крестьян в царствование Александра II».

Гольтгоер Михаил Федорович, сенатор пятого департамента.

Лерхе Эдуард Васильевич, сенатор того же пятого департамента.

Тизенгаузен Николай Оттонович.

Дмитриев Федор Михайлович, см. № 253.

Коробьин Владимир Григорьевич был председателем департамента петербургской судебной палаты и сенатором; его сын унаследовал фамилию Муравьева-Апостола.

387. Письмо Победоносцева к графу Д.А. Толстому, министру внутренних дел.

Андреевский Николай Ефимович был ранее многолетним губернатором в Костроме.

Начальник округа, командующий войсками Григорий Васильевич Мещеринов.

Генц Андрей Константинович, см. № 81.

Черкасов Леонид Иванович, генерал-майор, переведенный в Плоцк на губернаторское же место.

388. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III касаются распределения негласной суммы по смете синода в 2000 р.

Дондуков, т. е. князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, главноначальствующий на Кавказе (см. № 76).

Корсунский Николай Иванович, редактор «Ярославских Епархиальных Ведомостей» и переводчик сочинений Климента Александрийского.

Крыжановский Ефим Михайлович, начальник учебной дирекции в Седеце и гимназии в Варшаве, а с 1883 года член учебного комитета при синоде. Его труды изданы в трех томах: «Собрание сочинений» (Ср. № 618).

Шемякин Василий Иванович, впоследствии главный наблюдатель церковноприходских школ.

389. Письмо Победоносцева к В.А. Пашкову по поводу закрытия «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» и отобрания всех его изданий (см. № 336), более двухсот названий, из коих некоторые выдержали до 12 изданий.

390 и 391. Письмо великого князя Владимира Александровича и приложенное к нему воззвание (№ 391) касаются сбора пожертвований по церквам на построение храма на месте убийства императора Александра II, на берегу Екатерининского канала в Петербурге. Однако сбор разрешен не был, как свидетельствует надпись Победоносцева на письме № 390. В объяснение этого можно указать на сведения в № 414.

392—394. Три письма графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел, к Победоносцеву.

В № 392 речь идет об И.С. Аксакове (см. № 250), но, к сожалению, письма его не сохранилось.

Два последних письма (№ 393 и 394) говорят об одной и

той же записке Варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко. Хотя записки нет в архиве Победоносцева, но можно безошибочно полагать, что она содержала первые впечатления и излагала первые шаги Гурко на новом посту, на который он был назначен в июле 1883 года.

395. Письмо Е.М. Феоктистова, начальника главного управления по делам печати (см. № 351).

Журнал «Отечественные Записки» после выхода четвертой книжки в 1884 году был запрещен на основании временных правил о печати 1882 года за то, что в редакции «О. З.» группировались лица, «состоявшие в близкой связи с революционной организацией».

«Новости», ежедневная газета Нотовича, неоднократно подвергалась преследованиям.

Плеве В.К., директор, департ. полиции, см. № 97 и 131.

Граф Толстой Д.А., министр внутренних дел.

Рафальский Василий Лукич, инспектор киевского института.

Петров Николай Иванович, профессор киевской духовной академии. О какой книге его идет речь в письме, догадаться нетрудно: в 1884 году вышла в свет его книга «Очерки истории украинской литературы XIX столетия» (ср. № 71). Ни письма, ни выдержки не сохранились.

396. Письмо А.А. *Половцова*, см. № 297 и 324.

Катков М.Н., редактор-издатель газеты «Московские Ведомости», см. № 63, 133 и др.

Набоков Д.Н. министр юстиции, см. № 31.

Катков в № 122 от 4 мая сказал, что университетский устав более трех месяцев был задержан госуд. канцелярией.

397. Письмо Н.К. *Гирса*, министра иностранных дел (см. № 8 и др.), по поводу ожидавшегося назначения нового французского посланника в Россию. 10-го ноября был назначен генерал Арперт.

398—406. Письма И.Д. *Делянова*, министра народного просвещения, к Победоносцеву (см. № 119 и др.).

398. В письме речь идет о сообщениях из Туркестанского края, полученных Победоносцевым и переданных им Делянову.

По-видимому, сообщение шло от полковника Александра Петровича Сумарокова, Казалинского уездного начальника, и касалось круга ведения Забелина Алексея Ивановича, главного инспектора училищ Туркестанского края. Очевидно, Победоносцев получил от саратовского епископа Павла сообщение о том, что в учебных заведениях Саратова служились панихиды по И.С. Тургеневу. Делянов оправдывает это преступление тем, что запрещение панихид еще не получено было в Саратове.

Статьи о ректоре и деканах из нового университетского устава, утвержденного 23 августа в том же 1884 г. (см. № 369).

400. Делянов пишет о тех же статьях (№ 399) из университетского устава, которые он послал графу Д.А. Толстому, министру внутренних дел.

Т.И. Филиппов, товарищу государственного контролера, см. № 129.

401. Лебединцев Феофан Гаврилович, издатель журнала «Киевская Старина», был профессором киевской духовной академии, начальником холмской учебной дирекции и с 1882 года основал журнал «Киевская Старина».

Граф Толстой Д.А., министр внутренних дел.

Феохтистов Е.М., начальник главного управления по делам печати.

Авсеенко Василий Григорьевич, писатель, чиновник особых поручений при министре народного просвещения, редактор и издатель газеты «С.-Петербургские Ведомости» с 1883 года.

Галаган Г.П., см. № 63.

Бунге Н.Х., министр финансов.

402. С.А. Рачинский, см. № 45.

Нолле Мария Наумовна, главная воспитательница холмского мариинского женского училища, подведомственного министерству народного просвещения.

Екатерина Александровна, жена Победоносцева.

Чистович Илларион Алексеевич, вице-директор канцелярии обер-прокурора и член совета при министерстве народного просвещения.

Похороны Тургенева И.С. были торжественны и демонстративны.

403. О субсидии «Киевской Старине» см. № 401.
Драгоманов М.П., см. № 170.

404. Нечаев-Мальцев Ю. С., см. № 304.
Министр юстиции Д. Н. Набоков.

Об ограничении гласного судопроизводства Делянов уже писал Победоносцеву, см. № 342.

405. Первые две строки надписаны самим Победоносцевым на письме Делянова. Они говорят о двуличии Делянова, который радуется провалу элеваторов, а на рассмотрение этого вопроса сам не приехал. Присланный им князь Волконский Михаил Сергеевич, товарищ министра народного просвещения, голосовал за элеваторы.

406. Делянов энергично защищает благонадежность ближайшего своего сотрудника в министерстве Николая Милиевича Аничкова, директора департамента народного просвещения.

Шемякин В.И., см. № 388.

407—408. Куломзин Анатолий Николаевич, управляющий делами комитета министров (см. № 170), сообщает Победоносцеву секретный проект резолюции по делам о студенческих беспорядках (ср. № 245).

Островский М.Н. министр государственных имуществ, в ведении которого был Лесной институт.

Состав особого совещания: министр внутренних дел граф Д.А. Толстой, народного просвещения И.Д. Делянов, путей сообщения К.Н. Посьет, военный П.С. Ванновский, государственных имуществ М.Н. Островский, управляющий морским министерством И.А. Шестаков и обер-прокурор святейшего синода К.П. Победоносцев.

Главный начальник верховной распорядительной комиссии в 1880 году граф М.Т. Лорис-Меликов.

Министр юстиции Д.Н. Набоков.

Председатель комитета министров Михаил Христофорович Рейтерн.

К 14 особам большинства принадлежали: четыре великих князя, председатель департамента государственной экономики граф Эдуард Трофимович Баранов, председатель департамента законов

барон Александр Павлович Николаи, государственный контролер Дмитрий Мартынович Сольский, главноуправляющий учреждениями императрицы Марии Константин Карлович Грот, председатель департамента гражданских и духовных дел Николай Иванович Стояновский, военный министр П.С. Ванновский, главноуправляющий кодификационным отделом Эдуард Васильевич Фриш, управляющий морским министерством Иван Алексеевич Шестаков, министр финансов Николай Христианович Бунге и товарищ министра иностранных дел Александр Георгиевич Влангали.

409—413. Пять писем М.Н. Островского, министра государственных имуществ.

В первом письме, № 409, Островский говорит о заседании комитета министров 7 февраля, в котором заслушано дело о студенческих беспорядках, см. № 408. Болезнь Победоносцева, о которой говорит Островский, несомненно помешала ему примкнуть к тому или другому мнению в заседании, и ею объясняется отсутствие его имени среди членов комитета.

Письма № 410 и 411 написаны по поводу острого пререкания между Варшавским генерал-губернатором И.В. Гурко и министром внутренних дел графом Д.А. Толстым. Пререкание возникло, по-видимому, по поводу записки Гурко (см. № 393). Островский был близок к Гурко и имел на него влияние (ср. № 451).

В № 413 Островский пишет, что в Гатчине, в резиденции Александра III, была речь о «деле», а конец дела таков, что «обществу не быть». Надо полагать, что тут разумеется «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» (см. № 389 и 336).

414. Письмо П.В. Оржевского о сведениях газеты «Общее Дело» по делу о построении храма, см. № 390 и 391. К сожалению, в Москве не удалось отыскать газету «Общее Дело» за 1884 год.

415. Министр юстиции Д.Н. Набоков сообщает о своих распоряжениях по якобштадтскому событию. Какое событие — неизвестно.

Мясоедов Николай Николаевич, председатель департамента петербургской судебной палаты.

416—417. Два письма Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. Записки, о которой говорит Долгоруков, в архиве Победоносцева не сохранилась, конечно, потому что она передана была по назначению императору. Из второго письма, № 417, можно заключить, что организация дела, о котором заботился Долгоруков, была поручена Победоносцеву.

418. Письмо Александра Николаевича Шахова, старшего председателя московской судебной палаты. Дело имущественное Энгельгардта могло интересовать Победоносцева по его родственным связям с этой фамилией (жена его Екатерина Александровна — урожденная Энгельгардт).

Лопатин Михаил Николаевич, председатель департамента московской судебной палаты.

Об отрицательном отношении Победоносцева к гласному судопроизводству см. № 47 и 454. Катков М.Н., издатель газеты «Московские Ведомости», также отрицательно относился к судебной реформе, см. № 403.

Аксаков И.С. в своей газете «Русь» (см. № 250) от 15 февраля 1884 года № 4 напечатал статью в защиту судебных учреждений, а главным образом против нападков на них, выдвигая то положение, что старые суды были отвратительны и что новые суды нравственно переродили общество (см. передовая 7—15 ст.).

419. Письмо Победоносцева к А.Н. Шахову, в ответ на письмо его № 418. Победоносцев излагает свой взгляд на судебные учреждения.

Набоков Д.Н., министр юстиции.

Бутков В.П., см. № 47.

420. Письмо Каханова М.С. (см. № 239) по поводу статьи Победоносцева о М.Е. Ковалевском. Покойный был замечательным судебным деятелем, известен как ревизирующий сенатор (см. № 116) и первый обер-прокурор уголовного кассационного департамента сената.

421—422. Два письма М.Н. Каткова, издателя газеты «Московские Ведомости». В первом, № 421, речь идет о предполагавшемся государственном займе. Вопрос о займе был отклонен, как свидетельствует надпись Победоносцева на письме.

Бунге Н.Х., министр финансов.

При втором письме, № 422, нет данных для точного определения повода его написания.

423. Письмо Милия Алексеевича Балакирева, управлявшего придворною певческою капеллою. Балакирев — известный композитор и весьма крупный музыкальный деятель. Он сообщает о камертонах Израилева.

Израилев Аристарх Александрович, священник в Ростове Ярославском, знаток церковного звона. Он изобрел прибор, давший возможность настраивать колокола. Изобретенные им камертоны и настроенные колокола он и показывал царской семье.

Новозосидаемый храм — на месте убийства Александра II.

Митропольский Сергей Иринеевич был членом учебного комитета при синоде и вырабатывал программы по пению для церковных школ и других духовно-учебных заведений.

424. Письмо Антона Степановича Васильковского, генерала, состоявшего в управлении дворца. Он пишет о том же, о чем писал Балакирев, см. № 423.

425—438. Письма императора Александра III к Победоносцеву.

В письме № 426 говорится о домашнем спектакле у князя М.С. Волконского, товарища министра народного просвещения.

Письмо № 427 ср. с № 460.

В письме № 429 речь идет о проекте памятника императору Александру II, см. № 468—470.

В письме № 430 разумеется епископ черногорский Митрофан, приезжавший в Россию.

Баронесса Мария Петровна *Фредерикс* была фрейлиной; просьба ее не сохранилась.

В письме № 431 говорится о заботах Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова о размещении молящихся в храме Спасителя в царские дни (см. № 441 и 442).

В письме № 432 говорится об отставке министра юстиции Д.Н. Набокова и о назначении на его место Манасеина Николая

Авксентьевича. Манасеин, сенатор с 1880 года, в 1882 году произвел ревизию Лифляндской и Курляндской губерний, продолжавшуюся больше года. В 1884 году он представил отчет по ревизии, и отчет лег в основу преобразований в Прибалтийском крае. 6 ноября 1885 года Манасеин был назначен министром юстиции и повел быстрыми шагами преобразования в судебном ведомстве, которых так долго ожидали от его предшественника Набокова (см. № 458). «Записка о реформе судебного строя», по всей вероятности, была писана самим Победоносцевым и была именно тою, которая напечатана ниже под № 454.

В письме № 433 говорится об иеромонахе Никоне, казначее Троице-Сергиевской лавры, редакторе и издате всех листков, брошюр и книг лавры, в том числе и «Троицких листков». Братство пр. Богородицы было в Петербурге и имело целью укрепление православия в Прибалтийском крае.

Танеев С.А., главноуправляющий собственной канцелярией императора.

В письме № 434 говорится о poste министра юстиции, см. № 432.

В письмах № 435, 436 и 437 упоминается князь В.П. Мещерский, издатель «Гражданина» (см. выше, напр. № 368).

438. Письмо: Ванновский П.С. был военным министром, а князь А.М. Дондуков-Корсаков — главноначальствующим на Кавказе.

439. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III говорят о записке М. Н. Каткова, издателя газеты «Московские Ведомости», но записка в архиве не сохранилась.

440. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III говорят о назначении Анатолия Федоровича Кони обер-прокурором уголовного департамента сената. На этом посту приобрел себе известность М. Е. Ковалевский (см. № 420), так как считался инструктором на всю Россию по проведению новых судебных уставов. Назначение Кони состоялось.

Набоков Д.Н. — министр юстиции.

Вера Засулич стреляла в градоначальника Трепова и была оправдана (см. № 4).

441. Доклад Победоносцева и одобрение Александра III вызваны преувеличенными заботами Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова о царском месте в храме Спасителя (см. № 431).

442. Циркулярное письмо, одобренное Александром III, по вопросу, разъясненному в предыдущем письме (см. № 441 и 431).

443. Доклад Победоносцева говорит о картине художника Ильи Ефимовича Репина, приобретенной П. М. Третьяковым для Третьяковской художественной галереи.

Дарья Федоровна Тютчева, дочь поэта Федора Ивановича Тютчева и сестра Анны Федоровны Аксаковой, фрейлина, писательница.

Княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, рожд. Долгорукова, была с 19 июля 1880 г. в морганатическом браке с Александром II.

444. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III говорят о богослужении в Исаакиевском соборе 6 апреля по поводу тысячелетия памяти Кирилла и Мефодия.

Наумович И., см. № 288.

445. Проект доклада Победоносцева по поводу беспорядков в Тифлисской духовной семинарии и о наказании виновника Думбвадзе.

Военный министр П.С. Ванновский.

Министр народного просвещения И.Д. Делянов.

446—448. Доклад Победоносцева, резолюция Александра III и два письма из Киева за подписью «Александра» касаются вопроса о награждении священника И. В. Лебедева.

Два письма (№ 447 и 448) написаны великой княгиней Александрой Петровной. Она была дочерью принца Петра Георгиевича Ольденбургского и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича Старшего. В Петербурге ею основаны Покровская община сестер милосердия и другие благотворительные медицинские учреждения. С 1881 года она переселилась в Киев, где основала Покровский монастырь с хирургической больницей. Здесь она приняла иночество с именем Анастасии и провела последние

годы жизни. Скончалась 13 апреля 1900 г. Очевидно, расходы великой княгини далеко превосходили ее личные средства.

Принц П. Г. Ольденбургский был попечителем училища правоведения, где воспитывался Победоносцев.

449. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III касаются миссионерских и пастырских трудов, особенно, сибирского духовенства, и необходимости увеличения приходов и храмов; на это дело резолюция Александра III призывает пожертвования.

450. Письмо М. Н. Островского, министра государственных имуществ, по поводу недоразумения между генералами Гурко и Ванновским (см. № 451, а также 410 и 411). И это столкновение окончилось благополучно благодаря участию Островского.

451. Проект доклада Победоносцева с надписью Победоносцева, объясняющей, почему доклад был задержан (см. № 410 и 411).

452. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III говорят о письме Наумовича (см. № 444 и 288), которое в архиве Победоносцева не сохранилось.

453. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III вызваны представлением карикатур из собрания Ровинского.

Ровинский Дмитрий Александрович, сенатор, составил себе большое имя как собиратель гравюр и исследователь истории искусства. Замечательное художественное собрание его хранится в Румянцевском музее. Некоторые труды свои Ровинский подносил Александру III и указывал ему художественные предметы для приобретения (см. № 856—860, 896, 897, 901).

454. Проект записки Победоносцева о реформе судебных учреждений (см. № 432). И раньше Победоносцев неоднократно высказывал отрицательное отношение к судебным порядкам (см. № 418 и 419). При новом министре юстиции Н. А. Манасеине его взгляд стал получать практическое осуществление (ср. № 432 и 434).

455—457. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III говорят о встрече в Тифлисе армянского католикоса, о кото-

рой сообщил Победоносцеву экзарх Грузии Павел (письма № 455 и 456).

И католикос Макарий, и экзарх Павел раньше были епископами в Бессарабии.

Граф Д.А. Толстой — министр внутренних дел. Главнначальствующий на Кавказе — князь А.М. Дондуков-Корсаков.

458. Письмо Победоносцева Д.Н. Набокову по поводу оставления им поста министра юстиции и назначения ему преемником Н. А. Манасеина (см. № 432 и 434).

459. Отрывок из речи Победоносцева на празднике училища правоведения, в котором он получил образование. Основателем и попечителем училища был принц П.Г. Ольденбургский.

460. Заметка Победоносцева по поводу доклада великого князя Владимира Александровича о награждении орденом иеромонаха Пимена.

Об орденах духовенству см. № 427.

461—465. Два письма И.Н. Дурново, товарища министра внутренних дел, управлявшего министерством во время отъезда в Крым для лечения болезни министра графа Д.А. Толстого (см. № 472).

При письмах два проекта рескрипта дворянству (№ 463 и 464) и мнение полтавского дворянина анонимное (№ 465). Первый проект (№ 463) составлен Победоносцевым, а второй — совещанием Танеева. Опубликован первый, с небольшими изменениями.

466. Написанный рукою Победоносцева проект рескрипта ему по делу о постройке храма на месте убийства Александра II. Ревизия вызвана была, несомненно, сообщениями газеты «Общее Дело» (см. № 414).

467. Справка Победоносцева на основании сообщения епископа смоленского Нестора. Содержание телеграммы не сохранилось, но, по-видимому, оно было пустяковое.

468—470. Письмо (№ 469) Ивана Николаевича Крамского и два приложения (№ 468 и 470) описания проекта памятника.

Крамской известен как большой художник и особенно портретист. И его проект памятника скорее напоминает программу исторической картины.

471—472. Два письма графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел. При первом (№ 471) не сохранилось письма Московского генерал-губернатора о центре старообрядчества — Рогожском кладбище поповского согласия. Книжка, вызвавшая второе письмо (№ 472), была, по-видимому, одним из изданий «Доброго Слова» Победоносцева.

473—475. Три письма Е.М. Феоктистова, начальника главного управления по делам печати.

Упомянутый в первом письме (№ 473) Грессер Петр Аполлонович был петербургским градоначальником. Эдуард Яковлевич Фукс — сенатор уголовного департамента.

В письме № 474 Феоктистов сообщает о возвращении письма министра иностранных дел Н.К. Гирса. Письмо Гирса не сохранилось в архиве Победоносцева. По-видимому, Гирс, по внушению из Берлина, жаловался на болтливость газеты Авсеенко В.Г. «С.-Петербургские Ведомости» по вопросам иностранной политики (ср. № 401).

В письме № 475 Феоктистов просит за Никиту Петровича Гилярова-Платонова, издателя газеты «Современные Известия». Газета крайне нуждалась в поддержке вследствие малого числа подписчиков и, конечно, чрезвычайно страдала от репрессий. Письма Гилярова и письма Московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова не сохранились.

476—477. Два письма И.Н. Дурново (см. № 461—465) по поводу юбилея дворянской грамоты. Особое совещание было под председательством С.А. Танеева.

478. Герард Николай Николаевич просил Победоносцева принять участие в пересмотре законоположений по учреждениям императрицы Марии. Ответ Победоносцева неизвестен.

479—480. Два письма Н.К. Гирса, министра иностранных дел.

Депеша русского посланника в Вене, князя Александра Борисовича Лобанова-Ростовского, не сохранилась в архиве Победоносцева. Молчание в ней по поводу жалоб на Славянское обще-

ство, по-видимому, послужило поводом для письма Победоносцева к Гирсу с упреками. Гирс оправдывается ссылкой на разговоры при свидании в Скерневицах. Скерневицы — уездный город под Варшавой с великолепным дворцом архиепископов Гнезненских. Здесь в 1884 году состоялось свидание трех императоров и трех министров иностранных дел — русского, германского (Бисмарк) и австрийского (Кальноки).

Волькенштейн — граф Волькенштейн-Тросбург, австрийский посланник в Петербурге с 12 мая 1882 года.

В письме № 480 Гирс упоминает о письме Победоносцева, содержание которого неизвестно.

481—485. Три письма министра государственных имуществ М. Н. Островского и два приложения (№ 484 и 485) к ним говорят об одном деле — праздновании юбилея дворянской грамоты.

Проект рескрипта, см. № 463.

Князь Петр Николаевич Цертелев, брат писателя, служил по дворянским выборам.

486—487. Два письма министра финансов Н.Х. Бунге. Оба вызваны письмами Победоносцева о финансовых мероприятиях, не сохранившихся в архиве. Первое письмо, № 486, говорит о налоге на чай; второе — об ограничении работы на фабриках женщин и детей.

488. Письмо государственного секретаря А.А. Половцова по поводу законопроекта о сибирском университете в Томске, внесенного в государственный совет министром народного просвещения в сметном порядке.

489. Письмо М.С. Каханова по поводу закрытия так называемой Кахановской комиссии (см. № 295) 1-го мая 1885 года.

490—491. Письмо Виленского генерал-губернатора И.С. Каханова с приложением (№ 491) выписки из польской газеты «Познанский Дневник».

492. Письмо графини Александры Андреевны Толстой, тетки графа Л.Н. Толстого. За отсутствием точных названий трудно определить, за какую брошюру она благодарит Победоносцева.

Не содержала ли эта брошюра критику пашковских изданий и не написал ли ее Митрополов (см. № 389)? Также трудно назвать и брошюру графа А.Н. Толстого. Возможно, что это была «Власть тьмы».

Митрополов, см. № 202.

493. Письмо Николая Ивановича Ильминского, известного ориенталиста и деятеля Казанского края по просвещению инородцев на их родном языке.

Барон Услар П. К., генерал-майор генерального штаба, автор многих трудов по этнографии Кавказа и знаток местных наречий, за что был избран членом-корреспондентом Академии Наук.

494—508. Письма и телеграммы Александра III к Победоносцеву.

В письме № 495 Александр III говорит о записке по финансовым вопросам, написанной Николаем Павловичем Смирновым. Смирнов — юрист казанского университета, после краткой службы в Нижнем Новгороде перешел в финансовое ведомство, в котором прослужил более десяти лет. С половины шестидесятых годов он перешел в хозяйственное управление синода и здесь прослужил более тридцати лет, сначала управляя хозяйственной частью, а потом в должности товарища обер-прокурора. По выходе в отставку был сделан сенатором. Смирнов был известен в Петербурге как большой библиофил, собравший весьма значительную библиотеку редких книг. В 1898 году напечатал: «Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова».

Островский М.Н. — министр государственных имуществ.

Д.Б. Рихтер — командующий императорской главной квартирой, см. № 43.

Бунге Н.Х. — министр финансов.

В письме № 496 Танеев С.А. — управляющий собственной канцелярией Александра III.

Посад Лесня и Леснинская женская община, а потом монастырь, в Гродненской губернии.

В письмах № 497 и 498 князь В.П. Мещерский — издатель газеты «Гражданин».

В телеграммах № 499 и 500 Александр III благодарит за по-

здравление Победоносцева в день рождения великой княжны Ксении Александровны (25 марта) и с праздником Пасхи, которая в 1886 году была 13 апреля.

Ливадия — дворец на Южном берегу Крыма.

В письме № 501 Александр III сообщает о пожертвовании в пользу погорельцев города Белого, Смоленской губернии, 5000 рублей чрез графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел.

В телеграмме № 502 из Москвы Александр III благодарит за приветствие в день коронации, 15 мая.

Телеграмма № 503 послана из дворца Александрия в Петергофе в Кисловодск, где лечился Победоносцев.

Телеграмма № 506 послана из Брест-Литовска, где Александр III провел день своих именин 30 августа.

Упомянутый в письме № 507 Поляков С.С. — известный железнодорожник и крупный капиталист. Об акциях Балканских дорог см. № 525—527.

В письме № 508 Александр III благодарит Победоносцева за составление рескрипта уходящему в отставку Рейтерну Михаилу Христофоровичу, председателю комитета министров (см. № 564). На его место действительно был назначен Бунге Н.Х. бывший до этого министром финансов.

509. Письмо Победоносцева к министру внутренних дел графу Д.А. Толстому.

510. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по поводу внезапной кончины Ивана Сергеевича Аксакова, известного славянофила, издателя газеты «Русь».

Анна Федоровна — вдова Аксакова, урожденная Тютчева.

511. Проект телеграммы Победоносцева и его жены А.Ф. Аксаковой, см. № 510.

512. Проект доклада Победоносцева по поводу запрещения носить венки при погребении.

513. Неотправленный доклад Победоносцева о концертах Антона Григорьевича Рубинштейна. В предыдущем году, надо заметить, Александр III присутствовал при исполнении «Нерона» Рубинштейном.

514. К сожалению, при докладе Победоносцева не сохранились письма о Сибири.

Резолюция Александра III.

Граф Алексей Павлович Игнатъев — генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Иркутского военного округа.

515. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III об отправке укушенных бешеным волком в Париж, к знаменитому Пастеру, изобретателю прививок от бешенства.

Брат Владимир — вел. князь Владимир Александрович.

516. Доклад Победоносцева о занятиях его по законоведению с цесаревичем Николаем Александровичем, потом Николаем II.

517. Проект телеграммы Победоносцева цесаревичу (см. № 516) в день его рождения 6 мая. В этот день в 1886 году в Севастополе в присутствии Александра III и его семьи, был спущен первенец нового русского флота в Черном море, броненосец «Чесма».

518. Мнение Победоносцева о сахарной нормировке. Оно могло служить Победоносцеву программой и доклада Александру III и отзыва в государственный совет.

519. Проект рескрипта Подольскому училищу от имени императрицы Марии Феодоровны, стоявшей во главе епархиальных женских училищ.

520. В письме Победоносцева графу. Д.А. Толстому, министру внутренних дел, упоминается Орест Федорович Миллер, известный профессор петербургского университета, славист и славянофил.

Дурново Петр Павлович, председатель славянского благотворительного общества. Начал службу губернатором в Харькове и Москве, кончил председательством в финансовой комиссии петербургской городской думы.

521. Доклад Победоносцева и резолюция Александру III по вопросу о расширении Донской области (см. № 522—524, 544 и 545).
Военный министр П.С. Ванновский.

522. Отзыв Победоносцева по вопросу о расширении Донской области (см. № 521), направленный к военному министру П.С. Ванновскому.

Войсковой наказный атаман князь Николай Иванович Святополк-Мирский.

Косаговский, Павел Павлович, сначала одесский градоначальник, а потом курский губернатор, стоял во главе особой комиссии.

523. Отзыв по тому же вопросу (№ 521 и 522) морского министра Ивана Алексеевича Шестакова (см. № 540).

524. Проект письма Победоносцева к военному министру П.С. Ванновскому, в ответ на сообщение Ванновского (см. № 544).

Шестаков Иван Алексеевич, морской министр (см. № 523).
Результат переписки см. в № 545.

525. Выдержки, написанные рукою Победоносцева для Александра III, из письма С.С. Полякова (ср. № 507) о приобретении болгарских и турецких железных дорог.

526. Письмо С.С. Полякова к Победоносцеву по вопросу о покупке акций Балканских железных дорог (см. № 525 и 507).

527. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по тому же делу (см. № 526, 525 и 507).

528. Выдержки, написанные рукою Победоносцева, из сообщения о посещении А. III Московского университета 15 мая 1886 года.

Эрмансдерфер — известный дирижер и руководитель студенческого оркестра.

529. Проекты ответа на просьбу старообрядцев Рогожского кладбища, подписанную известными всей Москве купеческими фамилиями.

Победоносцев записал фамилии подписавших просьбу и резолюцию Александра III и затем представил проект ответа на просьбу с вариантами отдельных мест просьбы. При этом ответ последовал через Московского генерал-губернатора князя Вл. А. Долгокурова в форме рескрипта на его имя.

530. Рукою Победоносцева переписанные выдержки из письма о службах страстной недели.

Головнин Александр Васильевич, бывший министр народного просвещения, друг вел. кн. Константина Николаевича бывшего председателем государственного совета (см. № 188).

Бортнянский Дмитрий Степанович, знаменитый композитор церковной музыки.

Мраморный дворец принадлежал вел. кн. Константину Николаевичу.

531—533. Три письма графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел, к Победоносцеву.

В письме № 531 разумеется не та просьба старообрядцев, которая изложена в № 529, а совершенно другая, изложенная в печатной записке и предположенная к подаче во время посещения Александром III Москвы в мае 1886 года.

К сожалению, печатная записка старообрядцев не сохранилась в архиве Победоносцева.

В письме № 532 Толстой пишет о Захарыне Григории Антоновиче, знаменитом московском терапевте.

Пазухин Алексей Дмитриевич, правитель канцелярии министра внутренних дел, известен участием в Кахановской комиссии (см. № 295) и в разработке вопроса о земских начальниках.

Князь А. М. Дондуков-Корсаков, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

Кипиани Дмитрий Иванович, кутаисский губернский предводитель дворянства.

Маково — имение Толстого в Рязанской губернии.

534—537. Четыре письма А. А. Половцова, государственно-го секретаря, к Победоносцеву.

Письмо № 534 датировано карандашом, рукою Победоносцева. По-видимому, здесь ошибка памяти Победоносцева или описка: в начале 1886 года Катков М. Н. не писал в своей газете «Московские Ведомости» статей о беспорядках в государственной канцелярии, о которых он раньше уже говорил в газете (см. № 396).

Упоминаемый в этом письме Суворин Алексей Сергеевич — издатель газеты «Новое время».

В записках № 535 Половцов сообщает прежде всего о распи-

сании заседаний государственного совета на осень 1886 года и о председательстве в нем Егора Абрамовича Перетца, члена государственного совета, вызванном, по всей вероятности, отпуском председателя вел. кн. Михаила Николаевича. «На берегах Мойки» расположено само здание государственного совета.

В другой записке Половцов сообщает о своей поездке в летнюю резиденцию Александра III в Петергофе и судьбе указа, поправки к которому, надо думать, набросаны рукою Победоносцева и читаются в конце настоящего номера со слов: «продолжающееся с того времени»...

В письме № 536 под «нашим училищем» разумеется училище правоведения, в котором учились и Половцов, и Победоносцев.

538—539. Два письма И. Д. Делянова, министра народного просвещения, Победоносцеву. В первом письме № 538 речь идет об ограничении программ и докладов в ученых и литературных обществах, начиная с Общества любителей российской словесности, состоящего при Московском университете.

Во втором письме (№ 539) упоминаемый Грессер Петр Аполонovich — петербургский градоначальник.

Князь Волконский Михаил Сергеевич, товарищу министра народного просвещения.

Бекетов Андрей Николаевич, профессор ботаники Петербургского университета и председатель комитета для доставления средств высшим женским курсам.

Андреевский Иван Ефимович, ректор Петербургского университета, известный юрист и директор археологического института.

540. Письмо морского министра И. А. Шестакова.

При этом письме Шестаков прислал Победоносцеву свой отзыв по поводу предположения военного министра П. С. Ванновского присоединить Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство к области Войска Донского, см. № 521 и 523.

Отзыв Победоносцева по тому же вопросу, см. № 522.

541—542. Две секретные справки департамента полиции (см. № 550) о готовящемся покушении на богатства русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. Справки эти сообщены были Победоносцеву с такою точностью, что даже названо имя иконописца, который вел будто бы подкоп в монастыре под

монастырскую казну. Победоносцев так поверил этим сообщениям, что в тот же день, по-видимому, отправил на Афон своего уполномоченного для предупреждения и расследования. По крайней мере уполномоченный Победоносцева 21 ноября был уже на Афоне (см. следующий № 543).

543. Письмо Сергея Васильевича Керского, помощника управляющего канцелярией синода.. Керский послан был в русский монастырь на Афоне для расследования на месте тех сведений, которые полиция сообщила Победоносцеву (см. № 541 и 542). Все эти полицейские сведения оказались неверны.

В Константинополе Керский был у экзарха Иосифа. Это болгарский экзарх, которому в порядке подчиненности подведомственны были все монастыри на Афоне.

Русским послом в Турции был тогда Александр Иванович Нелидов; генеральным консулом в Константинополе — Алексей Ефимович Лаговский; архимандрит Арсений был настоятелем посольской церкви.

Владимир Карлович — Саблер, управляющий в то время канцелярией синода, непосредственный начальник Керского.

В Одессе был в это время архиепископ Херсонский Никанор, известный ученый и оратор.

544—545. Два письма военного министра П.С. Ванновского по вопросу о присоединении Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к Донской области.

Первое, № 544, письмо послано по получении отзыва Победоносцева, см. № 522. Письмо это вызвало ответ Победоносцева, см. № 524.

На этот ответ Победоносцева Ванновский написал второе, уже извинительное, письмо № 545.

546. Письмо графа Николая Владимировича Адлерберга 2-го, бывшего Финляндского генерал-губернатора, члена государственного совета.

«Покойный император» — Александр II.

Граф Гейден Федор Логинович, Финляндский генерал-губернатор, после Адлерберга с 1882 года. Отец Адлерберга — Владимир Федорович, с 1847 года граф, сотрудник николаевского царствования и министр двора с 1852 по 1872 год. Скончался 94 лет в 1884 году.

547. Письмо М.Н. Островского, министра государственных имуществ, по делу о присоединении Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к Донской области (см. № 521—524, 540, 544 и 545).

Граф Толстой Д.А., министр внутренних дел.
Манасеин Н.А., новый министр юстиции.

548. Письмо Н.К. Гирса, министра иностранных дел, по поводу доставленных ему Победоносцевым сообщений о близости перепорота в Сербии в пользу Карагеоргиевича.

549. Письмо Е.М. Феоктистова, начальника главного управления по делам печати. В начале письма Феоктистов говорит о газетных слухах по поводу ожидавшихся перемен в правительстве и именно о назначении И.А. Вышнеградского министром финансов на место Н.Х. Бунге. В распространении слухов, по словам Феоктистова, более всех повинен был князь В.П. Мещерский, издатель газеты «Гражданин».

Суворин А.С. — издатель газеты «Новое Время».
Драма Л.Н. Толстого — «Власть тьмы».

550. Письмо П.В. Оржевского, товарища министра внутренних дел, заведовавшего полицией. Оржевский препроводил справку о покушении на Афонский Пантелеймоновский монастырь (см. № 542) и деньги на поездку туда уполномоченного Победоносцевым Керского (см. № 543).

551—556. Шесть писем Николая Авксентьевича Манасеина, с 6 ноября 1885 года ставшего во главе министерства юстиции, на место Д.Н. Набокова. Будучи сенатором с 1880 года, Манасеин в 1882 году производил ревизию Остзейского края, продолжавшуюся больше года. Отчет его по ревизии, поданный в 1884 году, лег потом в основу всех преобразований в крае. Став министром юстиции, Манасеин принял на себя инициативу в преобразованиях судебного дела, в том числе и по ограничению гласного судопроизводства, о чем он пишет Победоносцеву в первом письме № 551.

Половцов А.А., государственный секретарь, составлявший повестки и программы заседаний государственного совета.

В письмах № 552 и 553 Манасеин сообщает о поездке на

ст. «Волхов» П.В. Оржевского — товарища министра внутренних дел по заведованию государственной полицией, Петра Николаевича Дурново — директора департамента полиции и Михаила Михайловича Котляровского — товарища прокурора петербургской палаты.

В письмах № 554 и 555 Манасеин сообщает о прохождении его проекта (см. № 551) ограничения гласности в судопроизводстве в государственном совете и просит поддержки Победоносцева.

Стояновский Николай Иванович, председатель департамента гражданских и духовных дел государственного совета.

М.Н. Островский, министр государственных имуществ. В письме № 556 Манасеин говорит о своем докладе Александру III в его резиденции в Гатчине и о своем отзыве на законопроект о сахарной нормировке (см. № 518).

557 и 558. Два письма Н.И. Стояновского (см. № 555) о назначении дня для слушания законопроекта об ограничении гласности в судопроизводстве (ср. № 554 и 555).

Николай Авксентьевич Манасеин, министр юстиции, внесший и проведший законопроект.

559—560. Два письма Н.Х. Бунге, министра финансов. Иван Давидович первого (№ 559) письма — Делянов, министр народного просвещения.

Н.П. Смирнов, товарищ обер-прокурора синода; о записке его см. № 495.

Во втором (№ 560) письме Бунге сообщает о прохождении законопроекта его о сахарной нормировке (см. № 556 и 518).

Островский М. Н., министр государственных имуществ.

Министр внутренних дел — граф Д.А. Толстой. Министр юстиции — Н.А. Манасеин.

561. Письмо Дмитрия Мартыновича Сольского государственного контролера, по делу о сахарной нормировке (см. № 560, 556 и 518).

Николай Христофорович Бунге, министр финансов.

М.Н. Островский, министр государственных имуществ.

562—563. Два письма Оттона Борисовича Рихтера, командующего императорскою главною квартирой.

В первом (№ 562) письме Рихтер сообщает о болезни цесаревича Николая Александровича.

Боткин Сергей Петрович, лейб-медик двора и известный профессор военно-медицинской академии.

Надпись на письме сделана рукою Победоносцева. Во втором письме (№ 563) Рихтер пишет о частном прошении Граббе Владимира Павловича, графа, флигель-адъютанта, полковника Преображенского полка. Дело касалось, по-видимому, железнодорожного вопроса, так как рассмотрение его шло одновременно с представлением Константина Николаевича Посыета, министра путей сообщения. По всей вероятности, это дело касалось проведения железной дороги на Кавказе (см. № 567, 568, 682—686).

Половцов А.А. — государственный секретарь. Победоносцев в это время лечился в Кисловодске.

564. Письмо управляющего собственной канцелярией императора С. А. Танеева. Танеев пишет о рескрипте по поводу увольнения Рейтерна от должности председателя комитета министров, 1-го января 1887 г., см. № 565.

565. Письмо Анатолия Николаевича Куломзина, управлявшего делами комитета министров. Письмо Куломзина было ответом на поручение Победоносцева: получив приказание написать рескрипт М. Х. Рейтерну (см. № 564), Победоносцев обратился к Куломзину за официальными данными о службе Рейтерна; посылая эти материалы, Куломзин сопроводил их настоящим (№ 565) письмом.

В первой части письма Куломзин говорит о деятельности и заслугах Рейтерна в то время, когда он был министром финансов, с 23 января 1862 года до июля 1878 года. Особую заслугу Рейтерна Куломзин видит в понижении концессионной цены строящихся железных дорог. П.Г. фон Дервиз, К. фон Мекк и С. Поляков — известные железнодорожные деятели. По проекту Дервиза, поддержанному и проведенному Рейтерном, железные дороги с 1865 года строились на гарантированные правительством облигации, выпущенные раньше акций.

Чевкин Константин Владимирович был министром путей сообщения с 1853 по 1862 год, а потом председателем департамента экономии государственного совета.

Татаринов Валериан Алексеевич, государственный контролер с 1852 года до кончины в 1871 году.

Милютин Николай Алексеевич, известный государственный деятель, особенно в Польше.

Болезнью глаз в рескрипте обусловлено само увольнение Рейтерна от должности.

Граф Воронцов-Дашков И.И., министр двора. 1-го января 1887 года рескрипт был дан Рейтерну, и в нем между прочим говорилось:

«При оказавшейся необходимости быстрого возведения сети железных дорог в нашем отечестве вы рядом искусных финансовых операций привлекли к сему важному государственному делу необходимые капиталы и посреди немалых затруднений содействовали возбуждению частной на этом поприще предприимчивости после предшествовавших неудач. Вашей заботливости об интересах государственного казначейства Отечество обязано значительным понижением строительной цены дорог благодаря введенному в 1868 году изменению в порядке выдачи концессий. Родитель мой имел утешение быть свидетелем той настойчивости, которую вы, совокупно с покойными председателем департамента государственной экономии государственного совета Чевкиным и государственным контролером Татариновым, явили в исполнении первостепенной финансовой задачи установить равновесие государственных доходов с расходами. Впервые достигнутое в 1872 году, оно продолжалось неизменно до самого наступления военного времени. Приобретенное усилиями вашими развитие государственных ресурсов при поддерживаемой вами строгой бережливости в расходах увенчалось значительным поднятием государственного кредита, несмотря на вызванное выкупною операцией и железнодорожным делом увеличение нашей задолженности».

566. Письмо А.Н. Куломзина (см. № 565) о прохождении в комитете министров законопроекта о сахарной нормировке (см. № 556, 560, 561 и 518).

567—569. Три письма Н.А. Новосельского (см. № 345).

Первые два (№ 567 и 568) письма говорят о железнодорожном предприятии на Кавказе совместно с Граббе (см. № 563).

Мамантов Ил. Степ., начальник канцелярии по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых.

В третьем письме, № 569, по всей видимости, речь идет о назначении министром финансов И.А. Вышнеградского.

570. Проект обращения к болгарскому народу. Во второй половине 1886 года Болгария пережила бурные революционные движения. 9 августа военный заговор низложил князя болгарского Александра Баттенбергского и вывез его за границу. 17 августа Александр, однако, вернулся в Болгарию, но, получив поощрение России, 27 августа вторично отрекся от престола и выехал из Болгарии, назначив регентство, в отместку России, из открытых русофобов Каравелова, Стамбулова и Муткурова и образовав такое же правительство с Радославовым во главе. Первые шаги новой власти болгарской были заискивающими перед Россией, и поэтому в Болгарию назначен был русским дипломатическим представителем генерал Н.В. Каульбарс. 13 сентября прибыв в Софию, Каульбарс потребовал от болгарского правительства отсрочки на два месяца созыва народного собрания для избрания князя, снятия осадного положения и амнистии виновникам переворота 9 августа. Исполнив два последних требования, болгарское правительство решительно отказало в первом. 29 октября великое народное собрание собралось в Тырнове и избрало на болгарский престол принца Датского Вольдемара, брата русской императрицы, думая этим избранием угодить России. Вольдемар, однако, не принял избрания и отказался от предложенной ему короны. Положение русских представителей в Болгарии стало невозможным вследствие открытых нападений на них. Каульбарс со всеми русскими консулами покинул Болгарию в ноябре, заявив болгарскому народу, что его правительство утратило доверие России и никакие сношения с ним невозможны. Еще ранее он заявил болгарскому министру иностранных дел, что выборы в народное собрание он признает незаконными, и поэтому и само собрание, и все его решения будут сочтены Россией лишены всякого значения. По отъезде русских сторонники России делали попытки восстаний, но болгарское правительство жестоко с ними расправилось. Уже в 1887 году снова собрано было великое народное собрание, и на нем князем болгарским избран был принц Фердинанд Кобургский.

Проект обращения к болгарскому народу, № 370, назначался к опубликованию именно по отъезде Каульбарса из Болгарии, но осуществлен не был.

571. Письмо М.Н. Каткова, издателя газеты «Московские Ведомости», по поводу избрания принца Датского Вольдемара великим народным собранием в Тырнове на болгарский княжеский престол (см. № 570). Катков смотрел на это дело с точки зрения интересов православия, полагая, что Россия на всем востоке должна быть охранительницей православной церкви.

572. Письмо М.Н. Каткова (см. № 571) по поводу назначения Н.Х. Бунге, бывшего министра финансов, председателем комитета министров.

Так как новый 1887 год начался в четверг, когда это назначение состоялось, письмо Каткова написано в воскресенье перед этим, т. е. 28 декабря 1886 года.

Отрицательное отношение Каткова к министру финансов Бунге (см. № 421).

Полемика со Смирновым вызвана была запиской Н.П. Смирнова о финансах (см. № 495 и 559).

573. Письмо Дмитрия Григорьевича фон Дервиза, члена государственного совета по департаменту законов. Дервиз объясняет мотивы своего отрицательного отношения к законопроекту об ограничении гласности в судопроизводстве (см. № 551, 554, 555, 557, 558). Опасения И.Д. Деянова сбылись (см. № 342).

574—575. Два письма генерал-адъютанта Григория Григорьевича Даниловича. Военный педагог, он был инспектором в кадетском корпусе и директором военной гимназии в Петербурге. При гимназии благодаря усилиям Даниловича открыты были педагогические курсы. Потом он был членом военно-учебного комитета и воспитателем царских детей — цесаревича Николая Александровича и вел. кн. Георгия Александровича.

Евтушевский Василий Адрианович, известный педагог и автор учебников по арифметике. Он был руководителем по математике на педагогических курсах при главном управлении военно-учебных заведений и в числе устроителей военно-педагогического

Музея в Соляном городке в Петербурге. Против метода Евтушевского возражал А.Н. Толстой.

Данилович и Победоносцев, очевидно, способствовали тому, что Евтушевский состоял преподавателем царских детей по математике.

«Николай Христианович», во втором (№ 575) письме — Бунге, министр финансов, бывший профессор киевского университета.

576. Письмо (в копии) экзарха Грузии Павла с резолюцией Александра III, об убийстве ректора тифлисской духовной семинарии Чудецкого.

Князь А.М. Дондуков-Корсаков, главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками округа.

Попечитель кавказского учебного округа Кирилл Петрович Яновский.

С.В. Керский, см. № 543.

577. Письмо графа А.Е. Комаровского (см. № 359 и 360).

578. Прощение (в копии) московского биржевого комитета об отсрочке закрытия старых городских рядов на том месте, где теперь новые торговые ряды на Красной площади. Прощение успеха не имело.

579. Письмо Бориса Павловича Мансурова, члена государственного совета по департаменту государственной экономии. Мансуров критикует законопроект о сельскохозяйственных рабочих, которым вводилась договорная форма отношений к нанимателю.

580. Письмо Константина Константиновича Случевского. Случевский — поэт; состоял в 1881 году чиновником особых поручений при министре государственных имуществ. При путешествиях вел. кн. Владимира Александровича по северу России и по Прибалтийскому краю его сопровождал Случевский в качестве корреспондента, подробно описывавшего эти путешествия. Результатом таких корреспонденций составились известные книги Случевского: «По северу России» и «По северо-западу России». Бобриков Н.И. в это время был начальником штаба войск гвардии и петербургского военного округа.

581. Письмо М.М. Манасеиной, жены Вячеслава Авксентьевича Манасеина, профессора петербургской военно-медицинской академии. Оно вызвано самоубийством другого профессора академии, Сергея Петровича Коломнина.

Ванновский П. С., военный министр и главный начальник академии.

582—596. Письма герцогини Марии Сергеевны де Феррари, урожденной Анненковой.

Все письма по одному делу, семейному, соединенному с подозрением герцогини в шантаже. Младшая сестра ее, Надежда Сергеевна, была в замужестве за герцогом Лейхтенбергским, князем Романовским Николаем Максимилиановичем. Николай Максимилианович в 1884 году получил шантажное письмо за подписью «Chevaliers de Lys», ставшее известным императору Александру III. Молва и слухи возбудили подозрение на герцогиню Феррари в соучастии в шантаже. Подозрения навлекли немилость на герцогиню со стороны «света». Герцогиня Феррари желала избавиться от подозрений и рассеять их. В попытках к этому она и обратилась к Победоносцеву за советом и содействием.

Помогали герцогине Кокшаров Николай Николаевич, сын академика Николая Ивановича Кокшарова, Половцов Валериан Александрович, сын государственного секретаря, и Кладищев Дмитрий Петрович, Рязанский губернатор.

597. Письмо Константина Гавриловича Катакази (см. № 127, 128). Катакази в это время снова был принят на службу и состоял по министерству иностранных дел.

«Стремоуховские уловки» намекают на действия, очевидно Петра Николаевича Стремоухова, служившего тоже по министерству иностранных дел при канцлере Горчакове А.М., и бывшего директором азиатского департамента. Стремоухов умер в 1885 году.

598—605. Семь писем Александра III Победоносцеву.

На первом письме (№ 598) рукою Победоносцева надписан повод, который вызвал письмо: избрание константинопольского патриарха. К сожалению, доклада Победоносцева, очевидным ответом на который и было настоящее письмо, среди бумаг Победоносцева не сохранилось. Можно предполагать, что доклад этот

совпадал с официальным изложением событий, напечатанным в органе синода, «Церковном Вестнике», в № 7 от 14 февраля 1887 года, в статье «Иоаким III».

В 1886 году патриарх константинопольский Иоаким IV отрёкся от патриаршего престола. Главною причиною, заставившею Иоакима IV удалиться от дел, признавалась его русофобская политика. В январе 1887 года происходили в Константинополе выборы нового патриарха. Главнейшими кандидатами были Иоаким III, бывший патриархом до Иоакима IV и отказавшийся от престола вследствие русофильского направления его политики, и Дионисий — митрополит адрианопольский, тоже русофоб, как и Иоаким IV. За первого кандидата 18 января было подано 33 голоса, а за второго 19. 23 января при избрании патриарха из кандидатов избранным оказался Дионисий. Избрание это принято было как «поражение русской политики».

Второе письмо (№ 599) говорит о драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» и служит ответом на письмо Победоносцева, см. № 609.

В третьем письме (№ 600) и в объяснении к нему митрополита Исидора (№ 601) указывается на беспорядок в Александро-Невской лавре, замеченный императором и состоявший в том, что у мощей не было очередного иеромонаха. Митрополит объяснил, что сидят очередные иеромонахи только у открытых мощей, а при мощах Александра Невского, как закрытых, очередной монах может вызываться только для совершения молебна, а при мощах он может и не быть во время своего дежурства. Александр III в резолюции на этом объяснении митрополита сообщил о своих наблюдениях, не вполне совпадающих с изложением дела митрополитом (ср. № 757).

Письмо № 602 сообщает об отмене распоряжения о предостережении газете М.Н. Каткова «Московские Ведомости». К сожалению, письмо Победоносцева по поводу статей Каткова не сохранилось, и потому невозможно определить, за какие статьи Каткову грозило предостережение. Можно думать, что статьи эти касались болгарских дел и роли германских консулов в Болгарии (см. № 734).

Феоктистов Е.М. — начальник главного управления по делам печати.

Письмо № 603 говорит о расширении Донской области, см. № 521—524, 544 и 545.

Письмо, очевидно, было ответом Победоносцеву, но доклад Победоносцева о прохождении вопроса в государственном совете не сохранилось.

Письма № 604 и 605 вызваны двумя письмами — анонимным и Зарудной, но ни того, ни другого не сохранилось. О содержании письма Зарудной можно догадаться по № 649.

606. Доклад К.П. Победоносцева и резолюция Александра III по поводу задержки в государственном совете законопроекта об ограничении гласности в судопроизводстве (см. № 554 и 555 и др.). О первом заседании государственного совета по этому вопросу см. № 650 и 651

Н.К. Гирс — министр иностранных дел.

Пален Константин Иванович, граф, член государственного совета, при Александре II с 1867 до 1878 года был министром юстиции и сам первый приступил к ограничению гласного судопроизводства. При нем 9 мая 1878 года введен был закон, ограничивший круг действий суда присяжных.

Мартенс, Федор Федорович, известный специалист по международному праву и профессор Петербургского университета (см. № 679).

607. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по делу об ограничении гласного судопроизводства, см. предыдущий доклад Победоносцева № 606.

Председатель государственного совета — великий князь Михаил Николаевич.

Председатель департамента гражданских и духовных дел государственного совета — Н.И. Стояновский.

608. Доклад Победоносцева и резолюция А. III по поводу приношения игуменьи костромского Богоявленского монастыря Марии. Письма игуменьи в бумагах Победоносцева не сохранилось.

609. Проект письма Победоносцева Александру III, по поводу драмы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (см. № 599).

О постановке драмы на сцене см. № 660 и 661.

610. Проект письма Победоносцева Александру III по поводу «случая» 1-го марта 1887 года.

«Правительственный Вестник» в № 47 от 4 марта 1887 года напечатал следующее «правительственное сообщение»:

«1-го сего марта на Невском проспекте около 11-ти часов утра, задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотре их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

В речи ректора Андреевского к профессорам и студентам Петербургского университета, произнесенной 6-го марта в актовом зале университета и напечатанной в № 50 «Правительственного Вестника» от 7-го марта 1887 года, спрашивалось о задержанных студентах: «Зачем злосчастные воспользовались они, и так недавно, не более 6-ти месяцев назад, гостеприимною дверью нашего университета?» Очевидно, они были первого курса.

Кроме студентов университета, к делу привлечены были и более близкие обер-прокурору синода лица, получившие образование в петербургской духовной академии (см. № 615, 644, 645, 649 и 721).

1-го марта арестованы: Генералов, Андреюшкин и Осипанов — все трое с бомбами, Канчер, Гаркун и Волохов. 3-го марта, по указанию Канчера, арестована динамитная мастерская на квартире Ананьиной, и арестованы мать и дочь Ананьины.

15—19 апреля особое присутствие сената, с участием сословных представителей, рассмотрело дело о покушении на жизнь Александра III. Подсудимые приговорены: В. Генералов, П. Шевырев, А. Ульянов, Пахомий Андреюшкин, В. Осипанов — все к смертной казни и все повешены 8-го мая в Шлиссельбургской крепости; И. Лукашевич и М. Новорусский — оба к вечным каторжным работам, М. Ананьина — к 20 годам каторжных работ, Б. Пилсудский — к 15 годам каторжных работ, М. Канчер — к 10 годам каторжных работ и на этот же срок — П. Гаркун, С. Волохов и Т. Пашковский; Раиса Шмидова сослана на поселение и А. Сердюкова приговорена на 2 года тюремного заключения.

611. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по поводу письма М.Н. Каткова, издателя газеты «Московские Ведомости»

Катков просил выяснить положение индийского принца, желавшего жить в России и свободно объехать Кавказ (см. № 628, 689, 694).

Александр III предполагал воспользоваться принцем «для наших дел в Индии с англичанами».

612. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по поводу полученных из Костромы писем о пожаре в Богоявленском монастыре (ср. № 608). Костромские письма в бумагах Победоносцева не сохранились. Очевидно, возвращены не были.

Губернатором в Костроме был Виктор Васильевич Калачев.

613—614. Доклад Победоносцева, резолюция Александра III и письмо С.С. Полякова по вопросу о приобретении Россией акций Балканских железных дорог (см. № 525—527).

615. Собственноручные заметки Победоносцева с выписками из следственного дела по обвинению Новорусского и других поименованных им лиц в покушении 1 марта 1887 года (см. № 610, 644, 645, 649 и 721).

616—621. Телеграмма и пять писем министра внутренних дел графа Д.А. Толстого Победоносцеву.

Телеграмма и первое письмо, № 616 и 617, было ответом на запрос о здоровье заболевшего Толстого.

Захарьин Г.А., см. № 532.

В письме № 618 упоминается Крыжановский Е.М., см. о нем № 388.

Маков А.С., см. № 123, 314.

В письме № 619 Толстой говорит о записке Циона по поводу клеветы на издателя «Московских Ведомостей» Каткова, см. № 690, 691 и 733—753.

При письме № 620 Толстой приложил какую-то немецкую газету со статьей по поводу приезда Александра III в Берлин и свидания его с императором германским Вильгельмом 5-го ноября 1887 года. К сожалению, газеты при письме не сохранилось.

В письме № 621 Толстой сообщает Победоносцеву о противодействиях сената тем мероприятиям правительства, которыми имелось в виду уничтожить обособленность прибалтийских провинций, в частности права баронов избирать пасторов к своим приходским киркам.

В.К. фон Плевел — товарищ министра внутренних дел.
Пален, К.И., см. № 606.

622. Законопроект об учреждении должности земского начальника, утвержденный 12 июля 1889 года.

623—627. Четыре письма и одна записка П.В. Оржевского, товарища министра внутренних дел, заведовавшего государственной полицией.

В письме № 623 Чалеев Иван Николаевич действительно с Пасхи 1887 года стал генералом.

Студент Шевырев арестован по делу 1-го марта 1887 года, см. № 610 и 615.

Письма № 624—626 и записка № 627 говорят о последнем моменте службы Оржевского во главе государственной полиции. По-видимому, «случай» 1-го марта 1887 года имел для Оржевского роковые последствия, тем более, что и ответственность по Петербургу не могла быть возложена единолично на П.А. Грессера, Петербургского градоначальника (ср. № 715).

К сожалению, упоминаемая в письме № 624 переписка по вопросу об охране в бумагах Победоносцева не сохранилась.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой — министр внутренних дел, непосредственный начальник Оржевского.

Особенно боялся Оржевский увольнения без отличия. Николаев Павел Никитич, товарищ министра финансов, был назначен членом государственного совета и даже присутствующим в департаменте государственной экономии; Оржевский 6-го апреля был уволен и повышения при увольнении не получил.

628. Справка об индийском принце дана Победоносцеву лицом не подписавшимся, по-видимому, директором департамента полиции П.Н. Дурново (см. № 689, 611).

629—643. Пятнадцать писем министра народного просвещения И.Д. Делянова к Победоносцеву.

В письме № 629 упоминаются сенатор Николай Николаевич Герард, бывший товарищем главноуправляющего ведомством императрицы Марии, и Иван Николаевич Дурново — главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии;

Капнист Павел Алексеевич, граф, попечитель московского учебного округа.

Драма Л.Н. Толстого — «Власть тьмы, ср. № 599 и 609.

Павский Герасим Петрович, известный профессор и академик, знаток еврейского языка. В 1887 году 4 марта петербургская духовная академия праздновала столетие со дня рождения Павского торжественным собранием, на котором произносили речи профессора Николаевский и Троицкий.

В письме № 630 упоминается Мор, Яков Георгиевич, директор 8-й петербургской гимназии. Победоносцев, по-видимому, сообщил Делянову о Море сведения неблагоприятные, быть может, основанные на родительских письмах, ср. № 728.

В письме № 631 упоминается доклад, в бумагах Победоносцева не сохранившийся.

Бычков Афанасий Федорович, директор Публичной библиотеки.

Уварова Прасковья Сергеевна, графиня, председатель московского археологического общества.

Дурново И.Н., см. № 629.

В письме № 632 упоминается Алексей, архиепископ Литовский и Виленский.

Мещерский князь, В.П. издатель журнала «Гражданин», всегда много говоривший о родственной связи своей с историографом Н.М. Карамзиным.

Графиня Толстая, жена министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, лечившегося от болезни летом 1887 года.

Катков М.Н. издатель газеты «Московские Ведомости».

Письма № 633—638 говорят о кончине М.Н. Каткова и о заботах Делянова по передаче газеты «Московские Ведомости» новому редактору. Министерство народного просвещения признавалось собственником газеты и сдавало ее в аренду редактору-издателю. По кончине Каткова 20 июля 1887 года пожелали взять его газету в аренду и наметились кандидатами в арендаторы: вдова Каткова Софья Петровна, генерал М.Г. Черняев, Цион И.Ф. и Петровский Сергей Александрович. Газета передана была Петровскому (см. № 638).

В письме № 636 упоминается Паулевич, по-видимому, тоже кандидат на «Московские Ведомости».

В письме № 637 Делянов полемизирует с сообщением Н.П. Гилярова-Платонова, издателя газеты «Современные Известия»,

неблагоприятным для кандидата на «Московские Ведомости» Петровского, которого, по-видимому, поддерживали и Делянов и Победоносцев.

Васильев — Сергей Васильевич Флеров, литературный, а главное, театральный обозреватель «Московских Ведомостей».

Феокистов Е.М. — начальник главного управления по делам печати.

Георгиевский, Александр Иванович — член совета при министре народного просвещения,

Иванов Г.А. — профессор Московского университета и некоторое время ректор.

В письме № 638 Делянов резолюцию Александра III считает плодом интриги, залезшей в Данию, где были родственники Александра III по супруге и где он проводил время отдыха.

В письме № 639 Делянов говорит о студентах, присуждаемых в дисциплинарные батальоны (см. № 408 и 640, примечание).

Сергиевский Николай Александрович, попечитель виленского учебного округа, см. № 61.

Письмо № 640 распадается на две части. В первой речь идет об анкете Пругавина, во второй — о студенческих беспорядках, охвативших в конце 1887 года почти все университеты.

Пругавин, Александр Степанович, публицист-этнограф. После неудач в изучении раскола и сект Пругавин занялся изучением грамотности в народе и издал «Программу для собирания сведений о том, что читает народ». По-видимому, Делянов запретил давать Пругавину сведения именно по этому делу.

Университетские беспорядки начались в Москве. 22 ноября, во время концерта в залах благородного собрания, студент 3-го курса юридического факультета Синявский нанес оскорбление действием инспектору студентов А.А. Брызгалову. Часть студентов отнеслась сочувственно к поступку своего товарища, начались сходки, с каждым днем принимавшие все большие размеры, и, наконец, 30 ноября, занятия в университете временно прекращены впредь до особого распоряжения (ср. № 717).

То же самое произошло в Харькове, Одессе и в Казани. Студент Казанского университета Алексеев за оскорбление действием инспектора Н.Г. Потапова отдан в дисциплинарный батальон военного ведомства сроком на три года. Занятия в трех университетах и в Харьковском технологическом институте были приостановлены.

- Министр внутренних дел — граф Д.А. Толстой.
 Князь Долгоруков В.А. — московский генерал-губернатор.
 Письмо № 641 говорит о тех же беспорядках, как и № 640.
 Рачинский, С.А. бывший профессор, см. № 46 и др.
 Грессер П.А. — градоначальник в Петербурге.
 Менделеев, Дмитрий Иванович — знаменитый профессор Петербургского университета по кафедре химии.
 Корньев Яков Алексеевич — помощник проректора в московском университете; его письмо не сохранилось.
 «Екатерина Александровна» этого письма, как и письма следующего № 642, — жена Победоносцева.
 Письмо № 642 посвящено защите полугодовых испытаний и свободы преподавания по проекту Делянова.
 Герье Владимир Иванович, известный профессор-историк Московского университета и основатель высших женских курсов.
 Сабуров А.А., бывший министр народного просвещения (см. № 116 и др.).

644—645. Два письма директора департамента полиции Петра Николаевича Дурново Победоносцеву со сведениями о привлечении к дознанию по делу 1-го марта 1887 года Тухомницкого, знакомого Новорусскому (см. № 610, 615 и 721).

646—648. Письмо директора департамента полиции Петра Николаевича Дурново, справка и письмо Анны Григорьевны Достоевской, вдовы писателя, жене Победоносцева Екатерине Александровне написаны по одному поводу — высылки за границу француза Жаклара, старого парижского коммунара, выслаемого, впрочем, за корреспонденции из Петербурга.

649. Письмо Петра Николаевича Дурново, директора департамента полиции, о знакомстве С. Зарудного с Шевыревым, привлеченным по делу 1-го марта 1887 года (ср. № 623 и 605).

650—655. Шесть писем министра юстиции Н.А. Манасеина Победоносцеву (см. № 432).

Письма № 650 и 651 говорят о прохождении в государственном совете законопроекта об ограничении гласного судопроизводства до инцидента с письмом Мартенса, см. № 606.

Три письма № 652—654 министра юстиции Н.А. Манасеина

по поводу возникшего предположения об увольнении сенатора Петра Александровича Сабурова от службы за разглашение государственной тайны. Дело возникло вследствие статьи в газете «Московские Ведомости», обнаружившей знакомство редактора газеты М. Н. Каткова с секретными договорами, заключенными Россией с Германией и Австрией. А так как во главе миссии послом с 1870 по 1884 год в Берлине был Сабуров и он же был знаком с Катковым, то кто-то пустил слух, что именно он выдал служебную тайну Каткову. Подробности этого дела и объяснения Сабурова см. в № 663—669. Увольнения не произошло.

Зиновьев Иван Алексеевич — начальник азиатского департамента в министерстве иностранных дел.

655. Письмо Н.А. Манасеина по наследственному делу Сергея и Павла Дервизов, сыновей железнодорожного строителя (см. № 12).

Владимир Григорьевич Коробьин (см. № 386) — сенатор гражданского кассационного департамента и член временного присутствия при государственном совете для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов сената.

А.А. Абаза — председатель департамента экономии государственного совета.

К.Н. Посьет — министр путей сообщения.

Адауров, Евграф Евграфович, инженер путей сообщения и начальник Московско-Брестской железной дороги.

Захарьин Г.А. — известный профессор-терапевт, лечивший министра внутренних дел графа Д.А. Толстого (см. № 616).

656—659. Три записки Половцова А.А., государственного секретаря, и при последней письмо к нему князя В.П. Мещерского, издателя газеты «Гражданин».

Стиль записок краткий и таинственный, и расшифровать их трудно. Половцов очень редко подписывал свои письма и записки к Победоносцеву.

В № 656 речь идет, по-видимому, о Томском университете.

Толстой Д.А., граф — министр внутренних дел.

В № 657 Абаза А.А. — председатель департамента экономии государственного совета.

660—662. Три письма Е.М. Феокистова, начальника главного управления по делам печати. Первые два письма (№ 660 и 661) говорят о драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (ср. № 599 и 609).

Всеволожский, Иван Александрович, директор императорских театров.

Воронцов-Дашков, И.И. граф, министр двора.

Фридберг, Петр Иванович, цензор драматических сочинений.

В № 662 упоминаемый викарий Арсений, епископ ладожский, ректор Петербургской духовной академии.

663—669. Письма и записки сенатора П.А. Сабурова по делу об обвинении его в разглашении государственной тайны и об увольнении его за это от службы (см. № 652—654).

Гатчина — резиденция Александра III.

Покойный государь — Александра II.

Ливадия — царское имение в Крыму.

Генерал Игнатъев Н. П., бывший потом министром внутренних дел, см., напр. № 35.

Барон Александр Генрихович Жомини — член совета при министре иностранных дел.

670. Письмо министра иностранных дел Н.К. Гирса, в ответ на письмо Победоносцева, не сохранившееся.

Нелидов, Александр Иванович, чрезвычайный полномочный посол в Турции.

671. Письмо Анатолия Николаевича Куломзина по поводу рескрипта Рейтерну М.Х., см. № 564 и 565.

672. Письмо Ивана Алексеевича Вышнеградского, управлявшего министерством финансов, по вопросу о персидских железных дорогах, см. № 673 и 675.

П.Г. фон Дервиз, см. № 12, 13, 108—112.

Зиновьев Иван Алексеевич, начальник азиатского департамента министерства иностранных дел.

673. Письмо П.В. Осипова, московского купца, о персидских железных дорогах, см. № 672 и 675.

674. Письмо И.А. Вышнеградского (см. № 672) И.Д. Делянову, министру народного просвещения, с сообщением депеши Ильи Фадеевича Циона, бывшего в Париже агентом министерства финансов и одновременно сотрудником газеты «Московские Ведомости», см. № 689, 692, 693, 740—753. Делянов препроводил это письмо Победоносцеву.

675. Письмо министра двора графа И.И. Воронцова-Дашкова по поводу персидских железных дорог (см. № 682). Проекты Дервиза и Осипова явились позднее, см. № 672 и 673.

Князь Николай Сергеевич Долгорукий, генерал-майор, был посланником в Персии.

676. Письмо Михаила Александровича Хитрово, посланника в Румынии.

Записка его о восточной политике не сохранилась в бумагах Победоносцева.

Николай Карлович — Гирс, министр иностранных дел.

Обручев Николай Николаевич — начальник главного штаба.

Михаил Никифорович — Катков, издатель газеты «Московские Ведомости», смертельно захворавший в это время.

Захарьин Г.А. знаменитый терапевт и профессор Московского университета.

В.К. Саблер, управлявший канцелярией синода.

677. Письмо Давида Ивановича Воейкова, члена статистического совета при министерстве внутренних дел. Записка при письме не сохранилась: очевидно, она была отправлена Победоносцевым по назначению.

678. Письмо главноуправляющего ведомством императрицы Марии Ивана Николаевича Дурново, по поводу назначения В.К. Саблера (см. № 676).

Надпись на письме о буре и гнев сделана карандашом рукою Победоносцева.

679. Письмо профессора Ф.Ф. Мартенса, неперменного члена совета министерства иностранных дел, по поводу инцидента в государственном совете при рассмотрении законопроекта об ограничении гласного судопроизводства. См. № 606 и 607.

По ошибке напечатано: «Велти не мог выдать», следует: «Велти мог выдать».

680. Письмо В.К. Фон Плеве, товарища министра внутренних дел, по поводу предположения московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова отобрать от города водопроводное дело.

Алексеев, Николай Александрович, московский городской голова.

681. Письмо Алексея Дмитриевича Пазухина, правителя канцелярии министра внутренних дел, об обеспечении семьи М.Н. Каткова.

Карамзин Н.М. — историограф.

682—686. Письма Н. А. Новосельского (см. № 344 и 729).

В письме № 682 Новосельский говорит о проекте Буатала относительно персидских дорог, см. № 675.

Мельников Александр Александрович, был вице-директором азиатского департамента, а потом посланником в Персии с 1883 г., в 1887 г. — сенатор.

Письма №° 683—686 говорят о личном деле Новосельского по участию его в закавказском железнодорожном строительстве, см. № 563, 567—568.

Вышнеградский И.А. — управляющий министерством финансов.

Воронцов-Дашков, И.И. граф — министр двора.

Рихтер Б.О. — командующий императорскою главною квартирой.

687. Письмо П.Н. Николаева.

П.Н. Николаев был товарищем министра финансов, а потом назначен членом государственного совета (ср. № 625). Ему ли принадлежит это письмо или оно — мистификация?

688. Письмо Николая Александровича Алексеева, московского городского головы. См. № 680.

689—694. Письма М.Н. Каткова, издателя газеты «Московские Ведомости».

Письма № 689 и 694 говорят об индийском принце, см. № 628.

В письме № 690 Катков посвящает Победоносцева в ту клевету, которая вскрыта была уже после кончины его (см. № 740—753). Сообщил ему о ней Щербань Николай Васильевич, публицист, сотрудник «Голоса», потом «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника» и редактор газеты «Nord», официального органа русского министерства иностранных дел, издававшейся в Брюсселе.

Моренгейм, Артур Павлович, русский посол во Франции.

Флоке — с 1885 по 1888 год президент французской палаты депутатов.

Катакази Константин Гаврилович, состоял по министерству иностранных дел, раньше был посланником русским в Америке. См. № 597.

Богданович Евгений Васильевич, член совета министра внутренних дел и издатель сочинений религиозного и патриотического содержания.

Адан — см. № 204.

В письмах № 692 и 693 Катков излагает подробные сведения о своей газете и о двух своих сотрудниках: Илье Фаддеевиче Ционе и Сергее Спиридоновиче Татищеве.

Сабуров Петр Александрович, сенатор, бывший послом в Берлине, см. № 652—654 и 663—669.

Письма из Рушука, приложенного к № 691, не сохранилось.

695. Письмо вдовы Каткова Софии Петровны с приложением, которое было передано по назначению (см. № 635).

696. Письмо Петра Ивановича Бартенева, издателя журнала «Русский Архив».

Иловайский Дмитрий Иванович, историк.

Толстой Д. А. граф, министр внутренних дел.

697—703. Семь писем неизвестного лица, все писаны одною рукою, по поручению Александра Васильевича, и ни одно не подписано.

704—705. Письма Александры Викторовны Богданович, жены Евгения Васильевича, по поводу вопроса об увольнении его от службы, см. № 690 и 691.

Записки Богдановича не сохранилось; очевидно, она была возвращена.

706. Письмо игуменши костромского Богоявленского монастыря Марии по поводу покушения 1 марта 1887 г., см. № 610 и др.

В конце письма речь идет об ответе обер-прокурора синода Победоносцева на адрес евангелического союза в защиту будто бы преследуемого в России иноверия (см. № 809).

707. Письмо князя Николая Петровича Мещерского, бывшего попечителя московского учебного округа, с попыткой отыскать в Германии виновников петербургских событий в марте 1887 г., см. № 610

Скобелев Михаил Дмитриевич, герой турецкой войны 1877 года, см. № 250 и др.

Скерневицы, см. № 479.

Кремзир — город в Моравии. Во дворце архиепископа здесь в 1885 году, в августе, состоялось свидание императоров России и Австрии.

О событиях в Болгарии, см. № 570.

708—711. Четыре письма князя В. П. Мещерского, издателя газеты «Гражданин». Близкая дружба с Победоносцевым в этом году порвалась бесповоротно вследствие скандала, см. № 632.

Вел. кн. М.Н. — великий князь Михаил Николаевич, председатель государственного совета.

«Воскресенье» — еженедельный иллюстрированный журнал Мещерского.

Красное — Красное Село, где в лагерях проживал великий князь Владимир Александрович, именинник 15 июля.

712—714. Письма и справки С.С. Полякова по вопросам о балканских и персидских железных дорогах (см. № 614 и 790).

Наш посол в Константинополе — Александр Иванович Нелидов. О Буатале см. № 682.

715. Письмо Николая Алексеевича Хвостова, товарища обер-прокурора во втором департаменте сената.

Оржевский П.В. — в то время товарищ министра внутренних дел, заведовавший полицией.

Грессер П.А. — градоначальник в Петербурге.

Куломзин А.Н. — управляющий делами комитета министров.

Граф Толстой Д.А. — министр внутренних дел, а раньше народного просвещения.

Пазухин Алексей Дмитриевич, правитель канцелярии министра внутренних дел.

Феокистов Е.М. — начальник главного управления по делам печати.

716—717. Два письма Н.А. Любимова, члена совета министра народного просвещения, профессора Московского университета (см. № 60).

Первое письмо (№ 716) посвящено умиравшему М.Н. Каткову, издателю газеты «Московские Ведомости».

Второе письмо (№ 717) критикует правительственную меру, обрушившуюся на университеты после беспорядков в конце 1887 года (см. № 640—642).

718. Письмо Щеглова Дмитрия Федоровича.

Автор письма пытается отыскать причины таких событий, как 1 марта 1887 года (см. № 610), и реабилитировать свое служебное положение.

Спасович Влад. Дан., юрист и писатель.

Стасюлевич М.М., издатель «Вестника Европы».

Плевако Ф.Н., известный адвокат.

719. Письмо Богомолова А. по поводу законопроекта об ограничении иностранного землевладения и колонизации в России.

О событиях в Болгарии, см. № 570.

720. Письмо Ек. Клейнмихель по семейному делу.

721. Письмо Вал. Тихомирова, являющееся самозащитой его ввиду намерения исключить его из академии только за то, что он был знаком с Новорусским (см. № 610 и 615).

722. Письмо из Парижа от Ив. Головина, «изгнанника», очевидно, потерявшего здоровье за границей, по крайней мере ответственное.

723. Письмо Владимира Николаевича Витевского, учителя русского языка в казанской учительской семинарии. Труд его напечатан в Казани в 1889—1897 гг.

Данилович Григорий Григорьевич, воспитатель царских детей (см. № 574 и 575).

724. Длинное письмо А. Копейкиной с повышенным уклоном в сторону религиозных видений.

725. Письмо Анны Гуриной, жены Василия Ивановича Гурина, председателя лубенского окружного суда.

726. Письмо Анны Степановны Нечаевой, родной сестры Ю. С. Нечаева-Мальцева (см. № 304 и 404). Нечаева благодарит Победоносцева за протекцию племяннику ее.

727. Анонимное письмо с характеристикой отношений разных слоев общества к Победоносцеву.

728. Анонимное письмо родителей учеников 8-й петербургской гимназии с характеристикой педагогических качеств начальников и учителей гимназии (ср. № 630).

729—732. Четыре анонимных письма с разными диагнозами и мерами к уврачеванию общественных и государственных зол.

В № 732 упоминается о веселии — это раут у вел. князя Владимира Александровича 3-го марта. 3-го же марта в. князь Константин Николаевич отбыл из Петербурга в Орианду (ср. намек на Мраморный дворец № 23).

733—753. Письма и документы за № 733—753 самим Победоносцевым выделены в одну группу и вложены в особую папку. Все они говорят об издателе газеты «Московские Ведомости» и касаются частью (№ 733, 734) случая с несостоявшимся предостережением газете Каткова (см. № 602), частью (№ 735—737 и 739) кончины Каткова, главная же масса их говорит о клевете на Каткова, распространенной в заграничной прессе.

Первые сведения о клевете Катков получил в последние дни своей жизни, см. № 690 и 691.

Дальнейшее разоблачение ее произвел Цион И.Ф. (см. о нем № 692 и 693).

754—760. Письма Александра III к Победоносцеву в 1888 году. Письмо № 754 предлагает Победоносцеву составить ответ на ново-

годнее приветствие московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова (ср. № 270, 364). В № 755 содержится этот ответ, по проекту Победоносцева, в форме рескрипта. Первая надпись принадлежит руке Победоносцева, вторая — Александра III.

Упомянутая в № 755 записка Любимова и письмо графа Воронцова-Дашкова И.И., министра двора, очевидно были возвращены, так как в бумагах Победоносцева их нет.

Об университетских беспорядках в конце 1887 года см. № 639—642, 717.

Любимов Н.А., см. № 717.

В письме № 757 сообщается о повторном случае невнимания монахов, см. № 600 и 601.

В письме № 759 сообщается ответ на опасения Победоносцева об упразднении Добровольного флота (ср. № 289).

Брат Алексей — главный начальник флота, ген.-адмирал вел. кн. Алексей Александрович.

Попов Василий Иванович.

761. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о назначении священника в Буэнос-Айрес.

Ионин Александр Семенович, посланник в Аргентинской республике.

Петр Христоферсен — генеральный консул в Буэнос-Айресе.

762. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева.

Приветствуя с праздником Пасхи, Победоносцев поднес только что напечатанную книжку под заглавием «Северные Цветы», выбор из стихотворений А. С. Пушкина. Выбор произвела супруга Победоносцева, Екатерина Александровна (см. № 779).

763. Поздравление, принесенное Победоносцевым поэту Аполлону Николаевичу Майкову, праздновавшему 30 апреля 1888 года свой юбилей.

764—767. Резолюция Александра III, доклад Победоносцева и три письма из Висбадена о насильственном отнятии у сербской королевы Наталии сына Александра, потом короля сербского.

В № 767 упоминается торжество девятисотлетия крещения Руси, отпразднованное 15 июля 1888 г. в Киеве. Тосты Победоносцева в этот день см. № 773. Победоносцев, отдыхая в Зальц-

бурге, приезжал на это торжество в Киев и потом снова вернулся за границу.

768. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о сочинении Владимира Сергеевича Соловьева «L'idée russe» и о статье передовой в «Московских Ведомостях» № 271 от 30-го сентября 1888 года, где напечатана критика брошюры Соловьева.

769—770. Резолюция Александра III, доклад Победоносцева и выдержки из письма нижегородского губернатора Н. М. Баранова, бывшего в 1881 г. градоначальником в Петербурге. Речь идет об Ашинове Николае Ивановиче, известном в свое время искателе приключений. В 1883 году он поехал в Абиссинию, выдал там себя за представителя русского правительства и желал устроить политическое и церковное сближение Абиссинии с Россией. Вернувшись в Россию, он стал именовать себя «вольным казаком» и снаряжать большую экспедицию. В 1889 году он был задержан французами в Западной Африке и передан русским властям, см. № 852.

Заключительная строка о грамоте принадлежит Победоносцеву.

771. Проект манифеста, написанный рукою Победоносцева, по поводу крушения царского поезда 17 октября, см. № 786.

772. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по делу, очень близкому к сердцу Александру III — см. № 608.

773. Речи и тосты Победоносцева на празднике девятисотлетия крещения Руси в Киеве 15 июля 1888 года.

774—775. Два письма Григория Григорьевича Даниловича, воспитателя царских детей (см. № 574, 575).

В первом письме (№ 774) Данилович сообщает Победоносцеву о возвращении наследника с похорон Вильгельма I, императора германского, и о возобновлении лекций Победоносцева.

Во втором письме (№ 775) Данилович сообщает о начале занятий с цесаревичем в осеннем семестре 1888 года.

776—779. Четыре письма графа Д.А. Толстого, министра внутренних дел.

Первые три (№ 776—778) касаются ограничительных мероприятий по Остзейскому краю. Приложения к письмам были, очевидно, возвращены, и потому трудно более точно установить предметы осведомлений Победоносцева.

Четвертое письмо (№ 779) говорит о получении Толстым книжки «Северные Цветы», изданной Победоносцевым, см. № 762.

780—781. Два письма И. Д. Делянова, министра народного просвещения.

При первом письме (№ 780) приложено письмо И.Ф. Циона, который упоминает о документах № 740—753.

Во втором письме (№ 781) Делянов говорит об А.А. Брызгалове, инспекторе Московского университета (см. № 640), и о Владиславлеве Михаиле Ивановиче, ректоре Петербургского университета, по поводу студенческих беспорядков.

Игуменья Мария, настоятельница костромского Богоявленского монастыря.

Долгоруков В.А. князь, московский генерал-губернатор.

Барсов Николай Иванович, профессор духовной академии, 3 апреля выступивший неофициальным оппонентом на диспуте в академии: Михаил Грибановский защищал магистерскую диссертацию. На диспуте были Победоносцев и Делянов, оставшийся до конца.

782—787. Письма Н.А. Манасеина, министра юстиции.

В письме № 782 речь идет о долгах бывшего министра юстиции.

Гр. Толстой Д.А., министр внутренних дел.

Михаил Николаевич — вел. кн., председатель государственного совета.

Фриш Эдуард Васильевич, член государственного совета.

Письмо № 783 снова возвращает внимание Победоносцева к законопроекту об ограничении гласного судопроизводства (см. № 606).

Нерсесов Нерсес Осипович, профессор гражданского права Московского университета.

Шубинский Н.П., известный адвокат в Москве.

Стояновский Н.И., см. 555.

Государственный контролер Д.М. Сольский.

Министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков.

И.Н. Дурново, главноуправляющий ведомством императрицы Марии.

Бильбасов Константин Алексеевич, вице-директор департамента в министерстве юстиции.

Конец письма говорит о законопроекте гр. Толстого, см. № 776—778.

В письме № 784 Манасеин сообщает о беспорядках в Межевом институте в Москве.

Шамшин Иван Иванович, управляющий межевой частью министерства юстиции.

Лялин Михаил Алексеевич, директор Межевого института.

В № 786 излагается телеграмма о крушении царского поезда.

В письме № 787 Манасеин излагает причины своего протеста против назначения в сенат Косаговского Павла Павловича, курского губернатора.

Татищев Александр Александрович, Ушаков Сергей Петрович, фон Лилиенфельд-Толь Павел Федорович и барон Икскуль фон Гильденбант Александр Александрович — сенаторы.

В Курске губернским предводителем дворянства был Александр Дмитриевич Дурново.

Гр. Толстой Д.А., министр внутренних дел.

Плеханов В.К., товарищ министра внутренних дел.

788—789. Два письма А.А. Половцова, государственного секретаря.

790. Письмо и отзыв министра финансов И.А. Вышнеградского по вопросу о персидских железных дорогах. См. № 712, 714, 682, 672 и 673.

791. Письмо Михаила Петровича Степанова, состоявшего при вел. князе Сергее Александровиче. Он говорит об Ашинове (см. № 769, 770 и 852) и о желании его взять с собою в Абиссинию Паисия в сане архимандрита.

Исидор, митрополит петербургский.

Н.К. Гирс, министр иностранных дел.

Н.П. Смирнов, товарищ обер-прокурора синода.

Директор канцелярии обер-прокурора Иван Александрович Ненарокомов.

Ильинское — подмосковное имение Сергея Александровича.

792—793. Два письма Федора Романовича фон дер Остен-Сакена, директора департамента внутренних сношений министерства иностранных дел (см. № 124 и 125).

Огарев Михаил Николаевич, консул в Ростоке и Висмаре, в Германии.

794. Письмо Г.П. Галагана см. № 63, 359, 401.

Киевские торжества, см. № 773.

Екатерина Александровна, жена Победоносцева.

Владимир Карлович Саблер, управляющий канцелярией си-нода.

795—796. Два письма князя В.П. Мещерского, см. № 632, 708—711.

797—798. Два письма Е. М. Феоктистова, начальника главного управления по делам печати.

«Наблюдатель» — ежемесячный журнал А.П. Пятковского. Предостережение дано за стихотворение Фофанова «Таинство любви».

Лесков Н.С., писатель; в это время готовилось к выходу Полное собрание его сочинений в 10 томах.

Пороховщиков А.А., известный строитель, издатель брошюр и предприниматель.

Иловайский Д.И., историк.

799. Письмо Н.А. Хвостова, см. № 715.

Татищев С.С., см. № 692.

800. Письмо Н.А. Новосельского, см. № 683—686.

801—802. Два письма графа Н.П. Игнатьева, бывшего министра внутренних дел, еще ранее заключившего Сан-Стефанский договор с Турцией после войны 1877—1878 гг. (см. № 35).

«Гражданин» — газета князя В.П. Мещерского, см. № 632, 708—711, 795 и 796

Татищев С.С., см. № 692.

Граф Андраши, министр иностранных дел в Австрии.

Князь Горчаков Александр Михайлович, канцлер.

Жомини Александр Генрихович, барон, и Гамбургер Андрей Федорович — русские дипломаты, члены совета министерства иностранных дел.

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский и Евгений Петрович Новиков — тоже дипломаты, занимали места послов в Австрии.

803. Письмо П.А. Грессера о зрелищах и увеселениях в праздничные дни.

804. Письмо М. С. Каханова, члена государственного совета, бывшего в числе учредителей Добровольного флота. В 1887 году 10 апреля праздновалось десятилетие Добровольного флота.

805. Письмо И.А. Шестакова, управлявшего морским министерством, по поводу десятилетия Добровольного Флота, см. № 804.

806—807. Письмо князя Михаила Родионовича Кантакузена-Сперанского, директора департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел. При письме копия письма папы (№ 807).

808. Письмо Бориса Павловича Мансурова по поводу ограничительных законопроектов для Остзейского края (см. № 776—778).

809. Письмо Властова Георгия Константиновича, почетного опекуна, попечителя петербургского коммерческого училища и автора больших трудов по истории и богословию.

Письмо написано по поводу изданной Победоносцевым переписки его с Эдуардом Навиллем, президентом Общества «Alliance évangélique» и шафгаузенскими пасторами. Навилль писал Александру III, а пасторы — Победоносцеву, желая остановить мероприятия в Прибалтийском крае, направленные к раскрепощению от засилия баронов и пасторов. В русском переводе эта переписка была напечатана в «Церковных Ведомостях» и в газете «Свет», № 38 за 1888 год под заглавиями: «Адрес евангелического союза Александру III» и «Письмо обер-прокурора синода к Эдуарду Навиллю».

810. Письмо Николая Петровича Вагнера, профессора зоологии в Петербургском университете и писателя («Кот мурлыка»). Он пишет против присяги в суде.

Письмо Дмитриева Федора Михайловича, сенатора, бывшего попечителя петербургского учебного округа, по поводу получения издания Победоносцева «Северные Цветы», см. № 762 и 779.

812—813. Послание (№ 813) архиепископа кентерберийского Платону, митрополиту киевскому, по поводу торжества десятилетия крещения Руси, 15 июля 1888 года, и ответ (№ 812) Платона.

814. Письмо Дубасовой А. по поводу театрального представления «Смерть Агриппины», драмы в 5 действиях В. П. Буренина.

815—817. Два письма (№ 815 и 816) и приложение к ним (№ 817) Егора Ивановича Барановского, почетного опекуна в Москве, служившего после Вдовьего дома в Елизаветинском институте в Москве.

818. Письмо А.В. Богданович, см. № 701 и 705.
Швейниц Лотарь фон, германский посол в Петербурге.

819. Письмо Ольги Алексеевны Новиковой, ур. Киреевой, см. № 147.

Стэд Вильям Томас — английский публицист, редактор «Pall Mall Gazette» и автор книги «The truth about Russia», 1888.

820—823. Приветствия Победоносцеву, первому председателю правления (см. № 1), и ответ его по поводу десятилетия Добровольного флота.

Кази М.И., см. № 2.

Баранов, Н.М., см. № 6; в 1888 году Нижегородский губернатор.

824. Письмо Ф.Г. Постникова — отзыв на тост Победоносцева за духовенство во время киевских торжеств 15 июля.

825. Письмо анонимное.

826. Справка департамента полиции о С.Я. Головацкой.

827. Письмо анонимное.

О Пашкове В.А., см. № 389.

828. Доклад Победоносцева и резолюция Александра III по поводу ответа Победоносцева Навиллю (см. № 809).

829—841. Двенадцать писем написаны Победоносцеву по поводу его ответа Навиллю (см. № 828).

Письмо № 829 написано графом Павлом Сергеевичем Страновым, состоявшим по министерству иностранных дел.

Письма № 830. и 831 написаны министром внутренних дел графом Д.А. Толстым, причем первое не имеет отношения к данной серии писем к Победоносцеву.

Письмо 832 написано И.Д. Деляновым, министром народного просвещения.

Письмо № 834 написано князем Михаилом Константиновичем Багратион-Мухранским.

Письмо № 835 — Ивана Устиновича Палимсестова, агронома-писателя.

Письмо № 839 написано игуменией костромского монастыря Марией.

Письмо № 840 написано К.Г. Катакази, см. № 738.

Письмо № 841 — Ивана Васильевича Холмогорова, профессора и почетного члена Харьковского университета, юриста.

842—847. Шесть писем императора Александра III Победоносцеву.

В № 842 Александр III просит составить ответ московскому генерал-губернатору на новогоднее поздравление (см. № 848, 849 и 754).

В № 843 речь идет о беспорядке в одном из калужских монастырей, см. № 870.

В № 845 Александр III пишет, очевидно, о деле по поводу крушения царского поезда, см. № 880 и 881.

Рихтер Оттон Борисович, командовавший императорскою главною квартирой.

Министр юстиции Н.А. Манасеин.

Половцов А.А., государственный секретарь.

Министр путей сообщения Константин Николаевич Посыет.

В № 846 речь идет о кончине министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, последовавшей 25 апреля от паралича сердца, после тяжелой болезни. Управление министерством поручено главноуправляющему ведомством императрицы Марии Ивану Николаевичу Дурново. Рескриптом 6 мая Дурново назначен министром внутренних дел (см. № 847, 861—863).

В № 847 как раз содержится распоряжение об изготовлении рескрипта (см. № 861—863).

848. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева с поздравлением на новый 1889-й год. В минувшем году было крушение поезда 17 октября (см. № 786).

Ответ Долгорукову см. № 842, 849 и 851.

849 и 851. Проекты Победоносцева рескрипта московскому генерал-губернатору кн. В. А. Долгорукову.

850. Камерфурьерское объявление на день нового года 1 января 1889 года.

852. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о Н.И. Апинове (см. № 769 и 770).

853. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по поводу книги «Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770—1837)». Издание А. Брикнера. Часть первая. СПб. 1888».

854. Резолюция Александра III. и доклад Победоносцева по вопросу о генерал-губернаторстве в Киеве. Этот пост оставался не замещенным.

Романович-Славатинский Александр Васильевич, профессор энциклопедии русского законодательства в Киевском университете. Записка его не была возвращена.

855. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по поводу представления княгиней Мещерской М. А. (см. № 853) копии письма графа Н.П. Панина к Марии Феодоровне, вдове Павла I. Письмо касалось, очевидно, кончины Павла I.

856—860. Резолюция Александра III и пять докладов Победоносцева о труде и предложении сенатора Д. А. Ровинского (см. № 453).

Шувалов Павел Андреевич, граф, посол в Берлине.

Кудрявцев Алексей Николаевич, генеральный консул в Берлине.

861—863. Резолюция Александра III и два доклада Победоносцева, с приложением проекта рескрипта Ивану Николаевичу Дурново, см. № 846 и 847.

864. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о необходимости закрыть тотализатор.

Гр. Воронцов-Дашков И.И., министр двора и главноуправляющий государственным коннозаводством.

865. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о книге «Сочинения Ю.Ф. Самарина», том девятый. М. 1888 На XVII — XVIII стр. предисловия рассказана история 12-дневного заключения Самарина в Петропавловской крепости.

866—868. Резолюция Александра III и доклады Победоносцева о денежных затруднениях вел. кн. Александры Петровны (см. № 446—448).

Янышев Иоанн Леонтьевич, протопресвитер придворного духовенства.

869. Проект доклада Победоносцева о несовместимости бала с трауром.

870—874. Пять писем министра юстиции Н.А. Манасеина.

В первом письме речь идет о беспорядке в одном калужском монастыре, см. № 843.

Калужский епископ Анастасий.

В № 871 Манасеин пишет о своем докладе по делу о крушении царского поезда (см. № 786 и 845).

Граф Толстой Д.А., министр внутренних дел.

Паукер Герман Егорович, министр путей сообщения.

Посыет К.Н., член государственного совета, бывший министр путей сообщения.

В письме № 872 Манасеин пишет о законопроекте о земских начальниках, см. № 622.

В письме № 873 Манасеин снова возвращается к делу о крушении царского поезда, см. № 871.

Черевин Петр Александрович числился в конвое императора.

Гюббенет фон Адольф Яковлевич, министр путей сообщения с апреля 1889 года, после смерти Паукера.

В письме № 874 Манасеин сообщает проект сообщения о крушении царского поезда, написанный Кони А.Ф., обер-прокурором уголовных департаментов сената, см. № 880 и 881, ср. № 875.

875—879. Пять писем А.А. Половцова, государственного секретаря.

Первое письмо (№ 875) сообщает о результате всех расследований дела о крушении поезда, см. № 874 и др.

Остальные четыре письма (№ 876—879) говорят исключительно о личных делах и карьере Половцова. Дело представляется так. На царском приеме в Гатчине Половцов, по его словам, «подвергся грубой выходке». Сейчас же издатель «Гражданина» набросился на Половцова в своей газете. Расстроенный Половцов задумал удалиться в отставку, но потом, когда начал очищаться пост государственного контролера, из-за назначения Сольского Д.М. председателем департамента законов в государственном совете, Половцов просил Победоносцева помочь занять освобождающееся место через председателя государственного совета, вел. кн. Михаила Николаевича, но успеха не имел.

Каханов М.С., член государственного совета.

«Терций» — Тертый Иванович Филиппов, товарищу государственного контролера.

880—881. Два письма А.Ф. Кони (см. № 874) по поводу дела о крушении царского поезда. Конец дела — см. № 875.

882. Письмо Бориса Павловича Мансурова, члена государственного совета, по поводу назначения в государственный совет барона Владимира Михайловича Менгдена и Петра Ивановича Саломона.

883. Письмо В.П. Мансурова (см. № 882); в конце письма речь идет о железнодорожных тарифах и о новом министре финансов И.А. Вышнеградском.

884. Письмо Соловьева И. о финале предприятия Апинова (см. № 852, 769 и 770).

885. Письмо барона В. М. Менгдена, по поводу назначения его членом государственного совета (см. № 882).

886. Резолюция Александра III на письме Зарудной, вдовы С.И. Зарудного, см. № 137.

887. Адрес крестьян Старо-Водолажской волости, по поводу избавления от опасности при крушении поезда 17 октября 1888 года, см. № 786.

888. Письмо анонимное, из Нижнего, от военного, бывшего на войне, перенесшего две опалы: наконец рука, вписавшая иностранные слова — убеждает, что именно Баранов Н. М. писал это письмо.

889—891. Письмо Александра III, резолюция его же и доклад Победоносцева с приложением проекта ответа московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову на новогоднее его приветствие. См. № 842 и др.

892. Письмо Александра III, без указания газеты, в которой напечатаны отзывы о сочинениях Л.Н. Толстого.

893. Резолюция Александра III и выдержка из письма Игнатьева о денежных делах вел. кн. Александры Петровны, см. № 446—448 и 866.

894. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о резком отзыве кн. В.П. Мещерского в газете «Гражданин» о речи епископа Виссариона.

895. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о картине художника Н.Н. Ге.

И.Н. Дурново — министр внутренних дел.

Грессер П.А. — петербургский градоначальник.

896—897. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о гравюрах сенатора Д.А. Ровинского, см. № 856—860.

898. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о книге Самарина.

899. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева о митрополитах Платоне и Иоанникии.

900. Резолюция Александра III и представление Победоносцевым царю письма графини Дампнер.

901. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о новом издании сенатора Ровинского Д.А., см № 896—897.

903. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева о митингах в Лондоне и в Москве.

Письмо лондонского священника не сохранилось.

Янышев И.А. — протопресвитер придворного духовенства.

Соловьев Вл.С. — известный философ.

Стааль Егор Егорович — посол в Лондоне.

Морьер — английский посол в Петербурге.

904. Отзыв Победоносцева о предположении министерства народного просвещения учредить женский медицинский институт (см. № 912).

Шанявский — известный благотворитель на дело народного образования.

905—906. Письмо Александра III и проект Победоносцева для ответа на новогоднее приветствие Московского генерал-губернатора кн. В.А. Долгорукова (см. № 889).

907. Письмо Александра III по поводу перевода митрополита московского Иоанникия в Киев.

Оболенский-Нелединский-Мелецкий В.С., князь, гофмаршал, см. № 260.

908—910. Телеграммы Александра III и Победоносцева, по случаю дня серебряной свадьбы Александра III.

911. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по поводу путешествия по Дальнему Востоку наследника Николая Александровича (см. № 914—916).

Дурново И.Н. — министр внутренних дел.

912. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о женском медицинском институте (см. № 904).

913. Справка Победоносцева.

914. Телеграмма И.Н. Дурново, см. № 911.

915—916. Письма сибирских архиепископа Вениамина и миссионера Шергина по поводу путешествия наследника по Дальнему Востоку (см. № 911, 914).

917. Письмо И.Н. Дурново, министра внутренних дел, о случае в Японии, при посещении которой наследником он был там ранен.

Черевин Петр Александрович, начальник конвоя.

Кн. Барятинский Владимир Анатольевич, сопровождал наследника в путешествии.

918—921. Четыре письма Н.А. Манасеина, министра юстиции.

Три письма (№ 918—920) говорят о личном деле Манасеина, неудовольствии императора на него, и о желании его уйти в отставку (ср. № 876 и 877).

Последнее письмо (№ 921) говорит о кандидатах в товарищи министра юстиции.

Неклюдов Николай Адрианович, сенатор и профессор уголовного права.

«М-в» — очевидно, Николай Валерианович Муравьев, обер-прокурор кассационного уголовного департамента сената.

Голубев Иван Яковлевич, сенатор кассационного гражданского департамента.

Бутовский Петр Михайлович, обер-прокурор первого департамента сената.

Горемыкин Иван Логинович, обер-прокурор второго департамента сената.

Тизенгаузен Виктор Александрович, граф, обер-прокурор кассационного гражданского департамента сената.

Завадский Владислав Ромулович, старший председатель московской судебной палаты.

Безродный Леонид Васильевич, сенатор.

Мамшин Иван Иванович, сенатор, управляющий межевой частью.

Гончаров Сергей Сергеевич, старший председатель тифлисской судебной палаты.

Герард Николай Николаевич, сенатор межевого департамента.
Красовский Михаил Васильевич.

Чихачев Николай Матвеевич, управляющий морским министерством.

«Т-ий» — Тертый Иванович Филиппов, государственный контролер.

922—923. Два письма Федора Адольфовича Оома, заведовавшего канцелярией императрицы.

924—925. Два письма Николая Яковлевича Грота, профессора Московского университета, председателя психологического общества, по поводу реферата Вл. С. Соловьева, философа (см. № 768).

926—931. Пять писем и одна отметка Александра III.

Ванутели — кардинал.

В отметке Александра III отказывается уверять послов в мирных намерениях, при новогоднем поздравлении.

932. Резолюция Александра III на новогоднем поздравлении Победоносцева.

933. Резолюция А. III на докладе Победоносцева о картине художника Ге (ср. № 895).

«Брат Владимир» — вел. кн. Владимир Александрович, президент Академии художеств.

Гр. Толстой Иван Иванович — конфер.-секретарь Академии художеств.

934—937. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева, письма О.Б. Рихтера и Н.А. Манасеина, министра юстиции, со справкой, касаются одного предмета — возвращения в Россию В.А. Бурова.

938—939. Резолюция Александра III на докладах Победоносцева при поднесении книг Мальцева А.П. и собственной.

940. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева об аудиенции епископам.

941. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о браке Николая Николаевича.

Граф Воронцов-Дашков И.И., министр двора (см. № 947).

942. Резолюция Александра III и доклад о неизвестной статье.

943. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева об аудиенции епископам.

944. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о письме из С.-Франциско и об аудиенции митрополиту петербургскому.

945. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по поводу назначения жалованья духовенству.

946. Письмо Вл.С. Соловьева по поводу реферата его в психологическом обществе, см. № 924 и 925.

947. Письмо министра двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова о женитьбе Николая Николаевича, см. № 941.

948. Письмо Циона И.Ф., см. № 740—753.

Петровский Сергей Александрович — редактор-издатель газеты «Московские Ведомости», после М. Н. Каткова.

Витте Сергей Юльевич, министр финансов, после Вышнеградского.

949—951. Три резолюции Александра III на докладах Победоносцева при поднесении книг.

952. Резолюция Александра III на телеграмме студентов-болгар из Киева.

953. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева о поднесении иконы.

954. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по благотворительному делу.

Войков Николай Васильевич, помощник командующего главной квартирой.

955. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о нападении на него.

Фриш Эдуард Васильевич, главноуправляющий кодификационным отделом государственного совета.

956. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева по семейному делу Барятинских. Записка не была возвращена.

957. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева при поднесении воспоминаний об Э. Раден.

958. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева о письме из Белграда и об аудиенции.

Н.К. Гирс — министр иностранных дел.

Письма Васильевича в переписке нет; очевидно, оно осталось у Гирса, см. № 960.

959. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о беспорядках в тифлисской семинарии.

Сергей Алексеевич Шереметев, главноначальствующий на Кавказе.

960. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о новом письме из Сербии, см. № 958.

961—962. Два письма Н.А. Манасеина, министра юстиции, с предчувствием отставки после какого-то инцидента, ср. № 918—920.

963. Письмо епископа Николая.

Ермолов Алексей Сергеевич, министр государственных имуществ после М.Н. Островского.

Тверской — литературный псевдоним зарубежного сотрудника журналов «Вестник Европы» и «Неделя».

964. Письмо И.Ф. Циона с дальнейшими разоблачениями газетных подкупов.

Щербань, см. № 690 и 691.

Татищев С.С., см. № 692 и № 799.

Суворин А.С., издатель газеты «Новое Время».

Шатохин П.П., сотрудник газеты «Московские Ведомости».

Яковлев — Павловский Иван Яковлевич, сотрудник газеты «Новое Время».

Любимов Н.А., член совета министерства народного просвещения, был профессором Московского университета.

Феоктистов Е.М. начальник главного управления по делам печати.

Грингмут Владимир Андреевич, сотрудник, а потом редактор газеты «Московские Ведомости».

965. Письмо анонимное.

966. Резолюция Александра III на новогоднем поздравлении Победоносцева.

967. Резолюция Александра III на поздравлении по случаю помолвки дочери Александра III Ксении Александровны.

968—970. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева и письмо Победоносцева к вел. кн. Константину Константиновичу, с приложением письма Николая Константиновича (№ 970).

971. Резолюция Александра III на докладе Победоносцева о древнем храме на Кавказе.

Саблер В.К., товарищ обер-прокурора.

972. Резолюция Александра III и доклад Победоносцева о женитьбе наследника, см. № 973.

973. Резолюция Александра III и поздравление Победоносцева, см. № 972.

974. Заметка Победоносцева о службе чиновников гражданского ведомства.

975—981. Семь писем Победоносцеву по поводу речи его в заседании русского исторического общества 26 февраля 1895 года, посвященной памяти скончавшегося в 1894 году императора Александра III.

Письмо № 975 от М.И. Кази, см. № 820.

Письмо № 976 от С.А. Петровского, издателя газеты «Московские Ведомости».

Письмо № 977 от Озерова Д.

Письмо № 978 от Энгельгардта Р.

Письмо № 979 от Алексея Павловича Игнатьева, Киевского генерал-губернатора.

Письмо № 980 от Льва Александровича Тихомирова, в то время сотрудника, а потом издателя газеты «Московские Ведомости».

Письмо № 981 от поэта графа А.А. Голенищева-Кутузова к неизвестному лицу, переславшему это письмо Победоносцеву.

982—1086. Почти сто писем Александра III, еще в бытность его наследником цесаревичем, к К.П. Победоносцеву, своему учителю.

Письма № 982—986 передают Победоносцеву или поздравления, или известия о занятиях.

В № 987 содержится проект письма Победоносцева к наследнику по поводу кончины митрополита Филарета. Победоносцев отправлялся в Москву вместе с великим князем Владимиром Александровичем как представителем императора.

Письмо № 988 — ответ наследника на предыдущее (№ 987) письмо Победоносцева.

В нем наследник посылает поклоны своим профессорам, проживавшим в Москве: Сергею Михайловичу Соловьеву, Ивану Кондратьевичу Бабсту, Борису Николаевичу Чичерину и Федору Ивановичу Буслаеву.

В письме № 989 наследник просит Победоносцева переслать и письмо А. Ф. Тютчевой.

В письме № 990 наследник просит переслать письмо и портрет лицу, указанному Победоносцевым.

В письме № 991 наследник благодарит Победоносцева засылку писем Ю.Ф. Самарина.

В письме № 992 наследник благодарит Победоносцева за поздравление с рождением второго сына Александра, умершего в малолетстве.

Владимир и Алексей — братья наследника.

В письме № 994 речь идет о Батюшкове Помпее Николаевиче.

Письмо № 995 впервые говорит об установившемся потом обычае — просить Победоносцева отвечать на ответственные письма и приветствия.

Елена Павловна — великая княгиня, покровительница литературы и музыки.

В письме № 996 говорится о будущем издателе газеты «Гражданин».

В письме № 997 — игуменья Мария костромского Богоявленского монастыря.

В письме № 998 говорится о получении иконы от Почаевской лавры.

В письме № 999 наследник благодарит за книгу, не называя ее, и сообщает о жизни в Ливадии на Южном берегу Крыма.

В письме № 1000, к сожалению, доклад не назван и при письме не сохранился.

Письмо № 1001 говорит об игуменье Марии (см. № 997), письмо ее не сохранилось.

Не сохранилось и письмо игуменьи, упоминаемое в следующем № 1002.

В письме № 1003 поздравление и извещение о получении книги, без названия ее.

В письме № 1004 просьба проредактировать ответ московскому городскому голове.

В письме № 1005 упоминается игуменья Мария, см. № 997 и 1001.

В письме № 1006 просьба переслать образ неизвестному священнику.

В письме № 1007 просьба написать ответ курскому городскому голове. Телеграмма не сохранилась.

В письмах № 1008—1010 речь идет о просьбе неизвестного Полякова, повторившего просьбу через много лет, см. № 954.

Тимашев Александр Егорович — министр внутренних дел, см. № 68.

В письме № 1010 говорится о Добрянском А. И., см. № 329—330.

Зиновьев В. В.

Поляков, см. № 1008 и 1009.

В письме № 1011 благодарность за книгу А. Печерского «В лесах» и сведения об авторе.

Записка Ю.Ф. Самарина не названа.

В письме № 1012 — Добрянский, см. № 1010.

В письме № 1013, между прочим, говорится об игуменье Марии см., № 1005, 1002, 1001.

В письме № 1014 говорится о записке, не сохранившейся; не названа и книга Лескова Н.С.

Письмо № 1015 вскрывает подробности неопределенного, напряженного положения перед объявлением войны Турции.

Горчаков Александр Михайлович, канцлер.

Милютин Дмитрий Алексеевич, военный министр.

Игнатьев Николай Павлович, граф, в то время русский посол в Константинополе.

Адлерберг А. В., граф, министр двора.

Мещерский В. П., см. № 996.

Письмо № 1016 характеризует еще продолжение неопределенного положения (см. № 1015).

Аксаков И. С., славянофил, муж Анны Федоровны Тютчевой.

Два письма (№ 1017 и 1018) с театра Турецкой войны. где наследник командовал особым отрядом.

«Ник. Ник.», — Николай Николаевич старший, главнокомандующий.

В письме № 1019 упоминается Ермаков С.А.

В № 1020—1024 мелкие записки с просьбами и указаниями.

С № 1025 и по № 1031 речь идет о Добровольном флоте, только что начинавшем свою жизнь (см. № 1); во главе его стал наследник, а Победоносцев был назначен председателем правления.

В № 1030 упоминается Стебль Эдуарда Андреевич, русский посланник в Вашингтоне.

В № 1031— Черноморское общество пароходства и торговли встретило конкурентов в судах Добровольного Флота. Генерал-адмирал — Константин Николаевич, вел. кн.

В № 1033 упоминается Васильевич, сербский посланник в Петербурге.

Дубасов Федор Васильевич, прославившийся во время Турецкой войны; потом московский генерал-губернатор.

В № 1034 упоминается Воронцов-Дашков И.И., будущий министр двора.

Баранов Н. М. см. № 6.

В № 1035— Токаревское дело, см. № 157.

Баранов, см. № 1034.

К № 1036 приложение не сохранилось.

В № 1037 наследник сообщает свой взгляд на желание кн. Мещерского издавать «Гражданин».

В № 1038 упоминаются Игнатъев (см. № 1015) и московский генерал-губернатор кн. В.А. Долгоруков, ставший во главе московского комитета для сбора пожертвований на Добровольный флот.

В № 1039 речь идет о записках Баранова, надо думать, по поводу возникших слухов о неправильном приписывании ему некоторых успехов в Турецкую войну (герой «Весть»).

В № 1040 разумеется композитор Римский-Корсаков Николай Андреевич.

В № 1041 упоминается Саблин — командир парохода.

Поленов Дмитрий Васильевич, сенатор, археолог и библиограф.

Именины дочери Ксении 24 января.

В письмах № 1042 и 1043 упоминается Баранов Н.М., см. № 1039.

В № 1044 сообщается о покушении Соловьева на Александра II.

В № 1045—1054 содержатся краткие сведения по текущей жизни Добровольного Флота и командиров и офицеров его пароходов. О Вахтине и переезде Михаила Николаевича см. № 1 и 3.

О Митрополове см. № 202 и др.

Васильковский А.С. см. № 424.

В письме № 1055 речь идет о рапорте М. И. Кази, см. № 3. Историю с Барановым см. № 1039.

Князь Я.А. Орлов — посол в Париже.

Маков А.С. — министр внутренних дел.

Фредерикс Владимир Борисович, впоследствии министр двора.

Анучин Дмитрий Гаврилович, потом генерал-губернатор Восточной Сибири.

Мещеринов Григорий Васильевич, потом начальник войск в Казани.

Ольга Федоровна — жена наместника кавказского вел. кн. Михаила Николаевича.

В письме № 1056 снова о деле Баранова, см. № 1039.

Лесовский Степан Степанович — морской министр.

В письме № 1057, как и в других, упоминаются дела Добровольного Флота и история Баранова.

Гурко Иосиф Владимирович, герой Турецкой войны.

В коротких письмах № 1058—1060 упоминается Игнатъев Н.П. граф, бывший посол в Турции.

В письме № 1061 упоминается Зарудный С.И. участник реформы 1861 года.

Посыет Константин Николаевич, воспитатель Алексея Александровича, потом министр путей сообщения.

Рождественский Зиновий Петрович, моряк.

Платон, архиепископ Рижский.

Суд над Барановым, см. № 1039.

В письме № 1063 речь идет о записке Голохвастова, см. № 4.

В № 1064 говорится о записке Баранова в пользу крейсеров, против броненосцев морского министерства.

В № 1065 Горчаков А.М., канцлер и Н.К. Гирс, товарищ министра иностранных дел.

Граф Путятин Ефимий Васильевич, адмирал, плавал на фрегате «Паллада» с Гончаровым.

В № 1066 речь идет о снятии запрещения с газеты «Голос» А. А. Краевского.

Маков Л.С., министр внутренних дел.

В кратких письмах № 1067—1074 сообщаются сведения о записке Баранова (см. № 1064) и о переговорах с Д.А. Милютиным, военным министром, и о других делах по Добровольному флоту.

Архимандрит Николай, японский миссионер, потом епископ.

В письме № 1075, по-видимому, речь идет по поводу писем С.А. Рачинского, учительствовавшего в глуши Бельского уезда и переписывавшегося с Победоносцевым.

В письмах № 1076—1080 говорится о Баранове Н.М., делах Добровольного флота, о жизни в Гапсале и в Александрии — Петергофе.

В письме № 1081 просьба переслать церковную утварь архимандриту Николаю, японскому миссионеру, и сообщение об окончании дела Баранова (см. № 1039).

Константин Николаевич (К. Н.) — генерал-адмирал.

В письме № 1082 Тотлебен Эдуард Иванович, герой Турецкой войны, потом Виленский генерал-губернатор.

Бунге Н.Х., товарищ министра финансов.

Грейг Самуил Алексеевич, с 1866 года товарищ министра фи-

нансов, с 1874 года государственный контролер и с 1878 года министр финансов.

В письме № 1083 речь идет о затруднительном финансовом положении Добровольного флота и о необходимости ему правительственной субсидии.

Лорис-Меликов М. Т., диктатор, министр внутренних дел последних дней Александра II.

В № 1085 говорится об адмирале Попове Андрее Александровиче, строившем суда, названные «поповками» (см. № 1079).

Содержание

1884 год	3
1885 год	50
1886 год	107
1887 год	202
1888 год	383
1889 год	464
1990 год	495
1891 год	507
1892 год	521
1893 год	532
1894 год	545
<i>Приложение. Письма Александра III в бытность цесаревичем</i>	<i>555</i>
<i>Примечания</i>	<i>600</i>

Научно-популярное издание

***Константин Петрович Победоносцев
и его корреспонденты***

Воспоминания. Мемуары

ТОМ II

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.